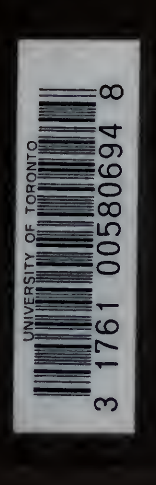

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00580694 8

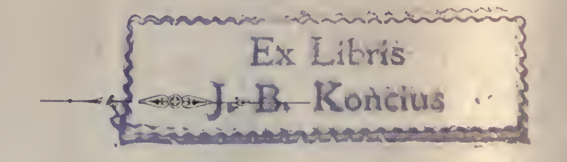

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Николая Костомарова.

ИЗДАНІЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

ТОМЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Траншеля, на углу Невск. и Влад. пр., д. № 45 — 1.
1872.

НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

въ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

НАЧАЛО ЕДИНОДЕРЖАВІЯ

въ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Писатели, сообщающіе историческія свѣдѣнія о древнихъ Славянахъ, согласно между собою показываютъ, что въ тотъ періодъ, когда исторія начала знакомиться съ славянскими племенами, Славяне не терпѣли единовластія, оказывались неспособными къ сплоченію и образованію государствъ, до чрезвычайности любили свободу и, по причинѣ своего свободолюбія, жили малыми общинами или республиками, не только не додумавшись до установленія между этими общинами взаимной охранительной связи, но оставляя необузданный произволъ ссорамъ и недоразумѣніямъ, которыя неизбѣжно должны были возникать между ними. Не слѣдуетъ видѣть въ этомъ какого-нибудь исключительнаго, какъ бы судьбою заранѣе предназначеннаго племеннаго свойства. Славяне долѣе своихъ европейскихъ соплеменниковъ сохранили тотъ характеръ разбивчивости и первобытнаго натуральнаго свободолюбія, который хотя съ многоразличными и своеобразными видоизмѣненіями въ разныя времена существовалъ вездѣ и у всѣхъ. Ссорами славянъ пользовались иноплеменники, и потому славяне безпрестанно попадали въ рабство, то къ тѣмъ, то къ другимъ. Такъ проходили вѣка за вѣками. Порабощеніе дикими

или полудикими завоевателями не могло быть долговременно: по скудости условій жизни завоевателей, при всей временной тягости, оно не составляло большаго отпечатка на нравахъ и обычаяхъ побѣжденныхъ и покоренныхъ. Славяне самою судьбою, безъ большихъ усилій, освобождались отъ иноплеменнаго ига, но потомъ легко и скоро подпадали подъ другое. Несчастія мало ихъ научали. Гдѣ только славяне были предоставлены самимъ себѣ, тамъ они оставались съ своими первобытными качествами и не выработывали никакого прочнаго общественнаго строя, пригоднаго для внутренняго порядка и внѣшней защиты. Только крѣпкое завоеваніе или вліяніе иноземныхъ стихій могло бы привести ихъ къ тому. Шляхетская Польша, едва ли не самая чистая славянская нація, сохранившая въ своемъ національномъ характерѣ тѣ черты, которыми отличались славяне за тысячелѣтія, рѣзко показала исторіи, къ какому политическому и общественному строю способны придти славяне, предоставленные себѣ самимъ, совбодно развивая свои древніе національные задатки. Польша выработала себѣ республику, но безъ тѣхъ свойствъ и условій, которыми можетъ держаться республика; дала своей республикѣ монархическую внѣшность, но питала постоянное отвращеніе къ монархіи и вѣчно опасалась превратиться въ настоящую монархію. Такъ дѣлалось въ той славянской странѣ, которая менѣе другихъ подвергалась насильственному давленію иноземщины. Въ Чехіи монархическій элементъ былъ вносный, нѣмецкій. Въ Сербіи онъ явился временнымъ продуктомъ византизма и не представлялъ ничего прочнаго. Но Русь сроднилась съ монархизмомъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе славяне; только здѣсь онъ вошелъ въ плоть и кровь народа до такой степени, что русское политическое общество сдѣлалось почти немыслимымъ иначе, какъ въ образѣ монархіи.

Въ наукѣ существовало и до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что развитіе монархическаго принципа слѣдуетъ видѣть во всемъ ходѣ русской исторіи, съ водворенія княжескаго варяжскаго рода, или такъ-называемаго основанія русскаго го-

сударства. Выводили монархію изъ того родового быта, въ которомъ пребывали славяне въ незапамятныя времена, такъ что послѣдующая эпоха царскаго самодержавія представлялась естественнымъ продолженіемъ того, что возрастало послѣдовательно и непрерывно многіе вѣка, и весь смыслъ нашей политической исторіи, главнымъ образомъ, заключается въ постепенномъ построеніи единодержавнаго государства. Такой взглядъ, съ видоизмѣненіями въ подробностяхъ, высказывали многіе достопочтенные дѣятели русской исторической науки и, сообразно такому взгляду, они не признавали за татарскимъ завоеваніемъ ничего важнаго, ничего такого, что бы измѣнило нашъ общественный бытъ и наши понятія объ устройствѣ государственнаго тѣла. Татарское завоеваніе, по ихъ мнѣнію, отразилось только разореніемъ и народными бѣдствіями; но и безъ татарскаго завоеванія на Руси вышло бы тоже самое, что вышло путемъ непрерывнаго развитія на непреложномъ основаніи историческихъ законовъ. Г. Кавелинъ, наприм., приписывалъ зародышъ монархическаго принципа особенностямъ великорусскаго племени, которое позднѣе другихъ составилось изъ переселенцевъ западной и южной Руси въ восточныя страны, смѣшавшихся тамъ съ народами финно-тюрскаго племени, но согласно съ г. Соловьевымъ и онъ не признаетъ вліянія татарскаго завоеванія на послѣдующее устройство Россіи. Не такъ это было на дѣлѣ.

I.

Въ древнія доисторическія времена славяно-русскій народъ разбивался на народцы: каждый имѣлъ свое особое названіе, свои обычаи, свою исторію и свою генеалогію: послѣднее показывается лѣтописцемъ о радимичахъ и вятичахъ, производившихъ себя отъ родоначальниковъ Радима Вятка; мы думаемъ, что и вообще названіе народа на «ичи», чаще всего означало происхожденіе отъ родоначальника. По словамъ на-

шего стараго лѣтописца, каждый изъ этихъ народцевъ отличался «своимъ нравомъ и обычаемъ»; несогласно жили они между собой, напротивъ, вели междоусобныя войны, какъ показываетъ вражда, существовавшая между полянами и древлянами. Такая рознь славянскихъ племенъ, жившихъ на русскомъ материкѣ, не изгладила, однако, между ними сознанія общаго для всѣхъ племеннаго единства и оттого-то они всѣ легко усвоили названіе русскихъ. Самое время, когда возникло это общее для нихъ возваніе, еще не опредѣлено исторіею окончательно. Во времена болѣе ясныя мы застаемъ слово «Русь» какъ бы мѣстною принадлежностью земли полянъ; но это слово тогда имѣло и болѣе обширное значеніе, обнимавшее вообще всѣ славянскія племена нынѣшняго русскаго материка: такъ лѣтописецъ, пересчитавъ эти племена одно за другимъ; говоритъ: «ся бо словенескъ языкъ въ Руси», и слѣдовательно разумѣетъ подъ этимъ словомъ всю страну, населяемую пересчитанными племенами, а между тѣмъ онъ писалъ въ то время, когда Русью означали преимущественно кіевскую землю. Нельзя навѣрное утверждать, что это названіе занесено къ намъ пришлыми варягами, какъ обыкновенно думаютъ. Быть можетъ, оно было нашимъ домашнимъ названіемъ и прежде, такъ что еще въ глубокой древности, когда славяно-русскія племена не соединены были властью единаго княжескаго рода, уже для нихъ существовалъ общій признакъ единенія подъ общимъ для всѣхъ названіемъ Руси. Во всякомъ случаѣ, если нѣсколько народцевъ могли додуматься до взаимнаго избранія единой власти надъ собою, а другіе болѣе или менѣе легко усвоивали объединяющее начало, то это одно показываетъ, что, при разности обычаевъ и нравовъ, между славянно-русскими народами было сознаніе ихъ связи, склонявшее всѣхъ къ единенію. При такой наклонности къ единству, вмѣстѣ съ существованіемъ собственныхъ нравовъ и обычаевъ въ каждомъ народцѣ отдѣльно, зародышъ федераціи лежалъ въ первобытномъ строѣ общественнаго быта. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ первоначальныхъ

признакахъ; которые, какъ ростки, указываютъ на будущее растеніе, а не воображаемъ себѣ существованія какихъ-либо формъ общественной связи, способныхъ быть причисленными къ видамъ федераціи.

Каждый изъ народцевъ составлялъ уже до нѣкоторой степени политическую единицу подъ названіемъ «Земли». Слово это, въ полномъ его значеніи, мы встрѣчаемъ при описаніи покоренія древлянъ Ольгою. Послы прибывшіе въ Кіевъ сватать Ольгу за князя своего Мала, объявили ей, что ихъ послала вся Деревская Земля.... Такимъ образомъ, видно, что понятіе о Землѣ, какъ о политической единицѣ, совмѣщавшей въ себѣ самовластіе народа, понятіе, которое мы встрѣчаемъ развитымъ и укорененнымъ въ болѣе поздніе времена, существовало и въ отдаленныя эпохи. Гдѣ была Земля, тамъ необходимо должно было быть и собраніе Земли; иначе, безъ этого собранія, Деревская Земля не могла бы посылать отъ себя пословъ; слѣдовательно тогда уже были вѣча — слово, означающее совѣщательное собраніе Земли. Кромѣ вѣча, у Земли были и начальники—князья. Впослѣдствіи, мы ясно видимъ, что гдѣ была Земля, тамъ было и княженіе, а иногда и нѣсколько княженій; тоже было и въ болѣе отдаленное время; изъ нашего же стараго лѣтописца мы узнаемъ, что еще до прибытія варяговъ у каждаго изъ народцевъ было, кромѣ своей Земли, еще и свое княженіе; «Держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ въ Деревахъ свое, а Дреговичи свое, а Словѣни свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже Полочане». Здѣсь княженіе совпало съ Землею. Какого роду были эти князья—мы не знаемъ; были ли то родоначальники, дѣлавшіеся князьями по рожденію и по праву родоваго старѣйшинства, или же то были князья, выбранные на совѣщаніи Земли,—лѣтописцы объ этомъ молчатъ. Едва ли есть какіе-нибудь положительные признаки, по которымъ можно заключить такъ или иначе. Мы также не знаемъ, куда дѣлись эти князья съ ихъ родами послѣ прибытія варяговъ съ ихъ родомъ, и какъ они исчезли. Несомнѣнно только то, что съ половины IX вѣка,

другой родъ, призванный извнѣ (если только на слово вѣрить лѣтописнымъ сказкамъ), начинаетъ замѣнять прежнихъ князей славяно-русскаго материка. Подробности, съ какими совершалась эта замѣна у русско-славянскихъ племенъ, отъ исторіи ускользнули, кромѣ Деревской Земли.

Пріемы, съ какими управляли наши первые пришлые князья, показываютъ, что у нихъ не было сознанія государственнаго начала. Власть ихъ ограничивалась сборомъ дани съ тѣхъ, съ кого собрать было можно. Цѣль достигалась двумя способами: первый состоялъ въ томъ, что князь разъѣзжалъ по землямъ и бралъ сколько могъ; такой способъ имѣлъ характеръ набѣга и грабежа, — продолженіе того же, что случалось прежде до призванія варяговъ и что описываетъ лѣтописецъ такими словами: «имяху варязи дань на словенехъ и на чуди и на кривичехъ»; другой способъ собиранія дани — посредствомъ назначенія по городамъ «мужей». Посланный въ городъ, къ которому тянула Земля, окруженный приведенною съ нимъ военной силой, такой «мужъ» собиралъ дань вмѣсто князя и отправлялъ ее къ князю, получая себѣ часть за труды. Вначалѣ размѣръ дани не былъ установленъ; князья и ихъ мужи обирали покоренныя племена по своему произволу, и сами подвергались опасности сдѣлаться жертвою ожесточенія народа, если онъ потерпитъ терпѣніе и возстанетъ на своихъ «мучителей»; тогдашніе собирали дани, по сказаніямъ самого лѣтописца, «мучили» покоренныхъ: о Свѣнельдѣ, воеводѣ Игоря, говорится: «и примучи Уличи». Не только самъ князь и посланные имъ мужи, но и княжескіе бояре со своими дружинниками, по собственному произволу, ходили вымучивать дань у слабыхъ и разъединенныхъ славянскихъ племенъ. Такъ дружина князя Игоря завидовала дружинѣ Свѣнельда и говорила своему князю: «Свѣнельдовы отроки изодѣлись оружіемъ и платьемъ, а мы наги, пойдемъ, княже, собирать дань; и ты добудешь, и мы. Здѣсь слышится такая же рѣчь, какую услышали бы во всѣ времена отъ шайки разбойниковъ, обращающейся къ своему атаману съ требованіемъ поступить такъ,

какъ поступила съ выгодою для себя шайка другого атамана. Способъ обращенія Игоря съ данниками изобличаетъ вполнѣ разбойничій характеръ. Набравши дани и возвращаясь домой, Игорь разсудилъ, что древляне народъ смирный и податливый, и задумалъ ограбить ихъ побольше. Ни о какомъ правительственномъ устроеніи покоренной Земли Игорь не думалъ: онъ оставлялъ Древлянской Землѣ ея князя, ея вѣче и древляне невозбранно могли сотворить совѣщаніе между собой о томъ, какъ избавиться отъ разбойниковъ: «повадится волкъ въ овчарню — говорили они — выведетъ все стадо, если не убьютъ его». Таковъ былъ приговоръ ихъ вѣча. Убили игоря, перебили его дружину, точно также, какъ бы перебили всякую другую разбойничью шайку. Описаніе этого событія въ нашей лѣтописи—живой образчикъ того, какъ въ то время собиралась дань; и въ такомъ собираніи состояла вся дѣятельность власти пришлыхъ князей надъ покоренными народами. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы такое обирательство славянорусскихъ народовъ должно было совершаться только посредствомъ иноплеменниковъ, и на такомъ предвзятомъ мнѣніи выводить, что вся княжеская дружина состояла исключительно изъ иноплеменниковъ. Для составленія разбойничьей шайки не нужно, чтобы въ этой шайкѣ были исключительно люди иного племени, а не того, который терпитъ отъ ея разбоевъ. Разбойничья шайка легко составляется изъ того же народа, который она разоряетъ; и если въ дружинѣ Игоря были варяги, то конечно были молодцы изъ разныхъ туземцовъ и, вѣроятно, преимущественно кіевляне, которые находились въ давней враждѣ съ древлянами, а потому наѣздническая алчность должна была у нихъ соединиться съ народною непріязнью къ сосѣдямъ, Вообще въ тотъ вѣкъ было много охотниковъ жить насиліемъ надъ другими. Это послѣднее свойство вѣка подало князьямъ важнѣйшее средство распространять свою власть надъ покоренными народами. То былъ наборъ военныхъ силъ, который, вѣроятно, происходилъ въ большомъ размѣрѣ, судя по частымъ и широкимъ войнамъ съ Византіей. Въ рати

Олега, по словамъ лѣтописца, находились не только всѣ извѣстные ему народы славянскаго племени на русскомъ материкѣ, но также инородцы — чудь и меря. У Игоря, кромѣ русско-славянскихъ племенъ, были и варяги и печенѣги. Нельзя предполагать здѣсь чего-нибудь въ родѣ военной повинности; звать съ собою на войну было въ тѣ времена скорѣе честь, чѣмъ обязанность. Стоило Олегу и Игорю послать мужей и кликнуть кличъ, и къ нимъ тотчасъ стекались радимичи, сѣверяне, кривичи, словене, уличи и тверцы. Лѣтописецъ, замѣтивъ, что Олегъ велъ рать (войну) съ тверцами, скоро послѣ того помѣщаетъ этихъ враговъ въ ряду воиновъ, пошедшихъ съ Олегомъ къ берегамъ Босфора. Тѣ же тверцы, которые упорно отбивались отъ наѣздника, естественно пошли съ этимъ же наѣздникомъ за одно, лишь только онъ указалъ имъ вдали общую добычу.

Понятно, что часто повторяемые походы на Византію содѣйствовали сближенію русскихъ народовъ, участвовавшихъ въ этихъ походахъ, но до государственности было еще далеко. Въ періодъ отъ прибытія Рюрика до Владиміра напрасно искать зачатковъ государства. Правда, въ исторіи мы не рѣдко встрѣчаемъ примѣры, когда завоевательный духъ полагалъ основу государственному принципу, — но когда! Когда завоеватели, такъ или иначе, стремились занять края побѣжденныхъ народовъ, осѣсться въ нихъ прочно и установить какой-нибудь порядокъ. У варяжскихъ князей и ихъ дружинникъ, какъ внутри русскаго материка, такъ и въ войнахъ съ византійской имперіей, не было другой цѣли, кромѣ добычи. Походъ Святослава на Болгарію предпринятъ былъ въ такомъ же наѣздническомъ духѣ, какой руководилъ его предшественниками въ дѣлахъ съ славянорусскими народцами. Легкость, съ какою Святославъ промѣнивалъ русскій Кіевъ на болгарскій Переяславецъ, наглядно указываетъ, что варяжскіе князья за цѣлое столѣтіе власти надъ русскими славянами не выработали для себя на русской почвѣ государственныхъ взглядовъ и понятій. Что наѣздническое на-

гагленіе власти въ ранній періодъ нашей исторіи было причиною того, что эта пришлая власть не измѣнила древнихъ народныхъ обычаевъ и быта, не приносила съ собою ничего существенно новаго, и народы при благопріятныхъ условіяхъ, могли впослѣдствіи развиваться на собственныхъ началахъ. Земли оставались съ своимъ самоуправленіемъ; наѣздники довольствовались грабежемъ, гдѣ только представлялся случай; около нихъ толпились молодцы, готовые вмѣстѣ съ ними поживляться насчетъ кого бы то ни было. Такимъ образомъ, князья расправлялись съ русскими при помощи не только варяговъ, но и русскихъ: съ полянами ходили на древлянъ, съ сѣверянами на радимичей, съ кривичами на уличей или тиверцевъ и т. д., и со всѣми ими ходили они грабить грековъ. Варяжскія князья, владѣя славянскими народами, не требовали отъ нихъ существенныхъ измѣненій быта. Долгое время подчиненные народы, платя дань наѣздникамъ, имѣли своихъ князей. По крайней мѣрѣ посланные отъ Игоря заключать договоръ съ греками, были «отъ великаго князя русскаго и отъ всякое княжья и отъ всѣхъ людей русскіе земли».

Замѣчательно, что Ольга первая является въ исторіи съ нѣкоторыми признаками государственности; это видно изъ установленія дани и уроковъ. До тѣхъ поръ не было никакого установленія: брали сколько хотѣли. У Ольги разбойничій наѣздъ сталъ замѣняться подобіемъ закона. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что великая княгиня Ольга поступила такъ вслѣдствіе знакомства съ пріемами греческой образованности, которое должно было произойти послѣ крещенія. Мы допускаемъ это тѣмъ болѣе, что годъ крещенія Ольги никакъ нельзя отнести къ году путешествія ея въ Константинополь, описаннаго императоромъ Константиномъ: изъ того же описанія видно, что она была уже крещена, потому что имѣла въ своей свитѣ духовника, слѣдовательно, крещеніе ея должно было произойти ранѣе, можетъ быть въ Кіевѣ, а мо-

жетъ быть и въ Цареградѣ, только не въ тотъ пріѣздъ, о которомъ сохранилось византійское извѣстіе, а потому установленіе дани и уроковъ могло случиться тогда когда она была уже крещена и ознакомилась съ греческими понятіями о законѣ.

Но такъ или иначе, а признаки государственныхъ дѣйствій въ поступкахъ Ольги были также исключительны и единичны, какъ ея крещеніе, и не положили основанія единодержавному государству на Руси. Въ послѣдующія за тѣмъ времена давняя раздѣльность выказывается рѣзко. При ольгиномъ сынѣ Святославѣ, новгородцы приходятъ въ Кіевъ просить себѣ князя вовсе не такъ, какъ подданные, а какъ независимый народъ; они грозятъ кіевскому князю, что если онъ не дастъ имъ князя, то они и безъ него и сами себѣ выберутъ въ иномъ мѣстѣ. Святославъ покорилъ вятичей и наложилъ на нихъ дань, но вятичи, скоро послѣ смерти завоевателя, не хотѣли повиноваться его преемникамъ, должны были подвергаться новымъ завоеваніямъ и до конца XI вѣка управлялись своими князьями не рюрикова рода: одного изъ такихъ князей, Ходоту, побѣдилъ уже Владиміръ Мономахъ. Въ Земляхъ кривичей и дреговичей, тотчасъ послѣ смерти Святослава, появляются князья не ихъ рюрикова рода—въ Полоцкѣ Рогволодъ, а въ Туровѣ Туръ: то были пришельцы изъ-за моря; неизвѣстно, откуда они прибыли и какимъ образомъ усѣлись въ русскихъ земляхъ, но во всякомъ случаѣ, они не были посажены князьями кіевскими, слѣдовательно бѣлорусскій край не принадлежалъ послѣднимъ.

Владиміръ открылъ новую эпоху сплоченія славянорусскихъ народовъ. Съ чужеземною помощью варяговъ этотъ князь побѣдилъ и уничтожилъ своего брата Ярополка, истребилъ Рогволода съ семьей, овладѣлъ затѣмъ полоцкою Землею, усмирилъ возставшихъ вятичей и присоединилъ къ Кіеву югозападную часть славянорусской страны, которую оспаривали ляхи (Червень, Перемышль и другіе города). Владиміръ, какъ показываетъ лѣтописецъ, одолженъ былъ своими успѣхами

пришлой силѣ варяговъ, и хотя отослалъ ихъ въ Грецію, когда они стали ему въ тягость, но часть ихъ оставилъ у себя и роздалъ нѣкоторымъ изъ нихъ города въ управленіе. Это показываетъ, что кіевскій князь нуждался въ иноземной силѣ для поддержанія своей власти. Вятичей ему приходилось укрощать еще одинъ разъ. Взбунтовались и радимичи, но воевода Владимира, Волчій Хвостъ, укротилъ ихъ. Способъ власти надъ укрощенными радимичами оставался прежній: побѣжденные должны были давать дань и возить повозъ (подводы). Этимъ и ограничивалось ихъ подчиненіе Кіеву.

Такимъ образомъ, и при Владимирѣ-язычникѣ власть князя надъ подчиненными народами продолжала имѣть прежній наѣзднической характеръ. Она по прежнему поддерживалась дружиною, составленною изъ разныхъ пришельцевъ; кто хотѣлъ, тотъ и поступалъ къ князю; кто былъ угоденъ князю, тотъ и возвышался передъ другими. Недаромъ старыя пѣсни о временахъ Владимира Краснаго-Солнышка приводятъ его богатырей изъ разныхъ странъ: кто изъ земли греческой, кто изъ заморья, кто изъ града Леденца (олицетвореніе сѣверныхъ холодныхъ странъ), кто изъ Галича, кто изъ Мурома, кто изъ города, кто изъ села, кто поповскій сынъ, кто крестьянскій. Эта дружина знала одного князя; князь ее одѣвалъ, поилъ, кормилъ, ласкалъ: она была подпорою князю, исполняла его волю, за то и князь зависѣлъ отъ дружины, долженъ былъ совѣтоваться съ нею и даже потакать ея своеправію и прихотямъ. Такимъ образомъ, дружина Владимира, зазнавшись, не хотѣла ѣсть деревянными ложками и потребовала серебряныхъ. Владимиръ исполнилъ ея желаніе: «Серебромъ и золотомъ не найду дружины, а дружиною найду серебро и золото; такъ и отецъ и дѣдъ мой дружиною доискались серебра и золота». Такія слова влагаетъ лѣтописецъ Владимиру, и они краснорѣчиво изображаютъ тогдашнія понятія о власти: цѣль ея была — добыча, а средствомъ для достиженія цѣли — дружина, пестрая шайка удальцовъ, набранныхъ отовсюду.

Но вмѣстѣ съ дружиною сила князя опиралась также на кіевлянахъ или полянахъ, какъ на первенствующемъ племени, среди котораго князь жилъ и съ которымъ долженъ былъ дѣлить господство надъ другими покоренными народами. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ случаи, когда князь, кромѣ дружины, совѣтывался съ градскими старцами, а эти градскіе старцы были, безъ сомнѣнія, старцы всей земли русской, т.-е. кіевской. Этого мало; соображая тогдашнія обстоятельства, мы видимъ, что самое принятіе христіанства произошло какъ уступка воли Кіева: городъ этотъ давно уже былъ знакомъ съ христіанскою вѣрою; она уже выдержала въ немъ борьбу съ язычествомъ и явно брала перевѣсъ. Оттого-то въ Кіевѣ не видно ни малѣйшей тѣни сопротивленія, тогда какъ въ другихъ земляхъ оно было.

Надобно мысленно отступить за нѣсколько столѣтій назадъ, устранить все прожитое и усвоенное русскимъ народомъ въ послѣдующія времена, войти въ міръ первобытной культуры, стать на точку зрѣнія дѣвственнаго народа, уразумѣть объемъ его дѣтскихъ понятій, почувствовать то, что онъ чувствовалъ и тогда только можно сообразить, какой великій переворотъ приносило въ Русь христіанство. Цѣлый міръ новыхъ невѣдомыхъ до того понятій, связей, отношеній открывался разомъ младенчествующему міросозерцанію язычниковъ. Явилась церковь, такое общественное тѣло, о которомъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія, съ своеобразными пріемами, съ новыми правилами жизни, явилась письменность, понятіе о книжномъ знаніи; сверхъ обычая, явился божественный законъ; сверхъ отеческаго преданія—нравственный долгъ.

Вмѣстѣ съ церковью явилось непремѣнно и государство, хотя бы въ младенчествующемъ образѣ; христіанство безъ него невозможно; христіанство можетъ существовать только среди общества сколько-нибудь устроеннаго, а самая церковь, какъ благоустроенное общество вѣрующихъ, должна была послужить моделью тѣмъ же вѣрующимъ, чтобы стремиться къ созданію у себя благоустроеннаго общества политическаго.

Представлялось одно изъ двухъ: либо съ христіанствомъ долженъ былъ войти въ Русь новый, чуждый для нея государственный строй изъ того края, откуда пришла новая вѣра, либо тѣ задатки гражданственности, какіе существовали въ языческомъ быту, должны были, подъ вліяніемъ христіанской образованности, выработываться въ государственные признаки. Православіе не вводило въ новопросвѣщаемый край ни чужаго языка, ни чужихъ административныхъ и юридическихъ формъ; оно мирилось со всякими формами, ни сколько они ни стояли слишкомъ въ разрѣзъ съ главными началами христіанства: оно старалось только, такъ-сказать, охристіанить то, что находилось въ язычествѣ. Таковъ основной духъ православія; такимъ оно явилось и у насъ. Пришедшая къ намъ изъ Греціи вѣра создала у насъ царство «не отъ міра сего»: церковь наша была одинакова съ греческою, но формы греческой имперіи къ намъ вмѣстѣ съ нею не перешли. Политическая и гражданская Византія могла соприкасаться съ Русью исподволь, безъ всякаго требованія со стороны вступавшей въ свои права церкви не только усвоивать ея аттрибуты, но даже и знакомиться съ ними. Наше старое могло развиться, только видоизмѣняясь по мѣрѣ сближенія съ христіанствомъ. На самобытную жизнь земель церковь не нападала; правда, она всегда благопріятствовала тѣмъ стремленіямъ къ единенію, какія встрѣчала въ политической жизни, но дѣйствовала тихо, не давала толчковъ впередъ, а только помогала ходу того, что уже само собою, по стеченію чисто мірскихъ обстоятельствъ, приходило въ движеніе. Впрочемъ, въ самомъ устройствѣ церкви было нѣчто отчасти совпадавшее съ тѣмъ сочетаніемъ самобытности частей съ единствомъ цѣлаго, которое лежало въ нѣдрахъ стихій русской жизни. Такимъ образомъ, подъ первенствомъ митрополита всея Руси устроивались епископства въ главныхъ городахъ земель, и о-бокъ политической автономіи земли возникала въ той же землѣ и церковная автономія.

Справедливо говорятъ, что нужно много времени, пока выростетъ молодое посаженное деревцо. Политическія и гражданскія идеи, съ которыми долженъ былъ ознакомить русскій народъ послѣ принятія христіанства, не могли скоро воплотиться и окрѣпнуть. Власть все еще выражалась собираніемъ дани съ подвластныхъ народовъ; это продолжало быть ея главнымъ признакомъ, но съ княжескимъ значеніемъ осязательнѣе и прочнѣе соединилась нравственная обязанность защищать землю отъ внѣшнихъ враговъ и творить въ ней правый судъ. Эта идея существовала уже и въ древности, въ эпоху призванія князей, если, повторимъ, оно дѣйствительно было такъ, какъ передаетъ его преданіе, если только слова, произнесенныя новгородскими славянами и ихъ союзниками: «идите володѣть нами *по праву*», не вложены (какъ мы сильно подозрѣваемъ) впослѣдствіи людьми, получившими уже большее развитіе и знакомыми съ идеею права. Но несомнѣнно, идея эта сознавалась язычниками очень слабо и еще слабѣе воплощалась въ жизни. Допустимъ даже, что князья дѣйствительно призвались для внутренняго порядка и внѣшней защиты: все-таки это дѣлалось въ такой вѣкъ, когда люди въ своихъ поступкахъ соображались болѣе съ побужденіями, страстями и обстоятельствами, чѣмъ съ сознаніемъ справедливости. Понятно, что князья заботились усерднѣе о своихъ ближайшихъ выгодахъ, чѣмъ о порядкѣ въ землѣ и о спокойствіи ея жителей; притомъ же, стеченіе обстоятельствъ и положеніе русскаго края повели къ тому, что нравственное значеніе призванія князей съ устроительными цѣлями должно было ослабиться и даже совсѣмъ забыться въ первыя же времена. Мы видѣли, что князья стали наѣздниками и обирателями подвластныхъ народовъ; само по себѣ разумѣется, что ихъ отношенія къ покореннымъ были не тѣ, какія могли быть къ признавшимъ ихъ добровольно, а въ послѣдствіи, когда число покоренныхъ стало больше числа признавшихъ, отношенія ихъ къ тѣмъ и другимъ стали одинаковы. Въ итогѣ выходило все равно — были ли князья въ началѣ признаны, или же они овладѣли посред-

ствомъ оружія всѣми безразлично—послѣдующія обстоятельства поставили ихъ такъ, что они для славянорусскихъ народцевъ могли быть только въ родѣ атамановъ разбойничьей шайки, называемой дружиною, и болѣе ничѣмъ. Христіанство, внушая князьямъ вообще нравственныя понятія, возродило и выдвинуло впередъ то нравственное значеніе княжескаго званія, которое лежало въ самой его сущности, какъ въ званіи правителя; принявши крещеніе, князь долженъ былъ почувствовать, что на немъ лежитъ долгъ, что если онъ пользуется выгодами и почетомъ своего званія, за то и самъ обязанъ понести на себѣ трудъ за другихъ; языческій эгоизмъ страстей долженъ былъ, хотя бы до нѣкоторой степени, подчиниться христіанской идеѣ служенія обществу. На князѣ христіанинѣ возлегла обязанность употребить свою власть и значеніе на распространеніе христіанства между подвластными: это представлялось ему какъ средство для собственнаго спасенія души; такимъ образомъ, для самого князя явилась иного рода польза быть княземъ, кромѣ собиранія дани и собственнаго обогащенія. Князь христіанинъ, князь распространитель христіанства постоянно находился въ связи и общеніи съ духовенствомъ; близко знакомился съ церковнымъ порядкомъ и сталъ переносить пріемы церковнаго быта въ сферу своего княжескаго управленія. Вотъ, князья познакомились съ Кормчею; они должны были сообразно съ нею установлять у себя степени подчиненія церковному суду и указывать границы церковнаго вѣдомства; плодомъ этого были дошедшіе до насъ уставы о церковныхъ судахъ Владимира, Ярослава и др. Этого мало; въ Кормчей князья нашли, кромѣ церковныхъ законовъ, еще и гражданскіе и изъ нихъ узнали что такое было у образованныхъ народовъ мірское письменное законодательство, какъ установлялись права, обозначавшія гражданскую жизнь, что почиталось преступленіемъ и какъ преступленіе наказывалось. Эти «градскіе» законы византійскихъ царей, встрѣчаемые при нашихъ старыхъ Кормчихъ, правда, не были у насъ обяза-

тельнымъ кодексомъ, но несомнѣнно послужили моделью законности и даже нерѣдко практически прилагались къ дѣлу, по силѣ того уваженія, какое въ народахъ менѣе образованныхъ существуетъ къ народамъ, стоящимъ выше ихъ по образованію. Вмѣсто того, чтобы быть наѣздникомъ и грабителемъ, христіанство требовало отъ князя, чтобы онъ былъ правителемъ, судьею, защитникомъ и охранителемъ своего народа; церковь указывала ему впереди идеалъ главы государства.

Но до этого идеала было далеко; его не допускали закоренѣлые нравы, понятія и взгляды народа.

II.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ воображать себѣ Владимира и Ярослава монархами и, хваля за мудрое строеніе государства, обвинять ихъ за отеческую слабость, съ какою, они, по мнѣнію нѣкоторыхъ, разрушивъ собственную работу, раздавали волости своимъ сыновьямъ и тѣмъ раскрыли дорогу безконечнымъ ссорамъ и усобицамъ. Если ужъ приходится хвалить или порицать этихъ дѣятелей давно минувшихъ вѣковъ нашей исторіи, то ихъ скорѣе можно похвалить за тотъ раздѣлъ Руси между сыновьями, за который ихъ порицали. Мы такъ думаемъ именно потому что этотъ фактъ приводилъ Русь къ единству, а не отдалялъ ее отъ него. Впрочемъ, ни Владимиръ, ни Ярославъ не могли имѣть такихъ понятій о единствѣ русской земли, какія выработались въ болѣе близкія къ намъ времена. Для нихъ, какъ и для всѣхъ ихъ современниковъ, Русь, въ обширномъ смыслѣ этого слова, была все еще преимущественно скученіемъ народцевъ, обязанныхъ платить дань Руси въ тѣсномъ смыслѣ, «иже дань даютъ Руси». Куда досягало княжеское собирательство дани, тамъ была и Русь; слѣдовательно, Русь могла расширяться и съужаться, смотря по обстоятельствамъ: по отно-

шенію къ кіевскому князю политическій составъ Руси не имѣлъ въ себѣ ничего органически единаго, кромѣ платежа ему дани.

Но съ христіанствомъ возникало для нея другое единство—единство вѣры, а вмѣстѣ съ нею возникала потребность и единства пріемовъ управленія, насколько вѣра касалась общественной жизни. Для такого-то единства раздача волостей сыновьямъ была не помѣхой, а скорѣе содѣйствіемъ. Это единство было гораздо прочнѣе тогда, когда по разнымъ землямъ, прежде по отношенію къ власти, политически соединеннымъ однимъ платежемъ дани кіевскому князю, усѣлись сыновья этого кіевскаго князя, чѣмъ тогда, когда бы тамъ сидѣли бояре или посадники, несвязанные между собой единствомъ рода: такіе посадники со своими дружинами при первой же возможности отложились бы отъ Кіева и въ разныхъ мѣстахъ появились бы свои Рогволоды и Туры, какихъ мы видѣли у кривичей и дреговичей при началѣ княженія Владимира. Мы въ подробности не знаемъ тѣхъ средствъ, какими не допускали до этого Владимиръ и Ярославъ, но по естественному ходу вещей, при первой слабости кіевской власти, необходимо угрожалъ бы разрывъ плохо сшитыхъ кусковъ разношерстной ткани, чему можно уподобить тогдашній аггломератъ народовъ, платившихъ Кіеву дань. Замѣтимъ еще, что власть Кіева надъ Землями легче могла држаться прежде, пока все ограничивалось только платежемъ дани, а затѣмъ ничего болѣе не требовалось,—чѣмъ тогда, когда христіанство породило иныя требованія, при которыхъ было необходимо тѣснѣйшее соприкосновеніе власти съ народною жизнью: распаденіе было неизбѣжно, если бы не явились событія, послужившія мѣрами къ его предотвращенію. Кіевская власть могла поручить воеводѣ Волчьему-Хвосту укрощать радимичей и заставить ихъ платить дань и возить повозы, но кіевской власти не было возможности слѣдить за механизмомъ управленія, правосудіемъ, распространеніемъ христіанства и безопасностью отдаленныхъ Зе-

мель; пришлось бы повѣрить все княжескимъ боярамъ и передать имъ такую власть, которая довела бы ихъ до значенія самостоятельныхъ владѣтелей, и результатомъ такого порядка вышло бы то, что—либо намѣстники отложились бы отъ Кіева, либо Земли, недовольныя ломкою старыхъ обычаевъ и тягостью кіевскаго управленія, воспользовались бы слабостью послѣдняго и пріобрѣли независимость. Водвореніе князей въ различныхъ земляхъ предохранило отъ опасностей того и другого рода. То, что иначе долженъ былъ дѣлать кіевскій князь, управляя отдаленными краями, то дѣлалъ теперь князь, помѣщенный въ самой средѣ края, далекаго отъ Кіева, и дѣло его, конечно, должно было пойти удачнѣе, потому что кругъ дѣйствія былъ болѣе узокъ. Несомнѣнно. умноженіе князей въ земляхъ и городахъ было однимъ изъ важныхъ средствъ распространенія христіанства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и водворенія началъ цивилизаціи въ русскихъ земляхъ. Единая православная вѣра, единый книжный и правительственный языкъ и единый для всѣхъ Земель княжескій родъ—вотъ были краегольные камни постройки новой русской, христіанской жизни, внутренняго національнаго единства, вмѣсто прежней внѣшней связи, основанной на наѣздническомъ вымогательствѣ дани. Положеніе Земель, ихъ извѣчные обычаи были таковы, что развѣтвленіе княжескаго рода не приводило къ возникновенію независимыхъ государствъ изъ княжескихъ удѣловъ безъ особыхъ новыхъ толчковъ, сообщаемыхъ жизни исторіею.

Православная вѣра боролась только съ тѣмъ, что прямо мѣшало ея распространенію, не уничтожая того, съ чѣмъ была какая нибудь возможность ужиться. Славянинъ, получивъ христіанство изъ Византіи, могъ оставаться славяниномъ, не обязываясь дѣлаться византійцемъ, и только свободно, безъ всякаго внѣшняго натиска, заимствовалъ изъ болѣе образованнаго общества то́, чего не находилъ у себя. Древнія понятія объ автономіи Земель и ихъ самоуправленіи продолжали существовать, не вытѣсняемыя, какъ выше сказано, новы-

ми элементами. Случилось только такое измѣненіе: старинныя наименованія этнографическаго свойства—Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Кривичей и т. п. стали замѣняться названіями по главнымъ городамъ земель. Стали говорить: Земля полоцкая, Земля смоленская, Земля русская (кіевская), Земля черниговская, Земля рязанская, Земля суздальская, Земля новгородская и т. д. Перемѣна эта произошла, вѣроятно, во-первыхъ, вслѣдствіе усилившейся тяги къ городамъ, гдѣ, при власти кіевскихъ князей, былъ центръ собиранія дани; во-вторыхъ оттого, что этнографическія наименованія не сходились въ точности съ понятіями о Землѣ, и одна и та же народная вѣтвь могла разбиваться на нѣсколько Земель: такъ, еще въ глубокой древности, при Рюрикѣ и Олегѣ, кривичи были и въ Полоцкѣ и въ Смоленскѣ, но составляли два различныхъ центра и слѣдовательно двѣ разныя Земли.

Подъ главнымъ городомъ состояли другіе города, иначе пригороды, которые, смотря по благопріятнымъ обстоятельствамъ, иногда возвышались болѣе другихъ, и къ нимъ тянула ихъ собственная территорія, носившая также названіе Земли по имени своего города: такъ, въ Землѣ Рязанской была Земля Пронская, въ Землѣ Полоцкой Земля Витебская; иногда такія возникшія Земли со своими городами продолжали пребывать частями общей Земли, иногда стремились къ выдѣленію и обособленію. Гдѣ городъ, тамъ Земля; гдѣ Земля, тамъ городъ. Земля—то была совокупность населенія, связаннаго сознаніемъ своего ближайшаго пункта единенія, что не препятствовало этому населенію сознавать свое единство, болѣе далекое съ другими Землями. Земля была община, имѣвшая средоточіе въ городѣ, а при размноженіи князей, и своего князя въ томъ городѣ. Автономія Земли выражалась часто повторяемыми въ нашихъ лѣтописяхъ фразами: «сошлась вся Земля, двинулась вся Земля». При понятіи о Землѣ существовали понятія о волости и княженіи. Волость не то что Земля, и не то что княженіе, хотя эти понятія нерѣдко совпадали одно съ другимъ. Волостью называлась совокупность территорій, состоящихъ

подъ единою властью, будь эта власть городъ или князь. Это мы ясно видимъ изъ договоровъ Новгорода съ князьями, гдѣ пересчитываются новгородскія волости, т. е. территоріи, принадлежащія Великому Новгороду: Вологда, Югра, Терскій берегъ, Пермь, Двина, Волокъ-Ламскій; всѣ они отличаются отъ собственно Новгородской Земли, которая, впослѣдствіи, является разбитою на пятины и, въ эпоху независимости Великаго Новгорода, въ его договорныхъ грамотахъ никогда не поминается въ числѣ волостей. Точно также Кіевъ владѣлъ Деревскою или Древлянскою Землею; то была его волость, но не Земля; у Кіева была своя Земля, которой средоточіемъ или выраженіемъ служилъ онъ самъ. Въ томъ же смыслѣ понятіе о волости, прилагаясь къ князьямъ, различалось отъ понятія о Землѣ. По раздѣленіи Руси между сыновьями Ярослава, сынъ его Всеволодъ получилъ Переяславль близъ Кіева и Суздальскую Землю; Переяславль и Суздаль составляли одну волость по отношенію къ князю, но не составляди одной Земли. Часто волость и Земля совпадали между собою, такъ что одна и та же территорія была въ одномъ объемѣ и волостью и Землею. Но волостью она была по принадлежности или подчиненію, а Землею по автономіи и по самоуправленію. Волость иногда совпадала и съ княженіемъ, такъ какъ съ понятіемъ князя соединилось понятіе и о власти; но не всегда существовало такое совпаденіе; въ одной волости, по ея принадлежности верховному городу, и въ одной Землѣ, по ея автономіи, могло разомъ существовать нѣсколько княженій. Такъ въ Кіевской Землѣ, напримѣръ, мы видимъ по нѣскольку князей разомъ, а слѣдовательно и нѣсколько княженій, и всѣ они находились въ одной Землѣ. То же самое мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе во всѣхъ земляхъ. Княженіе не давало права на образованіе новой Земли: не потому была Земля, что тамъ былъ князь, а скорѣе князь являлся именно тамъ, гдѣ была уже земля. Въ отношеніи къ волости тоже. Великій Новгородъ давалъ приглашеннымъ князьямъ города въ кормленіе; то были княженія этихъ князей, но

никогда не волости; какъ волости, управляемые ими города и территоріи принадлежали Великому Новгороду. Слово «волость», означая вообще принадлежность территоріи, принималось также въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ часть земли или княженія, когда приходилось обозначить, куда эта часть принадлежала. Такимъ образомъ, если нужно было сказать о двухъ или трехъ селахъ и указать къ какому городу они тянули, то называли ихъ волостями этого города; такъ, подъ 1176 годомъ говорится о двухъ селахъ Лопастнѣ и Свѣрилескѣ, и они названы черниговскими волостями. Смыслъ принадлежности перенесъ слово волость на частное имѣніе князя, боярина и вообще землевладѣльца; и въ такомъ-то смыслѣ въ договорахъ Великаго Новгорода съ князьями ставилось условіе, чтобы князь не смѣлъ отымать волостей у мужей новгородскихъ. Въ болѣе позднее время, когда, подъ татарскимъ вліяніемъ, вѣчевой строй упадалъ, а княжеская власть возвышалась, волость означала подраздѣленіе княженій, такъ что каждое княженіе подраздѣлялось на волости.

Всѣ эти единицы поземельнаго дѣленія переплетались между собою, то совпадая одна съ другой въ своемъ значеніи, то отдѣляясь одна отъ другой, смотря по обстоятельствамъ, такъ какъ, въ періодъ до татаръ, все подлежало случаю и стеченію обстоятельствъ; но всегда оставалось прежнее понятіе: гдѣ Земля, тамъ должно быть вѣче — земское собраніе; ни волость, ни княженіе не условливали непремѣннаго бытія вѣча, хотя и часто случалось, что на вѣче сходились люди, составлявшіе одну волость, одно княженіе; понятіе о вѣчѣ, однако, принадлежало исключительно только понятію о Землѣ. Вѣче было выраженіемъ автономіи послѣдней,—а не волости, не княженія.

Вѣча существовали въ незапамятныя времена. Варяжскіе князья не уничтожили этого коренного признака славянорусской жизни, да и не могли и не старались его уничтожить, въ ту эпоху, когда власть княжеская ограничивалась собираніемъ дани, понятіе о подвластности только и выражалось плате-

жомъ дани, когда вопросъ, влагаемый лѣтописцемъ одному изъ древнихъ князей: «кому дань дасте»? былъ равносиленъ вопросу: «кому вы подвластны?» Поэтому не удивительно, что, по принятіи христіанства и по раздѣленіи на княжескіе удѣлы краевъ, прежде платившихъ дань Кіеву, мы видимъ полное господство вѣчеваго начала во всѣхъ земляхъ. Къ большому сожалѣнію, наши лѣтописи не даютъ намъ возможности, ни исторически прослѣдить дѣятельность вѣчъ, ни опредѣлить степени ихъ значенія и характера въ разныхъ земляхъ. Тому виною характеръ самыхъ нашихъ лѣтописей. Онѣ по преимуществу говорятъ о внѣшнихъ событіяхъ и, главнымъ образомъ, слѣдятъ за дѣятельностью князей, а потому ихъ справедливо въ этомъ отношеніи можно назвать княжескими. Причину тому слѣдуетъ искать въ томъ законѣ человѣческой природы, что въ обществѣ, въ которомъ еще мало развито стремленіе къ размышленію, впечатлѣнія обращаются исключительно ко внѣшности и исключительно останавливаются на крупныхъ явленіяхъ внѣшняго міра; князья же были органами внѣшней дѣятельности общества. Слѣдя за разсказомъ нашихъ лѣтописцевъ, мы легко замѣтимъ, что ихъ вниманію подвергались такія событія, которыя почему-либо выходили изъ уровня обыденной жизни и нарушали ея однообразіе. Только это наши лѣтописцы и считали достойнымъ записыванья. Изъ-подъ пера нашихъ лѣтописцевъ едва ли ускользнула хоть одна война или усобица, какъ бы ничтожною она намъ теперь ни представлялась, потому что каждая война или усобица вела за собою движеніе или перемѣны въ теченіи обыденной жизни; рѣдко, впрочемъ, лѣтописецъ вдавался въ ея причины, а если и касался ихъ, то только со стороны внѣшнихъ признаковъ: изслѣдованіе было не по головамъ тогдашнихъ писателей. Лѣтописцы замѣчали каждое мало-мальски поражавшее ихъ естественное явленіе, затмѣнія, метеорологическіе феномены, появленіе кометъ, даже сильныя грозы; описывали общественныя бѣдствія: голодъ, моръ, пожары; но то, что составляло рядъ нормаль-

ныхъ, обычныхъ, повседневныхъ жизненныхъ явленій, ихъ мало интересовало. Наши лѣтописцы очень скупы на извѣстія, изъ которыхъ можно было бы узнать объ общественной и домашней жизни нашихъ предковъ, и множество вопросовъ, для насъ наиболѣе любопытныхъ, остается и, вѣроятно, навсегда останется безъ отвѣта. Мы, напримѣръ, знаемъ, что нѣкоторые города вели значительную торговлю; но какъ и куда шла эта торговля, насколько тѣ или другія обстоятельства ей благопріятствовали, какіе предметы составляли ея главную силу, въ какомъ размѣрѣ и кѣмъ она велась—этого напрасно станемъ мы спрашивать у нашихъ лѣтописцевъ; по неизмѣннымъ свойствамъ умственнаго развитія общества, среди котораго жилъ лѣтописецъ, онъ не счелъ нужнымъ ничего подобнаго описывать или записывать: въ его голову не могла придти и мысль, что потомкамъ его гораздо любопытнѣе было бы знать объ этомъ, чѣмъ о мелкихъ дракахъ князей между собой. Мы знаемъ, напримѣръ, что у насъ были училища, были люди книжные, писались сочиненія духовныя и свѣтскія, были пѣвцы, прославлявшіе подвиги князей и т. д.; но лѣтописцы не сообщили намъ, гдѣ и какъ устраивались эти училища, чему тамъ учились, не назвали намъ ни одного изъ древнихъ произведеній словесности, стяжавшихъ въ свое время славу. Если бы случайно не было открыто Слово о полку Игоревѣ, мы бы, съ нашими лѣтописцами, не имѣли понятія ни объ этомъ сочиненіи, ни о существованіи Бояна, соловья стараго времени. Какъ одѣвались предки наши, что ѣли и пили, какъ строили свои терема, какъ отправляли свои празднества—ничего почти объ этомъ не узнаемъ изъ лѣтописей. Даже о борьбѣ язычества съ христіанствомъ мы узнаемъ кое-что изъ духовныхъ сочиненій стараго времени, а совсѣмъ не изъ лѣтописей. Неудивительно, что, при этомъ, лѣтописцы не замѣчали и не считали нужнымъ замѣчать такихъ обыденныхъ и неважныхъ въ ихъ глазахъ явленій, каковы, напримѣръ, сходбища людей на совѣщанія о своихъ дѣлахъ. Для нашихъ лѣтопис-

цевъ все это было слишкомъ обычно, а потому не достойно записыванья, такъ какъ этимъ не нарушалось, или слишкомъ мало нарушалось житейское однообразіе. Есть у нашихъ лѣтописцевъ мѣста, гдѣ они простодушно отмѣчаютъ цѣлый годъ словами: «не бысть ничтоже». На ихъ языкѣ это значило: не произошло ничего такого, чтобы остановило ихъ вниманіе своей необычностью. Мудрено ли, что, при такомъ основномъ взглядѣ на окружающій міръ, лѣтописцы мало сообщаютъ намъ извѣстій о вѣчахъ. Они упоминали о нихъ только тогда, когда дѣло шло объ исключительныхъ, нарушавшихъ обычную жизнь случаяхъ, въ которыхъ участвовали вѣча, да и тогда не всегда называли ихъ по имени, а обозначали признаками, напримѣръ: «сдумали, сдумавше» Кіяне, Ростовцы, Суздальцы и т. д. Или же просто, описывая событіе, они давали знать своимъ описаніемъ, что эти событія сами по себѣ такого свойства, что неизбѣжно предполагаютъ предварительныя народныя совѣщанія, какъ, напр., видимъ въ выраженіяхъ: «пріяша, предашася, послаша»; или же представляли горожанъ говорящими, но приводили содержаніе ихъ рѣчи съ мѣстоимѣніемъ «мы», а это само собою, по здравому смыслу, предполагаетъ бывшее между горожанами совѣщаніе.

О вѣчахъ въ Новгородской и Псковской Земляхъ сохранились болѣе полныя и подробныя лѣтописныя извѣстія. Такая кажущаяся особенность повела нѣкоторыхъ къ заключенію, что въ самомъ дѣлѣ Новгородъ и Псковъ представляли въ нашей исторіи исключительность, и что въ этихъ городахъ развились республиканскія начала, тогда какъ общественная жизнь въ другихъ русскихъ городахъ устроилась совсѣмъ иначе. Было мнѣніе, приписывавшее эту особенность Новгорода и Пскова вліянію иноземцевъ, съ которыми Новгородъ, какъ извѣстно, велъ торговыя сношенія. Нѣтъ ничего неосновательнѣе такого предположенія. Стоитъ только взвѣсить положеніе, какое занимали пріѣзжавшіе въ сѣверно-русскіе города торговые нѣмцы, чтобы видѣть, какъ мало

вліянія могли они оказать на нравы и обычаи русскаго народа. Въ Новѣгородѣ, сидя въ своемъ нѣмецкомъ или готскомъ дворѣ, эти иноплеменные гости не имѣли съ жителями Новгорода никакихъ сношеній, кромѣ оптовой торговли, да и та не происходила ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ самаго иноземнаго двора. По-русски говорить они не умѣли и объяснялись съ новгородцами черезъ переводчика. Пріѣзжавшая весною въ Новгородъ артель ганзейскихъ торговцевъ осенью возвращалась домой; эта артель носила названіе лѣтнихъ гостей; на смѣну ей прибывала новая артель, называвшаяся зимними гостями, и въ свою очередь проживала въ Новгородѣ только до весны. Въ такое короткое время иноземцамъ невозможно было ни научиться по-русски, ни освоиться съ русскою жизнью до того, чтобы оказывать на нее вліяніе. Притомъ же ревнивое и осторожное ганзейское правительство не дозволяло своимъ торговцамъ учиться по-русски изъ опасенія, чтобы кто нибудь не заводилъ съ туземцами торговыхъ сношеній, выгодныхъ только для себя и невыгодныхъ для всего нѣмецкаго торговаго общества. Избѣгали также посылать нѣсколько разъ однихъ и тѣхъ же торговцевъ въ Новгородъ. Пріятельскихъ и братственныхъ отношеній новгородцевъ съ нѣмцами мы не видимъ; напротивъ, легко замѣтить постоянное нерасположеніе однихъ къ другимъ, которое не всегда сдерживалось и проявлялось въ видѣ обоюдныхъ кровавыхъ дракъ и убійствъ; иногда, по этому поводу, прерывалась вся торговля между обоими народами на болѣе или менѣе продолжительное время. Нѣмецъ смотрѣлъ на русскаго, какъ на грубаго мужика, котораго, по причинѣ его невѣжества, легко надувать; нѣмецъ старался держать этого мужика, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ; у Ганзы было предвзятое правило всѣми силами не допускать русскихъ чему-либо научиться: иначе, русскіе дошли бы до такого состоянія, что не позволили бы нѣмцамъ эксплуатировать себя въ своей странѣ; за то и русскій, въ своемъ безпросвѣтномъ невѣжествѣ, при своемъ племенномъ простодушіи, позволяя

себя обманывать нѣмцамъ, не пропускалъ случая отомстить разомъ нѣмцу за все и ободрать его, какъ только представится возможность. Новгородскіе люди несравненно рѣже ѣздили за границу, чѣмъ нѣмцы въ Новгородъ; ихъ посѣщеніе нѣмецкихъ Земель не нравилось нѣмцамъ и послѣдніе старались недопускать Новгородцевъ до такихъ поѣздокъ. Нѣмцамъ казалось удобнѣе самимъ ѣздить въ русскія Земли и сбывать русскимъ всякую дрянь, заранѣе подготовленную къ такому сбыту, чѣмъ допускать покупателей пріѣзжать къ продавцамъ и выбирать товары по своему вкусу. Какъ же, при такомъ взаимномъ обращеніи, могло образоваться какое бы то ни было вліяніе одного народа на нравы другого? Да притомъ же, что̀ такое заимствовали Новгородцы отъ нѣмцевъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ была возможность что либо заимствовать отъ нихъ?

Новгородскій строй политической жизни не имѣетъ подобія съ устройствомъ нѣмецкихъ городовъ: если начать сравнивать нашъ новгородскій строй съ подобнымъ въ другихъ земляхъ, то окажется, что Новгородъ, въ этомъ отношеніи, ближе къ древнимъ греческимъ республикамъ, чѣмъ къ средневѣковымъ нѣмецкимъ городамъ. Топографическія особенности и историческія обстоятельства дѣйствительно положили на Новгородъ своеобразный отпечатокъ, по которому онъ разнился отъ другихъ русскихъ городовъ болѣе, чѣмъ остальные разнились другъ отъ друга; но это является уже собственно въ періодъ татарскаго владычества надъ Русью, когда въ другихъ русскихъ Земляхъ возникалъ уже иной жизненный строй, противоположный тому, какой существовалъ до татаръ, между тѣмъ какъ Новгородъ, не подвергшись вначалѣ татарскому погрому, защищаемый отъ прочихъ русскихъ Земель дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, и, наконецъ, по своему географическому положенію, державшій въ своихъ рукахъ всю русскую торговлю и черезъ то болѣе всѣхъ богатый, оставался съ старинными формами, дорожилъ ими, крѣпко стоялъ за нихъ и только постепенно, мало по малу

уступалъ силѣ новыхъ формъ, которыя рано или поздно должны были охватить всю Русь и истребить въ ней остатки стараго порядка. Такъ какъ о Новгородѣ въ періодъ послѣ татаръ мы знаемъ больше, чѣмъ въ татарскій періодъ, то вообще, не давая себѣ труда вникнуть въ важный переломъ политическаго строя, произведенный татарскимъ погромомъ, мы легко впадаемъ въ ошибку и признаки позднѣйшаго времени переносимъ на предшествовавшее время. Старина, составлявшая особенность Новгорода въ тотъ періодъ, когда въ остальной Руси выработывался новый порядокъ, принадлежала прежде не только Новгороду и его меньшему брату Пскову, какъ особенность этихъ только Земель, но составляла общіе для всей Руси признаки господства вѣчевыхъ началъ. Никакія историческія данныя не даютъ намъ права заключить, чтобы Новгородъ, по главнымъ чертамъ своего общественнаго состава, въ давнія времена отличался отъ остальной Руси, болѣе чѣмъ какъ позже въ XIV и XV вѣкахъ. Должно, кромѣ того, остерегаться, не относить къ міру фактовъ того, что собственно составляетъ только свойство лѣтописей. Такъ, объ Новгородѣ и Псковѣ остались спеціальныя лѣтописи, которыя такъ сказать полнѣютъ и дѣлаются подробными уже въ тотъ періодъ, когда Новгородъ и Псковъ рѣзко отличались отъ остальной Руси своимъ строемъ. Извѣстія о событіяхъ до татарскаго періода въ тѣхъ же лѣтописяхъ гораздо короче, а мы легкомысленно и безъ разбора готовы относить и къ XII и XI вѣкамъ то, что говорится о XIV и XV. О многихъ другихъ русскихъ Земляхъ: о Черниговской, Рязанской, Полоцкой и Смоленской, до насъ вовсе не дошло спеціальныхъ лѣтописей. Но мы имѣемъ мѣстныя, спеціальныя, лѣтописныя повѣствованія о Земляхъ Кіевской, Галицкой и Суздальской. И что же? При всѣхъ упомянутыхъ выше качествахъ нашихъ лѣтописцевъ, мѣшающихъ намъ узнать нашъ внутренній бытъ, легко понять, что общественный строй этихъ Земель былъ одинъ и тотъ же, какъ и новгородскій, а слѣдовательно, послѣдній въ своихъ основныхъ чертахъ никакъ не

былъ продуктомъ какихъ нибудь особенно сложившихся обстоятельствъ, а еще менѣе иноземнаго вліянія.

Въ Суздальской лѣтописи подъ 1176 годомъ есть драгоцѣнное извѣстіе; лѣтописецъ проговорился, и, въ противность своему обычаю замѣчать только необыкновенныя событія, высказалъ то, что дѣлалось на Руси, обыденно и повсемѣстно во всѣхъ русскихъ Земляхъ: «Новгородцы бо изначала и Кіяне и Полочане, и вси власти, аки на думу на вѣче сходятся и на чѣмъ старѣйшіе сдумаютъ, на томъ пригороды станутъ». Это извѣстіе XII вѣка указываетъ ясно, что обычай вѣчевого совѣщанія былъ повсемѣстенъ во всѣхъ русскихъ Земляхъ въ одинаковой степени. Его сила и живучесть въ Южной Руси подтверждается тѣмъ, что даже въ XVI вѣкѣ сохранялось это названіе въ смыслѣ народной сходки, хотя это дѣлалось уже въ тѣ времена, когда другія условія политической жизни уже вытѣснили большую часть древнихъ понятій и наложили новый отпечатокъ на народные нравы.

Вообще древняя славянщина не любила точныхъ формъ; неопредѣленность, отсутствіе ясныхъ рубежей составляетъ характеръ славянской жизни, а русская отличалась этимъ въ особенности. Поэтому и понятіе о вѣчѣ имѣло ту же неопредѣленность и подъ этимъ именемъ разумѣлось вообще всякое народное сходбище, какъ бы оно ни составилось, если только оно думало изображать собою выраженіе воли Земли или части Земли, сознававшей до извѣстной степени въ данное время за собою автономію. Мы сказали, что средоточіемъ Земли былъ городъ; когда понималась Земля независимая и состоявшая изъ частей, изъ которыхъ каждая носила въ мѣстномъ смыслѣ названіе Земли, то средоточіемъ такой сборной Земли былъ старѣйшій городъ и въ немъ собиралось вѣче, выражавшее собою всю Землю; подъ старѣйшимъ городомъ были пригороды, села и волости: въ каждомъ изъ пригородовъ могло быть также свое вѣче, т. е. совѣщаніе той части сборной Земли, которой ближайшимъ средоточіемъ былъ пригородъ; наконецъ, вѣче, какъ народное сходбище, могло быть и въ каждомъ се-

лѣ, какъ скоро это село имѣло общіе свои интересы и члены его имѣли причину сходиться на совѣщаніе о дѣлахъ своего села. Но пригороды и всякія поселенія въ Землѣ зависѣли отъ старѣйшаго города въ томъ смыслѣ, что части Земли, взятыя каждая отдѣльно, зависѣли отъ цѣлой Земли,—иначе, всѣ вмѣстѣ зависѣли отъ себя вполнѣ: потому-то вѣче пригорода не имѣло полновластія и зависѣло отъ вѣча старѣйшаго города.

III.

Отношеніе пригородовъ къ старѣйшимъ городамъ, иначе пригородныхъ или малыхъ вѣчъ къ вѣчу большому въ главномъ городѣ—одна изъ важнѣйшихъ жизненныхъ сторонъ въ древней Руси. Къ сожалѣнію, по скудости матеріаловъ, этотъ вопросъ остается мало разъясненнымъ и обработаннымъ. Мы по неволѣ должны допускать предположенія на основаніи немногихъ данныхъ, иногда обоюдотолкуемыхъ. Прежде всего надо уяснить себѣ, что такое городъ и какъ онъ возникъ въ русской славянщинѣ?

Въ глубокой древности славяне жили дворами. Съ разсвѣтвленіемъ семей дворы размножались. Ихъ соединяла сначала родовая связь. Дворы, соединенные между собой, составляли села. Частныя опасности отъ иноземцевъ вызывали потребность самозащищенія и самосохраненія. Это по неволѣ сближало и соединяло жителей отдѣльныхъ селъ. Необходимы оказались центры такого соединенія. И вотъ жители расположенныхъ близко между собою селъ, строили укрѣпленныя мѣста, принадлежавшія всѣмъ имъ вмѣстѣ, и для всѣхъ въ равной степени служившія, въ случаѣ надобности убѣжищемъ. Такія укрѣпленныя мѣста назывались градами или, по русскому нарѣчію, городами. Вообще городъ означалъ мѣсто, обведенное оградою, напр. частоколомъ или плетнемъ, и это слово однозначительно со словомъ, «огородъ». Построить городъ значи-

ло вначалѣ обвести загороду. Простыя загороды были въ древности достаточнымъ мѣстомъ защиты и туда прятались славяне, когда слышали о нашествіи непріятеля. Туда уносили они съ собою все, что было драгоцѣнно въ ихъ простой жизни, а жилища свои оставляли на произволъ судьбы: въ случаѣ разоренія, возобновить ихъ было не трудно, при обиліи лѣсовъ и несложности постройки. Естественныя условія помогали защитѣ: выбирали для городовъ такія, мѣстоположенія, которыя, были сами по себѣ недоступны; кромѣ того деревянныя загороды, по надобности, обводились еще и рвами, называемыми въ древности греблями. Обычай убѣгать изъ своихъ жилищъ въ города сохранился очень долго, даже въ такіе вѣка, когда жизнь значительно усложнилась; такъ, на Руси въ XVI и XVII вѣкахъ, жители, съ приближеніемъ непріятеля, убѣгали въ городъ «въ осаду», покидая свои жилища.

Городъ—мѣсто самохраненія и сбереганія имуществъ естественно сдѣлался скоро мѣстомъ сходбищъ и совѣщаній тѣхъ, которые строили этотъ городъ, а также и мѣстомъ управленія, когда внутреннія безладицы заставили ихъ додуматься до необходимости имѣть управленіе надъ собою. Окрестность стала тянуть къ городу. Естественно было желать селиться ближе къ городу, чтобы, въ случаѣ опасности, можно было скорѣе поспѣть въ убѣжище, и потому-то около городовъ стали возникать поселенія и назывались посадами. Посадъ становился многолюднѣе, чѣмъ были прочія села, и дѣлался мѣстомъ всякихъ сношеній, пунктомъ обмѣны произведеній или торговли. Въ самомъ городѣ, т. е. укрѣпленіи, помѣщалось начальное лицо края, признаваемое жителями, тянувшими къ городу, а при немъ собиралась и ратная сила, державшая порядокъ и защиту. Такъ создавались города жителями кружка селеній, почувствовавшихъ сначала нужду въ самозащитѣ, а потомъ и въ постоянномъ, общемъ для нихъ управленіи. Эта совокупность селеній по отношенію къ связи между ними носила самое простѣйшее названіе—*земля*, обозначая не только пространство, на которомъ всѣ жили и которое всѣ считали своимъ, но

и тѣхъ, которые на немъ жили. Понятно, что *земля* и *городъ* были равнозначительны: городъ не значилъ ничего, кромѣ той же Земли, нашедшей для себя средоточіе. Въ городѣ сходилась Земля, и потому, словомъ *городъ* стали замѣнять слово *земля*, и въ силу такой однозначительности, вмѣсто— Земля сѣверская, стали говорить — Земля черниговская или просто Черниговъ; вмѣсто Земля—словенъ-ильменскихъ, стали говорить—Земля новгородская или просто Новгородъ и т. д. Но Земля, какъ собраніе людей, расширялась, захватывались новыя пространства, дѣлались выселки изъ старыхъ поселеній, основывались и возрастали новыя. Жители новыхъ, по мѣсту жительства, отдалялись отъ своего города; трудно и неудобно имъ было для самозащиты поспѣшать туда, и вотъ явилась необходимость строить другіе центры защиты, и они строили ихъ; но такъ какъ они были связаны родовой связью съ тѣми, которые строили большой старѣйшій городъ, то они съ своими новыми городами продолжали оставаться въ прежнемъ неразрывномъ единеніи съ городомъ старымъ, служившимъ общимъ выраженіемъ той Земли, которой принадлежали ихъ дѣды и отцы и они сами. Такимъ образомъ, построенные ими новые города находились въ зависимости у старѣйшаго города и въ отличіе назывались меньшими или пригородами. Пригороды строились по распоряженію всей Земли, т. е. по рѣшенію вѣча въ старѣйшемъ городѣ, въ видахъ защиты Земли, обыкновенно тамъ, гдѣ наиболѣе могла угрожать внѣшняя опасность. Иногда пригороды съ ихъ территоріями населялись переселенцами прямо изъ старѣйшаго города; такъ было, между прочимъ, въ двинской Землѣ, куда переселялись новгородцы съ промышленными цѣлями; чаще же ихъ ставили жители окрестныхъ поселеній по волѣ всей Земли или срѣйшаго города. Но бывали случаи, когда изъ старѣйшаго города жители выходили на новоселье, вслѣдствіе недоразумѣній и волненій, и тогда построенные ими новые города стремились не оставаться пригородами стараго, а хотѣли быть независимыми. Такой при-

мѣръ представляетъ намъ Вятка; эта новгородская колонія никогда не хотѣла повиноваться своей метрополіи, сдѣлалась главою особой Земли и имѣла свои собственные пригороды. Были еще пригороды иного рода: тѣ, которые основывали князья и населяли разнаго рода пришельцами и переселенцами. Такъ поступалъ Владимиръ святой, когда строилъ въ кіевской Землѣ города и населялъ разнаго рода людомъ—и словенами новгородскими, и кривичами, и чудью. Такъ возникли нѣкоторые города въ сѣверо-восточной Руси, между прочимъ, Владимиръ-на-Клязьмѣ; къ тому же разряду слѣдуетъ, вѣроятно, отнести Москву, а на югѣ образчикомъ построенія такихъ городовъ можетъ служить Холмъ, основанный Даніиломъ Романовичемъ. Такіе города, населенные пришельцами отовсюду, находясь на почвѣ, принадлежавшей извѣстной Землѣ, считались на этомъ основаніи пригородами старѣйшаго города; но не связанные со старѣйшимъ городомъ узами происхожденія подобно другимъ, они показывали стремленіе къ самостоятельности, а при благопріятныхъ условіяхъ покушались стать выше старѣйшихъ городовъ и сдѣлаться главою Земли. Такъ-то выбился Владимиръ изъ-подъ зависимости Ростова и сдѣлался старѣйшимъ городомъ.

Степень зависимости пригородовъ отъ городовъ опредѣляется въ общихъ чертахъ словами Суздальской лѣтописи: «на чѣмъ старѣйшіе сдумають, на томъ пригороды стануть». Но здѣсь не разумѣлось такого рабскаго подчиненія, при которомъ жители пригородовъ были бы не болѣе, какъ безгласные исполнители воли своихъ господъ. Пригороды должны были сообразоваться съ постановленіями старѣйшаго города не потому, чтобы старѣйшій городъ былъ ихъ владыка, а потому, что старѣйшій городъ изображалъ средоточіе всей Земли, и его вѣче было собраніе не горожанъ, а земляковъ, членовъ Земли, которой часть составлялъ пригородъ. Если житель пригорода находился въ послушаніи у старѣйшаго города по своей принадлежности къ пригороду, то въ тоже время онъ былъ полноправный участникъ вѣча по сво-

ей принадлежности къ Землѣ, какъ землякъ. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать тѣ извѣстія, когда, повѣствуя о вѣчахъ, собиравшихся въ старѣйшемъ городѣ, лѣтописцы говорятъ: «сошлась вся земля». Но встрѣчались примѣры, когда на вѣче въ старѣйшій городъ особенно приглашались для взаимной думы жители того или другого пригорода... Такъ, напримѣръ, въ 1132 году въ Новгородѣ, по сказанію Новгородской лѣтописи, была «встань великая въ людехъ», и тогда были призваны на совѣтъ псковичи и ладожане. Подобное нѣсколько разъ повторялось въ новгородской исторіи. Въ извѣстіяхъ о другихъ краяхъ русскихъ встрѣчаются случаи, когда лѣтописецъ, разсказывая о вѣчѣ, поименовываетъ города, участвовавшіе на собраніи Земли своей; такъ, подъ 1158 годомъ говорится, что «ростовцы, суздальцы, владимірцы и всі» (слѣдовательно люди всѣхъ пригородовъ) собирались на вѣчѣ. Подъ 1175 годомъ, участвовавшими на вѣчѣ поименованы ростовцы, суздальцы, переяславцы, владимирцы. Къ сожалѣнію, тутъ и останавливаются наши знанія: при какихъ условіяхъ созывались особенно жители пригородовъ, по принадлежности къ мѣстной корпораціи на общее вѣче — неизвѣстно. Соображая вообще характеръ неопредѣленности во всѣхъ отправленіяхъ тогдашней общественной жизни, кажется, справедливымъ будетъ предположеніе, что твердыхъ и неизмѣнныхъ правилъ насчетъ этого нигдѣ не существовало; все зависѣло отъ обстоятельствъ. Повсемѣстно въ русскихъ краяхъ мы встрѣчаемъ тотъ важный фактъ, что нѣкоторые пригороды возвышались по значенію передъ другими своими собратіями; иные, не выходя изъ связи съ главнымъ городомъ, достигали почти равнаго съ ними значенія; иные же стремились вырваться изъ-подъ зависимости старѣйшаго города и стать средоточіемъ собственной вольной Земли. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ пригороды съ большимъ значеніемъ передъ другими: въ Полоцкой Землѣ Витебскъ и Минскъ, въ Смоленской Торопецъ, въ Рязанской Пронскъ, въ Черниговской Новгородъ-Сѣверскій, въ Галицкой

Перемышль; въ Ростовско-суздальской Землѣ въ древнѣйшія времена являются два города, равные по значенію между собою—Ростовъ и Суздаль, потомъ возвышается Владиміръ и изъ пригорода дѣлается главнымъ городомъ Земли; часть этой Земли съ пригородомъ Тверью отдѣляется и дѣлается самобытною Землею, главою своихъ собственныхъ пригородовъ; изъ той же Владимирской Земли выдѣляется съ своей территоріей, бывшій пригородъ Москва и дѣлается средоточіемъ собственной Московской Земли, а потомъ подчиняетъ себѣ и бывшій свой главный городъ Владиміръ. Въ Новгородской Землѣ Псковъ, бывшій пригородомъ Новгорода, успѣлъ подняться до того, что Новгородъ самъ призналъ его независимость, довольствуясь тѣмъ, что послѣдній именовалъ Новгородъ своимъ старшимъ братомъ, а себя называлъ младшимъ. Въ тоже время, въ Новгородской Землѣ показывалъ стремленіе къ возвышенію и Торжокъ. Въ XIII вѣкѣ онъ былъ настолько значителенъ, что вступалъ въ споръ съ властью старѣйшаго города, и Новгородъ уступалъ ему. Напримѣръ, въ 1229 году Новгородъ отправилъ туда посадника, а новоторжцы его не приняли. Пригородъ возвышали обстоятельства; мѣстоположеніе сообщало пригороду силу, если главному городу трудно было расправиться съ нимъ, въ случаѣ непослушанія; торговля, обогащая его жителей, давала ему вѣсъ и значеніе. Иначе, стремленіе пригорода къ самостоятельности показывалось какъ измѣна Землѣ. Тотъ же Новгородъ не такъ снисходительно поступилъ съ другимъ своимъ пригородомъ, Ржевою; когда она вздумала не платить дани, Новгородцы опустошили огнемъ всю ея волость. Много помогало возвышенію пригородовъ особое княженіе; какъ скоро въ пригородѣ появлялся свой князь, то пригородъ черезъ то самое пользовался большей автономіей и хотя не освобождался отъ зависимости старѣйшаго города, но возвышался передъ другими пригородами, не имѣвшими своихъ князей. Впрочемъ, вообще пригороды вездѣ пользовались, въ извѣстной степени, автономіею въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ, если только это согласовалось съ интерессами

старѣйшаго города. Въ нашихъ лѣтописяхъ есть извѣстіе о такихъ случаяхъ, когда пригороды составляли у себя вѣча и рѣшали судьбу свою; такъ, въ 1171 году, бѣлорусскій городъ Друцкъ выбралъ себѣ князя Рогволода, и главный или старѣйшій городъ Земли Полоцкъ не противился ему; въ 1433 году, новгородскій пригородъ Порховъ заключилъ договоръ съ великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, и Новгородъ утвердилъ этотъ договоръ.

Не должно думать, чтобъ вѣче само по себѣ, какъ сходбище, знаменовало какую-нибудь верховную власть: оно было только ея выраженіемъ; верховная власть по внутреннему смыслу оставалась не за вѣчемъ, а за Землею. Это понятіе о самоуправленіи Земли является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка, противныя обстоятельства и невзгоды, уцѣлеваетъ при иномъ государственномъ строѣ страны. Такъ какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала Земля, такъ въ смутное время Московскаго государства, въ началѣ XVII вѣка, московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала Земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями ея воли. Между тѣмъ, въ это время Земля уже составляла совокупность тѣхъ частей, изъ которыхъ каждая считала себя нѣкогда самостоятельной Землей, и притомъ уже въ смыслѣ единодержавнаго тѣла. Дѣло защиты отечества противъ поляковъ и возстановленіе престола совершилось именемъ всей Земли. Несмотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ Землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю Земли, которой управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на западный образецъ забылось значеніе Земли подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ Землей ничего общаго по роду происхожденія.

Въ до-татарскій періодъ Русь только чувствомъ, а не размышленіемъ, понимала единство своего бытія и не додумалась до какого нибудь вѣча вѣчъ—сходбища всѣхъ Земель, вы-

раженія ихъ федеративной связи. Земли, повидимому, стремились не къ соединенію, а къ раздробленію: въ Земляхъ, какъ мы уже показали, возвышались города, которые со своими территоріями имѣли, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ, задачу обособленія. Но за то начало духовнаго единенія не только не умирало, а развивалось и укрѣплялось съ распространеніемъ православной вѣры, при отсутствіи вотчиннаго права въ княжескомъ управленіи.

IV.

Тѣ заблуждались, которые воображали, что древніе князья были вотчинники или владѣльцы своихъ удѣловъ, точно также, какъ невѣрно думаютъ тѣ, которые въ дѣлѣ преемства князей придаютъ большое значеніе родовому старѣйшинству между членами Рюрикова дома. Одинъ изъ талантливыхъ писателей по русской исторіи, г. Сергѣевичъ, справедливо замѣтилъ, что мнѣніе о старѣйшинствѣ между князьями вызвано нѣкоторыми выраженіями источниковъ, взятыми отрывочно, внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла, и притомъ частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты за обычаи родового быта. Дѣйствительно, всматриваясь въ дѣло безъ предвзятыхъ заранѣе мнѣній, окажется, что между князьями не существовало никакого юридическаго старѣйшинства, кромѣ того, которое неизбѣжно указывала природа, да и то выражаемо было въ неопредѣленныхъ чертахъ, которымъ можно придавать теперь различный смыслъ. Тотъ князь, который былъ старѣе другихъ по лѣтамъ, назывался старѣйшимъ между князьями и имѣлъ право быть названнымъ такимъ именемъ, а у насъ стали подобныя наименованія принимать за нѣчто юридическое, независимое отъ возраста, за нѣчто такое, что давало бы этому князю право на званіе

старѣйшаго даже и тогда, когда бы этотъ князь былъ моложе другихъ. Понятіе о старѣйшинствѣ имѣло и переносное значеніе: кого признавали сильнѣе, умнѣе и вліятельнѣе другихъ князей въ данное время, о томъ выражались, что онъ старѣе другихъ. Наконецъ, было еще естественное семейное старѣйшинство: дяди надъ племянникомъ, какъ брата отца и, слѣдовательно, равнаго отцу, —старшаго брата надъ меньшимъ, какъ старѣйшаго по лѣтамъ между равными; такія отношенія внушали извѣстнаго рода уваженіе младшихъ къ старшимъ. Случаямъ такого естественнаго въ семейномъ быту уваженія у насъ ученые придавали юридическое значеніе. Отецъ, умирая, скажетъ сыновьямъ: «ты, старшій братъ, будь вмѣсто меня отцомъ меньшимъ, а вы, меньшіе, почитайте старшаго, какъ отца». Такія фразы говорились повсемѣстно, и теперь еще говорятся въ семейномъ быту, но въ сущности такія фразы принадлежатъ къ разряду тѣхъ нравственныхъ сентенцій, которыя безпрестанно повторяются и рѣдко исполняются; никакъ нельзя выводить изъ нихъ юридическихъ обычаевъ или измѣрять ими смыслъ юридическихъ событій; такъ точно, какъ на томъ основаніи, что въ разныя времена старики говорили: «не должно лгать, любите другъ друга, не будьте корыстолюбы», нельзя полагать, чтобъ тѣ, которые слушали подобныя правоученія, исполняли ихъ; даже и тотъ, кто произносилъ ихъ, часто совсѣмъ былъ не таковъ въ своихъ поступкахъ, каковъ на словахъ. Прямое, дѣйствительное старѣйшинство князей являлось тогда, когда князь княжилъ въ старѣйшемъ городѣ, и въ такомъ случаѣ насколько городъ, въ которомъ онъ сидѣлъ, считалъ себя старѣйшимъ, по отношенію къ другому городу, настолько и князь его былъ старѣйшимъ, по отношенію къ князю, сидѣвшему въ меньшемъ городѣ или пригородѣ. Такимъ образомъ, князь, сидѣвшій въ Полоцкѣ, былъ старѣйшимъ передъ тѣмъ княземъ, который сидѣлъ въ Друцкѣ или Минскѣ; впрочемъ, такое старѣйшинство было дѣйствительнымъ настолько, насколько послѣдній князь лишенъ былъ благо-

пріятныхъ обстоятельствъ и не обладалъ смѣлою предпріимчивостью, чтобы свергнуть съ себя это старѣйшинство: такъ и поступали князья, сидѣвшіе въ тѣхъ пригородахъ, которые, хотя и обязаны были признавать волю старѣйшаго города, но не всегда ее признавали и при первомъ благопріятномъ для нихъ поворотѣ обстоятельствъ, стремились къ независимому положенію. До униженія Кіева, во второй половинѣ XII вѣка, потерявшаго свое первенство и обѣднѣвшаго отъ междоусобій и отъ натисковъ кочевниковъ, старѣйшимъ между князьями всѣхъ русскихъ Земель былъ князь, сидѣвшій въ Кіевѣ; но это не давало ему надъ прочими князьями какой-нибудь власти и его вліяніе на другихъ князей измѣрялось не столько его саномъ, сколько умомъ княжившей личности и умѣньемъ показать свою силу. Съ упадкомъ Кіева, сталъ возвышаться Владимиръ въ сѣверовосточной Руси. Ни этотъ городъ, поднявшійся недавно изъ пригорода, ни его князья не имѣли права на власть надъ другими князьями и ихъ Землями. Тѣмъ не менѣе, однако, князья, сидѣвшіе во Владимирѣ, по стеченію обстоятельствъ, были сильны и богаты, и потому, играли роль старѣйшихъ между князьями, и многіе изъ князей заискивали ихъ дружбы и покровительства. Недаромъ пѣвецъ Игоря выразился о Всеволодѣ Юрьевичѣ, что онъ можетъ Волгу раскропить веслами и Донъ вылить шеломомъ. На самомъ дѣлѣ, Всеволодъ былъ лично уменъ и силенъ, и потому его считали старѣйшимъ; а между тѣмъ за нимъ невозможно никакими способами натянуть родоваго старѣйшинства надъ другими князьями.

Право Земли и ея верховная власть надъ собою высказывается повсюду въ до-татарское время. Земля должна была имѣть князя; безъ этого, ея существованія, какъ Земли, было немыслимо. Гдѣ Земля, тамъ вѣче, а гдѣ вѣче, тамъ непремѣнно будетъ и князь: вѣче непремѣнно изберетъ его. Земля была власть надъ собою; вѣче—выраженіе власти, а князь—ея органъ. По словамъ лѣтописца, въ половинѣ IX вѣка, сѣверные

народцы говорили призываемымъ варягамъ: «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, идите княжить и володѣть нами по праву»; то же фактически повторялось въ каждой Землѣ при каждомъ вступленіи князя на княженіе. Если призваніе варяжскихъ князей выдумано, то оно могло быть выдумано невольно, по свойству человѣческой природы переносить на отдаленныя времена признаки современнаго быта: что дѣлалось въ XII вѣкѣ, то переносилось воображеніемъ на IX. На Руси сложилось такое понятіе: безъ князя въ Землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды; безъ князя начнется безпорядокъ, сильнѣйшіе будутъ обижать слабѣйшихъ; роды и семьи передерутся между собой; не будетъ единодушія ко взаимной защитѣ; набѣгутъ чужіе и разорятъ землю; ратная сила не будетъ повиноваться начальнику, если этимъ начальникомъ не будетъ князь. Князь призванъ володѣть, т. е. держать власть, править, защищать; но онъ не былъ вотчинникомъ Земли. *Володѣть* на древнемъ языкѣ совсѣмъ не значило то, что впослѣдствіи. Князь не былъ государемъ—онъ былъ только господиномъ. Оттого Новгородъ, удержавшій долѣе другихъ Земель древнія формы быта, не хотѣлъ въ XV вѣкѣ назвать московскаго великаго князя государемъ, а давалъ ему по старинѣ только титутъ господина; для новгородцевъ государемъ былъ Великій Новгородъ, т. е. сама Земля новгородская; князь же былъ только господинъ, т. е. призванный володѣть по праву, иначе—по волѣ Земли. Князя выбирала Земля потому, что онъ для Земли былъ нуженъ.

Мы видѣли, что съ незапамятныхъ временъ у славянъ были князья, что они были и въ славянорусскихъ Земляхъ до прихода варяговъ. Кіевскіе князья принуждали народы къ дани посредствомъ дружины, составленной изъ разнаго сброду. Прежнихъ князей замѣнили въ Земляхъ князья Рюрикова рода. Сыновья Ярослава, назначенные отцомъ князьями въ разныя Земли, конечно, вначалѣ держались тамъ также посредствомъ дружины, но скоро освоились съ земскою жизнью, а пришлая дружина слилась съ мѣстными жителями; съ од-

ной стороны, пришельцы дѣлались землевладѣльцами и членами Земли, съ другой—въ княжескую дружину входили мѣстные жители. Старое вѣчевое выборное начало вошло въ прежнюю колею тѣмъ легче, что и до того времени Земли, платя кіевскимъ князьямъ дань, внутри не покидали старыхъ обычаевъ; теперь князья, не ограничиваясь уже однимъ собираніемъ дани, а сдѣлавшись, какъ мы показали выше, по христіанскимъ понятіямъ, правителями, судьями и защитниками Земли, сроднились съ народными правами и обычаями, и при такомъ сродствѣ образовалось понятіе, что во всѣхъ Земляхъ по всей Руси должны быть выборные Землею князья, но непремѣнно изъ единаго Рюрикова рода. Притомъ же князья умножались, и выборъ былъ большой; трудно было отважиться гдѣ нибудь на избраніе князя изъ другого рода: такой князь не усидѣлъ бы, какъ и случилось разъ въ Галичѣ, гдѣ вокняжился Володиславъ, но тотчасъ же слетѣлъ съ княжескаго стола. Какъ только гдѣ нибудь осмѣлилась бы одна партія замѣстить мѣсто, принадлежавшее Рюриковичу, лицомъ не Рюрикова дома, тотчасъ составилась бы другая противная партія и призвала бы князя Рюриковича; чувство оскорбленія цѣлаго рода соединило бы между собою многихъ князей, хотя безъ того они жили между собой несогласно. Всѣ они признавали въ одинаковой степени за своимъ родомъ право княжить на Руси. «Мы не ляхи и не угры», говорили они, «мы единаго дѣда внуки». Сознавая это право, они, однако, не иначе могли получать его, какъ черезъ признаніе Землею—какъ бы ни добывалось это признаніе: основывалось ли оно на добровольномъ выборѣ, на полномъ согласіи Земли, или же князя возводила одна партія, пересилившая другую, или же, наконецъ, князь съ постороннею силою овладѣвалъ городомъ и его Землею. Въ вѣкъ, когда военная удача внушала уваженіе, часто бывало, что князь силой заставлялъ Землю признавать свою власть, и Земля признавала князя потому что не могла сопротивляться, но такимъ образомъ, все таки, дѣло рѣшалось признаніемъ, хотя бы невольнымъ.

Если князь и насиліемъ получалъ въ Землѣ княженіе, то, все таки, долженъ былъ, ради прочности, ладить съ жителями и заслужить ихъ расположеніе: иначе, при первой возможности, призывали другого князя, съ посторонней силой, а его прогоняли.

Родовыя отношенія князей нерѣдко принимались во вниманіе Землями при выборѣ князей, но не такъ какъ юридическое право, а какъ нравственное соображеніе, основанное вообще на понятіяхъ о старшинствѣ въ семейномъ быту; оно не было настолько сильнымъ, чтобы вытѣснить соображенія иного рода. Такимъ образомъ, дядя, споря съ племянникомъ, могъ подобрать себѣ партію, которая поддерживала его, ставила ему въ достоинство то, что онъ былъ дядя—старшій по семейнымъ линіямъ; но также точно и племянникъ находилъ себѣ партію, которая ни во что ставила старшинство дяди и стояла за племянника, когда находила его лучше дяди по личнымъ достоинствамъ. Уваженіе къ старшимъ издавна существовало у славянъ; его поддерживала христіанская церковь, но оно не обратилось въ такой законъ, передъ которымъ должны были умолкнуть иного рода выгоды и соображенія.

При разсмотрѣніи извѣстныхъ намъ случаевъ вступленія князей въ свое достоинство, о большой части ихъ можно сказать, что единственнымъ правомъ ихъ было призваніе или признаніе Земли. Мы не станемъ перечислять примѣровъ такого вступленія въ Новгородѣ и Псковѣ; о всегдашнемъ господствѣ вѣчевого начала въ этихъ двухъ Земляхъ не сомнѣвался никто; но мы обратимъ вниманіе нашихъ читателей на прочія Земли, гдѣ, по относительной малоизвѣстности ихъ внутренней исторіи, воображали существованіе иныхъ началъ, противоположныхъ новгородскимъ и псковскимъ. Открывается, что вездѣ, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, власть князю давалась Землею и зависѣла отъ нея. По крайней мѣрѣ, это безъ обиняковъ можно сказать о тѣхъ Земляхъ, о которыхъ дошли до насъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ Кіевѣ, въ глубокой древности, если намъ и не разсказываютъ прямо объ

избраніи князей, то мы сами видимъ явные слѣды, показывающіе, что у полянъ было издревле прирожденнымъ обычаемъ рѣшать судьбу свою посредствомъ вѣча. Такъ, по поводу признанія надъ собою власти казарской, поляне сдѣлали это, говоритъ лѣтописецъ, «сдумавше»; слѣдовательно, здѣсь предполагается существованіе земской думы или вѣча. Во время борьбы Ярополка съ Владиміромъ, споръ между братьями рѣшили кіевляне думою; послали къ Владиміру и сдали ему свой городъ, такъ что онъ сдѣлался княземъ, вслѣдствіе признанія Земли. По смерти Владиміра, Святополкъ получилъ кіевское княженіе также по признанію кіевлянъ: онъ обдарилъ ихъ и подкупилъ ихъ; конечно, это относится къ немногимъ знатнѣйшимъ, которые имѣли вліяніе на громаду народа; но это былъ путь, правда, нечистый, а все таки, не болѣе какъ путь, право же заключалось въ признаніи Землею.

Мы не знаемъ, какое участіе принималъ Кіевъ съ его Землею при вступленіи Ярослава: добровольно ли покинули кіевляне Святополка, или по неволѣ должны были покориться побѣдителю, но несомнѣнно то, что, по смерти Ярослава, власть князей въ Кіевѣ зависѣла отъ признанія Землею, причемъ мало обращалось вниманія, а часто и вовсе не обращалось никакого на родовое преемство князей съ условіями старшинства. Въ 1067 году, кіевляне стали недовольны своимъ княземъ Изяславомъ Ярославичемъ; они прогнали его и выбрали себѣ въ князья содержавшагося въ плѣну полоцкаго князя Всеслава: этотъ князь не принадлежалъ вовсе къ племени Ярослава, а потому ясно, что кіевляне не считали себя безусловно обязанными слѣдовать дѣленію волостей, устроенному Ярославомъ между его потомствомъ. Полоцкій князь оказался неспособнымъ и бѣжалъ при первой опасности; тогда кіевляне снова признали прежняго князя, шедшаго противъ нихъ съ иноземною помощью; но они были ему вѣрны только до тѣхъ поръ, пока не ушли отъ него иноземные союзники: тогда кіевляне опять прогнали его и пригласили изъ Чернигова князя Святослава Ярославича. Только по смерти послѣдняго, кіев-

ляне признали прежняго князя, при содѣйствіи другого брата Всеволода. Когда, вскорѣ послѣ того, Изяславъ палъ въ битвѣ, княземъ кіевскимъ сдѣлался Всеволодъ: о мотивахъ вступленія его лѣтописцы не говорятъ ничего, но, вѣроятно, онъ сдѣлался княземъ по волѣ Земли, а не на основаніи своего семейнаго старшинства: это мы заключаемъ, во-первыхъ, изъ того, что князь этотъ прежде былъ любимъ кіевлянами, а это доказывается тѣмъ, что кіевляне, по его ходатайству, помирились съ Изяславомъ; во-вторыхъ, потому что ни передъ тѣмъ, какъ это показалось при избраніи Всеслава, ни послѣ того, кіевляне не церемонились съ такого рода старшинствомъ. По смерти Всеволода, кіевляне хотѣли выбрать сына его Владимира, но Владимиръ самъ уступилъ кіевское княженіе своему двоюродному брату Святополку-Михаилу, сыну Изяслава Ярославича. Лѣтописецъ, говоря о вступленіи этого послѣдняго князя, счелъ нужнымъ замѣтить, что кіевляне приняли его, и тѣмъ самымъ показалъ, что Святополкъ-Михаилъ сдѣлался кіевскимъ княземъ по волѣ Земли, послушавшейся совѣта Владимира Мономаха. Изъ разсказовъ лѣтописей видно, что въ княженіе Святополка-Михаила вѣчевое начало было сильно въ Кіевѣ и высказывалось независимымъ элементомъ даже и противъ власти князей. Такъ, въ 1093 году, князья напали на половцевъ; но кіевляне были противъ этого похода, не захотѣли идти съ князьями, и оттого князья потеряли битву. Въ 1096 году, по поводу княжескихъ междоусобій, Святополкъ и Владимиръ писали Олегу Святославичу: «приходи въ Кіевъ; положимъ нарядъ о русской Землѣ предъ епископы, игумены и предъ мужи отецъ нашихъ». «Олегъ—говоритъ лѣтописецъ—воспрінмъ смыслъ буй и словеса величавы, отвѣчалъ: не идетъ судить меня епископамъ или игуменамъ или смердамъ». Это указываетъ, что Олегу предлагали разсудить дѣло князей Землѣ, вмѣстѣ съ духовенствомъ; только неизвѣстно, какіе градскіе люди здѣсь понимались; разумѣлся ли здѣсь только городъ Кіевъ, или же предполагалось призвать людей изъ другихъ городовъ и, слѣдова-

тельно, Земель? Вѣроятно, на послѣдовавшемъ за тѣмъ снемѣ, происходившемъ въ Любечѣ, дѣло обходилось не безъ участія Земли, но мы, опять таки, не знаемъ, были ли тамъ люди изъ другихъ земель; замѣчательно только, что снемъ этотъ происходилъ уже не въ кіевской, а въ черниговской Землѣ; поэтому, если допустить, что въ первый разъ, когда звали Олега въ Кіевъ, подъ градскими людьми разумѣлись кіевляне, то здѣсь, не въ кіевской Землѣ, едва ли за кіевлянами могло остаться право рѣшать участь всѣхъ русскихъ Земель. На этомъ снемѣ постановлено, чтобы каждый князь получилъ себѣ княженіе, но тутъ никакъ не могло быть чего нибудь обязательнаго по наслѣдству; это было только распоряженіе относительно жившихъ и дѣйствовавшихъ въ то время князей. Вслѣдъ за снемомъ въ Любечѣ, послѣдовало ослѣпленіе Василька. Святополкъ хотѣлъ бѣжать, но кіевляне остановили его и сами вызвались быть судьями княжескаго дѣла: Святополкъ повиновался. По смерти его, кіевское вѣче, имѣвшее причины быть недовольну его княженіемъ, покарало его клевретовъ и избрало княземъ Владимира Мономаха. Князь этотъ былъ идеалъ своего вѣка и на долгое время оставилъ по себѣ память, полную уваженія и любви; поэтому, кіевляне долго предпочитали его потомковъ всѣмъ другимъ князьямъ: понятно, почему лѣтописецъ не сообщаетъ никакихъ подробностей о вступленіи на княженіе двухъ его сыновей одного за другимъ; кіевляне признавали ихъ безъ всякаго спора; ихъ желаніе совпадало тогда съ уваженіемъ къ семейному старѣйшинству: Мстислава и Ярополка выбирали они по любви къ нимъ;—впослѣдствіи, когда русскіе хотѣли похвалить князя, то говорили ему: «ты нашъ Мономахъ, ты нашъ Мстиславъ»; но тѣ же кіевляне не стали стѣсняться никакимъ старѣйшинствомъ, когда приходилось выбирать между сыномъ Мстислава Владимировича и дядею Юріемъ, котораго не любили.

Завладѣніе Кіевомъ при Всеволодѣ Ольговичѣ было дѣломъ насилія, и, вѣроятно, Всеволодъ осилилъ Кіевъ съ по-

мощью черниговцевъ: кіевляне уступили и признали его своимъ княземъ, а онъ, съ своей стороны, долженъ былъ дѣлать имъ уступки, чтобы удержаться. Родовое право натянуть за нимъ невозможно. Когда этотъ князь, въ 1146 году, хотѣлъ назначить послѣ себя преемникомъ своего брата Игоря, то не могъ избрать другого пути, какъ только устроить дѣло такъ, чтобы его выбрала Земля кіевская. Игорь на вѣчѣ покупалъ себѣ княженіе обѣщаніями льготъ и уступокъ, но партія его была, какъ видно, мала: по смерти Всеволода, кіевляне составили вѣче у Туровой Божницы и осудили на немъ тіуновъ умершаго князя. Здѣсь уже въ другой разъ является примѣръ, какъ Земля творила судъ и расправу надъ тѣми, которые оказались виновными противъ нея при покойномъ князѣ и употребляли во зло его довѣріе. Вѣче потребовало, чтобы Игорь судилъ самъ и не поручалъ, вмѣсто себя, суда. Но скоро послѣ того опять собралось вѣче, разсудило, что Игорь не годится и выбрало, вмѣсто него, Изяслава Мстиславича. Приверженцевъ Игоря разграбили; самого Игоря, наконецъ, посадили въ тюрьму, отъ которой онъ только избавился постриженіемъ въ чернецы. Это событіе возбудило междоусобія съ княжескою вѣтвью Ольга Святославича и, наконецъ, вызвало бурное вѣче, умертвившее Игоря. Фактъ этотъ показываетъ, какъ мало стѣснялись кіевляне уваженіемъ къ княжескому достоинству, когда посягали на ихъ земское право.

Междоусобіе съ Ольговичами повлекло къ другой усобицѣ между племянникомъ, избраннымъ кіевскою землею и дядею Юріемъ, которому хотѣлось княжить въ Кіевѣ, опираясь на своё семейное старшинство. Партія у него въ Кіевѣ была невелика, но на его сторонѣ былъ князь Галицкой Земли; было у него достаточно силъ Земли Суздальской, и кіевляне должны были уступать, принимать Юрія, но, при первомъ удобномъ случаѣ, прогоняли его и приглашали снова любимаго Изяслава Мстиславича. По смерти послѣдняго,

кіевляне избрали его брата Ростислава, а потомъ, когда онъ не могъ удержаться противъ Юрія, Изяслава Давидовича, наконецъ, признали Юрія. Черезъ два года послѣдовала смерть этого князя; тогда кіевляне разграбили его домъ и перебили суздальцевъ, при помощи которыхъ онъ держался въ Кіевѣ. Здѣсь уже въ третій разъ мы встрѣчаемся съ обычаемъ по смерти князя творить судъ и расправу надъ его клевретами. Въ этотъ разъ судъ кіевлянъ показывалъ большое ожесточеніе, и оно впослѣдствіи тяжело отозвалось Кіеву. Прогнавши и истребивши суздальцевъ, кіевляне выбрали Ростислава Мстиславича; черезъ десять лѣтъ Кіевская Земля выбрала Мстислава Изяславича. Такимъ образомъ, до самаго разоренія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ мы видимъ, что Кіевская Земля свободно избирала и призывала князей и, по смерти ихъ, оцѣняла ихъ способъ управленія. Это земское начало уступало иногда насилію, но потомъ опять вступало въ свои права, потому что всякій насильникъ долженъ былъ подлаживаться къ волѣ Земли, чтобы не потерять партіи, которая могла его поддерживать противъ другого претендента, всегда имѣвшаго возможность опереться на другую партію въ той же Землѣ. Погромъ и униженіе Кіева въ 1169 году были, кажется, слѣдствіемъ избіенія суздальцевъ: въ ополченіи Андрея были дѣти и племянники убитыхъ въ оное время; они то мстили Кіеву за свою кровь. Съ этой поры, хотя и дошли до насъ о Кіевской Землѣ довольно подробныя извѣстія, но они больше касаются внѣшнихъ событій; во всякомъ случаѣ, мы изъ описаній второй половины XII вѣка и первыхъ лѣтъ XIII усматриваемъ, что въ Кіевской Землѣ гражданская стихія уступала военной; цивилизація падала и переходила на сѣверовостокъ; тогда кіевское княженіе дѣлалось достояніемъ игры случая и силы; Землю изображали княжескія дружины, составленныя уже не только изъ русскихъ, но и изъ азіатскихъ инородцевъ, поселенныхъ на почвѣ Кіевской Земли: они то рѣшали судьбу края, поддерживая своимъ оружіемъ то одного князя, то другого; князь, смотря по обстоятельствамъ и ловкости, могъ

быть и слабъ и силенъ, но вообще долженъ былъ мирволить той громадѣ, на которую опирался.

Въ Галичинѣ вездѣ видно участіе Земли, какъ въ избраніи князей, такъ и въ верховномъ судѣ надъ ихъ способомъ управленія. Но тамъ успѣлъ развиться и усилиться аристократическій элементъ, какъ нигдѣ на Руси; этому содѣйствовала возможность образоваться классу богатыхъ землевладѣльцевъ: во-первыхъ, почва была очень плодородна и продукты сбывались удобнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; во-вторыхъ, край галицкій былъ болѣе удаленъ отъ сосѣдства кочевниковъ, чѣмъ, напр., край кіевскій, хотя не менѣе плодородный и богатый, но безпрестанно подвергавшійся разореніямъ. Присоединить къ этому нужно сосѣдство съ уграми и поляками, съ которымъ русскіе имѣли частыя сношенія и усвоивали признаки ихъ жизни, и въ томъ числѣ господство аристократизма въ строѣ. Какъ бы то ни было, бояре, т. е. люди богатые, вліятельные, знатные, держали, въ рукахъ своихъ Землю и изображали преимущественно собою вѣчевую земскую силу. Къ сожалѣнію, намъ не осталось данныхъ, чтобы прослѣдить постепенность усиленія боярства при разныхъ историческихъ обстоятельствахъ края. Видимъ, что галичане вмѣшивались въ семейныя дѣла своихъ князей: напр., сожгли любовницу князя Ярослава, принудили его жить съ законной женой, принять къ себѣ изгнаннаго законнаго сына и удалить любимаго имъ незаконнаго. Впослѣдствіи, они, соблазняясь поведеніемъ своего князя Владимира, прогнали его, но сами раздѣлились на партіи: одни пригласили волынскаго князя Романа, другіе призвали на княженіе угорскаго королевича; такимъ образомъ, одна изъ русскихъ земель чуть было не выбыла изъ круга земель, управляемыхъ князьями единаго Рюрикова дома. Энергическій и рѣшительный Романъ хотѣлъ укротить самовольство бояръ; польскій историкъ сообщаетъ, что онъ употреблялъ противъ нихъ жестокія мѣры; стало быть, онъ былъ силенъ и, слѣдовательно опирался на сильную партію, которая могла быть и противобоярская, народная; но также

могла состоять изъ части бояръ враждебной другой части того же сословія; такъ вообще аристократія часто отличается безладицей и несогласіемъ между своими членами. По смерти Романа, во время малолѣтства его сыновей, Галичина подверглась величайшимъ безпорядкамъ, снова подпадала подъ чуждую власть венгровъ и поляковъ; одинъ изъ бояръ, Володиславъ, захватилъ было княжеское достоинство на нѣкоторое время. Не удалось тогда ни чужеземцамъ, ни боярамъ. Бояре потеряли свою силу въ междоусобіяхъ; возвысилась народная партія, соединилась вокругъ романова сына Данила и возвела его на княженіе. Такъ какъ вслѣдъ затѣмъ наступило татарское завоеваніе, то мы и не знаемъ, въ какихъ отношеніяхъ поставили бы княжескую власть къ земскому началу историческія обстоятельства при независимомъ теченіи жизни въ краѣ.

До насъ не дошло специальныхъ лѣтописей о бѣлорусскихъ Земляхъ и о Смоленской; но тамъ, гдѣ мимоходомъ встрѣчаются извѣстія, является несомнѣнное господство вѣчевого порядка. Земли прогоняли князей и приглашали другихъ: такъ было въ Полоцкѣ въ 1128 и въ 1159 годахъ, въ Друцкѣ въ 1159 году, въ Смоленскѣ въ 1175 и въ 1230; въ послѣднемъ изъ годовъ смольняне, однако, дорого заплатили за свое вѣчевое право; изгнанный князь привелъ полочанъ, перебилъ своихъ враговъ смольнянъ и насильно усѣлся въ Смоленскѣ—разительный примѣръ, какъ князья могли, при случаѣ, поступать насильственно и самовластно, находя себѣ помощь въ другихъ русскихъ Земляхъ. Недостатокъ соединяющей федеративной связи между Землями, естественно, дѣлалъ возможными такіе случаи, и земское право невольно уступало праву силы.

О Ростовско-суздальской Землѣ намъ осталась специальная лѣтопись. Историки наши видятъ здѣсь зародышъ будущаго единодержавія Россіи. Существовало мнѣніе, что въ этомъ краѣ пришлый славянскій элементъ смѣшался съ финскотюркской народностью; такая смѣсь положила начало велико-

русской народности и сообщила ей своеобразный характеръ, болѣе устойчивый и терпѣливый, и потому болѣе наклонный къ монархической власти, чѣмъ у другихъ славянъ. Нѣкоторые даже думаютъ, что славянская стихія составляетъ здѣсь меньшинство и великоруссы ничто иное, какъ народъ туранскаго племени, принявшій славянскую рѣчь, но сохранившій коренные нравы и характеръ древняго своего происхожденія. Но, вникая въ смыслъ лѣтописныхъ сказаній, мы найдемъ не то: и здѣсь, какъ въ другихъ земляхъ, господствовалъ тотъ же принципъ верховной власти Земли; и здѣсь князь, по отношенію къ Землѣ, былъ тоже, что и въ другихъ земляхъ — не владѣлецъ, а правитель. Юрій Владимировичъ, желая утвердить за меньшими сыновьями волость, долженъ былъ созывать на думу ростовцевъ, суздальцевъ, переяславцевъ и владимирцевъ, т. е. всю Землю, но для Земли не обязательны были ни воля покойнаго, ни даже собственныя ея постановленія: Земля всегда имѣла право отмѣнить и переиначить то, что прежде порѣшила. Вопреки распоряженію Юрія, утвержденному Землею, по смерти Юрія, Земля посадила выборомъ на княжескій столъ князя Андрея. Князь этотъ былъ крутъ и своеправенъ, за то и не снесъ головы; но въ его княженіе вѣчевая сила не была, однако, порабощена: такимъ образомъ, мы видимъ, что ростовцы изгнали (слѣдовательно вѣчемъ) своего епископа Леонтія. По смерти Андрея, ростовцы, суздальцы, владимирцы выбрали всею Землею Ростиславичей. Скоро владимирцы стали ими недовольны за то, что они слушались бояръ и допускали собирать себѣ, неправильнымъ образомъ, имущества. Они говорили тогда: «мы себѣ выбрали вольныхъ князей, а эти князья грабятъ насъ будто не свои волости, промышляйте братья». Такимъ образомъ, владимирцы считали за Землею право призывать и прогонять князей и никакого другого права не сознавали. Они прогнали Ростиславичей и выбрали Михаила Юрьевича. Послѣ скоро послѣдовавшей кончины этого князя, произошелъ раздоръ между

городами, замѣчательный въ нашей исторіи, потому что указываетъ на понятіе о старшинствѣ городовъ. Ростовцы выбрали Мстислава Ростиславича, владимирцы Всеволода Юрьевича; на основаніи факта старшинства по времени заложенія города, Ростовъ имѣлъ право, но Владимиръ, населенный пришлыми людьми, не покорялся ему. Дошло до междоусобной войны между городами. Рѣшить споръ могъ только успѣхъ. Владимирцы побѣдили и съ тѣхъ поръ Владимиръ сталъ главою Земли. Ростиславичи были взяты въ плѣнъ, и раздраженное вѣче порѣшило ослѣпить ихъ. Князь Всеволодъ долженъ былъ исполнить это рѣшеніе, но не хотѣлъ и обманулъ вѣче: Ростиславичи были отпущены, а для успокоенія вѣча былъ распущенъ слухъ, что они прозрѣли чудотворнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ, вѣче было сильно, когда князь боялся раздражить его и прибѣгнулъ къ хитрости, чтобъ не показать, что дѣлаетъ вопреки волѣ вѣча.

Всеволодъ Юрьевичъ, какъ и братъ его Андрей, былъ крутого нрава, человѣкъ рѣшительный: это показываетъ его безцеремонный поступокъ съ рязанскими князьями; но вѣчевой строй при немъ былъ въ полной силѣ. Есть одно драгоцѣнное мѣсто въ Переяславской лѣтописи подъ 1213 годомъ; изъ него видно, что тогда было на Руси въ обычаѣ у князей, мимо всякихъ родовыхъ счетовъ и притязаній, учинять рядъ или договоръ съ Землею на вѣчѣ и испрашивать согласія Земли въ тѣхъ случаяхъ, когда князь являлся туда съ правомъ, основаннымъ на чемъ либо другомъ. Князь Ярославъ Всеволодовичъ, получивъ отъ родителя въ удѣлъ Переяславль, пріѣзжаетъ въ этотъ городъ, созываетъ переяславцевъ и говоритъ имъ: «Отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, и меня вамъ. Хотите имѣть меня у себя»? Это мѣсто наглядно показываетъ, что въ сѣверовосточной Руси поставленіе князей окончательно зависѣло отъ Земли; слѣдовательно, и въ тѣхъ мѣстахъ нашихъ лѣтописей, гдѣ говорится просто, что такой-то князь сталъ княжить послѣ отца, слѣдуетъ подразумѣвать, что онъ испрашивалъ согласія Зе-

мли, и только въ силу признанія съ ея стороны вступалъ въ управленіе. Изъ одного мѣста Кіевской лѣтописи видно, что въ XII вѣкѣ князья заключали ряды съ Землею, даже и тогда, когда они были уже приглашены и избраны. Такъ, въ 1154 г., когда Ростиславъ Мстиславичъ былъ призванъ кіевлянами изъ Смоленска, дружина говорила ему: «Ты, князь, еще не утвердился въ Кіевѣ съ людьми; поѣзжай въ Кіевъ и утвердись съ людьми; *аче стрый* придетъ на тя Дюрги, поне ты ся съ людьми утвердилъ будеши, годно ти ся съ нимъ умирити, умиришися пакы ли а рать зачнеши съ нимъ». Къ намъ не дошло ни одного изъ древнихъ рядовъ или утвержденій; есть образчики подобныхъ договоровъ уже въ позднѣйшія времена въ Новгородѣ, но они въ своихъ подробностяхъ не могутъ для насъ служить моделью для болѣе раннихъ. Есть основаніе полагать, что въ до-татарское время такіе ряды были гораздо короче и касались ближайшихъ обстоятельствъ, занимавшихъ жизнь собственно тѣхъ дней, въ которые заключались, а не представляли вообще опредѣлительныхъ правилъ для управленія. Въ тотъ вѣкъ власть князя не подвергалась такимъ стѣсненіямъ въ мелочахъ со стороны Земли, какъ бывало въ Новгородѣ въ XIV и XV вѣкахъ. Въ эти послѣдніе вѣка, вся Русь, кромѣ Новагорода и Пскова, клонилась къ единодержавному порядку и воспринимала новыя формы общественнаго и политическаго быта; только Новгородъ и Псковъ удерживали начала и признаки старой вѣчевой жизни, крѣпко дорожили ими и охраняли ихъ; князья, напитанные инымъ духомъ, были опасны, и необходимо было ограждать себя отъ ихъ посягательствъ заранѣе. Въ до-татарское время такихъ опасностей не представлялось. Князь могъ себѣ править безъ всякихъ ограниченій: для него существовало одно условіе—воля Земли: его прогонятъ, если онъ станетъ неугоденъ. Князей было много, и призвать другого, вмѣсто неугоднаго, было легко. Въ Новгородѣ впослѣдствіи судъ князя былъ раздѣленъ съ посадникомъ; новгородцы считали нужнымъ для своей свободы стѣснить су-

дебное значеніе князя. Не то было въ до-татарское время: князь, по русскому понятію, на то и нуженъ былъ, чтобы судить и рядить; кіевляне, обезпечивая свою свободу, ставили князю въ условіе, чтобы судъ производилъ онъ самъ, а не повѣрялъ бы никому другому. Князь вмѣстѣ былъ и судья, и военачальникъ, и защитникъ страны и ея правитель; власть его обнимала всѣ отрасли управленія. Князь пользовался большими доходами: ему давались и села и торговыя и судныя пошлины; онъ могъ, ни у кого не спрашиваясь, быть неограниченнымъ въ своихъ поступкахъ, но онъ долженъ былъ всегда помнить, что Земля можетъ прогнать его, если онъ выведетъ ее изъ терпѣнія. Мы видимъ, какъ уже и замѣчали, примѣры, что изгнанный князь не всегда покорно исполнялъ приговоръ Земли и нерѣдко выискивалъ средства возвращать потерянное силою. Это было вполнѣ умѣстно въ вѣкъ отваги и удальства. Такимъ образомъ, въ исторіи нашихъ княженій постоянно замѣчается борьба двухъ началъ, по которымъ князья добывали волости, одно—избраніе Землею, другое—овладѣніе силою, при посредствѣ партій. Впрочемъ, оба эти начала нерѣдко и сливались, потому что значеніемъ Земли овладѣвала то та, то другая партія. Чтобы понять это, нужно бросить взглядъ на то, что составляло русскій народъ и кто представлялъ Землю на вѣчѣ.

V.

Такъ какъ въ вѣчевой періодъ вся русская жизнь отличалась крайнею неопредѣленностью, неточностью и невыработанностью формъ, то здѣсь какъ въ хаосѣ можно намъ отыскивать и задатки федераціи, и республики и монархіи; въ сущности же тутъ ничто не подходитъ вполнѣ подъ тѣ осязательныя представленія, какія мы привыкли себѣ составлять въ качествѣ общей мѣрки, прилагаемой къ различ-

нымъ видамъ общественнаго строя; всѣ вопросы, касающіеся отправленій общественной жизни, легко могутъ быть разрѣшаемы противорѣчиво, и впрямь и вкось. Темнота указаній въ источникахъ и вообще недостатокъ свѣдѣній о подробностяхъ помогаютъ этому. Такой характеръ неопредѣленности прилагается и къ вопросу о существованіи сословій въ древней Руси. Нѣкоторые заявляли мысль, что сословій въ древней Руси вовсе не было. Если понимать слово «сословіе» въ теперешнемъ смыслѣ, то оно отчасти выйдетъ такъ; въ древней Руси мы не найдемъ даже сословій и въ томъ значеніи, какое имѣло это слово въ царскую московскую эпоху нашей исторіи, но вѣдь и равенства народа по правамъ каждаго не было, и можно сказать, что сословія существовали въ смыслѣ различія людей по состоянію и по степени того вліянія, какое по своему положенію оказывали одни на другихъ. Это относится собственно къ людямъ свободнымъ: но кромѣ свободныхъ были еще и рабы, и раздѣленіе на свободныхъ и рабовъ существовало строго опредѣлительно въ смыслѣ классовъ противоположно отличныхъ одно отъ другого. Затѣмъ, свободные люди различались между собою по отношенію къ князю и къ Землѣ. По отношенію къ князю, изъ цѣлой громады свободныхъ людей выдѣлялась княжеская дружина, или служилые люди, которые раздѣлялись на вящшихъ или большихъ, и меньшихъ или молодыхъ. Первые именовались княжими мужами или боярами, вторые носили названіе гридней, дѣтскихъ отроковъ или просто дружины. Составляя военную силу и опору князя, дружинники были органами и княжескаго управленія: изъ вящшихъ назначались посадники или намѣстники въ пригороды, изъ низшихъ или молодыхъ тіуны, посельскіе—собиратели княжихъ пошлинъ и доходовъ, управители княжихъ селъ и вообще исполнители княжихъ приказаній. Дружина—явленіе, естественно возникшее съ прибытіемъ варяжскихъ князей, долго оставалась неизбѣжнымъ признакомъ удѣльно-вѣчевой Руси. Идеалъ князя быть миротворцемъ, третей-

скимъ судьею въ междоусобныхъ спорахъ, возникающихъ въ Землѣ и защитникомъ Земли отъ внѣшнихъ враговъ; по этому самому, князю нужно было стоять независимо отъ интересовъ, волновавшихъ землю, быть выше ихъ, чтобы имѣть возможность ихъ судить. Для этого нужна была ему сила, независимая отъ Земли, несостоявшая исключительно изъ членовъ Земли, принадлежащая князю и находящаяся въ его распоряженіи.

Такая сила и явилась: то была дружина. Она, какъ мы уже выше сказали, набиралась отовсюду: кто желалъ, тотъ и вступалъ въ нее, и въ раннія времена въ значительной степени дружина состояла изъ иноземцевъ — варяговъ. Мы уже показали, какъ въ языческій періодъ дружина, ограничиваясь собираніемъ дани для князя и для себя, имѣла характеръ разбойничьей шайки, находящейся въ распоряженіи атамана. Мы сказали также, что съ принятіемъ христіанства и съ усвоеніемъ понятій болѣе цивилизованнаго общества о государствѣ, этотъ характеръ измѣнялся. Теперь прибавимъ, что, съ развѣтвленіемъ княжескаго рода, дружина переставала быть стихіею, вовсе непричастною къ земскому строю; иноплеменники не брали въ ней перевѣса; ее хотя и наполняли разные охотники, но преимущественно жители того же княженія, гдѣ жилъ князь, которому она служила, и потому она стала принадлежать не только князю, но и Землѣ; а главное—князья обогащали дружину, надѣляли дружинниковъ имѣніями, послѣдніе дѣлались землевладѣльцами и потому интересы привязывали ихъ къ Землѣ. Какъ люди свободные, они могли переходить въ дружину другого князя, но не теряли своихъ имущественныхъ правъ въ той Землѣ, гдѣ жили прежде, могли также оставить службу князю, и обратиться къ другимъ занятіямъ.

Такимъ образомъ, дружинники могли дѣлаться членами Земли и притомъ знатнѣйшими, вліятельнѣйшими. Затѣмъ, все остальное населеніе носило общее названіе вольныхъ людей и раздѣлялось, по степени своего состоянія, на вящ-

шихъ, середнихъ и меньшихъ или молодшихъ людей. Вящшіе люди носили названіе бояръ точно также, какъ и высшіе дружинники: слово бояринъ означало вообще человѣка богатаго и вліятельнаго совѣтомъ и думою, примѣняясь и къ тому и къ другому виду, къ боярству дружинному и къ боярству земскому, тѣмъ болѣе, что тотъ и другой видъ часто между собою сочетались и совпадали. Бояре-дружинники были часто, вмѣстѣ съ тѣмъ, и бояре земскіе; не вездѣ и не всегда возможно отличить тѣхъ и другихъ. Правда, въ Новгородѣ бояре новгородскіе, земскіе, рѣзко отличаются отъ мужей княжихъ—дружины, состоявшей не изъ новгородцевъ. Но объ этомъ различіи мы имѣемъ свѣдѣнія изъ извѣстій, преимущественно касающихся послѣ-татарскихъ временъ. Относительно другихъ мѣстъ если говорилось: бояре черниговскіе, бояре владимирскіе, то трудно сказать, о какого рода боярахъ идетъ рѣчь: о боярахъ ли земскихъ, или о боярахъ, служившихъ князю; да едва ли и въ оное время сознавалось это различіе; бояре земскіе могли вступать въ дружину князя, и тогда, оставаясь боярами земскими, они были вмѣстѣ бояре дружинники; а съ другой стороны, бояре дружинники, получая отъ князя села и дѣлаясь вліятельными членами Земли, были вмѣстѣ и бояре земскіе. Званіе боярина приняло смыслъ совѣтника, распорядителя, но званіе это въ такомъ смыслѣ не распространялось безусловно на потомство. При частой смѣнѣ князей, переворотахъ и потрясеніяхъ въ общественномъ порядкѣ, это было невозможно. Бояре, державшіеся стороны одного князя, теряли свое значеніе, когда этого князя вытѣснялъ другой; послѣдній окружалъ себя новыми людьми, оказавшими ему помощь въ достиженіи княженія; новые люди дѣлались боярами, а прежніе упадали въ своемъ значеніи. Но въ ихъ потомствѣ сохранялось если не боярство, то воспоминаніе о боярствѣ отцовъ и дѣдовъ; отсюда явился въ народѣ особый отдѣлъ дѣтей боярскихъ. Вначалѣ, они были на самомъ дѣлѣ дѣти тѣхъ, которые носили званіе бояръ,

но сами они не могли уже сдѣлаться боярами, а оставались съ тѣмъ наименованіемъ, которое означало ихъ дѣйствительное происхожденіе; слѣдовательно, они не могли дѣтямъ своимъ сообщить боярство, а сообщали имъ то званіе, какое сами носили; такимъ образомъ, и ихъ дѣти и внуки, какъ и они, стали называться дѣтьми боярскими. Удерживая это названіе, они обыкновенно служили князьямъ въ дружинѣ, и, такимъ образомъ, званіе дѣтей боярскихъ соединилось съ званіемъ людей служивыхъ. Впослѣдствіи, обыкновеніе вошло въ законъ, и на дѣтяхъ боярскихъ уже легла обязанность служить. Въ такомъ значеніи это званіе явилось при новомъ строѣ русской державы въ московскомъ государствѣ.

Къ людямъ середнимъ принадлежали вообще люди достаточные, но не особенно богатые, и неимѣвшіе лично вліянія на управленіе Землею; они извѣстны были также подъ названіемъ житьихъ или житыхъ людей. То были люди, занимавшіеся промыслами, торговлею и мелкіе собственники земель. Купцы не составляли особаго сословія; купецъ былъ — только занятіе, а заниматься торговлею могли всѣ — и князья, и бояре и житьи люди; но такъ какъ торговля въ оное время не доставляла такого значенія, какъ землевладѣніе и служба князю, то торговцы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не могли подняться до значенія вящшихъ людей или бояръ и остались въ разрядѣ житьихъ людей.

Наконецъ, люди бѣдные, снискивавшіе себѣ пропитаніе ручною работой, составляли классъ черныхъ людей. Низшимъ слоемъ между черными людьми были такъ называемые смерды: то были земледѣльцы, жившіе на земляхъ княжескихъ и находившіеся въ непосредственной зависимости у князя. Что смерды имѣли именно такое значеніе, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: 1) въ Русской Правдѣ наслѣдство послѣ смерда принадлежитъ князю; 2) въ другой статьѣ того же законодательнаго памятника упоминается о случаѣ, когда смердъ мучитъ смерда безъ княжаго слова и тѣмъ самымъ дается

знать, что князь имѣлъ право распоряжаться личностью смерда; 3) въ Новгородѣ прогнали одного князя, поставивъ ему въ вину то, что онъ не заботился о смердахъ (не блюдетъ смердъ). Совокупность этихъ примѣровъ указываетъ, что смерды были люди, находившіеся въ непосредственномъ подчиненіи у князя. Впослѣдствіи, слово смердъ сдѣлалось общимъ названіемъ земледѣльца-работника, но въ болѣе древнія времена, въ до-татарскій періодъ смердъ былъ что то среднее между свободнымъ и рабомъ. Происхожденіе этого сословія, какъ и самое названіе, не объяснены вполнѣ. Намъ кажется, всего вѣроятнѣе, что смерды возникли изъ военноплѣнныхъ, которыхъ князья селили на своихъ земляхъ. По языческимъ понятіямъ, воообще плѣнные обращались въ рабовъ, но славяне издревле, какъ еще свидѣтельствуетъ Прокопій, обращались съ плѣнниками добродушно и не рѣдко допускали ихъ въ число своихъ домочадцевъ; съ христіанствомъ, тѣмъ болѣе, состояніе военноплѣнныхъ должно было облегчиться; между тѣмъ, при постоянныхъ усобицахъ; плѣнныхъ было много; цѣлые города брались на щитъ; оставшіеся въ живыхъ доставались въ удѣлъ побѣдителямъ, и мы знаемъ примѣры, когда князья, взявши городъ на щитъ, уводили жителей на свои земли и поселяли ихъ тамъ. Изъ такихъ то переселенцевъ, вѣроятно, и образовалось сословіе смердовъ. Оно увеличивалось бѣдняками, добровольно поступавшими въ число княжескихъ смердовъ; княжескія и земскія усобицы, подвергая разореніямъ села, способствовали умноженію такихъ бѣдняковъ. Что касается до рабовъ, то нигдѣ не видно, чтобы въ христіанской Руси плѣнъ по праву велъ за собою рабство. Рабами или холопами юридически дѣлались люди, продавшіе себя въ рабство, или проданные своими родителями, какъ это случалось во время голода, люди рожденные отъ рабынь, люди, взявшіе рабынь въ жены и, наконецъ, люди, привязавшіе къ себѣ ключъ безъ ряду т. е. взявшіе у хозяина служебную обязанность безъ договора съ нимъ; это, конечно, постановлялось для того, что иначе не было бы конца спорамъ

о холопствѣ и затруднительно было бы разсмотрѣть, кто холопъ и кто не холопъ; вмѣсто доказательствъ со стороны владѣльца о томъ, что служащій—его рабъ, требовались доказательства отъ служебника, что онъ не рабъ хозяина, такъ что безъ этихъ доказательствъ служба сама по себѣ служила достаточнымъ признакомъ рабскаго состоянія.

Вотъ, вкратцѣ образъ, въ какомъ представляется сословное раздѣленіе въ древней Руси. Мы нарочно коснулись этого предмета для того, чтобы ясно было, изъ какихъ элементовъ могло состоять вѣче, рѣшавшее судьбу Земли.

Всѣ свободные люди, принадлежавшіе къ упомянутымъ намъ видамъ, могли быть равноправными членами своей Земли и составлять вѣче. Но способъ отправленія вѣча не имѣлъ въ себѣ ничего опредѣленнаго, точнаго. Вѣче отправлялось подъ открытымъ небомъ, на площади, или на улицѣ; всякій имѣлъ возможность приходить туда, не собирались голоса, рѣшались дѣла крикомъ;—какая сторона перекричитъ, та и одолѣваетъ; если меньшинство упрямится, то ему можетъ быть худо—въ Новгородѣ его иногда таскали въ Волховъ. Всѣ, и знатные и бѣдные, отъ мала до велика, могли собираться на вѣче, но порядка не соблюдалось и обыкновенно брали верхъ тѣ, которые въ данное время имѣли силу. Иногда вѣче состояло изъ однихъ бояръ, иногда же изъ однихъ черныхъ людей, когда послѣдніе озлобливались противъ боярства. Поэтому, когда въ лѣтописяхъ мы встрѣчаемъ выраженіе: владимирцы, полочане, кіяне, то этого нельзя принимать въ такомъ смыслѣ, чтобы всѣ жители Земли сходились на вѣче по освященному законному порядку; тутъ могъ быть небольшой кружокъ сильныхъ на то время людей, проводившій извѣстное намѣреніе. Такъ, въ XII вѣкѣ одинъ кіевскій князь, вошедши въ Кіевъ, по приглашенію, угощалъ кіянъ; здѣсь нельзя разумѣть цѣлый городъ вообще, а, конечно, тотъ кружокъ, которому князь одолженъ былъ своимъ избраніемъ. Въ Галичѣ бояре, овладѣвшіе судьбою Земли, составляли одни вѣче; остальной народъ не имѣлъ голо-

са, а когда этотъ народъ, противодѣйствуя боярской власти, стекался къ Галичу и избиралъ князя Данила, то въ это время вѣче состояло изъ одного простого народа. Дружинники, какъ люди обращавшіеся съ оружіемъ и, слѣдовательно, составлявшіе сами по себѣ матеріальную силу, играли роль легальныхъ членовъ Земли, составляли вѣча, выбирали князей, поддерживали ихъ, были ихъ совѣтниками, а не рѣдко одни рѣшали судьбу Земли. Такимъ образомъ, при всеобщей неопредѣленности и неточности всѣхъ общественныхъ отношеній, значеніе вѣча случайно переходило на военную толпу, и хотя казалось, что князья выбирались и признавались Землею, дѣйствовали съ согласія Земли, на самомъ же дѣлѣ все творилось одною этою военною толпою или дружиною. Такъ было особенно въ Кіевской Землѣ послѣ разоренія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ, но тоже случалось по временамъ и въ другихъ Земляхъ. Князья пріобрѣтали свои княженія не дѣйствительно законнымъ выборомъ Земли, а «подъискивали, подозрѣвали княженіе», прибѣгали къ коварству и насилію и успѣвали на время, пока другой князь, такимъ же образомъ, не «подозрѣвалъ» подъ соперникомъ княженія и не находилъ способа свергнуть его. Людьми партій, поддерживавшихъ покушенія князей, не руководили какія нибудь намѣренія доставить Землѣ лучшее устроеніе, и каждый имѣлъ въ виду себя, думалъ возвыситься самъ посредствомъ новаго князя. Была обоюдная услуга: приглашавшіе князя ожидали отъ него себѣ выгодъ и средствъ къ возвышенію и обогащенію, а князья гонялись за княженіями, потому что княженія предоставляли имъ доходы съ селъ и разныя пошлины.

Замѣчательно, что въ то время, когда въ Кіевѣ гражданственное начало стало уступать военному и судьба Земли зависѣла отъ случая и силы, въ сѣверовосточной Руси крѣпнетъ земская сила: туда переносится и образованность, какъ будто, не нашедшая себѣ питательныхъ соковъ на кіевской почвѣ.

Мы выше замѣтили, что наши историки видятъ именно въ этомъ краю Руси задатокъ единодержавія еще до татаръ; мы

уже указали примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, что признаки вѣчеваго порядка и выборности князей являются здѣсь не менѣе, какъ и въ другихъ Земляхъ. Полагаютъ, что князьямъ доставили усиленіе власти новые города и тѣмъ положено было начало единодержавнаго строя и подавленія вѣчевыхъ порядковъ, господствовавшихъ въ обычаяхъ старыхъ городовъ. Для примѣра указываютъ на борьбу Владиміра съ Ростовомъ, борьбу, изъ которой меньшій городъ вышелъ побѣдителемъ надъ старшимъ. Дѣйствительно, въ городѣ, который князь возвышалъ, возбуждая самолюбіе жителей, онъ могъ надѣяться имѣть больше власти, чѣмъ въ другомъ городѣ, который ему ничѣмъ не былъ обязанъ; жители новаго города, переселенные издалека и отовсюду, не имѣли мѣстныхъ преданій, противоборствовавшихъ княжеской волѣ, но этого было недостаточно, чтобы измѣнить коренной порядокъ, къ которому привыкли не одинъ какой нибудь городъ или же два-три города, а вся Русь. Пока-то жители новыхъ городовъ успѣвали составить мѣстныя преданія на своемъ новосельи, а во всякомъ случаѣ, они приносили съ собой на это новоселье завѣтныя преданія отцовъ. Владимирецъ не скоро могъ забыть и утратить духъ своего отца или дѣда кіевлянина; въ новыхъ городахъ были пока слабы мѣстные интересы, но общія понятія, свойственныя всей русской Землѣ, были вообще ихъ сильнѣе; обычаи и убѣжденія вѣковъ не перерождаются отъ одного выселенія, безъ другихъ, болѣе вліятельныхъ обстоятельствъ. Доказательствомъ могутъ служить обстоятельства, сопровождавшія убіеніе князя Андрея; этотъ князь возвысилъ Владиміръ, но по смерти его владимирцы, наравнѣ съ другими городами, совершили казнь надъ его клевретами. Возникъ споръ между городами, но не видно, чтобы городъ Владиміръ стоялъ за монархическій принципъ. Преемники Андрея, Михаилъ, а потомъ Всеволодъ, избраны были владимирцами на вѣчѣ, точно также, какъ это дѣлалось и въ старыхъ городахъ. Владиміръ стремился сдѣлаться старѣйшимъ городомъ въ ущербъ Ростову и Суз-

далю, но сохранялъ въ себѣ тѣ же пріемы общественной жизни, какіе были и въ старѣйшихъ городахъ. Если въ борьбѣ Владимира съ Ростовомъ что́ было новаго, то развѣ религіозное христіанское начало въ противоположность старымъ обычаямъ языческихъ временъ, да и то этимъ только освящалось стремленіе пригорода стать выше старѣйшаго города. Дѣло въ томъ, что Андрей перенесъ во Владимиръ чудотворную икону Богородицы; построенъ былъ храмъ Богородицы, составлявшій мѣстную святыню; по всѣмъ вѣроятіямъ, Владимиръ былъ съ самаго начала заселенъ христіанами и въ немъ никогда не было язычества, тогда какъ древніе города существовали еще до христіанства. Владимирцы признавали надъ своимъ городомъ благословеніе Божіе и преимущественно святой Богородицы; такъ, по крайней мѣрѣ, видно изъ тѣхъ философскихъ размышленій, которыя, по поводу тогдашнихъ событій, позволяли себѣ лѣтописцы. Здѣсь происходилъ поворотъ не къ единодержавію, не къ отдачѣ судьбы Земли произволу владыки, а къ тому, чтобы признать верховнымъ источникомъ устроенія Земли — проявленіе божьей благости надъ человѣческими поступками. Лѣтописецъ сознаетъ, что Ростовъ и Суздаль—старые города, а бояре ростовской Земли хотѣли поставить правду свою, правду старую, правду преданія и древняго обычая, общаго искони русской Землѣ, по которому старѣйшіе города сходятся на вѣче и что сдумаютъ, на томъ пригороды станутъ; старѣйшіе устанавливаютъ судьбу Земли, а меньшіе имъ повинуются. Но есть другая правда, высшая, правда Божія. Владимиръ—городъ мезинный, позналъ ее, Владимиръ находится подъ небеснымъ покровительствомъ, его осѣняетъ чудотворная икона, и потому, что задумываетъ Владимиръ, то хорошо, и Владимиръ успѣваетъ; на то Божія воля—то чудо. Тутъ, сверхъ того, какъ видно, примѣшалась и сословная борьба. На сторонѣ Ростова бояре, гридьба, пасынки; народъ, вѣроятно, былъ на сторонѣ Владимира, и этимъ, быть можетъ, объясняется успѣхъ Владимира. Ростовъ, какъ городъ старѣйшій,

сопротивлялся, и сталъ противъ Владимира; не хотѣлъ подчиняться князю, выбранному послѣднимъ, избралъ Ростиславичей; за нихъ была, какъ ясно изъ смысла лѣтописи, партія болярская; гдѣ только лѣтописецъ говоритъ: ростовцы, — тамъ прибавляетъ: «боляре» или «болярство». Ростовъ имѣлъ притязаніе распоряжаться судьбою всей Земли; Владимиръ требовалъ свободы для каждаго города. Всеволодъ, избранный Владимиромъ, говорилъ Ростиславичу чрезъ посла такую рѣчь: «Брате, тебя привели ростовцы и боляре, а меня Богъ и владимирцы, а Суздаль кого захочетъ, тотъ ему и будетъ князь». Ни Всеволодъ, ни владимирцы не домогались, чтобъ Ростовъ не держалъ у себя такого князя, какого хотѣлъ; онъ только не хотѣлъ подчиняться Ростову самъ, не хотѣлъ, чтобъ и другіе подобные ему пригороды подчинялись старѣйшему городу, а чтобъ каждый распоряжался собою. При такомъ направленіи на сторону Владимира склонилась вся Земля, а наконецъ, и самый Ростовъ покорился ему, какъ скоро выбранный имъ князь былъ разбитъ и вмѣстѣ съ нимъ болярская партія потерпѣла пораженіе. Ничто не показываетъ, чтобъ Владимиръ въ этомъ дѣлѣ стоялъ за монархическое начало или чтобъ онъ, какъ новый городъ, могъ его воспитать въ себѣ.

Также точно не согласимся мы и съ тѣмъ мнѣніемъ, будто владимирскіе князья начали стремиться сознательно къ подчиненію себѣ удѣльныхъ князей и къ соединенію подъ своей властію русскихъ земель. Дѣйствительно, князья этого края, Андрей и Всеволодъ, имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя силы Земли, пользуясь счастливымъ по тогдашнимъ условіямъ положеніемъ своей волости и приливомъ къ ней отовсюду народонаселенія, внушали къ себѣ уваженіе другимъ русскимъ князьямъ: послѣдніе обращались къ нимъ, искали ихъ союза какъ сильнѣйшихъ, подъ-часъ даже владимирскіе князья раздѣлывались круто со слабыми, когда тѣ задирали ихъ и не могли сладить, но то дѣлалось вслѣдствіе фактической силы, а не предвзятой и послѣдовательно проводимой задачи, не по сознанію, что въ

Руси слѣдуетъ быть иному порядку, который бы уничтожилъ и вѣча и князей, не съ надеждою, что изъ такихъ дѣлъ выйдутъ современемъ великія перемѣны. Подчинить другаго князя себѣ, заставить его исполнять свою волю, даже при случаѣ прогнать его изъ Земли — не значило еще вводить иной порядокъ. Желаніе спихнуть князя и сѣсть на его мѣсто или посадить своего пріятеля — фактъ обычный въ удѣльно-вѣчевое время; онъ много разъ повторялся и не означалъ никакого поворота вещей. Вмѣсто изгнаннаго князя будетъ другой; но чтобъ не было нигдѣ князей, кромѣ одного государя—до этого никто не додумался. Равнымъ образомъ, никто не замышлялъ уничтожать права Земель на рѣшеніе своей судьбы;—старались только, чтобы Земля по волѣ или по неволѣ расположена была принять такого-то князя. Всеволодъ круто расправился съ рязанскими князьями: онъ увезъ ихъ изъ рязанской земли и посадилъ въ Рязани на княженіе сына своего Ярослава, но это событіе произошло, по видимому, не насильственно: сами рязанцы выдали ему своихъ князей; слѣдовательно перемѣна сдѣлалась съ согласія рязанской Земли; черезъ нѣсколько времени рязанцы стали недовольны новымъ княземъ, прогнали его, а его клевретовъ зарыли живьемъ въ погребѣ. Всеволодъ не оказался на столько сильнымъ среди русскихъ князей, чтобы и послѣ этого принудить рязанцевъ покориться своей волѣ. Всеволодъ не удержалъ рязанской Земли. Былъ у него споръ съ Новгородомъ: и тамъ онъ долженъ былъ уступить.

Такимъ образомъ, въ сѣверовосточной Руси до татаръ не сдѣлано было никакого шага къ уничтоженію удѣльно-вѣчеваго строя, а если Всеволоду оказывали уваженіе и признавали за нимъ старѣйшинство, то это дѣлалось во вниманіе къ его силѣ, изъ желанія получить, въ случаѣ нужды, отъ него его помощь, а никакъ не потому чтобъ за нимъ признавали какое-нибудь первенство или главенство надъ всей Русью. Да и какъ можно отыскивать начало монархизма тамъ, гдѣ всѣ до единаго князья были выборные, и гдѣ все шло къ большему раздробленію княженій, а не къ соединенію? Земля избирала Андрея, вопреки за-

вѣщанію отца; сыновья Всеволода должны были по смерти этого князя получить удѣлы и дѣлать соглашенія съ вѣчами. Такимъ образомъ, удѣльно-вѣчевое начало не только не упадало, но развивалось въ сѣверо-восточной Руси правильнѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ русскаго міра. Нѣтъ основанія искать здѣсь какихъ-то отличій отъ другихъ русскихъ Земель, вслѣдствіе происхожденія особой этнографической вѣтви—смѣси славянской народности съ финско-тюркскою, и выводить отсюда склонность къ самодержавію, совершенно противную древнему славянскому духу. Мы не отрицаемъ, что такое смѣшеніе племенъ существовало, но не видимъ никакихъ данныхъ признавать его настолько важнымъ, чтобы оно могло дать народной жизни начало, совершенно противоположное прежнимъ славянскимъ свойствамъ. Смѣшеніе это едвали было значительно. Большая часть бывшихъ здѣсь аборигеновъ уходили къ востоку. Еще въ XVI вѣкѣ существовало живое преданіе, что черемисы, жившіе въ Казанской области, были потомки тѣхъ, которые жили въ Ростовско-Суздальской области и убѣжали изъ прежняго своего мѣста жительства, оставивъ свои земли русскимъ. Славянская колонизація началась здѣсь съ глубокой древности, а въ XI и XII вѣкахъ сильно увеличилась переселенцами съ юга. По мѣрѣ того, какъ южная Русь была опустошаема половцами, толпы русскихъ бѣжали оттуда на сѣверо-востокъ. Этого было достаточно, чтобы, при благопріятныхъ условіяхъ, при большомъ, сравнительно съ другими краями русскаго міра, спокойствіи, славянское населеніе возрасло, въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній, до значительной степени. Мы имѣемъ цѣлую лѣтопись о событіяхъ этого края въ XII вѣкѣ, и лѣтописецъ нигдѣ не проговаривался, хотя бы случайно, о пребываніи тамъ какихъ-нибудь инородцевъ; вездѣ идетъ рѣчь объ одномъ русскомъ народѣ, и всѣ движенія общественной жизни явно указываютъ на тотъ же славянскій духъ, который господствовалъ и въ южной Руси, и вездѣ на Руси.

Итакъ, въ до-татарскій періодъ не выработалось никакихъ основъ для будущаго единодержавія въ Россіи, а тѣмъ болѣе не было сознательнаго стремленія къ нему. Въ удѣльно-вѣче-

вомъ строѣ этого періода не видно никакихъ признаковъ, которые приводили бы необходимо къ единодержавному порядку. Русь дробилась болѣе и болѣе, но не теряла только духовнаго единства, и тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не къ единому монархическому государству. Съ татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крутой поворотъ.

VI.

Татарское нашествіе совершилось внезапно. Неволя охватила свободолюбивую Русь вдругъ; никто не придвидѣлъ, никто не предчувствовалъ этого удара. Вліяніе, которое это событіе имѣло на послѣдующую жизнь Руси, зависитъ не столько отъ свойствъ и характера завоевателей, сколько отъ способа самаго завоеванія и отъ обстоятельствъ, его сопровождавшихъ. Кто бы ни завоевалъ Русь—для нея важно было то, что она была зовоевана.

Размышляя о нашествіи татаръ, слѣдуетъ не упускать изъ виду важнаго обстоятельства. Русь, раздробленная и заранѣе растратившая въ междоусобіяхъ свои средства къ защитѣ, не могла собраться на отпоръ невѣдомому и нежданному врагу; въ ней не оказалось ни ума, ни разсчета — царствовала поголовная безтолковщина. Князья и ихъ земскіе совѣтники пренебрегли новою силою, безразсудно раздражили ее, не приготовившись, смѣло вышли противъ нее въ степь и тамъ погибли. Вслѣдъ затѣмъ не предпринималось никакихъ мѣръ къ оборонѣ; никто не ожидалъ возвращенія враговъ; русскіе продолжали заниматься своими дрязгами. Прошло 13 лѣтъ и враги въ другой разъ появились также нежданно, какъ и въ первый; и теперь, послѣ даннаго урока, Русь не поумнѣла; за то ея энергія и мужество были изумительны: вездѣ русскіе защищали свою свободу съ истиннымъ геройствомъ. Ни одинъ городъ не сдался татарамъ. У монгольскихъ завоевателей было такое правило: если побѣжденные покоряются — щадить ихъ, и чѣмъ они покорнѣе, тѣмъ

милостивѣе съ ними обходиться; русское правило: лежачаго не бьютъ, вполнѣ примѣнялось къ политикѣ монголовъ; за то, если покоряемые упорно защищаются—слѣдуетъ истребить ихъ безъ разбора отъ мала до велика. Такъ разсчитывали монголы, и разсчетъ варваровъ былъ вѣренъ. Меньше останется людей—нельзя имъ будетъ поднять оружіе, и будутъ они покорны поневолѣ, хотя бы и не хотѣли покориться добровольно. Русь показала себя передъ ними крайне упорною, и потому была опустошена до крайней степени. Завоеватели принуждены были брать города приступомъ; жители погибали въ отчаянной рѣзнѣ, враги въ неистовствѣ убивали малыхъ и престарѣлыхъ, только немногія женщины попадались въ плѣнъ, а иныя спасались отъ плѣна самоубійствомъ. Тѣ изъ русскихъ, которые были потрусливѣе, разбѣгались по лѣсамъ, но, спасаясь отъ непріятельскаго меча, умирали отъ голода и холода. Исключая Новгорода, Смоленска и Бѣлорусскихъ княженій, куда не заходили завоеватели,—въ остальной Руси едвали осталась десятая часть прежняго населенія, и притомъ, остались въ живыхъ, конечно, только тѣ, которые способнѣе были приладиться ко всякой перемѣнѣ въ общественной жизни. Дорожившіе свободою предпочли рабству смерть: лучше быть потяту, чѣмъ полонену, — говорилъ не даромъ древній пѣвецъ; и завѣщаніе Святослава: мертвые срама не имутъ,— глубоко лежало въ русскомъ сердцѣ. Меньшинство, оставшееся въ живыхъ, уже не въ силахъ было помышлять о возстаніи: приходилось дрожать за жалкую жизнь, приходилось сживаться съ новыми условіями. Поколѣнія, смѣняя одно другое, возрастали и старѣлись въ этихъ условіяхъ. Измѣнялись понятія, измѣнялся строй общественной жизни и самый народный характеръ. Конечно, безъ колебанія не обходилось; старыя начала не разъ высказывались, но всегда были подавляемы, и послѣ каждаго подавленія слабѣли и таяли. Вѣча умолкли. Только въ Новгородѣ и Псковѣ долго еще раздавался ихъ звонъ, но и тамъ старыя жизненныя начала только прозябали, а уже не развивались и не давали новыхъ формъ.

Условія, въ которыя стали завоеватели къ покореннымъ,

неизбѣжно должны были сразу парализовать вѣчевую жизнь. Прежде надъ Русью не было единаго господина, — теперь онъ явился впервые въ особѣ грознаго завоевателя, хана. Русь, покоренная его оружіемъ, стала его военною добычею, его собственностью; всѣ русскіе отъ князя до холопа стали его рабами безъ исключенія. Въ этомъ-то рабствѣ Русь нашла свое единство, до котораго не додумалась въ періодъ свободы.

Періодъ порабощенія Руси подъ властью монголовъ разбивается на двѣ половины: въ первой—образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія, — рядъ князей и государей съ старѣйшимъ княземъ на челѣ ихъ—всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, татарскаго хана, истиннаго собственника русской земли; во второй половинѣ — усиливается власть старѣйшаго князя, а власть хана слабѣетъ, и наконецъ старѣйшій князь замѣняетъ собою хана со всѣми его аттрибутами верховнаго государя и собственника русской земли.

Въ первой половинѣ Русь начала представлять изъ себя подобіе съ феодальнымъ порядкомъ, чего прежде не было. Вскорѣ послѣ завоеванія, уцѣлѣвшіе отъ бойни князья стали ѣздить къ хану на поклонъ, и ханъ отдавалъ имъ ихъ княженія въ вотчину. Князья сразу поняли, что теперь ихъ княженія зависятъ отъ воли хана, ихъ государя, какъ прежде зависѣли отъ согласія Земли или отъ собственной силы и ловкости. И ходили они въ Орду «про свою вотчину». Здѣсь-то начался великій переворотъ въ русской исторіи. Прежде князь не считалъ и не могъ считать своего княженія вотчиною, т. е. собственностью; политическій складъ Руси былъ таковъ, что ему и въ голову не могло придти подобнаго стремленія; онъ правилъ Землею, какъ правитель: если подчасъ, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ дозволялъ себѣ и произволъ, и насиліе, то это все-таки дѣлалось въ качествѣ правителя Земли, а не въ значеніи государя, не собственника. Земля ему не принадлежала, Земля была сама себѣ государь, а князь — господинъ, которому она сама себя довѣряла и отдавала на рядъ и управу. Если князь произвольно распоряжался Землею, то онъ былъ въ такомъ значеніи,

въ какомъ, напримѣръ, можетъ быть въ монархическомъ государствѣ, при слабомъ государѣ, ловкій министръ, безусловно властвующій надъ государствомъ: онъ силенъ, но онъ все-таки не государь. Теперь Земля перестала быть самостоятельною единицею; мѣсто ея заступилъ князь; она спустилась до значенія вещественной принадлежности. Такъ было въ порядкѣ вещей. Иначе и быть не могло. Монголы не имѣли задачи истреблять вѣру, обычаи и нравы покоренныхъ народовъ; непокорныхъ они избивали, и тогда вѣра, обычаи и нравы пропадали сами собою вмѣстѣ съ людьми, но пока живы были монголамъ принадлежащіе люди, оставались съ ними живы и ихъ признаки настолько, насколько сами люди покорялись. Монголы застали на Руси — Земли и князей. Съ Землями имъ нельзя было входить въ непосредственныя сношенія и сдѣлки: нельзя же было вѣчамъ являться къ хану для принятія отъ нихъ милостей и закона. То было физически невозможно. Ханы могли имѣть дѣло только съ отдѣльными личностями, которые бы отвѣчали за Земли, а такими личностями были князья. Для удержанія господства надъ страной, ханамъ не представлялось иного средства, какъ возложить на этихъ князей отвѣтственность за покорность, а это возможно было только при расширеніи власти князей, при отдачѣ имъ въ собственность Земель, которыми они управляли. Монгольскіе завоеватели поступали съ побѣжденною страною въ извѣстномъ смыслѣ льготнѣе, чѣмъ, напримѣръ, варвары, завоевавшіе провинціи западной римской имперіи: послѣдніе раздавали земли во владѣніе своимъ людямъ; монголы почти не дѣлали этого и, вмѣсто своихъ, жаловали чужихъ, требуя отъ нихъ того, что другіе возлагали на своихъ. Ханы принимали покорныхъ князей радушно, милостиво, требовали отъ нихъ только безусловной покорности; кто показывалъ духъ неповиновенія, съ тѣмъ расправлялись жестоко: черниговскій князь поплатился жизнью, отказавшись исполнить обрядъ, который счелъ за нарушеніе своей религіи, но который былъ только знакомъ покорности. Князь Данило Романовичъ попытался было медлить поѣздкою къ хану, и за то его волость потерпѣла ра-

зренія, а князь спасся только тѣмъ, что, скрѣпя сердце, долженъ былъ ѣхать къ своему владыкѣ и подвергнуться у него чести, которая злѣе зла показалась современному русскому лѣтописцу, еще не утратившему свободной души предковъ.

Ханы хорошо понимали, что покорность князей невольная. Надъ князьями нуженъ былъ надзоръ, и монголы въ этомъ случаѣ воспользовались тѣмъ, что нашли въ обычаяхъ страны. Существовало званіе старѣйшаго князя, званіе неопредѣленное, въ послѣднее время не принадлежавшее никому по какому-либо праву и даваемое другими князьями тому, кто былъ сильнѣе и внушалъ къ себѣ уваженіе. Ханы подняли это званіе, дали ему власть и силу. За этимъ званіемъ стали гоняться князья, какъ за цѣлью высшаго честолюбія, а оно получалось однимъ путемъ — поклонами и угодничествомъ владыкѣ. Прежде существовало первенство старѣйшихъ городовъ Земель надъ пригородами; и въ старѣйшихъ городахъ и въ пригородахъ были князья; теперь и тѣ и другіе князья сдѣлались собственниками; отношенія городовъ перешли на нихъ: князья низшіе стали находиться въ болѣе опредѣленной зависимости отъ высшихъ. Князь въ старѣйшемъ городѣ былъ выше того, кто сдѣлался собственникомъ бывшаго пригорода. Монголы воспользовались и другимъ понятіемъ о старѣйшинствѣ — родовымъ: по умершемъ братѣ старѣйшимъ былъ братъ, слѣдовавшій за умершимъ по времени рожденія, за нимъ другой братъ, третій и т. д., а потомъ уже дѣти, племянники и т. д. Меньшой долженъ былъ почитать старшаго и по нравственному чувству уступать ему; но прежде это было только нравственное семейное понятіе, а не юридическое право, и, какъ мы видѣли, не всегда такъ дѣлалось и отнюдь не считалось необходимымъ, чтобы такъ было. Монголы уважали этотъ нравственный обычай, когда только это имъ было выгодно, и князь, на основаніи такого старшинства получившій власть, былъ крѣпче, чѣмъ былъ бы прежде, когда зависѣлъ отъ произвола Земли. Но тѣже монголы не стѣснялись нарушать этотъ нравственный обычай, точно также, какъ въ былое время дѣлали Земли, оказывавшія этому нравственному понятію ува-

женіе до извѣстной степени, но не настолько, чтобы стѣснять имъ свои выгоды; въ этомъ отношеніи то, что принадлежало Землямъ, перешло теперь къ ханамъ. Все это были элементы, послужившіе къ неравенству между князьями при одинаковомъ порабощеніи всѣхъ верховному государю — хану.

Князья скоро испытали, что чѣмъ покорнѣе они будутъ вести себя передъ ханомъ, тѣмъ безопаснѣе усидятъ на своемъ княженіи, и ихъ волости будутъ ограждены отъ разоренія. Раболѣпство передъ завоевателемъ служило единственнымъ ручательствомъ за спокойствіе страны. Всѣхъ лучше понялъ это Александръ Невскій — этотъ первообразъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ московскихъ князей. Новгородъ не хотѣлъ было допустить ханскихъ численниковъ, и князь, оказавшій передъ тѣмъ великія услуги Новгороду, выкалывалъ глаза и поролъ носы тѣмъ новгородцамъ, которые подущали народъ не повиноваться завоевателямъ. За это онъ вошелъ въ большую милость у хана и впослѣдствіи могъ быть полезнымъ заступникомъ за Русь. Въ Ростовской области тяжело стало отъ татарскихъ даней: онѣ были на откупу, и сами русскіе не считали предосудительнымъ нагрѣвать себѣ руки отъ народной бѣды. Народъ не могъ скоро измѣнить своихъ привычекъ; зазвонили вѣча, стали бить сборщиковъ. По примѣру Ростова тоже произошло во Владимирѣ, Суздалѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ, Угличѣ и отдаленномъ Устюгѣ. Александръ Невскій тотчасъ же поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ утишить гнѣвъ хана. Его вся дѣятельность клонилась къ тому, чтобы охранить русскій народъ отъ печальныхъ слѣдствій, которыя могла на него навести татарская месть за вспышки неповиновенія. Онъ умѣлъ подладиться къ завоевателямъ; ему довѣряли, ради его прощали другимъ. Такая ловкость и умѣнье уживаться съ завоевателями не только укрѣпили его власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ подняли и возвысили значеніе старѣйшаго князя, которое потомъ вело къ единодержавію.

Власть старѣйшаго или великаго князя усилилась отъ подчиненія Новгорода. До сихъ поръ Новгородъ не признавалъ свои-

ми князьями такимъ, которые, сдѣлавшись новгородскими князьями, могли бы княжить еще и въ другомъ мѣстѣ. Князь долженъ быть выбранъ въ Новгородѣ, жить въ Новгородѣ и служить ему одному. Но съ татарскимъ завоеваніемъ порядокъ и тамъ сталъ измѣняться. Въ XIII-мъ вѣкѣ Новгородъ сдѣлался какъ бы прикованнымъ къ особѣ великаго князя. Призвавъ, по обычаю, къ себѣ въ князья Дмитрія Александровича изъ Переяславля, Новгородъ долженъ былъ отказать ему и подчиниться костромскому князю Василію, котораго ханъ призналъ великимъ: онъ этого требовалъ, а за него были татары. Съ этихъ поръ новгородское княженіе остается какъ бы принадлежностью великаго княженія. Великій Новгородъ удерживаетъ внутри себя свой старый вѣчевой строй, но уже не можетъ, какъ прежде, безопасно выбирать князей: онъ долженъ признавать своимъ княземъ великаго, и такъ какъ великій князь не можетъ постоянно жить въ Новгородѣ, то оставляетъ вмѣсто себя намѣстника на Городищѣ. Съ тѣхъ поръ Новгородъ постоянно заботится сколько возможно обезопасить свою свободу отъ великокняжескихъ покушеній. Отсюда рядъ договоровъ съ великими князьями: главною цѣлью ихъ раздѣлить кругъ власти и дѣятельности великаго князя отъ круга земскихъ дѣйствій. Великій Новгородъ и великій князь становятся лицомъ къ лицу въ борьбу между собою. Великій князь хочетъ наложить руку на новгородскую свободу; Великій Новгородъ хотѣлъ бы избавиться отъ великаго князя. Долго ни тотъ, ни другой не достигаютъ цѣли. Но власть великаго князя возрастаетъ, и Великій Новгородъ мало-по-малу принужденъ подаваться въ этой борьбѣ.

Значеніе великаго князя не подвергалось уже разнымъ колебаніямъ и зависѣло исключительно отъ благоволенія ордынскаго. Кто рѣшится ослушаться воли хана и называться великимъ безъ его согласія, тотъ платится за это жестоко, и Земли, которыя станутъ за такого ослушника, подвергаются разоренію. Такъ случилось въ спорѣ двухъ братьевъ Димитрія и Андрея, сыновей Невскаго. Димитрій, сначала утвержденный въ великокняжескомъ достоинствѣ Ордою, а потомъ, по волѣ Орды, долженъ

ствовавшій уступить это достоинство меньшому брату Андрею, вздумалъ было сопротивляться, и за это татары, помогая Андрею, два раза страшнымъ образомъ разорили окрестности Ростова, Торжка, Твери, Владимиръ, Суздаль, Муромъ, Переяславль и кромѣ того четырнадцать другихъ городовъ. Можно себѣ представить ужасъ этого событія, послѣдствія усобицы между родными братьями, которые не затрудняются одолѣвать другъ друга при пособіи поработителей своего отечества, отдавая имъ на съѣденіе истощенное, обнищалое, запуганное населеніе русскихъ земель: а между тѣмъ это событіе было одно изъ важныхъ, подготовлявшихъ Русь къ будущему единодержавію; оно укрѣпляло въ народѣ мысль, что его судьба зависитъ отъ верховнаго единаго владыки; кого назначитъ этотъ владыка—тотъ народу и господинъ; всѣ—и князья, и бояре, и простые поселяне, всѣ равны передъ этимъ владыкою, а за непослушаніе его волѣ придется страшно отвѣчать не только виновнымъ, но и десяткамъ тысячъ невиннаго народа.

Сборъ дани былъ главнѣйшимъ признакомъ порабощенія и самымъ важнѣйшимъ путемъ къ измѣненію понятій и нравственныхъ взглядовъ русскаго народа. Сначала завоеватели посылали за этимъ дѣломъ въ Русь своихъ баскаковъ, потомъ сочли удобнѣе отдавать сборъ дани на откупъ, а потомъ—стали довѣрять его князьямъ, первоначально тамъ, гдѣ князья покорностью и угодничествомъ заслуживали такое довѣріе. Къ концу XIII-го вѣка уже перестали посылать баскаковъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, и сборъ дани былъ вездѣ возложенъ на князей. Самый размѣръ дани былъ неравенъ и зависѣлъ отъ сдѣлки, заключенной княземъ въ Ордѣ. Понятно, какъ должна была подняться и усилиться власть князя надъ народомъ: отъ него зависѣло распредѣлить дань, назначить сколько должна была платить та и другая волость; онъ, во имя той непреодолимой верховной силы, которая тяготѣла надъ всѣми равно, онъ требовалъ себѣ покорности и казнилъ непокорныхъ; онъ всегда могъ ихъ устрашить именемъ татаръ, когда только въ этомъ оказывалась нужда. И такой примѣръ мы видимъ на Волыни въ

Берестьѣ. Горожане не хотѣли повиноваться распоряженію покойнаго своего князя и признать княземъ его сына, а призвали другого князя: поступокъ ихъ былъ совершенно въ духѣ прежняго времени; но сынъ прежняго князя объявилъ, что онъ призоветъ татаръ, и это такъ устрашило противную ему сторону, что и берестяне покорились, и князь, ими приглашенный, отказался отъ княженія самъ, а берестянъ за ихъ непослушаніе обложили тяжелою данью. Такимъ образомъ, князьямъ стали нужны татары, потому что, въ случаѣ столкновенія съ прежними вѣчевыми началами, могли подать имъ помощь противъ народа. Князья входили въ дружескія сношенія съ завоевателями, женились на ханскихъ дочеряхъ, служили ханамъ противъ ихъ непріятелей и испрашивали татарской помощи въ своихъ междоусобіяхъ. Въ Ордѣ все можно было купить, иногда и отъ всего откупиться; крѣпость князя на его княжескомъ столѣ измѣрялась подарками, расточаемыми въ Ордѣ ханскимъ любимцамъ, низкопоклонничествомъ предъ всѣми тѣми, кто имѣлъ на то время въ Ордѣ силу и вѣсъ. То, что князь истрачивалъ въ Ордѣ для своего удержанія на столѣ, выбиралось съ народа съ полнымъ произволомъ. Какъ въ Ордѣ князь покупалъ свои права и вымаливалъ поклонами благосклонность высшихъ себя, такъ его намѣстникамъ и волостелямъ нужно было у своего князя покупать и вымаливать должности и милости. Бояре опирались на князя, какъ князь на Орду; какъ князь получалъ свое княжество отъ хана, такъ и владѣніе имѣніями бояръ обезпечивалось милостію князя; бояринъ пріучался, въ случаѣ нужды, ползать передъ княземъ, какъ князь передъ ханомъ, и за то могъ распоряжаться съ произволомъ надъ низшимъ или чернымъ народомъ. Необузданный способъ обращенія бояръ съ черными людьми не разъ вызывалъ въ разныхъ мѣстахъ вспышки еще тлѣвшей въ русскихъ искры вѣчевой старины. Въ 1304 году, въ Костромѣ народъ собрался на вѣче и побилъ бояръ. Въ слѣдующемъ 1305 году тоже явленіе было въ Нижнемъ-Новгородѣ: черные люди возстали на бояръ и побили ихъ. Но такія вспышки не могли быть продолжительны и по неудачному исходу не могли увлекать своимъ примѣромъ дру-

гихъ. Послѣ нижегородскаго возмущенія, бывшій тогда въ Ордѣ нижегородскій князь воротился домой съ татарами и перебилъ «вѣчниковъ». Слово «вѣче» потеряло прежнее священное значеніе совѣщательнаго собранія свободной Земли: оно стало синонимомъ скопища, заговора, бунта, и слово «вѣчникъ» значило тоже, что бунтовщикъ. Исчезло чувство свободы, чести, сознанія личнаго достоинства; раболѣпство предъ высшими, деспотизмъ надъ низшими—стали качествами русской души. Паденію свободнаго духа и отупѣнію народа способствовало то, что Русь постоянно была въ разореніи, нищетѣ и малолюдствѣ. Князья, сдѣлавшись государями своихъ волостей, продолжали вести усобицы, но онѣ отзывались гораздо тяжелѣе для русскаго народа, чѣмъ въ прежнія времена, потому что у князей входило въ обычай приглашать татарскія полчища на Земли своихъ противниковъ. Едва сѣверная Русь успѣла позабыть страшную эпоху междоусобій сыновей Невскаго, какъ возникъ столь же страшный рядъ усобицъ между Москвою и Тверью, въ которыхъ по неволѣ принимали участіе и другія русскія Земли. Московскіе князья менѣе всѣхъ были разборчивы въ средствахъ. Во время борьбы Юрія съ Михаиломъ нѣсколько разъ проходили по владимирской и тверской Землямъ помогавшія Юрію татарскія орды. Послѣ трагической кончины двухъ тверскихъ князей, третій изъ нихъ купилъ себѣ великое княженіе условіемъ, черезъ-чуръ тяжелымъ для разореннаго и безъ того уже народа—дозволить брать двойную дань съ своей волости. По такому договору нахлынули татары въ тверскую Землю. Князь приказывалъ народу терпѣть, но у народа не стало человѣческаго терпѣнія. Народъ принялся избивать недобрыхъ гостей, и князь, наконецъ, принужденъ былъ стать за-одно съ народомъ. Соперникъ Александра, московскій князь, какъ только услыхалъ о томъ, что случилось въ Твери, тотчасъ поспѣшилъ въ Орду, получилъ тамъ, вмѣсто опальнаго Александра, великое княженіе и пятьдесятъ тысячъ татаръ для наказанія непокорнаго тверского князя. Другіе князья русскіе, исполняя долгъ рабскаго послушанія хану, также должны были идти на Александра. Тогда тверская Земля была опустошена до

того, что казалась безлюдною, и остатки уцѣлѣвшихъ отъ погрома долго послѣ того, по замѣчанію лѣтописцевъ, пребывали въ крайней нищетѣ и убожествѣ. Но тверскою Землею не ограничился разгромъ: опустошены были Земли ростовская и переяславская,—и вообще, куда только ни проходили татары, повсюду они сожигали человѣческія жилища и умерщвляли жителей. Досталось и рязанской землѣ, гдѣ былъ тогда умерщвленъ князь Иванъ Ярославичъ: и эта Земля послѣ того долго оставалась въ нищетѣ. Пощажены были земли московскаго князя, и это обстоятельство было тогда многознаменательно въ русской исторіи. Московское владѣніе естественно стало богаче остальной сосѣдней Руси: тамъ и жить было безопаснѣе; туда приливало населеніе; увеличивались силы московскаго князя, возрастало его значеніе.

VII.

Понятно, что при періодическихъ посѣщеніяхъ татаръ, при нерѣдкихъ набѣгахъ литовцевъ, а въ добавокъ, при частыхъ княжескихъ усобицахъ, русское народонаселеніе было малочисленно, бѣдно и пріучено къ вѣчному страху за свое существованіе, а потому сдѣлалось способнымъ къ безгласному и безсмысленному повиновенію грозѣ и силѣ и составляло готовый матеріалъ для единодержавія, какъ только обстоятельства могли сложиться удобно для его возникновенія.

Несмотря на всеобщее порабощеніе политической жизни, русская страна была слишкомъ обширна и наполнена труднопроходимыми дебрями и болотами. При этихъ качествахъ долго сохранялись нѣкоторые признаки древняго быта, признаки личной свободы человѣка до извѣстной степени. Бояре и слуги (прежняя дружина) назывались вольными людьми, могли оставлять службу одному князю и переходить къ другому, и даже ихъ имѣнія оставались нетронутыми, находясь во владѣніяхъ

прежняго князя. Такое условіе мы встрѣчаемъ въ договорныхъ граматахъ между князьями. Но не слѣдуетъ слишкомъ обольщаться этимъ и воображать, чтобъ свободное положеніе этихъ вольныхъ людей было очень прочно и огражденно отъ произвола. Дѣйствительно, бояре и вольные слуги могли свободно переходить отъ князя къ князю, когда ихъ князья, заключавшіе между собою договоры, жили въ мирѣ; когда при этомъ договоры заключались между сильнѣйшимъ, такое условіе было выгодно для сильнѣйшаго: отъ слабаго будутъ перебѣгать вольные люди къ сильному, потому что у сильнаго окажется лучше служить; и это право, какъ скажемъ послѣ, очень помогло усиленію московскихъ князей. Но тамъ, гдѣ князья не жили въ ладахъ между собою, такое право было непримѣняемо, особенно когда князья надѣялись на милость Орды. Само собою разумѣется, что князь, не затруднявшійся съ татарскими полчищами разорять земли своего соперника и истреблять его подданныхъ за то, что эти люди не по своему выбору, а по приговору судьбы, признаютъ власть послѣдняго, не стѣснился бы отнять имѣніе у боярина, который, прежде служивши ему, перешелъ на службу къ его врагу. Впрочемъ, въ литературѣ того времени есть признаки, показывающіе, что переходы бояръ и вольныхъ слугъ отъ князя къ князю стали считаться уже несправедливымъ дѣломъ, и нравоучители вооружались противъ *отъѣзда*, какъ противъ измѣны. Это по крайней мѣрѣ говорилось въ московскомъ княженіи по отношенію къ тамошнимъ князьямъ; московскіе князья не любили, чтобъ отъ нихъ отъѣзжали бояре, а чужихъ къ себѣ принимали охотно. Другой признакъ личной свободы существовалъ для низшаго класса, крестьянъ или черныхъ людей, и состоялъ въ правѣ земледѣльцевъ оставлять земли одного боярина и переходить на земли другого. Обычай этотъ былъ полезенъ для народа тѣмъ, что землевладѣльцы, нуждаясь въ работникахъ, естественно должны были привлекать ихъ льготами и вообще предоставленіемъ хорошихъ условій жизни. Но и тутъ, какъ въ дѣлѣ бояръ и вольныхъ слугъ, не должно представлять себѣ, чтобы отъ этого всѣ крестьяне на

самомъ дѣлѣ пользовались во всякое время правами, обезпечивающими за ними свободу и благосостояніе. Не всѣ, не всегда и не вездѣ крестьяне сохраняли за собою право вольнаго перехода. Князья прежде всего лишили этого права крестьянъ, жившихъ на тяглыхъ княжескихъ земляхъ; въ тягло могли прибывать свѣжія рабочіе силы, а изъ тягла убывать не смѣли; такого порядка, по крайней мѣрѣ, какъ намъ извѣстно, держались московскіе князья, начиная съ Калиты, по отношенію къ своимъ тяглымъ (т. е. обязаннымъ доставлять имъ разные доходы) людямъ и, давая грамоты на земли монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ, ставили условіе, чтобъ и получившіе грамоты не принимали къ себѣ на земли княжескихъ тяглыхъ волостныхъ людей, за то позволяли имъ преимущественно принимать переселенцевъ изъ иныхъ княженій. Князья другихъ княженій слѣдовали естественно тому же правилу и позволяли землевладѣльцамъ перезывать людей изъ иныхъ княженій, а не изъ своей отчины (А. Э. I. 19). Кромѣ того, по особой милости, князья давали землевладѣльцамъ, особенно монастырямъ, право, по которому принадлежащіе имъ крестьяне не могли переходить съ занимаемыхъ ими земель. Такимъ образомъ, во времена господства крестьянскихъ переходовъ, уже многіе изъ крестьянъ лишены были права перехода и, слѣдовательно, по закону были крѣпки землѣ. Кромѣ крестьянъ, по особеннымъ распоряженіямъ потерявшихъ право перехода и, слѣдовательно, въ сущности личную свободу, были еще на Руси холопы: люди полные (рожденные отъ рабовъ), люди купленные, люди кабальные (сами себя запродавшіе). Всѣ такіе люди находились подъ произволомъ господъ до такой степени, что не допускался никакой доносъ или жалоба холопа на своего «государя». Если бы случилось, что государь поколотилъ холопа такъ сильно, что холопъ отъ побоевъ умеръ — государь не отвѣчалъ за это. Такіе невольные люди не только наполняли боярскіе и княжескіе домы въ качествѣ слугъ, но были поселены на земляхъ, работали на своихъ государей по волѣ послѣднихъ и составляли значительную часть сельскаго населенія. Хотя церковь не переста-

вала оказывать свое благотворное влiянiе, и многiе изъ князей и бояръ, ради спасенiя души, предъ смертью отпускали на волю всѣхъ своихъ рабовъ, но рабство отъ этого не уменьшалось, потому что свободные люди часто продавали самихъ себя въ неволю: состоянiе свободнаго человѣка нерѣдко было до того несносно, что онъ, для своего облегченiя, шелъ въ рабство, и чувство свободы до такой степени изсякло, что отпущенные на волю пользовались милостiю господина для того только, чтобы снова продать себя въ холопы.

Крестьяне свободные, имѣвшiе право перехода съ земли на землю, назывались сиротами и могли пользоваться своимъ правомъ только съ ограниченiями. Такимъ образомъ, только однажды въ годъ дозволено было уходить (отказываться), именно за недѣлю до Юрьева осенняго дня и въ продолженiи недѣли послѣ этого дня. Кто, почему-нибудь, не успѣвалъ воспользоваться этими двумя недѣлями, тотъ обязанъ былъ оставаться у прежняго помѣщика цѣлый годъ безъ прекословiя. Принявъ въ соображенiе тогдашнюю многоземельность и сравнительное малолюдство, что можно усматривать въ такомъ явленiи, какъ шатанiе безземельнаго народа изъ одного чужого владѣнiя въ другое чужое же? Конечно, нищету, утѣсненiя, всеобщую тягость, ничѣмъ неограждениое горькое положенiе народа. Почему, въ самомъ дѣлѣ, эти сироты, вмѣсто того, чтобъ, сиротствуя, ходить отъ одного владѣльца къ другому, не селились гдѣ-нибудь на пустопорожнихъ земляхъ и не жили либо общинами, либо въ качествѣ мелкихъ частныхъ собственниковъ? Оттого, что вся земля, какого бы она ни была свойства — заселенная или пустопорожная, удобная или неудобная, пашня, сѣнокосъ, лѣсъ, болото — вся была въ распоряженiи у князя: она дарована была ему отъ хана, истиннаго государя, владѣтеля, собственника всѣхъ покоренныхъ русскихъ земель. Гдѣ земля была пуста и не приносила никакихъ доходовъ, тамъ она въ дѣйствительности никому не принадлежала, но какъ скоро на ней поселялись, какъ скоро ее начинали обработывать люди, такъ тотчасъ князь покажетъ надъ нею право, потянетъ новопоселенныхъ

въ тягло или утвердить за монастыремъ, либо за частнымъ лицомъ. Всякое поземельное владѣніе, находясь въ области княженія такого или другого князя, давалось или держалось по милости князя и отъ него зависѣло — будь это многоземельная боярская вотчина или десять четей надѣла бѣднаго крестьянина черной общины. Князь налагалъ на жителей своего княженія какіе хотѣлъ дани и поборы и освобождалъ отъ нихъ тѣхъ, кого ему угодно было освободить и пожаловать льготою. Давать земли и оставить ихъ во владѣніи и пользованіи онъ могъ и хотѣлъ только такъ, чтобъ отъ этого происходила выгода ему самому; поэтому, кромѣ монастырскихъ и церковныхъ имѣній, которыя давались князьями въ видахъ спасенія собственныхъ ихъ душъ, слѣдовательно, въ ожиданіи выгодъ не на семъ, а на томъ свѣтѣ, — все остальное давалось съ обязанностію либо служить князю ратнымъ дѣломъ, либо доставлять князю выгоду работами и даньми. Отсюда вытекало, что бояре, дѣти боярскіе и вообще вольные владѣльцы земли, получая отъ князя право на поземельную собственность, обязаны были за то служить ему и потому они дѣлались исключительно служилымъ сословіемъ, именно потому что были землевладѣльцы. За услуги или въ видахъ выгодъ, ожидаемыхъ отъ ихъ службы, князь нѣкоторыхъ изъ нихъ освобождалъ отъ тѣхъ повинностей и даней, которыя оставались лежащими на другихъ: то было, однако, не право, не какая-либо постоянная сословная привилегія, а единственно проявленіе воли и милости князя, такъ точно, какъ и обложить тѣхъ или другихъ данями и повинностями зависѣло отъ княжескаго произвола. Бояре имѣли право продавать, закладывать, завѣщать свои вотчины; существовали основанныя на древнихъ обычаяхъ правила, опредѣлявшія отношенія этихъ вотчинъ къ роду владѣльцевъ, но все это не придавало боярскому сословію полной свободы и независимости отъ княжескаго произвола. Будучи недоволенъ за дурную службу себѣ или за неповиновеніе, князь всегда могъ отнять у боярина его вотчину и распорядиться ею по желанію. На тѣхъ земляхъ, которыя не составляли частной собственности и не были раздаваемы никому

во владѣніе, князь держалъ упомянутыхъ выше черныхъ, или тяглыхъ волостныхъ людей. То были, вѣроятно, потомки древнихъ свободныхъ сельскихъ общинъ, съ постоянными отливами и приливами населенія въ это сословіе; со времени татарскаго завоеванія на нихъ-то преимущественно легла тягость дани, которую должна была нести порабощенная Русь. Въ XIII вѣкѣ, по татарскомъ завоеваніи, они были подвергаемы поголовной переписи или «числу» и назывались поэтому численными людьми. Но такъ какъ переписи, впослѣдствіи, не повторялись, между тѣмъ населеніе возрастало, особенно въ Московской Землѣ, куда, вслѣдствіе невзгодъ, обуревавшихъ сосѣднія русскія Земли, приливало народонаселеніе изъ послѣднихъ, то образовались и умножались тяглые люди, не подвергнутые перечисленію, а численные люди сдѣлались только отдѣломъ или частію всего сословія тяглыхъ волостныхъ людей. Нѣкоторое время они отличались тѣмъ, что князья, при дѣлежѣ своихъ княженій, не полагали въ раздѣлъ численныхъ людей, а завѣщали послѣдующимъ князьямъ блюсти ихъ за одно, но впослѣдствіи это было утрачено; численные люди пошли въ раздѣлъ за урядъ съ остальными тяглыми и потеряли свое особенное наименованіе.

Тяглые волостные крестьяне съ землями составляли какъ бы зародышъ государственнаго достоянія, въ отличіе отъ княжескаго, именно потому что доходы, получаемые отъ нихъ, назначались на дань татарамъ, слѣдовательно на такой предметъ, котораго существованіе не зависѣло отъ князя. Но такъ какъ ханы поручили собраніе дани самимъ князьямъ, и послѣдніе платили дань въ разныхъ размѣрахъ, опредѣляемыхъ огуломъ, а раскладка дани на подданныхъ предоставлялась князю, то чрезъ то самое тяглые люди попали въ безусловную зависимость отъ князей. Они платили уже дань не хану, а своему князю, а князья, въ своихъ договорахъ между собою, говорили, что въ случаѣ, когда Богъ перемѣнитъ Орду, то-есть когда они освободятся изъ подъ власти завоевателей, дань, которая платилась хану, должна сдѣлаться достояніемъ князей. Отсюда понятно, какъ свои собственные князья заступали для народа

мѣсто иноплеменныхъ завоевателей. Князья брали съ тяглыхъ людей дань уже не въ томъ размѣрѣ, въ какомъ нужно было имъ самимъ заплатить хану, а по произволу, наблюдая свои собственныя выгоды. Кромѣ дани, тяглые волостные люди были обложены работами, производимыми по размету подъ надзоромъ сотскихъ и старостъ, да еще облагались множествомъ разнообразныхъ поборовъ; названія ихъ извѣстны намъ преимущественно изъ грамотъ, даваемыхъ князьями тѣмъ, которые, по особой княжеской милости, освобождались отъ наборовъ. Таковы были писчая бѣлка, мыто, тамга, восьминичье, костки, ямъ, подводы, явленное, закосное, ставленіе княжескихъ дворовъ, кормленіе княжескихъ коней и пр. и пр. Были еще, сверхъ того, опредѣленные княземъ поборы въ пользу княжескихъ намѣстниковъ, волостелей, доводчиковъ и праветчиковъ, а въ случаѣ суднаго дѣла они платили князю, по старинѣ, судныя пошлины. Всѣ эти поборы простирались и на боярскія и на всякія имѣнія, если онѣ не были освобождены особыми льготными княжескими грамотами. Что такіе разнообразные поборы и повинности вели не къ благосостоянію, а къ утѣсненію народа, показываетъ, во-первыхъ, уже то, что князья, изъ желанія облегчить нѣкоторыхъ, къ кому особенно благоволили, избавляли ихъ отъ этихъ поборовъ и повинностей; во-вторыхъ, то, что жители, не вынося тягостей, не рѣдко разбѣгались, а иные, чтобъ избѣжать тягла, отдавались противозаконно въ холопство; въ-третьихъ, наконецъ, то, что, впослѣдствіи, въ XVI вѣкѣ разнообразные поборы были замѣняемы огульною платою, и при этомъ правительство само высказывало, что при прежнихъ порядкахъ, которые оно тогда устраняло, народъ сильно былъ угнетенъ и особенно терпѣлъ отъ злоупотребленій со стороны намѣстниковъ, волостелей и ихъ подручниковъ. Много вѣковъ несъ народъ такой горькій для него строй тягла безъ исхода. Частыя разоренія, которыя постигали его и отъ татарскихъ нашествій, и отъ набѣговъ литвы, и отъ междоусобныхъ распрей собственныхъ князей, довершали его бѣдственное положеніе. Не быть въ засимости отъ

землевладѣльца для русскаго крестьянина значило нести тягло и подвергаться тяжелымъ поборамъ и работамъ, да еще быть прикованнымъ къ мѣсту. Конечно, лучше было въ качествѣ «сироты» ходить отъ владѣльца къ владѣльцу. Сирота все-таки лично былъ свободнѣе тяглаго человѣка; тягло, въ древности, было истинное подобіе той неволи, которую впослѣдствіи называли крѣпостнымъ правомъ и во многомъ было тяжелѣе послѣдняго, испытаннаго народомъ при другихъ условіяхъ жизни и нравовъ.

Но и положеніе «сироты», въ сущности, не смотря на видимую личную свободу, было очень часто не лучше, а иногда и хуже положенія не только тяглаго человѣка, но настоящаго раба: объ этомъ, къ счастію для исторіи, сохранились любопытныя свидѣтельства духовныхъ, вопіявшихъ за горькую участь какъ рабовъ, такъ и сиротъ, называемыхъ въ этихъ свидѣтельствахъ подручными. Обыкновенно крестьянинъ приходилъ къ землевладѣльцу въ нищетѣ и нуждѣ; условія, которыя предлагалъ ему землевладѣлецъ, вначалѣ могли быть необременительны: крестьянинъ могъ обязываться платить хозяину только оброкъ за пользованіе землею и болѣе никакихъ обязанностей на себя не принимать; но будучи въ стѣснительномъ положеніи, онъ для своего обзаведенія принужденъ бывалъ дѣлать долги и имѣлъ неосторожность сдѣлать заемъ у владѣльца той земли, на которой поселялся, на срокъ за проценты (ростъ), очень высокіе по обычаю того времени, поддерживавшемуся рѣдкостію и дороговизною серебра. Срокъ платежа приходилъ, и крестьянинъ не въ состояніи былъ выплатить. Тогда онъ долженъ былъ согласиться работать владѣльцу за долгъ; иногда же онъ съ перваго дня займа условливался платить владѣльцу ростъ работою; и тогда, при достиженіи срока платежа, не въ силахъ будучи заплатить капитала, крестьянинъ долженъ былъ подвергаться новымъ, болѣе стѣснительнымъ условіямъ. Работу, въ такомъ случаѣ, оцѣнивалъ владѣлецъ: крестьянинъ, находясь по отношенію къ нему въ состояніи неоплатнаго должника, во всемъ ему уступалъ; владѣ-

лецъ, естественно соблюдая свои выгоды, оцѣнивалъ крестьянскую работу елико возможно низко. Крестьянскій долгъ не могъ покрыться этою работою. Новый ростъ увеличивалъ долгъ; крестьянинъ, обремененный работою на владѣльца, имѣлъ слишкомъ мало свободнаго времени на работу для себя и не въ силахъ былъ выплатить положеннаго въ началѣ по условію оброка за землю; и вотъ на сумму этого невыплаченнаго оброка насчитывался новый ростъ, и владѣлецъ, при невозможности получить его съ крестьянина деньгами, обремененяетъ за него крестьянина еще новою работою. Наконецъ—приходитъ къ тому, что крестьянинъ все свое время тратитъ на работу владѣльцу, и владѣлецъ помыкаетъ имъ и его семьею какъ невольниками, хотя и оставляетъ за ними званіе свободныхъ людей. Но это званіе для бѣдняковъ уже не преимущество, а тягость. Чтобъ избавиться отъ безвыходнаго положенія неоплатнаго должника, крестьянинъ съ своею семьею часто шелъ въ холопство иногда къ кому нибудь другому, а иногда къ тому же самому владѣльцу, у котораго состоялъ въ неоплатномъ долгу: въ томъ и другомъ случаѣ его положеніе временно казалось выгоднымъ; въ первомъ—онъ избавлялся отъ заимодавца и могъ получить отъ покупщика его свободы еще какую нибудь надбавку сверхъ суммы, покрывавшей его прежній долгъ; въ послѣднемъ—господинъ, пріобрѣтая юридически въ рабы того, кого онъ уже держалъ въ рабствѣ въ дѣйствительности, давалъ ему за это нѣкоторое облегченіе. Но случалось и такъ, что господинъ, за слѣдуемый ему долгъ высосавши всю силу крестьянина и не нуждаясь въ юридическомъ его порабощеніи, прогонялъ его вонъ, чуть не голаго. Тѣмъ крестьянамъ, которые первоначально, приставая къ владѣльцу, заключали съ нимъ болѣе выгодныя для себя условія, и главное, могли обходиться безъ того, чтобъ дѣлаться должниками владѣльца земли, шло, разумѣется, лучше, но и тогда сильнѣйшій всегда имѣлъ возможность притѣснить слабѣйшаго, а на такомъ судѣ, гдѣ все было продажно, сильнѣйшій скорѣе оказывался правъ, чѣмъ его слабый соперникъ. Вообще же, лучшимъ дока-

зательствомъ печальнаго состоянія сиротъ служитъ то, что они повсемѣстно и охотно «закладывались», шли въ законное рабство и мало дорожили своей свободой. Льготнѣе было тѣмъ сиротамъ, которые селились на княжескихъ не тяглыхъ земляхъ, въ селахъ, не входившихъ въ разрядъ тяглыхъ волостей. Кромѣ послѣднихъ, князья, особенно московскіе, пріобрѣтали себѣ имѣнія, которыми владѣли въ качествѣ такихъ же собственниковъ-вотчинниковъ, какими были и бояре: эти имѣнія назывались селами и слободами, въ отличіе отъ тяглыхъ, именуемыхъ волостями; онѣ то послужили началомъ того разряда имѣній, которыя, впослѣдствіи, назывались подклѣтными, дворцовыми, а въ болѣе позднее время—удѣльными. Ихъ накопленіе было одною изъ важнѣйшихъ причинъ обогащенія, а черезъ то самое и возвышенія московскихъ великихъ князей. Пріобрѣтая повсюду земли, они называли на нихъ сиротъ и предоставляли имъ значительныя временныя льготы: оттого эти княжескія села и слободы процвѣтали болѣе другихъ населенныхъ мѣстностей Руси, но за то въ нихъ скорѣе и прочнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, ограничивалась свобода перехода. Уже въ XV вѣкѣ, жалуя частнымъ лицамъ имѣнія, князья ставили условіемъ, чтобы владѣльцы не принимали къ себѣ людей ни изъ волостей, ни изъ княжескихъ селъ, дозволяя, впрочемъ, самимъ себѣ принимать людей изъ волостей и имѣній другихъ князей. Мало по малу жители этихъ селъ подпадали всякаго рода поборамъ, которымъ подвергались тяглыя волости и отличались отъ послѣднихъ болѣе по имени и по нѣкоторымъ формамъ управленія, чѣмъ по житейскому быту крестьянъ.

Городовъ въ смыслѣ корпорацій особаго сословія, съ особыми правами, кромѣ сѣверныхъ народоправныхъ, въ татарской Руси не существовало; торговля и промышленность до такой степени были ничтожны и отличались первобытными пріемами, что занимавшіеся ими не могли подняться до значенія и правъ, высшихъ надъ крестьянскими. Посады, какъ называлось тогда то, что мы теперь называемъ городами, гдѣ преимущественно

сосредоточивались торговля и промыслы, причислялись къ тяглымъ волостямъ; промышленный или торговый человѣкъ отличался отъ пашеннаго только тѣмъ, что участіе его въ тяглѣ измѣрялось не землею, а промыслами.

VIII.

Мы представили этотъ бѣглый очеркъ состоянія народа для того, чтобы показать, что въ татарскій періодъ сложились и установились нравственныя и экономическія условія, подготовившія народную громаду къ тому, чтобъ сдѣлаться превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI в. московская монархія. Татарское завоеваніе дало Руси толчокъ и крутой поворотъ къ такой монархіи, но она не могла возникнуть скоро; Русь съ половины XIII вѣда до конца XV пережила періодъ феодализма.

Употребляя это выраженіе, мы не думаемъ сказать, чтобъ у насъ существовали всѣ тѣ условія, которыя на западѣ устроили порядокъ, извѣстный подъ именемъ феодальнаго. Но въ человѣческомъ мірѣ не все подобное одинаково. Мы принимаемъ слово *феодализмъ* въ значеніи его общихъ признаковъ и разумѣемъ подъ нимъ такой политическій строй, когда весь край находится въ рукахъ владѣтелей, образующихъ изъ себя низшія и высшія ступени съ извѣстнаго рода подчиненностью низшихъ высшимъ и съ верховнымъ главою выше всѣхъ. Такой строй существовалъ на Руси вполнѣ. Не допуская важности раздѣла въ русской жизни между до-татарскимъ и послѣ-татарскимъ періодами русской исторіи, нѣкоторые наши мыслители хотѣли видѣть феодальный строй до татаръ, другіе не хотѣли его видѣть и послѣ татаръ. Два эти противоположныя заблужденія исходили изъ одного и того же невѣрнаго взгляда, искавшаго единства тамъ, гдѣ существовало громаднѣйшее различіе. До татаръ у насъ не было феодализма, если только не отыскивать нѣкото-

раго далекаго съ нимъ подобія въ отношеніяхъ старшихъ и младшихъ городовъ между собою, — но съ татаръ онъ дѣйствительно начинается. Верховный владыка, завоеватель и собственникъ Руси, ханъ, называемый правильно русскими царемъ, раздалъ князьямъ Земли въ вотчины и по этимъ Землямъ они естественно очутились въ неровномъ между собою отношеніи: одни, владѣвшіе прежними пригородами, были ниже, другіе — сидѣвшіе въ главныхъ городахъ — выше. Надъ всѣми ими былъ старѣйшій или великій князь. Вначалѣ это званіе безусловно зависѣло отъ воли хана, давалось князьямъ безъ всякаго вниманія къ какому-либо старшинству Земель, владѣемыхъ князьями. По этому, бывали старѣйшими князьями: владимірскіе, костромскіе, переяславскіе, тверскіе, городецкіе, нижегородскіе; только на городъ Владиміръ показывали они, получивъ санъ старѣйшаго, притязаніе, какъ по воспоминаніямъ силы и значенія этого города, такъ и потому что сами они происходили отъ предковъ, княжившихъ во Владимірѣ съ нѣкоторыми признаками старѣйшинства, по причинѣ ихъ случайной силы между другими князьями. Съ легкой руки хана Узбека, въ первой половинѣ XIV в., званіе старѣйшаго великаго князя утвердилось за московскими князьями, постоянно переходя отъ отца къ сыну, съ ханскимъ утвержденіемъ, и такъ было до тѣхъ поръ, пока не пала и не разложилась Орда и московскіе князья не усилились до возможности замѣстить собою хановъ, и сдѣлаться такими же владыками и собственниками русскихъ Земель, какими, по праву завоеванія, при азіятскомъ складѣ понятій, были и считали себя ханы. Только однажды, въ малолѣтство Димитрія Донского, произошло уклоненіе отъ обычнаго перехода званія старѣйшаго великаго князя отъ одного московскаго князя къ другому, его прямому наслѣднику, но и то не надолго. Москва скоро успѣла возвратить себѣ свое право, уже освященное бывшими передъ тѣмъ тремя поставленіями въ великокняжеское достоинство князей московской линіи. Кромѣ старѣйшаго великаго князя московскаго были еще по Землямъ князья главные по отношенію къ низшимъ, и назывались также великими, на-

ходясь подъ началомъ великаго старѣйшаго. За исключеніемъ Новгорода и Пскова, находившихся, съ своими старыми вѣчевыми формами, подъ началомъ или въ полузависимости отъ старѣйшаго великаго князя, — въ другихъ русскихъ Земляхъ носили названіе великихъ князей въ XIV в. суздальскіе и нижегородскіе, рязанскіе, тверскіе, смоленскіе; по временамъ пытались называться великими и другіе, но не удержали за собою этого титула, не имѣя соотвѣтствующаго значенія на дѣлѣ. Подъ началомъ у великихъ князей, въ ихъ областяхъ, находились меньшіе князья. Отношенія между великими и меньшими выражались родственными признаками: меньшіе должны были относиться къ великимъ какъ дѣти къ отцамъ и племянники къ дядямъ, то-есть съ уваженіемъ, какое подобало оказывать родственникамъ по восходящей линіи. То была одна изъ чертъ различія между феодализмомъ у насъ и на западѣ Европы. Наши князья всѣ были изъ одного рода, да притомъ часто линіи, ближайшія къ великому князю, оттѣсняли болѣе отдаленныя, и князь, владѣвшій вотчиною въ Землѣ великаго, былъ въ самомъ дѣлѣ близкій родственникъ послѣдняго. Тѣмъ не менѣе, меньшіе князья были въ такой зависимости у великихъ, которая напоминаетъ намъ феодальную лѣстницу на западѣ. Обязанные вносить великому князю слѣдуемую съ нихъ татарскую дань для передачи по принадлежности, они также обязаны были быть готовыми на ратную помощь великому князю по его призыву. Въ договорахъ между собою, великіе князья говорили меньшимъ: «гдѣ всяду самъ на конь, и вамъ со мною пойти, и гдѣ ми послати васъ пригоже, и вамъ пойти безъ ослушанія, а гдѣ пошлю своихъ воеводъ, и вамъ послати своихъ воеводъ съ нами». Но меньшіе князья управляли своими вотчинами невозбранно и великіе не мѣшались въ ихъ внутренніе порядки. Князья у себя во владѣніяхъ раздавали земли боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, съ обязанностью служить. Было три вида земельныхъ раздачъ: въ вотчину, кормленье и введенье. Отдача въ вотчину значила потомственное право владѣнія — его давали князья за услуги; но и тѣ старинные владѣльцы, которыхъ родъ

съ давнихъ временъ считалъ своею принадлежностью извѣстныя вотчины, стали пользоваться этими имуществами уже на новыхъ основаніяхъ — въ качествѣ вознагражденія за службу, и князь могъ лишать ихъ достоянія за неповиновеніе и измѣну, какъ и тѣхъ, которыхъ надѣлилъ вотчинами вновь. Отдача въ кормленье было пожизненное право пользоваться доходами и владѣть имѣніями, также за обязанность служить за нихъ: то былъ первообразъ помѣстнаго права, впослѣдствіи широко распространеннаго на Руси. Боярину, называемому введеннымъ, князь поручилъ управленіе и судъ надъ какою-нибудь изъ своихъ волостей, съ удѣленіемъ боярину изъ получаемыхъ доходовъ нѣкоторой части въ качествѣ вознагражденія за управленіе.

Такой феодальный строй могъ существовать и быть крѣпокъ только до тѣхъ поръ, пока была крѣпка и дѣятельна власть Орды. Но сами ханы, вмѣсто того, чтобы, какъ дѣлалось сначала, давать званіе старѣйшаго великаго князя то князю одной, то другой Земли и не допускать преемства въ одной линіи, чтобы тѣмъ не допустить одному изъ княженій слишкомъ усилиться надъ другими,—подняли и возвысили московскихъ князей, давая имъ званіе старѣйшаго великаго князя одному за другимъ. Права за московскими князьями не было никакого, кромѣ ханскаго произвола, и они именно тѣмъ и пріобрѣтали благосклонность хановъ, что не искали великаго княженія на основаніи какихъ бы то ни было правъ и преданій, а просили только ханской милости, и кромѣ этой верховной милости никакого права знать не хотѣли. Это рѣзко выразилось при соискательствѣ великаго княженія предъ ханомъ, въ 1432 г., Юріемъ Шемякою и Василіемъ Васильевичемъ московскимъ. Когда Юрій думалъ выиграть свое дѣло, ссылаясь на старыхъ лѣтописцевъ и разные старые списки, бояринъ Иванъ Дмитріевичъ, хлопотавшій за Василія, бывшаго еще малолѣтнымъ, указалъ хану, что его князь ищетъ великокняжескаго стола по царскому жалованью: «ты—выразился онъ—вольный царь, воленъ въ своемъ улусѣ кого восхощешь жаловать на твоей волѣ»? Такой аргументъ тогда же понравился хану, и Василій московскій признанъ ве-

ликимъ княземъ. Съ такимъ презрѣніемъ ко всякимъ историческимъ правамъ, съ такимъ уваженіемъ паче всего къ силѣ и дѣйствительному могуществу относились всѣ московскіе князья, льстили, раболѣпствовали предъ ханами, между тѣмъ сами усилились, обогащались, увеличивали свою территорію, а тѣмъ временемъ въ Ордѣ произошли смуты, нестроенія: царство, основанное силою оружія, почти безъ всякихъ гражданскихъ зачатковъ, скоро стало разрываться и, соотвѣтственно этому явленію, феодализмъ на Руси падалъ и уступалъ мѣсто монархическому началу. Московскій князь, утвердившій за собою и за своимъ потомствомъ привилегію званія великаго князя надъ всею Русью, подвластною Ордѣ, Иванъ Калита, былъ безспорно человѣкъ великаго ума и чрезвычайно ловкій. Въ продолженіи какихъ-нибудь тринадцати лѣтъ онъ упрочилъ за собою обширное, по своему времени, владѣніе. Изъ его духовнаго завѣщанія видно, что онъ владѣлъ пространствомъ, занимаемымъ теперь уѣздами рузскимъ, звенигородскимъ, подольскимъ, коломенскимъ, серпуховскимъ, можайскимъ, бронницкимъ, боровскимъ, перемышльскимъ. Изъ духовнаго завѣщанія его внука видно, что онъ же купилъ себѣ Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ съ ихъ волостями. Кромѣ того, онъ въ разныхъ мѣстахъ пріобрѣталъ себѣ села, копилъ съ нихъ доходы и употреблялъ на покупку новыхъ селъ, имѣя въ виду сколько возможно болѣе расширить территорію своихъ владѣній. Владиміръ подаренъ былъ ему ханомъ. Ярославскіе и ростовскіе князья были ему подручниками. Тверская Земля была унижена и до крайности разорена; тверскіе князья принуждены были признавать себя подъ началомъ московскихъ. На Новгородъ, который помогалъ Калитѣ, онъ уже наложилъ тяжелую руку, въ благодарность за содѣйствіе къ достиженію своего могущества.

Его преемники продолжали закупать себѣ села и накоплять богатства. Внукъ его, Димитрій, пользуясь нестроеніями въ Ордѣ, покусился на открытую брань съ завоевателями Руси. Это событіе сильно подняло и на будущія времена утвердило нравственное значеніе великаго князя, послѣ того, какъ онъ

явился предводителемъ русскихъ князей въ первый разъ уже не по ханскому приказанію, а по свободному стремленію доставить русской Землѣ независимость отъ иноплеменниковъ. Послѣдовавшія затѣмъ неудачи показали, что еще не пришла пора вести борьбу, что завоеватели, не смотря на начавшееся распаденіе ихъ державы, еще настолько сильны, чтобъ показать Руси пагубные плоды ея неповиновенія, что еще придется московскимъ князьямъ поддерживать себя искательствомъ милостей у хановъ, а не борьбою съ ними; но эти неудачи, отсрочивъ дѣло освобожденія, были, по причинѣ того же нестроенія въ Ордѣ, поправимы и потому не подорвали нравственнаго значенія главенства надъ Русью, показаннаго московскимъ княземъ въ смѣломъ предпріятіи противъ Мамая. Преемникъ Димитрія, Василій, совершилъ важный подвигъ: онъ овладѣлъ суздальскимъ и нижегородскимъ княженіемъ, городами Муромомъ, Тарусою, Мещерою, Городцемъ, и этого достигъ онъ уже не по милости хана, а собственными силами и ловкостью.

Не видно, однако, чтобъ московскіе великіе князья, постепенно и послѣдовательно усиливаясь, имѣли ясное сознаніе о созданіи единодержавнаго государства. Судьба вела ихъ къ этому; но сами они, сообразно понятіямъ, наслѣдованнымъ отъ прародителей, долго смотрѣли на свои владѣнія, какъ на вотчину, покупали, а подчасъ и насиліемъ отнимали у другихъ волости, но потомъ дѣлили ихъ между сыновьями, назначая одного изъ нихъ, старшаго. старѣйшимъ надъ другими, и, такимъ образомъ, продолжали феодальный порядокъ. Изъ этого могло выходить только то, что линіи отдаленныя замѣщались бы ближайшими къ великому князю, и только; сказать иначе—сильнѣйшій грабилъ бы слабѣйшаго, при возможности грабить, и надѣлялъ бы ограбленнымъ своихъ присныхъ. Отъ такого состоянія дѣлъ до государственности не близко. Но на счастье русскому государству княжескій московскій родъ не слишкомъ распложался, и великій московскій князь часто оставался при небольшомъ количествѣ родственниковъ, имѣющихъ владѣнія въ его великокняжеской московской волости. У Ка-

литы старшій сынъ Симеонъ умеръ бездѣтнымъ, второй оставилъ единственнаго сына, бывшаго великимъ княземъ и только отъ третьяго,—Андрея, осталось потомство, образовавшее линію удѣльныхъ князей, имѣвшихъ владѣнія внутри московской области и подначальныхъ непосредственно великому московскому князю. У Димитрія Донского было пять сыновей, но кромѣ великокняжеской линіи, послѣдовавшей отъ старшаго сына Василія, изъ остальныхъ сыновей Донского только у одного, Юрія, осталось потомство. Междоусобіе димитріевыхъ внуковъ, великаго князя Василія Васильевича и сыновей Юрія, выбросило потомство послѣдняго изъ рода владѣтельныхъ князей; вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожились удѣлы и потомковъ Андрея, сына Калиты, кромѣ удѣла верейскаго князя, находившагося въ полной зависимости отъ великаго князя. Такимъ образомъ, Московская Земля была сосредоточена въ однихъ рукахъ и въ такомъ видѣ доставалась сыну Василія Васильевича Темнаго, тому великому умомъ и дѣятельностію Ивану, который принялъ на себя историческое призваніе введенія монархизма.

Ему, обладателю всего московскаго великаго княженія, предстояло исполнить слѣдующія задачи: окончательно освободиться отъ всякой зависимости въ отношеніи къ Ордѣ; не допустить своихъ братьевъ быть такими князьями-государями въ своихъ вотчинахъ, какими бывали прежніе братья великаго князя; подчинить сѣверныя народоправныя Земли, уничтоживъ ихъ вѣчевой строй и автономію; присоединить къ Москвѣ два великія княженія, тверское и рязанское, и, такимъ образомъ, совершенно уничтожить феодальный порядокъ и сдѣлаться полнымъ государемъ-собственникомъ Руси, замѣнивъ для нея татарскаго хана.

Историческія обстоятельства сложились превосходно для разрѣшенія этихъ задачъ, и Иванъ свершилъ свое призваніе; только немногое, какъ, напр., окончательное уничтоженіе вѣчевыхъ формъ во Псковѣ и слитіе съ московскимъ великимъ княженіемъ рязанскаго, уже и безъ того потерявшаго свою самостоятельность, великаго княженія осталось довершить его преемнику.

IX.

Но отчего же борьба возникшаго монархизма съ феодализмомъ пошла такъ успѣшно и послѣдній оказалъ такъ мало упорнаго, дѣятельнаго сопротивленія?

Что создало у насъ феодализмъ, то и держало его существованіе. Слабость создавшей его стихіи ослабила невольно и свое созданіе. Феодализмъ, какъ мы уже показали, былъ произведеніе татарскаго завоеванія. Татарскіе ханы сдѣлали князей изъ правителей земель вотчинниками земель; только при защитѣ со стороны хановъ и могли князья держаться, а это могло быть только до тѣхъ поръ, пока ханы были сильны: только тогда князь, слабый въ сравненіи съ сильнымъ, могъ находить противъ покушеній послѣдняго силу въ томъ, кто былъ равнымъ образомъ владыка и слабаго,и сильнаго на Руси. Но какъ только Орда стала разлагаться, какъ только ханы перестали поддерживать созданный ими строй русской Земли, стали довольствоваться одною данью, предоставивъ судьбѣ внутреннее теченіе политической и общественной жизни,—мелкіе князья очутились безъ внѣшней подпоры противъ крупныхъ и сильныхъ. Много ихъ погибло въ междоусобіяхъ;—нравы до того огрубѣли, что случаи самаго безцеремоннаго истребленія другъ другомъ были нерѣдки между князьями, и тогдашняя Русь не возмущалась такими случаями, какъ бывало въ прежнія времена, въ до-татарскій періодъ; тѣ князья, которые остались цѣлы съ потомствомъ, потеряли не только внѣшнихъ защитниковъ въ ханахъ, но и ту внутреннюю или домашнюю силу, на которую могли опираться для защиты и охраненія своихъ правъ и владѣній. Эту внутреннюю силу составлялъ для нихъ служилый классъ—прежняя дружина, раздѣлявшаяся на высшую и низшую степени, на бояръ и вольныхъ слугъ, иначе дѣтей бояр-

скихъ. Хотя люди эти, получая отъ князей кормленья и вотчины и за то обязанные князьямъ службою, тѣмъ самымъ зависѣли отъ князей; хотя князь, какъ вотчинникъ своего княженія и господинъ въ своемъ княженіи, могъ непослушнаго лишить имущества и имѣлъ право даже казнить его, но такъ какъ служилые составляли для него ратную силу, то князь только съ ихъ помощію и могъ охранять себя, и потому выходило, что насколько они зависѣли отъ князя, настолько и князь зависѣлъ отъ нихъ. Это, по крайней мѣрѣ, вполнѣ можно сказать о боярахъ—лицахъ первостепенныхъ въ служиломъ сословіи. Князь долженъ былъ ласкать ихъ, совѣтоваться съ ними, называть ихъ своими думцами, а не рѣдко и поступать по ихъ желанію, ограничивая свои собственныя стремленія имъ въ угоду. Но бояре не могли привязаться къ князю болѣе, чѣмъ къ своимъ собственнымъ выгодамъ. Это свойство лежало въ правахъ и привычкахъ служилаго сословія, наслѣдованныхъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Издавна бояринъ и вольный слуга считалъ себя вправѣ отъѣзжать отъ одного князя къ другому, изъ одной земли въ другую; ничего не могло быть естественнѣе этого обычая въ такомъ краѣ, гдѣ, при возможномъ и разнообразномъ раздробленіи, никогда не терялось понятія о единствѣ всей страны, при какихъ бы то ни было условіяхъ и перемѣнахъ. Если гдѣ служилые этого не дѣлали, то единственно тамъ, гдѣ имъ было выгодно оставаться постоянно на одномъ мѣстѣ или гдѣ, въ данное время, было опасно раздражать князя. Пока могучая рука хановъ охранительно почивала на феодальномъ строѣ Руси, пока князь, владѣтель небольшой вотчины, могъ найти себѣ защиту и опору въ милости общаго для всѣхъ владыки, до тѣхъ поръ бояре и вольные слуги служили такимъ князьямъ, соединяя свои интересы съ княжескими; но по мѣрѣ того, какъ вліяніе верховной власти хановъ на внутреннія отношенія князей между собою ослабѣвало и крупные князья стали усиливаться, бояре и вольные слуги почувствовали, что имъ не выгодно держаться слабыхъ и переходили къ сильнѣйшимъ, со-

общая послѣднимъ еще болѣе силы своею службою. Бояре какихъ нибудь князей елецкихъ или козельскихъ переходили къ великому князю рязанскому, бояре князей микулинскихъ или дорогобужскихъ—къ великому князю тверскому; но такъ какъ скоро всѣхъ крупнѣе, выше и сильнѣе оказалось московское великое княженіе, то они болѣе всего стали вереходить къ великому князю московскому и всякій успѣхъ послѣдняго привлекалъ къ нему толпу служилыхъ людей. Такимъ образомъ, счастливый исходъ борьбы съ тверскими, суздальскими и рязанскими князьями привлекалъ на сторону великихъ московскихъ князей тѣхъ бояръ, которые служили ихъ противникамъ. Въ XIV-мъ в. во время борьбы съ Тверью. какъ только Москва стала брать перевѣсъ, тверскіе бояре покинули своего князя и отъѣхали къ московскому. Тоже случилось въ Твери и въ эпоху послѣдней катастрофы, лишившей Тверь окончательно самобытности: тверскіе бояре, коромольники, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, покинули своего князя Михаила Борисовича въ самомъ стѣсненномъ положеніи и передались на сторону московскаго. Извѣстно, что измѣна бояръ доставива Москвѣ, при великомъ князѣ Василіѣ Димитріевичѣ, суздальское и нижегородское княженіе. Бояре, на челѣ которыхъ былъ Румянецъ, предательски подвели своихъ князей въ бѣду и выдали ихъ великому московскому князю. Подобное произошло и съ Рязанью. Подобное происходило, безъ сомнѣнія, и вездѣ, хотя мы не имѣемъ подробностей объ упадкѣ разныхъ княженій, которыхъ владѣтели вдругъ появляются служебниками великаго московскаго князя. Москва, со времени Калиты до полнаго образованія въ ней монархіи, была обѣтованнымъ средоточіемъ, куда стекались отовсюду бояре и служилые люди не только изъ княженій сѣверныхъ и восточныхъ, но изъ тѣхъ русскихъ земель, которыя уже не состояли съ сѣверными и восточными въ такой тѣсной связи, какъ прежде,—изъ Кіева, Волыни, Бѣлой Руси, Литвы; въ число московскихъ бояръ поступали пришельцы и не изъ русскихъ странъ; много было фамилій, впослѣдствіи знатныхъ, о которыхъ родословныя книги гласили, что предки ихъ пришли изъ нѣмецъ

или изъ Орды: потомству двухъ такихъ чужеземныхъ родоначальниковъ—Музы Чета и Андрея Кобылы суждено было потомъ сидѣть на упраздненномъ тронѣ Рюриковичей по выбору Земли русской. Всѣ эти служилые люди, какъ перешедшіе въ московское княженіе изъ иныхъ русскихъ Земель, такъ пришельцы изъ чужихъ краевъ, надѣлялись отъ великихъ московскихъ князей землями и правами по ихъ достоинству и службѣ. Московскіе великіе князья цѣнили боярство и ратную силу, потому что съ ними получали перевѣсъ на Руси и расширяли свои владѣнія. Но и боярству и вообще служилымъ людямъ было выгодно держаться великаго московскаго князя—ни у кого на Руси не могло быть имъ такъ хорошо. Они помогали московскимъ князьямъ подчинять другихъ князей, пріобрѣтать земли, за то и московскіе князья со всякимъ успѣхомъ и пріобрѣтеніемъ награждали ихъ. Понятно, что, при такой связи посредствомъ обоюдныхъ равносильныхъ выгодъ, бояре, будучи слугами московскаго великаго князя, были его совѣтниками и онъ, властвуя надъ ними, дѣлалъ все съ ихъ совѣта и ничего не предпринималъ безъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтопись, описывая кончину Димитрія Донского, влагаетъ ему такое обращеніе къ своимъ боярамъ: «подъ вами грады держахъ и великія власти; вы же не парекостеся у меня бояре, но князи Земли моей»; такъ естественно было до тѣхъ поръ, пока великіе московскіе князья не усилились до того, что могли уже поступать самовластнѣе.

Съ переходомъ бояръ и служилыхъ людей на сторону сильнѣйшую, что оставалось дѣлать слабымъ князьямъ, потерявшимъ силу совѣта и рати? Составлять новую силу, поднимать изъ громады простого народа способныхъ и возводить ихъ въ служилые и въ бояре? Но это не такъ-то было легко: пока образовалось бы новое боярство, новое служилое сословіе—нужно было время, а исторія не ждала; пока слабый могъ усилиться, сильнѣйшій задавилъ бы его, пользуясь періодомъ слабости. Да если бы даже были возможность и время образовать новое боярство и новый служилый классъ—новые все-таки поступили бы, какъ поступали старые: выгоды склонили бы ихъ перейдти на

сторону сильнѣйшаго и предать своихъ благодѣтелей. Самобытность слабаго удѣльнаго князя дѣлалась для него бременемъ. Ее нужно было охранять, а охранять ее было нечѣмъ. Пытаясь охранять ее, онъ долженъ былъ раздражать сильнѣйшаго, а сильнѣйшій всегда могъ за то лишить его не только владѣнія, но и куска хлѣба. Притомъ такое владѣніе мелкаго удѣльнаго князя не было въ безопасности отъ безпрестанныхъ внѣшнихъ ударовъ; съ разложеніемъ Орды образовывались въ татарскомъ мірѣ чисто разбойничьи, наѣздническія общества, жившія грабежомъ и набѣгами; русскія Земли, переставая чувствовать деспотизмъ иноземной завоевательной власти, стали страдать едва ли не хуже прежняго отъ иноземныхъ опустошеній и разореній; мелкіе князья не въ силахъ были оборониться и отъ нихъ. Имъ отовсюду грозила бѣда и ни откуда не было спасенія. Чтожъ оставалось имъ? Единственный исходъ для нихъ былъ—пожертвовать своею независимостью, добровольно отказаться отъ самобытности, покориться сильнѣйшимъ, поступить въ число подвластныхъ, идти по пути, указанному боярами и стать наравнѣ съ боярами. Такъ и поступили удѣльные князья. Одни за другими они вступали въ службу великаго московскаго князя и за то получали обезпеченіе владѣнія своими вотчинами. Еще когда московское величіе было въ зародышѣ, при князѣ Юріѣ Даниловичѣ, были у московскаго князя служилые князья; число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось, а при Иванѣ III была ихъ уже большая толпа между боярами. По своему происхожденію, они пользовались почетомъ въ боярскомъ сословіи, къ которому стали принадлежать, но получили и важное ограниченіе противъ другихъ: великіе князья не дозволяли имъ продавать своихъ старинныхъ княжескихъ вотчинъ. Это запрещеніе возникло изъ прежнихъ условій и было очень естественно. Княжескія вотчины, имѣвшія значеніе самобытныхъ владѣній, какъ бы мелкихъ государствъ, уже по этому въ старину не подлежали продажѣ. Но въ феодальномъ строѣ мелкіе князья въ извѣстной степени подчинялись великимъ, обязаны будучи доставлять имъ ордын-

скую дань и выходить въ поле съ своею ратью по ихъ призыву, слѣдовательно, хотя они и управляли своими владѣніями самобытно, но въ тоже время, по причинѣ обязанности къ великимъ князьямъ, лежавшей на нихъ по отношенію къ своимъ владѣніямъ, эти ихъ самобытныя владѣнія составляли часть волости или области великаго князя. Если бы князь, владѣтель такого княженія, перешелъ въ службу къ иному великому князю съ своимъ владѣніямъ, то тѣмъ самымъ и владѣніе его перешло бы къ Землѣ того, къ кому онъ перешелъ; это было бы къ ущербу того великаго князя, подъ началомъ котораго владѣлецъ съ своимъ княженіемъ состоялъ прежде. Понятно, что послѣдній ни за что этого не могъ допустить, и потому великіе князья ставили по отношенію къ младшимъ условіе, что если князь, подвѣдомый великому, перейдетъ къ иному, то онъ лишится своей вотчины, находящейся въ Землѣ, принадлежащей къ области того великаго, у котораго онъ находился подъ началомъ. Тоже прилагалось и къ продажѣ. Продажа влекла за собою передачу права владѣнія. Княженіемъ могъ владѣть только князь слѣдовательно, князь могъ продать свое княженіе только другому такому же, какъ и онъ князю. Но въ такомъ случаѣ князь, могъ продать свое княженіе иному великому князю или же равному себѣ, но состоящему подъ началомъ иного великаго князя, и это имѣло бы значеніе, равное тому, еслибъ онъ самъ, съ своимъ княженіемъ, перешелъ подъ начало иного великаго князя. Эти условія, стѣснявшія права мелкихъ князей, перешли и къ Москвѣ, когда мелкіе князья одни за другимъ дѣлались служебниками великаго московскаго князя. Сначала онѣ наблюдались по необходимости, пока кромѣ московскаго великаго князя существовали другіе великіе князья, а потомъ, правило возникшее изъ обстоятельствъ, переживши произведшія ихъ обстоятельства, долго существовало какъ обычай, оправдываемый, впрочемъ, укоренившимся взглядомъ на значеніе князей и ихъ княженій. Князь отдавался великому князю и получалъ отъ него свое княженіе уже какъ вотчину, разъ имъ же уступленную; великій князь жаловалъ ею прежняго владѣльца; такимъ

образомъ, послѣдній получалъ отъ великаго князя собственность своего рода уже какъ собственность великаго князя, уступаемую ему и его потомкамъ въ пользованіе. Тамимъ образомъ, княжескія старинныя вотчины стали чѣмъ-то среднимъ между вотчиной и кормленьемъ или помѣстьемъ; то были скорѣе помѣстья, отличавшіяся отъ прочихъ помѣстьевъ тѣмъ, что давались не пожизненно лицу, а роду, до тѣхъ поръ, пока этотъ родъ не прекращался; въ послѣднемъ случаѣ княжеская вотчина шла на великаго государя.

Періодъ отъ смерти Димитрія Донского былъ временемъ укрѣпленія великокняжеской власти, постепеннаго возвышенія ея до полнаго самодержавія и столь же постепеннаго упадка боярскаго вліянія на власть. Къ сожалѣнію очень трудно, по недостатку данныхъ, прослѣдить явленія этого многозначительнаго періода. Димитрій поручалъ сыновьямъ своимъ совѣтоваться съ боярами, и безъ нихъ ничего не начинать. При взаимной поддержкѣ великаго князя боярами и бояръ великимъ княземъ, при соглашеніи ихъ интересовъ, это было вполнѣ естественно, и казалось бы, съ паденіемъ удѣловъ, съ уничтоженіемъ феодальнаго строя, на Руси должна была образоваться монархія, въ которой власть монарха была бы раздѣлена съ боярами. Но такъ кажется только съ одной стороны. Разсмотрѣвъ вопросъ съ другой, мы увидимъ, что великіе князья поставлены были въ такія счастливыя условія, что ихъ власть должна была возрасти до полнаго самодержавія, и оппозиція со стороны боярства могла явиться не сильною, а страдательною.

Великіе князья не очень щедро жаловали вотчинами, и гораздо щедрѣе были на кормленья. Пожалованье вотчиною или обращеніе помѣстья въ вотчину было явленіемъ особеннаго довѣрія и расположенія; обыкновенно бояръ награждали кормленьями или помѣстьями; это ставило ихъ въ такое положеніе, что они особенно нуждались въ расположеніи князя. Помѣстья давались пожизненно, но могли быть даны и дѣтямъ того, кто владѣлъ ими прежде; сверхъ того, если дѣтей было много, то имъ давались еще и новыя помѣстья кромѣ отцовскихъ: все это зависѣло

отъ воли и благорасположенія великаго князя. Чтобы пріобрѣсть и поддержать доброе вниманіе къ себѣ со стороны великаго князя и тѣмъ дать обезпеченіе своему семейству, бояринъ долженъ былъ угождать великому князю и заискивать его милости. Но система кормленій давала послѣднему еще и другую толпу слугъ, которыхъ прямая выгода была держаться великаго князя и охранять его власть: то были дѣти боярскіе, которые, за службу свою, получали въ кормленье помѣстья въ небольшихъ участкахъ. Они вообще были люди небогатые, существовали одною только службою; каждый изъ нихъ былъ неровенъ по достоинству боярину, но всѣ вмѣстѣ составляли силу, которая, по повелѣнію великаго князя, готова была стоять за его интересы, и въ случаѣ, еслибы могло дойдти дѣло до столкновенія верховной власти съ боярствомъ, они, какъ нахлѣбники первой, конечно, не замедлили бы стать для нея орудіемъ противъ боярскаго сопротивленія. Наконецъ, едва ли не важнѣе для успѣховъ самодержавія и безопасности его отъ боярской оппозиціи было то, что боярство, какъ по свойству своего состава, такъ и по сложившимся въ немъ нравственнымъ взглядамъ, не имѣло задатковъ для корпоративнаго сплоченія членовъ за интересы сословія противъ верховной власти. Бояре не были люди связанные ни узами происхожденія, ни преданіями одинакихъ свободныхъ гражданскихъ правъ; одинъ изъ нихъ пришелъ оттуда, другой отсюда; каждый искалъ своей выгоды въ службѣ московскому великому князю; только служба ихъ соединяла и болѣе ничто; каждый зналъ только себя и своихъ ближнихъ по роду, да великаго князя, которому служилъ; къ интересамъ другихъ, подобныхъ ему бояръ, у него не только не лежало сердце, но они постоянно сталкивались съ его интересами. Бояринъ или боялся, чтобъ другой не «заѣхалъ» его, т. е. не сталъ къ великому князю ближе и, слѣдовательно, выше его, или же самъ пытался заѣхать другого товарища. Отсюда обычай мѣстничества, обычай древній, котораго господство мы встрѣчаемъ уже въ XIV вѣкѣ изъ спора бояръ Ивана Калиты, Родіона Нестеровича съ Акинѳомъ Гавриловичемъ. Первый заѣхалъ послѣдняго, и потомъ, послѣ

того, какъ послѣдній отъѣхалъ въ Тверь, убилъ въ бою и принесъ на копьѣ великому князю голову великокняжескаго измѣнника, а своего мѣстника. Съ тѣхъ поръ мы видимъ мѣстничество непрерывно до конца XVII вѣка. Хотя этотъ обычай нерѣдко вредилъ государственнымъ дѣламъ, но въ тоже время былъ полезенъ для успѣховъ самодержавія, потому что не давалъ боярамъ сплотиться, образовать между собою общіе сословные интересы и постоять за нихъ. Родовая честь — существенный признакъ всякой родовой аристократіи, измѣрялась у бояръ только службою государю; дѣти и внуки могли гордиться заслугами отцовъ и дѣдовъ единственно въ сферѣ службы. Съ теченіемъ времени случаи службы умножались и мѣстничество усложнилось и запуталось; каждый только того и глядѣлъ, чтобъ беречь честь свою и своего рода противъ другого, чтобъ другой не сѣлъ и не сталъ выше его, когда — не то что предокъ этого другого занималъ на великняжеской службѣ обязанность или порученіе выше его предка, — а совершенно посторонній человѣкъ, стоявшій на служебной лѣстницѣ ниже его предка, былъ въ тоже время выше такого лица, которое было вравнѣ съ предкомъ того другого, котораго возвышеніе предъ собою онъ считалъ оскорбленіемъ для себя. Такія понятія дѣлали невозможнымъ никакое сплоченіе боярскаго сословія за свои интересы и противодѣйствіе верховной власти. Но мѣстничанье не было исключительно принадлежностію боярства: оно распространялось и на всѣхъ вообще служилыхъ людей; всѣ мѣстничали другъ съ другомъ; всякій хотѣлъ быть выше другого въ служебномъ дѣлѣ или по крайней мѣрѣ обнаруживалъ склонность находить предлогъ, чтобъ не допускать другого стать выше себя.

Этотъ-то эгоизмъ служиваго сословія, эта служебная привязанность каждаго къ волѣ великаго князя, это отсутствіе сословныхъ интересовъ—были важнѣйшими средствами къ укрѣпленію самодержавной власти. Надобно замѣтить, что московскіе великіе князья благоразумно не вооружали противъ себя ни боярства, ни массы служилыхъ людей и не давали повода пробудиться у нихъ какимъ-нибудь такого рода побужденіямъ,

которыя бы направлялись къ сознанію правъ сословія и охраненію ихъ. Великій князь совѣтовался съ боярами, ласкалъ ихъ, повѣрялъ имъ служебныя обязанности, но если кто-нибудь изъ бояръ навлекалъ на себя гнѣвъ великаго князя, послѣдній не страшился наказать его; такъ, Василій Димитріевичъ отнялъ у знатнаго боярина Свиблы его вотчины; тоже сдѣлалъ Василій Васильевичъ съ бояриномъ Иваномъ Дмитріевичемъ; а Иванъ Васильевичъ, по своей волѣ, казнилъ ихъ, постригалъ въ монахи и даже подвергалъ тѣлесному наказанію. Суровый поступокъ великаго князя съ бояриномъ не раздражалъ другихъ бояръ: они смотрѣли на него, какъ на дѣло, относящееся только до того, кого постигала опала, а никакъ не до другихъ; напротивъ, опала какого-нибудь боярина доставляла другимъ пріятность, потому что эти другіе были недовольны его возвышеніемъ и съ его паденіемъ надѣялись сами подняться. По мѣрѣ паденія удѣловъ и соединенія русскихъ земель во единое московское государство, боярство болѣе и болѣе теряло свое значеніе великокняжескаго совѣта и низпускалось къ холопству. Окончательное уничтоженіе права отъѣзда сдѣлало бояръ совсѣмъ служилымъ сословіемъ, холопами.

Не даромъ въ древней Руси существовало правило, вошедшее въ Русскую Правду, что кто привяжетъ къ себѣ ключъ безъ ряда, того считать холопомъ; — иначе, кто станетъ служить другому безъ предварительныхъ условій, которыми ограждалась его свобода, тотъ въ глазахъ всего общества тѣмъ самымъ уже налагаетъ на себя званіе холопа или несвободнаго человѣка. Ясно, что понятіе о службѣ другому лицу совпадало съ понятіемъ о холопствѣ или неволѣ. Древняя дружина никакъ не была толпою слугъ князя; слово служба не имѣло того значенія, какое получило послѣ, а названіе дружина явно указываетъ, что дружинники были друзья, товарищи, сопутники, помощники князя, а не слуги его. Сначала, какъ мы указали, они составляли вольную шайку подъ начальствомъ князя, какъ бы атамана; впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства, когда дружинная стихія сливалась съ земскою, они, будучи нерѣдко членами той же

земли, которою управлялъ князь, были вообще его помощниками, его силою, необходимою ему какъ правителю, избранному Землею, и во всякомъ случаѣ, служа князю, служили Землѣ, потому что, въ обширномъ смыслѣ этого слова, и самъ князь служилъ Землѣ. Но когда земское или вѣчевое начало подавлено было татарскимъ завоеваніемъ, когда князь, по ханскому изволенію, сталъ вотчинникомъ, тогда дружинникамъ приходилось служить одному лицу князя, уже не зная Земли, и такимъ образомъ они изъ княжескихъ дружинниковъ обращались въ княжескихъ слугъ. Такъ какъ князей было много, а Русь, находясь подъ единою властію хана, при своемъ раздробленіи, не переставала быть единымъ тѣломъ, то эти слуги сохраняли древнее право переходить изъ Земли въ Землю, отъ князя къ князю, и потому назывались вольными: въ этомъ правѣ перехода состояла ихъ воля и съ такимъ правомъ поступали они на службу къ московскимъ великимъ князьямъ. Право это постоянно сдерживалось выгодами служить у сильнѣйшаго изъ князей и опасностію раздражить его, но не смотря на очень частую невозможность имъ пользоваться, все-таки продолжало существовать до уничтоженія удѣловъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока переходить или отъѣзжать было уже некуда — развѣ въ чужія земли, что̀ считалось уже измѣною. Такимъ образомъ, мы видимъ прекращеніе этого права при Иванѣ III, а окончательное уничтоженіе уже при его сынѣ. Тогда всѣ служилые люди, не исключая и князей, стали называться холопами государевыми. Это вполнѣ согласовалось съ древними, не умиравшими еще, понятіями русскими. Всякій человѣкъ, служащій другому человѣку, былъ или вольный человѣкъ — наймитъ, или холопъ. Воля выражалась правомъ служащаго оставить того, кому онъ служитъ; кто терялъ это право, тотъ дѣлался холопомъ; иначе—холопство въ томъ и состояло, что слуга не могъ оставить господина, и отсюда уже истекали разныя правила, расширявшія власть господина и стѣснявшія гражданское положеніе раба. Пока крестьянинъ, живя на землѣ господина, сохранялъ право «отказа», т. е. право перейдти на иную землю, до тѣхъ поръ онъ назывался крестьяниномъ; если

же онъ, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, какъ часто бывало, лишалъ себя этого права, по взаимному соглашенію съ господиномъ — онъ изъ крестьянина дѣлался холопомъ, хотя продолжалъ жить тамъ же, гдѣ жилъ до того времени. Въ подобномъ положеніи очутились и служилые люди по отношенію къ великому князю, съ тою разницею, что они не по своей охотѣ лишились этого права, а вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ. До тѣхъ поръ, пока они могли отъѣзжать—они были вольные слуги, служилые люди великаго князя, а когда это право прекратилось, они стали его холопами. Тогда они стали крѣпки ему, его государству, крѣпки не только сами лично, но и со всѣмъ своимъ потомствомъ. Не только бояре и служилые князья, но самые родные братья великаго князя стали именоваться его холопами. Въ частномъ быту издавна хозяинъ, по отношенію къ своему невольному человѣку, назывался государемъ, а тотъ — его холопомъ; тоже сдѣлалось и въ быту государственномъ: великій князь, называвшійся прежде господиномъ или господаремъ, сталъ называться государемъ, а его служилые люди—его холопами. Но слово холопъ, нераздѣльное съ понятіемъ о службѣ, по отношенію къ государю, осталось только принадлежностію служилаго человѣка; духовное лицо не было холопомъ государя, а богомольцемъ; посадской или волостной человѣкъ не былъ также холопъ, а сирота.

Такимъ образомъ образовалось государство съ единодержавнымъ главою, состоявшее изъ холоповъ, сиротъ и богомольцевъ; тѣже, которые, по разнымъ условіямъ теченія общественной жизни, не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, ни къ третьимъ—назывались гулящіе люди и составляли важнѣйшій элементъ народнаго историческаго движенія.

X.

Существуетъ мнѣніе, что образованію единодержавія много помогло вліяніе великой княгини Софіи Ѳоминишны, гречанки,

и пришедшихъ съ нею грековъ. Что дѣйствительно такое воззрѣніе существовало въ эпоху, близкую къ этому событію, показываетъ бесѣда опальнаго Берсеня съ Максимомъ грекомъ, происходившая въ государствованіе Василія Ивановича, сына Ивана III. «Какъ пришла сюда мати великаго государя съ своими греки, ино наша земля замѣшалася, и пришли нестроенія великія, какъ у васъ въ Цариградѣ», сказалъ Берсень Максиму. Грекъ замѣтилъ ему, что Софія была особа знатнаго происхожденія. Москвичъ на это сказалъ: «какая бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла. Максиме господине! вѣдаешь и самъ, а и мы отъ разумныхъ людей слыхали: которая Земля переставляетъ свои обычаи, и та Земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ князь великій обычаи перемѣнилъ». Что эта перемѣна обычаевъ состояла именно въ упадкѣ боярскаго совѣта и возраставшемъ самовластіи государя, показываютъ слова того же Берсеня, которыми объяснилъ онъ то, что высказалъ прежде: «лучше старыхъ обычаевъ держатися, и людей жаловати и старыхъ почитати, а нонѣ-де государь нашъ запершись самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ». Изъ этого достаточно видно, что усиленіе самодержавія возбуждало между современниками ропотъ, и они приписывали такую перемѣну вліянію Софіи и иноземцевъ. Знатные бояре въ свое время не терпѣли этой женщины и даже успѣли поссорить ее съ великимъ княземъ, но послѣ жестоко поплатились за это. Иванъ, на-зло женѣ, лишилъ великокняжескаго преемничества рожденнаго отъ нея сына Василія, вѣнчалъ на царство внука — отрасль своей первой супруги тверской княжны, а потомъ, помирившись съ Софіею, засадилъ въ тюрьму вѣнчаннаго внука и предалъ опалѣ противныхъ ей бояръ. Нѣтъ сомнѣнія, что хитрая и ловкая гречанка, умѣвшая выстоять всякія семейныя и боярскія противности, оказывала вліяніе на понятія и характеръ мужа, но мы думаемъ, что она могла только укрѣплять его въ помыслахъ самодержавіи, а не зарождала ихъ въ немъ. Обстоятельства, къ которымъ привела Русь вся ея предшествовавшая судьба, были достаточны для возбужденія рѣшительныхъ стремленій къ самодержавію

безъ посторонихъ, чуждыхъ вліяній. Иванъ довершилъ то, что работали его прародители, хотя часто съ смутнымъ сознаніемъ послѣдствій своей работы. Онъ покончилъ съ Новгородомъ: эта Земля прежде находилась только подъ началомъ московскаго великаго князя; теперь онъ привелъ ее въ состояніе не только зависимости, но полнаго порабощенія: онъ выселилъ изъ родины горожанъ и землевладѣльцевъ и роздалъ въ кормленье своимъ служилымъ имѣнія новгородцевъ; чрезъ это онъ не только обезпечилъ для себя спокойное обладаніе Сѣверомъ Руси, но еще устроилъ тамъ ратную силу, всегда готовую стоять за всякіе интересы своего государя. Сословіе дѣтей боярскихъ, надѣленныхъ за службу помѣстьями,—важнѣйшее орудіе для поддержки московскаго самодержавія, при немъ значительно умножились. Вятка также была покорена, и тамъ на мѣсто выведенныхъ туземныхъ жителей царь Иванъ населилъ дѣтей боярскихъ. Пала потомъ и самобытность Твери. Орда болѣе не властвовала надъ Русью. Теперь самъ московскій великій князь дѣлался ея владыкою, тѣмъ, чѣмъ былъ для нея ханъ; вся Русь становилась его достояніемъ; громада народа, давно забитаго, отвыкшаго отъ всякой самодѣятельности и привыкшаго только повиноваться силѣ — безропотно должна была служить ему одному и потомъ, и кровью. Что могли ему сдѣлать бояре? Какъ посмѣютъ они требовать отъ него, чтобъ онъ, въ своихъ поступкахъ, соображался съ ихъ видами, испрашивалъ ихъ совѣтовъ и ничего не начиналъ безъ ихъ думы, какъ нѣкогда поступалъ Димитрій Донской, поучая и дѣтей своихъ слѣдовать своему примѣру? Герберштейнъ говоритъ, что это былъ такой деспотъ, что не было къ нему подступа: женщины, встрѣтившись съ нимъ, млѣли отъ страха, а бояре трепетали предъ нимъ, боялись вымолвить слово въ его присутствіи, и когда онъ, сидя на пиру, дремалъ, они раболѣпно молчали, страшась нарушить спокойствіе властелина. Это была одна изъ тѣхъ сильныхъ, могучихъ натуръ, которыя, даже не имѣя права на власть, невольно внушаютъ страхъ и повиновеніе. Понятно, что сорокалѣтнее пребываніе бояръ съ властелиномъ такого характера должно было послу-

жить имъ превосходной школой покорности и повиновенія. Вліяніе Софьи и вообще иноземцевъ отразилось на тѣхъ царственныхъ пріемахъ и придворномъ величіи, которые стали съ тѣхъ поръ сопровождать жизнь московскаго государя. Обрядность умершей въ дряхлости Византіи стала замѣнять простоту юной Руси, и она-то, эта обрядность, впослѣдствіи такъ сросшаяся съ обиходомъ московскаго двора, такъ развѣтвившаяся во множествѣ своеобразныхъ пріемовъ,—она, въ началѣ, соблазняла непривычныхъ къ ней русскихъ, изливавшихъ, при случаѣ, негодованіе противъ Софіи и грековъ. Важнѣйшимъ признакомъ вліянія византійской царевны было то, что московскій великій князь, сочетавшійся съ нею бракомъ, сталъ воображать себя преемникомъ славы и величія православныхъ византійскихъ царей. Съ этою идеею Иванъ Васильевичъ въ нѣкоторыхъ своихъ граматахъ уже титуловался царемъ и счелъ нужнымъ освятить обрядомъ царскаго вѣнчанія назначеніе себѣ преемника въ особѣ своего внука, которому не удалось царствовать. Сынъ Ивана, Василій, не повторилъ надъ собою вѣнчанія на царство, быть можетъ, избѣгая подобія съ племянникомъ, который томился въ оковахъ, бывши первою личностью въ русской исторіи, носившею царскій вѣнецъ. Но и Василій не чуждался царскаго титула, укрѣплявшаго и освящавшаго возникшую самодержавную монархію. При Василіѣ Ивановичѣ самодержавіе достигло своего апогея. Берсень, сравнивая его съ родителемъ, описывалъ послѣдняго такъ, что намъ онъ можетъ показаться либеральнымъ государемъ въ сравненіи съ сыномъ. Иванъ Васильевичъ, по замѣчанію Берсеня, допускалъ противъ себя «встрѣчу», — позволялъ себѣ противорѣчить, а Василій не искалъ и не принималъ ничьего совѣта, хотѣлъ быть самъ мудрѣе всѣхъ; всѣ дѣла, по выраженію Берсеня, самъ-третей у постели дѣлалъ. Современникъ Герберштейнъ оставилъ намъ очень живой и рельефный образъ этого государя, представивъ въ немъ истинный типъ самовластнаго деспота. По словамъ императорскаго посланника, не было въ мірѣ монарха съ такою властью надъ подданными, какую имѣлъ московскій государь. Всѣхъ онъ угнеталъ тяже-

лымъ рабствомъ и располагалъ по произволу жизнью и достояніемъ всѣхъ отъ мала до велика. Ѣздили въ посольствѣ къ императору Карлу V въ Испанію князь Иванъ Ярославскій и дьякъ Семенъ Трофимовъ; тамъ ихъ надѣлили разными подарками — серебряными и золотыми сосудами, блюдами, цѣпями, монетами; по возвращеніи ихъ въ Москву, все у нихъ забралъ государь. Къ удивленію иноземцевъ, это не возмущало русскихъ: «Что же, говорили они, государь инымъ чѣмъ пожалуетъ». Обогащая самого себя всѣми средствами, Василій умышленно старался приводить въ бѣдность бояръ; нужно ли дать кому-нибудь порученіе, сопряженное съ издержками, — московскій государь приказываетъ тому, на кого возлагаетъ порученіе, исполнить его на свой собственный счетъ. Тотъ же Герберштейнъ сообщаетъ, что государь хотѣлъ послать Третьяка Долматова по дѣлу къ императору Максиміану; дьякъ сталъ отговариваться недостаткомъ средствъ; за это государь велѣлъ все его движимое и недвижимое имущество отписать на себя, а его самого на всю жизнь запереть въ тюрьму, тамъ несчастный дьякъ и умеръ, а семейство его осталось въ нищетѣ. «Государь рѣшаетъ самъ всѣ духовныя и мірскія дѣла, говоритъ Герберштейнъ. Хотя совѣтники у него и есть, но никто изъ нихъ не смѣетъ разноголосить съ государемъ, не только что противорѣчить ему. Всѣ говорятъ, «воля государя — божья воля; что ни дѣлаетъ государь, все это онъ дѣлаетъ по божьей волѣ; онъ словно какъ ключникъ или дворецкій у Господа Бога, — творитъ то, что Богъ велитъ. Самъ государь, если его о чемъ-нибудь просятъ, хоть напримѣръ, объ освобожденіи узника, обыкновенно отвѣчаетъ: «если Богъ повелитъ—освободимъ». Равнымъ образомъ, если кто спрашиваетъ другого о чемъ-нибудь неизвѣстномъ или сомнительномъ, то ему отвѣчаютъ такою фразою: «про то вѣдаютъ Богъ, да великій государь»! Не знаю, или народъ по своей грубости требуетъ такого тирана себѣ въ государи, или тираннія государя сдѣлала народъ грубымъ, безчувственнымъ и жестокосерднымъ» [1]).

[1]) Rerum Moscov. Comm. edit. Starcz. 12.

Все повиновалось самовластію. Между тѣмъ втайнѣ вздыхали бояре о тѣхъ временахъ, когда ихъ предки не дрожали передъ великими князьями, а говорили съ ними смѣло, когда князья безъ ихъ совѣта ничего не начинали. Но при такихъ государяхъ, каковы были Иванъ и сынъ его Василій, опасно было шопотомъ другъ съ другомъ поговорить объ этомъ, страшно было даже помышлять.

Вдругъ все измѣнилось независимо отъ всякихъ боярскихъ усилій. Бояре возвратили себѣ самодѣятельность, хотя не надолго.

XI.

Василій умеръ, оставивъ преемникомъ малолѣтнаго сына. Надобно же было, вмѣсто малолѣтнаго, управлять государствомъ взрослымъ людямъ: были у Василія братья, но братья великихъ князей еще не усвоились съ долгомъ подданныхъ до того, чтобы, сдѣлавшись правителями вмѣсто малолѣтнаго племянника, не покуситься самимъ захватить его достояніе. И бояре невольно очутились правителями русской Земли. Исполнялось, такимъ образомъ, мимо ихъ стараній, тайное, завѣтное желаніе, которое они такъ долго принуждены были заглушать въ себѣ, что уже почти забыли его. Но тутъ-то боярство показало, какъ много легло на немъ слѣдовъ предшествовавшаго времени, и какъ самое ихъ старинное званіе княжескихъ слугъ внушало имъ свойства, дѣлавшія ихъ мало доступными къ умѣнью образовать изъ себя кружокъ свободныхъ людей съ цѣлями, касающимися устроенія судьбы края и своего сословія. Эгоизмъ лицъ и небольшихъ партій, слагавшихся не во имя идей, а изъ частныхъ видовъ, былъ сильнѣе всякихъ земскихъ и сословныхъ интересовъ. Въ то время бояре, какъ сословіе, почти вытирались изъ классовъ русскаго народа, и самое слово бояринъ уже получило совсѣмъ иное значеніе.

Съ усиленіемъ Москвы, московскіе великіе князья начали своихъ бояръ жаловать титуломъ «боярина»; такимъ образомъ, бояринъ значилъ уже чинъ, санъ, по великокняжескому пожалованію, и помѣщался на придворной лѣстницѣ почестей. Кромѣ бояръ, были пожалованные государемъ дворецкій, окольничьи, кравчій, постельничій, конюшій, ловчій, оружейничій—чинъ боярина былъ выше другихъ. Боярская дума, прежде бывшій совѣтъ свободно служащихъ у великаго князя слугъ высшаго разряда и достоинства, состояла теперь изъ тѣхъ лицъ, кого пожалуетъ въ баярство государь. Правда, при этомъ принимался во вниманіе родъ, такъ что большею частью въ бояре жаловались тѣ, которыхъ предки были боярами, но все зависѣло отъ воли государя; могли быть пожалованы люди, которые не считали своихъ отцевъ и дѣдовъ въ высокомъ санѣ; могли остаться, не получивъ никогда боярскаго сана, и такіе, которыхъ отцы были облечены этимъ саномъ. Прежнее значеніе слова бояринъ, въ смыслѣ высшаго сословія, еще долго оставалось въ неоффиціальномъ употребленіи; не только въ тѣ времена, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, но и гораздо позже, бояринъ вообще значитъ тоже что господинъ, знатный человѣкъ, отличавшійся какъ по происхожденію, такъ и по средствамъ жизни, и въ этомъ смыслѣ говорилось—боярскій домъ, боярскіе люди; въ такомъ значеніи слово это перешло и къ нашимъ временамъ въ сокращенномъ видѣ—баринъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ значеніе боярина въ смыслѣ сословія уже значительно ослабѣло, впало въ неопредѣленность и потеряло юридическій характеръ. Кромѣ бояръ по сану, боярами по роду и сословію могли называться лица, принадлежащія къ древнимъ знатнымъ родамъ и сами собою поддерживавшія свое значеніе и вліяніе на общественныя дѣла, которыя все-таки группировались около бояръ по сану, имѣвшихъ съ ними одинакую знатность рода. Какъ мы сказали, чувство сословной корпоративности между ними было слабо, и потому во всѣхъ событіяхъ эпохи младенчества Ивана Васильевича видно господство и преслѣдованіе личныхъ интересовъ. Одни у другихъ стремились вырывать и, при удачѣ, вырывали правленіе.

Сначала мать государя сдѣлалась правительницею и, какъ слѣдовало ожидать отъ правленія молодой женщины того времени, возникла борьба между ея родственниками и ея любовникомъ. Партія послѣдняго одолѣла, потому что за него временно были люди старыхъ московскихъ боярскихъ родовъ, а родственники ея, Глинскіе, были недавніе пришельцы и возбуждали зависть въ потомкахъ старожиловъ; дядю правительницы уморили голодомъ въ тюрьмѣ; потомъ кружокъ недовольныхъ собрался около дядей государя—братьевъ Василія; но не удалось имъ. Государевыхъ дядей одного за другимъ уморили въ тюрьмѣ, а ихъ сторонниковъ наказали кнутомъ, другихъ же изъ нихъ, не такъ знатныхъ, перевѣшали. Не долго жила правительница, и какъ думаютъ, была отравлена. Тотчасъ по смерти ея, захватили власть князья Шуйскіе, уморили голодомъ любовника умершей матери государя, скоро потомъ сами низвергнуты были Бѣльскими, потомъ въ свою очередь съ своею партіею низвергнули Бѣльскихъ. Такимъ образомъ, Шуйскіе, Бѣльскіе, а съ ними Оболенскіе, Палецкіе, Кубенскіе, Шереметевы, Воронцовы и другіе, не чувствуя надъ собою ярма и государева страха, какъ бывало во дни оны, давали просторъ разнузданнымъ страстямъ, другъ друга толкали, другъ подъ другомъ рыли подкопы; слабѣйшіе приставали къ сильнѣйшимъ и при первомъ случаѣ измѣняли имъ; возвышеніе однихъ сопровождалось убійствами и преслѣдованіями низвергнутыхъ; всѣ почти имѣли въ виду только свои личныя выгоды, руководились узкими побужденіями честолюбія, корыстолюбія или страха. Всякій пекся о себѣ, а не о земскихъ и государскихъ дѣлахъ—говорятъ современники. Впослѣдствіи, царь Иванъ Васильевичъ въ письмѣ своемъ къ Курбскому, вспоминая дни своей юности, такъ описываетъ времена боярскаго правленія: «они наскочили на грады и села, ограбили имущества жителей и нанесли имъ многоразличныя бѣды, сдѣлали своихъ подвластныхъ своими рабами, а рабовъ своихъ устроили какъ вельможъ; показывали видъ, что правятъ и устраиваютъ, а вмѣсто того производили неправды и нестроенія, собирая со всѣхъ неизмѣримую мзду, и все творили и го-

ворили не иначе, какъ въ видахъ корысти (по мздѣ)». Свидѣтельство царя-деспота въ этомъ случаѣ не можетъ быть сочтено недостойнымъ вѣроятія, потому что оно подтверждается разсказами современныхъ лѣтописей; такъ, псковская лѣтопись выражается о характерѣ намѣстниковъ во время правленія Шуйскихъ: «свирѣпи ако львове, и люди ихъ аки звѣріе дивіи до крестьянъ». При отсутствіи корпоративнаго духа, бояре, захватывавшіе власть, не думали установить какого-нибудь прочнаго ограниченія самодержавной власти и оградить на будущія времена свободу и значеніе своего сословія. Не позаботились они и о такомъ воспитаніи малолѣтнаго, бывшаго у нихъ въ рукахъ, государя, которое бы подготовило монарха въ ихъ духѣ. Шуйскіе, по своему неблагоразумію, поступали, напротивъ, такъ, чтобы впослѣдствіи образовать изъ своего царственнаго питомца—тирана, склоннаго къ злодѣяніямъ и вмѣстѣ раздраженнаго воспоминаніями своего униженія, перенесеннаго въ дѣтствѣ. Маленькій Иванъ для забавы убивалъ и терзалъ животныхъ, заслуживая за такія игры похвалы отъ своихъ воспитателей и съ дѣтства получилъ вкусъ къ пролитію крови. Когда, впослѣдствіи, этотъ пріобрѣтенный въ дѣтствѣ вкусъ обратился на кровь человѣческую, онъ не забылъ, какъ, бывало, во время его дѣтскихъ игръ, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, сидя на лавкѣ, клалъ ноги на постель его родителя и не оказывалъ ему самому ни малѣйшаго уваженія, какъ будто ни во что ставилъ санъ, носимый малолѣтнымъ. Подобныя горькія воспоминанія объ униженіи въ дѣтствѣ возбуждали впослѣдствіи въ Иванѣ Васильевичѣ злобу къ боярамъ. «Питаша его—говоритъ Курбскій о его воспитателяхъ—на свою и дѣтей своихъ бѣду, ретяшеся другъ предъ другомъ, ласкающе и угождающе ему во всякомъ наслажденіи и сладострастіи».

Ясно, что правленіе слугъ, очутившихся нежданно въ положеніи господъ, не могло произвести коренныхъ преобразованій въ государственномъ строѣ. Пропущено было самое удобное время поставить преграду дальнѣйшему господству самодержавія, чего такъ внутренно желало боярство, и чего совершенно не

умѣло сдѣлать. Едва, привыкшій изъдѣтства своевольничать, царь подросъ, какъ попалъ подъ опеку своихъ дядей—Глинскихъ, до тѣхъ поръ сидѣвшихъ тихо и смирно, страха ради. Они, вмѣстѣ съ государемъ, составили заговоръ противъ Шуйскихъ и въ одинъ день, Иванъ Васильевичъ приказалъ схватить Андрея Шуйскаго и отдать на растерзаніе псарямъ. Затѣмъ слѣдовали опалы, ссылки, заточенія въ тюрьму и неистовыя выходки необузданнаго и кровожаднаго произвола. Иванъ достигъ совершеннолѣтія, вѣнчался на царство, женился—но продолжалъ находиться подъ опекою Глинскихъ. Уничтожить эту опеку возможно было только тѣмъ самымъ средствомъ, какимъ Глинскіе захватили ее, то-есть заговоромъ. Кружокъ бояръ, между которыми былъ дядя царицы, воспользовался случившимся въ столицѣ пожаромъ, однимъ изъ самыхъ ужасныхъ, какими богата русская исторія. Распустили въ народѣ нелѣпый слухъ, будто бабка государя, Глинская, вырывала изъ человѣческихъ труповъ сердца, настаивала въ видѣ и кропила этою водою улицы, а отъ этого произошелъ пожаръ. Народъ взволновался, убилъ государева дядю, Глинскаго; самому государю угрожала опасность отъ разъяренной толпы. Иванъ Васильевичъ испугался, потерялся и какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ съ людьми его характера, былъ склоненъ принять, какъ единственную опору, помощь религіи. Явленіе было необычное въ московской исторіи: неудивительно, что царь поддался вліянію духовнаго лица, которое на него подѣйствовало религіознымъ страхомъ и утѣшеніемъ. То былъ знаменитый Сильвестръ, одна изъ такихъ необыкновенныхъ личностей, которыя, во время спокойнаго теченія общественной жизни, могутъ навсегда остаться незамѣченными, но въ эпоху переворотовъ и катастрофъ, силою своего ума и воли, вызываются стать на челѣ общественной дѣятельности. Къ большой потерѣ для исторіи мы не знаемъ предварительной біографіи этого человѣка: говорятъ только, что онъ былъ священникъ, пришлецъ изъ Новгорода. Несомнѣнно, что душею происшедшаго тогда въ сердцѣ Ивана Васильевича переворота былъ онъ. Сильвестръ овладѣлъ его совѣстью,—царь

всецѣло ему отдался, какъ руководителю и наставнику; вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно по благословенію Сильвестра, онъ приблизилъ къ себѣ Алексѣя Адашева, человѣка молодого и незнатнаго: его отецъ только въ слѣдующемъ году произведенъ въ окольничьи. Эти два лица сошлись съ княземъ Дмитріемъ Курлятевымъ, а потомъ приблизили къ себѣ кружокъ князей и бояръ, которые образовали около государя совѣтъ, управлявшій его именемъ всѣми государственными и земскими дѣлами. Мы не можемъ сказать, изъ кого именно состоялъ этотъ кружокъ совѣтниковъ, руководимыхъ Адашевымъ и Сильвестромъ. Мы знаемъ составъ боярской думы тѣхъ лѣтъ, когда царь былъ подъ опекою Сильвестра и его пособниковъ, но по этому одному нельзя дѣлать заключеній; иные, находясь въ боярской думѣ, мало значили для дѣлъ; другіе, не находясь тамъ, могли имѣть болѣе значенія;— и дѣйствительно, ни Сильвестръ, ни Адашевъ не имѣли никакого участія и голоса въ боярской думѣ, а однако теченіе дѣлъ болѣе всего отъ нихъ зависѣло. По ходу тогдашнихъ дѣлъ можно указать на лицъ, болѣе дѣятельныхъ въ эту эпоху, на кн. Курлятевыхъ, особенно Дмитрія, на кн. Куракина, кн. Мих. Рѣпнина, кн. Турунтая, кн. Пронскаго, кн. Юрія Кашина, князей Воротынскихъ, Одоевскихъ, кн. Дмитрія Палецкаго, кн. Курбскаго, кн. Петра Шуйскаго, кн. Горбатова, Сабурова, Шереметева, Морозовыхъ. Но опредѣлить степень вліянія каждаго изъ нихъ—нельзя. Мы были бы въ совершенной тьмѣ относительно этой чрезвычайно важной эпохи, если бы до насъ не дошла драгоцѣнная переписка царя съ бѣглецомъ кн. Анд. Мих. Курбскимъ; въ ихъ полемикѣ отражаются какъ въ зеркалѣ двѣ стороны—одна боярская, стремившаяся ограничить власть монарха, другая—царская, стремящаяся освободиться навсегда отъ подобнаго ограниченія, стоящая за святыню самодержавной и безусловной воли верховнаго главы и помазанника. Вѣроятно тѣ, которыхъ царь губилъ, особенно въ началѣ эпохи своихъ мучительствъ, тѣ, которые прославляются Курбскимъ какъ мученики, оказывались въ глазахъ царя виновными въ стремленіи ограничить его власть; но по этому также нельзя заключать о

степени ихъ вліянія при Сильвестрѣ и Адашевѣ, тѣмъ болѣе, что царь казнилъ и такихъ, о которыхъ есть положительныя свѣдѣнія, что они были врагами Сильвестра и Адашева. Такимъ образомъ, онъ, напримѣръ, казнилъ казначея Фуникова, котораго, по извѣстію самого царя Сильвестръ и Адашевъ послали въ заточеніе. Но что царь дѣйствительно былъ ограниченъ въ своей власти, дѣйствовалъ по волѣ другихъ и все управленіе исходило не отъ него, кромѣ немногихъ случаевъ его строптивости,—въ томъ удостовѣряютъ насъ, какъ разсказъ Курбскаго, такъ и сознаніе самого царя. Курбскій, хвалитъ такое положеніе дѣлъ; царь вспоминаетъ о немъ съ негодованіемъ.

Всему положилъ начала Сильвестръ и все держалъ онъ: Курбскій объясняетъ способъ, какимъ онъ взялъ царя въ руки и умѣлъ долгое время владѣть имъ. Этотъ пресвитеръ, по словамъ Курбскаго, повѣдалъ царю чудеса, яко бы явленныя отъ Бога. Не знаю, прибавляетъ отъ себя Курбскій, какія онѣ были: истинныя ли, или онъ, пользуясь глупостію царя, напустилъ на него ужасъ, подобно какъ отцы повелѣваютъ слугамъ ужасать дѣтей мечтательными страхами: такъ поступалъ и этотъ блаженный льстецъ. На тоже намекаетъ самъ Иванъ Васильевичъ въ письмѣ къ Курбскому: «Не мните мя неразумна суща или разумомъ младенчествующа, якоже начальницы ваши попъ Сильвестръ и Алексѣй, ниже мните мя дѣтскими страшилы устрашити, якоже прежде сего съ попомъ Сильвестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстиста». Принявъ во вниманіе страстный, увлекающійся и вмѣстѣ трусливый, нравъ царя и господствующія суевѣрія вѣка, становится понятно, какимъ орудіемъ съумѣлъ Сильвестръ совершить важное дѣло. Царь видѣлъ въ немъ что-то высшее, счелъ его за святого блаженнаго мужа, одареннаго свыше благодатію, мудростью, дарами пророчества и чудодѣянія, и потому такъ суевѣрно почиталъ его, слушался и боялся, пока не прошло обаяніе. Дѣйствуя за одно съ Адашевымъ, они, по извѣстію Курбскаго, «собираютъ къ нему совѣтниковъ, мужей разумныхъ и совершенныхъ; одни изъ нихъ были старики, украшенные благочестіемъ и страхомъ Божіимъ,

другіе же люди средняго возраста, предобрые, храбрые, искусные въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ, и такъ усвояютъ ему ихъ въ пріязнь и дружбу, и безъ ихъ совѣта онъ не могъ ничего ни мыслить. И назывались эти совѣтники *избранная рада*, ибо все важное и полезное отъ нихъ происходило». Усвоившій въ новомъ отечествѣ западно-русскія выраженія, Курбскій переводитъ словомъ *рада* слово *дума*, но здѣсь едва ли можно разумѣть оффиціальную боярскую думу: если люди, принадлежавшіе къ послѣдней, и были друзья Сильвестра и Адашева, то не по своему пребыванію въ боярской думѣ. Эта избранная рада означала болѣе интиммый, неоффиціальный совѣтъ, служившій планамъ Сильвестра и Адашева,—вѣроятно изъ тѣхъ князей и бояръ, которыхъ они приблизили къ себѣ;—нѣкоторые, а можетъ быть и многіе, не такъ проницательные какъ Курбскій, чистосердечно вѣрили въ высшее помазаніе Сильвестра;—удивительный этотъ человѣкъ умѣлъ примирять ихъ, соглашать и направлять къ цѣли, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ. Слѣдствіемъ такой зависимости царя отъ кружка, устроеннаго священникомъ, были дѣла очень важныя: изданіе Судебника, Стоглава, установленіе губныхъ грамотъ, излюбленныхъ старостъ и цѣловальниковъ, освобожденіе народа отъ произвола намѣстниковъ и волостелей, дарованіе ему льготъ и самоуправленія, завоеваніе Казани и Астрахани. Все это дѣлалось именемъ царя и во всемъ этомъ былъ царь неповиненъ. «Я—говоритъ въ письмѣ царь—принялъ попа Сильвестра ради духовнаго совѣта и спасенія души своей, а онъ попралъ священные обѣты и хиротонію, сперва какъ будто хорошо началъ, слѣдуя божественному писанію, а я, видя въ божественномъ писаніи, что слѣдуетъ покоряться благимъ наставникомъ безъ разсужденія, ради духовнаго совѣта, повиновался ему въ колебаніи и невѣдѣніи. Потомъ Сильвестръ сдружился съ Адашевымъ и начали держать совѣтъ тайно отъ насъ, считая насъ неразумными; и такъ, вмѣсто духовныхъ дѣлъ, начали разсуждать о мірскихъ, и такъ мало-по-малу всѣхъ васъ, бояръ, приводить въ самовольство, снимая съ насъ власть и васъ подстрекая противорѣчить намъ, и почти равняя

васъ честью съ нами, а молодыхъ дѣтей боярскихъ уподобляя честью съ вами; и такъ мало-по-малу утвердилась это злоба и вамъ стали давать города и села, и тѣ вотчины, которыя еще по распоряженію дѣда нашего у васъ отняты, которыхъ вамъ не слѣдовало давать—роздали: все пошло по вѣтру, нарушили распоряженіе дѣда нашего и тѣмъ склонили на свою сторону многихъ. Потомъ Сильвестръ ввелъ къ намъ въ сигклитъ единомышленника своего князя Дмитрія Курлетева, обольщая насъ лукавымъ обычаемъ, будто все это дѣлаетъ ради спасенія души нашей; и такъ съ этимъ своимъ единомышленникомъ утвердили свой злой совѣтъ, не оставили ни одной власти, гдѣ бы не помѣстили своихъ угодниковъ, и съ тѣмъ своимъ единомышленниковъ отняли отъ насъ власть, данную намъ отъ прародителей, назначать бояръ и давать имъ честь предсѣданія по нашему жалованью: все это положили на свою и на вашу волю, чтобъ все было какъ вамъ угодно; и утвердились дружбою; все дѣлали по своему, а насъ и не спрашивали, какъ будто насъ вовсе не было; всѣ устроенія и утвержденія творили по волѣ своей и своихъ совѣтниковъ. Мы же, если что и доброе совѣтовали, имъ все это казалось непотребнымъ. Во всякой мелочи, до обуванія и спанья, я не имѣлъ своей воли; все дѣлалъ по ихъ желанію, словно младенецъ». Эта краснорѣчивая исповѣдь живо показываетъ состояніе, въ какомъ находился царь подъ обаяніемъ Сильвестра. Шло къ тому, чтобы власть царская, власть единодержавная, выработанная нѣсколькими поколѣніями московскихъ государей, опять возратилась къ тому состоянію, въ какомъ находилась въ XIV-мъ вѣкѣ во времена Димитрія Донского, а можетъ быть и еще ограниченнѣе. Удѣльные князья и ихъ бокре потеряли свои владѣнія и силу въ отдѣльныхъ Земляхъ, стали холопами московскаго государя; теперь ихъ потомки, не возстановляя своихъ удѣльныхъ правъ, стояли на рубежѣ пріобрѣтенія другого права—управлять общимъ совѣтомъ, всею русскою Землею, уже соединною и распространенною.

Замѣчательно, что изъ лицъ вліятельныхъ того времени была большая часть потомковъ удѣльныхъ князей, но еще замѣчательнѣе то, что во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства, находившагося, по признанію самого царя, въ ихъ рукахъ, не видно вовсе аристократическаго направленія, какъ бы, казалось, слѣдовало ожидать; напротивъ, въ тогдашнемъ законодательствѣ и учрежденіяхъ видѣнъ господствующій духъ уравненія, стремленіе народной громадѣ доставить благосостояніе и льготу. Нѣтъ ничего такого, что бы клонилось къ исключительнымъ выгодамъ знатныхъ княжескихъ и боярскихъ родовъ; напротивъ, самъ царь ставитъ имъ въ вину, что они молодыхъ (т. е. незнатныхъ) дѣтей боярскихъ равняли честію съ боярами. Это обстоятельство объясняется, вопервыхъ, тѣмъ, что все исходило отъ Сильвестра и Адашева и ихъ пособники, хотя принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ родамъ, смотрѣли глазами двухъ или трехъ (считая Курлетева) тогдашнихъ временщиковъ, овладѣвшихъ волею царя,—вовторыхъ, тѣмъ отсутствіемъ корпоративнаго духа, о которомъ мы говорили, какъ о слѣдствіи давняго значенія бояръ въ качествѣ слугъ великаго князя. Это качество и было одною изъ причинъ недолговѣчности стремленія поставить самодержавію границы. Все зависѣло отъ обаянія, въ какомъ находился царь, уважая Сильвестра, считая его лицомъ, облеченнымъ высшею благодатію. Какъ только это обаяніе исчезало, все строеніе, предпринятое Сильвестромъ и его пособниками, оказывалось заложеннымъ на пескѣ и должно было разсыпаться, прежде чѣмъ могло быть достроено.

Царь, вслѣдствіе потрясенія и страха Божія, отдавшійся подъ начало руководителя, не могъ не чувствовать тягости своей зависимости, и уже послѣ казанскаго похода, вспыливъ на одного изъ приближенныхъ, сказалъ: «нынѣ меня Богъ боронилъ отъ васъ». Тогда уже это неосторожно произнесенное слово показалось зловѣщимъ. Между пѣстунами царя и братьями жены его возникло несогласіе; царю не совѣтовали уходить изъ подъ Казани, пока не устроятся дѣла, но царь

послушался болѣе совѣта своихъ шурьевъ. Вліяніе Сильвестра только до нѣкоторой степени умѣряло обычный эгоизмъ личныхъ побужденій, лежавшій издавна въ нравахъ знатныхъ родовъ, но онъ не могъ совершенно искоренить безладицу между окружавшими царя. Она проявилась рѣзко въ 1553 г., когда съ царемъ случилась опасная болѣзнь. У постели ожидавшаго смерти государя бояре не хотѣли присягать на вѣрность малолѣтному сыну его Димитрію и склонялись на сторону двоюроднаго царскаго брата князя Владимира Андреевича. Нѣкоторые упорно отрекались отъ принесенія присяги Димитрію, другіе хотя уступили желанію царя, но съ явнымъ недоброхотствомъ высказывали опасеніе, что, во время малолѣтства будущаго царя, захватятъ власть ихъ родственники по матери, Захарьины, и гласно заявляли свою ненависть къ этимъ людямъ, къ которымъ былъ расположенъ государь, горячо любившій свою жену. Государь не умеръ, какъ было ожидали, но выздоровѣлъ и чувствовалъ въ сердцѣ неизгладимое огорченіе. Это событіе отмѣчено въ лѣтописяхъ особенно важнымъ, потому что съ него началась смута между боярами. Государь не мстилъ за оскорбленіе, хотя не забывалъ его. Его не побудила къ перемѣнѣ отношеній къ ограничавшей его партіи даже и бесѣда съ пѣсношскимъ старцемъ Вассіаномъ, бывшимъ нѣкогда коломенскимъ епископомъ, испытавшимъ гоненія отъ бояръ и потому ихъ всѣхъ ненавидѣвшимъ. «Если хочешь быть самодержцемъ—сказалъ царю этотъ старецъ—не держи около себя людей мудрѣе себя». Курбскій признаетъ за этимъ старцемъ большое вліяніе на Ивана Васильевича и потому сильно на него озлобляется. Дѣла, однако, и послѣ того оставались въ прежнемъ видѣ, хотя царю все тяжелѣе и тяжелѣе становилась зависимость. Одинъ изъ ближнихъ вельможъ, бывшій въ числѣ тѣхъ, которые во время болѣзни Ивана Васильевича отказывались присягать сыну его Димитрію и были склонны признать преемникомъ больному царю — его двоюроднаго брата Владимира Андреевича, князь Семенъ Ростовскій, вѣроятно, видя къ себѣ постоянное нерасположеніе

государя и опасаясь, что рано или поздно царь припомнитъ ему прошедшее, замыслилъ бѣжать въ Литву; съ нимъ соглашались бѣжать его родственники. Но замыселъ ихъ не удался. Бѣглецовъ, вмѣсто казни, осудили на заточеніе. Событіе это увеличивало недовѣріе царя къ боярамъ, тѣмъ болѣе, когда царь впослѣдствіи замѣчалъ, что Сильвестръ оказывалъ сочувствіе къ преступникамъ. У боярской партіи насчетъ подобныхъ поступковъ былъ иной взглядъ, какъ у государей. Сообразно древнему праву отъѣзда, дорогому для нихъ по предковскимъ преданіямъ, они все еще смотрѣли снисходительно на то, что государи клеймили измѣною и предательствомъ: совѣсть ихъ говорила имъ иное. «Если кто — разсуждалъ впослѣдствіи такой же бѣглецъ Курбскій — не убѣгаетъ отъ прелютаго гоненія, тотъ самъ себѣ убійца, тотъ противится слову Господню: аще гонятъ васъ во градѣ, бѣгайте въ другій; притомъ же и образъ показалъ вѣрнымъ своимъ самъ Господь Богъ, когда убѣгалъ не только отъ смерти, но и отъ зависти богоборныхъ жидовъ». Вслѣдъ затѣмъ произошло какое-то дѣло по поводу бояръ князей Прозоровскаго и Сицкаго. Бояре дали этому дѣлу такой оборотъ, что, казалось, хотѣли судить поступки государя. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи царь, въ своей переепискѣ съ Курбскимъ, припоминалъ, какъ Курбскій и Курлятевъ хотѣли судить его. О фактѣ этомъ мы знаемъ только изъ неяснаго намека: тѣмъ неменѣе видно, что и на этотъ разъ у царя остался поводъ къ недовольству противъ бояръ за то, что они стремились держать его въ своей зависимости. Вслѣдъ затѣмъ размолвка царя съ своими пѣстунами сильнѣе обозначались по поводу ливонской войны. Сильвестръ былъ рѣшительно противъ этой войны. Адашевъ также не одобрялъ ее. Другіе, будучи ихъ сторонниками, также не охотно соглашались признать ее справедливость, по крайней мѣрѣ сначала. За то самъ царь хотѣлъ воевать и находились совѣтники, подстрекавшіе его. У Сильвестра была идея распространять предѣлы русскаго государства въ другія стороны, на счетъ татаръ;—уже Казань и Астрахань были по-

корены; представлялась возможность расправиться и съ Крымомъ; правда, для этого требовались слишкомъ большія усилія, но казалось возможнымъ преодолѣть все, особенно въ союзѣ съ Литвою и Польшею, заключеннымъ съ цѣлію взаимными силами истребить хищническое гнѣздо, устроенное на Крымскомъ полуостровѣ; нападеніе на Ливонію отвлекало русскія силы и приготовляло для Руси столкновеніе и вражду съ Литвою и Польшею. Царь не слушалъ такихъ совѣтовъ; война началась; Сильвестръ продолжалъ порицать ее, жалѣлъ о разореніи Ливоніи, называлъ ее сиротою вдовицею и пугалъ царя карою Божіею за варварства, совершаемыя его войсками въ несчастномъ краѣ; случалось ли захворать царю, царицѣ или ихъ дѣтямъ—Сильвестръ говорилъ, что это Богъ наказываетъ его за Ливонію. Его правоученія отражались даже на полководцахъ; царь, впослѣдствіи, указывалъ, что они неохотно шли на войну: «Аще бы не ваше злобѣсное претыканіе было, то бы за Божіею помощію, едва не вся Германія была за православіемъ», писалъ онъ къ Курбскому въ своемъ простодушномъ высокомѣріи, повторяя, какъ кажется, то, что ему нашептали враги Сильвестра. Наконецъ, государь потерялъ терпѣніе. Люди, непріязненные Сильвестру, овладѣли имъ. Сильвестръ и его сторонники раздражали шурьевъ царя и самую царицу, Анастасію: послѣднее было для нихъ всего вреднѣе. Мы не знаемъ, за что именно не ладили она съ ними, но царь, въ письмѣ своемъ къ Курбскому, напоминаетъ, какъ супругу его уподобляли нечестивымъ царицамъ, и между прочимъ Евдокіи, преслѣдовавшей Іоанна Златоуста. Это указываетъ, что царица Анастасія не любила Сильвестра, котораго его староиники сравнивали съ Златоустомъ. Съ нею и съ ея шурьями дѣйствовали на царя другіе, которые, по правдоподобному объясненію Курбскаго, хотѣли удалить Сильвестра и его сторонниковъ для того, чтобъ имъ невозбранно было всѣмъ владѣть, брать посулы, извращать правосудіе и умножать злыми способами свои пожитки. Хотя до насъ не дошли непосредственно ихъ доводы, какими они вооружили Ивана

Васильевича противъ Сильвестра и Адашева, но, вѣроятно, они были именно тѣ, какіе самъ царь впослѣдствіи приводилъ для оправданія своихъ послѣдующихъ поступковъ: священникамъ совсѣмъ не подобаетъ властвовать и управлять; царство, управляемое попами, разоряется: такъ было въ Греціи; и Богъ, изводя Израиля изъ работы, не священника надъ нимъ поставилъ и не многихъ правителей, а единнаго Моисея, какъ царя, Аарону же, его брату, повелѣлъ священствовать, а не творить людского строенія, а какъ Ааронъ началъ заниматься людскимъ строеніемъ, такъ и отъ Бога отвелъ людей. Царь долженъ быть самодержавенъ, всѣмъ повелѣвать, и никого не слушаться, а если онъ будетъ дѣлать то, что другіе постановятъ, такъ—только честію царскою предсѣданія будетъ почтенъ, а на дѣлѣ не лучше раба; и пророкъ сказалъ: «горе граду имже мнози обладаютъ»; русскіе владѣтели и прежде никому не повиновались, а вольны были подвластныхъ своихъ миловать и казнить. Такъ говорилъ царь; такъ, вѣроятно, и ему говорили враги Сильвестра и его партіи. Но въ довершеніе всего они заронили царю мысль, что Сильвестръ чародѣй и силою волшебства опуталъ его и держитъ въ неволѣ. Это орудіе было особенно сильно, потому что оно было того же закала, какъ и сильвестрово. Сторонники Сильвестра сознаются, что Сильвестръ былъ «льстецъ», то есть обманщикъ, но оправдываютъ его тѣмъ, что онъ употреблялъ обманъ, какъ средство для хорошихъ цѣлей: онъ умѣлъ представиться въ глазахъ царя богоугоднымъ человѣкомъ, облеченнымъ силою необыкновенною, силою свыше, чудотворцемъ; онъ дурачилъ царя ложными чудесами: въ этомъ сознается его поклонникъ Курбскій; теперь, дѣйствуя противъ него, враги старались представить его также чудотворомъ, но только получившимъ свою силу не отъ Бога, а отъ темныхъ властей. Такой путь скорѣе всего могъ поколебать душу суевѣрнаго Ивана Васильевича. Суевѣріе свело его съ Сильвестромъ; суевѣріе и развело. Сильвестръ увидѣлъ, что царь уже ему не вѣритъ, разсудилъ, что долѣе оставать-

ся при дворѣ ему не зачѣмъ и удалился въ монастырь; его друга Адашева услали въ Ливонію къ войску. Быть можетъ, партія ихъ сторонниковъ опять нашла бы средства обратить царя на прежній путь повиновенія, но тутъ случилось обстоятельство, которое сдѣлало невозможнымъ такой возвратъ.

Умерла Анастасія. Царь, любившій горячо свою супругу, былъ въ чрезмѣрной печали. Понятно, что съ потерею любимой особы, которая, по свойству человѣческой природы, стала ему, по смерти своей, еще любезнѣе, всѣ тѣ, которые не любили ее при жизни, стали ему особенно ненавистны. Этимъ воспользовались враги и бросили царю мысль, что въ смерти Анастасіи Романовны виновны Сильвестръ и Адашевъ, что они извели ее чарами. Царь, уже предрасположенный видѣть въ этихъ лицахъ злыхъ волшебниковъ, легко поддался внушеніямъ ихъ враговъ. Сильвестра и Адашева не было въ Москвѣ: ихъ не допустили туда пріѣхать для своего оправданія, хотя они объ этомъ просили черезъ митрополита. Курбскій сообщаетъ доводы, которыми тогда вооружали противъ нихъ царя Ивана Васильевича. «Если ты, царь—говорили ему—допустишь ихъ къ себѣ на глаза,—они очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ; да кромѣ того: войско и народъ любятъ ихъ болѣе тебя, и самаго тебя и насъ перебьютъ каменьями. А хотя бы этого не случилось—опять обойдутъ тебя и подчинятъ себѣ въ неволю. Эти дурные люди, негодные чародѣи, уже держали какъ будто въ оковахъ, тебя, государя великаго, славнаго и мудраго, повелѣвали тебѣ въ мѣру ѣсть и пить, не давали тебѣ ни въ чемъ воли, ни въ малыхъ, ни въ большихъ дѣлахъ; не могъ ты ни людей своихъ миловать, ни царствомъ своимъ владѣть. Да еслибъ не было ихъ при тебѣ, при такомъ мужественномъ и храбромъ государѣ, еслибъ они не держали тебя какъ на уздѣ, ты бы уже почти всею вселенною обладалъ; а то они, своимъ чародѣйствомъ, закрывали тебѣ глаза, не давали тебѣ ни на что смотрѣть, желали сами царствовать и всѣми нами владѣть. Только допусти ихъ къ себѣ на глаза: тотчасъ тебя ослѣнятъ! Вотъ теперь,

отогнавши ихъ отъ себя, ты истинно образумился, то есть пришелъ въ свой разумъ; открылись у тебя глаза и смотришь ты свободно на свое царство, какъ помазанникъ Божій, и никто иной—ты самъ одинъ всѣмъ владѣешь и правишь».

Такія рѣчи были какъ нельзя болѣе по сердцу царю. Если Сильвестръ держалъ царя въ зависимости при помощи религіи, то нашлись и противники, которые поражали его самого именемъ религіи. Нашлись ему враги изъ его же собратіи, духовенства. Русскіе духовные, по взгляду на верховную власть государя, издавна уже раздѣлились на двѣ партіи. Одна покровительствовала стремленіямъ московскихъ государей къ единодержавію и полновластію, проповѣдывала, что власть государя должна быть неограниченною, все должно исходить только отъ него; никто не можетъ судить его поступковъ, ибо онъ божій помазанникъ, слуга и намѣстникъ и сердце его въ руцѣ божіей. Къ этой партіи примыкали и такіе, у которыхъ были своекорыстные виды. Это были, по выраженію Курбскаго, тѣ богатолюбивые мнихи, которые вообще не совѣтовали по разуму духовному, а съ прилежаніемъ прислушивались, что угодно царю и властямъ, то есть чѣмъ бы вымолить монастырямъ имѣнія и богатства. Проповѣдуя деспотизмъ мірской власти, они также были поборники деспотизма въ церкви, деспотизма вѣрованія, устава, обряда. Курбскій называетъ ихъ іосифлянами, отъ Іосифа Волоцкаго, въ свое время бывшаго главнымъ и энергическимъ представителемъ такого направленія въ духовенствѣ. Укоръ въ любостяжаніи, который дѣлали имъ противники, подтверждался тою защитою монастырскихъ имѣній, которою такъ отличался Іосифъ Волоцкій. Другая партія, напротивъ, считала, что царскій произволъ долженъ умѣряться совѣтомъ разумныхъ людей и руководиться наставленіями благочестивыхъ представителей церкви; люди этой партіи отличались, сравнительно съ своими противниками, большею мягкостью, снисходительностію къ человѣческимъ слабостямъ и заблужденіямъ.

Иванъ Васильевичъ собралъ духовныхъ и свѣтскихъ санов-

никовъ судить Сильвестра и Адашева въ чародѣйствѣ, которымъ они опутывали царя и лишали его власти. Духовные были люди партіи самодержавія, Курбскій называетъ изъ нихъ Вассіана, чудовскаго архимандрита Левкія, Михаила Сукина, какъ особенно отличившихся противъ Сильвестра; но вѣроятно и епископы, находившіеся на этомъ судѣ, были того же покроя. Только митрополитъ Макарій возвысилъ голосъ, находя справедливымъ призвать обвиняемыхъ и выслушать ихъ объясненія; но его не послушали, потому что всѣ хотѣли угодить царю. Сильвестра осудили на вѣчное заточеніе въ Соловки; Адашева держали подъ стражею въ ново-завоеванномъ Дерптѣ, гдѣ онъ и умеръ, по однимъ отъ горячки, по извѣстіямъ его враговъ,—отъ самоотравленія.

Вслѣдъ затѣмъ царь Иванъ Васильевичъ вступилъ въ тотъ періодъ своего царствованія, который отмѣтился въ исторіи нашей самымъ дикимъ, безчеловѣчнымъ проявленіемъ самовластія и мучительствами надъ знатными русскими родами, Прежде всего онъ перемучилъ родственниковъ и свойственниковъ Адашева, умертвилъ князей Оболенскаго, Рѣпнина, Кашина и другихъ лицъ, постригъ Курлятевыхъ и Шереметева, заточилъ князя Воротынскаго. Между тѣмъ ливонская война вовлекла Московское государство въ войну съ Литвою. Князь Курбскій, лицо знатное и вліятельное, измѣнилъ Москвѣ и передался къ Литвѣ; нашлись и другіе, послѣдовавшіе его примѣру. Понятіе о правѣ отъѣзда, еще не изгладившееся у князей и бояръ въ значеніи предковскаго преданія, подавало опасеніе, что измѣна охватитъ Москву въ самыя критическія минуты ея борьбы съ внѣшними врагами. Царю показались необходимыми самыя крутыя мѣры. И вотъ явилась опричнина.

Отчего же царь, уже издавна тяготившійся наложенною на него опекою, не свергалъ ее съ себя такъ долго? Отчего онъ не рѣшался прежде дѣлать того, что дѣлалъ послѣ? Судя по наружнымъ признакамъ и, главное, по той заботливости, съ какою, впослѣдствіи, царь утверждалъ свое полновластіе, можно бы подозрѣвать, что партія, стремившаяся

держать его въ зависимости, дѣйствительно имѣла опору въ народной громадѣ, составила себѣ опредѣленный планъ средствъ ограничить навсегда верховную власть, и потому царю нужно было и много времени и много средствъ, чтобъ лишить ее способовъ противодѣйствовать, что, однимъ словомъ, царю нужно было подготовиться, потому что ему предстояла борьба съ сильными противниками.

Не то было на самомъ дѣлѣ.

Партія, съ которою царь долженъ былъ бороться, во время своего временного господства, не устроила никакой организаціи для самосохраненія, а впослѣдствіи, когда царь сталъ ее преслѣдовать, не показывала никакого дѣятельнаго противоборства. Ясно, что царь имѣлъ дѣло съ противниками, которые не были, или же не хотѣли и не умѣли сдѣлаться сильными. У нихъ были желанія, а сознанія средствъ для осуществленія своихъ желаній было мало. Причина была совершенное отсутствіе того, что называется гражданскимъ чувствомъ и не изъ чего было ему развиться. Они, по существу своему, продолжали быть слугами, такъ какъ и предки ихъ, примкнувъ къ возраставшему московскому государству, имѣли характеръ служебный. Предки ихъ, будучи слугами, были въ тоже время и совѣтниками великихъ князей и фактически ограничивали самовластіе послѣднихъ: безъ ихъ совѣта и воли великіе князья ничего не предпринимали. Это произошло, какъ мы уже показали, отъ того, что великіе князья, въ дѣлѣ возрастанія своего могущества, опирались на ихъ силу и нуждались въ нихъ также, какъ они нуждались въ немъ. Но времена иныя настали; великіе князья стали изъ господъ государями; уничтоженіе автономіи русскихъ земель и подчиненіе ихъ московскому владычеству, расширеніе предѣловъ государства, освобожденіе отъ всякой иноземной зависимости, передавшее московскимъ государямъ то право собственности, какое имѣли ханы надъ Русью, учрежденіе помѣстнаго порядка и военной силы, привязанной исключительно къ государю, обогащеніе государевой казны, неразлучное съ умноженіемъ владѣній, нако-

нецъ, освященіе государскаго единовластія церковью въ лицѣ, если не всѣхъ, то значительной части ея представителей — все это вмѣстѣ возвысило московскаго государя до той степени, которой достигши, онъ уже не находился въ необходимости сообразовать свои дѣйствія и поступки съ совѣтомъ и волею своихъ слугъ. Между тѣмъ, у этихъ слугъ оставалось желаніе, чтобы въ Москвѣ дѣлалось такъ, какъ бывало встарь, и чтобы царь соображался съ ихъ совѣтомъ такъ, какъ прѣдки царя соображались съ совѣтомъ ихъ предковъ. Случай помогъ ихъ желанію. Они достигли цѣли. Но въ качествѣ слугъ, они не могли стать выше того положенія, въ какомъ находились ихъ предки; между тѣмъ времена были другія, обстоятельства вынуждали искать мѣръ, чтобы не потерять достигнутаго. Они этихъ мѣръ не искали, довольствовались тѣмъ, что случайно пріобрѣли, не думали о будущемъ. Они все-таки были не болѣе какъ слуги, нашедшіе возможность подчинить своей волѣ владыку, но оставлявшіе также ему полную возможность поворотить дѣла во вредъ имъ, и притомъ не отличавшіеся единодушіемъ и согласіемъ, какъ почти всегда бываетъ со слугами, случайно ставшими внѣ страха и повиновенія. Съ такими-то противниками имѣлъ дѣло царь Иванъ Васильевичъ. Противники, очевидно, были не сильны, но онъ велъ съ ними борьбу, какъ съ великою силою: онъ долго терпѣлъ ихъ, а потомъ долго и круто истреблялъ.

Все это объясняется, какъ намъ кажется, трусостію — отличительною чертою характера царя Ивана Васильевича. Качество это является во всѣхъ его поступкахъ отъ юности до гроба и нѣсколько разъ въ его жизни выказывается очень выпукло. Трусилъ онъ и терялся передъ Девлетъ-Гиреемъ, когда этотъ крымскій ханъ напалъ на Москву и разорилъ ее; трусилъ онъ передъ Стефаномъ Баторіемъ, когда, какъ говорятъ, приказывалъ своимъ посламъ сносить униженіе предъ побѣдителемъ; трусилъ онъ передъ судомъ Божіемъ, когда посылалъ въ монастыри поминовенія по убитымъ имъ же и называлъ жертвы своей подозрительности невинными. Но трусость его не исклю-

чала и противнаго качества: онъ, всегда падавшій духомъ въ несчастіи, былъ надмененъ, высокомѣренъ, запосчивъ въ счастіи; въ дѣлахъ внѣшней политики онъ показывалъ это качество не разъ: дерзко и презрительно относился къ шведскому королю, когда его не боялся, безжалостно тѣснилъ Ливонію, когда она не могла отъ него оборониться, надменно обращался съ Литвою и Польшею, пока военное счастіе не перешло на сторону послѣднихъ и не заставило его измѣнить тона рѣчи. Это былъ человѣкъ крайностей — неумѣренный какъ въ подчиненіи и самоуниженіи, такъ и въ гордости и произволѣ. Предавшись необузданно произволу въ юности, онъ вдругъ палъ духомъ и струсилъ подъ угрожающимъ явленіемъ народнаго волненія, вызваннаго пожаромъ; въ припадкѣ трусости и паденія духа онъ смирился передъ Сильвестромъ, считая его боговдохновеннымъ мужемъ, облеченнымъ чудотворною силою свыше: онъ трусилъ передъ нимъ, и хотя часто чувствовалъ свое униженіе, но, изъ трусости, не смѣлъ покуситься свергнуть съ себя ига. Только тогда, когда другіе, овладѣвши имъ, успѣли внушить ему увѣренность, что чудесное значеніе Сильвестра есть дѣло чародѣйства, а не высшаго благословенія, даръ темныхъ силъ, а не Бога, тогда только онъ рѣшился удалить его, но не смѣлъ, однако, позвать его на судъ, боясь, чтобъ Сильвестръ опять не очаровалъ его. Враги Сильвестра, какъ видно, хорошо воспользовались для своихъ цѣлей трусливостью царя и поддерживали его въ этой боязни, сами опасаясь, чтобъ царь, по слабости характера, опять не попалъ въ зависимость къ прежнимъ своимъ опекунамъ. Удаливъ Сильвестра и Адашева, царь не могъ остановиться на одномъ этомъ. Сторонники опальныхъ, за невозможностью забрать царя въ руки по прежнему, могли бы показывать свое противодѣйствіе царскому самодержавію посредствомъ козней, заговоровъ, измѣны, предательства: такъ казалось царю и въ такомъ духѣ настроивали его новые любимцы. И царь шагнулъ далѣе — казнилъ нѣсколькихъ ближнихъ Адашева и нѣсколькихъ знатныхъ лицъ, которыхъ считалъ людьми партіи, покушавшейся держать царя

въ зависимости. Чувствуя, наконецъ, себя независимымъ, испытавши, что ему сходитъ съ рукъ проявленіе самовластнаго произвола, Иванъ Васильевичъ весь предался любимой мысли — утвердить самодержавную власть до того, чтобы она уже никогда не могла подпадать никакому ограниченію. По его понятіямъ, совершенно согласнымъ съ тою наклонностью къ крайностямъ, которая отражалась во всѣхъ проявленіяхъ его характера, самодержавіе могло являться не иначе, какъ въ формахъ безусловнаго, безграничнаго, ничѣмъ нестѣсняемаго произвола державной особы; для того, чтобъ быть истиннымъ самодержцемъ, онъ хотѣлъ дѣлать все, чтобы ему ни пришло на сердце; онъ хотѣлъ, чтобы для московскаго государя не существовало ничего недозволительнаго, ничего предосудительнаго; онъ сталъ нарочно дѣлать то, что, удовлетворяя его дикимъ животнымъ страстямъ, наиболѣе подвергалось осужденію по нравственнымъ понятіямъ. Самодержавіе по его идеалу должно было стать выше самой нравственной правды. Этимъ, предъ его совѣстью, оправдывались тѣ дикія, развратныя и нерѣдко кровавыя оргіи, которымъ онъ предавался и которыя онъ самъ не одобрилъ бы, если бы подобныя позволяли себѣ его подданные. Его любимцы, какъ князь Аѳанасій Вяземскій, Басмановы, Малюта Скуратовъ, братья Грязные — подстрекали его, восхваляли его мудрость и величіе, проповѣдывали любезное ему ученіе о неограниченной власти монарха и право государя дѣлать все, все, — хотя бы и такое, за что казнятъ подданныхъ, а между тѣмъ указывали ему на нерасположеніе бояръ, на тайные замыслы и наклонность къ измѣнѣ. Вѣра въ свое могущество усилилась въ Иванѣ Васильевичѣ послѣ того, какъ первыя казни прошли для него благополучно; онъ сталъ самонадѣяннѣе совершать казни, а вмѣстѣ съ тѣмъ не переставалъ бояться со стороны боярства поступковъ, вызывающихъ казни. Бѣгство Курбскаго, Черкасскихъ и другихъ оправдывали эту боязнь. Подобно Курбскому, и другіе князья и бояре могли также перейдти въ Литву и своимъ содѣйствіемъ усиливать ее насчетъ Москвы, какъ ихъ предки нѣкогда переселялись изъ другихъ русскихъ Земель въ Москву,

поступали на службу къ московскимъ великимъ князьямъ и усиливали московское великое княженіе насчетъ другихъ княженій. Такъ бы, вѣроятно, и сталось, еслибъ между литовскимъ и московскимъ государствами не стояла важная преграда — разновѣріе литовскихъ государей, если бы западная пропаганда, напиравшая на православную церковь, не приводила въ соблазнъ русскаго религіознаго чувства.

Не всѣ, по примѣру Курбскаго, способны были заглушить въ себѣ чувство такой несогласимости и, оставаясь православными, служить государю римско-католической вѣры, властвовавшему надъ громадою православнаго народа. Оставаясь въ Московскомъ государствѣ, они, съ другой стороны, при отсутствіи единомыслія, не могли приступить къ какой либо дѣятельной борьбѣ съ произволомъ самовластнаго государя. Но царю Ивану Васильевичу, при его врожденной трусливости, представлялась возможность и того и другого — и государственной измѣны, и домашнихъ заговоровъ, и бунтовъ. Ему памятенъ былъ бунтъ москвичей, возбужденный боярами, ненавистниками Глинскихъ. Изъ всѣхъ опасностей возможность повторенія чего нибудь подобнаго, при удобномъ случаѣ, имѣла болѣе другихъ основанія. И вотъ, предупреждая все, что могло, въ такомъ или иномъ видѣ, проявиться въ смыслѣ противодѣйствія верховному полновластью, какъ тайное желаніе ограничить государя, Иванъ Васильевичъ прибѣгнулъ къ средству, которое всегда и вездѣ употреблялось въ многоразличныхъ образахъ властями, когда онѣ не шли рука бѣ руку съ общимъ настроеніемъ подвластнаго народа. Сущность этого средства состоитъ въ томъ, что власть изъ среды управляемой громады выдѣляетъ для себя толпу слугъ, которыхъ привязываетъ къ себѣ особыми милостями и выгодами и дѣлаетъ изъ нихъ орудіе для подчиненія остальной громады народа и для насильственнаго задушенія въ немъ противнаго себѣ духа. Такъ возвышались и держались всѣ тираны древнихъ и средневѣковыхъ республикъ; такое значеніе опоры власти имѣла преторіанская когорта въ Римѣ, и почти во всей исторіи западной и потомъ

восточной византійской имперіи войско, поддерживавшее императоровъ, дозволявшее имъ тиранствовать надъ народомъ, но нерѣдко возводившее и низвергавшее ихъ, было отдѣльною отъ народа корпораціею, изображавшею орудіе верховной власти. Можно отыскать и въ близкія къ намъ времена такіе же примѣры. Что въ обществахъ, болѣе цивилизованныхъ, дѣлается способомъ гладкимъ и благообразнымъ, то въ такомъ обществѣ, какимъ было Московское государство въ XVI вѣкѣ, дѣлалось рѣзко и грубо. Иванъ Васильевичъ нашелъ нужнымъ устроить раздѣленіе въ русскомъ народѣ — употребить одну часть его орудіемъ своего самовластія для уничтоженія противнаго себѣ духа, который онъ подозрѣвалъ въ своемъ государствѣ. Онъ приступилъ къ этому, однако, не иначе, какъ давъ своему дѣлу благовидность народнаго одобренія. По собственному ли побужденію онъ рѣшился на это, или же другіе подстрекнули его, — но мы легко усматриваемъ здѣсь вліяніе примѣровъ церковной византійской исторіи, конечно, знакомыхъ царю, любившему подъ часъ чтеніе. Нерѣдко лицо, избираемое въ духовный санъ, отказывалось отъ сана, извиняясь своимъ недостоинствомъ и принимало не иначе, какъ бы уступая волѣ и желанію тѣхъ, которые непремѣнно хотѣли, чтобъ оно стало ихъ пастыремъ. Чѣмъ болѣе казалось, что избираемый принималъ свой санъ не по собственному желанію, а по волѣ тѣхъ, которые хотѣли ему подчиняться, тѣмъ болѣе возрасталъ его нравственный авторитетъ. По уподобленію царя Ивана Васильевича съ какимъ-либо Амвросіемъ мѣшало то, что царь уже болѣе двадцати лѣтъ былъ признаваемъ государемъ. Нужно было прежде оставить государство, а потомъ принять по просьбѣ народа съ такими условіями, которыя бы имѣли смыслъ освященія народнымъ одобреніемъ дѣйствій самаго размашистаго произвола верховной власти. И съ такою то цѣлію царь Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Москвы, не объявивши куда ѣдетъ, но своими сборами въ путь показавши, что предпринимаетъ переселеніе куда-то на продолжительное время. Черезъ мѣсяцъ онъ прислалъ къ митрополиту грамату, въ которой излагалъ

разныя противодѣйствія своей власти, жаловался на митрополита и духовныхъ, что они вступаются за тѣхъ, на кого царь возлагалъ свой гнѣвъ и, наконецъ, объявлялъ, что онъ «отъ великой жалости сердца, не хотя многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ вселиться въ иное мѣсто, куда укажетъ ему Богъ». Грамата подобнаго содержанія прислана была для прочтенія всему народу. Царь, обвиняя бояръ и знатныхъ людей, относился къ народу милостиво и увѣрялъ, что ему нечего страшиться царскихъ опалъ.

Казалось, царь Иванъ Васильевичъ затѣялъ игру не совсѣмъ безопасную. Что, если бы тѣ, въ которыхъ онъ видѣлъ наиболѣе стремленія ограничить царскую власть, съумѣли настроить народъ на отвѣтъ не въ такомъ духѣ, какой былъ пріятенъ царю? Что, если бы они въ нѣкоторомъ смыслѣ повторили то, что произошло послѣ московскаго пожара? Происшедшій въ оное время народный мятежъ показывалъ царю, что московскій народъ, подъ часъ, способенъ поддаться внушенію противниковъ власти. Однако, этого не случилось. Во-первыхъ, бояре не имѣли настолько единодушія и смѣлости, чтобъ покуситься на такое предпріятіе; во-вторыхъ, народъ не находился въ такихъ обстоятельствахъ, чтобы поднять возмущеніе или на угрозу царя оставить государство — сказать: туда и дорога! Да и прежде—бояре успѣли взбунтовать народъ собственно не противъ дѣйствій царя, а противъ его любимцевъ, Глинскихъ. Народная громада вездѣ и всегда охотнѣе приписываетъ свои несчастія, видимо проистекающія отъ дурного управленія и злоупотребленій власти, не самой верховной особѣ, а лицамъ, окружающимъ послѣднюю. Въ монархѣ, напротивъ, народъ видитъ противовѣсъ произволу многихъ сильныхъ, которые, не чувствуя надъ собою руки сильнѣе себя, невыносимѣе тяготѣли бы надъ массою слабыхъ. Народъ не имѣлъ причины быть недовольнымъ тогдашнимъ своимъ правительствомъ; полезныя учрежденія во внутреннемъ устройствѣ и блестящіе подвиги политическаго усиленія державы придавали предшествовавшему времени царствованія Ивана Васильевича славу и

возбуждали признательность; народная громада приписывала ихъ не кому, какъ царю, потому что они совершались именемъ царя; ему единому принадлежала благодарность. Казни и опалы, постигшія нѣсколькихъ князей и бояръ, мало оскорбляли чувство толпы, даромъ, что изъ опальныхъ были именно тѣ лица, которымъ народъ былъ обязанъ тѣмъ, что было для него сдѣлано хорошаго. Царю не ставили въ вину того, что онъ казнитъ: на то онъ и царь, чтобъ ему казнить и миловать; если казненные и опальные прежде были хорошими людьми, то царь награждалъ ихъ, а если, потомъ, царь на нихъ опалился—значитъ, они стали дурными людьми и заслужили постигшую ихъ судьбу. Народъ испугался, услышавъ царскую угрозу оставить государство; прежде всего народу представилось слишкомъ страннымъ и неестественнымъ такъ внезапно остаться безъ главы при живомъ государѣ, тѣмъ болѣе, что единственный сынъ и наслѣдникъ былъ малолѣтенъ и правленіе должно было, по необходимости, сосредоточиться въ боярскихъ рукахъ, а народъ боялся боярскаго правленія, какъ многовластія и неразлучныхъ съ нимъ интригъ и междоусобій. Притомъ, самъ государь, покидая государство, не дѣлалъ никакихъ распоряженій; не назначалъ по себѣ ни преемника, ни органовъ управленія: онъ просто бросалъ государство на произволъ судьбы, на распрю боярамъ за овладѣніе державою. Понятно, что при такомъ небываломъ поступкѣ своего государя, русскій народъ хотѣлъ во что бы то ни стало удержать единовластіе и возвратить себѣ утраченнаго монарха, а потому на жалобы царя о томъ, что его одолѣваютъ измѣнники, единодушно далъ такой отвѣтъ, какой неминуемо, въ виду грозившаго безначалія, всѣмъ и каждому долженъ былъ прійдти въ голову: «пусть царь государь казнитъ своихъ измѣнниковъ и лиходѣевъ»; а нѣкоторые кричали, чтобъ царь только указалъ этихъ измѣнниковъ, а народъ самъ расправится съ ними. Изъ бояръ никто не посмѣлъ объяснять народу, что слѣдовало, спросивъ у царя—кто такіе эти измѣнники, потомъ уже разсудить: точно ли они измѣнники, и тогда только, когда они

дѣйствительно окажутся виновными, казнить ихъ. При томъ отсутствіи единства цѣлей, какое продолжало господствовать между боярами, всякій, кто осмѣлился бы выступить съ заявленіемъ въ подобномъ смыслѣ, не найдя поддержки между своими собратіями, былъ бы отданъ произволу толпы, которая разорвала бы его, какъ перваго изъ тѣхъ измѣнниковъ, на которыхъ жаловался государь; если же бы этого и не случилось—смѣльчакъ, впослѣдствіи, сталъ бы предметомъ царскаго мщенія. Всѣ бояре, и въ томъ числѣ тѣ, которые должны были опасаться, что подъ измѣнниками разумѣютъ именно ихъ, покорно присоединились къ голосу народной громады и вмѣстѣ съ нею рѣшили, что слѣдуетъ просить государя сжалиться надъ народомъ и принять оставленную власть. Отправилась къ царю депутація: на челѣ ея были духовные. Иванъ Васильевичъ принялъ челобитную и соизволилъ опять взять свои государства, но на томъ, какъ передаетъ современный лѣтописный источникъ, «чтобъ ему своихъ измѣнниковъ, которые измѣну дѣлали и въ чемъ ему государю были непослушны, на тѣхъ опалы свои класти, а иныхъ казнити и животы ихъ и статки имати». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ духовенству особое условіе, что ему, государю, не терпѣть докуки отъ ходатайствъ за опальныхъ со стороны духовныхъ лицъ. Иванъ Васильевичъ потребовалъ, такимъ образомъ, того, что, по его идеалу, составляло сущность полнаго самодержавія и хотѣлъ освободить его отъ всякой, даже нравственной узды. Но самодержавіе, какъ мы видѣли, уже существовало, въ глазахъ народа, прежде въ полной силѣ. Привыкши къ повиновенію верховной власти хановъ еще въ эпоху татарскаго завоеванія, русскій народъ, впослѣдствіи, призналъ туже силу, тоже право и за московскими государями, замѣнившими для народа хановъ. Въ народѣ не было и зародыша сомнѣнія въ этомъ правѣ, такъ какъ народная громада не думала и, слѣдовательно, не могла сомнѣваться. Сомнѣніе царь замѣчалъ въ боярахъ и частію въ духовныхъ. Именно — его право казнить и миловать по своему царскому произволу онъ хотѣлъ теперь

оградить всенароднымъ признаніемъ, потому что именно это право и желали подвергнуть сомнѣнію. Курбскій ясно высказывалъ это боярское ученіе, но Курбскій, сидя въ Литвѣ, могъ, конечно, свободнѣе объясняться, чѣмъ тѣ, которые находились въ Москвѣ; втайнѣ же и многіе изъ послѣднихъ чувствовали и мыслили какъ Курбскій. Всенародная воля, дарующая царю полное право казнить и миловать, освящающая самый широкій произволъ его дѣйствій, должна была теперь лишить эти тайныя боярскія желанія всякой надежды на осуществленіе и помочь царю искоренить ихъ. Замѣчательно, какъ въ тоже время царь хотѣлъ оградить себя отъ духовенства. Иванъ Васильевичъ понялъ, что собственно церковь сильнѣе государевой власти. Это не то, что боярство. Послѣднее съ трудомъ могло привлечь на свою сторону народную массу, по крайней мѣрѣ на что нибудь прочное и продолжительное; напротивъ, царь, въ случаѣ противодѣйства со стороны боярства, могъ скорѣе опереться на народъ. Но если бы церковь вздумала противодѣйствовать царю и воззвала къ народу, царю было бы трудно съ нею бороться. И нужно было оградить царское полновластіе отъ такого совмѣстника. На счастье царю большинство духовныхъ сановниковъ, по своимъ стремленіямъ, принадлежало къ разряду тѣхъ, которыхъ называли іосифлянами и никакъ не способно было поддерживать изъ среды своей тѣхъ, которые бы осмѣлились выступать предъ царемъ съ самобытною рѣчью: такъ, впослѣдствіи, не поддержало оно митрополита Филиппа, и царь, безопасно для себя, могъ по своему произволу лишить сана, а потомъ и умертвить этого пастыря, носившаго достоинство первопрестольника русской церкви. Требованіе царя—не мѣшаться въ его дѣла и не докучать ему просьбами о помилованіи тѣхъ, которые подпадали его гнѣву, легко могло быть исполнено духовенствомъ, и царь этимъ требованіемъ сразу и заранѣе оградилъ свое усиливающееся полновластіе отъ всякаго нравственнаго суда.

XII.

Обезопасивъ себя и народнымъ признаніемъ правоты своихъ будущихъ дѣлъ, и отстраненіемъ всякаго обузданія своего произвола со стороны религіи, царь Иванъ Васильевичъ приступилъ къ раздвоенію государства. Изъ одного сдѣлалось двѣ части; одна называлась опричниною (то-есть особенною, состоящею на исключительныхъ условіяхъ), другая земщиною. Одни города съ ихъ уѣздами поступили въ опричнину [1]), другіе остались въ земщинѣ; самая Москва подпала этому раздвоенію: однѣ части города причислены къ опричинѣ, другія къ земщинѣ. Опричнина, гораздо меньшая часть государства, чѣмъ земщина, составила какъ бы собственное владѣніе государя въ противоположность государственному; въ опричинѣ были свои бояре и окольничьи, свой особый царскій дворецъ, казна, дьяки и военная сила: дѣти боярскія и стрѣльцы. Всѣ доходы съ опричнины шли исключительно на царскій обиходъ. По такомъ раздѣленіи государства началось переселеніе. Царь приказывалъ выводить изъ опричныхъ городовъ и ихъ территорій владѣльцевъ, непринятыхъ въ опричнину, а тѣмъ, напротивъ, которые туда вошли, раздавалъ земли за службу. Такимъ образомъ, все, что входило въ опричнину, обязано было царю милостями и выгода-

---

[1]) Можайскъ, Вязьма, Козельскъ, Перемышля два жеребья, Бѣлевъ, Лихвинъ, обѣ половины Ярославецъ съ Суходровью, Медынь съ Товарковою, Суздаль съ Шуею, Галичъ со всѣми пригородки, съ Чухломою, и съ Унжею, и съ Коряковымъ, и съ Бѣлогородьемъ, Вологда, Юрьевецъ-Поволскій, Балахна съ Узолою, Старая Руса городъ, Вышегородъ на Поротвѣ, Устюгъ со всѣми волостями, Двина, Каргополе, Вага; волости: Олешня, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздна, Опаковъ на Угрѣ, Кругъ Клинскій, Числяки, Ординскія деревни и станъ Пахрянскій въ Московскомъ уѣздѣ, Бѣлгородъ въ Кашинѣ, да волости: Вселунь, Отта, Порогъ Ладожскій, Тотма, Прибутъ и иные (изъ Александронев. лѣтоп. Карамз. IX прим. 137 стр. 45).

ми, должно было служить ему и громить опальную земщину, когда царь признаетъ нужнымъ. Земщина была поврена управленію боярскаго совѣта, но, для большаго отчужденія отъ себя, Иванъ Васильевичъ поставилъ надъ нею иного царя, крещенаго татарина Симеона Бекбулатовича. Этотъ, поставленный настоящимъ царемъ, воображаемый царь земщины не имѣлъ ни власти, ни своей воли, долженъ былъ дѣлать то, что́ ему прикажутъ, и въ сущности ничего не дѣлалъ; но Иванъ Васильевичъ, однако, совершалъ кое-что такое именемъ этого созданнаго имъ царя, чего не хотѣлъ совершать отъ своего собственнаго имени. Такимъ образомъ. Симеонъ отобралъ у духовенства, особенно у монастырей, крѣпости на имѣнія. Послѣ того, какъ царство Симеона минулось по приказанію Ивана Васильевича, настоящій царь не все возвратилъ изъ того, что отобралъ воображаемый, а кое-что удержалъ въ свою пользу.

При раздѣленіи государства на опричнину и земщину, Иваномъ Васильевичемъ руководила кака-то иронія надъ своими тайными и безсильными противниками. Сообразно древнему дотатарскому различію княжескаго и дружиннаго отъ земскаго и вѣчевого, бояре, приходя къ желанію поставить границы самовластію верховнаго лица, различали государское дѣло отъ земскаго и назначали, такимъ образомъ, государю свой кругъ власти, за рубежомъ которой хотѣли поставить власть земскую, съ принадлежащими ей функціями, такъ, чтобы только въ полномъ согласіи государя съ Землею состояло правильное устроеніе государства; совѣтъ бояръ и духовныхъ долженъ былъ, сообразно ихъ желаніямъ, знаменовать это самобытное земское начало. Теперь самодержецъ, какъ бы въ насмѣшку, произвелъ самъ раздѣленіе государскаго и земскаго, но такъ, что земское должно испытывать опалу всемогущаго государя, а государское или опричное пользоваться его милостями и вмѣстѣ съ нимъ душить земское, пока оно не перестанетъ показывать признаковъ стремленія къ самобытному существованію, чтобы, такимъ образомъ, въ государствѣ не было ничего, кромѣ государскаго. Поставленіе Симеона въ цари также имѣло значеніе какъ бы ироніи надъ

боярскими стремленіями возводить царей, показанными нѣкогда во время болѣзни царя Ивана Васильевича, когда бояре не хотѣли присягать его малолѣтнему сыну, а думали сдѣлать царемъ Владимира Андреевича. Иванъ Васильевичъ этимъ какъ будто хотѣлъ сказать боярству: вамъ хотѣлось имѣть царя не по наслѣдству, по вашему выбору; вотъ же вамъ царь не по наслѣдству, только не по вашему выбору, а по моему, такой царь, что хочу—сдѣлаю его царемъ, хочу—отставлю! Самовластіе царя какъ будто измышляло нарочно самые необычайные и странные способы показать свое право и намѣреніе распоряжаться владѣемымъ краемъ по совершенному произволу. Иванъ Васильевичъ дѣлалъ именно такое, чего даже ожидать было трудно и тѣмъ показывалъ, что для него нѣтъ никакихъ границъ, нѣтъ ничего, о чемъ бы можно было сказать, что онъ не можетъ этого сдѣлать.

Семилѣтній періодъ опричнины искоренилъ побѣги всякаго противодѣйстія, всякаго поползновенія къ ограниченію верховной власти. Почти не осталось сколько-нибудь знатныхъ и вліятельныхъ родовъ, которые бы не считали въ числѣ казненныхъ своихъ представителей. Опала постигла Новгородъ за преступленіе очень сомнительное; самодержавіе карало въ немъ долгое и запоздалое господство вѣчевыхъ началъ, хотя, предавая на повальное истребленіе сотни (а иные говорятъ тысячи) новгородцевъ, оно въ нихъ карало болѣе мѣстность, гдѣ они жили, чѣмъ кровь свободныхъ отцовъ въ ихъ жилахъ: послѣ перетасовки, сдѣланной дѣдомъ царя, прямыхъ потомковъ древнихъ новгородцевъ оставалось въ Новгородѣ мало; большинство жителей происходило отъ тѣхъ, которыхъ московская власть перевела туда послѣ разгрома вѣчевой Земли. Иванъ Васильевичъ какъ будто испытывалъ, до чего могутъ простираться и произволъ его власти и безгласная покорность народа; оказалось, что и то и другое могло быть безграничнымъ. Періодъ опричнины былъ также временемъ крайняго порабощенія церкви и униженія духовенства. Негодуя на нравственную силу церкви и стараясь лишить ее права налагать какую бы то ни было узду на царскій

произволъ, онъ завелъ у себя въ Александровской слободѣ подобіе монастыря; его опричники и онъ самъ съ ними совершали разныя монашескія дѣйства по ихъ своеобразному уставу; то былъ монастырь, но не утвержденный и формально не благословенный церковью, монастырь, основанный единою волею царя и по волѣ его во всякую минуту подлежавшій упраздненію. И этотъ самодѣльный монастырь Грознаго былъ какъ бы демонстраціею противъ церкви и ея духовныхъ сановниковъ, напоминавшею, что стоитъ царю захотѣть, такъ онъ и въ церкви устроитъ опричнину, подобную той, какую устроилъ въ государствѣ. Ничего не могло быть священнѣе церковнаго благочинія для русскаго человѣка; ничто такъ не могло оскорблять его религіознаго чувства, какъ нарушеніе этого благочинія,—и царь посягнулъ на него: царь ходилъ въ церковь въ шапкѣ, какъ татаринъ въ мечеть; его опричники дозволяли себѣ тоже; митрополитъ Филиппъ сдѣлалъ за это замѣчаніе и лишился, по волѣ царя, сана, а потомъ и жизни. Царь этимъ доказывалъ, что церковь не смѣетъ судить его поступковъ, что онъ выше церкви; отъ его произвола зависитъ достоинство и жизнь ея сановниковъ: нѣтъ и не должно быть въ его поведеніи ничего такого, что бы церковь дерзала находить дурнымъ или непристойнымъ. Царь Иванъ Васильевичъ посягнулъ и на вѣковые уставы православія. Четвертый бракъ издавна считался и признавался недозволительнымъ и законопреступнымъ. Царь собралъ соборъ духовныхъ и приказалъ разрѣшить себѣ четвертый бракъ, не въ примѣръ другимъ. Соборъ корыстолюбивыхъ и трусливыхъ пастырей былъ руководимъ новгородскимъ архіепископомъ Леонидомъ, котораго, какъ бы въ благодарность за раболѣпство, тотъ же царь Иванъ Васильевичъ приказалъ впослѣдствіи обшить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками. Такой соборъ не затруднился дать ему разрѣшительную грамату, послѣ которой женолюбивый московскій государь нѣсколько разъ вступалъ въ беззаконное сожительство, освящая его именемъ брака къ соблазну всего православія. Русская церковь доведена была до такого нравственнаго униженія, до какого она еще никогда не

доходила, а сомодержавіе вознеслось до такой высоты, что уже восходить было некуда болѣе: самъ божественный законъ не смѣлъ поставить ему предѣловъ; въ московскомъ государствѣ царь сталъ какъ бы выше самого Бога: церковь Божія дозволяла ему то, что для всѣхъ остальныхъ смертныхъ было, по ея ученію и правиламъ, нравственнымъ преступленіемъ.

При тѣхъ милостяхъ и преимуществахъ, какими царь Иванъ Васильевичъ отличалъ опричнину, при томъ произволѣ и необузданности, какіе допускалъ онъ показывать опричникамъ, могло статься, что, совершивъ важныя услуги самодержавію, въ свою очередь опричнина сдѣлалась бы для самодержавія противодѣйствующею стихіею, и показывала бы стремленіе держать отъ себя въ зависимости волю верховной особы. Иванъ Васильевичъ не допустилъ до этого. Поддавшись нашептываніямъ и совѣтамъ тѣхъ лицъ, которыя вооружали его противъ Сильвестра, Адашева и ихъ сторонниковъ, онъ не дозволилъ имъ самимъ замѣнить павшихъ. Не одни князья и бояре земской партіи погибали во время опричнины; любимцы грознаго царя, наиболѣе способствовавшіе его освобожденію изъ подъ опеки сильвестро-адашевскаго кружка, Вяземскій, Басмановы и одинъ изъ Грязныхъ потерпѣли царскую опалу и погибли въ мукахъ: ихъ обвинили въ измѣнѣ; конечно, то была одна придирка; измѣнять такимъ людямъ было не изъ чего; но царь сознавалъ, что нѣкоторое время находился подъ ихъ вліяніемъ, у нихъ въ зависимости и не могъ имъ простить этого, и это было ихъ настоящее преступленіе. Наконецъ, царь уничтожилъ и опричнину: она сдѣлала свое дѣло. Опытъ кончился. Царь Иванъ Васильевичъ могъ убѣдиться, что земщина не показываетъ признаковъ самобытной жизни и какъ бы перестаетъ существовать въ смыслѣ государственномъ. Московское государство стало исключительно государскимъ. Земское дѣло могло отмѣчаться только, какъ одна изъ сторонъ одного и того же государственнаго дѣла, а не какъ противоположеніе государскому. Опричнины не стало, а царь, уже и безъ опричнины, докончивалъ истребленіе всего, что возбуждало въ немъ подозрѣніе, но онъ уже не

боялся русской Земли: онъ презиралъ ее и, безъ зазрѣнія совѣсти, выражалъ передъ англичанами свое презрѣніе къ покорному и безгласному народу.

Такимъ образомъ, единодержавіе, зародившись во время татарскаго завоеванія, какъ неизбѣжное послѣдствіе покоренія страны и обращенія въ собственность завоевателя, вмѣщаясь, сначала, въ особѣ верховнаго владыки-завоевателя, хана, устроивъ, для своего удобства, на Руси феодальный порядокъ изъ найденныхъ въ ней и подвергнутыхъ измѣненіямъ элементовъ, съ ослабленіемъ Орды перешло отъ хановъ къ московскимъ великимъ князьямъ и, постепенно расширяясь, усиливаясь и подавляя собою какъ феодализмъ, такъ и признаки древней жизни, —хотя уже парализованные, но все еще существовавшіе и по своимъ качествамъ противные духу единодержавія, — достигло, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, наивысшаго развитія и такого могущества, какого, смѣемъ думать, никогда и нигдѣ не достигало въ христіанскихъ обществахъ. Дѣти и внуки представителей знатныхъ родовъ, большею частію потерпѣвшихъ отъ царя Ивана Васильевича, не дозволяли себѣ подобно предкамъ, помышлять о чемъ либо несогласномъ съ угодливостью верховной власти и не смѣли питать иныхъ чувствъ, кромѣ холопскихъ, приличныхъ ихъ званію и значенію слугъ и рабовъ. Правда, у нѣкоторыхъ изъ нихъ временно пробудились было дѣдовскія стремленія — то было въ смутное время, и это пробужденіе навѣвалось сближеніемъ съ польскимъ элементомъ; но какъ самое пробужденіе было несильно и незначительно, такъ и обстоятельства того времени не благопріятствовали укрѣпленію такихъ стремленій. Народъ, видя и чувствуя, что эти стремленія совпадаютъ съ покушеніями иноземцевъ поработить русскую вѣру и русскую народность, сталъ къ нимъ враждебно. Боярская сила казалась ему орудіемъ не спасенія, а гибели русской Земли. Народъ обратился къ единодержавію. Спасенное благочестивою энергіею русскаго народа и неразуміемъ его враговъ, вновь состроенное государство пошло снова

самодержавнымъ путемъ. Потомки князей и бояръ поддерживали честь своихъ родовъ только службою и покорностію государю; притомъ въ механизмѣ государственнаго управленія выработалась важная перемѣна; оно было собрано въ рукахъ русскихъ людей другого рода—то были дьяки.

Иванъ Васильевичъ возвысилъ этотъ классъ и находилъ въ немъ противовѣсъ ненавидимой имъ боярской партіи. Не даромъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей послѣдней, Курбскій, въ своей исторіи отзывался объ этихъ людяхъ со злобою и указывалъ на нихъ, какъ на орудіе царскаго самовластія. «Писари наши русскіе (говоритъ онъ, переводя употребительнымъ въ польско-литовской Руси слово дьякъ), имъ же князь великій зѣло вѣритъ и избираетъ ихъ не отъ шляхетнаго роду, ни отъ благородна, но наче отъ поповичевъ или отъ простого всенародства, а то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ, подобно, по пророку глаголющему: хотяще единъ вселитися на землѣ». Также враждебно отзывались о дьякахъ другіе, подобные Курбскому, бѣглые русскіе люди, Тетеринъ и Сарыгозинъ, въ письмѣ къ дерптскому намѣстнику, Михайлу Яковлевичу Морозову: «Есть у великаго государя новые вѣрники, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы нашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, и нынѣ не токмо Землею владѣютъ, но и головами нашими торгуютъ». Эти люди не высокой породы возбуждали досаду въ людяхъ породистыхъ своимъ возвышеніемъ; они усиливались по мѣрѣ того, какъ усложнялся механизмъ управленія и принималъ письмовный характеръ. Управленіе государства повѣрено было, по отраслямъ и по частямъ, приказамъ. Въ приказахъ сидѣли дьяки, въ нѣкоторыхъ по нѣскольку, въ другихъ по одному. Предсѣдательство давалось боярину или окольничему, или думному дворянину, вообще человѣку породистому, но все производство дѣлъ находилось въ рукахъ дьяковъ. Обыкновенно предсѣдавшій въ приказѣ породистый человѣкъ мало вникалъ въ дѣла, отвлекался другими порученіями и слушался своего дьяка. Въ нѣкоторыхъ приказахъ сидѣли одни дьяки; важ-

нѣйшій изъ приказовъ, возникшій въ XVII-мъ вѣкѣ, приказъ тайныхъ дѣлъ, повѣрялся одним̃ъ дьякамъ, «и въ тотъ приказъ,—говоритъ Котошихинъ,—бояре и думные люди не входятъ и дѣлъ не вѣдаютъ, кромѣ самого царя». Точно также и другимъ важнымъ приказомъ, посольскимъ, завѣдывавшимъ сношеніями съ иностранными государствами, управлялъ думный дьякъ, вмѣстѣ съ дьяками, данными ему въ помощь. Во всѣ города посылались для управленія намѣстники и воеводы, изъ людей болѣе или менѣе породистыхъ и въ помощь имъ давались дьяки; собственно послѣдніе вели всѣ дѣла, а воеводы, хотя и считались честію выше дьяковъ, но слушались ихъ, какъ людей болѣе опытныхъ и искусныхъ; въ сущности управляли дьяки. Кромѣ дьяковъ существовали еще подъячіе (подъячіе—низшій сортъ дьяковъ): они или работали по письмоводству подъ рукою дьяковъ или находились, вмѣсто нихъ, на низшихъ мѣстахъ. И тѣ и другіе вмѣстѣ образовали сословіе приказныхъ; сословіе это размножилось, покрыло собою, какъ сѣтью, московское государство и держало его въ своихъ рукахъ чрезъ дѣлопроизводство. Имъ было это тѣмъ легче, что нерѣдко воеводы и даже тѣ породистые люди, которые предсѣдательствовали въ приказахъ, плохо знали грамоту, а иногда и вовсе незнали ее. Въ самой боярской думѣ, которую созывалъ царь для совѣта о государственныхъ дѣлахъ, часто заправляли всѣмъ дьяки, хотя они тамъ не пользовались никакимъ правомъ голоса, и даже не имѣли мѣстъ, а стояли на ногахъ, когда другіе сидѣли. Но бояре и думные люди, когда царь ихъ спрашивалъ по замѣчанію Котошихина, «брады свои уставя ничего не отвѣщеваютъ, потому что царь жалуетъ многихъ не по разуму ихъ, а по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые и нестудерованные». Сложность управленія дала важное значеніе дѣловой письменности; выработались формы, образовалась особая дѣлопроизводительная наука; бумага для народа стала символомъ и орудіемъ власти. Дьяки были люди бумаги, люди ученые, люди знавшіе тайну и хитрость правительственнаго дѣла. Понятно, что бояринъ или воевода, знав-

шій болѣе ратное дѣло, чѣмъ бумажное, и часто на мѣстѣ своего служенія въ приказѣ или по обязанности намѣстнической или воеводской службы не оставлявшій ратнаго дѣла, не имѣлъ ни времени, ни охоты усвоить пріемы дѣлопроизводства и во всемъ, что касалось хода финансоваго и гражданскаго управленія, суда и расправы между народомъ, во всемъ полагался на дьяка, бумажнаго дѣльца.

Дьяки, по своему происхожденію и положенію, были вполнѣ пригодными органами самодержавной власти. Отъ нея они получали и свое существованіе, и средства къ существованію. Ничто не могло ихъ поставить противъ нея враждебно. Къ боярамъ и князьямъ они питали зависть, какую обыкновенно питаютъ люди незнатные къ знатнымъ, вступивъ на поле общественной дѣятельности; съ народомъ они не могли сойдтись душа въ душу; они стояли, на общественной лѣстницѣ, выше народа и, съ дозволенія правительства, жили на счетъ его. Поэтому приказные люди, болѣе, чѣмъ всякое другое сословіе, приросли къ механизму самодержавнаго правленія. Тѣмъ не менѣе, они пріобрѣли недобрую славу среди русскаго народа. Ихъ постоянно упрекали, а нерѣдко и обличали въ лихоимствѣ, казнокрадствѣ, кривотолкованіи законовъ и всякаго рода неправдахъ. Посулы и поминки сдѣлались неотъемлемыми признаками дьяка и подьячаго. Господство дьяческаго управленія было временемъ народной тяготы и, вслѣдствіе тяготы, народныхъ побѣговъ. Самодержавіе, подавивъ противъ себя оппозицію въ боярствѣ и создавъ для себя новый органъ въ дьячествѣ, возбудило, чрезъ посредство этого органа, новую оппозицію уже не въ людяхъ породистыхъ, а въ народной громадѣ. Къ счастію самодержавія, эта оппозиція не сплотила народа на домогательство какихъ нибудь правъ, не выработала въ немъ никакого представленія о формахъ иного государственнаго и общественнаго строя. Многоземельность и привольная пустынность на окраинахъ государства возбуждала недовольныхъ не къ сопротивленію, а къ переселенію, къ побѣгамъ, къ бродяжничеству. Человѣкъ, по своей природѣ, чувствуя на себѣ

тяжесть, чаще всего хватается за легчайшее средство избавленія, а такимъ средствомъ для русскаго человѣка представлялся побѣгъ. Кому становилось худо жить на землѣ своихъ отцовъ, тотъ бѣжалъ—на Волгу, въ Сибирь, на Яикъ, на Донъ, въ украинныя степи. Столкновенія съ татарами на югѣ пріучали бѣглецовъ къ оружію, сдѣлали ихъ войнолюбивыми, образовали изъ нихъ казачество. Это воинственное общество безпрестанно пополнялось бѣглецами изъ Московскаго государства, не прерывало съ нимъ связи и часто являлось противоборною силою для правительства. Движенія казаковъ, начинаясь съ юга, производили смятеніе въ народѣ, возбуждали въ немъ недовольство властями, увлекали его въ возстанія, которыя всегда были сильнѣе на окраинахъ, по близости къ жилищамъ казаковъ. Въ смутное время казачество чуть было не вывернуло съ корнемъ вонъ всего государства. Царствованіе Романовыхъ въ XVII вѣкѣ прошло въ борьбѣ съ противогосударственными элементами, въ заботахъ объ истребленіи народныхъ мятежей и объ огражденіи отъ нихъ государственнаго порядка. Расколъ подлилъ масла въ огонь, далъ новый контингентъ народной оппозиціи и освятилъ ее дѣломъ вѣры. Государство колебалось, но побѣждало; Петръ Великій, выдержавъ, въ свою очередь, упорную борьбу съ народною оппозиціею, сильно измялъ ее и изломалъ своею желѣзною волею и геніальностію государственнаго ума, оставя, впрочемъ, на долю своихъ преемниковъ заботу доканчивать истребленіе ея послѣдковъ.

Мы не имѣемъ цѣли подробно описывать и изслѣдовать борьбу единодержавія съ враждебными элементами во времена, послѣдовавшія за окончательнымъ установленіемъ монархическаго самодержавнаго принципа при царѣ Иванѣ Васильевичѣ; мы коснулись этихъ временъ только для уясненія того, что составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія—показать, какъ и изъ чего сложился и образовался принципъ единодержавнаго полновластія въ русской жизни. Замѣтимъ только, что народная

оппозиція, вызванная органами самодержавія послѣ его торжества въ XVI вѣкѣ, была еще несостоятельнѣе прежней княжескобоярской, постоянно падала и совершенно упала отъ собственнаго умственнаго безсилія. У нея не доставало идеала, даже такого неопредѣленнаго, какой въ свое время имѣлъ князь Курбскій. Еслибъ какому нибудь Стенькѣ Разину или Булавину посчастливилось сдѣлать то, что у нихъ было, такъ сказать, начертано на знамени возстанія—именно поголовное избіеніе всѣхъ бояръ, воеводъ, дьяковъ и подъячихъ—всего того, что управляло народомъ и надоѣдало ему,—коренного переворота на Руси все-таки не произошло бы; прежнее должно было возстановиться; изъ народной громады поднялись бы новые бояре, воеводы, дьяки, подъячіе съ верховнымъ самодержавнымъ главою. Собственно на самодержавіе народъ не посягалъ; онъ уважалъ этотъ образъ власти и лучшаго не желалъ для себя, потому что до лучшаго не додумался; онъ ненавидѣлъ только его органы, чрезъ которые самодержавная власть дѣйствовала и, защищая ихъ, а не себя, должна была бороться съ народомъ. За свои страданія и тяготы мстить царю народъ не помышлялъ; онъ мстилъ только его органамъ—воеводамъ, дьякамъ, подъячимъ, мстилъ также и бумагѣ, которую исписывали дьяки и подъячіе. Бумага русскому народу, въ эпохи его возстаній, представлялась чѣмъ-то омерзительнымъ, враждебнымъ. Сообщники Стеньки Разина, вездѣ, гдѣ только торжествовали и избивали начальныхъ людей—истребляли и бумаги; и самъ ихъ батюшка Степанъ Тимоѳеевичъ, обѣщая взять Москву, не покушался на особу царя государя, а только грозилъ «на верху у царя» сжечь всѣ бумаги, такъ какъ онъ сожигалъ ихъ въ тѣхъ городахъ, которыми овладѣвалъ. Эта ненависть народной оппозиціи ко всему бумажному составляла противоположность съ оппозиціею боярскою, подавленною царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Та, напротивъ, опиралась на бумагу; старыя лѣтописи, примѣры изъ древней и византійской исторіи, записанные въ хронографахъ, поучительныя словеса философовъ церкви были для нея авторитетомъ; она дорожила родословными кни-

гами; она сама составляла узаконенія и граматы; она желала, чтобъ онѣ и исполнялись. На безграмотную громаду народа, напротивъ, бумага могла оставлять только то впечатлѣніе, которое было сообразно съ тѣми случаями, при какихъ народъ входилъ съ нею въ соприкосновеніе. Бумага въ рукахъ воеводы или дьяка казалась посадскому или волостному человѣку вѣстію о какой нибудь новой тягости или стѣсненіи; бумага тянула его на войну, въ осаду, на казенныя работы, въ цѣловальники къ царской прибыли, вымогала съ него кормы и подводы, облагала его новыми поборами, волочила въ судъ или въ тюрьму, отдавала на поруки, гонялась за нимъ, когда онъ бѣгалъ. Хотя до Петра Великаго, благодаря незнакомству съ пріемами западной бюрократіи, бумаги писались сравнительно ближе къ народному пониманію, чѣмъ послѣ, но и въ тѣ времена нерѣдко дьяки нарочно сочиняли ихъ такъ, чтобы слушавшіе не могли сразу усвоить ихъ смысла и нуждались въ комментаріяхъ, которыя дьякъ или подъячій сообщалъ такъ, чтобъ изъ того выходила польза для него самого; да, наконецъ, русскій человѣкъ не всегда былъ увѣренъ, что въ бумагѣ было именно написано то, что ему, безграмотному, читалъ дьякъ или подъячій, или же что она дѣйствительно была выраженіемъ царской воли, мнѣніе о приказныхъ людяхъ было таково, что они были способны, «норовя своей бездѣльной» корысти, прочитать народу отъ царскаго имени что нибудь «составное» и потребовать будто бы по царскому приказу того, чего царь не приказывалъ. Поэтому-то бумага стала врагомъ русскаго народа; поэтому-то народная оппозиція такъ вандальски осуждала на раздраніе и сожженіе эти памятники дьяческой и подъяческой литературы, изъ которыхъ многія теперь имѣли бы свою относительную цѣнность для археологіи и исторіи.

Единодержавіе побороло и ту, и другую оппозицію—и уважавшую бумажное дѣло, и ненавидѣвшую его. Единодержавіе восторжествовало оттого, что за него было народное чувство. Какъ ни ужасны подчасъ кажутся намъ народныя возстанія, но большая половина русскаго народа въ нихъ не участвовала и

покорно несла тяготы свои, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ привыкши къ повиновенію и терпѣнію; да наконецъ и тѣ, которые увлекались въ мятежъ, обыкновенно скоро опамятывались, послѣ первой неудачи били челомъ о помилованіи и, испытавъ на спинѣ вразумляющіе батоги, возвращались къ прежнему повиновенію. Оставалась небольшая (сравнительно съ массою, подвластною государству) горсть вольнолюбивыхъ удальцовъ, не сживавшихся съ тяготами; уцѣлѣвая отъ смерти въ борьбѣ съ укрощавшими ихъ властями, они уходили въ степи, тамъ мѣрялись удалью съ татарами, разбивали купеческіе караваны по сухопутнымъ и водянымъ дорогамъ, иногда дѣлали разбойничьи набѣги на жилыя мѣста съ цѣлію прокормленія себя и мало по малу увеличивали свою толпу пріемомъ новыхъ бѣглецовъ, чтобы, современемъ, пользуясь случаемъ, дерзнуть на новое «воровское дѣло», которому, подобно предшествовавшимъ, грозила вѣрная неудача при маломъ участіи народа, недостаточномъ для успѣха. Но и самые эти удальцы, возбудители возстаній, почти никогда не дерзали вооружать другихъ и вооружаться противъ государя: предметомъ ихъ ненависти были только начальные, иногда всѣ богатые люди, а если иногда негодованіе ихъ обращалось противъ царской особы, то все-таки противъ личности, а не противъ принципа самодержавной власти, да и то — это случалось только по поводу религіи, которая одна у русскаго народа была выше земного самодержавія. Фанатики-раскольники не затруднялись клеймить Петра именемъ антихриста, но это касалось только его личности, и притомъ только за то, что, въ понятіи русскаго человѣка, входило въ кругъ религіи; во всемъ остальномъ онъ не подвергалъ сомнѣнію право царя по своей волѣ распоряжаться судьбою государства и жизнію и достояніемъ своихъ подданныхъ. Тотъ же фанатикъ, недовольный личностію царствующей особы, не могъ вмѣстить у себя въ головѣ иного государственнаго строя, кромѣ единодержавнаго, съ абсолютною властію царя; онъ желалъ только, при этомъ, чтобы царь, имѣя полное право дѣлать съ нимъ что ему угодно, не чуждался тѣхъ формъ, въ которыхъ онъ, со

многими, одинаково съ нимъ вѣровавшими, полагалъ сущность религіи.

Когда русскій народъ, пріучившись изъ страха предъ матеріальною силою и опасностію и привыкши, въ теченіе вѣковъ порабощенія подъ татарскимъ владычествомъ, повиноваться верховной власти завоевателей и ихъ довѣренныхъ, перенесъ этотъ страхъ на отношенія свои къ московскимъ государямъ,— имъ, кромѣ того, руководило и сознаніе, что безъ единаго владыки у него было бы много владыкъ, а это для народа было бы хуже всего; что, притомъ, только при единовластіи можно отстоять отъ иноземцевъ вѣру, жизнь и достояніе. При пособіи церковнаго взгляда, особенно съ тѣхъ поръ, какъ великіе князья получили царственное значеніе, стали преемниками чести древнихъ византійскихъ монарховъ, помазанниками божіими, укоренилось и возрасло понятіе, что царь, самодержавный владыка, дается отъ самого Бога и все, что онъ ни творитъ, все это совершается по божіей волѣ. Въ началѣ XVII вѣка, москвичъ, изъясняя поляку, зачѣмъ русскіе предпочитаютъ свою неволю польской свободѣ, сказалъ: «если же самъ государь неправосудно со мною поступитъ — въ томъ его воля; онъ, какъ Богъ, караетъ и милуетъ»! Такое воззрѣніе до того окрѣпло въ русскомъ народѣ, что для него исчезла всякая возможность разсужденія какъ о необходимости единодержавія, такъ и о долгѣ своего повиновенія. Осталось единственное оправданіе и того и другого: такъ отъ Бога уставлено! Царскія дѣянія, какъ бы они тяжело ни отзывались на жизни подданныхъ, стали подлежать не обсужденію, а смиренному терпѣнію, подобно дѣяніямъ божіимъ, которыя могутъ быть также тяжелы для человѣка въ качествѣ наказанія, посылаемаго за грѣхи. Случится ли какое-нибудь естественное бѣдствіе—неурожай, болѣзни, моръ, скотской падежъ... что дѣлать? Конечно, ничего болѣе, какъ терпѣть и покоряться волѣ божіей. Точно также если и царь наложитъ тяготу или опалу на людей своихъ — ничего не остается какъ терпѣть: царь какъ Богъ: и покараетъ, и помилуетъ. Его бояре, воеводы, дьяки — иное дѣло; они вѣдь могутъ обмануть царя;

они могутъ его именемъ поступать и противъ его желанія; народъ часто покушался возставать на нихъ, но думалъ, что при этомъ онъ не возстаетъ противъ государя. Самъ царь, лишь бы только не было сомнѣнія въ его законномъ наслѣдственномъ поставленіи и освященіи Богомъ, для русскаго народа былъ существо выше человѣческаго; онъ земной богъ — говорили и до сихъ поръ говорятъ объ немъ великорусскіе поселяне. И на такомъ-то обоготвореніи царской особы (которое, собственно, есть народный образъ выраженія нравственнаго понятія объ исходѣ высшей власти отъ самого Бога) почило полновластіе, образовавшееся указанными историческими путями и установившееся въ XVI вѣкѣ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

Сокрушая, при помощи уваженія къ себѣ народной громады, всякую явную оппозицію, полновластіе, однако, не могло побороть иного рода оппозиціи — тайной, тупой, страдательной, единичной. Эта оппозиція состояла въ томъ, что русскій человѣкъ, не смѣя сопротивляться явно власти или открыто оказать ей непослушаніе, не стѣснялся, однако, увильнуть отъ исполненія того, чего она требовала, не пропускалъ возможности обмануть и провести ее, поживиться царскимъ добромъ и вообще дѣйствовать власти во вредъ, когда отъ этого произойдетъ польза или облегченіе для него самого. Такого рода оппозиція сильно укоренилась въ русскомъ народѣ отъ мала до велика; въ низшихъ классахъ она выразилась въ огромномъ размѣрѣ побѣгами, всяческими уклоненіями отъ повинностей, шатаніемъ, бродяжничествомъ, непамятствомъ родства, изготовленіемъ фальшивыхъ паспортовъ, дѣланіемъ фальшивой монеты, всѣмъ, что, помимо прямыхъ преступленій противъ личности и собственности другихъ, подводило русскаго простого человѣка въ острогъ, подъ кнутъ или плети и въ Сибирь; въ высшихъ и служебныхъ классахъ оппозиція эта выразилась тѣмъ казнокрадствомъ, противъ котораго Петръ Великій принималъ такія крутыя мѣры, тѣмъ лихоимствомъ и кривосудіемъ, которыми въ нашемъ воспоминаніи такъ опозорились и наши прежніе суды, и нашъ давній приказный людъ, а потомъ замѣстившій его чи-

новный людъ; наконецъ, тою служебною и оффиціальною ложью, которая въ половинѣ XVIII вѣка побудила князя Щербатова сказать: «Нѣсть вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать государя, чтобъ отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Нѣсть любви къ отечеству, ибо всѣ почти служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ, нѣтъ твердости духа, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться». И это было вполнѣ естественно и неизбѣжно. Чѣмъ меньше человѣкъ имѣетъ права, нужды и побужденій обращать свою мысль и чувство къ общественнымъ условіямъ, среди которыхъ живетъ, тѣмъ болѣе онъ чуждается ихъ, мало-по-малу грязнетъ въ своихъ собственныхъ мелочныхъ интересахъ, дѣлается полнымъ эгоистомъ.

1870.

ГЕТМАНСТВО

ЮРІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

ГЕТМАНСТВО
ЮРІЯ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

I [1]).

28-го сентября 1659 года, царскій главный воевода князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой прибылъ въ Переяславль съ наказомъ, гдѣ ему поручалось утвердить въ Малой Руси гетмана, кого пожелаютъ и изберутъ казаки. Выговскому не отнималась надежда на примиреніе. Трубецкой долженъ былъ и его пригла-

[1]) Настоящая монографія есть, по ходу описываемыхъ въ ней событій, непосредственное продолженіе статьи, напечатанной во II томѣ «Историческихъ монографій и Изслѣдованій», подъ названіемъ: «Гетманство Выговскаго», и сочиненія: «Богданъ Хмельницкій». Авторъ, какъ то было и прежде, пользовался дѣлами бывшаго Малороссійскаго приказа, хранящимися въ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ и въ архивѣ Старыхъ дѣлъ министерства юстиціи. Эти дѣла состоятъ изъ столбцевъ, заключающихъ черновыя граматы, отписки, письма разныхъ лицъ и копіи; эти документы доставляли матеріалъ преимущественно для изученія и описанія дѣлъ какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ періодъ времени отъ изгнанія Выговскаго до избранія Бруховецкаго въ гетманское достоинство, т. е. отъ конца 1659 до половины 1663 годовъ. Что касается до правой стороны Днѣпра, то для исторіи этого края въ томъ же періодѣ служили источниками польскіе акты, напечатанные въ третьемъ отдѣлѣ IV тома Памятниковъ Кіевской Археологической Коммиссіи, именно письма и донесенія малороссійскихъ гетма-

сить на ра̀ду, какъ будто бы ничего не было, и даже признать его въ гетманскомъ званіи, еслибъ этого хотѣли казаки. Но это сказано было, очевидно, для соблюденія вида справедливости и готовности предоставить казакамъ управляться по своимъ правамъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ правительство могло писать изъ Москвы что угодно, будучи увѣрено по ходу дѣлъ, что Выговскаго никакъ не захотятъ выбирать казаки послѣ того, какъ они его недавно низложили; напротивъ, еслибъ онъ осмѣлился пріѣхать въ Переяславль, то казацкая ра̀да приговорила бы его къ казни. По прибытіи въ Переяславль, московскій военачальникъ получилъ, чрезъ переяславскаго полковника Тимоѳея Цыцру, письма отъ Юрія Хмельницкаго, обознаго Носача

новъ на правобережной Украинѣ, Юрія Хмельницкаго и Павла Тетери, а также письма разныхъ польскихъ пановъ, имѣвшихъ сношенія съ казаками. Кромѣ того, какъ добавочный къ этому источникъ, служило сочиненіе Коховскаго: Annalium Poloniæ Climacteres, etc., гдѣ изложены событія Украины, имѣвшія отношеніе къ польской исторіи, авторомъ-современникомъ описываемыхъ происшествій. Сочиненіе: Historya panowania Jana Kazimierza przez nieznajomego autora, изданное въ двухъ томахъ въ 1840 г. Эдуардомъ Рачинскимъ, есть варіантъ сочиненія Коховскаго. Для описанія собственно битвъ подъ Чудновымъ и Слободищемъ служили современныя спеціальныя сочиненія объ этомъ событіи, и важнѣе всѣхъ — дневникъ Свирскаго: Relatio Historica belli Szeremetici per Septembrem, Octobrem, Novembrem gesti anno 1660. Составитель этой брошюры, напечатанной въ Замостьѣ въ 1661 году, духовнаго званія, пользовался, какъ самъ говоритъ, свѣдѣніями, доставленными ему отъ участниковъ дѣла. Польскій археологъ Амвросій Грабовскій, въ сборникѣ разныхъ матеріаловъ, изданныхъ имъ подъ названіемъ: Oyczyste Spominki, напечаталъ съ старинной рукописи: Diaryusz wojny s Szeremetém, i Cieciurą pułkownikiem Perejasławskim, ktòra się odprawowała w Miesiącu Wrześniu, Październiku i Listopadzie, roku 1660. Этотъ дневникъ есть варіантъ и чуть ли не оригиналъ реляціи Свирскаго. Кромѣ этого дневника, существуетъ другое современное сочиненіе для того же событія, писанное Зеленевицкимъ и напечатанное въ 1668 году въ Краковѣ подъ названіемъ: Memorabilis Victoria de Szeremetho exercitus Moschorum duce cum a duobus cosacorum exercitibus armis et auspitiis serenissimi Joannis Casimiri Polon. et cet. regis potentissimi ad Cudnoviam reportata. Авторъ, священникъ и деканъ, пользовался также извѣстіями, которыя слышалъ отъ очевидцевъ, но украсилъ слишкомъ

и семи заднѣпровскихъ полковниковъ [1]). Въ нихъ извѣщалось, что на радѣ казацкой, происходившей на рѣкѣ Русавѣ, Выговскій низложенъ съ гетманства, и казаки отдали знамя, булаву, печать и всѣ гетманскія дѣла Юрію Хмельницкому. Трубецкой немедленно отправилъ къ заднѣпровскому войску путивльца Зиновія Яцына съ письмомъ, гдѣ уговаривалъ Юрія служить вѣрно государю по примѣру своего родителя, Богдана, а съ тѣмъ вмѣстѣ всѣхъ казаковъ убѣждалъ послѣдовать примѣру лѣвобережныхъ полковъ: принесть повиновеніе великому государю въ своихъ винахъ и учиниться у государя въ вѣчномъ подданствѣ по прежнему.

Въ казацкомъ войскѣ послѣ раздѣлки съ Выговскимъ, при неопытности и молодости Хмельницкаго, началъ входить въ силу Сомко, шуринъ Хмельницкаго. По извѣстію Украинской лѣтописи, онъ внутренно досадовалъ, что выборъ въ гетманы

свой разсказъ риторикою; вообще, упомянутый прежде дневникъ достоинъ больше довѣрія. Для описанія Черной Рады въ Нѣжинѣ, гдѣ избранъ былъ Бруховецкій, служилъ, кромѣ лѣтописи Самовидца, разсказъ другого очевидца, Гордона, помѣщенный въ его дневникѣ, изданномъ по-нѣмецки г. Посельтомъ, подъ названіемъ: «Tagebuch des generals Patrick Gordon». Кромѣ этихъ источниковъ, для дѣлъ малороссійскихъ того времени служили источниками: «Лѣтопись Самовидца», лѣтопись Грабянки и лѣтопись Самуила Величка. Изъ нихъ, «Лѣтопись Самовидца» писана человѣкомъ казацкаго званія и участникомъ описываемыхъ событій, и притомъ съ безпристрастіемъ; для этого періода, какъ вообще для исторіи Малой Руси второй половины XVII вѣка, она есть важный источникъ. Лѣтопись Грабянки—компиляція разныхъ книгъ и рукописей, составленная уже въ XVIII вѣкѣ, для этого періода, немного представляетъ важнаго, при имѣніи другихъ болѣе непосредственныхъ источниковъ. Что касается до лѣтописи Величка, то этимъ источникомъ можно пользоваться не иначе, какъ съ крайнею осторожностію, потому что въ немъ попадается много анахронизмовъ и явно-позднѣйшихъ вставокъ. Наконецъ, для изложенія отношеній Малой Руси къ центральной части, служили оффиціальныя граматы того времени, напечатанныя въ Полномъ Собраніи Законовъ (т. I) и въ III томѣ собранія государственныхъ граматъ и договоровъ.

[1]) Черкасскаго Одинца, каневскаго Лизогуба, бѣлоцерковскаго Кравченка, паволоцкаго Богуна, уманскаго Ханенка, и Грицка гуляницкаго (бывшаго нѣжинскаго).

палъ не на его особу, но дѣлать было нечего. За Юрія стоялъ горячѣе всѣхъ Иванъ Сирко и убѣждалъ казаковъ никого не допускать къ гетманству, кромѣ сына Богданова. Сомко долженъ былъ притворяться довольнымъ и поздравить своего молодого племянника. Войско изъ подъ Бѣлой Церкви прибыло въ Трехтемировъ, и тамъ, на просторной долинѣ, называемой Жердева, собралось на раду.

Прежде всего всѣ въ одинъ голосъ изъявляли признаніе Юрія въ гетманскомъ достоинствѣ:—Будь подобенъ отцу своему, кричали казаки, будь, какъ онъ, вѣренъ и доброжелателенъ его царскому пресвѣтлому величеству и матери своей Украинѣ, сущей по обѣимъ сторонамъ Днѣпра.

На этой радѣ составлены были статьи, которыя слѣдовало представить царскимъ воеводамъ на утвержденіе. Положили просить о томъ, чтобы подтвердили всѣ статьи Богдана Хмельницкаго, а къ нимъ присоединили новыя. Ясно, что ихъ требовала и сочиняла партія казацкихъ старшинъ, хотѣвшихъ удержать и расширить автономію Украины, и, признавая верховную власть царя, насколько возможно охранить независимость своего края отъ тѣснѣйшаго подчиненія Москвѣ. Для этого хотѣли возвысить власть гетмана такъ, чтобъ только онъ, будучи главнымъ правителемъ Украины, велъ сношенія съ Москвою, чтобы мимо его безъ вѣдома его и всей старшины, безъ подписи гетманской руки и безъ приложенія войсковой печати, никакія писанія, присланныя изъ Украины, не были принимаемы у московскаго правительства; чтобы всѣ люди, принадлежащіе къ Войску Запорожскому, а особенно шляхта, находились подъ его вѣдомствомъ и судомъ, и чтобы ему одному повиновались непосредственно всѣ полковники съ своими полками и отнюдь не выходили изъ его послушанія. Это устанавлялось для того, чтобы не допустить недовольнымъ обращаться прямо въ Москву и чрезъ то давать поводъ московскому, верховному для Украины, правительству непосредственно вмѣшиваться въ мѣстныя дѣла; казаки въ такомъ вмѣшательствѣ видѣли нарушеніе своихъ правъ, своей вольности, а главное—

боялись послѣдствій въ будущемъ: когда войдутъ въ обычай такого рода отношенія, то мѣстныя выборныя власти потеряютъ и силу и значеніе, и, наконецъ, можетъ дойдти до того, что окажутся ненужными. У воеводъ и ратныхъ московскихъ людей были столкновенія съ жителями Украины; поэтому, полагали домогаться, чтобъ напередъ царскіе воеводы были въ одномъ Кіевѣ, а въ другихъ малорусскихъ городахъ ихъ не было вовсе; сверхъ того, чтобъ московское войско, когда придетъ въ Украину, состояло подъ верховнымъ начальствомъ гетмана войска запорожскаго. Гетману слѣдовало предоставить и право принимать чужеземныхъ пословъ безъ ограниченія, посылая впрочемъ въ Москву списки подлинныхъ граматъ, а въ случаѣ заключенія мира и трактатовъ Россіи съ сосѣдними государствами, особенно съ поляками, татарами и шведами, гетманъ долженъ высылать отъ Войска Запорожскаго коммисаровъ съ вольнымъ голосомъ и значеніемъ. Гетманъ долженъ выбираться вольными голосами однихъ казаковъ, съ тѣмъ, чтобы при этомъ отнюдь не участвовали въ избраніи лица, не принадлежащія къ войску запорожскому. Право участія въ выборѣ не простиралось на поспольство; казаки боялись, чтобы, такимъ образомъ, не было выбрано лицо, не расположенное стоять за интересы казацкаго сословія, или такое лицо, которое окажется слишкомъ угодливымъ верховной власти въ ущербъ мѣстной самостоятельности. Составители статей хотѣли оградить отношенія своего края и въ церковномъ отношеніи: они напоминали, чтобъ церковь малорусская находилась непремѣнно подъ непосредственнымъ владѣніемъ константинопольскаго патріарха, а тѣмъ самымъ заключала отличіе отъ московской церкви, имѣвшей своего мѣстнаго верховнаго патріарха въ Москвѣ. Постановлялось условіе, чтобы митрополитъ кіевскій, мимо константинопольскаго патріарха, отнюдь не былъ принуждаемъ къ подчиненію и послушанію иной, какой бы то ни было, власти; Москва отнюдь не должна была допускать утверждаться вліянію поставленныхъ при ея помощи іерарховъ: требовалось для этого, чтобы, по смерти каждаго кіевскаго ми-

трополита, также и другихъ епископовъ, преемники ихъ поставлялись не иначе, какъ по вольному выбору духовныхъ и свѣтскихъ особъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ казаки выговаривали себѣ невозбранное право заведенія школъ «всякого языка», гдѣ бы то ни было и какъ бы то ни было. Наконецъ, просили полной амнистіи, вѣчнаго «непамятозлобія и запомненія» всего, что недавно дѣлалось. Видно было ясно, что казаки на этотъ разъ хоть и изъявляли желаніе быть вѣрными Москвѣ, но въ тоже время боялись ее; соглашались находиться въ зависимости отъ нея, но только въ такой зависимости, которая была бы до того слаба, что, при случаѣ, можно будетъ отъ нея избавиться.

Порѣшивши предложить въ такомъ духѣ договоръ, казаки отправились къ Трубецкому обратно присланнаго послѣднимъ Зиновія Яцына, а вмѣстѣ съ нимъ послали своего полковника Дорошенка изъявить желаніе, чтобы государь велѣлъ казакамъ быть подъ своею рукою на правахъ и вольностяхъ своихъ, какъ это было при покойномъ Богданѣ Хмельницкомъ. Трубецкой вручилъ Дорошенку царскую жалованную грамату и вмѣстѣ съ нимъ послалъ къ Юрію Сергѣя Владыкина пригласить новоизбраннаго гетмана со старшиною ѣхать къ нему въ Переяславль.

4-го октября, казацкая рада отправила къ Трубецкому вмѣстѣ съ Владыкинымъ снова Петра Дорошенка, а съ нимъ черкасскаго полковника Андрея Одинца и каневскаго Ивана Лизогуба. Они привезли Трубецкому два письма: одно отъ гетмана, другое отъ всѣхъ полковниковъ, и четырнадцать статей въ смыслѣ составленныхъ на жердевской радѣ условій, которыхъ содержаніе изложено выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ они просили боярина и воеводу прибыть за Днѣпръ къ Трехтемировскому монастырю.

Трубецкой, прочитавъ статьи, сказалъ Дорошенку и его товарищамъ: — «Здѣсь есть кое-что новое противъ договора съ Богданомъ Хмельницкимъ, а у меня есть тоже новыя статьи для утвержденія Войска Запорожскаго, чтобы въ немъ напередъ не было измѣны и междоусобія и напраснаго пролитія крови хри-

стіанской. Мы къ вамъ на раду не поѣдемъ; пусть вашъ новоизбранный гетманъ прибудетъ сюда безъ сумнительства вѣру учинить и крестъ цѣловать на вѣчное подданство».

Казацкіе послы напрасно уговаривали Трубецкаго поступить по ихъ желанію. Казаки надѣялись, что московскій бояринъ, находясь посреди казацкаго войска, будетъ уступчивѣе. Но это видѣлъ Трубецкой и, напротивъ, стоялъ на томъ, чтобы казацкіе начальники пріѣхали къ нему и принуждены были договариваться посреди московской ратной силы. Дорошенко просилъ, чтобы бояринъ, по крайней мѣрѣ, для увѣренности, послалъ своихъ товарищей въ казацкое войско въ то время, какъ гетманъ со старшиною пріѣдетъ къ нему въ Переяславль. И на это Трубецкой не поддался, но согласился, однако, послать за Днѣпръ товарища своего, окольничаго и воеводу Андр. Вас. Бутурлина, не въ качествѣ заложника, а для того, чтобы привести къ присягѣ казацкое войско. Трубецкой сдѣлалъ замѣчаніе, что если казаки будутъ далѣе упрямиться, то онъ пошлетъ на нихъ ратную силу, и Шереметеву изъ Кіева велитъ идти на нихъ въ тоже время [1]). Но чтобъ не раздражить казацкихъ полковниковъ до крайности, бояринъ не говорилъ имъ о рѣшительной невозможности принять привезенныя ими статьи, откладывалъ дѣло до прибытія гетмана и даже подавалъ имъ нѣкоторую надежду, что, быть можетъ, ихъ желаніе исполнится. Тѣмъ не менѣе, послы казацкіе, Дорошенко и его товарищи, оставлены были въ Переяславлѣ до тѣхъ поръ, пока придетъ извѣстіе отъ Юрія Хмельницкаго и казацкихъ полковниковъ; къ послѣднимъ посланъ былъ еще разъ Сергѣй Владыкинъ.

Рѣшительныя заявленія Трубецкаго поставили казаковъ въ такое положеніе, что имъ оставалось только повиноваться. Въ противномъ случаѣ, приходилось воевать съ царскимъ войскомъ,—но на это половина войска не согласилась бы; малорусскій народъ, подъ вліяніемъ свѣжей непріязни къ Выговскому и его шляхетскимъ затѣямъ, былъ бы противъ этого весь. При-

[1]) См. грам. IV, 63.

томъ, трое полковниковъ были задержаны въ московскомъ станѣ: военачальникъ не выпустилъ бы ихъ. 1-го октября, Юрій Хмельницкій извѣстилъ Трубецкаго, что онъ ѣдетъ въ Переяславль.

Трубецкой отпустилъ задержанныхъ чиновниковъ и отправилъ за Днѣпръ, для приведенія къ присягѣ казацкаго обоза, своего товарища Бутурлина, но приказалъ ему только тогда перевозиться на правый берегъ Днѣпра, когда казацкое начальство будетъ уже на лѣвомъ. Онъ не довѣрялъ казакамъ и ему не довѣряли казаки. На другой день, 8-го октября, Юрій Хмельницкій увидѣлъ, что Бутурлинъ стоитъ на берегу Днѣпра и не перевозится. Юрій послалъ ему сказать, что пока Андрей Васильевичъ не переѣдетъ на правый берегъ Днѣпра, казацкій гетманъ со старшиною не переѣдутъ на лѣвый. Бутурлинъ отправилъ къ Трубецкому спросить, что ему дѣлать. Трубецкой приказалъ Бутурлину, для успокоенія казаковъ, послать за Днѣпръ своего сына Ивана, а самому отнюдь не ѣхать, прежде чѣмъ гетманъ не перевезется. Такъ поступилъ Бутурлинъ. Казаки, увидя, что сынъ Бутурлина уже на правой сторонѣ Днѣпра, успокоились и переѣхали на лѣвый. Тогда и Бутурлинъ, воротивши сына назадъ, самъ переправился на правый берегъ.

Эти обстоятельства показываютъ, какъ мало искренности и довѣрія существовало тогда между обѣими сторонами и, слѣдовательно, напередъ можно было предвидѣть, какъ мало прочности могло быть въ томъ, что между ними будетъ постановлено.

Настойчивость Трубецкаго не всѣхъ сломила. Съ Юріемъ Хмельницкимъ прибыли обозный Носачъ и войсковой эсаулъ Ковалевскій: они оставлены при своихъ урядахъ и пріѣхали просить прощенія за вины свои. Кромѣ ихъ пріѣхалъ новый войсковый судья Иванъ Кравченко, избранный вмѣсто низложеннаго соучастника Выговскаго — Богдановича-Заруднаго, и писарь Семенъ Остановичъ Голуховскій, избранный вмѣсто Груши. Изъ полковниковъ съ праваго берега были въ Переяславлѣ съ Юріемъ — черкасскій Андрей Одинецъ, каневскій Иванъ Лизо-

губъ (бывшіе уже прежде съ Дорошенкомъ и задержанные Трубецкимъ), корсунскій (начальникъ казацкой артиллеріи) Яковъ Петренко, кальницкій Иванъ Сирко и бывшій прилуцкій Дорошенко, уже тогда, по своимъ дарованіямъ, ловкости и воспитанію, стоявшій впереди въ дѣлахъ. Но полковники: кіевскій Бутримъ, чигиринскій Кирилло Андріенко, брацлавскій Михаилъ Зеленскій, подольскій или винницкій Евстафій Гоголь, паволоцкій Иванъ Богунъ, бѣлоцерковскій Иванъ Кравченко, уманскій Михаилъ Ханенко, не пріѣхали въ Переяславль и не хотѣли покориться Москвѣ. Юрій, увидѣвшись съ Трубецкимъ, скрывалъ настоящую причину ихъ неприбытія и объяснялъ, что эти полковники не явились потому, что надобно было оставить ихъ для обороны края противъ поляковъ и татаръ. Онъ объявилъ московскому военачальнику, что имѣетъ право подписаться за нихъ. Со стороны духовенства явился на раду въ Переяславль одинъ только кобринскій архимандритъ Іовъ Заенчковскій. Кромѣ того, прибыло нѣсколько сотниковъ, товарищей и дворовые люди Юрія.

II.

Трубецкой, прежде собранія рады, на которой слѣдовало отъ имени царя утвердить Юрія въ гетманскомъ достоинствѣ и постановить новыя договорныя статьи, написалъ къ Ромодановскому, и въ Кіевъ къ Шереметеву, чтобы и тотъ и другой спѣшили съ ратною силою въ Переяславль, приказалъ съѣзжаться на раду нѣжинскому и черниговскому полковникамъ и разсылалъ грамоты къ войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ и лавникамъ городовъ и мѣстечекъ лѣвой стороны Днѣпра, приказавъ имъ ѣхать на раду и объявить посполитству, чтобы оно съ ними туда же съѣзжалось. Бояринъ замѣтилъ, что поспольство лѣвой стороны не долюбливаетъ казаковъ и расположено къ московской сторонѣ; онъ, поэтому, надѣялся, при большемъ

стеченіи парода, вытребовать отъ казацкихъ начальниковъ то, что было нужно для московскаго правительства и притомъ такъ, что все будетъ дѣлаться по волѣ большинства народнаго.

Просидѣвъ одинъ день во дворѣ, гдѣ его помѣстили, Юрій отправилъ къ Трубецкому асаула Ковалевскаго просить свиданія. 10 октября, бояринъ приказалъ всѣмъ быть у себя. Бояринъ обошелся съ Юріемъ ласково, сообщилъ ему царскую милость, извѣстилъ, что царь его похваляетъ за то, что онъ желаетъ оставаться въ подданствѣ у великаго государя и побуждалъ подражать своему отцу въ непоколебимой вѣрности царю. Старшины и полковники били челомъ объ отпущеніи своей вины предъ царемъ и говорили, что они отлучились отъ царя поневолѣ: то были обычныя отговорочныя фразы того времени. Бояринъ объявилъ имъ царское прощеніе за прошлое и проговорилъ наставленіе, чтобы они впередъ оставались подъ высокою рукою царскаго величества навѣки не отступны.—Великій государь (онъ сказалъ имъ) велѣлъ учинить въ Переяславлѣ раду и на радѣ избрать гетманомъ того, кто вамъ и всему войску запорожскому надобенъ, и постановить статьи, на которыхъ всему войску запорожскому быть подъ рукою его царскаго величества.

Послѣ этого свиданія прошло нѣсколько дней. Московскіе воеводы прибывали одинъ за другимъ съ своими ратями. 13 октября, прибылъ бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, 14—окольничій князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій. Переяславль безпрестанно наполнялся людьми различныхъ состояній. Съѣхались около боярина вѣрные царю полковники лѣвой стороны: нѣжинскій Золотаренко, черниговскій Іоанникій Силичъ, полтавскій Ѳедоръ Жученко, прилуцкій Ѳедоръ Терещенко, лубенскій Яковъ Засядко, миргородскій Павелъ Андреевъ съ своими писарями и сотниками; стекались изъ ближнихъ мѣстъ войты, бурмистры и мѣщане.

Пятнадцатаго октября, Юрія и старшину опять позвали къ Трубецкому, который встрѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ прибывшими

вновь воеводами. Съ ними были дьяки: думный Иларіонъ Дмитріевичъ Лопухинъ и Ѳедоръ Грибоѣдовъ. Съ Юріемъ и полковниками былъ и наказный гетманъ Безпалый. Казацкой старшинѣ прочитана была царская вѣрющая грамата на имя Трубецкаго: въ ней отъ царя поручалось боярину утвердить новоизбраннаго казацкаго гетмана, постановить статьи и привести всѣхъ къ присягѣ. Потомъ прочитаны были статьи, привезенныя Трубецкимъ: ихъ было два рода,—однѣ старыя, тѣ, на которыхъ присягалъ покойный Богданъ Хмельницкій, другія новыя, написанныя не вполнѣ въ прежнемъ смыслѣ и прямо противныя тѣмъ, которыя измышляли казаки на жердевской радѣ. Юрій со старшиною, не смѣя опровергать ихъ, не изъявлялъ одобренія, а просилъ только прочитать ихъ на цѣлой радѣ казацкой и сказалъ: на какихъ статьяхъ быть намъ и всему войску запорожскому подъ самодержавною рукою его царскаго величества, мы будемъ бить челомъ на радѣ, чтобы про то все было вѣдомо всему войску запорожскому.

Этими словами показалось, что казацкимъ старшинамъ, руководившимъ молодымъ гетманомъ, не нравятся привезенныя изъ Москвы статьи, и что они все еще, считая себя вольнымъ народомъ, думаютъ договариваться на такихъ условіяхъ, какія сами для для себя найдутъ выгодными и представятъ, а не на такихъ, которыя имъ предложатъ подъ страхомъ. Трубецкой,—можетъ быть, по принятому обычаю запросить побольше, чтобы скорѣе получить то, что нужно, — сказалъ:

— Великій государь повелѣлъ въ городахъ Новгородѣ-Сѣверскомъ, Черниговѣ, Стародубѣ и Почепѣ быть своимъ воеводамъ и вѣдать уѣзды тѣхъ городовъ, какъ было встарь, оттого что тѣ города изстари принадлежали къ Московскому государству, а не къ Малой Россіи. Такъ и теперь надобно учинить попрежнему, а казаки, которые устроены землями въ уѣздахъ тѣхъ городовъ, пусть живутъ на своихъ земляхъ при воеводахъ (т. е. подъ властью воеводъ, а не гетмана), если ихъ нельзя будетъ помѣстить въ другихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, бояринъ изъявлялъ притязаніе отнять у

гетманской власти значительную часть края. Онъ былъ по историческимъ правамъ справедливъ. Но и у противной стороны были равносильныя права.

Юрій на это отвѣчалъ:

— Въ Черниговѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ и Почепѣ издавна устроено много казаковъ, и за ними много земель и всякихъ угодій. Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ и Почепъ приписаны къ Нѣжинскому полку, а въ Черниговѣ свой казацкій полкъ. Если вывести оттуда казаковъ, то казакамъ будетъ домовное и всякое разореніе, и права и вольности ихъ будутъ нарушены, а великій государь пожаловалъ войско запорожское, велѣлъ всѣмъ намъ быть подъ самодержавною рукою на прежнихъ правахъ и вольностяхъ и владѣть всякими угодьями попрежнему; и въ царскихъ жалованныхъ граматахъ написано, что права казацкія и вольности не будутъ нарушены ни въ чемъ. Если же начать переводить казаковъ изъ тѣхъ мѣстъ, то у нихъ начнутся большія шатости. Пусть государь-царь пожалуетъ насъ: велитъ Новгороду-Сѣверскому и Стародубу и Почепу и Чернигову оставаться въ войскѣ запорожскомъ.

Трубецкой возразилъ ему:

— Вы говорите, что Новгородъ-Сѣверскій приписанъ къ войску запорожскому, а когда это сталось? Тогда, когда Войско Запорожское отлучилось отъ польскихъ королей; а когда Войско Запорожское было за королями польскими, въ тѣ времена Новгородъ-Сѣверскій не былъ прилученъ къ Войску Запорожскому, а оставался за сенаторами. Казаки тамошніе новопоселенные и съ старыми казаками не живали. Стало быть, если можно будетъ ихъ перевести на иныя мѣста, то переведите; а некуда перевести—пусть тамъ живутъ подъ воеводами.

Юрій и за нимъ полковники стали бить челомъ, чтобы города, о которыхъ идетъ рѣчь, оставались въ войскѣ запорожскомъ.—Не говорите объ этихъ городахъ на радѣ—сказали они,—а если только объявите, такъ будетъ въ войскѣ запорожскомъ междоусобіе и безпокойство.

Трубецкой не сталъ болѣе настаивать. 17 октября, устроена

была генеральная рада за городомъ въ полѣ. Сходились не одни казаки; толпы мѣщанъ и поспольства изъ городовъ, мѣстечекъ и селъ привалили туда. Московскіе воеводы ѣхали съ ратными московскими людьми. Трубецкой приказалъ объявить, что онъ велитъ казакамъ при себѣ учинить раду и выбрать по своимъ войсковымъ правамъ гетмана, кого они себѣ излюбятъ, а потомъ пусть останется этотъ гетманъ неотступно въ подданствѣ подъ государевою самодержавною рукою со всѣмъ войскомъ запорожскимъ навѣки.

Присутствіе воеводъ и московскаго войска не могло нравиться многимъ. Московскій бояринъ своими поступками возбуждалъ ропотъ; жаловались, что онъ считаетъ Войско Запорожское какъ бы побѣжденнымъ, а не вольнымъ народомъ, и намѣренъ устроить его судьбу, какъ хочется Москвѣ, а не самому войску. Еще оскорбительнѣе показалось казакамъ, когда Трубецкой приказалъ князю Петру Алексѣевичу Долгорукому съ своимъ отрядомъ приблизиться и окружить мѣсто рады. Такая рада должна была отправиться несвободно, подъ московскимъ оружіемъ, и слѣдовательно, поступать и дѣлать такія постановленія, какія угодны будутъ московской власти.

Сначала произнесли присягу на подданство тѣ заднепровскіе старшины и полковники, которые прибыли съ Хмельницкимъ. Лѣвобережные уже прежде присягнули. Потомъ послѣдовалъ выборъ; всѣ безпрекословно огласили гетманомъ Юрія Хмельницкаго: то есть одобрили въ Переяславлѣ то, что уже было сдѣлано за Днѣпромъ. Потомъ прочитаны были статьи переяславскаго договора 1654 г.; а потомъ читались новыя статьи, которыя теперь московское правительство сочло нужнымъ дать казакамъ, чтобы поставить ихъ въ зависимость болѣе тѣсную, чѣмъ та, въ какой они находились по условіямъ присоединенія Малой Руси къ Москвѣ, при Богданѣ Хмельницкомъ. Гетману воспрещалось принимать иноземныхъ пословъ; гетманъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ обязанъ былъ идти въ походъ, куда будетъ царское изволеніе, слѣдовательно, и за предѣлы Малой Руси, тогда какъ по прежнимъ статьямъ служба казацкая огра-

ничивалась только внутри. Гетманъ обязывался не поддаваться никакимъ прелестямъ, не вѣрить никакимъ возбужденіямъ противъ Московскаго государства, казнить смертію тѣхъ, которые станутъ возбуждать неудовольствіе противъ Московскаго государства и заводить ссоры съ московскими людьми, а порубежные воеводы будутъ казнить тѣхъ великоруссовъ, которые станутъ подавать поводъ къ ссорамъ. Гетманъ лишался права ходить съ Войскомъ Запорожскимъ на войну, куда бы то ни было, не могъ никому помогать и не посылать никуда ратныхъ людей безъ воли государя, равнымъ образомъ обязанъ былъ карать тѣхъ, которые пойдутъ для такой цѣли самовольствомъ. Вопреки выраженному въ жердевскихъ статьяхъ желанію избавиться отъ московскихъ воеводъ, въ предъявленныхъ отъ московскаго правительства статьяхъ требовалось, чтобы воеводы московскіе съ ратными людьми находились въ городахъ: Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Брацлавлѣ, Умани; они, впрочемъ, не должны были вступать въ права и вольности казаковъ; ратные люди должны были кормиться изъ своихъ запасовъ; а въ тѣхъ городахъ, гдѣ московскіе воеводы замѣняли прежнихъ польскихъ, именно — въ Кіевѣ, Черниговѣ и Брацлавлѣ они могли пользоваться тѣми самыми мѣстностями, которыя нѣкогда предоставлялись на содержаніе польскихъ воеводъ. Реестровые казаки освобождались отъ постоя ратныхъ людей и дачи подводъ. Эти повинности ложились исключительно на поспольство. Казакамъ давалось право вольнаго винокуренія, пивоваренія и медоваренія, но съ тѣмъ, что они могли продавать вино въ аренды только бочками, а никакъ не квартами въ раздробь, медъ же и пиво гарнцами, и за самовольное шинкарство подвергались наказанію. Посполитые лишены были этой свободы. Такимъ образомъ, выходило, что поспольство, которое согнали въ Переяславль съ цѣлію поддержать московскую власть противъ сомнительнаго расположенія къ ней казаковъ, должно было нести тягости, отъ которыхъ освобождались казаки. Въ Бѣлой Руси казакамъ не позволялось находиться, но тѣ, которые тамъ завелись, могли, если захотятъ, переселиться въ казацкія мѣста, а если не за-

хотятъ, то должны были отбывать повинности, лежавшія на посподьствѣ. Равнымъ образомъ, тѣ, которые въ Бѣлорусскомъ краѣ носили званіе полковниковъ и сотниковъ, начальствуя надъ новообразованнымъ тамъ казачествомъ, должны были лишиться своего званія; слѣдовало, между прочимъ, вывести казацкую «залогу» изъ Стараго Быхова, гдѣ тогда засѣли недруги Москвы, Самуилъ Выговскій и Иванъ Нечай, которые умертвили многихъ московскихъ людей, взявши ихъ въ плѣнъ на вѣру: тамъ не должно находиться никакого другого войска, кромѣ государева. Очистить Бѣлую Русь отъ казаковъ требовалось подъ тѣмъ предлогомъ, что въ Бѣлой Руси никогда не было черкасъ, т. е. казаковъ, и притомъ край по сосѣдству съ ляхами: отъ того у казаковъ съ ляхами будутъ нескончаемыя ссоры. Казаки лишены были права, безъ доклада государю, избрать новаго гетмана по смерти прежняго и перемѣнять живаго, хотя бы гетманъ оказался измѣнникомъ. Слѣдовало, въ послѣднемъ случаѣ, извѣстить государя, а государь отправитъ, кого захочетъ, учинить сыскъ; и когда обвиненный окажется дѣйствительно виновнымъ, тогда его смѣнятъ и поставятъ на его мѣсто другого, по выбору казаковъ, но непремѣнно съ царскаго утвержденія. Эта статья, повидимому, охраняла гетманскую влать и вообще мѣстное малорусское правительство отъ безпорядковъ и буйства, но въ тоже время, вопреки домогательству жердевской рады не дозволять никому сноситься прямо съ Москвою мимо гетмана, открывала широкій путь такого рода сношеніямъ въ ущербъ мѣстной власти, давая возможность недругамъ гетмана и другихъ начальствующихъ лицъ обращаться къ царю и въ приказы съ доносами, а московскому правительству доставляла возможность слѣдить за тайнами въ Малой Руси и вмѣшиваться слѣдственнымъ и судебнымъ образомъ въ дѣйствія ея правительства. Гетману воспрещалось безъ рады и совѣта всей казацкой черни избирать лицъ въ полковники и вообще въ начальническія должности. Въ этомъ случаѣ, возстановлялось старинное казацкое право, нарушенное въ послѣднія времена Богданомъ Хмельницкимъ. Московскому правительству было выгодно возстановить

его, потому что оно надѣялось на преданность себѣ большинства черныхъ людей. Новоизбранный полковникъ долженъ быть непремѣнно изъ своего полка; всѣ начальные люди должны быть православнаго исповѣданія; даже недавно принявшіе православіе не допускались до начальническихъ должностей. Объявлялось, что это постановляется для того, что отъ иноземцевъ бывали всякія смуты, и простые казаки терпѣли отъ нихъ утѣсненія. Гетманъ не имѣлъ права судить и казнить смертію полковниковъ и вообще начальныхъ людей до тѣхъ поръ, пока государь не пришлетъ кого нибуть къ управѣ. Эта статья въ то время обезпечивала такія лица, какъ Тимоѳей Цыцура или Василій Золотаренко, которые, по поводу недавнихъ событій, нажили себѣ много враговъ, и послѣдніе могли настроить противъ нихъ молодого гетмана; на будущее время, эта статья, на ряду съ другими, усиливала вліяніе московскаго правительства и ослабляла мѣстную верховную власть: а это выгодно было для дальнѣйшихъ государственныхъ видовъ Москвы. Хотя казаки, по прежнему, не лишались права избирать гетмана, но гетманъ обязанъ былъ, по избраніи, явиться въ Москву видѣть царскія очи и не прежде могъ именоваться гетманомъ войска запорожскаго, какъ получивши знамя, булаву и бунчукъ отъ правительства. При гетманѣ должны находиться съ обѣихъ сторонъ Днѣпра по судьѣ, писарю и эсаулу. Казаки должны были обязаться отдать московскому правительству жену и дѣтей измѣнника Выговскаго, брата его Даніила и всѣхъ Выговскихъ, какіе только есть въ запорожскомъ войскѣ, и впредь не допускать отнюдь на раду лицъ, оказавшихъ недоброжелательство къ московскому правительству. Кромѣ Выговскихъ, къ этому разряду относились: Григорій Гуляницкій, Самуилъ Богдановичъ, Григорій Лѣсницкій и Антонъ Ждановичъ. Кто допуститъ ихъ въ раду, тотъ за это подвергнется смертной казни; равнымъ образомъ, тому же наказанію подвергался всякій изъ старшинъ или изъ простыхъ въ войскѣ запорожскомъ, кто не учинитъ вѣры хранить эти статьи или, учинивши, нарушитъ послѣ.

Въ это время, Малая Русь сдѣлалась притономъ бѣглыхъ

людей и крестьянъ изъ Великой Руси. Изъ уѣздовъ Брянскаго, Карачевскаго, Рыльскаго и Путивльскаго, отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ бѣгали боярскіе люди и крестьяне въ Малую Русь, составляли шайки около Новгорода-Сѣверскаго, Почепа и Стародуба, нападали на имѣнія и усадьбы своихъ прежнихъ владѣльцевъ и дѣлали имъ всякія «злости и неисправимыя разоренія». По настоящему договору, слѣдовало такихъ бѣглецовъ отыскивать и возвращать на мѣсто прежняго жительства.

Казацкая рада, окруженная со всѣхъ сторонъ московскими войсками, должна была безпрекословно соглашаться. Статьи, постановленныя на Жердевскомъ полѣ, привезенныя боярину Трубецкому полковникомъ Дорошенкомъ съ товарищами для утвержденія—не признаны, а дѣйствительными положено признать тѣ, которыя составлены въ Москвѣ и поданы на Переяславской радѣ Трубецкимъ.

18 октября, по приказанію Трубецкаго, Юрій со старшиною, полковниками и выбранными изъ всѣхъ полковъ казаками ѣхали къ соборной церкви въ городъ. Изъ церкви вышелъ со крестами и образами кобринскій архимандритъ и каневскій игуменъ Іовъ Заенчковскій, съ нимъ былъ переяславскій протоіерей Григорій Бутовичъ, со священниками и діаконами. Послѣ молебна казаки были приведены къ вѣрѣ по записи, присланной изъ посольскаго приказа. Въ этой записи гетманъ обязался быть на вѣки неотступнымъ подъ царскою рукою, по повелѣнію государеву стоять противъ всякаго недруга, не приставать къ польскому, турецкому и крымскому и другимъ государямъ, служить со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ царю, царицѣ и ихъ наслѣдникамъ, не подъискивать никакихъ другихъ государей на земли, принадлежащія московскому государю, извѣщать государя о всякомъ злоумышленіи противъ него, ловить и представлять измѣнниковъ, стоять противъ всякихъ непріятелей царскихъ, не щадя головъ своихъ, вмѣстѣ съ московскими ратными людьми, какъ укажетъ государь, держать совѣтъ съ тѣми боярами и воеводами, которыхъ пошлетъ го-

сударь при своихъ письмахъ, и утверждать Войско Запорожское быть въ совѣтѣ и соединеніи съ московскими ратными людьми, не отъѣзжать изъ полковъ къ непріятелю, не учинить измѣны въ городѣ, гдѣ ему случится быть съ царскими полками, не сдавать непріятелю городовъ, не отходить самому въ иное государство, не ссылаться съ недругами его царскаго величества и не приставать къ измѣннику Выговскому и его единомышленникамъ.

Послѣ присяги, бояринъ пригласилъ гетмана, старшину и полковниковъ на пиръ, гдѣ, по обычаю, возносили заздравную чашу государеву. Вѣроятно, тутъ же подписаны казацкими начальниками статьи и присяжный листъ, ибо въ статейномъ спискѣ объ этой подписи говорится послѣ извѣстія о пирѣ. Гетманъ изъявилъ согласіе на всѣ требованія московскаго правительства за всѣхъ полковниковъ, которые были въ отсутствіи и оставались на правомъ берегу Днѣпра. Онъ увѣрялъ, какъ и прежде, что они остались для обереганія границъ, и старательно скрывалъ настоящую причину ихъ неприбытія, вѣроятно, надѣясь, что можно будетъ ихъ уговорить.

Такимъ образомъ, Трубецкой обдѣлалъ дѣло въ пользу московской власти искусно. Но это дѣло заключало въ себѣ на будущія времена дальнѣйшія причины измѣнъ, безпорядковъ и народной вражды.

III.

Когда Хмельницкій воротился въ Чигиринъ, и въ собраніи всѣхъ полковниковъ приказалъ прочитать статьи, поднялось негодованіе, ропотъ на Хмельницкаго и на старшинъ, бывшихъ въ Переяславлѣ. Самые старшины, обозный, судьи, эсаулы и генеральный писарь Голуховскій нарекали на гетмана и другъ на друга. Недовольство охватывало не только тѣхъ, которые прежде были нерасположены къ Москвѣ и боялись ее, но и тѣхъ,

которые стояли за вѣрность ей; въ переяславскихъ статьяхъ видѣли нарушеніе казацкихъ правъ, упрекали Москву въ лукавствѣ; многіе тогда же были готовы нарушить этотъ насильственно выжатый договоръ, но прежде рѣшили послать посольство въ царскую столицу просить отмѣны переяславскихъ статей. Посланъ былъ черкасскій полковникъ Андрей Одинецъ съ Петромъ Дорошенкомъ, Павломъ Охрименкомъ, Остапомъ Фецькевичемъ и Михайломъ Булыгою. Дорошенко изъ хитрости уклонился на этотъ разъ отъ чести быть первымъ лицомъ въ этомъ посольствѣ, тогда какъ, по всему вѣроятно, заправлялъ имъ онъ. Они прибыли въ Москву въ декабрѣ.

На переговорахъ съ боярами они изустно, по данному имъ наказу, домогались измѣненія нѣкоторыхъ статей, постановленныхъ въ Переяславлѣ. «Въ двухъ грамотахъ (сообщали они) отъ его царскаго величества, присланныхъ нѣсколько недѣль тому назадъ, государь обѣщалъ намъ, казакамъ, своимъ милостивымъ государевымъ словомъ содержать свое запорожское войско по прежнему; и мы также обѣщались по присягѣ, данной покойнымъ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ, служить государю вѣрно и вѣчно. Просимъ, чтобы воеводы царскіе были только въ Кіевѣ и Переяславлѣ, а въ другихъ украинскихъ городахъ не находились и не наѣзжали въ нихъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда съ ними будутъ посланы ратные люди на оборону края противъ непріятеля, если откроется надобность». Имъ прочитали соотвѣтствующую этому предмету статью новаго переяславльскаго договора и отвѣчали, что государь приказалъ быть по статьямъ переяславскимъ, да еще прибавили такое объясненіе: «Въ прежнихъ статьяхъ, постановленныхъ при покойномъ Богданѣ Хмельницкомъ не написано, въ которыхъ городахъ быть московскимъ воеводамъ, такъ стало быть новыя статьи не нарушаютъ старыхъ».

Далѣе, посланцы просили, чтобы гетману и судьямъ возвращено было право судить и казнить смертію по закону. Имъ прочитали соотвѣтствующую статью переяславскаго договора и объявили, что для этого будетъ присылаться отъ царя москов-

скій человѣкъ къ ихъ суду на исправленіе. Если кто окажется по суду виновнымъ, такого казнить, но не иначе, какъ по согласію съ присланнымъ отъ царя. Замѣтили при этомъ, что такъ поступить нужно для того, что измѣнникъ Ивашка Выговскій казнилъ многихъ казаковъ за вѣрную службу государю.

И теперь высказалось, хоть не прямо, то недовѣріе къ боярамъ и дьякамъ, находившимся въ Москвѣ, которое выразилъ когда-то Выговскій опасеніемъ, будто въ Москвѣ нерасположенныя къ малоруссамъ лица читаютъ царю совсѣмъ не то, что присылается изъ Малой Руси. Послы просили, чтобы присылаемыя изъ войска запорожскаго грамоты читались царю при самихъ послахъ. Имъ на это припомнили, что подобнаго требовалъ уже измѣнникъ Ивашка Выговскій, вымышляя, будто его листы не доходятъ до царя, но этого никогда и не бывало и не будетъ. Листы ихъ всегда чтутся царю и государю, и всегда вѣдомо то, что въ этихъ листахъ написано.

Послы просили, чтобъ царь приказалъ не принимать никакихъ листовъ и челобитенъ изъ Малой Руси, мимо гетмана, и не давать пріема никакимъ посланцамъ, если только не привезутъ съ собою гетманскаго письма, отъ кого бы они ни пріѣхали: отъ имени ли Войска Запорожскаго, отъ старшины или отъ черни, отъ поспольства или отъ запорожцевъ, были бы то лица духовнаго или мірского званія, — потому что такіе люди пріѣзжаютъ клеветать и другъ на друга и на казацкое правительство, да заводить ссоры. На эту просьбу имъ отвѣчали, что если кто пріѣдетъ въ Москву безъ гетманскаго листа, то въ Москвѣ разсмотрятъ, по царскому повелѣнію, за чѣмъ онъ пріѣхалъ: для своихъ ли дѣлъ, или для смуты. Если для своихъ, — то царь дастъ указъ, смотря по этимъ дѣламъ; а если окажется, что онъ пріѣхалъ для смуты, то его царское величество не повѣритъ никакимъ наговорамъ и велитъ объ этомъ написать къ гетману. «Пусть гетманъ ничего не опасается; а быть по вашему прошенію нельзя (сказали бояре), — чрезъ то вольностямъ вашимъ будетъ нарушенье, и вы сами свои вольности умаляете».

Отговорки были самыя благовидныя, но онѣ не успокоивали казацкихъ пословъ, потому что, съ правомъ каждому прiѣзжать въ Москву мимо гетмана, неудержимо разрушалась дисциплина казацкаго правительства: ему нельзя было ничего затѣять такого, чтобы для Москвы оставалось тайною; оно всегда было подъ страхомъ; оно всегда могло опасаться доносчиковъ, которые, подсмотрѣвши, подслушавши или замѣтивши въ Малой Руси что нибудь такое, что не нравится въ Москвѣ, располагали бы верховное правительство противъ гетмана и старшинъ. Казацкiе послы просили, чтобы тамъ, гдѣ царскiе послы будутъ договариваться съ польскими королями и съ окрестными монархами, были послы Войска Запорожскаго и имѣли вольный голосъ. Для малоруссовъ казалось унизительно и оскорбительно, если сосѣди станутъ рѣшать судьбу ихъ отечества, не спрашивая у нихъ самихъ о ихъ желанiи. Они представляли въ этомъ случаѣ самое убѣдительное побужденiе. Это требованiе соединялось у нихъ съ вопросомъ, касавшимся вѣры. Шло дѣло объ епархiяхъ, архимандритiяхъ, игуменствахъ, захваченныхъ унiатами, и вообще о церковныхъ имуществахъ. Нужно было домогаться, чтобы унiаты отдали православнымъ то, что неправильно захватили: поэтому-то, и казалось необходимымъ, чтобъ казацкiе послы, знавшiе мѣстныя обстоятельства и подробности, присутствовали при такихъ съѣздахъ. Московское правительство въ этомъ пунктѣ сдѣлало уступку, дозволивъ, чтобы при съѣздѣ московскихъ пословъ съ польскими находилось два или три человѣка отъ Войска Запорожскаго, но съ тѣмъ, чтобы въ числѣ этихъ лицъ отнюдь не было сторонниковъ Ивашки Выговскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ посланцы домогались, чтобы гетману дозволено было принимать иностранныхъ пословъ изъ окрестныхъ государствъ, съ тѣмъ, что эти сношенiя не обратятся во вредъ московскому государству, и гетманъ будетъ обязанъ доставлять царю чрезъ своихъ посланцевъ подлинныя граматы съ печатьми, присланныя отъ иноземныхъ властей. Въ доводъ того, что такiя сношенiя не будутъ опасны и предосудительны, и что гетманъ со старшиною не употребитъ во зло этого права,

посланцы представили письма, присланныя недавно изъ Крыма. Изъ нихъ можете уразумѣть (говорили они), какъ иновѣрцы недовольны согласіемъ между христіанами, и какъ, напротивъ, радуются смутамъ и враждѣ нашей. Бояре отвѣчали, что царь похваляетъ гетмана за вѣрность, но, тѣмъ, не менѣе отказали въ просьбѣ о дозволеніи принимать пословъ, и сообщили, что царь повелѣваетъ оставить все по силѣ переяславскихъ статей, а дозволяетъ сноситься съ валахскимъ и мультанскимъ владѣтелями только о малыхъ норубежныхъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, и этого важнаго признака самостоятельности не добились казаки.

Гетманъ явился тогда ходатаемъ въ пользу осужденныхъ за измѣну: просилъ о Данилѣ Выговскомъ, Иванѣ Нечаѣ, Григоріѣ Гуляницкомъ, Григоріѣ Лѣсницкомъ, Самуилѣ Богдановичѣ, Германѣ «Ганоновѣ» и Ѳедорѣ Лободѣ, а также и о взятыхъ въ плѣнъ казакахъ Иванѣ Сербинѣ и другихъ, просилъ отпустить ихъ, чтобы не быть имъ «баннитами», налагалъ на себя условіе, однакожъ, не принимать ихъ въ урядъ. На это гетманскимъ посланцамъ отвѣчали, что государь жалуетъ гетмана: этимъ людямъ не быть баннитами, но указъ объ этомъ данъ будетъ тогда, когда гетманъ самъ прибудетъ въ Москву. Насчетъ пріѣзда его въ Москву посланцы извинялись, что онъ не можетъ этого сдѣлать скоро, по причинѣ внутреннихъ нестроеній, но исполнитъ царскую волю тотчасъ, какъ скоро успокоится все въ Украинѣ. На это посланцамъ сказали, что когда гетманъ увидитъ государевы пресвѣтлыя очи, а великій государь увидитъ его вѣрное подданство, то пожалуетъ его по достоинству,—лучше было бы, чтобы онъ пріѣхалъ нынѣшнею зимою.

Послы еще просили, чтобы на войсковую армату (артиллерію) было отдано староство житомирское; на это отвѣчали и замѣтили, что на армату отданъ уже Корсунь со всѣмъ уѣздомъ, и слѣдуетъ этому оставаться по силѣ переяславскаго договора.

Гетманскіе посланцы, не добившись совершенно ничего, возвратились съ досадою: неудачная просьба еще болѣе раздражила

казаковъ противъ Москвы. Все это подготовило ихъ показать при случаѣ явное нерасположеніе.

IV.

Между тѣмъ, тогда же обращались въ Москву лица и мѣста изъ Малой Руси сами по своимъ дѣламъ, и къ нимъ московское правительство было снисходительнѣе и щедрѣе. Изъ мѣстностей Малой Руси, городъ Нѣжинъ, какъ съ своимъ казацкимъ полкомъ, такъ и съ своимъ мѣщанствомъ, болѣе другихъ въ это время былъ поставленъ въ пріязненное положеніе къ Москвѣ. Полковникъ нѣжинскій Василій Золотаренко былъ однимъ изъ руководителей поворота Украины на сторону Москвы и противодѣйствовалъ Выговскому изъ Нѣжина; протопопъ Филимоновъ сообщалъ въ Москву то, что дѣлалось въ Украинѣ; за то Нѣжинъ особенно и пострадалъ во время войны съ Выговскимъ; а между тѣмъ, съ другой стороны, нужно было для нѣжинскаго полка испросить особое прощеніе за участіе казаковъ этого полка въ возстаніи подъ начальствомъ Гуляницкаго. Тогда малоруссовъ пугала мысль, что ихъ за измѣну станутъ переселять: такой слухъ носился еще въ то время, какъ Трубецкой заключалъ договоръ въ Переяславлѣ. Золотаренко отправилъ въ Москву посланцевъ и выпросилъ нѣжинскому полку особую жалованную грамату; всѣмъ обывателямъ духовнаго и мірскаго чина и всему мѣщанству и поспольству объявлялось прощеніе, царское обѣщаніе не переселять никого съ мѣста жительства и вообще царская милость.

Въ началѣ 1660 г., городъ Нѣжинъ отправилъ въ Москву просьбу объ утвержденіи своихъ городскихъ муниципальныхъ правъ. Тогда и гетманъ Юрій Хмельницкій послалъ отъ себя ходатайство за Нѣжинъ. Полковникъ Золотаренко просилъ за разоренный войною монастырь. Посланъ былъ въ Москву войтъ Александръ Цурковскій съ товарищами отъ мѣщанскихъ чи-

новъ; они испросили у государя жалованную грамату на неприкосновенность ихъ городского суда: никто не могъ нарушать ихъ приговора, не допускалась апелляція въ Москву посредствомъ зазывныхъ листовъ. Въ уваженіе понесенныхъ мѣщанами разореній, царь имъ далъ льготы на три года отъ платежа дани, состоявшей въ размѣрѣ двухъ тысячъ польскихъ злотыхъ, взимаемыхъ съ арендъ, шинковъ и мельницъ посредствомъ откупного способа; нѣжинцы въ эти льготные годы освобождались также отъ подводной повинности, но исключая царскихъ посланниковъ и гонцевъ, а также иностранцевъ, ѣдущихъ прямо къ царю. Находившіеся въ этомъ посольствѣ мѣщане испросили для себя каждый особыя льготы и данныя, кто на грунтъ, кто на домъ, кто на мельницу, подъ предлогомъ, что онъ былъ разоренъ въ прошедшую войну. Такія-то просьбы, обращенныя прямо въ Москву, мимо гетманскаго правительства, подрывали невольно, мало по малу, мѣстную автономію Малой Руси; здѣсь завязывались почти тѣ же отношенія, какія нѣкогда были въ Великомъ-Новгородѣ передъ его покореніемъ Москвою; малоруссы находили возможность и выгоду обращаться въ Москву прямо, мимо своего правительства, и ѣздили въ Москву по частнымъ дѣламъ за судомъ. Полковники отправляли свои посольства и сами отъ себя ѣздили. Кто хотѣлъ изъ начальныхъ людей и имѣлъ средства, тотъ и ѣхалъ въ Москву въ надеждѣ получить подарки, льготы или милости. Такъ, изъ дѣлъ того времени видно, что пріѣзжали въ Москву Якимъ Сомко, переяславскій полковникъ Тимоѳей Цыцура съ полковою старшиною: писаремъ, обознымъ, хорунжимъ, есауломъ и сотниками, и другіе—и всѣ они получили въ Москвѣ соболей, кубки и прочее. Въ мартѣ пріѣхалъ Василій Золотаренко съ товарищами. Они пріѣхали за тѣмъ, чтобы отправиться вмѣстѣ съ московскимъ посольствомъ въ Борисовъ, на предполагаемую коммиссію, которая собиралась для порѣшенія недоразумѣній и споровъ съ Польшею, такъ какъ на участіе въ этомъ дѣлѣ казаковъ согласилось московское правительство, сдѣлавши въ этомъ единственную уступку

просьбамъ, привезеннымъ Одинцемъ съ товарищами. Настоящіе посланцы имѣли съ собою инструкціи, вѣроятно, составленныя на казацкой радѣ; тамъ имъ предписывалось приступать не иначе къ миру, какъ только въ такомъ случаѣ, когда поляки согласятся исполнить то, что обѣщали по гадячскому договору и что утвердили уже на сеймѣ: именно, уничтоженіе церковной уніи—чтобъ оставлена была въ Руси, принадлежавшей Рѣчи-Посполитой, одна греческая вѣра; чтобы церковныя достоинства, то есть митрополія кіевская, епископства, архимандритіи и иныя монастырскія начальства отдавались по вольному избранію безъ всякаго различія людямъ какъ шляхетскаго, такъ и нешляхетскаго происхожденія, а митрополитъ былъ бы рукополагаемъ отъ константинопольскаго патріарха; чтобы русскій языкъ былъ удержанъ во всѣхъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ; чтобы посольства къ королю и Рѣчи-Посполитой отъ русскихъ были принимаемы не иначе, какъ на русскомъ языкѣ, а также и отвѣты словесные и письменные были бы даваемы не иначе, какъ на этомъ языкѣ. Таковы были главныя требованія по отношенію къ церкви и общественному устройству соединенныхъ съ Польшею русскихъ областей, заявленныя въ то время Малой Русью въ лицѣ пословъ Войска Запорожскаго. Кромѣ того, малорусское посольство должно было домогаться суда надъ Тетерею и надъ полковникомъ Пиво. Первый убѣжалъ изъ Войска Запорожскаго, захвативъ съ собою тысячу червонцевъ, принадлежавшихъ митрополиту Діонисію Балабану, и взявъ съ собою граматы и привилегіи польскихъ королей и великихъ литовскихъ князей—начиная отъ Гедимина и кончая Іоанномъ Казиміромъ; сверхъ того, увезъ деньги и вещи, принадлежавшія вдовѣ Данила Выговскаго, дочери Хмельницкаго. Его подозрѣвали въ стачкахъ съ іезуитами; посланцамъ поручалось стараться, чтобы всѣ «договоры Тетери, составленные Богъ знаетъ какимъ мудрымъ слогомъ, на строеніе и собраніе отцевъ іезуитовъ, на кляшторы (римско-католическіе монастыри) и воспиталища, подкрѣпляемые

краденою войсковою казною, не имѣли силы». На полковника Пиво они жаловались, что онъ опустошилъ межигорскій монастырь и митрополичьи маетности.

На предполагаемомъ съѣздѣ въ Борисовѣ должны были опредѣлиться границы русскихъ земель съ Польшей, у которой эти земли должны быть отняты. Польша старалась удержать свой бывшій територіальный размѣръ, а Московское Государство хотѣло удержать за собою все, что добровольно отдавалось или было завоевано оружіемъ въ послѣднее время, Малая Русь хотѣла соединить во единой цѣлости свой народъ подъ властію Московскаго Государства, домогалась присоединенія провинцій, которыя населены были однимъ съ нею народомъ и показывали участіе въ прошедшей борьбѣ противъ Польши. Такимъ образомъ, съ одной стороны предполагалось присоединить къ Московскому Государству Бѣлую Русь въ слѣдующихъ границахъ: начиная отъ Динабурга до Друи, отъ Друи шла предполагаемая линія на Дисну, отъ Дисны рѣкою Ушачею до верховьевъ этой рѣки, отсюда до Доскина, отъ Доскина до верховьевъ рѣки Березины до Борисова, отъ Борисова до Свислочи, отъ Свислочи до Позыды рѣки, противъ Зыцина, отсюда рѣкою Позыдою до Припети, а потомъ рѣкою Припетью до Днѣпра. Малая Русь составляла отдѣльный край съ Волынью и Подолью, и польскому королю не слѣдовало вступать въ тѣ земли, гдѣ великаго государя Войска Запорожскаго люди: край этотъ, подъ именемъ Малой Руси по рѣку Бугъ, долженъ оставаться при Московскомъ Государствѣ во вѣки. На такихъ границахъ должны прекратиться взаимные набѣги, и съ этихъ поръ какъ Польша не должна посылать ратныхъ людей за Бугъ, такъ равно и гетману, и писарю, и полковникамъ и всякаго званія запорожскимъ людямъ не задирать поляковъ, не начинать никакихъ военныхъ дѣлъ и не хотѣть имъ никакого лиха. Царь отправилъ на коммиссію боярина Никиту Ивановича Одоевскаго, Петра Васильевича Шереметева, князя Ѳедора Ѳедоровича Волконскаго, думнаго дьяка Александра Иванова и дьяка Василія Михайлова.

Борисовская коммиссія, гдѣ долженствовало разграничить Русь съ Польшею, не имѣла никакого значенія. Едва только открылся съѣздъ, какъ начались военныя дѣйствія. Поляки, принявши Выговскаго съ Украиною по гадячскому трактату, тѣмъ самымъ нарушили виленскій договоръ, посягая на земли, еще фактически принадлежащія московской странѣ. Въ Польшѣ явно высказывали, что избраніе Алексѣя Михайловича въ преемники Яну Казимиру было обманъ, и на самомъ дѣлѣ московскому царю не доведется быть польскимъ королемъ. Московское правительство также было убѣждено, что война неизбѣжна, и, не смотря на борисовскій съѣздъ, не прекращало военныхъ дѣйствій.

Въ Литвѣ было московское войско подъ начальствомъ Хованскаго въ числѣ тридцати тысячь и князя Долгорукаго, а въ январѣ Хованскій взялъ Брестъ: городъ былъ сожженъ, жители истреблены. Весною Хованскій подошелъ подъ мѣстечко Ляховицы, принадлежавшее Сапѣгѣ, напалъ на литовскій отрядъ и разбилъ его. Послѣ этой побѣды онъ сталъ станомъ подъ Ляховицами и пытался взять этотъ городокъ. Между тѣмъ собралось литовское войско къ великому литовскому гетману. На мѣсто взятаго въ плѣнъ московскими людьми Гонсѣвскаго, король послалъ туда Чарнецкаго, достигшаго въ ту пору высоты военной славы. У него, говорили, было тысячь шесть, да за то хорошаго войска. Соединившись съ Сапѣгою, онъ напалъ на Хованскаго, осаждавшаго Ляховицы, которыя уже изнемогали отъ голода въ осадѣ и готовы были сдаться московскому воеводѣ. Хованскій былъ разбитъ и убѣжалъ съ войскомъ. Горячій Чарнецкій хотѣлъ было гнаться за нимъ до Смоленска въ предѣлы Московскаго Государства, но Сапѣга остановилъ его, и, по его совѣту, они оба вмѣстѣ пошли на Долгорукаго, который стоялъ подъ Шкловомъ.

Когда вѣсть о разбитіи Хованскаго дошла до Борисова, коммиссары съ обѣихъ сторонъ поняли, что имъ разсуждать не о чемъ, если война опять началась, и, слѣдовательно,

споръ между Польшею и Русью можетъ рѣшиться оружіемъ, а не словами. Они разъѣхались. Такъ и прекратилось дѣло соглашенія.

На югѣ также открылись непріязненныя дѣйствія. Такъ, на Украинѣ готовилось большое царское войско подъ начальствомъ боярина Василія Борисовича Шереметева, грозившее идти въ польскіе предѣлы. Съ своей стороны, коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій вторгся съ войскомъ на Подоль, не хотѣвшую возвратиться къ Польшѣ; хлопы зарывали хлѣбъ свой въ землю, жгли сѣно и солому и сами бѣжали въ крѣпости и запирались съ казаками. Польское войско лишено было продовольствія и подвергалось всѣмъ неудобствамъ дурной погоды. Пытались взять Могилевъ-на-Днѣстрѣ—не удалось; нападали на Шарогродъ—также не было удачи. Съ своей стороны, бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ, вышедши изъ Кіева, разбилъ и въ плѣнъ взялъ Андрея Потоцкаго съ его отрядомъ. Это было зимою. Съ наступленіемъ весны поляки готовились идти на завоеваніе Украины и заключили договоръ съ крымцами. Ханъ обѣщалъ послать султана Нураддина съ восьмидесятью тысячами орды. Выговскій дѣятельно подвигалъ поляковъ на Москву.—«Я желалъ бы (писалъ онъ къ коронному канцлеру Пражмовскому), чтобы нашъ милостивый панъ король показалъ свою готовность къ войнѣ созваніемъ посполитаго рушенія; какъ начнетъ расти трава, мы двинемся на непріятеля и, безъ сомнѣнія, съ Божіею помощію, при пособіи татарскихъ войскъ, мы поразимъ надломленныя казацкія силы; Москва потерпитъ еще разъ пораженіе, подобное Конотопскому, и будетъ просить мира». Между тѣмъ поляки пытались склонить на свою сторону молодого гетмана, и это было возложено на того же Казимира Беневскаго, который успѣлъ составить гадячскій договоръ. Беневскій писалъ къ Юрію и старался расшевелить въ немъ злобу противъ Москвы за смерть зятя его Данила; по словамъ Беневскаго, его страшно замучили: терзали кнутомъ, отрѣзали пальцы, буравили уши, вынули глаза и залили серебромъ. «Еслибъ (пи-

салъ Беневскій), мой большой и любезный пріятель, родитель вашей милости, воскресъ и увидѣлъ это,—не только взялся бы за оружіе, но бросился бы въ огонь. Не Польши бойся, а Москвы, пане гетмане; она скоро захочетъ доходовъ съ Малой Руси и будетъ поступать съ вами, какъ съ другими». Съ другой стороны, онъ его предостерегалъ, что Польша уже не такъ слаба какъ прежде и, освободившись отъ шведской войны, можетъ обратить на Украину свои всѣ силы. Юрій, хотя уже и былъ недоволенъ Москвою, но не поддался ковнямъ Беневскаго и въ февралѣ отвѣчалъ ему: — «Трактуйте, господа, съ его величествомъ царемъ, а не съ нами; ибо мы всецѣло остаемся преданными, вѣрными подданными его царскаго величества, нашего милосердаго государя. Что его царское величество съ вами панами постановитъ, тѣмъ мы и будемъ довольны, и не станемъ думать о перемѣнахъ. Никто не долженъ полагать и надѣяться, чтобы мы замыслили отдѣлиться отъ его царскаго величества. Пусть Богъ покараетъ того, кто своимъ непостоянствомъ и хитростію не сохранилъ по своей присягѣ вѣрности его царскому величеству и надѣлалъ бѣдъ Украинѣ; ужъ Богъ покаралъ его и еще покараетъ. А Хмельницкій, одинъ разъ присягнувши его царскому величеству и отдавши ему Украину, не подумаетъ отлагаться». Но въ томъ же письмѣ гетманъ заявлялъ и признаки желанія независимости: «Хотя я и моложе лѣтами Выговскаго и не такъ разуменъ, какъ онъ, не хочу однако, чтобы мое гетманство было утверждено царскими граматами или королевскими привилегіями; ибо Войску Запорожскому за обычай по своему желанію имѣть хоть трехъ гетмановъ въ одинъ день!» Также точно и въ письмѣ своемъ къ Діонисію Балабану, нареченному митрополиту, нерасположенному къ Москвѣ, Юрій писалъ: «Разъ освободившись изъ польской неволи и начавши служить его царскому величеству, мы никогда не подумаемъ измѣнить и отступать отъ нашего православнаго монарха и государя, который—если мы присмотримся получше къ дѣлу,—больше есть нашъ природный государь, чѣмъ кто нибудь дру-

гой. Поэтому, съ упованіемъ на неизреченное милосердіе его, желаемъ, чтобы и твое преосвященство, не довѣряя людскимъ вѣстямъ, поспѣшилъ къ осиротѣлой своей каѳедрѣ». Діонисій Балабанъ, упорно ненавидѣвшій Москву, былъ очень далекъ отъ того, чтобъ склониться на такія убѣжденія и представленія; да не прочна была преданность Москвѣ и самого гетмана и вообще всякаго, кто только въ Украинѣ думалъ о политикѣ: казаки готовы были оставаться въ связи съ Москвою, но въ тоже время желали какъ можно шире для своего края автономіи, а Москва, напротивъ, хотѣла допустить ее какъ можно менѣе, и какъ можно тѣснѣе привязать Украину къ себѣ наравнѣ съ другими землями русскими, въ разныя времена подчиненными ея власти. Тутъ-то и былъ корень раздоровъ на многія лѣта; и ужъ, конечно, не слабому Юрію можно было разрѣшить такія вѣковыя недоумѣнія.

V.

Польша грозила Московскому Государству походомъ па Украину, московское правительство поручило боярину Василію Борисовичу Шереметеву защищать эту страну вмѣстѣ съ казаками.

Шереметевъ собралъ совѣтъ на раду подъ Васильковымъ на Кодачкѣ. На радѣ, кромѣ воеводъ, данныхъ ему въ помощь, были и гетманъ Юрій Хмельницкій, старшина и полковники. Былъ здѣсь молдавскій господарь Константинъ Щербань, доброжелатель Москвы за это время. По извѣстіямъ польскихъ лѣтописцевъ и дневниковъ, у Шереметева было тогда 27,000, а казаковъ одиннадцать полковъ. Вопросъ шелъ о томъ, защищаться ли на Украинѣ и ожидать прихода туда поляковъ, или же самимъ идти въ польскія владѣнія. Тимоѳей Цыцура поддѣлывался къ надменному и самонадѣянному характеру боярина Шереметева и понуждалъ идти впередъ.

Онъ говорилъ:

— Съ такимъ войскомъ, съ такою силою, какъ можно ждать и только защищаться! У тебя, бояринъ, во всемъ порядокъ: жалованье раздается исправно; ратные люди вооружены, и казны и запасовъ достатокъ; служилые твои никому не въ тягость, не безчинствуютъ какъ поляки, не причиняютъ слезъ бѣднымъ жителямъ, а царскимъ жалованьемъ довольны; нарядъ у тебя большой, подвижной, легкій; пушки искусно приправлены на своихъ мѣстахъ; зелья и свинцу много, ружьевъ разнаго рода безъ числа, топоры, заступы, лукошки, телѣги, гвозди, всякая снасть въ порядкѣ, вьючныхъ лошадей много, да все хорошія, неистомленныя,—играютъ, когда пасутся. Сколько у тебя въ войскѣ боевого запасу, а въ Кіевѣ еще болѣе сберегается. А у ляховъ что? Они отважны только съ тѣмъ, кто ихъ боится; а кто самъ смѣло въ глаза смотритъ имъ, для тѣхъ они не страшны. Мы, казаки, у нихъ Украину отняли; московское войско Литвою завладѣло; шведъ Прусы у нихъ завоевалъ; только и остался у нихъ, что свой польскій уголъ, да и тотъ они потеряютъ, какъ только услышатъ о нашей силѣ; у нихъ вѣдь безурядица: шляхта разорена, и жолнѣры ропщутъ, что имъ жалованья не платится; посполъство отъ большихъ налоговъ съ голоду умираетъ; теперь-то самое время ихъ доканать. Гдѣ у короля такая сила, чтобы противъ нашей устояла! Мы не только что въ Польшѣ побываемъ, а всю Польшу завоюемъ, и самаго короля съ королевою въ полонъ возьмемъ, лишь бы только насъ, казаковъ, не обдѣлили добычей, если будемъ служить вѣрно и достойно. Я же за себя уступаю все золото и серебро вамъ, пусть только позволятъ мнѣ взять, что́ понравится изъ дворца королевскаго!

Шереметеву была очень по нраву такая льстивая рѣчь. Но тутъ подалъ голосъ противъ Цыцуры князь Григорій Козловскій, который съ своей ратью стоялъ подъ Уманью, присмотрѣлся къ украинскимъ казакамъ, понималъ духъ ихъ, и съ осторожностію, въ обличеніе Цыцыры, говорилъ такъ:

— А мой совѣтъ, такъ лучше намъ не идти въ Польшу, а стоять за Украину и укрѣпить города гарнизонами. Довольно

будетъ съ насъ и Украины потрудиться. Мнѣ кажется, войско наше совсѣмъ не такъ прекрасно, какъ описываетъ панъ полковникъ Цыцура, а главное — вѣрность казацкая не такъ крѣпка и тверда; она вертится въ разныя стороны. Къ какому государю не обращались казаки? Кому не поддавались, и кому не измѣняли! Турку кланялись, татары ими недовольны, Ракочи черезъ ихъ измѣну въ Польшѣ потерпѣлъ, да и шведу не очень-то корыстно отозвалась дружба съ ними. И нашъ великій государь, е. ц. в., узналъ уже, что значитъ ихъ гибкая вѣрность. Поэтому нужно намъ не въ Польшу идти, а оставаться на Украинѣ. Когда придутъ сюда поляки съ татарами, легче будетъ намъ обороняться въ краѣ, гдѣ много городовъ, замковъ, гарнизоновъ, чѣмъ въ чистомъ полѣ въ чужой землѣ. Если мы ихъ заведемъ сюда, у насъ будутъ запасы, а ихъ мы запремъ, какъ въ осадѣ, посреди непріязненныхъ имъ городовъ, и поразимъ голодомъ и недостаткомъ. Они сами будутъ хотѣть сражаться и дойдутъ до того, что съ отчаянія начнутъ приступать къ городамъ; тутъ-то мы свѣжими и здоровыми нашими силами потопчемъ примученныхъ и надорванныхъ. А то, когда мы пойдемъ въ ихъ землю, какъ бы они насъ, истомленныхъ далекимъ путемъ, гдѣ нибудь не осадили! Мы не знаемъ силы и числа польскаго войска. Какъ можно такъ смѣло думать, что оно и мало и негодно. А если нѣтъ?! А что, если наши силы будутъ слабѣе ихнихъ? Тогда вѣдь намъ бѣда. Поляки не спускаютъ бѣгущему непріятелю. Въ военномъ дѣлѣ малая ошибка большую бѣду дѣлаетъ, словно пожаръ — отъ малой искры загорается да расходится такъ, что никакія человѣческія силы погасить не могутъ.

Но Шереметеву не понравились эти разсужденія, и потому другіе военачальники начали поддерживать Цыцуру. Князь Щербатовъ говорилъ потомъ главному боярину и доказывалъ возможность вести войну и идти съ войскомъ въ глубину Польши. Шереметеву понравились слова Щербатова, и еще болѣе стала противна рѣчь Козловскаго. Онъ не стерпѣлъ, чтобъ не сказать послѣднему грубости, по своему обычаю.

— Такія неразумныя рѣчи умаляютъ достоинство е. ц. в. Какъ хочешь думай, да не говори: черезъ то власть подрывается. Мы идемъ въ Краковъ и завоюемъ Польшу.

— Тебѣ, бояринъ, лучше знать, сказалъ Козловскій, чѣмъ мнѣ; не стану спорить и послушаю; стану на томъ мѣстѣ, гдѣ ты мнѣ укажешь: готовъ защищать его, или мертвымъ лежать на немъ.

Говорилъ ли что нибудь тогда Юрій Хмельницкій, неизвѣстно. Послѣ рады на Кодачкѣ, онъ ушелъ въ Корсунь, и оттуда отправилъ въ Москву посланцевъ, двухъ корсунскихъ сотниковъ, съ граматою, гдѣ извѣщалъ о радѣ, которая положила идти въ Польшу, и просилъ прислать, вмѣсто Шереметева, другого воеводу на Украину для обороны ея отъ татарскихъ набѣговъ въ то время, когда Шереметевъ съ московскою ратью и съ казаками отправится въ походъ. Въ ознаменованіе вѣрности гетмана, посланцы его повезли схваченнаго Богушенка, который былъ посыланъ Выговскимъ, бывшимъ уже въ званіи кіевскаго воеводы, въ Крымъ. У него отобрали нѣсколько писемъ къ Выговскому отъ хана и отъ разныхъ мурзъ; изъ этихъ писемъ видно было, что Выговскій велъ тогда дѣятельное сношеніе съ Крымомъ и подвигалъ крымскаго хана съ ордами на Москву. Вмѣстѣ съ тѣмъ Хмельницкій просилъ освободить Ивана Нечая, взятаго въ Быховѣ и отправленнаго въ Москву; онъ просилъ этого ради вниманія къ женѣ его, сестрѣ своей. — «Сестра моя проливаетъ слезы кровавыя — писалъ гетманъ — и на меня нарекаетъ и докучаетъ мнѣ, чтобъ я билъ челомъ вашему царскому величеству». Это была не первая просьба о Нечаѣ. — «Многажды (говоритъ Юрій въ томъ же письмѣ) писалъ я вашему величеству объ Иванѣ Нечаѣ, но никогда не могу счастливымъ быть, чтобъ получить желаемое. Чаю, писанье мое до рукъ вашего царскаго величества не доходило». Эта послѣдняя просьба молодого гетмана не была уважена. Московское правительство указывало на вины зятя Хмельницкаго: какъ онъ именовалъ себя польскимъ подданнымъ и посылалъ въ разныя мѣста *прелестныя* письма, и былъ взятъ въ Быховѣ съ ору-

жіемъ. — «Его нельзя отпустить въ Войско Запорожское — было сказано въ отвѣтѣ — потому что учнетъ желать добра польскому королю, а польскій король ведетъ войну съ его царскимъ величествомъ». Это семейное обстоятельство способствовало недоброжелательству Хмельницкаго къ Москвѣ. Сестра побуждала его мстить за мужа. Полковники и знатные казаки роптали на переяславскій договоръ, жаловались, что Москва хитро забираетъ въ руки Войско Запорожское, насилуетъ права и вольности казаковъ, и побуждали Хмельницкаго думать, какъ бы сбросить съ себя «московское ярмо». Бояринъ Василій Шереметевъ раздражалъ гетмана своею невнимательностію и презрѣніемъ, а полковники указывали на это гетману, и возбуждали въ немъ досаду. Тогдашній митрополитъ Діонисій Балабанъ, недоброжелатель Москвы, дѣйствовалъ противъ нея на свою паству духовнымъ оружіемъ; вмѣшательство московскихъ властей въ дѣло избранія митрополита, тогда казалось, угрожало малороссійскому духовенству потерею ихъ правъ, порабощеніемъ церкви свѣтской власти царя. Балабанъ, какъ и вообще тогдашніе образованные малоруссы шляхетскаго рода, не смотря на свое православіе, склонился на польскую сторону, когда приходилось выбирать между Польшею и Москвою. Былъ у него нѣкто Бузскій, проповѣдникъ, котораго онъ употреблялъ въ сношеніяхъ съ королемъ. Этотъ Бузскій, пріѣхавъ отъ короля въ Украину, поселился въ Чигиринѣ и настроивалъ Хмельницкаго на сторону короля, расточалъ ему ласки королевскія и обѣщанія милостей и наградъ.

Шереметевъ, раздражая противъ себя казацкаго старшину, навлекъ нерасположеніе къ себѣ лично и малорусскаго духовенства чрезвычайною надменностью и высокомѣріемъ. Говорятъ, дѣлая смотръ на Лыбеди, онъ учредилъ обѣдъ и пригласилъ къ нему настоятелей кіевскихъ монастырей. За обѣдомъ, послѣ нѣсколькихъ стоповъ крѣпкаго меду, выпитаго въ сопровожденіи грома пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, Шереметевъ началъ превозносить свое войско и сказалъ: — «Отцы честные, слышите: вотъ этими войсками, врученными мнѣ отъ государя

моего, я обращу въ пепелъ всю Польшу и самого короля представлю государю моему въ серебряныхъ цѣпяхъ». На эту похвалку замѣтилъ ректоръ братскихъ школъ: — «Надобно Богу молиться, а не на множество вой уповать». Тогда бояринъ сказалъ: — «При моихъ военныхъ силахъ можно съ непріятелемъ управиться и безъ помощи Божіей!» Съ ужасомъ услышали малоруссы такой отзывъ, и сочли его великимъ богохульствомъ, и это разнеслось между духовными и свѣтскими, и вооружало умы противъ «москалей» вообще [1]).

Все, что происходило въ Украинѣ, все это передано было польскимъ военачальникамъ однимъ ловкимъ шляхтичемъ. Коронный гетманъ не разъ посылалъ въ Украину лазутчиковъ, и они ворочались безъ успѣха, но этотъ шляхтичъ отличился за всѣхъ. Онъ умѣлъ хорошо говорить по украински и легко сошелся съ русскими. Сперва онъ попробовалъ прикинуться «москалемъ», но это не удалось. — «Москали — толкуетъ современникъ — по своему варварству не допускали къ себѣ въ большую дружбу иноземцевъ, даже и украинцевъ». Удобнѣе онъ затесался между казаковъ, одѣлся бѣдно по мужицки, выдавалъ себя за дейнека, пьянствовалъ, обращался съ мужичьею грубостію и неловкостію, проклиналъ ляховъ, славилъ казаковъ, пѣлъ казацкія пѣсни, и казаки приняли его за своего брата. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ съ своимъ балагурствомъ, съ своимъ знаніемъ казацкихъ обычаевъ, дошелъ до того, что

---

[1]) Это извѣстіе находится у Величка. Польскіе современные историки передаютъ этотъ разсказъ еще въ болѣе рѣзкомъ видѣ. Въ «Исторіи Яна Казимира», неизвѣстнаго автора говорится, будто Шереметевъ, обращаясь къ иконѣ Спасителя, воскликнулъ: — Не буду тебя считать Богомъ и Спасителемъ, если ты мнѣ не дашь въ руки польскаго короля, чтобъ я его могъ отдать великому государю. — Когда окружавшіе замѣтили ему, чтобъ онъ не богохульствовалъ, Шереметевъ разгнѣвался на нихъ, а потомъ смѣялся, «какъ будто что нибудь доброе сдѣлалъ», Сопоставивъ малорусское и польское извѣстіе, окажется вѣроятнымъ, что Шереметевъ чѣмъ нибудь подалъ поводъ къ составленію о немъ такихъ толковъ. (См. Hist. panow. Jana Kaz. II, 86).

запанибратился съ начальниками, пилъ съ ними медъ и пиво, и вывѣдалъ, насколько нужно было, положеніе московскихъ людей и казаковъ; узналъ навѣрное и то, что казаки въ данное время не терпятъ «москалей», и поляки могутъ воспользоваться этою непріязнію. Сдѣлавъ свое дѣло, онъ исчезъ изъ казацкаго лагеря, и можетъ быть только тогда догадались казаки, кто былъ этотъ гость. Онъ-то принесъ польскимъ военачальникамъ вѣрныя свѣдѣнія о совѣтѣ воеводъ, о ихъ замыслахъ идти на Польшу, о числѣ войска, о недовольствѣ Хмельницкаго на Москву и на Шереметева, о непріязни между великорусскими служилыми и украинцами и, наконецъ, о мѣдныхъ копѣйкахъ, которыми платили тогда жалованье и московскимъ ратнымъ людямъ, и казакамъ. Надобно замѣтить, что даже безропотно покорныхъ своихъ старыхъ подданныхъ Москва выводила тогда изъ терпѣнія принужденіемъ брать мѣдную монету за серебряную, а украинцевъ тѣмъ болѣе.

Польское войско было тогда подъ начальствомъ коронпаго гетмана Станислава Потоцкаго и польнаго гетмана Любомирскаго, прославившаго себя въ шведскую войну. Одна часть съ коронпымъ гетманомъ стояла близъ Тарнополя, другая съ Любомирскимъ находилась еще въ Пруссіи. Но когда пришло извѣстіе, что дѣло съ Москвою опять клонится къ войнѣ, Любомирскій прибылъ къ королю, предъ нимъ и передъ сенаторами требовалъ уплаты жалованья, и въ трогательныхъ выраженіяхъ описывалъ труды и нужды войска. Король и сенаторы положили написать къ сборщикамъ налоговъ приказаніе—поторопиться сборомъ недоимокъ на жалованье войску; само правительство, однако, сознавало тогда же, что это средство ненадежно. Послѣ продолжительныхъ войнъ, средства народа умалились, и нельзя было надѣяться на скорую уплату; притомъ самые сборщики въ то время не отличались безкорыстіемъ и часто не пропускали случая погрѣть руки на счетъ общественнаго интереса. Старались успокоить жолнѣровъ и заставить ихъ продолжать службу, не разбойничая и не буйствуя; но удержать жолнѣровъ одними надеждами было трудно; тогда поддержали войско паны част-

ными пожертвованіями. Самъ Любомирскій, въ числѣ другихъ. заплатилъ солдатамъ значительную часть изъ собственныхъ доходовъ. Любомирскій повелъ свое войско на соединеніе съ войсками Потоцкаго на Волынь, и тамошніе владѣльцы, зная, что это войско идетъ для укрощенія казаковъ, слѣдовательно, для безопасности прилежащаго казакамъ края, дали войску квартиры и безденежно снабжали его обильными запасами.

Все польское войско состояло тогда изъ двѣнадцати полковъ пѣхоты и болѣе десяти конныхъ полковъ, снаряженныхъ на счетъ пановъ и находившихся подъ командою снарядителей; да сверхъ того было два конные полка нѣмецкихъ и артиллерія изъ двѣнадцати орудій, подъ начальствомъ динабургскаго старосты Вульфа. Кромѣ всей этой силы въ войскѣ было большое число служекъ, годныхъ къ бою, и превосходившихъ число самыхъ жолнѣровъ.

Но силы Польши противъ Руси не ограничивались собственнымъ войскомъ. На сторонѣ ея была еще крымская орда, которую тогда привлекалъ болѣе всѣхъ Выговскій, находясь въ званіи кіевскаго воеводы. Уже давно крымскій ханъ сердился на Польшу за то, что она медлила и не дѣйствовала рѣшительно противъ казаковъ и Москвы. Въ письмахъ, писанныхъ къ Выговскому ханомъ и разными сановниками его, выражались о полякахъ въ такомъ смыслѣ: — «Уже намъ словъ не достаетъ: нѣсколько лѣтъ черезъ частыя писанья и разныхъ посланцевъ сообщали мы вамъ, чтобы вы какъ можно скорѣе соединили войска свои съ нашими войсками и наступали на непріятеля. Вы же въ письмахъ своихъ постоянно говорите о великихъ усиліяхъ своихъ, а на самомъ дѣлѣ ничего не дѣлаете. Наши войска нѣсколько мѣсяцевъ въ сборѣ ожидаютъ въ Бѣлгородѣ отъ васъ извѣстія, и стоятъ безъ дѣла. Еще не слыхано, чтобы орда столько времени напрасно стояла; зима прошла, уже и весна минула, лѣто пройдетъ, наступитъ осень, пора дождливая». Когда, наконецъ, собрались поляки и дали знать въ Крымъ о своемъ походѣ, шестьдесятъ тысячъ крымскихъ и нагайскихъ ордъ съ прибавкою янычаръ выступили въ Украину. Августа

26, Потоцкій двинулся съ своимъ войскомъ изъ подъ Тарнополя на Подолѣ и дошелъ до Ожеховцевъ.

VI.

Когда такимъ образомъ поляки собирались громить Украину, Шереметевъ выступилъ изъ Кіева по направленію на Волынь, и думалъ войдти въ Польшу прежде, чѣмъ поляки узнаютъ о его движеніи. Хмельницкій шелъ за нимъ другою дорогою шляхомъ-Гончарихою. Когда московское войско дошло до Могилы Перепетихи, Хмельницкій прибылъ къ боярину. Шереметевъ принялъ его, какъ прежде принималъ, сухо и неуважительно, показывая видъ, что онъ мало нуждается въ его помощи. По извѣстію лѣтописи Величка, когда Юрій ушелъ изъ московскаго лагеря, ему передали, что Шереметевъ, проводивъ его, при многихъ, сказалъ, указывая на гетмана: «Этому гетманишкѣ приличнѣе бы еще гусей пасти, чѣмъ гетмановать». Такъ, при поджигательствѣ недоброжелательныхъ къ Москвѣ старшинъ, Шереметевъ этою выходкою не только охладилъ Хмельницкаго къ усердію, но еще самъ содѣйствовалъ къ готовности отпасть отъ Москвы, когда придетъ случай.

Московское войско прошло мѣстечко Хвастовъ и двинулось на Котельню. Хмельницкій все продолжалъ идти боковымъ путемъ—шляхомъ-Гончарихою. Когда московскіе люди доходили до Котельни, отправленный на подъѣздъ изъ польскаго войска Кречинскій схватилъ нѣсколькихъ казаковъ и привелъ въ польскій лагерь. Они разсказывали, что Шереметевъ идетъ съ войскомъ въ 80,000; и думаетъ онъ съ Цыцурою, что Потоцкій все еще стоитъ подъ Тарнополемъ, и что у Потоцкаго всего на все какихъ нибудь тысячь шесть, а о панѣ Любомирскомъ всѣ думаютъ, что онъ далеко гдѣ-то за Вислой. Такое невѣдѣніе непріятеля о польскихъ силахъ было очень пріятно полякамъ. Куда же направляются москали? спрашивали поля-

ки казаковъ. Тѣ отвѣчали, что на Чудново. 9-го сентября, военачальники составили военный совѣтъ, и на этомъ совѣтѣ порѣшено было немедленно идти на встрѣчу непріятелю. Войска двинулись по шляху-Гончарихѣ, по которой шелъ съ казаками Хмельницкій. Правою стороною командовалъ Потоцкій, лѣвою Любомирскій, артиллерія занимала средину; по сторонамъ ихъ шли татары. Они дошли до Гончарскаго поля. Московское войско тѣмъ временемъ доходило до Любара, перваго волынскаго города на границѣ казацкой Украины.—«Когда,— говоритъ современный дневникъ,—польскія войска проминули мѣсто, означаемое тою примѣтою, что тамъ прежде стояла корчма въ полѣ, оба предводителя поѣхали вмѣстѣ и въѣхали на высокую могилу (насыпь). Оттуда они увидали вдали людей, которые двигались между кустарникомъ близъ Любара. Гетманы послали подъѣздъ впередъ провѣдать, что это такое. Отправленный подъѣздъ воротился скоро и донесъ, что это непріятельское войско. Тогда Потоцкій послалъ извѣстить Нураддина и приглашалъ его послать передовой отрядъ противъ московской рати, а самъ выслалъ противъ непріятеля два драгунскихъ полка, два полка Выговскаго и польскаго короннаго писаря. Нѣсколько полковъ, кромѣ того, отправилось еще и охотою. Тѣ, которымъ принадлежали эти полки, были тогда съ ними. Выговскому пришлось идти противъ русскихъ. Онъ вступилъ въ битву съ передовыми изъ московскаго войска. Московскіе люди сначала было погнали татаръ, а потомъ отступили отъ польскаго войска. Поляки поймали какого-то раненнаго московскаго начальнаго человѣка и нашли у него планъ расположенія войска. Это очень помогло полякамъ. Они узнали, что московскіе люди стали обозомъ и окапываются».

15-го сентября, собрали военный совѣтъ. Смѣлые говорили: — Не давать врагу отдыха, чтобы онъ не устроился; наступать на него немедленно. — Осторожные возражали: — Еще къ намъ не подоспѣли орудія, и пѣхота не пришла и не устроилась. Лучше мы ихъ осадимъ и будемъ ихъ медленно томить.

— Нѣтъ, — сказалъ Потоцкій, — отъ медленности у насъ охладѣетъ мужество, а у враговъ прибудетъ. Татары подумаютъ, что мы трусимъ.

Рѣшено было дѣйствовать быстро, наступать на непріятеля. не давать ему покоя и мучить частыми приступами. Войско подвинулось къ московскому обозу. 16-го сентября, московскіе люди и казаки вышли изъ табора, сошлись съ правою стороною польскаго войска, но когда бросились на нихъ польскіе копѣйщики, то подались назадъ. Татары ударили на нихъ съ боку, изъ лѣса. Московскіе люди отступили въ свой обозъ. Поляки подъѣзжали къ ихъ окопамъ и кричали: — Трусы негодные! выходите, расправимся въ открытомъ полѣ. — Но московскіе люди не выходили, а отстрѣливались изъ окоповъ. Поляки палили изъ пушекъ въ московскій таборъ и съ удовольствіемъ глядѣли, какъ доставалось боярскимъ шатрамъ, которые издали виднѣлись своею пестротой. Болѣе всѣхъ отличался у нихъ и былъ героемъ этого дня коронный хорунжій Янъ Собѣскій, будущій герой-король Польши. — «Онъ доказалъ, — говоритъ современное описаніе, — что не даромъ онъ правнукъ великаго Жолкѣвскаго». Вечеромъ бой прекратился. Современное извѣстіе (вѣроятно, невѣрное) говоритъ, будто московскихъ людей убито до 1,500, казаковъ 200, а поляковъ только 60, преимущественно изъ полка Собѣскаго. Плѣнные и перебѣжчики изъ польскаго стана разсказали Шереметеву о силахъ польскихъ, да и самъ онъ собственными глазами удостовѣрился, какъ ложно описывалъ это войско Цыцура, потѣшая его боярское чванство. Гораздо пріятнѣе было полякамъ отъ вѣстей, сообщенныхъ казаками, перебѣгавшими въ польскій обозъ. Они извѣщали, что вообще казаки не терпятъ «москвитянъ», и очень многіе готовы съ радостію перейдти къ полякамъ, лишь бы тѣ имъ простили, что они связались съ «москалями»...

Предводители поручили написать увѣщаніе къ казакамъ Стефану Немиричу, брату убитаго Юрія, пану православной вѣры.

«Вы знаете, казаки, — писалъ Немиричъ, — кто я таковъ: съ древнихъ временъ домъ Немиричей соединенъ съ русскимъ народомъ и кровью и происхожденіемъ. Мы—дѣти Украины. Я братъ Юрія Немирича, столь преданнаго казакамъ, вашего товарища. Я не хочу для васъ быть хуже моего брата. Если вы, казаки, будете держаться москалей, то васъ будутъ убивать, брать въ плѣнъ и опустошать домы ваши. Неужели за какихъ нибудь измѣнниковъ-негодяевъ такое множество казацкаго народа будетъ терять своихъ дѣтей, которыя принуждены стоять за москалей. Удивляюсь, что вы подружились съ москалями; вамъ изъ этого вездѣ только вредъ, а не выгода. Сравните милости московскаго государя съ благодѣяніями польскаго короля; москали даютъ вамъ вмѣсто золота и серебра мѣдныя деньги; всѣхъ васъ разоряетъ и истощаетъ Москва: запрягаютъ васъ въ рабское ярмо; а всемилостивый король отеческою рукою даетъ вамъ свободу, сожалѣетъ о бѣдствіяхъ, въ которыя вы впали и которыя вамъ грозятъ впереди; король посылаетъ вамъ прощеніе за нынѣшнія и прошлыя ваши прегрѣшенія. Сами видите, что войско наше сильно; примѣръ Хованскаго показываетъ вамъ, что оружіе польское торжествуетъ не столько числомъ войска и храбростію, сколько Божіей милостію. Истощенная междоусобіями и пораженная чужими врагами, Польша была при послѣднемъ издыханіи: уже ее по частямъ дѣлили сосѣди: москаль, шведъ, бранденбургецъ, молдаванинъ, угръ, — но божеское провидѣніе воздвигло своими руками добрыхъ гражданъ. Побойтесь гнѣва Божія. Отступитесь отъ москалей, не слушайте льстивыхъ убѣжденій Шереметева, передайтесь на сторону нашу, къ собственному нашему и вашему войску, и напишите къ Хмельницкому, чтобъ и онъ также думалъ о своемъ собственномъ спасеніи, а не о москаляхъ».

Это письмо прочтено было въ лагерѣ московскомъ казакамъ Цыцуры. Казаки, говоритъ современникъ, и готовы были перейдти къ полякамъ—и по тогдашнему нерасположенію къ Москвѣ, и по всегдашней привычкѣ измѣнять — но никто пер-

вый не рѣшался идти и показать примѣръ. Цыцура еще тогда не считалъ московскаго дѣла потеряннымъ. Съ своей стороны, Шереметевъ прибѣгалъ къ подобнымъ же средствамъ, и написалъ къ султану Нураддину письмо. Онъ писалъ:—«Его царское величество пожалуетъ тебѣ втрое больше подарковъ, если только теперь ты отступишь отъ польскаго короля съ татарами». Нураддинъ не хотѣлъ и слушать объ этомъ и величался передъ поляками своею дружбою къ нимъ. Онъ отдалъ письмо Шереметева Любомирскому, а тотъ поблагодарилъ за него деньгами.

Нѣсколько дней не происходило ничего важнаго, кромѣ незначительныхъ «герцовъ», и еще разъ отличился на нихъ Янъ Собѣсскій. Чуть было не схватили его московскіе люди, увидѣвши на немъ золотистый терликъ, и закричали: честной человѣкъ, честной человѣкъ (т. е. знатный)! Но онъ ушелъ отъ нихъ счастливо. Передъ тѣмъ пронеслась вѣсть, что Шереметевъ хочетъ отступить. Шереметевъ какъ будто хотѣлъ показать полякамъ противное: ночью московскіе люди сдѣлали вылазку изъ своихъ окоповъ и хотѣли было неожиданно напасть на польскій станъ. Перебѣжчики были у нихъ вожаками; но поляки въ пору узнали объ этомъ, ударили тревогу—и московскіе люди отступили.

Тутъ окончательный опытъ научилъ Шереметева, что Козловскій одинъ говорилъ правду, когда всѣ прочіе изъ подобострастія къ главному воеводѣ потакали Цыцурѣ. Шереметевъ теперь озлобился на Цыцуру и раздражилъ его противъ себя. Говорятъ, что, услышавъ отъ Шереметева нѣсколько непріятныхъ выраженій и вида, что бояринъ не благоволитъ къ нему, Цыцура тотчасъ же задумалъ перейти къ полякамъ, но Шереметевъ, догадавшись о намѣреніи казацкаго полковника, обласкалъ казаковъ и объявилъ имъ награды въ Кіевѣ, если они благополучно убѣгутъ отъ поляковъ. Единственная надежда была на Хмельницкаго, и Шереметевъ съ другими воеводами помышляли отступить, чтобы перебраться на шляхъ-Гончариху, гдѣ шелъ Хмельницкій. 24-го сентября

рѣшено было отступать. Воеводы убрали свои палатки, свернули знамена, устроили свое войско. Но прежде, чѣмъ войско сдвинулось съ мѣста, выслали ратныхъ людей съ топорами и бердышами рубить деревья, раскапывать пни и каменья.

Только-что предводители рѣшили отступать, поляки уже знали объ ихъ рѣшеніи отъ перебѣжчиковъ и положили напасть на нихъ во время отступленія, когда они будутъ переходить черезъ заросли и переправы.

На другой день непріязненныя войска не начинали сраженія. и только между охотниками происходили герцы. Польское войско было на готовѣ, и предводители велѣли дожидаться знака, когда можно двинуться, а сами ожидали, когда тронется съ мѣста ихъ непріятель. Сообразивъ, что непріятель пойдетъ по неудобной дорогѣ, польскіе гетманы расположили войско свое такъ, чтобъ можно было нападать на отступающихъ и спереди, и сзади, и съ боковъ. Коронный гетманъ съ своею половиною долженъ былъ пересѣчь путь московскому войску и не давать ему далѣе хода, а Любомирскій долженъ былъ напирать и преслѣдовать позади. Каждая половина войска раздѣлялась, въ свою очередь, на двѣ части, такъ что одна часть изъ каждой половины должна была охватывать бокъ непріятельскаго обоза; сверхъ того, изъ обѣихъ половинъ отобрана была еще пятая часть въ резервъ; она должна была, по требованію, поспѣвать на помощь какой-нибудь изъ четырехъ, которыя будутъ въ дѣлѣ, и доставлять свѣжихъ воиновъ па мѣсто убитыхъ. «Тогда,—по замѣчанію современника Зеленевицкаго, — предводители, слѣдуя обычаю древнихъ римскихъ полководцевъ, говорили жолнѣрамъ возбудительную рѣчь такого содержанія:

— «Намъ теперь слѣдуетъ рѣшить—кому владѣть Украиною. Московскій государь безъ всякаго права овладѣлъ этимъ краемъ польской Рѣчи-Посполитой, и черезъ это вы остаетесь и бѣдны, и нищы, и отечество не въ силахъ вознаградить васъ. Мы съ охотою дали вамъ трехмѣсячное жалованье, въ видѣ

подарка, изъ собственныхъ суммъ; это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ должно вознаградить васъ польское королевство. Возвратимъ ему эту богатую и изобильную страну — Украину. Тогда мы приложимъ все стараніе, чтобы вамъ были выплачены слѣдуемыя суммы. Но тутъ дѣло идетъ не объ одних нашихъ выгодахъ. Какъ сыны истинной католической церкви, вы сражаетесь, ревнуя о вѣрѣ, которая должна быть вамъ драгоцѣннѣе самой жизни. Видите скорбь истиннаго правовѣрія; греческая схизма торжествуетъ; осквернены священные пороги храмовъ; алтари разорены; святые дары — о ужасъ! — потоптаны святотатственными ногами, храмы отданы для совершенія въ нихъ суевѣрныхъ обрядовъ врагамъ истинной церкви Христовой. Подвизайтесь за вѣру и свободу, поражайте святохулителей и стяжайте себѣ вѣчную славу въ отдаленномъ потомствѣ».

Жолнѣры отвѣчали восклицаніями, увѣряли въ готовности храбро сражаться за католическую вѣру и выгоды польскаго государства.

Въ ночь съ двадцать-пятаго на двадцать-шестое, московское войско двинулось; оно поставлено было пѣшими колоннами рядовъ въ восемь, внутри четвероугольника изъ возовъ; но пройдя немного, увидѣли, что въ восемь рядовъ идти неудобно, и перестроились въ шестнадцать рядовъ. Устройство подвижного обоза, довольно сложное, было сдѣлано съ такою быстротою, что поляки изумлялись.

Московскіе люди думали, что поляки узнаютъ объ ихъ отступленіи спустя нѣсколько часовъ, и не воображали, что поляки давно слѣдятъ ихъ каждый шагъ. И не успѣли московскіе люди пройдти на выстрѣлъ изъ лука, какъ поляки были передъ ними и за ними. Поляки двинулись по ближайшему направленію прямо черезъ лѣсъ и перерѣзали имъ путь. Сначала путь шелъ черезъ лѣсныя заросли; и тѣмъ и другимъ негдѣ было развернуться. Но когда русскіе потомъ вышли на просторное мѣсто, тутъ поляки ударили на нихъ со всѣхъ сторонъ. Польскіе конѣйщики кидались на обозъ. Ратные люди госуда-

ревы, сидя и стоя на возахъ, недвижимо держали свои длинныя копья, и польскіе всадники натыкались на нихъ. Польскія пушки каждую минуту посылали въ обозъ ядра, пули и гранаты; царскіе пушкари безъ торопливости отвѣчали имъ изъ своихъ. Весь обозъ шелъ тихо и спокойно, преодолѣвая большія трудности, черезъ топи и яры. Хладнокровіе московскихъ людей изумляло поляковъ. Никто изъ обоза не отвѣчалъ на ругательные вызовы и похвалки. Среди грома орудій не раздавались человѣческіе голоса, кромѣ невольнаго стона раненыхъ. Казаки усердно помогали московскимъ людямъ, и не только отражали непріятельскіе налеты, но даже вырывали изъ рядовъ и утаскивали къ себѣ плѣнныхъ и обращали въ тылъ польскихъ удальцовъ.

«Въ этомъ шествіи московскій обозъ (говоритъ польскій очевидецъ) походилъ на огнедышащую гору, извергающую пламя и дымъ, и поляки уподоблялись еврейскимъ отрокамъ въ вавилонской пещи. ибо ангелъ Господень невидимо осѣнялъ насъ тогда».

Послѣ полудня велѣно было польскому войску остановиться на отдыхъ; между тѣмъ приказали придвинуть къ московскому обозу всѣ орудія, сколько ихъ было у поляковъ. Царскому обозу приходилось скоро всходить на гору: было опасное мѣсто; тутъ-то удобно было полякамъ разорвать четвероугольникъ, а было для нихъ неизбѣжно разорвать его, и этого-то добивались поляки до сихъ поръ напрасно. Впередъ была отправлена засада подъ начальствомъ Немирича. Любомирскій замѣтилъ, что въ своихъ налетахъ на непріятельскій обозъ польскіе удальцы болѣе кричали, чѣмъ дѣлали, и отдавалъ предпочтеніе хладнокровію враговъ. Онъ самъ выѣхалъ передъ ряды жолнѣровъ и говорилъ имъ: — «Болтовня и безтолковый крикъ не разломаютъ непріятельскаго обоза; нужнѣе неустрашимый духъ и твердыя руки, владѣющія оружіемъ. Москаль убѣгаетъ отъ насъ не по-заячьи, а по-волчьи, оскалившi зубы: видите, какимъ крѣпкимъ оплотомъ онъ оградилъ свое бѣгство. Держитесь согласно хоругви, не выскакивайте безъ толку изъ строя, и дружно всѣ

сложите вмѣстѣ руки и груди, сломите непріятельскую ограду въ ея срединѣ, — вы добудете побѣду».

Московскіе люди продолжали идти по прежнему хладнокровно, спокойно, и дошли, наконецъ, до опаснаго мѣста, гдѣ нужно было спускаться въ яръ и всходить на гору. Тогда польскіе предводители замыслили правое крыло своего войска переправить черезъ яръ въ другомъ мѣстѣ, и зайдти московскому обозу впередъ; но имъ надобно было переправляться черезъ топкій яръ; отъ этого московскіе люди успѣли уже взвести двѣ части своего обоза на гору, прежде чѣмъ поляки могли ихъ не допустить до этого. Немиричъ завязалъ битву на горѣ, но долженъ былъ отступить и пропустить непріятеля, получивъ самъ рану. За то польское войско съ боковъ и съ тыла наперло на оставшихся внизу московскихъ людей; усилилась пушечная пальба; польскія пушки подошли сколько возможно ближе. Московскіе люди отбивались по прежнему, съ спокойствіемъ пробивали себѣ путь на гору. Русскіе потеряли, по одному извѣстію, семь [1]), по другому [2]), восемь пушекъ, да восемьсотъ возовъ съ запасами. Поляки нашли въ нихъ себѣ продовольствіе, и очень обрадовались утомленные пѣхотинцы, которые терпѣли недостатокъ. Битва прекратилась вечеромъ. Полилъ сильный дождь. Поляки считали за собою побѣду, не смотря на то, что потеряли много убитыми. Татары не участвовали вовсе въ битвѣ, и ихъ стали даже подозрѣвать въ томъ, что они приняли отъ московскихъ людей подкупъ. Другіе толковали, что татары оттого не ходили въ битву, что вообще имъ несносно слышать громъ огнестрѣльнаго оружія.

Слѣдующая ночь была темная. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Оба враждебныя войска стояли въ грязи, безъ крова. Польскія лошади оставались безъ корма. Поляки не могли достать ни дровъ, ни огня; только пѣхота, огибавшая непріятельскіе обозы, была счастливѣе, отнявши возы. Гетманы провели ночь вмѣстѣ, въ одной каретѣ.

---

[1]) Zielienewicki, 96.

[2]) Oycz. sp. II 151.

Когда взошло солнце, поляки увидали, что московскихъ людей уже не было и удивились ихъ терпѣнію и неутомимости. —«Не побоялись — говоритъ современникъ — ни темноты, ни дурной дороги; не мучило ихъ ни безпокойство, ни труды и тревоги прошлыхъ дней».

Русскіе шли ночью и на разсвѣтѣ приближались къ мѣстечку Чуднову на рѣкѣ Тетеревѣ. Узнавши, что Хмельницкій недалеко, Шереметевъ спѣшилъ сойдтись съ нимъ: отъ этого зависѣло единственное спасеніе. Какъ ни были изнурены поляки трудами прошлаго дня, но гетманы рѣшились, во чтобы то ни стало, не давать непріятелю отдыха и приказали немедленно идти за непріятельскимъ обозомъ, чтобы прежде, чѣмъ московскіе люди дойдутъ до Чуднова, захватить чудновскій замокъ. Поляки двинулись, а между тѣмъ, идя по слѣдамъ, собирали съ убитыхъ дѣтей боярскихъ металлическія и жемчужныя пуговки, и смѣясь говорили, что «москали» убираются по-бабьи.

Когда Шереметевъ увидѣлъ, что поляки его преслѣдуютъ, то приказалъ сжечь мѣстечко Чудново, ибо самъ не надѣялся удержать его и боялся, чтобы враги не нашли въ немъ опоры. —«Самъ Богъ навелъ на него такую ошибку»—говорили послѣ поляки.

Потоцкій поскорѣе послалъ занять уцѣлѣвшій отъ огня замокъ, укрѣпленный дубовымъ палисадомъ.—«Здѣсь намъ подручно, говорили поляки, занявши замокъ; все видно, а выстрѣлы непріятеля доставать до насъ не будутъ».

Московскій обозъ сталъ на низменномъ мѣстѣ, казаки стояли на возвышеніи. Весь союзный обозъ представлялъ, по растяженію, подобіе греческой дельты. Поляки окружили непріятелей своихъ со всѣхъ сторонъ, уставили пушки и начали палить безъ отдыха. Крѣпко поражали они московскихъ людей изъ садовъ разрушеннаго мѣстечка, да съ возвышенія, на которомъ стоялъ замокъ. Кругомъ на равнинѣ раскинулись татары и ловили каждаго русскаго, кто осмѣлился выйдти изъ обоза за травою. Русскіе были лишены пастбищъ.—«Намъ нечего съ ними драться и терять людей» — рѣшили предводители. Пресѣченъ

имъ путь къ добыванію живности, голодъ заставитъ ихъ безъ боя сдаться». Инженеры принялись копать канавы, чтобъ отвести воду и лишить московскій обозъ этой необходимости.

Такъ прошло время до седьмаго октября. Въ этотъ день татары привели плѣнныхъ казаковъ.—«Мы идемъ съ Хмельницкимъ, показали они въ разспросѣ,—идемъ на помощь къ Шереметеву. Самъ Хмельницкій и старшины хотѣли бы съ вами соединиться, да поспольство не хочетъ. Присягнули за москалей драться до послѣдняго».

По совѣту Любомирскаго, тогда оставлена была вся пѣхота и артиллерія держать въ осадѣ Шереметева. Коронный гетманъ страдалъ лихорадкою, но пересилилъ себя, показывалъ примѣръ терпѣнія и мужества: его водили подъ руки и онъ трясся отъ лихорадки, но командовалъ и дѣлалъ распоряженія. Любомирскій съ конницею и со многими панами отправился на казаковъ.

VI.

Хмельницкій шелъ медленно по Гончарихѣ. Вокругъ него были благопріятели гадячской коммиссіи: Гуляницкій, Махержинскій, Лѣсницкій, изгнанный изъ рады по царскому повелѣнію. Носачъ присталъ къ нимъ снова. Полковники и сотники, недовольные переяславскими статьями, не хотѣли сражаться. Простые казаки возмущались при мысли брататься съ ляхами. Въ то время, когда одни хвалили гадячскій договоръ, другіе показывали къ нему омерзеніе, ибо этотъ договоръ допускалъ введеніе ненавистнаго для народа шляхетскаго достоинства между казаками и подрывалъ казацкое равенство. Молодой, безхарактерный гетманъ былъ озлобленъ противъ боярина, былъ недоволенъ царемъ за то, что въ Москвѣ не исполняли его просьбъ, но все еще колебался; поспольство проклинало ляховъ; старшины бранили москаля. Въ этой нерѣшимости казацкій обозъ

едва двигался, и когда московскій достигъ Чуднова, казаки достигли до мѣстечка Слободища.

Седьмого октября, поляки пришли подъ Слободище, за нѣсколько верстъ отъ Чуднова. Казацкій обозъ стоялъ на возвышеніи; близъ него было разрушенное мѣстечко Слободище; печи, бревна, погреба и всякаго рода мусоръ преграждали путь черезъ мѣстечко. Съ другой стороны, тянулся болотистый вязкій лугъ. Любомирскій, какъ только увидѣлъ привычныхъ враговъ польской короны, закричалъ въ голосъ своему войску:

— «А, вотъ они, —вотъ сѣмя преступнаго мятежа, змѣиное изчадіе; вотъ гадины, ихъ же гнуснѣе земля никогда не питала! Теперь, поляки, потребуйте отъ нихъ назадъ свободнаго званія, согните вашимъ оружіемъ шеи подлаго холопья: пусть они кровью смоютъ свое дворянство»!

Любомирскій зналъ, что Хмельницкій и старшины вовсе не желаютъ помогать Шереметеву, но зналъ также, что простые казаки ненавидятъ поляковъ, а старшины ихъ не любятъ и только; по временному нерасположенію къ москалямъ, они могутъ стать на сторону Польши, а при малѣйшемъ благопріятномъ вѣтрѣ отъ Москвы всегда предпочтутъ ее Польшѣ. Любомирскій поэтому и хотѣлъ повести дѣло такъ, чтобы потомъ можно было законно уничтожить гадячскій договоръ и ссылаться на то, что казаки оружіемъ поляковъ потеряли пріобрѣтенное своимъ оружіемъ отъ поляковъ. Негодованіе при видѣ враговъ, отъ которыхъ стались всѣ неисчислимыя бѣды польской націи, закипѣло у пановъ и шляхты. Не вошли еще предводители въ переговоры, а ужъ половина войска, пришедшаго съ Любомирскимъ, принялась мостить плотину черезъ лугъ. Воевода кіевскій, бывшій гетманъ Выговскій, отличался передъ всѣми противъ своихъ прежнихъ соотечественниковъ и прежнихъ подчиненныхъ.

Предпріятіе полякамъ не удалось такъ легко, какъ полагали. Казаки колебались было при видѣ поляковъ, но увидя, что поляки наступаютъ на нихъ съ оружіемъ, стали защищаться и отбили съ урономъ тѣхъ, которые лѣзли на казацкій таборъ че-

резъ развалины мѣстечка; а тѣ, которые шли черезъ лугъ, забились въ болото и принуждены были невернуть назадъ, преслѣдуемые казацкими выстрѣлами.

Но въ казацкомъ лагерѣ дѣла направлялись, безъ боя, въ пользу поляковъ. Тамъ поднялась неописанная неурядица; старшины упрекали Юрія, обвиняли одинъ другого, спорили, кричали, совѣтовали и такъ сбили съ толку гетмана, что онъ, будучи въ добавокъ въ первый разъ въ битвѣ, совсѣмъ потерялся и кричалъ:

— Господи Боже мой! Выведи меня изъ этого пекла; не хочу гетмановать, пойду въ чернецы! Буду Богу молиться. За что я черезъ вѣроломство другихъ терпѣть буду! Если меня Богъ теперь избавитъ, непремѣнно пойду въ чернецы!

— Отложи, пане гетмане, свое благочестіе на будущее время, — сказали ему старшины, — лучше подумай, какъ спасти себя и всю Украину. О чернечествѣ подумаешь на волѣ, когда опасность пройдетъ, а теперь давай-ка лучше ударимъ сами себя въ грудь, да и пошлемъ къ полякамъ просить мира; пообѣщаемъ имъ вѣрность и подданство Рѣчи-Посполитой, а москаль пусть себѣ, какъ знаетъ, такъ и промышляетъ.

— Видимо, — говоритъ обозный Носачъ, — что самъ Богъ помогаетъ польскому королю; лучше заранѣе войдти въ милость у короля, а то и душамъ нашимъ кара будетъ, и полякамъ отданы будемъ; пожалѣемъ послѣ, да не воротимъ.

Другіе разсуждали, какъ бы еще сохраняя нѣкоторое сочувствіе къ Москвѣ, но также находя, что обстоятельства вынуждаютъ казаковъ измѣнить ей. — «Если ляховъ побѣдить не можемъ, говорили эти, если здѣсь всѣ погибнемъ, москалямъ отъ этого никакой пользы не станется, а если сохранимъ себя, то послѣ и москалю пригодимся». Подобнымъ благопріятелемъ для москалей оказывался тогда писарь Семенъ Голуховскій. Заклятые противники ляховъ изъ черни кричали: — «Здѣсь орда; пошлемъ лучше къ татарамъ; они намъ давніе пріятели; они сойдутся съ нами». По этому совѣту громады, старшины отправили посольство къ Нураддину, съ письменнымъ пре ло-

женіемъ отстать отъ поляковъ и пристать къ казакамъ. Неизвѣстно, что и какъ отвѣчалъ имъ Нураддинъ, но письмо казацкое онъ передалъ Любомирскому, и въ другой разъ получилъ отъ поляковъ вещественную признательность за свои добродѣтели.

Въ то время, когда въ казацкомъ таборѣ бросились на всѣ стороны, а Хмельницкій, потерявшись, перемѣнялъ свои намѣренія каждую минуту, является къ нему посланецъ съ письмомъ отъ Выговскаго, а въ письмѣ было сказано:—«По праву, данному мнѣ надъ тобою отцомъ твоимъ, я, какъ твой попечитель, заклинаю тебя душою твоего родителя, довѣрься полякамъ, приведи къ тому же своихъ, и отступи отъ Москвы. Самъ знаешь, сколько зла мы отъ нея видѣли. Теперь силы Шереметева потоптаны, сокрушены; онъ гаснетъ, какъ лампада безъ масла, гдѣ свѣтильня только дымитъ, а ужъ не свѣтитъ. Не ожидай, пока погаснетъ; тогда вся тягость военная обратится на тебя одного. Король милостивъ, проститъ прошлое, и не только все забудетъ, но сохранитъ и утвердитъ всѣ права казацкія. Казаки болѣе могутъ надѣяться отъ великодушія польской націи, чѣмъ отъ московскаго варварства и тиранства».

Такъ какъ Хмельницкій и старшины не знали навѣрное, чья возьметъ, поэтому и послали разомъ и къ полякамъ, и къ московскимъ людямъ. Къ Шереметеву послали Мороза съ извѣстіемъ, что на казаковъ напали поляки, и просили Шереметева поспѣшить на помощь по направленію къ мѣстечку Пятку. Въ тоже время поѣхалъ полковникъ Петръ Дорошенко съ двумя товарищами въ польскій лагерь. Надобно было обходиться съ поляками такъ, какъ будто мирятся съ ними не по принужденію, а по доброму желанію.

Дорошенко былъ допущенъ къ Любомирскому, и говорилъ:

— Что это значитъ, ваша милость, за что нападаютъ на насъ поляки? Мы вовсе не хотимъ воевать съ вами и только по необходимости должны противъ васъ защищаться, потому что вы нападаете на насъ. Казаки не хотятъ быть врагами поля-

ковъ. Мы пришли сюда затѣмъ, чтобы отвлечь Цыцуру отъ москалей, и теперь готовы соединиться съ вами, если вы примете насъ благосклонно.

Любомирскій, гордый своими подвигами, началъ высокомѣрно обращаться съ казацкимъ посломъ, а полковникъ принялъ также видъ собственнаго достоинства и сказалъ:

— Панъ гетманъ! забудьте причины старой ненависти и примите притекающихъ къ лону отечества; а иначе на нашей сторонѣ правда, у насъ есть самопалы и сабли. Наше оружіе славно. Смотрите, чтобъ изъ него не выскочилъ такой огонь, отъ котораго затмятся всѣ ваши надежды на побѣду, а то и вовсе станутъ дымомъ!

Пріѣхалъ Нурадднпъ, и послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьи, обращаясь разомъ и къ Любомирскому и къ казакамъ, онъ сказалъ гетману: — «Панъ гетманъ, уважь казакамъ, не годится отвергать ихъ просьбы; они вѣрные подданные короля. Притомъ же, если будешь на нихъ злиться, — тебѣ это можетъ быть вредно. Счастіе еще не покинуло ихъ. Если ихъ раздражить, то они будутъ кусаться по своему обыкновенію. Не дразните этихъ пчелъ; лучше съ нихъ медъ получайте. Больше славы будетъ вамъ обратиться на москаля и угостить его, какъ слѣдуетъ угощать такого незваннаго гостя.»

Любомирскій, стараясь, сколько возможно, высказать свою силу и могущество, и тѣмъ вынудить у казаковъ самыя выгодныя для поляковъ условія, сказалъ Дорошенку:

— Хоть казаки за многократные мятежи и измѣны Рѣчи-Посполитой заслуживаютъ, чтобы ихъ карать, но король далъ мнѣ милостивое приказаніе относительно васъ; притомъ же я уважаю просьбу султана Нураддина и приказываю протрубить прекращеніе военныхъ дѣйствій. Примиряемся съ вами. Пусть Нураддинъ, ходатай за васъ, казаковъ, посовѣтуетъ вамъ же не бунтовать болѣе.

Нураддинъ приложилъ руку къ груди и сказалъ:

— Я ручаюсь за казаковъ; они бунтовать не будутъ и останутся въ повиновеніи Рѣчи-Посполитой.

Потомъ онъ ухватился за рукоять своей сабли и, подбѣжавъ къ Дорошенку, скороговоркою произнесъ:

— Казакъ! вотъ этою саблею нашъ татарскій ханъ будетъ вамъ мстить, если вы не будете постоянны и не сдержите вѣрности и послушанія королю.

Любомирскій сказалъ, чтобъ казаки присылали съ своей стороны къ великому гетману для заключенія договора. Самъ онъ тотчасъ уѣхалъ къ главному войску.

Тѣмъ временемъ Шереметевъ, не зная ничего что дѣлается въ казацкомъ лагерѣ, и получивши черезъ казака Мороза извѣстіе отъ Хмельницкаго, четырнадцатаго октября двинулся далѣе въ путь по направленію къ Пятку. Но только что прошли московскіе люди съ версту или немного болѣе, какъ увидали, что поляки уже подѣлали шанцы и поставили своихъ копѣйщиковъ, которые, искусными и ловкими движеніями, не разъ были опасны московскимъ посошнымъ людямъ, недавно взятымъ отъ сохи. Русскіе безстрашно шли на нихъ. Но тутъ ударили на нихъ сзади и съ боковъ — съ трехъ сторонъ. Русскіе отбивались, пробивались и сохраняли все свое желѣзное упорство, непоколебимое хладнокровіе, презрѣніе къ смерти;—подъ выстрѣлами, посылаемыми къ нимъ со всѣхъ сторонъ, они силились достигнуть цѣли—соединенія съ казаками. Тяжелъ былъ имъ каждый шагъ. На пути имъ была разоренная деревушка. Тамъ былъ прудъ. Плотина была прорвана. Вода разливалась по лугу. Мостовъ не было. Грязь была до того велика, что нельзя было двинуться и одной телѣгѣ, не только цѣлому обозу. Въ этомъ то мѣстѣ пріударили на нихъ поляки дружнѣе и сильнѣе. Русскій обозъ началъ сходить съ дороги вправо, къ лѣсу, чтобы идти суше, но тутъ появились татары; заиграла султанская музыка, говоритъ очевидецъ, называя такимъ образомъ дикій крикъ и гикъ орды. Татары пустили на московскую рать градомъ свои стрѣлы. Русскіе старались добраться до лѣса, гдѣ думали укрѣпиться снова подъ его защитою. Но польскіе копѣйщики бросились съ своими длинными копьями и такъ по-

ражали русскихъ, что прокалывали однимъ копьемъ разомъ двухъ и трехъ; изъ пушекъ и ружьевъ палили поляки въ московскій обозъ со всѣхъ сторонъ; русскіе отвѣчали горячо и неустрашимо, и, говоритъ очевидецъ, еще не случалось видѣть такого густого огненнаго дождя. Поляки прорвали обозъ, таскали возы, брали пушки, уносили знамена. Татары понеслись вслѣдъ за поляками, какъ вороны на добычу, и стали грабить что попало. Русскіе собрали послѣднія силы и выбили изъ своего обоза непріятеля. Уже часть обоза ихъ была оторвана, но остальная сомкнулась снова, и подъ выстрѣлами польскихъ пушекъ, изъ которыхъ не лѣнился угощать ихъ генералъ Вульфъ, достигла опушки лѣса и тамъ стала окапываться. Тогда нѣсколько сотъ казаковъ вырвались изъ обоза и убѣжали, но ихъ всѣхъ татары истребили.

Татарамъ досталась карета Шереметева, и въ ней набрали они соболей, золота и серебра вдоволь.

Поляки могли сказать, что побѣдили непріятеля, но эта побѣда обошлась имъ черезъ чуръ дорого: много они потеряли своихъ людей, а еще болѣе лошадей, такъ что, не смотря на всѣ выгоды, которыя обстоятельства войны представляли для ихъ націи, не легко было сломить желѣзное упорство и стойкость царскаго войска. Поляки отправили къ Пятку отрядъ подъ начальствомъ князя Константина Вишневецкаго перерѣзать впередъ путь отступающему непріятелю.

Хмельницкій слышалъ громъ орудій, когда происходила битва. Послѣ посылки Дорошенка въ обозѣ казацкомъ все еще колебались, и гетманъ не зналъ на что рѣшиться. Но когда достигло туда извѣстіе, что московское войско разбито и находится въ безвыходной осадѣ, тогда казаки увидали, что поляки одолѣли, и мириться съ ними неизбѣжно. Они послали коммиссаровъ для заключенія договора въ польскій обозъ подъ Чудновымъ.

Когда казацкіе коммиссары явились, паны спросили ихъ: — «Что за причина, что вы, казаки, послѣ гадячскаго договора, прибѣгли опять къ Москвѣ»?

— Казаки, отвѣчали коммиссары, стали недовольны гадячскими статьями потому, что его милость король далъ шляхетское достоинство только нѣкоторымъ, а другимъ не далъ; оттого послѣдніе стали досадовать за такую неровность между своими побратимцами, что одни будутъ шляхтичами, а другіе не будутъ, и такъ, на злость другимъ, многіе и отдались москалямъ.

— Это показываетъ, —сказали имъ, —что Княжество Русское противно правамъ казацкимъ и свободѣ; поэтому мы оставимъ вамъ всѣ вольности, какъ слѣдуетъ по гадячскому положенію, а Русское Княжество уничтожимъ; все войско запорожское и городовое украинское приметъ снова гадячскій договоръ, и будетъ его держаться, отъ москалей отречется на вѣки и будетъ готово идти на войну, куда пошлетъ его милость король.

Оставить Гадячскій договоръ, уничтожить Русское Княжество значило уничтожить всю сущность гадячскаго договора. Полякамъ несносно было это русское княжество, а на все прочее они легче могли согласиться, такъ какъ все прочее, без русскаго княжества, не давало Украинѣ вида самостоятельнаго государства, федеративно связаннаго съ Польшею, а ставило казаковъ въ положеніе одного изъ видовъ войска польской Рѣчи-Посполитой.

— Его милость панъ гетманъ Юрій Хмельницкій, сказали коммиссары, не думалъ вовсе отпадать отъ короля, но если случилось, что нарушенъ былъ Гадячскій договоръ, то это сдѣлалось не оттого, чтобы онъ и мы всѣ не вѣрили его милости королю и не желали ему добра, а оттого, что москали сильно напали на насъ. Гетманъ нашъ все-таки не подавалъ руки врагамъ короля, и пришелъ сюда не затѣмъ, чтобы помогать москалю, да и не подалъ ему никакой помощи, а послалъ насъ принести увѣреніе въ своемъ послушаніи и вѣрности королю.

Имъ отвѣчали: — Ихъ милости паны гетманы принимаютъ съ признательностію такія чувствованія пана гетмана.

Коммиссары со стороны польской были: брацлавскій воевода князь Михаилъ Чарторызскій, стольникъ сендомирскій Шомовскій, хорунжій коронный Янъ Собѣскій, и хорунжій львовскій. Семнадцатаго октября былъ составленъ новый договоръ. Гетманы утверждали прежній, гадячскій, исключая всѣхъ мѣстъ, которыя относятся къ Русскому Княжеству; признано было обоюдно, что Русское Княжество оказывается мало нужнымъ для казацкихъ вольностей и не служитъ для прочнаго вѣчнаго мира, а потому оно уничтожалось, а казацкій гетманъ обязывался отослать королю пункты, относящіеся до этого предмета для уничтоженія. Гетманъ казацкій со всѣмъ войскомъ отрекался отъ подданства царю московскому и обязывался обратить оружіе вмѣстѣ съ поляками на пораженіе Шереметева, а впередъ не принимать никакихъ покровительствъ, кромѣ королевскаго. Съ своей стороны польскіе гетманы объявляли прощеніе Цыцурѣ, если онъ оставитъ Шереметева, когда ему прикажетъ казацкій гетманъ, его непосредственный начальникъ; также точно полки нѣжинскій и черниговскій, которые находятся на московской сторонѣ, должны были отстать отъ нея по приказанію гетмана, а если они не послушаютъ этого приказанія, то казацкій гетманъ будетъ дѣйствовать противъ нихъ какъ противъ непріятелей. Равнымъ образомъ гетманъ обязывался укрощать оружіемъ всякое волненіе, которое бы произошло въ Украинѣ или Запорожьи противъ казацкаго договора съ поляками. Положено было плѣнныхъ польскихъ отпустить, и казаки не должны будутъ безпокоить владѣнія крымскаго хана, какъ союзника Рѣчи-Посполитой.

Послѣ составленія и подписи договора, послали въ казацкій таборъ двухъ пановъ, князя Константина Вишневецкаго и стольника сендомирскаго Шомовскаго для приведенія къ присягѣ казаковъ. Хмельницкій, 18 октября, прибылъ въ польскій лагерь подъ Чудновымъ.

Его приняли отлично, со знаками уваженія. Гетманы поль-

скіе (и Любомирскій) пригласили его къ себѣ въ шатеръ; тамъ онъ и ночевалъ у нихъ.

На другой день спокойно и безъ споровъ совершилась обоюдная присяга. Сначала присягнули оба гетмана коротко соблюдать договоры, поставленные коммиссіею гадячской 6-го сентября 1658 г., и на коммиссіи чудновской, 1660 г. 17 октября.

Гетманъ Юрій Хмельницкій въ присягѣ своей обѣщалъ со всѣмъ Войскомъ Запорожскимъ, отъ старыхъ до меньшихъ, быть въ послушаніи у короля, отречься отъ всѣхъ посторонних протекцій, особенно же отъ царя московскаго, не поднимать рукъ противъ Рѣчи-Посполитой, не имѣть сношеній съ посторонними государствами, не принимать ни откуда, не отправлять никуда посольствъ безъ вѣдома короля, и быть готовымъ идти на войну противъ всякаго непріятеля Рѣчи-Посполитой. Въ добавокъ онъ обѣщалъ усмирять оружіемъ всѣхъ, кто будетъ поднимать бунтъ въ Войскѣ Запорожскомъ.

Послѣ совершенія обоюдной присяги, Хмельницкаго пригласили на пиръ; веселились вдоволь, пѣли: «Тебе Бога хвалимъ»; играла музыка, палили изъ пушекъ, пили взаимно здоровье и увѣряли другъ друга въ непоколебимой дружбѣ и братствѣ. Послѣ обѣда, окончившагося уже вечеромъ, Хмельницкій послалъ приказаніе Цыцурѣ отступить отъ москалей и присоединиться къ полякамъ.

— Я прошу вашихъ милостей, сказалъ Хмельницкій, обратившись къ польному гетману, пусть будетъ безопасенъ нашимъ казакамъ переходъ къ королевскому войску, чтобъ татары не напали на вѣрныхъ его величеству королю казаковъ.

Предводители обѣщали разставить польскіе отряды, чтобы казаки изъ московскаго обоза могли перейдти къ полякамъ безпрепятственно отъ своевольной орды. Нураддинъ за свою орду поручился, что казаки будутъ цѣлы.

Цыцура, когда получилъ это извѣстіе, не показалъ его всему казацкому войску, можетъ быть потому, что тогда бы узнали московскіе люди и стали мѣшать свободному переходу

казаковъ, можетъ быть и потому, что ожидалъ отъ простыхъ казаковъ сопротивленія. Онъ промедлилъ одинъ день. 21 октября ему данъ былъ знакъ: выставленъ былъ бунчукъ Хмельницкаго. Тогда Цыцура взялъ свою хоругвь и вышелъ изъ обоза. За нимъ послѣдовало до двухъ тысячъ казаковъ. Тотчасъ же орда, увидѣвъ это, обратилась на нихъ, но тутъ поляки, посланные для обороны казаковъ, стали представлять, что султанъ Нуреддинъ поручился за цѣлость казаковъ. Татары, обыкновенно мало послушные въ такихъ случаяхъ, не хотѣли знать этого и начали бить казаковъ; нѣсколько поляковъ, хотѣвшихъ обороняться, были задѣты татарскимъ оружіемъ. Погибло до двухъ сотъ казаковъ. Иные были захвачены въ плѣнъ татарами. Тогда нѣкоторые, видя, что ихъ вмѣсто того, чтобы принимать дружелюбно, бьютъ, повернули назадъ въ московскій обозъ. Только Цыцура съ небольшой горстью своихъ успѣлъ достигнуть польскаго обоза.

VII.

Въ это время московское войско приходило въ самое отчаянное положеніе. Обозъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами; они сдѣлали около него валъ, поставили на валъ пушки и палили безпрестанно. Не было выхода для пастбища лошадей; вонь отъ людскихъ и конскихъ труповъ заразила воздухъ до того, что на далекомъ пространствѣ нельзя было не затыкать носа. Не ставало запасовъ, не ставало пороха, и тотъ, какой былъ, отсырѣлъ. Дожди лили какъ изъ ведра день и ночь, въ обозѣ грязь и навозъ повыше колѣнъ, людямъ нѣгдѣ было ни лечь, ни укрыться отъ ненастья и отъ польскихъ пуль и ядеръ. Положеніе московскихъ людей было выше всякаго человѣческаго терпѣнія.

Двадцать-шестого октября явился въ польскій обозъ изъ московскаго думный человѣкъ, Иванъ Павловичъ Акинфіевъ.

Онъ былъ, видно, человѣкъ, по тогдашнему, образованный и риторъ. Допущенный къ гетману, онъ говорилъ:

— Заключимъ, поляки, миръ на взаимныхъ условіяхъ для блага обоихъ народовъ, и русскаго и польскаго; мы происходимъ отъ одного племени, какъ вѣтви отъ одного ствола, говоримъ сходными языками, похожи другъ на друга и по одеждѣ и по нраву; притомъ же мы сосѣди и христіане, искупленные кровію Христовою. Божіе правосудіе покарало насъ: вотъ уже много лѣтъ мы васъ воюемъ, а вы насъ. Сіе прискорбно ангеламъ Божіимъ и пріятно врагамъ душъ и тѣлесъ нашихъ. Если бы двѣ руки, вмѣсто того, чтобы ловить волка, стали бы терзать одна другую, то все тѣло досталось бы звѣрю. Такъ и мы, христіане, между собою ссоримся и отдаемъ тѣло Христова народа могамеданамъ. А когда бы мы соединенными силами ополчились на врага св. Креста, то освободили бы Святую Землю, орошенную кровію Христовою, и исполненную всѣхъ утѣхъ Асію, и весь свѣтъ бы себѣ покорили и истребили бы нечестивое сѣмя агарянское.

Ораторъ понравился полякамъ. Онъ свелъ рѣчь на казаковъ и сказалъ такъ:

— Теперь уже и самимъ намъ явно, что казаки есть причина несчастій нашихъ и толикаго кровопролитія. Да будетъ проклято самое имя ихъ, ибо они призывали то насъ противъ васъ, то васъ противъ насъ, — и вамъ и намъ измѣняютъ и въ то же время продаютъ себя инымъ государямъ: и турецкому, и угорскому, и шведскому; и, я думаю, они самому аду продали бы себя, если бы на нихъ явился покупщикомъ дьяволъ: ему же они уже и такъ себя записали.

Иванъ Павловичъ приглашалъ поляковъ разорвать союзъ съ татарами и заключить съ Москвою; доказывалъ невыгоды и непрочность дружбы съ невѣрными, изъявлялъ готовность отступиться отъ Украины и выдать всѣхъ казаковъ, которые находятся въ московскомъ войскѣ.

Ему отвѣчали: — Пусть бояре вышлютъ на переговоры коммиссаровъ, а мы вышлемъ своихъ.

Съ московской стороны выбраны были коммиссарами князь Щербатовъ, князь Козловскій и думный дворянинъ Иванъ Павловичъ Акинѳіевъ. Съ польской — воевода бѣльскій князь Димитрій Вишневецкій, воевода черниговскій Беневскій, подкоморій кіевскій Немиричъ и стольникъ сандомирскій Шомовскій. Отъ татаръ двое мурзъ.

Нѣсколько дней, однако, прошло въ переговорахъ. 29 октября съѣхались коммиссары и разъѣхались. Такая же неудачная сходка послѣдовала 30 октября. Татары не хотѣли, какъ будто, вовсе мириться съ Москвою.

Московскимъ людямъ блеснула надежда. Пришло извѣстіе, что Борятинскій съ войскомъ, находящимся въ Кіевѣ, выступилъ на выручку Шереметева. Скоро, однако, надежда эта исчезла. Борятинскій дошелъ до Брусилова; жители не пустили его и встрѣтили выстрѣлами, а поляки въ пору узнали о Борятинскомъ и послали противъ него отрядъ, которому, однако, не пришлось биться съ Борятинскимъ. Послѣдній воротился въ Кіевъ. Впрочемъ у Борятинскаго было такъ мало войска, что онъ не могъ выручить осажденныхъ. Шереметеву не было исхода: приходилось согласиться на то, что оставляетъ побѣдитель. Когда сходились коммиссары, польскіе обращались съ московскими высокомѣрно. Изъ московскихъ коммиссаровъ князь Щербатовъ говорилъ очень униженно: — «Мы просимъ васъ оказать по христіански милосердіе, ради Христа». Козловскій не принялъ участія въ этой просьбѣ. Онъ молчалъ съ суровымъ лицомъ, и не боялся раздражать побѣдителей своею благородною выдержкою.

Беневскій говорилъ имъ правоученія въ такомъ тонѣ:

— Видите, ваши милости, какъ Богъ караетъ несправедливую войну и вѣроломно нарушенный договоръ. Благодарите Бога, что напали на такой великодушный народъ, какъ мы, поляки. Другіе вамъ не простили бы этого.

Московскіе коммиссары спросили: на какихъ условіяхъ можетъ быть освобождено московское войско изъ осады? Беневскій сказалъ:

— Хотя бы вы цѣлый адъ призвали себѣ на помощь, и то-

гда не вырвались бы изъ нашихъ рукъ. Остается вамъ одно: отдаться на милосердіе вашихъ побѣдителей. По обычной милости наияснѣйшаго короля, вамъ даруется жизнь и свободное возвращеніе, но безъ оружія; вы должны отступиться отъ казаковъ и вывести московское войско изъ украинскихъ городовъ.

Такое требованіе было выше правъ, какія были у Шереметева. Отказаться отъ цѣлой страны не могъ полководецъ. Но некуда было дѣться московскимъ людямъ: они должны были согласиться на все. Они только выпросили, чтобы побѣдители имъ дозволили взять ручное оружіе. Договоръ былъ составленъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ въ такомъ смыслѣ: московскіе люди всѣмъ таборомъ могутъ выйдти и положить оружіе; войска царскія должны выступить изъ городовъ малорусскихъ: Кіева, Чернигова, Нѣжина, Переяславля, и не оставаться отнюдь ни въ одномъ мѣстѣ. Всѣ они должны идти въ Путивль, а пока они не выйдутъ, Шереметевъ со всѣми начальствующими лицами, въ числѣ трехъ сотъ человѣкъ, должны оставаться заложниками въ польскомъ лагерѣ. Все московское войско должно также до этого времени оставаться въ кіевскомъ воеводствѣ около Котельны, въ мѣстахъ, какія укажутъ предводители. Шереметевъ и начальники должны, сверхъ того, присягнуть, что, и послѣ ихъ отпуска, не будутъ оставаться въ малорусской землѣ. Казаковъ московскіе предводители должны оставить совершенно, а находящіеся въ московскомъ лагерѣ казаки должны выйти, положить оружіе и знамена къ ногамъ польскихъ гетмановъ, и съ тѣхъ поръ находиться въ ихъ распоряженіи, какъ подданные Польши. Послѣ выхода всѣхъ московскихъ войскъ изъ малорусскихъ городовъ, московскимъ людямъ отдается ихъ ручное оружіе, т. е. ружья, мушкеты, пистолеты, карабины, сабли, запалы, протазаны, алебарды, бердыши и топорки; все это повезется за ними до прежней коронной границы и отдастся московскимъ войскамъ подъ Путивлемъ, а пушки останутся побѣдителямъ. При отпускѣ военно-плѣнныхъ въ отечество, поляки обязывались ихъ не грабить, не побивать, въ плѣнъ не брать и не дѣлать имъ тѣсноты и безчестья.

Шереметевъ написалъ къ Борятинскому въ Кіевъ письмо, извѣщалъ о происшедшемъ, и требовалъ, чтобы Борятинскій выступилъ изъ Кіева, оставивъ нарядъ въ городѣ. Въ концѣ своего письма Шереметевъ приписалъ собственною рукою: «Крѣпокъ Кіевъ былъ Юріемъ Хмельницкимъ и казаками, а они отступили; теперь города не крѣпки будутъ; можно людей потерять».

Шереметевъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что нечего болѣе добиваться московскому правительству удерживать Малую Русь, когда туземцы показали нежеланіе оставаться подъ властію царя. Но писарь Хмельницкаго, Семенъ Голуховскій, еще до сдачи Шереметева, тайкомъ прислалъ товарищу Борятинскаго Чаодаеву письмо въ иномъ смыслѣ:

«Хотя я съ паномъ гетманомъ—писалъ онъ—и присягнулъ королю, но поневолѣ; а я помню присягу его царскому величеству и милости царскія. Пѣшихъ и конныхъ поляковъ 30,000, орды 40,000: пану Шереметеву нельзя вырваться. Его обозъ кругомъ осыпали валомъ. Ради Бога, ваша милость, постарайтесь, чтобы скорѣе ратные люди его царскаго величества были присланы на Украину, ибо непріятель думаетъ посягать на всю нашу землю; пусть царскіе люди по городамъ будутъ осторожны и не вѣрятъ никому по присягѣ, чтобы не сдѣлали того, что Цыцура, который, по старому, ляхамъ передался. Остерегайтесь, а меня не выдавайте; запасайтесь всякою живностію и не вѣрьте прелестнымъ листамъ, хотя и къ вашей милости писаннымъ».

Борятинскій изъ этого письма могъ заключить, что въ Малой Руси еще не все безнадежно потеряно, и что казаки могутъ еще служить царю. Борятинскій не послушалъ Шереметева. Онъ говорилъ:

— Мнѣ царь дастъ указы, а не Шереметевъ.

Татары заартачились. Султанъ созвалъ къ себѣ мурзъ.— Что намъ дѣлать? Спрашивалъ онъ. Поляки съ москвою мирятся. И намъ развѣ мириться?—Мурзы въ одинъ голосъ сказали:—Если поляки мирятся съ москвою, значитъ они отсту-

паютъ отъ братства съ ордою».—Султанъ поѣхалъ въ польскій лагерь и объявилъ, что онъ не согласенъ.

— Какъ можно выпускать москву,—говорилъ онъ,—когда она почти въ неволѣ, чуть-чуть жива, чуть панцыри на плечахъ на нихъ держатся, чуть оружіе носятъ.

Предводители успокоили его нѣсколько доказательствами и, главное, подарками. Прошло послѣ того еще два дня. Польскіе предводители старались какъ нибудь устроить примиреніе московскихъ предводителей съ татарами. Шереметевъ предложилъ татарамъ выдать всѣхъ казаковъ, которые оставались еще въ обозѣ московскомъ. Московскіе люди злились на казаковъ болѣе, чѣмъ татары. 3 ноября (23 октября стар. ст.), московскіе люди начали выгонять изъ своего обоза казаковъ безоружныхъ. Татары бросились на нихъ и неистовствовали надъ ними; однихъ били, другихъ ловили арканами. Казаки бросались назадъ въ обозъ, но московскіе люди начали палить на нихъ и помогали своему непріятелю.—«Это было (говоритъ современникъ) настоящее подобіе охоты или скорѣе рыбной ловли. Московскіе люди бѣгали съ крюками и арканами, ловили малоруссовъ и продавали татарамъ. Малоруссы были тогда очень дешевы. Голодный московскій человѣкъ, поймавши казака, отдавалъ его татарину за кусокъ хлѣба, за горсть соли или муки, или за одно яблоко. Татары поступали съ казаками по произволу: однихъ связывали и вели въ неволю, другихъ убивали для забавы».

На другой день, въ четвергъ, 4 ноября (24 октября стар. ст.), московскіе люди, полагаясь на договоръ и на честь своихъ побѣдителей, отворили сами обозъ, и чахлые, голодные, похожіе больше на привидѣнія, чѣмъ на живыхъ людей, стали выходить изъ окоповъ и должны были отдавать оружіе. Коммиссары выѣхали къ нимъ. Немиричъ, на прекрасномъ конѣ въ богатомъ нарядѣ, изображалъ лицо короля Яна Казимира. Русскіе должны были бросать къ ногамъ его свои алебарды, протазаны, ружья, мечи, топоры, бердыши, знамена и барабаны. Другіе коммиссары съ офицерами вошли въ московскій обозъ и уво-

зили изъ него пушки.—Отдавайте эти орудія намъ, побѣдителямъ, когда не умѣли ими защищаться отъ насъ, говорили имъ насмѣшливо поляки.—Шереметевъ съ воеводами явился къ гетманамъ. Они приняли великодушно побѣжденныхъ и пригласили къ столу. Шереметевъ ничего не ѣлъ, и выпилъ только полрюмки вина. Когда зашла рѣчь о казакахъ, бояринъ вспыхнулъ и сказалъ:—«Проклятое отродье! истинные дьяволы! они меня погубили и продали: сами въ бѣду ввели и въ бѣдѣ измѣнили. Заведутъ въ пропасть, да потомъ и смѣются! Всему виною Цыцура. Я хотѣлъ въ Кіевѣ оставаться, да послушалъ его и погубилъ царское войско. Я уже два года сидѣлъ въ Кіевѣ, какъ войско наше было въ Украинѣ, и видѣлъ ихъ измѣну и хотѣлъ идти къ столицѣ,—видѣлъ, что мнѣ не отсидѣться между вами и черкасами, а Цыцура бунтовщикъ меня удерживалъ. Онъ и вамъ зла много надѣлалъ. Возьмите у него душу; хоть бы у него было сто душъ, всѣ у него отнимите!» Поляки любовались печальнымъ расположеніемъ духа и отчаяніемъ побѣжденнаго московскаго вождя. «Вотъ онъ—говорили они—вотъ тотъ, кто чуть съ неба не прыгалъ; теперь смотрите, какъ присмирѣлъ». Этого не могли они сказать о князѣ Козловскомъ. Онъ хранилъ молчаніе и своею благородною суровостью внушилъ къ себѣ уваженіе.

Татары недовольны были тѣмъ, что имъ только отдали казаковъ. Опять стала роптать вся орда нуреддинова.—У насъ—кричали татары—добыча пропадаетъ! Поляки милостивѣе къ врагамъ своимъ, москалямъ; за столько трудовъ, за столько страданій, за столько крови хоть бы обозъ московскій дали облупить; хоть бы если не соболиныя, такъ овечьи мѣха нашли бы мы тамъ: все-таки было бы чѣмъ отъ холода прикрыться!—Мурзы пришли къ польскимъ предводителямъ и говорили:

— Отдайте намъ обозъ московскій, а не то султанъ Нуреддинъ напишетъ къ султану Калгѣ; у него тридцать тысячъ людей, а стоитъ онъ на границѣ Польши.—

Гетманы старались умѣрить требованія Нуреддина, а между тѣмъ послали пять сотъ человѣкъ нѣмецкой пѣхоты на

стражу въ московскій обозъ на ночь, на случай нападенія татаръ.

Но тутъ между польскими жолнѣрами возникъ ропотъ.—Какая же теперь награда за наши труды, раны, голодъ и нужды? кричали они; нѣтъ ничего! Мы надѣялись, что по крайности, намъ отдадутъ московскій обозъ.

Предводители собрали совѣтъ:

— Намъ—говорили они—во чтобы то ни стало, надобно охранить московскій обозъ отъ татарскаго и всякаго нападенія. Помните, что сдѣлалось съ седмиградскимъ войскомъ Ракочи подъ Чернымъ Островомъ. Оно отдалось полякамъ на милость; а потомъ татары взяли всѣхъ въ неволю. Это большое безчестье польской націи. Смотрите, чтобы и теперь того же не случилось. Мы отобрали у москвы оружіе, будетъ подло отдать ихъ безоружными на рѣзню татарамъ. Изъ христіанскаго состраданія, по правиламъ чести мы должны охранять ихъ и проводить въ безопасное мѣсто.—Другіе возражали:—Несправедливо и жалко оскорблять орду. Татары всегда готовы подать намъ помощь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Въ продолженіе шести лѣтъ войны, они были безъ хлѣба, безъ крова, безъ жалованья, постоянно сражались противъ враговъ Польши, не взирая на отдаленность пути, на дурныя дороги; не колебали ихъ вѣрности наши военныя неудачи. Терпѣливо они ожидали, что ихъ вознаградятъ въ тѣ дни, когда Польша успокоится. И теперь мы ихъ позвали на помощь. Татарину отказать въ грабежѣ и ясырѣ—все равно, что пожалѣть для званнаго гостя хлѣба-соли. Сообразите еще и то, что султанъ Калга можетъ придти и насильно отнять у насъ то, чего мы не хотимъ дать добровольно. Они станутъ съ врагами и начнутъ противъ насъ биться. Непріятель нашъ даромъ получилъ отъ поляковъ свободу; пусть же онъ ее купитъ у нашихъ союзниковъ.—

Послѣднее мнѣніе одержало верхъ. Вѣроятно, поляки услыхали, что Борятинскій не думаетъ сдавать Кіева, а слѣдовательно, условіе не исполнялось, и поляки имѣли предлогъ

считать себя не связанными, договоръ же не состоявшимся. Послали къ татарамъ сказать, что московскій обозъ отдается имъ на волю.

Татары бросились со всѣхъ сторонъ на московскій обозъ. Стража, поставленная прежде для охраненія его, получила приказаніе отступить. Началось всеобщее разграбленіе и убійство безоружныхъ. Напрасно ратные люди бросались къ ногамъ татаръ и просили пощады. Татары гнали ихъ въ неволю, а тѣхъ, которые оказывали какое нибудь сопротивленіе, убивали. Поляки смотрѣли на эту сцену. Польскій историкъ говоритъ, что имъ жаль было русскихъ. На другой день татары потребовали Шереметева.

Шереметева отдали Нуреддину. Его заковали и отправили въ Крымъ. Онъ сидѣлъ три мѣсяца въ оковахъ, и наконецъ, по просьбѣ своего шеферкази ханъ приказалъ его расковать. Несчастный бояринъ пробылъ въ татарской землѣ двадцать два года. Щербатова, Козловскаго и Акинфіева повезли въ Полшу показать королю. Когда ихъ привезли и представили, имъ приказывали стать предъ польскимъ королемъ на колѣни. Козловскій не согласился на такое униженіе, и поляки толкнули его въ затылокъ, чтобъ онъ упалъ.—Вотъ, говорили они тогда, не хотѣлъ преклонить колѣна, такъ стукнулся лбомъ.— Козловскій всталъ, оправился, принялъ спокойный и благородный видъ, не говорилъ дерзостей, какъ князь Семенъ Пожарскій хану, подъ Конотопомъ, но и не унижался предъ иноземнымъ государемъ, врагомъ своего государя.

IX.

Послѣ Чудновской побѣды, коронный гетманъ возвратился въ Польшу, а Любомирскій двинулся въ Украину. Казаки отправились къ Корсуну. Тогда крымская орда разсѣялась по Украинѣ и начала дѣлать обычныя опустошенія. Казаки стали

биться съ ними. Набравши плѣнныхъ обоего пола, татары погнали ихъ въ Крымъ, но наткнулись на запорожскій отрядъ, который подъ начальствомъ Суховія шелъ-было на помощь къ Шереметеву. Запорожцы разсѣяли татаръ и освободили плѣнниковъ. Вся Украина заволновалась. Народъ, по обычной ненависти къ ляхамъ, отвращался отъ мысли подчиниться вновь Польшѣ. Много было нелюбившихъ и «москалей», послѣ того, какъ случались отъ ратныхъ людей насилія и оскорбленія. Къ довершенію горя народнаго, въ 1660 году была засуха и не родилось хлѣба. Въ разоренной Малорусіи сдѣлалась дороговизна и голодъ. Народъ не зналъ, куда приклонить голову. Распространилась вѣсть о приближеніи страшнаго суда. Говорили, что въ слѣдующіе годы одно за другимъ постигнутъ родъ человѣческій разныя бѣдствія: въ слѣдующемъ 1661 году будетъ война на всемъ свѣтѣ, а въ слѣдующіе годы приключится землятресеніе, потомъ потекутъ кровавыя рѣки, загорится земля по мѣстамъ, а въ 1670 году померкнетъ солнце и настанетъ день судный. По Малорусіи пошли слухи, что гдѣ-то въ вавилонскомъ царствѣ уже родился антихристъ, долженствующій предъ концомъ свѣта искушать и мучить родъ человѣческій.

При такомъ общемъ пораженіи духа, слабый Хмельницкій не зналъ что ему дѣлать—держать-ли булаву, или послѣдовать своему обѣщанію, данному въ обозѣ подъ Слободищемъ. Юрій былъ по натурѣ робкаго ума, непредпріимчивой воли, грустнаго нрава и въ то же время раздражительнаго; онъ могъ переходить отъ мягкости къ суровости, отъ податливости къ упрямству, но такъ или иначе, а всегда могъ жить только чужимъ произволомъ и дѣлаться орудіемъ другихъ. Послѣ чудновскаго дѣла, нужно было держать совѣтъ съ казаками, обсудить дѣло на радѣ, мысленно оглядѣть Украину, поразмыслить, что съ ней дѣлать и какъ поступить. Назначена была рада въ Корсунѣ. Хмельницкій пригласилъ туда Беневскаго, конечно, надѣясь, что онъ съ своею ловкостію съумѣетъ направить толпу. Нужно было, чтобы кто нибудь говорилъ казакамъ отъ имени короля. Пока собирались всѣ полковники, сотники, прошелъ мѣ-

сяцъ. По казацкимъ обычаямъ, нельзя начинать рады, если хотя одинъ полковникъ не будетъ на лицо, когда этотъ отсутствующій не дастъ за себя кому-нибудь полномочія.

Рада собралась 20 ноября. Хмельницкій колебался, оставаться ли ему гетманомъ или сложить съ себя это званіе. То заманчива была ему власть и почетъ, то страхъ бралъ верхъ надъ приманкою честолюбія. Нѣкоторые старшины и полковники, если не совѣтовали ему прямо отказаться отъ булавы, то двусмысленными намеками и холодностію показывали, что это было бы имъ по душѣ. Были люди, надѣявшіеся послѣ Юрія взять власть; были приверженцы Выговскаго. Негодовали на Юрія за то, что онъ уступилъ Москвѣ, недовольны были и за то, что онъ отрекся отъ Русскаго Княжества предъ поляками. Юрій не имѣлъ качествъ, внушающихъ повиновеніе. Казаки могли повиноваться только тогда, когда сознавали за своимъ начальникомъ матеріальную и нравственную силу.

Беневскій еще прежде совѣтовался съ Любомирскимъ, какъ поступить польскому коммиссару въ томъ и другомъ случаѣ, и оба рѣшили, что надобно стараться удержать Хмельницкаго на гетманствѣ, а писаремъ назначить Тетерю, который, какъ надѣялись, за выгоды будетъ преданъ польской сторонѣ. Юрій Хмельницкій, по мнѣнію Беневскаго, былъ именно такой гетманъ, какого нужно было въ то время полякамъ. Имъ легче было овладѣть и легче было держать его въ рукахъ, чѣмъ когонибудь. Притомъ, уваженіе къ роду Хмельницкаго со стороны поляковъ могло дѣйствовать примирительно на казацкія симпатіи.

Беневскій, пріѣхавъ въ Корсунъ, прежде всего постарался вывѣдать у полковниковъ ихъ намѣренія, созвалъ ихъ къ себѣ и сталъ уговаривать объ избраніи гетмана: «Юрій объявляетъ, что не хочетъ оставаться гетманомъ; если онъ будетъ упрямиться, кого вы считаете достойнымъ гетманскаго достоинства?» Ему отвѣчали: — «Пусть Юрій кладетъ булаву; объ этомъ нечего безпокоиться; у насъ уже есть такой, что годится. Мы къ нему пошлемъ и тотчасъ выберемъ».

Они говорили такимъ тономъ, какъ будто желая поддобриться

къ Беневскому, въ предположеніи, что ему самому не хочется, чтобы Юрій былъ гетманомъ. Этотъ другой былъ—Выговскій. Но какъ ни казался преданъ Польшѣ бывшій гетманъ, какъ ни отличался въ войскѣ противъ своихъ соотечественниковъ. поляки соображали, что Выговскій хотѣлъ соединенія съ Польшею — федеративнаго; въ сущности, онъ добивался самостоятельности. Выговскій стоялъ за Великое Княжество Русское, а Юрій отказался отъ него. Допустить Выговскаго гетманомъ — значило возбуждать вновь вопросъ о княжествѣ. Выговскій не отказался бы отъ него, сталъ бы снова требовать прежнихъ условій, ссылался бы на то, что сеймъ польскій, разъ согласившись на гадячскія статьи, не имѣлъ причины отвергать постановленнаго. Гораздо лучше было имѣть гетманомъ Юрія; при немъ о княжествѣ не было бы рѣчи, когда онъ именно отъ него отрекся.

Беневскій посѣтилъ Хмельницкаго и нарочно выбралъ для этого свиданія ночное время.—Для чего ваша милость хотите оставлять булаву? спрашивалъ Беневскій.—«Я молодъ, неопытенъ, говорилъ Юрій, да къ тому и больной — совсѣмъ неспособенъ». Онъ страдалъ падучею болѣзнію и грыжею. По извѣстіямъ малорусскихъ лѣтописцевъ, онъ страдалъ болѣзнію половыхъ органовъ.

— Мнѣ жаль вашу милость,—говорилъ Беневскій.—Это еще не важная причина, чтобы подвергать опасности домъ вашъ и имущество. Все это махинація этого Выговскаго. Если онъ сдѣлается гетманомъ,—васъ ожидаетъ бѣда; онъ постарается отъ васъ избавиться.

Хмельницкій сказалъ, что не думаетъ, чтобы такъ далеко простирались козни Выговскаго, и увѣрялъ, что Выговскаго не выберутъ.

— Я говорилъ съ полковниками и узналъ ихъ намѣреніе,— сказалъ Беневскій,—они мнѣ высказались, увѣряю васъ: только вы положите булаву, они непремѣнно выберутъ его, а не кого нибудь иного; спросите ихъ: они не посмѣютъ при мнѣ сказать вамъ иного въ глаза.

Хмельницкій послалъ за полковниками. Беневскій ждалъ, пока они сошлись. Еще все была ночь, Беневскій сказалъ:

— Вотъ, панове полковники, я уговариваю пана гетмана, чтобы онъ скорѣе собралъ раду. Ожидая вашей рады, панъ маршалъ королевскій не распускаетъ кварцянаго войска, а долѣе держать его въ голодномъ краѣ невозможно. Онъ проситъ, чтобы послать къ нему обознаго Войска Запорожскаго, Носача, уговориться съ нимъ, какъ войско размѣстить, чтобы оно могло стать на квартиры безъ всякой тягости для казаковъ. Да, вотъ еще я уговариваю пана гетмана, чтобы онъ не оставлялъ булавы, не попиралъ славы отца своего; да никакъ не могу его уговорить. Я сказалъ ему, что ваши милости, паны полковники, намѣрены, если панъ Хмельницкій окончательно покинетъ булаву, выбрать не кого другого въ гетманы, какъ *онаго*.

Полковниковъ видимо привела въ смущеніе такая неожиданная очная ставка. Имъ некуда было вывертываться, и они всѣ разомъ крикнули:

— Завтра пусть будетъ ра̀да; если ты, панъ гетманъ, покинешь булаву, то намъ нельзя быть безъ гетмана, и мы тотчасъ пошлемъ къ нему и отдадимъ своихъ женъ и дѣтей въ покровительство.

— Рано утромъ, завтра пусть будетъ ра́да,—сказалъ Юрій и отпустилъ полковниковъ.

Оставшись снова наединѣ съ Беневскимъ, Юрій измѣнилъ тонъ, уже не говорилъ объ отреченіи, напротивъ, показывалъ твердую рѣшимость не выпускать булавы изъ рукъ. Онъ понялъ, что бывшіе отъ полковниковъ намеки и потачки его попыткамъ кинуть гетманство исходили отъ тайныхъ козней Выговскаго. Юрій началъ сердиться на полковниковъ.

— Всѣ они люди двоедушные и измѣняли Рѣчи-Посполитой, сказалъ онъ; они затѣмъ и хотятъ такого гетмана, чтобы можно было своевольствовать.

Беневскій почелъ удобнымъ озадачить Хмельницкаго, дать ему знать, что есть причина не довѣрять и ему, и онъ долженъ дѣломъ доказать иное.

— Напротивъ,—сказалъ Беневскій,—полковники показываютъ все на тебя, пане гетмане; говорятъ, будто за тебя начинаются всѣ смуты: и Сирко, и Апостолъ, и Цыцура, и еще прежде Пушкарь, все за тебя возставали; они говорятъ, будто ваша милость послалъ къ царю Брюховецкаго съ частью своихъ сокровищъ, а родной твой дядя, Сомченко, по твоему подущенію, поднялъ бунтъ въ Переяславлѣ. Такъ про тебя полковники говорятъ.

Хмельницкій объявилъ ему, что на него клевещутъ, но, однако, кое въ чемъ и сознавался, стараясь извиняться молодостію. Онъ, наконецъ, сказалъ:

— Я прошу вашу милость быть мнѣ отцомъ и ходатайствовать за меня предъ его величествомъ королемъ. Присягаю вашей милости, что буду слушать вашу милость, а дурныхъ совѣтовъ слушать не стану.

— Вашей милости одно спасеніе: быть вѣрнымъ королю и держаться ему за полы, иначе пропадете отъ вашихъ враговъ. Не отказывайся, ваша милость, отъ булавы, а что ты говоришь, что молодъ и нездоровъ, такъ возьми въ писари Тетерю; онъ человѣкъ умный и преданный тебѣ, и король будетъ доволенъ, если ты его возьмешь писаремъ; этимъ получишь довѣріе и короля и всей Рѣчи-Посполитой. У Семена Остаповича Голуховскаго писарство надобно отнять, потому что онъ поставленъ царемъ, и весь, какъ есть, царскій человѣкъ. Слушайся во всемъ пана Тетери, все будетъ хорошо.

Хмельницкій только и могъ отвѣтить, что просилъ Беневскаго руководить его, какъ неопытнаго юношу.

На другой день, 20-го ноября, въ гетманскомъ дворѣ собрали раду. Туда сошлись только полковники и сотники. Беневскій проговорилъ рѣчь, объявилъ, что казачество снова возвращается подъ власть законнаго короля, именемъ королевскимъ уничтожалъ всѣ распоряженія, сдѣланныя по волѣ московскаго правительства, и, не задавая вопроса объ избраніи, прямо отъ имени короля вручилъ булаву Хмельницкому.

Стоявшіе на радѣ не смѣли противорѣчить, потому что не имѣ-

ли повода. Юрій прежде былъ избранъ ими, не слагалъ съ себя достоинства, какъ того нѣкоторые хотѣли, а потому не было повода протестовать противъ поступка Беневскаго. Но не прошло дня, какъ до ушей Беневскаго начало долетать, что простые казаки волнуются. Они кричали: — «Раду собрали въ избѣ; тамъ были одни старшіе; это противъ извѣчныхъ обычаевъ; войска не допускаютъ въ раду. Старшіе замышляютъ что-то противное войску».

Беневскій вспомнилъ несчастный исходъ гадячской коммиссіи, послѣ которой простые казаки побили знатныхъ людей, думая, что эти люди дѣйствуютъ вопреки желанію всей черни. Чтобы этого не повторилось, Беневскій нашелъ, что нужно составить «черную» раду; пусть такого состава рада приметъ договоръ съ поляками, и сверхъ того, еще нужно обязать все казачество присягою. Онъ сказалъ объ этомъ Хмельницкому и полковникамъ.

И гетманъ, и полковники возстали противъ этого. — «Да будетъ извѣстно вашей милости, — сказалъ Хмельницкій, — что, если теперь созвать черную раду, когда въ Корсунѣ ярмарка и много народу, такъ и меня, и полковниковъ, и всю старшину, и вашу милость, панъ воевода, чернь погубитъ.»

— Я надѣюсь на Бога, — говорилъ Беневскій, — и увѣренъ, что вашъ страхъ напрасенъ. Если же не будетъ черной рады, то ничего не сдѣлается.

Хмельницкій хотѣлъ было вооружиться противъ этого своею гетманскою властію, но Беневскій напомнилъ ему:

— А, забылъ, ваша милость, что обѣщалъ меня во всемъ слушать.

Хмельницкій повиновался, досадовалъ на самого себя и вновь показалъ слабость характера; и прежде онъ просилъ Беневскаго давать ему совѣты; и теперь, попытавшись было поставить на своемъ, снова обѣщался во всемъ поступать по совѣтамъ королевскаго коммиссара. Не только казацкіе начальники, самые поляки, бывшіе тогда съ Беневскимъ, возражали противъ намѣренія собрать черную раду. Беневскій настоялъ на своемъ, и

21-го ноября, въ воскресенье, по сдѣланному Хмельницкимъ оглашенію, собрана черная рада на Корсунской площади, передъ соборною церковью св. Спаса. Хмельницкій не пошелъ туда самъ. Полковники собрались около него и также не хотѣли идти. Пусть, говорили они, Беневскій идетъ туда самъ, когда онъ ее собралъ. Пусть попробуетъ, что ему скажетъ чернь. Они скрывали отъ Беневскаго, что намѣрены не ходить на раду, и послали къ нему извѣстить, что рада собрана, и казаки ожидаютъ королевскаго коммиссара.

Беневскій, квартировавшій далеко отъ площади, пріѣхалъ на раду въ увѣренности, что найдетъ тамъ и гетмана, и старшину, но не нашелъ никого.

Казаки, по обыкновенію, стали въ кругъ. Увидѣвъ Беневскаго, его ввели въ кругъ и посадили на скамью. Всѣ оказывали ему знаки уваженія.

— Гдѣ панъ гетманъ?—спросилъ прежде всего Беневскій.

— Ваша милость на королевскомъ мѣстѣ; когда велишь послать за нимъ, онъ долженъ прійти.

Беневскій послалъ за Хмельницкимъ. Онъ прибылъ. Пришли вмѣстѣ съ нимъ и полковники. Снявъ шапку, гетманъ кланялся на всѣ стороны, вступилъ въ кругъ, положилъ на землю шапку, а на нее булаву, и сказалъ, что снимаетъ съ себя гетманство. Потомъ онъ объявилъ: — «По Божіей волѣ и по вашему желанію, вы обратились къ нашему прироженому государю. Теперь, чтобы не оставались у васъ московскіе порядки, то его величество король прислалъ къ намъ коммиссара своего, учинить между вами иной порядокъ».

Беневскій произнесъ длинную рѣчь, восхвалялъ великодушіе короля, порицалъ «москалей», и окончилъ объявленіемъ всеобщей амнистіи отъ имени короля и Рѣчи-Посполитой.

Казаки крикнули:—«Слава Богу и королю нашему милостивому! Вся эта бѣда сложилась у насъ отъ старшихъ; они для своего лакомства обманывали насъ. Мы теперь будемъ вѣрны королю его милости, и хоть бы самъ батько сталъ бунтовать, такъ и батько убьемъ».

*

Беневскій объявилъ, что все, устроенное московскимъ государемъ, уничтожается; его милость король назначаетъ вновь начальство войску и жалуетъ въ званіе гетмана Хмельницкаго. Беневскій поднялъ съ земли булаву и вручилъ ее Хмельницкому. Тутъ же въ званіи обознаго, онъ утвердилъ Носача и далъ ему другую булаву, принадлежащую достоинству обознаго.

Казаки съ радостными восклицаніями приняли Хмельницкаго.

— Теперь, — сказалъ Беневскій, — принесемъ благодарность Богу, пойдемъ въ церковь, и тамъ пусть войско все присягнетъ на вѣрность его величеству королю.

— Всѣ пойдемъ присягать, — кричали казаки.

Всѣ пошли въ церковь.

Протопопъ Мужиловскій [1]) прежде всего произнесъ проповѣдь, а потомъ передъ евангеліемъ, лежащимъ на налоѣ, поставленномъ посреди церкви, казаки присягали, повторяя слова, которыя громко произносилъ писарь (dictante notario). Они отрекались отъ московскаго государя и клялись въ вѣрности польскому королю.

По выходѣ изъ церкви, Хмельницкій пригласилъ Беневскаго съ товарищами обѣдать. Пиръ былъ веселый и обильный. Гремѣли пушки, когда пили заздравныя чаши за короля и королеву. Подгулявшіе полковники прославляли братство съ Польшею, величали короля и особенно королеву, которой, по наущенію Беневскаго, приписывали заступничество за Войско Запорожское передъ королемъ. — Ото мати наша! — восклицали они.

— А дивно, — замѣчали нѣкоторые, — какъ это наша черненкая рада да прошла такъ згодно!

Гулянка тянулась до поздней ночи.

На другой день, 22-го ноября, созвали вновь раду, и Беневскій приказалъ прочитать привилегіи, данныя на гадячской коммиссіи Войску Запорожскому, но только безъ княжества рус-

[1]) Одинъ изъ замѣчательныхъ ученыхъ своего времени, знаменитый своими сочиненіями на польскомъ языкѣ въ защиту православія противъ латинства.

скаго. Казаки слушали чтеніе въ глубокомъ молчаніи, потомъ закричали громко:

— Вотъ, коли-бъ его милость панъ воевода кіевскій, будучи еще у насъ гетманомъ, прочиталъ намъ такъ и растолковалъ,—такой бы бѣды не сталось!—При этомъ Выговскій былъ помянутъ грубыми выраженіями.

Тогда люди изъ казаковъ, подученные заранѣе Беневскимъ, объявили требованіе, чтобы Семенъ Голуховскій положилъ писарскую печать, и этотъ знакъ писарскаго достоинства отданъ былъ Павлу Тетерѣ. Беневскій устроилъ такъ, что казалось, будто эта перемѣна дѣлается безъ всякаго содѣйствія съ его стороны, по добровольному желанію рады. Гетманъ, вѣрный обѣщанію слушаться во всемъ Беневскаго, присовокупилъ свое желаніе, чтобы Тетеря былъ писаремъ. Полковники не смѣли противорѣчить. Голуховскій пришелъ въ раду безъ малѣйшаго подозрѣнія, что ему устраиваютъ смѣну, и теперь это измѣненіе судьбы постигло его неожиданно. Молча положилъ онъ свою печать. Беневскій передалъ ее изъ рукъ въ руки Тетерѣ, и сказалъ, что онъ теперь писарь Войска Запорожскаго по волѣ гетмана и полковниковъ. По извѣстіямъ Беневскаго и самъ Тетеря не зналъ, что на него возложатъ въ этотъ день писарскую должность. Беневскій, заранѣе задумавши удалить Голуховскаго и поставить на его мѣсто Тетерю, въ преданности котораго былъ увѣренъ, не сказалъ, однако же, объ этомъ самому Тетерѣ, вѣроятно для того, чтобы тотъ не проговорился прежде времени. Теперь это случилось такъ внезапно, что никому не дали одуматься. Тетеря также молча принялъ печать, какъ Голуховскій ее отдалъ. Погодя нѣсколько времени, Тетеря сказалъ:—«Вы знаете, что я былъ у царя московскаго посломъ; въ Москвѣ я узналъ, чтó царь замышляетъ надъ нашею Украиною. Если въ Войскѣ Запорожскомъ опять явится измѣна противъ своего прироженнаго государя, то я не хочу знать не только писарской печати, но и Украины».

— Не дай Господи,—восклицали казаки,—чтобъ мы подумали бунтовать и къ царю склоняться. Ты, панъ Тетеря, во

всемъ наставляй молодого пана гетмана; на тебя полагаемся, тебѣ мы вручаемъ и себя, и женъ, и дѣтей, и худобу нашу.

Казаки соглашались безропотно на все, чего ни требовалъ Беневскій, что ни предлагалъ онъ. Тогда отъ лица гетмана и всего Войска Запорожскаго отправлены письма къ Борятинскому и Чаадаеву, а также въ Переяславль, къ тамошнему воеводѣ. Казаки побуждали ихъ выйти изъ городовъ съ московскими полками, потому что Войско Запорожское со всею страною не хочетъ болѣе находиться подъ властію царя и возвращается къ своему прежнему государю, королю польскому, и къ своему отечеству, Рѣчи-Посполитой. Хмельницкій написалъ къ Сомку письмо, убѣждалъ къ покорности и грозилъ смертною казнію за непослушаніе. Разомъ съ этими письмами изданъ былъ универсалъ, объявлявшій Сомка измѣнникомъ и запрещавшій всей Украинѣ слушать его. Къ переяславцамъ написано особо воззваніе, чтобы они поднялись и вырѣзали «москалей», если послѣдніе не выйдутъ по добру по здорову.

Какъ полки полтавскій, прилуцкій и миргородскій открыто не хотѣли присягать Москвѣ и объявляли себя за гетмана Хмельницкаго и за соединеніе съ Польшею, то этимъ полкамъ предписывалось дѣйствовать вмѣстѣ съ частью чигиринскаго и каневскаго, для подчиненія королю остальныхъ.

X.

На лѣвой сторонѣ Днѣпра, Сомко услышавши, что Юрій склонился на сторону Польши, собралъ раду изъ чиновныхъ и простыхъ казаковъ въ Переяславлѣ и уговаривалъ переяславцевъ стоять за царя. Его выбрали наказнымъ гетманомъ. Немедленно онъ отправилъ посольство въ Москву. Въ Москвѣ нѣсколько времени не знали о горькой судьбѣ Шереметева и его войска, и узнали объ этомъ прежде всего чрезъ посредство Сомка. Онъ жаловался на него, обвинялъ въ измѣнѣ, изображалъ по-

гибель Украины и умолялъ скорѣе присылать ратную московскую силу. Нѣжинскій полковникъ Василій Золотаренко также не хотѣлъ признать дѣйствительность Слободищенскаго договора для Украины и стоялъ за царя. Полки прилуцкій и полтавскій упорствовали противъ Москвы. Полтавскій полковникъ Ѳедоръ Жученко явился тогда главнымъ коноводомъ противъ нея, думая, что счастіе покинуло Москву. Мѣстечки и села полтавскаго полка вооружились. Лубенскій полковникъ Шамрицкій (иначе онъ пишется Шемлицкій) и сотники полка лубенскаго говорили: «Намъ все равно, москаль или ляхъ; кто сильнѣе, затѣмъ мы и будемъ». Таково было болѣе или менѣе общее настроеніе на лѣвой сторонѣ Днѣпра послѣ чудновскаго пораженія; совсѣмъ не то, что еще недавно было при Пушкарѣ. Тогда Москва казалась сильною; теперь, послѣ свѣжаго несчастія, она мало внушала надежды на защиту; притомъ народъ въ Украинѣ познакомился покороче съ обращеніемъ великорусскихъ ратныхъ людей и успѣлъ уже натерпѣться отъ ихъ своевольствъ. Поэтому всѣ стали сговорчивѣе по отношенію къ Польшѣ. За Полтавою и Лубнами, Роменъ, Лохвицы, Пирятинъ, Миргородъ, Гадячъ открыто объявили себя противъ царя. Украинцы хватали московскихъ ратныхъ людей и бросали въ воду. Казнь постигала малоруссовъ, которыхъ обвиняли въ склонности къ Москвѣ. Малоруссы притомъ боялись, что вотъ придутъ изъ-за Днѣпра поляки съ тамошними казаками, приведутъ еще и татаръ, и будутъ ихъ разорять, а царское войско не придетъ ихъ выручать, а потому они спѣшили на дѣлѣ показать свое расположеніе къ полякамъ, чтобы взаимно расположить ихъ къ милосердію надъ собою. Но Золотаренко и Сомко, посреди такого волненія, оставались вѣрными царю, писали къ Ромодановскому, умоляли его поспѣшить въ Украину; Ромодановскій на эти мольбы отвѣчалъ, что ему велѣно стоять въ Сумахъ. Онъ по ихъ письмамъ, сдѣлалъ только то, что послалъ отрядъ московскихъ людей подъ Гадячъ разорять мятежныхъ казаковъ и жителей полтавскаго полка.

Поляки дожидались только морозовъ, чтобы перейдти

Днѣпръ. Зимою явился на лѣвомъ берегу этой рѣки отрядъ подъ начальствомъ Чарнецкаго. Съ нимъ были праваго берега казаки, подъ начальствомъ Гуляницкаго. Съ нимъ были и татары. Чарнецкій прошелъ земли полка черниговскаго, и осадилъ Козелецъ, но былъ отбитъ. Поляки опустошили села нѣжинскаго полка. Гуляницкій покушался было письмами склонить нѣжинцевъ къ отступленію отъ царя, но этого ему не удалось. Сдѣлано было нападеніе на Нѣжинъ. Нѣжинцы отбились, и даже взяли въ плѣнъ кіевскаго наказнаго полковника Моляву и послали его въ Москву. Золотаренко напрасно еще разъ просилъ помощи у Ромодановскаго. Ромодановскій отправился изъ Сумъ въ Бѣлгородъ, вмѣсто того, чтобы идти въ Украину, потому что онъ прослышалъ о нападеніи татаръ на украинныя земли московскаго государства, а товарищъ его, стольникъ Семенъ Зміевъ, посланъ былъ уже поздно. Въ переяславскомъ полку явились правобережные казаки, подъ начальствомъ Бережецкаго и Макухи. Съ ними были и татары. Городки переяславскаго полка: Березань, Барышполе, Басань, Воронковъ, Быковъ, Голевъ сдались и признали государемъ польскаго короля. Но Сомко выступилъ противъ враговъ и разбилъ ихъ. Бережецкій былъ схваченъ и повѣшенъ. Макуха успѣлъ убѣжать за Днѣпръ. Сомко не ограничился этимъ: къ его переяславскимъ казакамъ пристали остатки, разбитаго подъ Чудновымъ, казацкаго войска и московскихъ людей; выгнавъ казацкіе и татарскіе загоны изъ своего полка, Сомко перешелъ затѣмъ на правый берегъ Днѣпра, разбилъ своихъ непріятелей еще и тамъ, подъ Терехтемировымъ и подъ Стайками.

Скоро послѣ того и самъ Чарнецкій оставилъ лѣвый берегъ Днѣпра, и вообще поляки не могли болѣе распространять свою власть надъ этою частью Украины, потому что ихъ войско возмутилось за неплатежъ жалованья и пустилось въ польскія области разорять королевскія имѣнія.

По поводу измѣны Юрія, изъ Москвы послана была царская грамата объ избраніи новаго гетмана, въ присутствіи отправленнаго для этого дѣла Полтева. Но Полтевъ не могъ пробраться

далѣе Нѣжина и воротился. Первые мѣсяцы 1661 года прошли въ битвахъ съ непріятелемъ, вошедшимъ въ лѣвобережную Украину, и потому нельзя было думать о радѣ. Притомъ же надобно было, чтобы, кромѣ переяславскаго и нѣжинскаго, другіе полки также были за одно подъ царскою рукою.

Но вотъ настроеніе умовъ лѣвобережной Украины мгновенно измѣнилось, какъ только жители почувствовали, что близко ихъ нѣтъ поляковъ съ татарами. Прилуцкій и лубенскій полковники написали къ Сомку повинную. Марта 28, прислалъ къ нему грамату войтъ лубенскій отъ имени всѣхъ жителей города и повѣта. Въ письмѣ своемъ онъ хитрилъ и увѣрялъ, что еще давно жители хотѣли изъявить свое желаніе оставаться въ вѣрности царю. Лубенскій полковникъ поѣхалъ къ Сомку съ повинной, а войтъ и горожане просили за него въ письмѣ своемъ въ такихъ выраженіяхъ: «Покорное прошеніе о немъ приносимъ, какъ за оберегателемъ нашимъ. Смилуйся, не имѣй на него разгнѣваннаго сердца, а невинности его, яко вѣрному и правдивому слугѣ Е. Ц. В., которой и здоровье свое умаляетъ, изволь простить и милость свою показать».

Въ половинѣ апрѣля, прибылъ въ Нѣжинъ князь Ромодановскій. Тогда составилась рада въ третье воскресенье по Пасхѣ, подъ Нѣжиномъ, въ селѣ Быковѣ, для избранія гетмана. Самъ Ромодановскій туда не поѣхалъ, а послалъ товарища своего Семена Зміева. На радѣ были, кромѣ Сомка, полковники лубенскій, прилуцкій и черниговскій съ своими сотниками. Сверхъ того тамъ были и полки слободскіе (острогожскій, ахтырскій, сумскій), которые вообще не принадлежали къ гетманскому управленію, но на этотъ разъ, находясь при войскѣ Ромодановскаго, допущены были къ выбору гетмана. Переяславцы, лубенцы, прилучане, черниговцы и ахтырцы подавали голоса за Сомка, но нѣжинцы хотѣли возвести на гетманство своего полковника Василія Золотаренко, соперника Сомкова. Спорили и ни на чемъ не порѣшили. Наконецъ, утомившись отъ напрасныхъ споровъ, положили послать къ царю и просить присылки изъ Москвы особаго посланца, который бы именемъ царскимъ

утвердилъ гетмана. Такимъ образомъ, въ случаѣ, если произойдетъ еще разъ такое разногласіе, какое случилось въ Быковѣ, то царскій посланецъ долженъ будетъ разрѣшить его. Собственно для выбора гетмана пріѣзжалъ уже прежде Полтевъ, но онъ не могъ быть на радѣ, да и рада не могла собраться; у Зміева же не было никакого наказа объ избраніи гетмана, да и у самого князя Ромодановскаго его не было. И потому-то на радѣ порѣшили отправить въ Москву такое посольство.

Съ этой цѣлью поѣхалъ въ Москву есаулъ Иванъ Воробей (Горобецъ) съ сотниками полковъ нѣжинскаго, черниговскаго, прилуцкаго, миргородскаго и лубенскаго. Посольство это должно было извѣстить царя о томъ, что случилось, и просить о присылкѣ особаго царскаго чиновнаго человѣка. Имъ поручалось также узнать царскую волю, на какомъ положеніи останется впередъ Украина. Сомко спѣшилъ обезпечить себя и просилъ царя наградить его за труды, такъ какъ онъ во все время послѣдней войны понесъ большія издержки и подвергъ разоренію свое послѣднее имѣніе. Пробивая себѣ дорогу къ полному гетманству, Сомко видѣлъ, что поперегъ ему на этой дорогѣ хочетъ стать Золотаренко, и потому чернилъ его и писалъ къ думному дьяку Алмазу Иванову: — «Когда непріятель наступалъ на насъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, я не одинъ разъ писалъ къ нѣжинскому полковнику, а онъ ни намъ (переяславцамъ), ни черниговцамъ никакой помощи не давалъ и не чинилъ, и для того непріятель гдѣ хотѣлъ, тамъ ходилъ, жегъ, разорялъ по всей Украинѣ, никакихъ страховъ не ожидаючи, никого не боячись; и нынѣ тотъ же полковникъ въ нѣкакомъ изпротивленіи ходитъ и на раду не поѣхалъ, по указу его царскаго величества». Вмѣстѣ съ тѣмъ Сомко жаловался на Ромодановскаго, что онъ не оказалъ Малой Руси никакого заступленія, во время нахожденія враговъ изъ-за Днѣпра.

XI.

Всю весну 1661 года въ Малой Руси шло дѣло усмиренія и приведенія жителей къ подданству царю. Послѣ быковской рады, семь тысячь московскихъ ратныхъ людей отправилось, подъ начальствомъ Григорія Косогова, въ полтавскій полкъ. Съ нимъ пошло до двухъ тысячь малоруссовъ. Сомко отправился къ Остру.

Малоруссы, освободившись отъ страха со стороны поляковъ и своихъ заднѣпровскихъ братій, теперь боялись воинскаго разоренія отъ московскихъ войскъ и спѣшили приносить повинную московскому царю, подобно тому, какъ въ прошлый годъ, услышавши о пораженіи Шереметева, спѣшили заявить преданность Польшѣ. Теперь мѣстечки и села сдавались царскимъ воеводамъ и Сомку безъ сопротивленія одно за другимъ, и признавая царскую власть, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были изъявлять желаніе признавать временнымъ гетмамомъ Сомка, приводившаго ихъ къ покорности царю. Такимъ образомъ, этотъ человѣкъ готовилъ себѣ опору, чтобы тогда, когда вновь будетъ избирательная рада, ему можно было заявить, что народъ уже признавалъ его достойнымъ гетманскаго званія. Съ другой стороны онъ старался заслужить у царя доброе вниманіе. Онъ покорилъ царю Остеръ, Веремѣевку, Жовнинъ, Ирклѣевъ. Войты городовъ присылали къ нему письма съ изъявленіемъ послушанія и умоляли избавить ихъ города отъ разоренія. Въ Кременчугѣ избранъ былъ полковниковъ Кирило Андріевичъ. Онъ поддавался царю, умолялъ избавить его отъ разоренія, просилъ Сомка, какъ тогдашняго главнаго начальника края, утвердить его въ званіи и прислать знаки полковничьяго достоинства: шестоперъ и литавры. Въ Кременчугѣ тогда въ первый разъ явился полковникъ. Кременчугъ сдѣлался временно полковымъ горо-

домъ. Обширный полтавскій полкъ со многими мѣстечками и селами покорился тотчасъ, какъ только явился туда Косоговъ. Смѣнили Жученка; на его мѣсто избрали полкпвникомъ Гуджела. 19 мая, новый полковникъ квился къ Косогову съ сотниками своего полка и билъ челомъ въ послушаніи царю. Вслѣдъ затѣмъ, бывшій полковникъ Ѳедоръ Жученко, отправился къ Ромодановскому съ повинною. Сотники полтавскаго полка просили помиловать его.

Такимъ образомъ, лѣваго берега Украина опять вся казалась вѣрною царю. Сомко считалъ этотъ подвигъ своимъ и надѣялся, что въ Москвѣ оцѣнятъ это и ему болѣе не будетъ препятствія сдѣлаться навсегда верховнымъ начальпикомъ страны. Сомко такъ осмѣлился, что просилъ чрезъ посланцевъ своихъ московское правительство, чтобы, во вниманіе къ большимъ расходамъ, неразлучнымъ съ гетманскою должностію, полковники давали ему всѣ доходы, подобающіе носящему полное гетманское званіе. Но не смотря на всѣ его старанія, на всѣ его увѣренія въ преданности Москвѣ, ему не довѣряли въ царской столицѣ. Доходовъ, которыхъ онъ домогался, ему не дали, на томъ основаніи, чтобы не было изъ за этого ссоры между полковниками; никакихъ денежныхъ милостей ему не оказали, только сказали посланцамъ, что объ уплатѣ собственныхъ его денегъ, истраченныхъ на жалованье ратнымъ людямъ, будетъ данъ указъ. Но исполненія онъ не дождался. Московское правительство не сдѣлало даже различія между нимъ и Юріемъ Хмельницкимъ, и какъ бы заставило Сомка отвѣчать за поступки Юрія: Сомко просилъ о возвращеніи брата своего Богдана Колющенка, задержаннаго въ Москвѣ на томъ основаніи, что къ Юрію посланъ Ѳеоктистъ Сухотинъ и задержанъ Юріемъ. Ясно было, что Сомка оговаривали: тайнымъ врагомъ его былъ Василій Золотаренко, искавшій булавы для себя, а за Василія Золотаренко хлопоталъ протопопъ Максимъ Филимоновъ, которому довѣряли въ Москвѣ болѣе чѣмъ кому либо изъ малоруссовъ въ то время. Этого мало: пріѣхавшій къ Сомку посланецъ Ѳедоръ Про-

тасьевъ привезъ ему выговоръ за то, что въ граматѣ, которую онъ посылалъ къ царю, были пропуски въ титулѣ, и, кромѣ того, ему ставили въ вину, что онъ въ своей граматѣ подписался съ «*вичемъ*»—*Іоакимъ Семеновичъ*,—тогда какъ, замѣчали ему, самые бояре пишутся безъ «*вича*». Послѣднее, однако, прощено было Золотаренку, который подписался Василіемъ Никифоро*вичемъ*. Сомко объяснялъ, что онъ человѣкъ неграмотный [1]), а писарь у него новый; что же касается до пропусковъ въ титулѣ, то эта прописка случилась не умышленно: у писаря былъ образецъ отъ переяславскаго протопопа, образецъ былъ невѣренъ, но въ Украинѣ этого не понималъ никто.

Всего непріятнѣе для Сомко должно было отозваться то, что ему теперь поручали сношеніе съ Хмельницкимъ. Въ то время, когда Сомко приводилъ Украину подъ власть царя и надѣялся за это себѣ «*нагороды*» (а вождѣленною нагородою было для него гетманство), Юрій прислалъ въ Москву Михаила Суличенка и объяснялъ, что переходъ на польскую сторону подъ Слободищемъ случился по-неволѣ, по крайности, и присягу польскому королю онъ учинилъ по принужденію заднѣпровскихъ полковниковъ, измѣнниковъ, которые, «по ляцкому хотѣнію, ищутъ погибели всего войска Запорожскаго»; Юрій просилъ не класть на него вины за это невольное отступленіе; онъ теперь за то будетъ промышлять о возвращеніи царю заднѣпровской Украины, и самъ хочетъ навсегда пребывать въ подданствѣ и послушаніи его царскаго величества. По этому-то отзыву московское правительство поручало Сомку войдти съ Юріемъ, своимъ племянникомъ, въ сношеніе, убѣждать его оставаться въ вѣрности царю и обнадеживать царскою милостію. Это значило заставлять Сомка работать противъ самого себя, подрывать себѣ самому возможность получить гетманское достоинство: оно уже упразднилось измѣною Юрія; но если Юрій получитъ царское прощеніе, то, естественно, гет-

---

[1]) Это было притворство: Сомко учился въ Кіевской коллегіи.

манство будетъ оставлено за Юріемъ, какъ за носящимъ это званіе; притомъ отъ его гетманства ожидалась прямая польза Москвѣ, тѣмъ болѣе, что онъ привлечетъ къ царю Запорожье, гдѣ его не переставали считать гетманомъ. Сомку велѣно было выразиться въ письмѣ къ Юрію, что царь утвердитъ за нимъ въ подданствѣ городъ Гадячъ, со всѣми принадлежностями, чѣмъ владѣлъ покойный отецъ его, а если онъ захочетъ поѣхать въ Москву и видѣть царскія очи, то ему не только не будетъ воспомянуто его прежнее невольное отступленіе, но онъ обрящетъ милость, и честь, и многое жалованье.

Недовѣріе къ Сомку поддерживалось въ Москвѣ получаемыми одинъ за другимъ доносами отъ Золотаренка и Максима; и потому гонцу, отправленному въ Переяславль, было поручено развѣдать—подлинно вѣренъ ли Сомко, и нѣтъ ли въ немъ «оскорбленія и сомнѣнія», и если окажется за нимъ какая нибудь шатость, то снестись объ этомъ съ переяславскимъ воеводою, княземъ Василіемъ Волконскимъ, и извѣстить царя. Тотъ же гонецъ, который пріѣзжалъ къ Сомку съ приказаніемъ писать къ Юрію убѣжденія и обнадеживать его царскою милостію, возилъ милостивую грамату къ Золотаренку, постоянно оговаривавшему Сомка. Сомко притворился и говорилъ посланцу, что онъ надѣется, что Юрій отстанетъ отъ заднѣпровскихъ полковниковъ, и послалъ письмо къ племяннику. Гонецъ дожидался отвѣта въ Переяславлѣ. Сомко, послѣ сношеній съ Хмельницкимъ, отвѣчалъ въ своей граматѣ къ царю, писанной 21 августа: «По указу вашего царскаго величества, я писалъ къ сродичу своему Юрію Хмельницкому, и напоминалъ ему именемъ Творца Сотворителя Бога, чтобы онъ вспомнилъ отца своего и свою присягу, и пришелъ въ обращеніе и пребывалъ бы по прежнему въ вѣрности и подданствѣ царскому величеству; но я имѣю подлинную вѣдомость отъ Семена Голуховскаго, бывшаго писаря Юрія Хмельницкаго, что Юрій Хмельницкій единодушно сталъ съ «приводцами» ко всему злу; онъ моего посланца приказалъ засадить въ тюрьму и призывалъ на помощь крымскаго хана. Уже ханъ съ ордою въ уманскомъ пол-

ку собирается воевать противъ царя и покорять украинскіе города лѣвой стороны Днѣпра». Въ заключеніе Сомко просилъ прислать ратныя силы противъ покушеній Юрія. Вмѣстѣ съ царскимъ посланцемъ отправилъ въ Москву самого Семена Голуховскаго.

Этотъ бывшій писарь, по снятіи съ него писарства, ѣздилъ было въ Варшаву, но былъ принятъ тамъ не радушно: поляки считали его сторонникомъ московскаго царя, и не вѣрили его словамъ о покорности королю. Теперь, воротившись изъ Польши, онъ прибылъ въ Москву искать милостей у царя, которому изъявилъ уже преданность во время слободищенской катастрофы. Василій Золотаренко, соперникъ Сомка, по отношенію къ Юрію говорилъ тогда съ Сомкомъ за одно и писалъ къ царю объ опасностяхъ со стороны заднѣпрія, ссылаясь на Голуховскаго, которому поручилъ разсказать все подробно. Семенъ Голуховскій ѣхалъ въ царскую столицу съ тѣмъ, чтобы провести обоихъ своихъ довѣрителей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, съ другимъ гонцомъ, Юріемъ Никифоровымъ, Сомко извѣщалъ совсѣмъ другое: Юрій дѣйствительно желаетъ отложиться отъ Польши, потому что полковники не даютъ ему воли; Юрій писалъ къ Сомку о своемъ желаніи быть въ подданствѣ у царя. Сомко при этомъ давалъ совѣтъ держать, близъ Юрія, московскаго приближеннаго человѣка, послать на заднѣпровскую сторону великорусскихъ ратныхъ людей и занять ими города: Чигиринъ, Корсунъ, Умань, Браціавль, Бѣлую Церковь, такъ что если поляки задумаютъ идти на лѣвую сторону Днѣпра, то русскія войска будутъ находиться на правой у нихъ сзади; а если придется уступить заднѣпровскіе города, то слѣдуетъ прежде вывести изъ этихъ городовъ всѣхъ людей на лѣвый берегъ, а города уступить пустыми, и этою уступкою выговорить у поляковъ уступку лѣваго берега Днѣпра. Такимъ образомъ, Сомко предлагалъ въ это время то, что силою обстоятельствъ дѣйствительно случилось не такъ скоро, уже послѣ его смерти.

Въ своихъ письмахъ, отправляемыхъ въ Москву, какъ Сомко,

такъ и врагъ его Золотаренко и всѣ другіе полковники безпрестанно просили о присылкѣ и прибавкѣ великорусскихъ ратныхъ людей въ Малой Руси, даже въ противномъ случаѣ грозили, что край не въ силахъ будетъ обороняться отъ поляковъ и заднѣпровскихъ казаковъ, и, въ случаѣ нападенія, отпадетъ поневолѣ отъ царя. Дѣло было въ томъ, что нравственныя силы Малой Руси чрезвычайно подорвались вслѣдствіе прошлыхъ потрясеній, неудачъ и внутреннихъ волненій; двѣ политическія партіи стояли враждебно одна противъ другой; онѣ успѣли уже раздѣлить прежде нераздѣльную Украину по теченію Днѣпра: одна, сосредоточиваясь на лѣвой сторонѣ, наклонялась къ Москвѣ,—другая, на правомъ берегу Днѣпра, къ Польшѣ; но не было вѣры въ правду и тамъ, и здѣсь, и въ сущности малоруссы не предпочитали ни ляховъ «москалямъ», ни «москалей» ляхамъ, а готовы были склоняться то сюда, то туда, смотря по наклоненію обстоятельствъ, не отъ нихъ зависѣвшихъ. Къ лѣвой сторонѣ Днѣпра была ближе Москва; она могла скорѣе дать знать свою грозу; и потому лѣвая сторона, казалось, тянула къ Москвѣ. Но прежней народной ненависти къ Польшѣ противоположно становилось неудовольствіе противъ великоруссовъ, сильно возраставшее отъ обидъ, какія дѣлали московскіе ратные люди туземцамъ. Какъ царское войско обращалось тогда съ малоруссами, описываетъ между прочимъ въ своей жалобѣ кіевопечерской лавры архимандритъ Иннокентій Гизель, 29-го мая 1661 года. Ратные люди разорили, сожгли мѣстечко Иванковъ, принадлежащее кіевопечерской обители, подъ предлогомъ, что жители противятся царю и не даютъ корма по требованію ратныхъ царскихъ людей. 12-го іюня, три села той же обители, Михайловка, Булдаевка и Богданы ограблены и опустошены, и жители должны были еще возить въ Кіевъ у нихъ же награбленное.—«Обиды не мало—говоритъ архимандритъ—ратные люди кіевскіе разными времены обители святой печерской починили, и описати намъ невозможно. Сіе есть многимъ извѣстно, что многіе прежде вотчины и хуторы пресвятыя Богородицы отъ нихъ есть разорены, церкви разрушены, пре-

столы спровержены, тайны пресвятыя съ сосудовъ пометаны, священники обнажены, иноки за выи связаны, жены порублены и иныя на смерть побиты, и подданные наши отъ убожества и нажитковъ своихъ разорены, и иные помучены и попечены, а инымъ руки и ноги отсѣчены, прочіе же на смерть побиты. Намъ вѣдомо есть, что по изволенію начальныхъ своихъ ратные люди то чинятъ, а по нашему челобитью ихъ не наказываютъ и управы святой не чинятъ». Случалось, ратные люди займутъ квартиру въ домѣ мѣщанина, распоряжаются его семьей и считаютъ принадлежащимъ себѣ его домъ, со всѣмъ имуществомъ. По московскому обычаю наймитъ, опредѣлившійся къ хозяину безъ особаго ряда или договора, дѣлался его холопомъ, и подобнымъ образомъ московскіе люди обращали въ рабство вольныхъ малоруссовъ, а въ то время войнъ, ратные люди брали въ плѣнъ жителей и продавали ихъ, разрознивши семьи. Въ современныхъ извѣстіяхъ сохранилась жалоба или извѣтъ второго воеводы въ Кіевѣ Чаодаева на князя Юрія Барятинскаго: такого рода неустройства и безпорядки приписываются въ ней послѣднему. По этому извѣстію, Барятинскій грабилъ малорусскія села и мѣстечки, и не щадилъ даже церквей.—«Какъ былъ въ Кіевѣ (пишетъ Чаодаевъ) бояринъ В. Б. Шереметевъ, и куды бывали посылки ратнымъ людямъ изъ Кіева въ черкасскіе города, и заказъ былъ ратнымъ людямъ крѣпкій, подъ смертною казнію, чтобы церквей Божіихъ не грабили и ничего изъ нихъ не имали, и хотя малая на кого улика бывала, и имъ за то было жестокое наказаніе; а онъ, князь Юрій, и ратнымъ людямъ своимъ велитъ и самъ церкви грабитъ». Впрочемъ, извѣтъ Чаодаева могъ быть преувеличенъ, ибо онъ былъ въ сильной враждѣ съ Барятинскимъ, и жаловался, что послѣдній отстраняетъ его отъ дѣлъ вовсе. Между тѣмъ на этого же самаго Чаодаева жаловался переяславскій воевода князь Волконскій, что онъ посылалъ въ Переяславль изъ Кіева ратныхъ людей, и эти ратные люди дѣлали утѣсненія переяславскимъ жителямъ, попамъ, мѣщанамъ и казакамъ, били ихъ, домы ихъ ломали и жгли... При этомъ, казаки давали московскимъ людямъ припомнить,

что въ прежніе годы у казаковъ съ ляхами брань сталась за то, что ляхи насильно становились въ ихъ дворахъ. Безчинство и грабежи надъ туземцами отъ ратныхъ людей были въ то время неизбѣжны, потому что московскіе ратные люди терпѣли чрезвычайную скудость. Производительность края была подорвана недавними смутами, но всего болѣе повредили теченію экономической жизни выпущенныя мѣдныя деньги, которыя причиняли тогда страшную передрягу и тревогу во всей Руси. Начальники всякаго рода, какъ только имѣли случай, вымогали у подчиненныхъ серебряныя деньги и ефимики, принуждали брать мѣдныя деньги по цѣнѣ наровнѣ съ серебряными, мѣдныя деньги падали, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимались на предметы цѣны. Какъ плохо было жить московскимъ людямъ въ Украинѣ — можно видѣть изъ того, что они безпрестанно бѣгали. Въ Кіевѣ, въ 1661 году, было четыре тысячи пятьсотъ человѣкъ гарнизона; изъ нихъ съ 15-го августа по 4 сентября убѣжало 103, съ 4 по 12 сентября—351 человѣкъ; изъ нихъ татаръ 204 человѣка. Причиною этому, по донесенію воеводы, была большая скудость въ съѣстныхъ запасахъ и въ конскихъ кормахъ, происходившая отъ того, что запасы покупались чрезвычайно дорого на мѣдныя деньги. Понятно, что, при такомъ положеніи, ратные люди приходили въ отчаяніе, дисциплина потерялась, они бѣгали и неистовствовали надъ жителями. Побѣги до того усилились, что правительство не ограничивалось уже обычными наказаніями, но приказывало бѣглецовъ вѣшать. Что касается жалобъ на разграбленіе и оскверненіе церквей ратными московскими людьми, то дѣло это было возможное при множествѣ нехристіанъ въ числѣ ратныхъ людей. При малѣйшей распущенности со стороны воеводъ, они не были удерживаемы благочестивымъ страхомъ въ отношеніи христіанскихъ храмовъ, гдѣ не молились сами. Кромѣ того и самые великоруссы могли тогда не оказывать достодолжнаго уваженія къ малорусской святынѣ. То было время религіознаго волненія въ московскомъ государствѣ, породившее на грядущіе вѣка раздвоеніе церкви, а впослѣдствіи и раздробленія на секты старо-

обрядства, враждебнаго реформѣ обрядовъ, признаваемой государствомъ. Ревнители старинныхъ обрядовъ, видя въ малорусской церкви отмѣны въ богослуженіи и святопочитаніи, не только не сходныя съ своими завѣтными обычаями, но сходныя съ тѣми, какія вводились на ихъ родинѣ въ московскомъ государствѣ, естественно, изливали свою злобу на то, что ненавидѣли. Достаточно было видѣть, что малоруссъ знаменуется проклятою щепоткою, чтобъ не считать его за единовѣрнаго себѣ. Ясно, что всѣ такіе поступки не способствовали усмиренію вражды и установленію добраго согласія между туземцами и пришельцами. Не смотря однако на всю тягость, какую терпѣлъ малорусскій народъ отъ московскихъ войскъ, не смотря на непрестанныя жалобы царю и боярамъ на безчинства великорусскихъ войскъ, начальство малорусское то и дѣло что просило московское правительство о присылкѣ побольше ратныхъ людей изъ московскаго государства: этимъ ясно высказывалось, что Малая Русь можетъ держаться при Московскомъ государствѣ только единственно чуждою помощію. Совсѣмъ не то было въ первые годы присоединенія: тогда казаки вмѣстѣ съ московскими людьми одерживали побѣды, тогда не они Московскимъ государствомъ, а скорѣе Московское государство ими стало сильно въ борьбѣ съ Польшею. Теперь наступалъ для казачества періодъ растлѣнія и разложенія.

Многіе искали тогда себѣ счастія и возвышенія, стараясь заслужить довѣріе и милости московскаго правительства, но никому такъ не удалось, какъ извѣстному уже намъ нѣжинскому протопопу Максиму Филимоновичу, потому что никто такъ охотно не казался готовымъ попирать всякія такъ называемыя *права и вольности*, подчинять Малую Русь московской власти и поставить ее наравнѣ съ другими старыми землями московскаго владѣнія. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1661 года, онъ отправился въ Москву, при покровительствѣ боярина Ртищева, тамъ посвященъ былъ подъ именемъ Меѳодія въ санъ епископа Мстиславскаго и Оршанскаго, и назначенъ блюстителемъ митрополичьяго престола. Конечно, онъ надѣялся быть современемъ

митрополитомъ. Діонисій, нерасположенный къ Москвѣ, не хотѣвшій ни за что посвящаться и благословляться отъ московскаго патріарха, вопреки древнимъ извѣчнымъ правамъ константинопольскаго, не признаваемъ былъ за митрополита. Меѳодія послали въ Кіевъ, дали ему на прокормленіе 6,100 р., наградили соболями и повѣрили ему сумму въ 14,000 р. на раздачу войскамъ жалованья и на устройство ямовъ. Сверхъ того онъ еще получалъ деньги для подарковъ тѣмъ, кого, по его усмотрѣнію, потребуется привлечь на московскую сторону. Пріятель его, протопопъ Симеонъ, писалъ въ Москву: «Многіе духовные и свѣтскіе съ радостію примутъ его (Меѳодія), надѣясь его заступленіемъ многую милость Малой Руси у его царскаго пресвѣтлаго величества получить, и надѣятся на милость Божію, какъ его господина возвратятъ, вскорѣ послушаютъ совѣта и рады его заднѣпровскіе полковники». Меѳодій получилъ отъ правительства порученіе наблюдать и надъ Сомкомъ, и надъ всѣми другими. До сихъ поръ онъ казался другомъ Золотаренка; съ нимъ за одно дѣйствовалъ онъ еще противъ Выговскаго. Теперь онъ сталъ считать Золотаренка, также какъ и Сомка, недостойнымъ гетманскаго достоинства, но оставался наружно расположеннымъ къ Золотаренку и нѣсколько времени относился не враждебно и къ Сомку; и того и другого поджигалъ другъ на друга, а самъ вошелъ въ сношенія съ кошевымъ запорожскимъ Иваномъ Мартыновичемъ Бруховецкимъ, и старался доставить булаву ему. Въ Украинѣ рѣзко стояли одни противъ другихъ знатные и простые, городовые и низовые; Сомко и Золотаренко, хотя соперники между собою, оба принадлежали къ «значнымъ»; то, за что стоялъ Выговскій съ своею польскою партіею, было и ихъ цѣлію. И они хотѣли шляхетства, избраннаго сословія между казаками; люди зажиточные замыкались въ кругъ противъ черни и, не смотря на взаимныя несогласія, старались сохранить свое состояніе, обезпечить себя и получить такія права, которыя допускали бы ихъ обогащаться на счетъ громады, хотѣли управлять дѣлами Украины. Въ Запорожьѣ, гдѣ толпились такіе, которымъ не

везло почему нибудь въ Украинѣ, держались за равенство, ненавидѣли всякое возвышеніе, хотѣли, казалось, власти черни, вмѣстѣ съ тѣмъ хвалились преданностію царю, подозрѣвали и разсѣявали подозрѣніе въ измѣнѣ и склонности къ Польшѣ всѣхъ «значныхъ». Знаменитый Сирко, прежде заступникъ и сторонникъ молодого Хмельницкаго противъ Выговскаго, ненавидѣлъ Юрія за Слободище, не терпѣлъ и Сомка, обзывалъ его измѣнникомъ. Вездѣ были толки о предстоящемъ избраніи въ гетманы; отъ него всѣ ожидали или боялись того, чего желали или не желали. Выборъ Сомка или Золотаренка одинаковымъ образомъ казался въ Запорожьи торжествомъ шляхетскаго направленія. Мысль о шляхетствѣ, распространяясь между городовыми казаками, невольно должна была тянуть ихъ къ Польшѣ; гадячскій договоръ отвергнутъ былъ сгоряча; прошло довольно времени, и казаки стали въ него вдумываться, и день ото дня увеличивалось число тѣхъ, которые, будучи зажиточнѣе другихъ, сожалѣли о прошедшемъ, порицали свою поспѣшность и недогадливость, и желали возвращенія потеряннаго. Казаковъ раздражало то, что не многимъ дано было шляхетство; но послѣ чудновскаго договора, когда уничтожена статья гадячскаго договора о способѣ возвышенія въ дворянство, сторонники поляковъ стали толковать, что этимъ теперь все казацкое сословіе уравнивается въ званіи высшаго шляхетскаго достоинства. Зная, что между городовыми казаками ходятъ такіе толки, пущенные поляками, преимущественно Беневскимъ, въ Сѣчѣ составили воззваніе къ народу и разослали по городамъ. Содержаніе этого воззванія было таково: «Славное Войско Запорожское низовое остерегаетъ всѣхъ казаковъ, чтобы они не вѣрили измѣнничьимъ льстивымъ письмамъ. Не принимайте ихъ, братья, и не поступайте подобно безбожному Выговскому,—соединитесь съ нами единомысленно, чтобы бусурманы и ляхи не утѣшались; а буде вы для проклятаго шляхетства не захотите стать за себя, то утеряете души свои;—сами знаете, что вамъ, чернякамъ, это шляхетство ненадобно: добре знаете, что ляхи не для помощи, а для погибели вашей

приходятъ къ намъ, а татары хотятъ до остатка христіанъ извести».

Запорожскіе казаки ненавидѣли вообще казаковъ городовыхъ; въ Украинѣ поспольство ихъ ненавидѣло; не любя вообще казаковъ изъ зависти, за то, что они пользуются привилегіями, которыхъ лишены посполитые, послѣдніе сочувствовали въ этомъ казакамъ запорожцамъ, которые, при случаѣ, проповѣдывали, что казачество должно быть достояніемъ всѣхъ, хотя на самомъ дѣлѣ у тѣхъ запорожцевъ, которые, говоря подобное, видѣли для себя лично возможность возвышенія надъ другими, было на умѣ другое. Въ Запорожьи издавна находили пріютъ тѣ, которые принадлежали къ посполитымъ, самовольно называли себя казаками; Запорожье казалось стремилось къ тому, чтобы весь народъ уравнять и сдѣлать казаками. Лукавый Бруховецкій, задумавъ захватить верховную власть и разбогатѣть, разсчелъ, что у него два средства къ достиженію цѣли. Надобно, съ одной стороны, потакать зависти черныхъ и бѣдныхъ противъ знатныхъ и богатыхъ, чтобы, такимъ образомъ, вооружить народную громаду за себя противъ своихъ соперниковъ; надобно, съ другой стороны, поддѣлаться къ московскому правительству и обѣщать ему болѣе, чѣмъ сговорились бы обѣщать Сомко и Золотаренко. У Москвы было относительно Малой Руси завѣтное желаніе закрѣпить ее за собою и сравнять съ прочими областями своего государства; а потому, чѣмъ болѣе какой малоруссъ оказывался помогать этимъ видамъ, тѣмъ скорѣе онъ заслуживалъ у московскаго правительства благосклонность. Такимъ образомъ, выскочилъ Меѳодій. Будучи еще протопопомъ, онъ въ своихъ письмахъ выражалъ желаніе не только потери вольностей, но даже уничтоженія казацкаго порядка. Москва еще не рѣшилась на это: у ней не было къ тому средствъ; но Москва дорожила людьми, такъ думающими, хотѣла, чтобы ихъ было побольше на будущее время, и вотъ протопопъ сдѣланъ епископомъ-блюстителемъ, сталъ на одной ступени до митрополита, сдѣлался самымъ довѣреннымъ лицомъ у московскаго правительства. Бру-

ховецкій разсчелъ, что надобно въ этомъ отношеніи подражать ему, держаться его, и писалъ къ нему, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобы его письмо читалось: — «Явная бѣда нашей бѣдной, плача достойной, умаленной отчизнѣ. Не хотимъ мы ее оборонять отъ непріятеля, а только за гетманствомъ гоняемся; паны городовые печалятся о томъ, какъ бы прибавить новаго наслѣдника Выговскому и Хмельницкому, — и кто надѣялся такой измѣны отъ Хмельницкаго; она явна всему свѣту. А ваша святыня заговариваешь измѣнника Сомка, который пуще цыгана людей морочитъ; онъ настоящій измѣнникъ, посылаю листъ его на обличенье. Намъ не о гетманствѣ надобно стараться, а о князѣ малорусскомъ отъ его царскаго величества, на которое княжество желаю Өедора Михайловича (Ртищева), чтобы былъ лучшій порядокъ и всякое обереженье, чтобы служилый народъ былъ готовъ на встрѣчу непріятелямъ, а что есть подъ панами полковниками маетности и мельницы, тѣ взять на доходы войсковому скарбу, а намъ всѣми силами слѣдуетъ держаться крѣпко его царскаго величества: то и будетъ намъ славно и здорово». Само собою разумѣется, что въ Москвѣ долженъ былъ понравиться человѣкъ, который заявляетъ мысль, что лучше желать управлять въ Малороссіи великоруссу, чѣмъ избранному по казацкимъ правамъ гетману. Бруховецкій зналъ, что Москва, съ ея осторожною политикою, не назначитъ великорусса управлять Малою Русью, а дастъ гетманство тому малоруссу, который совѣтуетъ это сдѣлать. О Золотаренкѣ въ письмѣ къ тому же Меөодію Бруховецкій выражался: — «Онъ напрасно хочетъ вылгать у его царскаго величества булаву; его на то не хватитъ; и прежде онъ многихъ добрыхъ людей потерялъ; не такой онъ, чтобы войско его здѣсь слушало; войско въ откупахъ не ходитъ; они (вообще «значные») научились на года табакъ откупать, а войско только за свои вольности обыкло умирать. Хотятъ (говоритъ онъ разомъ о Сомкѣ и Золотаренкѣ) быть гетманами надъ Запорожскимъ Войскомъ: безъ разума завидуютъ нашей луговой саломатѣ, а мы съ ними обмѣняемся на ихъ городовую. Пусть бы отвѣдали, какъ солона

наша луговая саломата; напрасно только губятъ невинныя души и пустошатъ землю, и выманиваютъ жалованье его царскаго величества. Добро было бы, если бы ваша святыня изволилъ писать объ этомъ къ его царскому величеству, и извѣстить меня, чтобы я войску сказалъ, а то войско сердитуетъ, говоритъ: покуда намъ терпѣть такую неволю, что въ городахъ гетмановъ ставятъ намъ на пагубу; и прежде они ничего добраго отчизнѣ не сдѣлали. Васюта все о богатствѣ думаетъ—къ ляхамъ отвезетъ въ заплату за вольности: онъ уже и то у нихъ въ конституціи написанъ; боюсь, чтобы онъ дурнаго чего не сдѣлалъ».

Всѣ эти замѣчанія были извѣстны въ Москвѣ и располагали тамъ власть въ пользу Бруховецкаго. Князь Ромодановскій, главный начальникъ московской рати на югѣ, былъ за Бруховецкаго. Бруховецкій въ письмахъ къ Меѳодію хвалилъ его, и говорилъ:—«мы бы всѣ пропали, если бы не Ромодановскій», и это, разумѣется, доходило до Ромодановскаго и до других изъ московскихъ людей, до кого нужно. Меѳодій, сошедшись съ Бруховецкимъ, работалъ въ его пользу всѣмъ своимъ вліяніемъ въ Москвѣ, велъ интригу тайно, явно до поры до времени онъ льстилъ Золотаренку и продолжалъ казаться по прежнему его другомъ. Меѳодій хотѣлъ, чтобы Золотаренко писалъ на Сомка побольше доносовъ, чтобы, такимъ образомъ, при помощи его, какъ можно болѣе заподозрить и впослѣдствіи погубить послѣдняго. Золотаренко поддавался Меѳодію во всемъ, какъ своему давнему другу, и строчилъ въ Москву на Сомка злые наговоры, также точно, какъ Сомко писалъ на Золотаренка. Москва, давно не вѣря Сомку, не стала вѣрить и Золотаренку.

Нѣсколько времени, однако, Москва наклонялась болѣе всего къ примиренію съ Хмельницкимъ, въ надеждѣ, что многіе за Днѣпромъ, по примѣру Юрія, обратятся къ царю. Въ пользу Хмельницкаго располагалъ въ Москвѣ правительственныхъ людей бывшій писарь Семенъ Голуховскій, котораго приняли въ Москвѣ радушно, и который, поэтому, съ другой стороны располагалъ къ Москвѣ и Хмельницкаго и обнадеживалъ царскою

милостію. Золотаренко и Сомко ошиблись въ этомъ человѣкѣ: и тотъ и другой надѣялись, что Голуховскій будетъ за нихъ стоять, а вышло, что онъ не сталъ ни за того, ни за другого, а былъ щедръ на обѣщанія и заступался передъ царемъ за молодого гетмана. Хмельницкій получалъ отъ него изъ Москвы убѣжденія быть вѣрнымъ царю. Вѣроятно, Голуховскому принадлежитъ одно письмо, напечатанное въ т. IV «Памятниковъ» Кіевской коммиссіи, безъ имени, тѣмъ болѣе, что пишущій говоритъ о недавнемъ своемъ пребываніи у короля польскаго: «Мнѣ--пишетъ онъ—на дорогѣ и на разныхъ мѣстахъ въ это время говорили поляки, и старшины ихніе, и чернь, и духовные: ужъ мы всѣхъ казаковъ забрали въ мѣшокъ, только еще не завязали! Поэтому надобно остерегаться поляковъ: они никогда не желали и не желаютъ добра Войску Запорожскому и всему народу греческой вѣры. Я, имѣя хлѣбъ и соль въ Войскѣ Запорожскомъ, какъ прежде совѣтовалъ, такъ и теперь совѣтую: обратитесь по прежнему къ его царскому величеству, яко ко благочестивому христіанскому монарху, помня свою присягу, зарапѣе видя надъ собою ляцкую и бусурманскую хитрость». Онъ пишетъ, что царь знаетъ, что Хмельницкій измѣнилъ подъ Слободищемъ поневолѣ, что онъ тогда спѣшилъ подать помощь Шереметеву, но, по грѣхамъ, это намѣреніе не исполнилось; царь прощаетъ и предаетъ забвенію этотъ поступокъ; царь подтвердитъ всѣ вольности, дастъ вдвое. Голуховскій припоминалъ Юрію его родителя, отдавшаго царю Малую Русь и пребывавшаго ему въ вѣрности.

XII.

Хмельницкій колебался то туда, то сюда. Съ Польшею не ладилось у него вскорѣ послѣ замиренія, какъ и слѣдовало ожидать. На него писали и доносили; его подозрѣвали въ Варшавѣ; польскіе коронные гетманы ожидали отъ него измѣны, а онъ въ письмахъ своихъ къ королю жаловался на сплетни и на кле-

веты, которыми его чернили въ Польшѣ. Въ Украинѣ дожидались польскаго сейма, который долженъ былъ утвердить слободищенскій договоръ. На этотъ сеймъ посланы были послы отъ Войска Запорожскаго. Договоръ былъ утвержденъ. Объявлена всеобщая амнистія. Старшины за преданность Польшѣ получили привилегіи на разныя имѣнія [1]). Но отъ этого не прекратилось недовольство. Казаки жаловались, что татары, союзники поляковъ, подъ видомъ готовности гетмана на войну противъ москвитянъ, разсыпались загонами по украинской землѣ, грабили, разоряли и уводили въ плѣнъ русскихъ жителей. Гетманъ Хмельницкій разъ десять просилъ польское правительство, чтобы послано было скорѣе коронное войско совмѣстно съ казаками и ордою на лѣвый берегъ Днѣпра, чтобы такимъ образомъ, можно было отклонить орду отъ праваго берега. Не дождавшись отъ Польши войска для избавленія подвластнаго себѣ края отъ татаръ, 7-го октября 1661 г. Хмельницкій самъ заключилъ договоръ съ ханомъ Мехметъ-Гиреемъ. Ханъ обязался послать съ казаками на лѣвый берегъ свою орду, запретилъ дѣлать набѣги и опустошенія въ тѣхъ полкахъ, которые пойдутъ на войну, не дѣлать насилій лицамъ и имуществамъ въ тѣхъ жилыхъ мѣстностяхъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, ко-

[1]) По конституціи 1661 года, приняты съ потомствомъ обоего пола въ шляхетское званіе: брацлавскій полковникъ Михайло Зеленскій и пожалованъ селомъ Серебренымъ въ ленное владѣніе, Павелъ Иванъ Хмельницкій получалъ привилегію на Бугаевку и Берковъ; Исидоръ Карпенко—на Водянки; Василій и Андрей Глосинскіе на Баклику и Яслиманицу въ ленное владѣніе; Евстафій Гвовскій — на Черную Каменку въ ленное владѣніе; Иванъ Θедоровичъ Яцковскій — на мельницы въ ленное владѣніе, Петръ Дорошенко, полковникъ чигиринскій, Михаилъ Ханенко, Иванъ Юрьевичъ Сербинъ, Евстафій Новаконскій, Θома Войцеховичъ, Михайло Калемковичъ, Михайло Ратковичъ, Яковъ Войцеховичъ, Михайло Попидайло, Самуилъ Пукержинскій, Семенъ Зеленскій, Александръ Доленкевичъ, Максимъ Силницкій, Иванъ Лабушный, Степанъ Холминскій, Іеремія Урошевичъ съ сыновьями, Иванъ Кравченко, иначе Бовдыновичъ (съ привилегіями на хуторы Хвастовку и Пороховонку въ ленное владѣніе), Степанъ Подуцкій, Севериненко-Кости, Евстафій Гоголь, Захарій и Христофоръ Петровичи утверждены въ дворянствѣ (Volum. Leg. IV. 359—360; изд. Спб. 1860).

торыя будутъ отдаваться гетману, не останавливаться болѣе трехъ дней подъ тѣми городами, которые не станутъ сдаваться, чтобы не подать татарамъ возможности разсыпаться по краю и дѣлать грабежи, не входить въ переговоры съ непріятелемъ безъ вѣдома польскаго короля, а при отступленіи въ Крымъ ордѣ воротиться по лѣвой сторонѣ Днѣпра, а не по правой.

Это были мѣры, найденныя тогда возможными, чтобы прекратить разорительное пребываніе татарскихъ ордъ на Украинѣ праваго берега. Соединившись, такимъ образомъ, съ татарами, Хмельницкій отправился на лѣвый берегъ Днѣпра въ октябрѣ. 21-го октября 1661 года, Хмельницкій и ханъ, перешедши Днѣпръ, стали подъ Переяславлемъ. Хмельницкій съ казацкими полками стоялъ обозомъ на Поповкѣ за рѣкою Трубежемъ. Великорусскій воевода въ Переяславлѣ, Песковъ, доносилъ впослѣдствіи царю, что у Хмельницкаго постановлялся тогда тайный договоръ съ своимъ дядею Сомкомъ; послѣдній обѣщалъ измѣнить царю, когда пойдутъ изъ-за Днѣпра польскія военныя силы подъ Переяславль; что это намѣреніе не состоялось оттого, что въ пору прибыли въ Переяславль великорусскія ратныя силы. Этому доносу нельзя, конечно, слишкомъ довѣрять, потому что тогда подобныя донесенія писались подъ вліяніемъ сомковыхъ враговъ, которыхъ было много у наказнаго гетмана. Сомко съѣзжался съ своимъ племянникомъ на разговоръ на плотинѣ между городомъ и непріятельскимъ станомъ. Онъ объяснялъ московскимъ воеводамъ, что на этихъ разговорахъ онъ убѣждалъ племянника обратиться къ царю, быть подъ его высокою державою, обнадеживая его царскою милостію, дѣлалъ, однимъ словомъ, то, что ему было прежде приказываемо дѣлать, но Юрій не послушалъ его. Сомко убѣждалъ его писать къ царю.—«Нечего мнѣ писать, сказалъ Юрій, я гетманъ, свободный человѣкъ; надо мной нѣтъ королевскаго гетмана и воеводы, а если и есть королевское войско, то подъ моею властію; а ты наказный гетманъ не самъ по себѣ, а отъ меня; ты прогони московскихъ людей изъ украин-

скихъ городовъ, отдай мнѣ весь снарядъ со всѣми принадлежностями, и покорись королю, своему вотчиннику. Эта отчина королевская, а не царская».

Передавъ эти слова воеводамъ Чаодаеву и Пескову, Сомко замѣтилъ, что Юрій такимъ образомъ говорилъ только по нуждѣ, подъ вліяніемъ Лѣсницкаго, Носача и Гуляницкаго; безъ нихъ онъ бы иное говорилъ, иначе бы поступалъ.

Постоявъ нѣсколько времени подъ Переяславлемъ, Хмельницкій разослалъ отряды возмущать казаковъ и склонять на свою сторону, но это не удалось ему. Въ мѣстечкѣ Песчаномъ, полковникъ уманскій Иванъ Лизогубъ попался въ плѣнъ. Хмельницкій, ничего не сдѣлавши, отошелъ отъ Переяславля съ ханомъ, а по уходѣ его воеводы жаловались царю, что во все время этой осады Сомко пилъ, худо распоряжался, никакого отъ него прока не было, явно дружилъ врагамъ. Какъ только казаки съ московскими ратными людьми выйдутъ на вылазку, Сомко посылаетъ асауловъ загонять ихъ опять въ городъ, и до плѣнныхъ не допускалъ великоруссовъ, чтобы они не могли получить никакой вѣдомости. Взятый въ плѣнъ Лизогубъ отданъ былъ подъ надзоръ брату его, переяславскому мѣщанину. Сомко не допускалъ до него московскихъ людей, чтобы они не получали отъ него никакихъ свѣдѣній. Сомко, впослѣдствіи, объяснялъ, что Лизогубъ объявилъ о своемъ переходѣ на царскую сторону.

Ханъ и Хмельницкій двинулись къ Нѣжину; отряды казаковъ и татаръ дѣлали разоренія по лѣвобережной Украинѣ, доходили вверхъ даже далѣе Стародуба, врывались въ великорусскія земли; по извѣстію донесеній отъ Хмельницкаго королю, казаки и татары доходили до Калуги. Но ни одинъ укрѣпленный городъ не былъ взятъ ими; проходивши по Украинѣ до праздника Богоявленія, ханъ и Хмельницкій ушли за Днѣпръ. Часть казаковъ, оставшуюся подъ начальствомъ Тимоѳея Цыцуры въ Ирклѣевѣ, разгромилъ Ромодановскій. Ирклѣевъ, принявшій Цыцуру, былъ за это сожженъ; самъ Цыцура взятъ въ плѣнъ. Въ Кропивнѣ

былъ взятъ другой предводитель казацкаго загона, Мартынъ Курощупъ. Обоихъ отправили въ Москву.

Это нашествіе увеличило безпорядокъ въ Украинѣ. Ожидали, что Хмельницкій, усиливъ себя королевскими войсками, прибудетъ снова. Противная Сомку партія продолжала дѣйствовать всѣми силами, чтобы очернить его въ глазахъ московскаго правительства. Московскіе воеводы, находившіеся въ Украинѣ, были настроены противъ него, потому что онъ не ладилъ съ ними и вообще не любилъ великоруссовъ. Казаки, не расположенные къ нему, подлаживались къ великоруссамъ, говорили имъ: — «Якимъ (Сомко) умыслилъ учиниться гетманомъ, хочетъ взять волю надъ всѣми полковниками, а тѣхъ, которые ему непослушны, изведетъ; всѣхъ грубѣе ему теперь Васюта (Золотаренко) да Бруховецкій, да Дворецкій. Если онъ станетъ гетманомъ, то первымъ дѣломъ убьетъ ихъ и возьметъ верхъ надъ Украиною, а тогда учинитъ по всей волѣ юрасковой; а если Васюта убережется, то будетъ у насъ то, что было съ Выговскимъ и Пушкаренкомъ; великая бѣда и разоренье великое чинится намъ отъ старшихъ нашихъ; больно намъ, какъ нашъ же братъ мужикъ да старшимъ станетъ, и хлѣба наѣстся и государево жалованье возьметъ, да захочетъ быть великимъ паномъ, поищетъ свободы и сойдется съ ляхами и татарами и измѣнитъ». Нѣкоторые, поддѣлываясь къ московскимъ людямъ, говорили: — «Совсѣмъ незачѣмъ быть у насъ гетману; гетманскимъ полководствомъ не уберечь Украины безъ ратныхъ государевыхъ людей: не устоять намъ противъ непріятельской силы»! Самъ Сомко, чтобы снять съ себя подозрѣніе въ наклонности къ измѣнѣ, говорилъ тоже, что и Бруховецкій, вмѣстѣ съ другими полковниками: — «Пусть государь отдаетъ намъ казаковъ вѣдать окольничему Ѳедору Михайловичу Ртищеву; онъ къ намъ ласковъ и царскому пресвѣтлому величеству по нашему прошенію всякую рѣчь доноситъ». Этимъ заявленіямъ не вѣрили воеводы и доносили правительству, что Сомко и всѣ казаки съ Сомкомъ готовы измѣнить и отдаться Юраску, что удержать страну можно только прибавкою московской рати, содержать же

эту рать въ то время дѣлалось день-ото-дня труднѣе. Мѣдныхъ денегъ не хотѣли брать малоруссы ни за что, а старшины, пользуясь случаемъ, продолжали вымогать насиліемъ у посполитыхъ послѣднее серебро, и насильно давали мѣдныя деньги, которыя не ходили: дороговизна сдѣлалась неслыханная, за лошадь надобно было заплатить не менѣе ста рублей; за десять рублей мѣдныхъ денегъ съ трудомъ можно было вымѣнять полтину серебряныхъ; овесъ и сѣно стали чрезвычайно дороги; лошади у ратныхъ людей пропадали; разоренія, произведенныя недавнею войною, увеличили обѣднѣніе народа; ратные буквально подвергались голодной смерти. Весною 1662 года, въ Кіевѣ состояло только 3206 ратныхъ людей; изъ нихъ было больныхъ 458 человѣкъ. Изъ 737 рейтаръ у 250 не было лошадей; у драгунъ, которыхъ было 92 чел., не было ни у одного лошади. На содержаніе этого гарнизона у воеводы Чаодаева было серебряныхъ денегъ 1600 рублей, ефимковъ на 6502 р., а мѣдныхъ 76,837 р.; но въ Кіевѣ, какъ и по всей Украинѣ, не брали мѣдныхъ. Въ Нѣжинѣ, по донесенію тамошняго воеводы Семена Шаховскаго, по причинѣ побѣговъ, оставалось очень мало московскихъ людей, всего 4 пищали и почти не было въ запасѣ—свинцу и фитилей. Край вокругъ Нѣжина до того обнищалъ, что нельзя было купить для фитилей поскони и льну, и воевода не ручался за возможность отсидѣться отъ непріятелей, которыхъ безпрестанно ожидали. Въ Черниговѣ осталось всего двѣсти человѣкъ московскихъ людей, и городъ не надѣялся никакъ оборониться. Переяславскій воевода князь Волконскій писалъ въ Москву тоже, жаловался на малолюдство, на побѣги ратныхъ людей, на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ для ратныхъ, и между тѣмъ продолжалъ обвинять Сомка и, вообще, всѣхъ переяславскихъ казаковъ въ тайной измѣнѣ.

Ожидая вновь нашествія Хмельницкаго, Сомко, 23 апрѣля 1662 года, оповѣстилъ раду въ Козельцѣ, какъ бы для совѣщанія о средствахъ обороны. Онъ надѣялся, что здѣсь, между прочимъ, состоится выборъ его въ гетманы, и тогда останет-

ся только просить царскаго утвержденія. Партію его держали полковники наказной переяславскій Щуровскій, ирклѣевскій Матвѣй Попкѣевичъ, кременчугскій Константинъ Гавриленко, наказной лубенскій Андрей Пырскій, наказной миргородскій Гладкій, прилуцкій полковникъ Терещенко, зинковскій Шиманъ; все это были его подручники; черниговскій полковникъ Силичъ былъ за него съ своей партіею. Но противъ него были нѣжинцы съ Золотаренкомъ, а главное, былъ его злѣйшимъ врагомъ Меѳодій, не дававшій ему пріобрѣсть доброе расположеніе ни московской власти, ни казацкой громады. Когда одна часть казаковъ желала имѣть его гетманомъ, другая, настроенная Меѳодіемъ и Золотаренкомъ, кричала, что онъ недостоинъ, что онъ измѣнникъ, сносится съ Юраскомъ, дружитъ полякамъ. Преданная ему партія составила избирательный актъ; приложены были руки и печати; другіе, подстрекаемые Меѳодіемъ, не признавали законнымъ этого акта. Сомко остался тѣмъ, чѣмъ былъ, не болѣе. Постановили просить царя о присылкѣ рати, а тѣмъ часомъ дѣйствовать ссобща противъ Хмельницкаго, избраніе же отложить до того времени, когда прибудетъ царскій посланникъ.

Съ тѣхъ поръ приверженцы Сомка полагали, что избраніе въ Козельцѣ совершилось: присланному отъ царя не останется ничего, какъ только утвердить состоявшееся избраніе; но противники ихъ говорили, что никакого избранія отнюдь не было, и оно должно произойти снова при царскомъ посланникѣ, и не иначе, какъ черною радою, то есть гдѣ бы участвовали громады казаковъ и поспольства. Послѣ этой неудачной рады, Меѳодій и Золотаренко опять писали въ Москву, жаловались на самовольство Сомка, еще лишній разъ увѣряли, что онъ, измѣнникъ, сносится съ своимъ племянникомъ и хочетъ для того только захватить власть, чтобы измѣнить и увлечь за собою лѣвую сторону Днѣпра. Воевода Волконскій повторялъ въ своихъ донесеніяхъ въ Москву тоже, и князь Ромодановскій также описывалъ Сомка измѣнникомъ; Бруховецкій, наконецъ, съ своей стороны чернилъ Сомка какъ только могъ. За Бру

ховецкимъ вопіялъ противъ Сомка и знаменитый Сирко. Сохранилось его энергическое письмо къ Сомку (хотя въ крайне испорченномъ спискѣ), гдѣ онъ пишетъ къ нему между прочимъ такъ:

«Многомилостивый господинъ Якимъ Сомко, нашъ любезный пріятель! Покинь мудрить; лукавство твое и измѣна уже явны всему войску; я знаю твою лукавую лесть: ты въ соумышленіи съ своимъ племянникомъ хочешь измѣнить Богу и его царскому величеству, но Богъ не потерпитъ великой неправды; вы оба однодумны съ онымъ псомъ Выговскимъ, съ которымъ вы породнились, и его наученіемъ дышите, гоняясь за чертовскимъ шляхетствомъ ляцкимъ. Пусть тебѣ памятно будетъ, какъ на сеймъ ты бѣгалъ для титуловъ и маетностей; ты получилъ свое наказное гетманство не отъ войска, а отъ клятвопреступнаго Хмельницкаго, и неправильно пишешься наказнымъ гетманомъ; лучше бы тебѣ покинуть свое гетманство, вспомнивши о войсковой казни, издавна постигавшей тѣхъ, которые присвоивали себѣ титулы безъ заслугъ и единодушнаго согласія всего низоваго войска. Какія твои заслуги? Донскихъ казацкихъ посланцевъ у насъ много; они всѣ знаютъ, какъ ты на Дону виномъ шинковалъ. Ты людей притѣсняешь, поставилъ сторожи на переправахъ будто отъ непріятелей, а за ними своимъ нельзя проходить, и только въ убытокъ государству все это дѣлается въ совѣтѣ съ нечестивымъ Хмельницкимъ. Ты по шею купаешься въ братней крови; но вотъ Богъ дастъ — войско совокупится; станетъ дума всѣхъ черныхъ людей войсковыхъ; не сердитесь на насъ, что мы вамъ правду объявляемъ».

Запорожцы отъ себя, а Меѳодій отъ себя писалъ въ Москву одно и тоже, что избраніе гетмана прочно можетъ стать только посредствомъ черной рады, такого сборища, на которомъ были бы всѣ малорусскіе черные люди, а не одна старшина, съ толпою казаковъ, покорной старшинѣ.

Московское правительство, уже настроенное противъ Сомка, имѣло причину быть имъ еще болѣе недовольнымъ за казацкую

раду, ибо на предшествовавшей ичевской радѣ сами казаки рѣшили просить о присылкѣ боярина, и ждать его, чтобы не иначе какъ въ его присутствіи избранъ былъ всенародно гетманъ, а теперь, не дождавшись боярина, Сомко сталъ распоряжаться выборомъ очевидно для своихъ видовъ. 13-го мая, изъ Москвы отъ царскаго имени послана грамата къ Ромодановскому; ему предписывалось идти въ черкасскіе города для обереганія отъ непріятельскаго нашествія, и собрать раду для избранія всѣми голосами настоящаго гетмана. Велѣно было непремѣнно, чтобы изъ Запорожья казаки прибыли на раду съ Брюховецкимъ. На этой радѣ должны быть, кромѣ старшины и казаковъ, мѣщане и чернь. Москвѣ—черная рада была на руку. Опытъ предыдущихъ событій показалъ уже, что въ Украинѣ малорусское посполъство предано царю и готово подчиняться всѣмъ перемѣнамъ, какія скажутся нужными для московскихъ видовъ. Оно не имѣло тѣхъ шляхетскихъ и политическихъ правъ и вольностей, которыми дорожили казаки, а между тѣмъ хотѣло улучшенія своего быта, чувствовало надъ собою тягость казацкихъ привилегій и надѣялось льготъ, охраны и защиты отъ царя; оно гораздо меньше, чѣмъ казаки, впитало въ себя польскихъ понятій и взглядовъ, болѣе оставалось русскимъ. Оно желало черезчуръ много, даже невозможнаго, но требовать могло очень мало, и болѣе способно было надѣяться и ждать, чѣмъ домогаться. Его идеалъ было широкое всеобщее равенство, свобода отъ всякихъ податей, повинностей, стѣсненій; но такъ какъ этотъ идеалъ недостигаемъ по существу вещей, то, при отсутствіи опредѣленныхъ и ясныхъ требованій, оно легко обращалось къ прежней долѣ терпѣнія. Московская политика понимала, что, опираясь на черную громаду, можно довести край до подчиненія самодержавной власти, такъ какъ Брюховецкій и его запорожскіе соумышленники понимали, что въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находилась растрепанная Украина, взволновавъ эту громаду и потакая ея похотѣніямъ, хотя бы неумѣренпымъ и неосуществимымъ, можно взять надъ нею верхъ и потомъ поработить ее и обогащаться на ея счетъ, погубивши

тѣхъ, которые думали жить и обогащаться на ея счетъ, другимъ, болѣе легальнымъ путемъ. Поэтому, какъ Бруховецкому и его благопріятелямъ, такъ и Москвѣ была нужна черная рада. Сомку она была чрезвычайно непріятна; онъ предвидѣлъ себѣ возможность бѣды, но долженъ былъ притворяться, и говорилъ воеводѣ, что одобряетъ такой способъ избранія, самъ же вовсе не хочетъ гетманства и готовъ оставаться черникомъ, служа вѣрою и правдою царю своему. Ничего другого не могъ говорить тогда Сомко. Что касается до Золотаренка, то онъ былъ достаточно ограниченъ умомъ, чтобы съ перваго раза понять грозящую бѣду, а поддаваясь внушеніямъ Меѳодія, надѣялся для себя выигрыша во всякомъ случаѣ.

Между тѣмъ Москва все еще не оставляла надежды уладить съ Хмельницкимъ. У него и у казаковъ, державшихся польской стороны, не ладилось и долго не могло ладиться съ Польшею. Поляки продолжали подозрѣвать Юрія и надѣялись отъ него каждый часъ измѣны. Коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій писалъ къ маршалу коронному Любомірскому, по слухамъ, что Хмельницкій ищетъ у константинопольскаго патріарха разрѣшенія отъ чудновской присяги, что онъ переговаривается и съ Бруховецкимъ, и съ Сомкомъ, и хотѣлъ бы, чтобы вѣрные царю казаки напали на него, когда онъ будетъ съ малымъ числомъ войска, чтобы потомъ извинять себя, какъ будто онъ передается по неволѣ Москвѣ, такъ какъ онъ уже извинялъ себя въ Москвѣ, что передался Польшѣ по неволѣ. Эти подозрѣнія имѣли свою долю правды. Хмельницкій писалъ въ Сѣчу къ Сирку, поручалъ ему сдѣлать въ поляхъ какую нибудь помѣшку татарамъ, изъявлялъ надежду самому скоро воевать противъ татаръ и ожидалъ союза европейскихъ государей противъ турокъ. «Не тревожьтесь тѣмъ, —выражался онъ, —что мы здѣсь татаръ приглашаемъ и присягаемъ имъ: дурно своему брату христіанину солгать, а бусурману—Богъ грѣха отпуститъ». Недоразумѣнія по поводу религіи съ Польшею не прекращались. Сеймъ утвердилъ чудновскую коммиссію, которая подтвердила

многія статьи гадячскаго договора; за уничтоженіемъ Русскаго Княжества, послѣдній оставался во всей силѣ законнаго значенія. Діонисій Балабанъ, хотя ненавидѣлъ Москву, былъ вѣрный православный и писалъ письма къ королю, чтобы, согласно съ конституціею, утверждавшей гадячскій договоръ, были скорѣе отобраны отъ уніатовъ монастырскія и церковныя имѣнія, данныя издавна православными предками пановъ православнымъ монастырямъ, что только этою мѣрою утвердится въ Украинѣ спокойствіе, и Запорожское Войско будетъ оставаться въ незыблемой вѣрности королю и Рѣчи-Посполитой. Гетманъ въ мартѣ послалъ въ Варшаву Гуляницкаго съ тремя другими старшинами (Креховецкимъ, войсковымъ писаремъ Глосинскимъ и Каплонскимъ) для отобранія, согласно конституціи, отъ уніатовъ всѣхъ епископскихъ каѳедръ, архимандритствъ и духовныхъ имѣній, просилъ короля скорѣе назначить съ польской стороны четырехъ коммиссаровъ и дать имъ полномочіе для исполненія вмѣстѣ съ казацкими послами «святого дѣла», какъ онъ выражался. Но исполнить этого было невозможно, не смотря на всѣ обязательства и конституціи; пока поляки были католики, невозможно было имъ совершить такого дѣла, которое клонилось къ ущербу ихъ религіи. Кромѣ того поднимался старый вопросъ о свободѣ народа отъ пановъ, за что ратовалъ южнорусскій народъ въ одинаковой степени какъ и за свою вѣру.— «Доношу вашему величеству,—писалъ Хмельницкій королю,— что паны, шляхта и поссесоры имѣній вашего величества и дѣдичныхъ отягощаютъ невыносимыми чиншами, десятинами, поволовщинами и иными тягостями, и приневоливаютъ къ работамъ вѣрныхъ вашему величеству казаковъ, проливающихъ кровь за благо Рѣчи-Посполитой, нашему народу чинятъ великое беззаконіе, нарушаютъ вольности наши, утвержденныя договорами и конституціями прошлыхъ сеймовъ». Но въ то время, когда съ такимъ требованіемъ явились послы гетмана Войска Запорожскаго, на тотъ же сеймъ явились послы отъ шляхетства и жаловались, что гетманъ дозволяетъ своимъ универсаломъ дѣлать панамъ всякое насиліе, однихъ не допускать до

владѣнія имуществомъ, другихъ выгонять изъ наслѣдственныхъ имѣній, захватывать государственные и частные доходы имѣній королевскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ особъ. По этимъ жалобамъ, въ силу послѣдовавшаго объ нихъ сеймоваго рѣшенія, король отвѣчалъ польскимъ посламъ отъ южно-русскихъ воеводствъ, что будетъ дано приказаніе Хмельницкому возвратить захваченное достояніе обывателямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено, что всѣ привилегіи, выданныя прежде казакамъ на шляхетскія имѣнія, хотя бы онѣ были одобрены постановленіями прежнихъ сеймовъ, уничтожаются новою конституціею, и всѣ такія имѣнія, находящіяся во владѣніи казаковъ, должны быть, по введеніи коронныхъ войскъ въ Украину, возвращены прежнимъ законнымъ владѣльцамъ. Въ особенности признавались недѣйствительными постановленія прошлаго 1661 года. Новое постановленіе налегало особенно на уничтоженіе въ прежней конституціи словъ, имѣющихъ такой смыслъ, что реестръ казацкій, со стороны казацкаго правительства, не долженъ быть приведенъ въ исполненіе прежде возвращенія церковныхъ имѣній, и только три мѣсяца спустя послѣ этого удовлетворенія православныхъ, гетманъ обязанъ былъ реестровать войско. Такъ какъ этотъ пунктъ не оказался внесеннымъ въ конституціи, записанныя въ градскія варшавскія книги, то теперь, на этомъ основаніи, его и уничтожили. Окончательно реестрованіе было очень желательно для поляковъ: оно легально полагало предѣлъ неяснымъ отношеніямъ между казаками и посполитствомъ, должно было прекратить вступленіе посполитныхъ въ казачество, а гетману и его старшинѣ преградить путь вмѣшательства въ дѣла края, не входящія исключительно въ кругъ казацкаго управленія. Но и для казаковъ было чрезмѣрно важно составить реестръ свой только тогда, когда будутъ удовлетворены духовныя требованія русскаго православнаго народа, и когда чрезъ то будетъ удалена важнѣйшая причина возстаній, побуждавшая казаковъ привлекать къ себѣ сколько возможно большее число посполитыхъ для борьбы съ Польшею. Поляки, нарушая теперь

то, что сами прежде постановили, и домогаясь завершенія реестра прежде возврата церквей и церковнаго вѣдомства имѣній въ руки православныхъ, явно показывали, что не хотятъ исполнять послѣдняго никогда, а обманываютъ казаковъ и весь русскій народъ только для того, чтобы стѣснить казаковъ и, по возможности, лишить ихъ на будущее время средствъ защищать православіе и подниматься противъ Польши подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ. Понятно, что, при такомъ обращеніи между собою наружно помирившихся враговъ, прочнаго союза казаковъ съ Польшею не могло быть. Со стороны поляковъ слишкомъ рано давала себя знать іезуитская политика, да и Хмельницкій и его полковники всегда готовы были перейдти на сторону царя, если бы только могли уладиться и окончиться недоразумѣнія, возникшія съ Москвою, а казаки могли быть довольны подъ московскимъ правительствомъ и надѣяться осуществленія своихъ желаній. Но въ то время со стороны Москвы было мало оказываемо лестнаго для казацкихъ надеждъ. Москва не расположена была дѣлать уступокъ, какихъ хотѣли казаки и какія вовсе не содѣйствовали прочнѣйшему сплоченію Украины съ Московскимъ государствомъ. Москва, слѣдуя своей завѣтной политикѣ—подчиненія русскихъ земель и собиранія Руси въ единое тѣло,—не рѣшилась бы принимать Юрія или какого бы то ни было другого гетмана иначе, какъ держась твердо условій, ненавистныхъ для казацкой старшины, условій второго переяславскаго договора; но къ тому же существенной помощи отъ царя казакамъ въ тѣ смутныя времена было мало. Сомко и лѣвобережные полковники, то и дѣло, что просили ратныхъ силъ, а имъ то и дѣло отвѣчали, что объ этомъ будетъ данъ указъ, но московское войско въ Украину не посылалось, а тѣ ратные люди, которые находились съ воеводами въ городѣ, не въ силахъ будучи оборонять Украины отъ чужихъ, были бичами для своихъ.—«Мы,—говорилъ черниговскій полковникъ великорусскому гонцу,—безпрестанно просимъ у государя войска, а насъ только тѣшатъ словами, и ратныхъ людей не шлютъ, а у воеводъ какіе есть ратные, такъ отъ нихъ наши

домы разорены. Третій годъ сами боронимся отъ непріятеля». Въ самомъ дѣлѣ, въ то время не было числа челобитнымъ, подаваемымъ отъ малоруссовъ царю: одинъ жаловался, что ратные московскіе люди отняли у него жену, другой—дочь, третій—что малолѣтнихъ дѣтей завезли въ «Московщину», и завезенныя терпятъ неволю неизвѣстно гдѣ: нѣкоторые выпрашивали проѣзжія граматы и разъѣзжали по московской землѣ, отыскивая своихъ дѣтей и кровныхъ. Число ратныхъ уменьшалось, и потому все менѣе и менѣе Малая Русь имѣла надежду на помощь отъ нихъ противъ внѣшнихъ враговъ. Насилія же, грабежи, убійства, всякаго рода оскорбленія малорусскій народъ не переставалъ терпѣть отъ тѣхъ, которые оставались въ Украинѣ. Все это извѣстно было на правомъ берегу, и, разумѣется, останавливало Хмельницкаго и его старшину отъ новаго подданства царю. Притомъ же разсчетъ былъ таковъ: если они отложатся отъ Польши, поляки и татары ихъ примутся разорять, истреблять поголовно; московскій государь не подастъ имъ помощи, такъ точно, какъ не подаетъ малоруссамъ на лѣвой сторонѣ, и потому—перейдти на сторону царя въ то время значило, для праваго берега Украины, отважиться на явную погибель. Понятно, что оставаться подъ властію поляковъ было не любо послѣ того, какъ послѣдніе, сознавая бѣдственное положеніе Украины, упадокъ ея народныхъ силъ и разложеніе казачества, начали уже явно показывать, что все обѣщанное ими былъ обманъ, что Украинѣ грозитъ прежняя доля. Тѣмъ не менѣе правобережные казаки все еще держались Польши, потому что считали ее больше для нихъ сильною и въ случаѣ вражды съ нею болѣе опасною, чѣмъ Московское государство, которое поставило себя такъ, что дружба съ нимъ казалась имъ опаснѣе вражды. Вотъ почему Хмельницкій, хотя и переговаривался много разъ о подданствѣ царю, но въ своей нерѣшимости, не получивши еще свѣденія о новомъ постановленіи польскомъ, вредномъ для казаковъ, снова лѣтомъ 1662 года отправился подчинять себѣ лѣвобережную Украину, вмѣстѣ съ ордою и польскими вспомогательными хоругвями.

XIII.

Сомко съ вѣрными ему полковниками и на этотъ разъ должны были встрѣчать его безъ ратной помощи царской, предоставленные самимъ себѣ. Сомко счастливо отбилъ передовой татарскій набѣгъ, въ концѣ мая изловилъ тридцать человѣкъ татарскихъ языковъ и отослалъ къ царю. Въ этотъ разъ имъ послано было такого содержанія письмо: — «Смиренно молю и въ стопы ногъ вашему царскому пресвѣтлому величеству упадаю — писалъ онъ — покажи премногую милость надо мною, слугою своимъ вѣрнымъ: не дай меня въ поношеніе тѣмъ моимъ соперникамъ, которые описываютъ меня передъ вашимъ величествомъ въ своихъ обманныхъ листахъ измѣнникомъ; они и прежде сидѣли въ своихъ домахъ, и нынѣ сидятъ, никуда нейдутъ, помочи не даютъ на непріятеля и давать не хотятъ, а мою работу Богъ видитъ, какъ я не часъ и не два, не щадя головы своей, имѣлъ бой съ непріятелемъ, умирая за ваше величество и за цѣлость Малой Россіи съ однимъ полкомъ своимъ переяславскимъ. Не знаю, зачѣмъ меня епископъ съ Васютою описываютъ измѣнникомъ; я въ невинности своей буду слезно плакать предъ вашимъ величествомъ, пока увижу, что ваша государева милость сниметъ съ меня вражду и ненависть, и ваше величество изволите прислать такія граматы, чтобы всякій мнѣ противникъ и непослушникъ устыдился. Въ десятый разъ бью челомъ вашему величеству, чтобы епископъ пересталъ побуждать на зло, и тѣ люди, которые надуты епископскимъ совѣтомъ, пусть все это оставятъ и со мною служатъ вѣрно вашему царскому величеству. Мы бьемъ челомъ вашему величеству: изволь прислать къ намъ боярина для избранія гетмана; изволь ваше царское величество оставить это дѣло на волю всему Войску Запорожскому, а не мнѣ, и не боярину, какъ по стародавнымъ

обычаямъ нашихъ предковъ дѣлалось, епископъ же пусть въ это вовсе не вступается». Вмѣстѣ съ тѣмъ Сомко жаловался на Ромодановскаго, который явно дружилъ съ епископомъ и Васютою, и былъ нерасположенъ къ Сомку. Сомко указывалъ на то, что онъ, Ромодановскій, вопреки правамъ казацкимъ, требовалъ съ зинковскаго полка триста человѣкъ, подводы и пятьдесятъ провожатыхъ. «Нашимъ извоеваннымъ людямъ, выражался Сомко, съ такой налоги и безъ войны война». Онъ просилъ запретить Ромодановскому вступаться въ права и вольности Запорожскаго Войска, не приводить епископа и Васюту на зло, и не быть въ казацкой радѣ при избраніи гетмана, а знать ему свое дѣло войсковое, порученное царемъ: оберегать край отъ непріятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сомко просилъ о возвращеніи ему данныхъ воеводѣ Чаодаеву собственныхъ денегъ на жалованье войску, о чемъ онъ уже объявлялъ теперь не первый разъ.—«Храни Боже, по моей смерти—писалъ онъ—некому будетъ бить челомъ о тѣхъ деньгахъ; сыновъ у меня милыхъ было два, и тѣхъ Богъ до славы своей святой обоихъ взялъ вдругъ».

Хмельницкій съ своими казаками, а также со вспомогательнымъ отрядомъ поляковъ и съ татарами, стоялъ станомъ недалеко Переяславля болѣе мѣсяца. Происходили частыя стычки. Между тѣмъ татары и праваго берега казаки ходили по окрестностямъ. 23 іюня, чигиринскаго полка казаки овладѣли Кременчугомъ. Кременчугскіе мѣщане впустили ихъ; пятьсотъ человѣкъ ратныхъ московскихъ людей заперлись въ маломъ городкѣ съ запасами и орудіями. Съ ними было небольшое число кременчугскихъ жителей, не хотѣвшихъ измѣнить царю. Три дня они отбивались отъ приступовъ, но, наконецъ, 25 іюня прибылъ Ромодановскій съ десятью тысячами конныхъ. Тогда осажденные сдѣлали вылазку и, ударивъ на враговъ, разсѣяли ихъ и прогнали. Другіе казацко-татарскіе загоны слѣдовали по направленію къ сѣверу, 20 іюня взяли Носовку, перебили жителей, взяли въ плѣнъ священника съ семьею. Въ іюлѣ, загоны татаръ, поляковъ и казаковъ опустошили окрестности Ко-

зельца. Нѣжинъ со дня на день ожидалъ ихъ посѣщенія, не надѣясь отстояться отъ непріятельскаго нашествія. Тѣмъ не менѣе нѣжинскій полковникъ не хотѣлъ дѣйствовать за одно съ Сомкомъ, не хотѣлъ признавать его наказнымъ, чтобы впослѣдствіи не признать настоящимъ гетманомъ. Сомко писалъ къ нему, жаловался, что самъ онъ одинъ съ переяславцами долженъ отбиваться отъ многочисленной силы; другъ друга оба они укоряли. Сомко во время осады выходилъ неоднократно на вылазки, посылалъ подъѣзды, ловилъ плѣнниковъ и посылалъ ихъ къ царю. Такъ, 15 іюня, Сомко отослалъ въ Москву трехъ взятыхъ на бою поляковъ, и снова обычно умолялъ царя прислать скорѣе московское войско на выручку Переяславля, чтобы предупредить непріятеля, который, какъ показывали языки, ожидаетъ къ себѣ свѣжихъ силъ.—«Самимъ намъ, писалъ Сомко, силъ и помочи ни отъ Васюты, ни отъ князя Ромодановскаго не имѣючимъ, придется сѣсть въ запоръ и самимъ намъ голодомъ помереть и конямъ и всякому животному». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снова просилъ опять защитить его отъ внутреннихъ непріятелей, и дать ему власть карать своихъ враговъ.—«Прикажи, милосердый государь, на таковыхъ гетману и полковнику и всему войску дать власть, чтобы таковыхъ смутниковъ и раскольниковъ намъ вольно было, по своему войсковому обычаю, судить и карать; инако та измѣна искоренитись не можетъ». Тогда онъ жаловался на Семена Голуховскаго. Воротившись изъ Москвы, Семенъ Голуховскій прибылъ въ Нѣжинъ; тамъ, вѣроятно, онъ совѣщался съ Золотаренкомъ и съ Меѳодіемъ, оттуда отправился въ зинковскій, а потомъ въ полтавскій полкъ, и волновалъ вездѣ казаковъ противъ Сомка, оттуда отправился въ Кременчугъ, гдѣ изрубилъ атамана за что-то: тамъ его схватили и препроводили къ Сомку. Сомко доносилъ, что у Голуховскаго нашли приготовленныя имъ письма къ Ромодановскому, гдѣ бывшій писарь описывалъ Сомка измѣнникомъ и смутникомъ, и кромѣ того разсыпалъ на зинковскій и миргородскій полки обвиненія, которыя Сомко называлъ несправедливыми. Сомко доносилъ, будто Голуховскій, проѣз-

жая по полкамъ лѣвой стороны, распускалъ между казаками слухи, что только Полтава и другіе крайніе города останутся въ цѣлости, а прочіе, и въ томъ числѣ Переяславль, будутъ сожжены—неизвѣстно кѣмъ, замѣчалъ при этомъ Сомко, сообщая слова Голуховскаго. Московское правительство не отвѣчало Сомку на его просьбы расширить власть гетманскую; не вызвали никакого отвѣта жалобы на Васюту, епископа Меѳодія, Голуховскаго; московское правительство какъ будто не понимало нѣкоторыхъ строкъ въ его письмахъ, но за вѣрную службу милостиво похваляло, заоохочивало впередъ служить и всякаго добра его царскому величеству хотѣть, и надъ непріятелемъ промыслы чинить, надѣясь, что у великаго государя его служба забвенна не будетъ. Царская грамота извѣщала Сомка, что на выручку Переяславля и всей Украины лѣваго берега велѣно быть въ черкасскихъ городахъ воеводѣ князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому, который уже вступилъ въ черкасскіе города, и Петру Васильевичу Шереметеву, который вслѣдъ затѣмъ уже посланъ и скоро вступитъ туда.

Вслѣдъ за этою царскою грамотою пріѣхалъ къ Украину стольникъ Осипъ Коковинскій съ грамотами; въ этихъ грамотахъ царь такъ же ласково хвалилъ Золотаренка, какъ и Сомка; и тому и другому писано было, что великій государь велѣлъ учинить полную раду и выбрать на ней гетмана. Сомко долженъ былъ въ отвѣтъ на это сказать стольнику, пріѣхавшему къ нему съ грамотою: — «Я радъ государевой милости, а не гетманству; хоть я буду и послѣднимъ казакомъ,—я радъ ему государю служить, радъ я тому, когда, согласно съ государевымъ указомъ, выберутъ вольными голосами гетмана».

Болѣе мѣсяца Сомко держался противъ Хмельницкаго въ осадѣ. Хмельницкій все это время стоялъ подъ Переяславлемъ за три версты. Нѣсколько разъ былъ съѣздъ у него съ Сомкомъ. Послѣдній говорилъ воеводѣ Волконскому, что онъ продолжаетъ уговаривать племянника отстать отъ поляковъ и быть вѣрнымъ царю, но писарь Сомка Глосовскій, дружившій тайно съ Золотаренкомъ подпивши проговорился и объявлялъ, что Сомко

ссылается съ племянникомъ о томъ, какъ бы имъ соединиться съ крымскимъ ханомъ, что они тянутъ время нарочно, пока соберется король съ поляками и придетъ подъ Кіевъ.

Наконецъ, прибылъ подъ Переяславль Ромодановскій съ войскомъ; къ нему присоединился и Золотаренко съ своимъ полкомъ, не хотѣвшій быть за одно съ Сомкомъ, но слушавшій Ромодановскаго, какъ царскаго воеводу. Хмельницкій, стоя близъ Переяславля, не зналъ о прибытіи московскаго войска; только татары, сдѣлавшіе набѣгъ на Пирятинъ, поймали московскаго языка, узнали о прибытіи Ромодановскаго и дали знать Хмельницкому. Тогда гетманъ поспѣшно снялся со всѣмъ обозомъ и сталъ отступать къ Днѣпру. Ромодановскій, узнавши объ этомъ отступленіи, двинулся за нимъ; вмѣстѣ съ нимъ пошли Сомко и Золотаренко и черниговскій полковникъ Силичъ.

17 іюля произошелъ бой. У Юрія было до 20,000 войска, въ этомъ числѣ польскихъ двадцать четыре хоругви и нѣмцы драгуны; татары отстали отъ Хмельницкаго и ушли въ свою сторону. Бой открылъ Сомко съ своими казаками, бился упорно два съ половиной часа, но когда наступилъ на Хмельницкаго Ромодановскій съ конницею, войско Хмельницкаго подалось и уже не могло поправиться; одни, бросивши таборъ, побѣжали къ Днѣпру, другіе, съ самимъ Хмельницкимъ, бѣжали въ лѣсъ; только нѣмецкая пѣхота сомкнулась въ углу табора въ числѣ тысячи человѣкъ, оборонялась храбро и вся погибла. Тѣхъ, которые бѣжали къ Днѣпру, преслѣдовало московское и казацкое войско, и приперло ихъ къ рѣкѣ такъ, что, не находя исхода, они бросились въ рѣку и погибли. Очевидецъ говоритъ, что тогда ихъ потонуло такъ много, что впослѣдствіи трудно было приступить къ Днѣпру по причинѣ чрезмѣрнаго смрада отъ труповъ. Тѣ, которые успѣли сбросить съ себя платье и переплыть Днѣпръ, ушли домой нагишомъ. Послѣ, Хмельницкій, пользуясь тѣмъ, что лѣсъ закрывалъ его отъ непріятеля, переправился за Днѣпръ.

18 іюля, побѣдители стали совѣтоваться. Сомко и державшій его сторону Силичъ, разсчитывая, что и въ Нѣжинскомъ

полку многіе не любятъ Васюты и охотно провозгласятъ Сомка гетманомъ, объявили, что теперь непремѣнно слѣдуетъ выбрать гетмана, и такъ какъ войско въ сборѣ, то прежде похода за Днѣпръ слѣдуетъ собрать раду; иначе нельзя идти за Днѣпръ. Сомко уже прежде отправилъ за Днѣпръ Лизогуба, назначивъ его каневскимъ полковникомъ, и поручалъ ему разсылать на правой сторонѣ письма для убѣжденія заднѣпровскихъ полковниковъ и ихъ казаковъ къ переходу на сторону царя. Наказной гетманъ увѣрялъ, что полки: бѣлоцерковскій, корсунскій и черкасскій готовы отстать отъ Хмельницкаго и присягнуть на вѣрность царю,—нужно только, чтобы видѣли на лѣвой сторонѣ Днѣпра порядокъ и знали, что есть избранный и утвержденный царемъ гетманъ. Этимъ хотѣлъ онъ убѣдить къ скорѣйшему собранію избирательной рады. Но всѣ его старанія были напрасны. Ромодановскій противился; кричалъ противъ Сомка Меѳодій, за нимъ Золотаренко,—произошла ссора; въ особенности Сомко и Меѳодій другъ друга укоряли очень язвительно. Ромодановскій, какъ главный надъ всѣми царскій воевода, наотрѣзъ объявилъ, что не допуститъ теперь до рады, что выборъ долженъ совершиться послѣ, когда можно будетъ собрать всѣхъ казаковъ и чернь, и когда прибудетъ для того нарочный бояринъ отъ царя.

Думая склонить на свою сторону казаковъ, Сомко началъ устраивать имъ пирушки на радости послѣ побѣды, а тѣмъ временемъ Меѳодій и Золотаренко стали совѣтовать Ромодановскому оставить Сомка. «Пусть себѣ пьянствуетъ», говорили они. Они требовали немедленно идти за Днѣпръ. Они разсчитывали, что война окончится безъ Сомка, и такимъ образомъ кредитъ его безвозвратно подорвется у царя. Ромодановскій, ненавидя Сомка, послушалъ ихъ и двинулся, не сказавъ ничего объ этомъ Сомку. Послѣдній, узнавъ, что воевода и прочіе казаки вышли, самъ наскоро собрался и торопился догнать Ромодановскаго, но не успѣлъ.

Ромодановскій сталъ въ Богушевкѣ надъ Днѣпромъ о тправилъ на другой берегъ стольника Приклонскаго съ значитель-

нымъ отрядомъ московскихъ людей и казаковъ, а самъ съ остальнымъ войскомъ пошелъ далѣе внизъ, по лѣвому берегу Днѣпра. Приклонскій, счастливо переправившись, вошелъ въ городъ Черкасы безъ сопротивленія, и поставилъ въ Черкасахъ полковникомъ Михайла Гамалѣю. Изъ Черкасъ Приклонскій пошелъ далѣе, намѣреваясь взять Чигиринъ. Но въ то время Хмельницкій уже успѣлъ явиться въ Чигиринъ и собрать орду. Ханъ прислалъ ему большое войско подъ начальствомъ султановъ Селимъ-Гирея и Мехметъ-Гирея. Приклонскій, не дошедши до Чигирина, неожиданно услыхалъ, что на него идетъ сила, и поворотилъ къ Днѣпру къ Бужину. Противъ самаго Бужина у Крюкова стоялъ на лѣвой сторонѣ Ромодановскій. Приклонскій поспѣшилъ туда, но татары догнали его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ переправиться. По донесенію Хмельницкаго, московскимъ ратнымъ людямъ на правомъ берегу Днѣпра нанесли два пораженія: одно 1 августа подъ Крыловымъ, гдѣ татары уничтожили отрядъ московскихъ людей и украинскихъ дейнековъ,—вѣроятно, передовой отрядъ Приклонскаго,—взяли двѣ пушки, всѣ военные снаряды; потомъ 3 августа, нагнали самого Приклонскаго подъ Бужинымъ съ десятью тысячами, и тамъ поразили его на голову, взяли семь пушекъ, много знаменъ, барабановъ и боевыхъ снарядовъ. Но по извѣстію лѣтописи самовидца, участвовавшаго если не въ этомъ самомъ сраженіи, то вообще въ войнѣ этихъ дней, Приклонскій потерялъ мало, и, защищаясь, успѣлъ съ таборомъ своимъ переправиться на лѣвый берегъ. Потерпѣли наиболѣе малоруссы; у нихъ не стало терпѣнія идти въ таборѣ; они выскочили изъ табора и пустились скорѣе вплавь черезъ Днѣпръ, тогда мелководный, но и то съ другого берега пушечными выстрѣлами русскіе разгоняли татаръ и мѣшали истреблять плывущихъ. Переправившись черезъ Днѣпръ, Приклонскій соединился съ Ромодановскимъ, и все войско поспѣшно отступило. По извѣстію Хмельницкаго, султанъ Мехметъ-Гирей догналъ его при переправѣ черезъ Сулу и поразилъ жестоко, взявъ восемнадцать пушекъ, и весь таборъ достался татарамъ. Ромодановв-

скій съ остаткомъ войска ушелъ въ Лубны. Самовидецъ не говоритъ объ этомъ пораженіи вовсе; кажется, что вообще донесенія Хмельницкаго, хотѣвшаго передъ королемъ уменьшить стыдъ своего пораженія, преувеличены, и довѣрять имъ нельзя, тѣмъ болѣе, что для самого Хмельницкаго его успѣхи не исправили послѣдствій его пораженія на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

XIV.

Эти-то послѣднія событія произвели всеобщее волненіе въ Украинѣ праваго берега. Всѣ видѣли неспособность Хмельницкаго; надежда на поляковъ и страхъ ихъ силы поколебались. Коронное войско не приходило въ пору на помощь казакамъ, воевавшимъ противъ Москвы, а та часть его, которая находилась съ запорожскимъ гетманомъ, была несчастлива. Татары разсыпались по Украинѣ, грабили своихъ союзниковъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Татары стали чувствовать презрѣніе къ полякамъ и совѣтовали казакамъ отдаться оттоманской портѣ: подъ ея могучею властію Украина найдетъ свою цѣлость и безопасность: великая сила оттоманской монархіи и ея подручныхъ татаръ защититъ ее и отъ ляховъ, и отъ москалей, на которыхъ нѣтъ казакамъ надежды. Турецкій государь великодушно будетъ хранить права казацкія, — такъ говорили татарскіе мурзы, —и этотъ голосъ достигалъ уже до свѣдѣнія поляковъ. Въ тоже время татары стращали малоруссовъ, что если не станется по волѣ хана, то Украинѣ придется очень плохо: и въ самомъ дѣлѣ, шестьдесятъ тысячь орды, разгостившейся въ русскихъ провинціяхъ, были опаснѣе всѣхъ враговъ. Но успѣхъ царскихъ войскъ сталъ возвращать подорванное уваженіе къ московской силѣ; возобновлялась прежняя наклонность быть подъ рукою православнаго монарха. Запорожцы, первые провозгласившіе Юрія гетманомъ во дни Выговскаго, теперь стояли за возведеніе въ гетманы Брюховецкаго, подъ царскимъ

покровительствомъ, показывали Хмельницкому злобу и если вѣритъ величку, писали такія посланія: — «Пролитая тобою кровь, какъ кровь Авеля, вопіетъ къ Богу о мщеніи; знай, что ни орда, ни поляки не спасутъ тебя отъ ожидающей тебя бѣды. У насъ есть вѣрный способъ взять тебя посреди твоего Чигирина и выкинуть прочь, какъ выкидываютъ изъ верши негодную піявку... Не вводи ты насъ болѣе въ грѣхъ; выбирайся самъ изъ Чигирина и бѣги куда хочешь; не забирай только съ собою войсковыхъ клейнотовъ, ибо ты нигдѣ съ ними отъ насъ не спрячешься... И если ты заблаговременно изъ Чигирина не выѣдешь, то мы явимся и не только размечемъ стѣны дома твоего, но не оставимъ въ живыхъ и тебя, злодѣй и разоритель нашей отчизны!»

Подобныя угрозы возбуждали сочувствіе и въ городовыхъ казакахъ, подчиненныхъ Хмельницкому. Хмельницкій со дня на день ожидалъ нападенія изъ Запорожья, или бунта въ подчиненномъ ему войскѣ. Вездѣ ему мерещилась измѣна; куда бы онъ ни шелъ — говоритъ лѣтопись — все оглядывался, не спѣшитъ ли кто за нимъ и не хочетъ ли его поймать и отдать запорожцамъ. Пробудилось въ немъ угрызеніе совѣсти за свое непостоянство, сознаніе собственной неспособности; изъ его дѣлъ выходило одно зло; онъ видѣлъ разореніе отъ татаръ, посрамленіе церквей; бусурманы со дня на день становились нахальнѣе и тяжелѣе народу; между полковниками возрастали раздоры. Хмельницкій, какъ казакъ (сколько показываютъ его письма), воспитанный съ пеленокъ въ отцовскихъ преданіяхъ завѣтнаго стремленія къ самостоятельности своего народа, хотѣлъ для своего отечества одного — самостоятельности. Онъ не любилъ поляковъ, хотя и льстилъ имъ. Поляки уже не хотѣли скрывать, что они обманули Украину, что всѣ ихъ обѣщанія неискренны, что православная вѣра не освободится никогда отъ своего поруганія, русскія земли будутъ подъ властію поляковъ, и русскій народъ ни въ какой формѣ не достигнетъ того, чтобъ уважали его права; Хмельницкій готовъ былъ поминутно обратиться къ царю, но поминутно и отступалъ отъ этой мысли,

отталкиваемый твердостью, съ какою московское правительство держалось своихъ государственно-мудрыхъ, но ненавистныхъ для казаковъ послѣднихъ переяславскихъ статей. Хмельницкій не имѣлъ самобытнаго ума, который бы могъ соединить другіе умы и направить къ одной цѣли, а у казаковъ было черезъ чуръ много разномыслія и взаимной вражды и непостоянства, и Хмельницкій не могъ понять, какъ хочетъ поступать казацкая громада, чего ожидаетъ и надѣется народъ въ данную минуту, какъ слѣдуетъ въ угоду ему соразмѣрять свои поступки. Одни ему говорили: надобно ладить съ поляками. Въ этой мысли болѣе всѣхъ поддерживалъ его Тетеря, бывшій при Богданѣ переяславскій полковникъ, при Юріѣ выбранный генеральнымъ писаремъ. Онъ скоро оставилъ эту должность, съѣздилъ въ Польшу, былъ тамъ за услуги Польшѣ пожалованъ титуломъ стольника полоцкаго, и пріѣхалъ отъ короля въ качествѣ наблюдателя за поведеніемъ казаковъ. Тоже твердили и другіе старшины; но громада казацкая безпрестанно волновалась, не любила по прежнему ляховъ, и боялась ихъ, но и «москали» представлялись ей немилыми. Татарскія насилія всего нагляднѣе указывали Хмельницкому плоды, приготовляемые новымъ соединеніемъ съ Польшею. Всѣ бѣды, терпимыя народомъ вообще и лицами по одиночкѣ, стали приписывать Хмельницкому. Онъ глава народа, онъ старшій во всемъ; онъ и виноватъ за управляемыхъ; его проклинали. Тетеря писалъ къ королю, что онъ старался всѣми силами примирить войско съ гетманомъ, но безуспѣшно. «Что сдѣлать съ этимъ упрямымъ народомъ,—писалъ онъ,—когда у него такой нравъ, что какъ кто потеряетъ у него расположеніе, тому уже нелегко будетъ пріобрѣсть его вновь». Презирая гетмана, многіе казаки совсѣмъ отказались отъ службы и занялись своими домашними дѣлами. Общественныя побужденія охладѣвали; хотѣлось жить какъ попало. Хмельницкій чувствовалъ возраставшее всеобщее презрѣніе къ себѣ; самолюбіе боролось въ немъ. Онъ злился на казаковъ, на всю Украину, на весь народъ свой; то сознавая свою слабость и ничтожество, Хмельницкій готовился сложить булаву самъ, то

вдругъ, замѣчая, что этого только и требуютъ и хотятъ презирающіе его казаки, держался за нее обѣими руками, грозилъ даже отдаться въ руки ордѣ и посредствомъ ея укрощать непослушное казачество. Осенью, чтобы сколько-нибудь избавить Украину праваго берега, онъ повелъ орду опять къ Кіеву и за Кіевъ, гдѣ Десна сливается съ Днѣпромъ, но казаковъ пошло съ нимъ мало; не хотѣли его слушать. Хмельницкій, пользуясь, вѣроятно, малочисленностію ратныхъ въ Кіевѣ, хотѣлъ, по выраженію Тетери, подбодрить татаръ къ службѣ Рѣчи-Посполитой, доставивъ имъ возможность набрать плѣнныхъ малоруссовъ. Но онъ ничего не сдѣлалъ, скоро возвратился и этимъ походомъ только болѣе вооружилъ противъ себя единоземцевъ. Каждый шагъ его былъ новымъ преступленіемъ. Меланхолія терзала его. Онъ мучился и дрожалъ какъ Каинъ, говоритъ лѣтопись. Наконецъ, подъ вліяніемъ мучительной тоски, растерзанной совѣсти и страха, рѣшился онъ исполнить свой обѣдъ, данный подъ Слободищемъ, и вступить въ монастырь. Хмельницкій собралъ казаковъ на раду подъ Корсунъ, въ монастырь Ольшанскій. Когда казаки съѣхались, Юрій явился въ собраніе, поклонился и говорилъ:

«Памятуя заслуги родителя моего, вы избрали меня гетманомъ, но я не могу быть достоинъ этой чести, я не могу уподобиться моему родителю, и отцовскаго счастья мнѣ не далъ Богъ! Я рѣшился разстаться съ вами и исполнить давнишнее желаніе—удалиться отъ свѣта и стараться о спасеніи моей грѣшной души. Желаю вамъ всѣмъ счастья; выберите себѣ иного гетмана, и такъ какъ намъ нѣтъ возможности отбиться отъ ляховъ и москалей—отдайтесь лучше турку, чтобы посредствомъ союза съ нимъ дать Украинѣ свободу».

Нѣкоторые совѣтовали ему оставить это намѣреніе; удерживалъ его болѣе всѣхъ Павелъ Тетеря, болѣе всѣхъ внутренно желавшій его удаленія, съ тѣмъ, чтобы самому заступить его мѣсто. Другіе, ненавидѣвшіе его и прежде, говорили смѣло: —«А нехай иде собі къ дідьку, коли зъ нами жити не хоче! зля

кався, то теперь підъ каптуръ хоче голову зховати. Знайдемо собі такого, шчо стане за наши вольности!»

Хмельницкій удалился и 6-го января 1663 года въ Чигиринскомъ монастырѣ былъ постриженъ подъ именемъ Гедеона. Фамилія его не потеряла значенія и подъ клобукомъ; скоро мы его увидимъ архимандритомъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ придется увидѣть его еще разъ на безславномъ военномъ поприщѣ, отступникомъ христіанства.

Послѣ отреченія Хмельницкаго, казаки собрались на избирательную раду въ Чигиринѣ. Нѣкоторые предложили Выговскаго.

— Онъ сенаторъ и воевода, — возражали другіе, — если онъ станетъ гетманомъ, то не будетъ послушенъ казацкой радѣ.

Были тогда два соперника у Выговскаго, оба женатые на дочеряхъ Хмельницкаго. Первый, по извѣстію Коховскаго, былъ Иванъ Нечай, вѣроятно какимъ-то образомъ получившій увольненіе изъ плѣна въ Москвѣ. За него старалась жена его Елена. Другой—Тетеря; его жена Стефанида умѣла обдѣлать дѣло своего мужа лучше сестры. Она одарила отцовскими деньгами знатнѣйшихъ вліятельныхъ людей на радѣ и расположила ихъ въ пользу своего мужа. За знатными были пріобрѣтены и голоса толпы. Многіе, зная Тетерю, не считали его способнымъ ни по уму, ни по совѣсти, но золото и серебро соблазнило ихъ. По извѣстію украинскаго лѣтописца (Величко, 36), каждый изъ тогдашнихъ казаковъ ради сребра и злата не только далъ бы выколоть себѣ глазъ, но не пощадилъ бы отца и матери.—Всѣ они,—говоритъ этотъ лѣтописецъ,—были тогда подобны Іудѣ, продававшему за серебро Христа, и могли ли они думать о погибающей матери своей Украинѣ.—Это было какъ нельзя естественнѣе. Дѣло Малой Руси проигрывалось. Неуспѣхъ и безпрестанныя неудачи истощили надежды, лишали вѣры, отклоняли отъ цѣли, возбуждали мысль о ея недостижимости, отчего терялась воля и терпѣніе, изсякала любовь къ отечеству, къ общественному добру; подвиги самоотверженія оказывались безплодны и напрасны. Эгоизмъ частный бралъ верхъ надъ благо-

родными побужденіями; слишкомъ невыносимо становилось каждому свое домашнее горе, не выкупаемое тѣмъ, за что ему подвергались; всякій сталъ думать о себѣ самомъ, потому что убѣдился въ суетности думъ о всѣхъ; души мельчали, пошлѣли; умы тупѣли подъ бременемъ безъисходнаго исканія средствъ къ спасенію; все, что считалось прежде дорогимъ и святымъ, продавалось дешевле и дешевле и героемъ времени сталъ тотъ, кто умѣлъ сберечь самого себя среди всеобщихъ потрясеній, выскочить изъ водоворота смутъ, потопивши другихъ, обезпечить себя на счетъ другихъ; добродѣтелію сталъ ловкій обманъ, доблестію—безсердечное злодѣяніе, великодушіе—глупостію. Такъ бывало всегда въ исторіи въ тѣ періоды, когда общество, вслѣдствіе сильныхъ потрясеній, не достигая цѣлей, руководившихъ его посреди прожитыхъ невзгодъ, не выносило ударовъ противной судьбы и начинало умирать и разлагаться. Такая смерть начиналась тогда и въ Украинѣ, въ обществѣ, промелькнувшемъ въ исторіи славянъ подъ именемъ Войска Запорожскаго. Цѣль его была достиженіе національной политической самобытности. Край, гдѣ оно зародилось, по историческимъ обстоятельствамъ, не способствовалъ развитію въ немъ въ предшествовавшее время гражданственныхъ началъ въ необходимой степени; оно заявило въ исторіи свои требованія безъ этого запаса; три противоположныя силы стали тянуть его къ себѣ; то были — Московское государство, Рѣчь-Посполитая и мусульманскій міръ въ образѣ Крыма и Турціи. Недостатокъ самобытныхъ гражданственныхъ началъ лишалъ ткань его той упругости, какая нужна была, чтобы противостоять такой ужасной тройной тягѣ; эта ткань начала разрываться,—а гдѣ общество разрушается, тамъ существенно должны брать верхъ частныя побужденія тѣхъ, которые составляли это обреченное на погибель общество, такъ точно, какъ послѣ разрыва ткани остаются видимы составлявшія ея нити.

Павелъ Тетеря, по донесеніямъ московскихъ воеводъ, былъ родомъ изъ Переяславля, гдѣ при Хмельницкомъ онъ былъ полковникомъ. Въ молодости онъ получилъ образованіе выше мно-

гихъ другихъ изъ казацкаго званія, но оно не дало ему ни военныхъ дарованій, ни мужества, ни чести. Всегда, во всемъ, онъ заботился объ одномъ себѣ, и потому въ эти годы явился вполнѣ человѣкомъ своего времени. Еще во время своего полковничества онъ успѣлъ собрать состояніе: женитьба на дочери Хмельницкаго сдѣлала его богачемъ. Соумышленникъ Выговскаго въ дѣлѣ отложенія отъ Московскаго государства, онъ вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ дѣлѣ гадячскаго договора, получилъ дворянство, при пособіи Беневскаго былъ сдѣланъ писаремъ Войска Запорожскаго, уѣхалъ потомъ въ Польшу, поддѣлался къ королю и къ знатнымъ панамъ, получилъ тамъ между прочимъ маетности въ награду за свое расположеніе къ Рѣчи-Посполитой, для пріобрѣтенія наличныхъ денегъ заложилъ ихъ въ началѣ 1662 года и пріѣхалъ въ Украину въ качествѣ коммиссара, съ жалованіемъ до 2,000 зл. въ четверть года. Теперь этотъ человѣкъ буквально купилъ себѣ гетманство. Деньги, употребленныя на подкупъ, были, въ виду возможности пріобрѣсти бо́льшія богатства въ гетманскомъ званіи, затрачены, какъ затрачиваетъ капиталы купецъ на оборотъ для большей наживы. Прежде пріятель Выговскаго, онъ видѣлъ въ немъ соперника, и съ этихъ поръ сдѣлался его злѣйшимъ врагомъ; впослѣдствіи онъ и погубилъ его. Такъ какъ онъ положилъ себѣ цѣль нажиться при помощи поляковъ, то угодливость полякамъ была у него въ то время до того велика, что въ письмахъ своихъ къ королю и къ государственнымъ лицамъ, онъ старался держать себя отдѣльно отъ Войска Запорожскаго, какъ будто онъ человѣкъ чужой для него, только наблюдающій надъ нимъ, какъ будто не принадлежалъ никогда ни къ нему, ни къ южно-русскому народу; онъ какъ будто самъ забылъ свое происхожденіе изъ переяславскихъ мѣщанъ. Кромѣ собственной наживы и удовлетворенія эгоистическихъ потребностей, у него другихъ цѣлей и идей не было. Сдѣлаться главою народа ему нужно было только для того, чтобы обобрать этотъ народъ и потомъ покинуть его навсегда. Вполнѣ передовой человѣкъ своей эпохи, онъ долженъ былъ, сообразно своимъ цѣлямъ, выиграть

больше всѣхъ и выигрывалъ. Сдѣлавшись гетманомъ, онъ держался польскою помощью, послалъ Гуляницкаго посланцемъ въ Варшаву и упрашивалъ короля двинуться съ войскомъ для покоренія польской странѣ оторванныхъ земель. Нужно, однако, было исполнить и всеобщее требованіе толпы. Тетеря долженъ былъ, подобно своему предшественнику, просить объ исполненіи условій относительно православной вѣры; повторилось домогательство отобрать отъ уніатовъ церковныя имѣнія и отдать православнымъ, древнимъ ихъ владѣльцамъ. Лично для самого Тетери этотъ вопросъ не былъ вопросомъ сердца; впослѣдствіи онъ отрекся и отъ вѣры, за которую теперь ходатайствовалъ потому только, что иначе, на первыхъ порахъ, не могъ бы держаться на гетманствѣ.

Итакъ, по странному, можно сказать, стеченію обстоятельствъ, послѣ удаленія сына Богдана Хмельницкаго отъ дѣлъ, въ Украинѣ явились претендентами на власть, соперниками между собою за эту власть — свойственники стараго Богдана; Сомко былъ его шуринъ, братъ первой жены; Золотаренко другой шуринъ, братъ третьей его жены; Тетеря — мужъ его дочери; явился за ними и четвертый соперникъ: онъ уже былъ не родственникъ, не свойственникъ стараго Богдана, какъ прочіе; онъ былъ когда-то слугою этого Богдана, не болѣе, — и онъ то успѣлъ переспорить всѣхъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

XV.

Тетеря, послѣ своего избранія, разослалъ письма и воззванія на лѣвобережную Украину, убѣждалъ покориться себѣ какъ законному гетману Войска Запорожскаго, и грозилъ, что вотъ скоро прибудетъ польскій король съ сильнымъ войскомъ, а съ нимъ и ханъ крымскій. Эти «прелестныя» письма мало имѣли дѣйствія; только въ Переяславлѣ, гдѣ знали лично издавна Тетерю, какъ тамошняго уроженца и полковника, нашлись у

него кое-какіе благопріятели. Сомко писалъ къ полковникамъ, приказывалъ ловить агентовъ Тетери, перехватывать его письма и доставлять къ нему; но въ тоже время, однако, писалъ къ Тетерѣ отвѣты на предложенія его, подавалъ надежды присоединить лѣвобережную Украину къ Польшѣ, если бы только былъ увѣренъ, что ни король, ни Рѣчь-Посполитая не будутъ ему мстить. Это сообщено было черезъ Тетерю королю, и отъ короля послѣдовало Сомку прощеніе. Переговоры Сомка съ Тетерею велись тайно, но про нихъ провѣдали враги Сомка. Впрочемъ, Сомко не очень-то довѣрчиво готовился отдаваться полякамъ; переписываясь дружелюбно съ Тетерею, онъ въ тоже время наряжалъ агентовъ въ заднѣпровскіе города возбуждать противъ польской власти тамошніе полки. Сомко, какъ видно, не довѣряя судьбѣ, заготовлялъ себѣ только на случай возможность увернуться, если въ самомъ дѣлѣ польская сторона возьметъ верхъ, или если подъ властію Москвы ему покажется уже черезчуръ невыносимо. Зловѣщіе слухи носились по Украинѣ. Говорили, что царь намѣренъ уступить Украину Польшѣ и вмѣстѣ съ Польшею уничтожить казачество. Начавшіеся съѣзды между русскими уполномоченными и польскими панами съ цѣлію уладить недоумѣнія и заключить миръ — подавали поводъ къ такимъ подозрѣніямъ и толкамъ. Каждая партія хотѣла извлечь для себя пользу изъ этихъ слуховъ, люди, нерасположенные къ москалямъ, возбуждали этими толками народную громаду противъ Москвы; враждующіе честолюбцы приписывали ихъ своимъ соперникамъ; Бруховецкій и Меѳодій, сообщая о нихъ въ Москву, выставляли свою преданность и чернили своихъ противниковъ.

Король былъ очень доволенъ, что избранъ въ гетманы Тетеря—человѣкъ, на котораго болѣе чѣмъ на кого нибудь Польша могла положиться,—и послалъ къ нему знаки гетманскаго достоинства съ Иваномъ Мазепою, еще молодымъ русскимъ шляхтичемъ, тѣмъ самымъ, которому, чрезъ нѣсколько лѣтъ, суждено было самому быть гетманомъ. Такъ какъ Мазепа былъ еще человѣкъ незначительный, то Тетеря нашелъ, что отправ-

леніе этой церемоніи черезъ такого человѣка унизитъ достоинство гетмана Войска Запорожскаго, и вспоминалъ, что нѣкогда Богдану Хмельницкому вручалъ подобные знаки власти Адамъ Кисель, носившій санъ воеводы, указывалъ и на то, что за Днѣпръ отъ царя будетъ посланъ, для врученія тамошнему будущему гетману подобныхъ знаковъ, знатный бояринъ, и просилъ дозволить принять посылаемые знаки не отъ Мазепы, а отъ пана Ѳомы Корчевскаго, болѣе знатнаго, чѣмъ Мазепа, носившаго тогда титулъ сапоцкаго подкоморія. Король позволилъ это.

Возведеніе новаго гетмана не положило конца ужаснымъ опустошеніямъ, которыя продолжала терпѣть правобережная Украина отъ татаръ.—«Распоряжаясь достояніемъ бѣдныхъ людей и честью дѣвицъ и женщинъ—писалъ Тетеря королю—татары совершаютъ такія гнусныя, приводящія въ ужасъ христіанъ, злодѣянія, что многіе изъ Войска Запорожскаго готовы отдаться въ ту неволю, какая досталась въ удѣлъ валахамъ и молдаванамъ, лишь бы не терпѣть такого невыносимаго и непривычнаго ярма отъ орды». Но противъ орды двинуло тогда московское правительство калмыковъ, которые издавна враждовали съ татарами, и необычныя для Украины полчища появились и разбили орду подъ Чигириномъ.

На лѣвой сторонѣ, враги Сомка узнали о его сношеніяхъ съ Тетерею и воспользовались этимъ, чтобы еще болѣе очернить его и заподозрить передъ Москвою. Осенью 1662 года, запорожцы провозгласили Бруховецкаго кошевымъ гетманомъ,—это былъ неслыханный еще чинъ въ Украинѣ. Кошевымъ атаманомъ сдѣланъ знаменитый Иванъ Сиркò. Въ качествѣ кошевого гетмана, Бруховецкій явился въ Украинѣ, чтобы сдѣлаться гетманомъ Войска Запорожскаго. Онъ сталъ въ Гадячѣ, съ нимъ тогда былъ Меѳодій. Они оба настаивали у московскаго правительства, чтобъ собрана была черная рада и выбрала вольными голосами гетмана. Сторону его держалъ князь Ромодановскій. Это одно уже располагало въ пользу его половину Украины, видѣвшей, что правительство болѣе всѣхъ претендентовъ скло-

няется на его сторону. Много помогало ему то, что до сихъ поръ Золотаренко довѣрялъ Меѳодію и былъ увѣренъ, что Бруховецкій и все Запорожье никого не желаютъ въ гетманы, кромѣ его, Золотаренка; онъ и теперь не ожидалъ, не понималъ что̀ дѣлалось. Узнавши, что Бруховецкій въ Гадячѣ, ждалъ отъ него писемъ и удивлялся, что это такъ долго не получаетъ ихъ; необычно ему стало и то, что другъ его Меѳодій, находясь вмѣстѣ съ кошевымъ гетманомъ, вдругъ замолчалъ. Золотаренко рѣшился самъ ѣхать въ Гадячъ, тѣмъ болѣе, что тамъ былъ и Ромодановскій. Въ Батуринѣ, куда онъ пріѣхалъ, его окружили значные товарищи и совѣтовали ему не ѣхать къ Бруховецкому, а скорѣе примириться съ Сомкомъ, держать сторону послѣдняго и помогать ему въ достиженіи гетманскаго достоинства. Эти совѣты показались Золотаренку плодомъ сомковыхъ козней и такъ его раздражили, что онъ почиталъ тѣхъ, которые ихъ давали, своими врагами, и подобно тому, какъ нѣкогда съ своими друзьями сдѣлалъ Цыцура въ Переяславлѣ, хотѣлъ онъ собрать ихъ по пріятельски и перебить. Онъ повѣрилъ это дѣло пѣхотѣ, но пѣхота не согласилась на такое злодѣяніе и чуть было его самого не убила. Тогда Золотаренко, считая вообще московскихъ воеводъ падкими на корысть, послалъ къ Ромодановскому подарки, и приказалъ тѣмъ, которые повезли ихъ, узнать навѣрное, что думаютъ запорожцы. Посланцы Золотаренка нашли Ромодановскаго въ Зинковѣ, гдѣ были запорожцы. Князь не только не принялъ подарковъ, но еще насмѣялся надъ ними и замѣтилъ, что у него, князя и боярина, больше своего, чѣмъ у Золотаренка. Тогда нѣкоторые запорожцы, у которыхъ развязались отъ вина языки, передъ посланцами Золотаренка проговорились и откровенно объявили, что они сошлись затѣмъ, чтобы перебить городовую старшину, которая обогащается на счетъ простого народа, а прежде всѣхъ достанется Сомку и Васютѣ. Такое извѣстіе посланцы привезли Золотаренку. Тогда для него разъяснилось, что онъ былъ до сихъ поръ въ дуракахъ у Меѳодія и обносилъ передъ московскимъ правительствомъ въ измѣнѣ Сомка не для своей пользы,

а для того, чтобы проложить путь другимъ, самому же за то, быть можетъ, потерять голову за одно съ Сомкомъ, вмѣсто награды отъ тѣхъ, для кого такъ усердно постарался. Онъ написалъ къ Сомку, просилъ забыть все прежнее, изъявлялъ желаніе примириться и обѣщалъ быть ему на будущее время покорнымъ. Свиданіе между бывшими двумя врагами произошло въ мѣстечкѣ Ичнѣ. Туда съѣхались полковники, сотники, значные товарищи; въ церкви, стоявшей на рынкѣ, они произнесли присягу слушаться Сомка, и на предстоящей радѣ избрать его, а не другого, въ полные гетманы. Такъ излагаетъ дѣло современный лѣтописецъ. По архивнымъ дѣламъ видно, что рада, на которой Золотаренко призналъ Сомко гетманомъ, происходила въ Нѣжинѣ и самъ Сомко на ней не былъ, а присылалъ туда своего войсковаго писаря. Это видимое разнорѣчіе легко согласить: вѣроятно, Сомко съ Золотаренкомъ видались въ Ичнѣ и тамъ примирились, а рада происходила въ Нѣжинѣ и Сомко счелъ умѣстнымъ показать свое безучастіе въ такомъ собраніи, которое его выбирало. Васюта Золотаренко, какъ бы желая загладить прежнюю непріязнь къ Сомку, теперь изъ всѣхъ силъ хлопоталъ за него, однихъ убѣждалъ, другихъ принуждалъ обѣщать вѣрность Сомку. По окончаніи рады выборъ былъ посланъ въ Москву съ приложеніемъ подписей и печатей и съ прошеніемъ отъ гетмана и всего Войска Запорожскаго о царскомъ подтвержденіи постановленія рады. Васюта, прежде чернившій Сомка предъ московскимъ правительствомъ, теперь писалъ, что гетманъ Іоакимъ Сомко вѣрный слуга и мы съ нимъ, яко съ достовѣрнымъ царскаго пресвѣтлаго величества слугою, съ початку слушать по присягѣ и доселѣ служили такъ и служить и умирать готовымъ, а не съ таковымъ, который есть и праву не нашего полонникъ и великія бѣды и мордерства людемъ бѣднымъ чинитъ застаючи въ Гадячомъ. Но выборъ Сомка былъ все неполный: только полки нѣжинскій, черниговскій, лубенскій, переяславскій, прилуцкій признали Сомка гетманомъ; противъ него оставались полки полтавскій, зиньковскій и миргородскій. Бруховецкій понималъ,

что его сила въ Украинѣ зависитъ отъ временныхъ обстоятельствъ, что громада склоняется къ нему, пока ее льстятъ надежды на ограбленіе значныхъ людей и пока всѣмъ явно, что московская власть на его сторонѣ. Онъ зналъ, что у громады память коротка, и онъ до тѣхъ только поръ могъ на нее разсчитывать, пока самъ былъ у ней на глазахъ, а если бы скрылся хотя на короткое время, то враги его могли бы взять верхъ и вооружить противъ него ту же громаду, которая теперь такъ за него стояла: имъ бы также повѣрили, какъ вѣрили до сихъ поръ ему, потому что онъ не переставалъ кричать, что не должно вѣрить имъ. Бруховецкій и его сторонники толковали, что Юрій Хмельницкій для того отказался отъ гетманства, чтобъ предоставить полное гетманство дядѣ своему Сомку, а послѣдній, сдѣлавшись гетманомъ, намѣревается отдать всю Украину Тетерѣ. Когда царскій посланникъ пріѣхалъ въ Украину, то всѣ полковники, сообщники Бруховецкаго, говорили это почти одними и тѣми словами.

Московское правительство остерегалось всѣхъ, хотя и ласкало всѣхъ разомъ, не довѣряло вполнѣ никому, хотя наклонялось съ большимъ довѣріемъ къ Бруховецкому. Въ концѣ декабря 1662 г. былъ отправленъ изъ Москвы посланникомъ Ладыжинскій: онъ повезъ Бруховецкому, Сомку, Золотаренку и всѣмъ полковникамъ милостивое слово отъ государя. Царь увѣрялъ всѣхъ, что не думаетъ отдавать полякамъ черкасскихъ городовъ, какъ толкуютъ нѣкоторые «плевосѣятели», и назначалъ новую полную раду на весну. Какъ видно, у правительства было намѣреніе до времени рады разлучить Бруховецкаго съ Меѳодіемъ и выпроводить Бруховецкаго съ его запорожцами на зиму изъ Украины, чтобъ избѣжать волненій. Меѳодію приказывали ѣхать въ Кіевъ, а Бруховецкому съ запорожцами въ Сичу, а оттуда идти на татаръ. Предполагался походъ князя Григорія Сунгалеевича Черкасскаго на крымскіе улусы, въ соединеніи съ калмыками; Бруховецкій долженъ былъ помогать этому предпріятію. Получивъ грамату съ такимъ приказаніемъ отъ Ладыжинскаго, Бруховецкій сказалъ: «мы

готовы служить государю и головы свои положить, а идти намъ никакъ нельзя; я выгребъ сюда съ казаками по Днѣпру на судахъ; лошадей у насъ нѣтъ; живучи здѣсь долгое время, наши пропились: какъ намъ идти пѣшимъ зимою въ такой далекій путь! И въ разумъ этого взять нельзя. Меня убьютъ свои же казаки, а не то Сомко убьетъ меня на дорогѣ, какъ Выговскій Барабоша и Сомку, а если со мною что учинится, то и вся Украина смутится и Запороги отложатся». Онъ собралъ раду, и рада приговорила, что идти никакъ нельзя прежде, чѣмъ соберется полная рада, а иначе, если запорожцы теперь выйдутъ изъ Украины, то Сомко ихъ уже не впуститъ. Положили посылать къ царю челобитье. Меѳодій также отговаривался отъ исполненія царской воли: «нельзя идти въ Гадячь,—говорилъ онъ—«меня Сомко измѣнникъ велитъ погубить, а Гадячь въ моей епархіи; пусть государь меня помилуетъ—позволитъ жить въ Гадячѣ до полной рады».

«Если—говоритъ Бруховецкій—великій государь не велитъ учинить полной рады всѣмъ поспольствомъ, всею черпью, если всѣми вольными голосами и не выберутъ гетмана и не укрѣпятъ «пунтовъ», такъ Сомко отдастъ всѣхъ насъ королю. Пусть это будетъ извѣщено его царскому величеству. Хмельницкій съ умысломъ сдалъ гетманство Тетерѣ, а вѣдь Павелъ Тетеря Сомку зять; сестра Якимова была за Павломъ Тетерей и дѣти у него отъ ней есть въ Польшѣ. Вотъ Сомко зналъ, а не объявилъ великому государю, что Юраско племянникъ его гетманство Тетерѣ сдаетъ, а теперь они тайную раду сдѣлали съ Золотаренкомъ и выбрали Сомко въ совершенные гетманы; это все затѣмъ, что какъ Сомко гетманство обойметъ, такъ сейчасъ и отложится».

— Какой это выборъ—говорили бывшіе съ Бруховецкимъ полковники—половина обирала, а половина не обирала.—

Думая расположить московское правительство видами на выгоды, Бруховецкій говорилъ:

«Зачѣмъ они полной рады не хотятъ? Затѣмъ, что сами всѣмъ владѣютъ и обогатѣли не въ мѣру, а обогатѣвъ, всѣ

города хотятъ поддать королю, а сами за то хотятъ для себя шляхетства добиться. Ништо великому государю Запорожское Войско и черкасскіе города не надобны? Безъ полной рады, не выбравши всѣми вольными голосами гетмана и не укрѣпя «пунтовъ» и привилій — не укрѣпить великому государю Запорожскія Войска и малороссійскихъ городовъ! У насъ въ Войскѣ Запорожскомъ отъ вѣка не бывало того, чтобъ гетманы, полковники, сотники и всякіе начальные люди, безъ королевскихъ привилегій, владѣли мѣщанами и крестьянами въ городахъ и селахъ, развѣ кому король за великія службы на какое-нибудь мѣсто привилье дастъ: тѣ только и владѣли. А гетманской, полковницкой и казацкой и мѣщанской вольности только и было, что если кто займетъ пустое мѣсто земли, лугу, лѣсу, да огородитъ или окопаетъ, да поселится съ своею семьею — тѣмъ и владѣетъ въ своей городьбѣ; а крестьянъ держать на такихъ земляхъ, кто самъ собою занялъ, никому не было вольно, — развѣ позволялось мельницу поставить; да и виномъ въ чарки казаки не торговали: одни мѣщане торговали тогда и съ того платили королю или панамъ, за кѣмъ кто жилъ. Тогда и подати брались съ мѣщанъ и со всей черни въ королевскую казну. А теперь гетманъ, полковники и прочіе начальные люди самовольно позабирали себѣ города, и мѣста и пустовыя мельницы, а черныхъ людей отяготили, такъ что подъ бусурманомъ въ Царьградѣ христіанамъ такой тягости не наложено. А вотъ какъ будетъ полная черная рада, да пунты всѣ закрѣпятъ, такъ всѣ эти доходы у гетмана, у полковниковъ и начальныхъ людей отпишутъ, а станутъ эти доходы собирать на государеву казну, и на жалованье государевымъ ратнымъ людямъ. Вотъ почему наказный гетманъ и начальные люди не хотятъ полной черной рады.

Сомко, напротивъ, представлялъ тому же московскому посланцу, что, если казна остается въ убыткѣ, то развѣ отъ того безпорядка, который производитъ Бруховецкій съ своими запорожцами. На нѣжинской нынѣшней радѣ у казаковъ закрѣплено» —

говорилъ онъ,—«чтобъ бить челомъ великому государю, чтобъ онъ велѣлъ быть радѣ и укрѣпить привилеи и пунты по прежнему, чтобъ казаки были переписаны порознь по своимъ лейстрамъ (реестрамъ); лейстровые казаки станутъ государю служить, а съ мужиковъ станутъ собирать государеву казну и хлѣбные запасы, а нынѣча въ такой розни у великаго государя все пропадаетъ: всѣ называются казаками, на службу не идутъ, а государевой казны не платятъ, а какъ непріятель наступитъ, такъ старые лейстровые казаки служить не хотятъ, а мѣщане не хотятъ давать податей, да бѣгаютъ на Запорожье и тамъ на себя рыбу ловятъ, а сказываются, будто противъ непріятелей ходили. Вотъ кабы по прежнему одного гетмана слушали, такъ, во время непріятельскаго прихода, изъ Запорожья приходили бы къ гетману на помочь, а не то, чтобъ отъ службы и отъ податей бѣгать въ Запорожье. Теперь у нихъ всякій себѣ начальствуетъ, и отъ того у нихъ все пропадаетъ».

Сомко съ большимъ огорченіемъ принялъ отъ Ладыженскаго извѣстіе о назначеніи полной черной рады, показывавшее, что государь не хочетъ утвердить избранія, послѣдній разъ сдѣланнаго на нынѣшней радѣ. «На меня—говоритъ онъ—все епископъ измѣну взводитъ, а я служу вѣрно, столько разъ татаръ и ляховъ и измѣнниковъ малороссійскихъ отбивалъ, какія нужды въ осадахъ терпѣлъ... вотъ и теперь у насъ около Переяславля и во многихъ другихъ мѣстахъ все повоевали, ни одной деревни не осталось, хуторы, пасики—все истреблено, пожжено, во всемъ переяславскомъ уѣздѣ и въ другихъ малороссійскихъ городахъ не сѣяли ни одного зерна ржи, а государевой милости все нѣтъ, когда государь велитъ собирать на весну полную черную раду». Онъ припоминалъ, что уже два раза въ Казельцѣ и Нѣжинѣ онъ былъ избранъ въ гетманы, а государь его не утвердилъ и приписывалъ все это наговорамъ епископа Меѳодія.

—Ты говоришь это напрасно—сказалъ ему царскій посланникъ—вѣрная служба твоя государю извѣстна, и великому государю давно то годно, чтобъ быть тебѣ, за твои многія службы

и радѣнье, въ совершенныхъ гетманахъ, только государь не пожаловалъ тебѣ подтвержденной граматы и булавы потому что у полковниковъ сдѣлалась рознь, и полковники присылали къ его царскому величеству бить челомъ, что великій государь велѣлъ для совершеннаго избиранья гетмана учинить полную раду и выбрать гетмана вольными голосами; государь не хочетъ нарушить вашихъ вольностей, а желаетъ, чтобъ все было прочно, и постоятельно и правамъ вашимъ и вольностямъ непротивно».

«Отъ вѣка того не бывало—говорилъ Сомко, — чтобъ епископы на раду ѣздили; знать епископъ долженъ одну церковь, а такой баламутъ и въ епископы не годится. Прежде сложился съ Васютою Золотаренкомъ, а теперь съ Бруховецкимъ; по его баламутству Бруховецкій гетманомъ кошевымъ называется. У насъ въ Запорожьѣ отъ вѣка гетмановъ не бывало — тамъ бывали только атаманы; а гетманъ былъ одинъ; на то и войско называется Войско Запорожское. Пусть и теперь великій государь прикажетъ въ Запорожьѣ быть атаманамъ, а не гетманамъ, а если въ Запорожьѣ будетъ гетманъ, такъ намъ нельзя писаться гетманомъ Войска Запорожскаго».

Бруховецкій увѣрялъ, что Сомко сносится съ Тетерей и хочетъ отдать Украину Польшѣ; что онъ вмѣстѣ съ Золотаренкомъ непремѣнно измѣнитъ царю; а Сомко, въ свою очередь, говорилъ Ладыжинскому: — «Бруховецкому нельзя вѣрить; Бруховецкій полу-ляхъ; онъ былъ ляхъ, да присталъ къ Войску Запорожскому, но онъ никогда казакомъ не былъ, и у Богдана Хмельницкаго служилъ во дворѣ, а не войскѣ; Богданъ его не бралъ на службу».

Но Сомко не умѣлъ такъ подлаживаться къ московскимъ воеводамъ и гонцамъ, и вообще къ московскому правительству (которому всѣ бесѣдовавшіе съ Сомкомъ московскіе люди въ точности передавали его рѣчи), какъ это дѣлалъ Бруховецкій. Сомко, напротивъ, раздражалъ Москву противъ себя. — «Намъ, —говорилъ онъ, —только что обѣщаютъ, а ничего не даютъ. Мнѣ сулили милости, а не заплатили даже собственныхъ моихъ денегъ, что я издержалъ на жалованье ратнымъ

людямъ царскимъ». Въ бытность Ладыжинскаго въ Переславлѣ, Сомко сдѣлалъ нѣсколько заявленій, которыя не могли понравиться московскому правительству. Такимъ образомъ, онъ охуждалъ статью договора съ Юріемъ Хмельницкимъ, запрещавшую казнить самовольно смертію чиновниковъ и начальныхъ людей. «Нужно—говорилъ онъ,—чтобъ полковникъ страшился гетмана и за повелѣнія его вездѣ стоялъ и умиралъ. Вотъ какъ Выговскій оставилъ Грицька Гуляницкаго въ Конотопѣ—велѣлъ ему за повелѣніе свое умирать, а если не сдѣлаетъ такъ, то онъ прикажетъ казнить его жену и дѣтей: и Гуляницкій исполнялъ его повелѣніе. Вотъ это хорошо».—
—Но Грицька Гуляницкій, сказалъ Ладыжинскій,—забылъ Господа Бога и православную вѣру и своровалъ великому государю?—«Выговскій своровалъ— сказалъ Сомко, «Гуляницкій исполнялъ повелѣніе своего старшаго». Такой взглядъ не могъ быть по вкусу Москвѣ, когда власть гетмана для того именно и ограничена, чтобъ полковники могли не исполнять повелѣній своего старшаго, противныхъ видамъ и цѣлямъ московскимъ. Также не могло понравиться въ Москвѣ изъявленное наказнымъ гетманомъ желаніе, чтобъ были отпущены на родину задержанные въ Москвѣ малоруссы и въ томъ числѣ Григорій Дорошенко, Нечай, взятый въ плѣнъ измѣнникъ Цыцура и другіе. Сомко вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, объѣзжалъ городъ и показывалъ ему укрѣпленія, сдѣланныя недавно имъ около Переяславля. «Вотъ здѣсь въ концѣ, въ большомъ городѣ—говорилъ Сомко—я думаю поставить маленькій городокъ; какъ въ непріятельскій приходъ мы войдемъ на вылазку, а воевода можетъ городъ запереть, и насъ назадъ не пуститъ.—Такое подозрѣніе на воеводъ было оскорбительно.—Ты,—сказалъ ему Ладыжинскій,—отъ непріятелей въ осадѣ сиживалъ и на вылазки ходилъ, и никогда воротъ отъ тебя не запирали, а государевы люди изъ города къ тебѣ на выручку хаживали. Нѣтъ; безъ государева указа тебѣ нельзя и подумать строить въ большомъ городкѣ малаго.—

Ладыжинскій сказалъ объ этомъ воеводѣ Волконскому.

Волконскій ему сказалъ:

— Наказной гетманъ и мнѣ уже говорилъ про это, только я сказалъ такъ: коли ты будешь дѣлать другой городокъ себѣ, такъ я пошлю тысячу человѣкъ государевыхъ людей, да велю имъ съ тобою жить вмѣстѣ въ этомъ городкѣ. Вотъ нонѣча у наказнаго гетмана заведены караулы по всему большому городу, гдѣ государевы люди; тамъ онъ своихъ черкасъ поставилъ вмѣстѣ; а какъ непріятель Юраска Хмельницкій съ черкасами и ляхами стоялъ подъ городомъ, тогда такого караула по городу у него не было. Изъ за Днѣпра то и дѣло пріѣзжаютъ къ нему купцы, и онъ за Днѣпръ купцовъ съ этой стороны посылаетъ. Словамъ его вѣрить никакъ нельзя—до чего дѣла дойдутъ; а покамѣстъ дурнаго дѣла за нимъ не примѣчено.—

Въ бытность Ладыжинскаго, къ Сомку привозили письма изъ за Днѣпра, а игуменъ Мгарскаго монастыря привезъ ему письмо Тетери. Этотъ игуменъ, Викторъ Загоровскій, былъ большой пріятель Сомка; какъ только онъ пріѣхалъ, Сомко сталъ съ нимъ пить.

Царскій посланецъ провѣдалъ объ этомъ стороною и потомъ обратился къ наказному гетману съ требованіемъ показать письмо Тетери.

«Я теперь запилъ—говорилъ Сомко—пью мою вольность; отъ Тетери еще много будетъ писемъ: я всѣ, сколько будетъ ихъ, отправлю къ его царскому величеству. Онъ пишетъ мнѣ, чтобъ згоду учинить; а я ему отпишу, что я тому радъ, чтобъ войны не имѣть; а живемъ мы по милости царскаго пресвѣтлаго величества въ своихъ вольностяхъ, татарамъ женъ и дѣтей не отдаемъ, хлѣбъ ѣдимъ цѣлымъ ртомъ—никто у насъ не отнимаетъ; а вы, папишу, гетмана за чѣмъ постригли и скарбъ его пограбили?

Частыя сношенія съ Тетерею и забутылочная дружба съ тѣми, которые перевозятъ ему письма, внушали подозрѣнія.

Болѣе всего настаивалъ Сомко на то, что государевы ратные люди дѣлаютъ великія обиды малоруссамъ. Пусть, говорилъ онъ, великій государь прикажетъ перемѣнить ратныхъ людей

по годамъ, а то государевы люди получаютъ жалованье мѣдными деньгами, а мѣдныхъ денегъ въ Украинѣ нигдѣ не берутъ, такъ государевы ратные люди проѣвши то съ чѣмъ пришли, безпрестанно крадутъ; уже многихъ сдѣлали безъ имущества; съ ними никакъ нельзя жить: у насъ учинится что нибудь дурное, либо казаки и мѣщане покинутъ свои и разбѣгутся врознь: вотъ во Нѣжинѣ и Черниговѣ построили особые дворы государевымъ ратнымъ людямъ, а у насъ въ Переяславлѣ стоятъ они по дворамъ казачьимъ и мѣщанскимъ. Пусть и здѣсь построятъ имъ дворы. О ратныхъ людяхъ Сомко и самому царю писалъ жалобу на царскихъ ратныхъ людей въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ:—«Мы, вѣрные подданные вашего царскаго величества, сколько лѣтъ подставляемъ свои головы, проливаемъ кровь, лишаемся своихъ имѣній и пожитковъ, скитаемся наги и босы, и до конца приходимъ въ разореніе и расхищеніе отъ чужихъ и отъ стояльцевъ (то есть ратныхъ, стоявшихъ на квартирахъ); народъ нашъ россійскій отъ грабежа и крадежа ратныхъ людей разсѣянъ во всѣ стороны; въ Переяславлѣ много найдется пустыхъ дворовъ; хозяева, не терпя болѣе непривычныхъ для нихъ большихъ обидъ, разбрелись, и остальные думаютъ разойдтись». На эти жалобы присланъ въ Переяславль отъ царя стольникъ Бунаковъ; онъ въ Переяславлѣ производилъ сыскъ и нашелъ возможнымъ наказать кнутомъ одного только Якушку Нечаева за воровство, а болѣе никого виновнаго не оказалось изъ ратныхъ людей. Сомко объяснялъ тогда, что московскіе ратные люди и переяславскіе жители, первые отвѣтчики, вторые челобитчики на нихъ, — еще до пріѣзда Бунакова, то въ бояхъ побиты, то въ полонъ взяты, то умерли; отъ этого теперь выходитъ, что по иному дѣлу есть челобитчики, да нѣтъ отвѣтчиковъ, и, въ заключеніе, просилъ, чтобы впередъ государь не велѣлъ ратнымъ людямъ обижать переяславскихъ жителей. Эти жалобы, по которымъ нельзя было произвести слѣдствія, естественно внушали еще болѣе подозрѣнія противъ Сомка; онѣ казались явнымъ доводомъ нелюбви Сомка къ великоруссамъ и Московскому государству. Въ Москвѣ заключили,

что Сомку нельзя ни въ чемъ вѣрить, и, напротивъ, тѣ, которыхъ онъ хотѣлъ оговорить передъ правительствомъ, черезъ это самое пріобрѣтали довѣріе.

Въ это время, когда въ Москвѣ уже считали епископа Меѳодія самымъ преданнымъ, надежнымъ и достойнымъ человѣкомъ въ Украинѣ, Сомко то и дѣло что писалъ противъ него, умоляя запретить ему мѣшаться въ войсковыя дѣла, и сказалъ Ладыжинскому такъ:—«Если государь не велитъ вывести Меѳодія изъ Кіева и изъ украинскихъ городовъ всѣхъ, и велитъ ему быть на радѣ, то никто на раду не поѣдетъ, намъ нельзя служить государю отъ такихъ баламутовъ, да и прежде никогда митрополиты не ѣздили на раду и не выбирали въ гетманы». Эти выходки противъ Меѳодія только болѣе располагали власть къ послѣднему, а Сомко тѣмъ самымъ казался соучастникомъ заднѣпровской, враждебной царю, партіи. Діонисій Балабанъ, называясь митрополитомъ, считалъ Меѳодія похитителемъ своего законнаго достоинства, и обращался къ константинопольскому патріарху. Послѣдній выдалъ на Меѳодія отлученіе, а Діонисій, какъ ему слѣдовало, отослалъ его въ Кіевъ. Малая Русь привыкла издавна повиноваться въ дѣлахъ церкви константинопольскому патріарху, какъ верховной духовной власти, и приходила въ волненіе. Меѳодій обратился къ царю, и царь хлопоталъ о снятіи отлученія. Въ это время Сомко вдругъ вооружается противъ Меѳодія и какъ бы противодѣйствуетъ царскому расположенію къ этому человѣку.

Въ Москвѣ привыкли считать Сомка такимъ двоедушнымъ человѣкомъ, который говоритъ одному то, другому иное объ одномъ и томъ же; и въ самомъ дѣлѣ, Сомко то увѣрялъ, что снимаетъ съ себя гетманство, готовъ уступить его тому, кого выберутъ на черной радѣ, самъ же будетъ служить царю чернякомъ; то ссылался на козелецкую раду, говорилъ, что выборъ уже оконченъ, что настоящій уже избранный гетманъ — онъ, что у него есть и листъ за руками и печатями полковниковъ; прежде не приступалъ къ его выбору Золотаренко; теперь, когда и Золотаренко съ своею партіею призналъ уже его гет-

маномъ, не было, казалось, причины не быть ему въ этомъ достоинствѣ; дѣло кончено, и если будетъ весною еще рада, то на ней некого болѣе выбирать, и остается только князю Ромодановскому вручить царскую утвердительную грамату избранному на козелецкой радѣ гетману. Въ то же время Сомко черезъ посланцевъ говорилъ о вольностяхъ и правахъ казацкихъ, надѣялся ихъ утвержденія отъ царя. Бруховецкій поступалъ въ этомъ случаѣ гораздо политичнѣе и практичнѣе; онъ не жаловался на великоруссовъ, не просилъ подтвержденія какихъ бы то ни было правъ, зная, что Москвѣ всего непріятнѣе слышать отъ малоруссовъ о правахъ и вольностяхъ; онъ весь предавался на волю царя,—этимъ-то онъ и выигрывалъ въ Москвѣ, а доброе о немъ мнѣніе, какъ о надежномъ человѣкѣ, давало ему право надѣяться, что гетманство останется за нимъ, кто бы ни былъ его соперникъ.

Золотаренко, помирившись съ Сомкомъ, не только не выигралъ, но проигралъ въ Москвѣ; онъ уже и такъ утрачивалъ прежнее довѣріе къ себѣ; теперь, когда узнали, что онъ сошелся съ Сомкомъ, котораго не любили, то и на него стали смотрѣть какъ на подозрительнаго человѣка; въ добавокъ онъ однимъ поступкомъ навлекъ на себя неблагосклонное вниманіе; у него было имущество, которое онъ держалъ въ Великой Руси, въ Путивлѣ, чтобы спасти отъ случайнаго расхищенія въ безпокойной Украинѣ; но какъ только онъ примирился съ Сомкомъ, тотчасъ перевезъ это имущество въ Нѣжинъ. Тогда враги его стали толковать и объяснять, что Золотаренко, поладивши съ Сомкомъ, сдѣлалъ это потому, что за одно съ Сомкомъ хочетъ измѣнить царю и передаться Польшѣ, какъ только выберутъ Сомка въ ґетманы. Этотъ человѣкъ, послѣ своего примиренія съ Сомкомъ, утвержденнаго обоюдною присягою въ церкви, не переставалъ строить козни противъ того, кому торжественно обѣщалъ повиноваться. Надежда на гетманство еще воскресла въ немъ. Московскій гонецъ сказалъ ему, что Сомко думаетъ, что уже дѣло кончено, онъ избранъ въ гетманы и хвалится тѣмъ, что нѣжинскій полковникъ призналъ его. Въ Васюткѣ

пробудилось прежнее самолюбіе и онъ сказалъ: — «До черной рады пусть будетъ Сомко гетманомъ, чтобы между нами розни не было, но потомъ гетманомъ будетъ тотъ, кого выберетъ чернь; мы не выбирали совершеннымъ гетманомъ Сомка, это онъ самъ затѣялъ; Сомко измѣнникъ: онъ сносится съ Тетерею; ему вѣрить нельзя». Понятно, что, при такой двуличности, какую оказывали два помирившіеся наружно соперника, при тѣхъ наговорахъ, которые про нихъ разсыпали, Москва не могла, въ видахъ благоразумія, вѣрить ни тому, ни другому, должна была остерегаться и того, и другого, и болѣе всего склоняться вѣрить Бруховецкому, по крайней мѣрѣ, потому что послѣдній говорилъ всегда одно и безъ видимыхъ уловокъ постоянно отдавался на волю московскаго правительства, на одного царя полагалъ надежды.

XVI.

Наступила весна 1663 года. Московское правительство оповѣстило, что, согласно общему желанію, въ Украинѣ будетъ черная рада въ половинѣ іюня, а на ней долженъ быть выбранъ гетманъ большинствомъ голосовъ народа. Мѣстомъ для рады назначили Нѣжинъ. Казаки и поспольство должны были сходиться туда со всѣхъ сторонъ и вступать въ собраніе безъ оружія. Это всенародное собраніе долженъ былъ открыть посланный нарочно для этой цѣли окольничій, князь Данило Степановичъ Великогагинъ. Бруховецкому не совсѣмъ нравилось, что рада происходить будетъ въ Нѣжинѣ, городѣ ему противномъ; ему хотѣлось бы, чтобы она собралась въ Гадячѣ, гдѣ онъ, такъ сказать, уже насидѣлъ себѣ мѣсто. Но надобно было пользоваться временемъ. Бруховецкій разослалъ своихъ запорожцевъ по разнымъ краямъ склонять народъ идти въ Нѣжинъ на раду; запорожцы подстрекали чернь противъ значныхъ, кричали, что значные, находясь на начальствѣ, дѣлали простымъ людямъ

утѣсненія, и теперь пришелъ часъ отплатить имъ. Уговаривали народъ ограбить Нѣжинъ—гнѣздо значныхъ.

Назначенный отъ царя окольничій прибылъ вмѣстѣ со стольникомъ, Кирилломъ Степановичемъ Хлоповымъ, въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ, подъ начальствомъ полковниковъ Страсбурга, Инглиса, Полянскаго, Воронина, Шепелева и Скрябина. По извѣстію, сообщаемому украинскою лѣтописью (извѣстною подъ именемъ «Лѣтописи Самовидца»), Бруховецкій, прежде, чѣмъ великорусскіе посланцы достигли до Нѣжина, поспѣшилъ имъ на встрѣчу, сошелся съ Великогагинымъ и Хлоповымъ; съ нимъ былъ и Меѳодій. Они постарались убѣдить и расположить въ свою пользу царскихъ посланныхъ подарками. Такъ, по замѣчанію лѣтописца, обычно людямъ соблазняться дарами. Но если Бруховецкій въ самомъ дѣлѣ дарилъ тогда Великогагина, какъ и должно быть, по обычаямъ того времени, то это могло имѣть значеніе одного почета, а расположить царскаго окольничаго къ себѣ Бруховецкій не могъ болѣе того, сколько дѣло его было уже подготовлено въ его пользу въ Москвѣ. Ромодановскій давно былъ на его сторонѣ. Въ Москвѣ считали его единственнымъ въ Украинѣ лицомъ, годнымъ для гетманскаго достоинства, и Великогагинъ, ѣдучи на Украину, былъ уже настроенъ правительствомъ благопріятствовать Бруховецкому, а не кому-нибудь другому. Это же тѣмъ болѣе было легко, что поспольство украинское было все за Бруховецкаго, а въ то же время и за Москву.

Московскіе люди вступили въ Нѣжинъ и расположились въ старомъ и новомъ городѣ. Рада назначена была 17-го іюня. Оставалось нѣсколько дней до этого времени. Толпы народа отовсюду валили къ Нѣжину и укрывали поле въ окрестности города. Васюта съ своими нѣжинцами былъ въ городѣ. Сомко съ переяславцами, сопровождаемый значными товарищами, сталъ у воротъ, называемыхъ Кіевскими. Прибыли полковники лубенскій, черниговскій съ своими полками и стали близъ Сомка. Они были вооружены, наперекоръ приказанію царскаго посланца; въ таборѣ у нихъ были пушки. Сомко и его приверженцы продол-

жали твердить, что собственно новаго выбора быть не должно; избирательная рада была уже ранѣе, остается только подтвердить и объявить народу царское утвержденіе. По извѣстію украинской лѣтописи, Сомко представлялся князю Великогагину, оказалъ ему подобающую почесть, поручилъ себя, всѣхъ полковниковъ и войско на милость царскаго величества, увѣрялъ въ непоколебимой своей вѣрности престолу, предъявлялъ свои права, ссылаясь на двукратное свое избраніе радою казацкою въ Козельцѣ и Нѣжинѣ, и замѣчалъ, что собраніе черной рады опасно; такое собраніе черни не можетъ обойдтись безъ бунтовъ и безпорядковъ. Князь Великогагинъ выслушалъ его сухо и отвѣчалъ, что по царскому указу слѣдуетъ быть черной радѣ, на которой спросятъ: кого народъ хочетъ, и кто народу окажется любъ, того и утвердятъ на гетманствѣ.

Золотаренко, вѣроятно видя, что въ городѣ беретъ верхъ сторона противная, выѣхалъ изъ Нѣжина къ Сомку съ своимъ полкомъ въ одинъ таборъ; его казаки были вооружены, и везли пушки, не смотря на то, что князь Великогагинъ запрещалъ царскимъ именемъ брать оружіе. Окольничій велѣлъ своимъ людямъ пропустить нѣжинцевъ изъ городскихъ воротъ, чтобы преждевременно не раздражить партіи значныхъ.

Бруховецкій сталъ на противоположной сторонѣ города. Его таборъ съ запорожскимъ кошемъ и казаками полковъ, не приставшихъ къ Сомку и съ громадою отовсюду стекавшейся черни, помѣщался на урочищѣ Романовскій-Кутъ.

Дѣло шло о томъ, на какомъ концѣ города будетъ происходить рада. И та и другая партія разсчитывала на это и надѣялась отъ этого себѣ успѣха, потому что, въ случаѣ нужды, можно было взять числомъ не голосовъ, а рукъ. Сомко и его приверженцы много полагались на мѣстность; у нихъ казаки были вооружены, слѣдовательно, если бы дошло до драки, то меньшее число, въ сравненіи съ громадою черни, могло взять надъ нею верхъ, умѣя хорошо владѣть оружіемъ.

Вотъ, съ прискорбіемъ узнаетъ Сомко, что царскій шатеръ разбивается на той сторонѣ, гдѣ стоитъ Бруховецкій. Онъ от-

правилъ къ князю посланца, просилъ, чтобы рада происходила непремѣнно у Кіевскихъ воротъ и, въ случаѣ отказа, грозилъ уйдти въ Переяславль. Окольничій не обратилъ на это вниманія. Сомко своими рѣзкими требованіями и угрозами могъ только болѣе вредить себѣ, еслибъ судьба его и безъ того не была рѣшена.

16-го іюня, накануиѣ роковаго дня, князь Великогагинъ послалъ къ Сомку и прочимъ полковникамъ приказаніе перейдти на другую сторону города и стать по лѣвую сторону шатра, безъ оружія и пѣшкомъ. Скрѣпя сердце, Сомко повиновался. За нимъ повиновались и другіе. Они обошли городъ и явились на пространную равнину съ восточной стороны города Нѣжина. Уже красовался нарядный царскій шатеръ, присланный изъ Москвы; передъ нимъ были устроены подмостки, на которыхъ стоялъ длинный столъ; на этотъ столъ слѣдовало поставить новоизбраннаго гетмана и показать его народу. Гетманская булава лежала на виду и ожидала достойнаго избранника народной воли.

Сомку и его приверженцамъ велѣли явиться пѣшими и безоружными; они явились на коняхъ, съ саблями, ружьями и даже привезли съ собой пушки. Имъ велѣно было стать на лѣвой сторонѣ отъ шатра,—они стали на правой, гдѣ стоялъ и Бруховецкій: они боялись, что ихъ умышленно хотятъ отдалить и не дать имъ возможности одержать верхъ на радѣ послѣ того, какъ прочтется царскій указъ. Ихъ кармазинные, вышитые золотомъ, жупаны, богатые уборы на коняхъ, составляли противоположность съ сермяжными свитами и лохмотьями пѣшихъ, обнищалыхъ, разоренныхъ сторонниковъ Бруховецкаго, сбѣжавшихся отовсюду на добычу — грабить тѣхъ, которые пышнились своими богатствами во времена, печальныя для громады украинскаго народа.

Въ этотъ день рада не открывалась. Князь Великогагинъ пріѣхалъ изъ города, вошелъ въ царскій шатеръ, и за нимъ послѣдовалъ Бруховецкій. Они дружески совѣтовались, какъ поступить, чтобы на предстоящей радѣ устроилось дѣло въ

пользу Бруховецкаго. Послѣдній обѣщалъ князю употребить остатокъ дня на то, чтобы привлечь на свою сторону приверженцевъ Сомко.

Враги не могли спокойно провести вечера и ночи передъ завѣтнымъ днемъ. Князю пришлось разбирать возникшую между ними вспышку. Бруховецкій прислалъ къ нему сотника и жаловался, что Сомко взялъ въ плѣнъ нѣсколькихъ его казаковъ и отнялъ у нихъ лошадей по тому поводу, что посыланъ былъ отрядъ въ триста человѣкъ освободить нѣкоего Гвинтовку, который впослѣдствіи замѣстилъ Золотаренка на полковничьемъ урядѣ. Окольничій послалъ къ Сомку какого-то маіора потребовать объясненія. Князь приказывалъ прекратить всякія ссоры и несогласія. Дѣло объяснялъ Золотаренко.—«Мой братъ, —сказалъ онъ,—взятъ однимъ изъ старшихъ у Бруховецкаго, Гвинтовкою, и окованъ цѣпями, и я посылалъ освободить своего брата. Болѣе ничего».

17-го іюня, съ восходомъ солнца, начали бить въ литавры и бубны. Московское войско стало въ боевой порядокъ. Солдаты становились по правую сторону шатра, стрѣльцы по лѣвую. Малоруссы начали подвигаться волнистыми толпами изъ своихъ таборовъ. Съ обѣихъ сторонъ развивались распущенныя знамена казацкія. Около десяти часовъ утра, князь Великогагинъ съ Хлоповымъ и товарищами отправился въ царскій шатеръ и увидавши. что казаки идутъ вооруженные, послалъ къ нимъ еще разъ приказаніе оставить оружіе. Бруховецкій изъявлялъ готовность оставить оружіе, но объяснялъ, что это будетъ для него не безопасно, потому что соперники его идутъ съ оружіемъ и могутъ напасть на безоружныхъ. Сомко и подавно не рѣшался обезоружить себя; онъ ясно видѣлъ, что князь Великогагинъ склоняется на сторону Бруховецкаго: для него оружіе составляло послѣднюю надежду; его положеніе было такимъ, что либо панъ, либо пропалъ.

Вслѣдъ затѣмъ Сомко увидалъ, что Бруховецкій не лѣнивъ, и не даромъ трудился въ предыдущій день чрезъ своихъ пособниковъ. Чуть только Сомко, идя изъ табора съ своими пол-

ками, поравнялся на одной линіи съ Бруховецкимъ, простые казаки толпами переходили изъ рядовъ Сомка въ ряды Бруховецкаго: они увидѣли, что за послѣдняго царь и народъ.

Пріѣхалъ епископъ Меѳодій и вошелъ въ шатеръ.

Наступалъ часъ рады. Говоръ утихъ. Всѣ ожидали съ напряженнымъ вниманіемъ. Князь вышелъ изъ шатра съ царскою граматою въ рукѣ. Подлѣ него былъ Меѳодій. Онъ послалъ своихъ офицеровъ къ Сомку и Бруховецкому.

— Князь приказываетъ вамъ, — говорили они, — оставить лошадей и оружіе и явиться пѣшкомъ къ шатру съ вашею старшиною и знатнѣйшими казаками слушать царскую грамату.

Обѣ стороны отправились. Но Сомко явился, въ противность приказаній, съ саблею и сайдакомъ; о-бокъ его шелъ его зять и несъ бунчукъ, такъ что Сомко являлся, напоминая своею обстановкою, что онъ считаетъ себя уже гетманомъ, избраннымъ казаками, и стоитъ крѣпко за свое право. Толпа казаковъ его полка слѣзла съ коней и стояла вдали, готовая по первому знаку броситься съ оружіемъ на противниковъ.

Князь Великогагинъ съ своими товарищами взошелъ на подмостки и читалъ царскую грамату. Въ ней говорилось, что царь соизволилъ быть черной радѣ для избранія единаго гетмана Войска Запорожскаго. Князь не успѣлъ прочитать и половины этой граматы, по обыкновенію очень плодовитой словами, какъ сторонники Сомка хлынули къ шатру и закричали:

— Сомко—гетманъ! Якимъ Семеновичъ Сомко воинъ храбрый и въ дѣлахъ искусный; онъ не щадилъ здоровья своего за честь и славу его царскаго величества. Его хочемъ совершеннымъ гетманомъ устроити!

— Бруховецкій гетманъ! Сомко измѣнникъ!—заревѣла громада, приверженная къ Бруховецкому и также хлынула къ шатру.

И тѣ и другіе бросали вверхъ шапки по казацкому обычаю и кричали—Сомко гетманъ! Бруховецкій гетманъ! Сомко измѣнникъ! Бруховецкій измѣнникъ!

Сторонники Сомка сперва опередили противниковъ, схватили

своего претендента, подняли, поставили на столъ и прикрыли знаменами. Но вслѣдъ затѣмъ наперли на нихъ сторонники Бруховецкаго, понесли своего претендента на рукахъ, и поставили на томъ же длинномъ столѣ, гдѣ уже стоялъ Сомко, прикрытый знаменами и бунчуками.

Князь съ своими товарищами, не дочитавъ грамоты, былъ спихнутъ и оттиснутъ; онъ ушелъ въ свой шатеръ.

Началась свирѣпая рукопашная драка и борьба между ожесточенными противниками. Зять Сомка, державшій подлѣ него бунчукъ, былъ убитъ; его бунчукъ изломали. Сомко не удержался на столѣ; булаву у него вырвали. Драка разгоралась сильнѣе и участниковъ прибывало все болѣе и болѣе, но московскаго войска полковникъ нѣмецъ Страсбургъ велѣлъ пустить въ дерущуюся между собою толпу ручныя гранаты; много отъ нихъ легло убитыхъ и раненыхъ. Эта энергическая мѣра прекратила свалку. Бруховецкій остался побѣдителемъ надъ грудою мертвыхъ и умиравшихъ, и со знаками гетманскаго достоинства, съ булавою и бунчукомъ, вошелъ въ царскій шатеръ. Сомко успѣлъ съ трудомъ сѣсть на коня и убѣжать въ свой обозъ. За нимъ слѣдовала толпа его сторонниковъ, гонимая московскими гранатами. Бруховецкій дружески бесѣдовалъ съ окольничимъ; съ нимъ былъ и неразлучный Мефодій. Чернь ликовала и провозглашала Бруховецкаго гетманомъ. Восклицаній въ пользу Сомка скоро не раздавалось ни одного.

Сомко, въ своемъ станѣ поговоривши съ старшиною, отправилъ къ князю посольство.—«Сомко проситъ—говорили его посланцы—возвратить тѣло бунчужнаго, его зятя, для погребенія, а также возвратить раненныхъ и оказать правосудіе надъ тѣми, которые перебили и переранили такое множество нашего народа. Войско не признаетъ Бруховецкаго гетманомъ, хотя онъ и захватилъ булаву въ свои руки. Сомко съ полками уйдетъ въ Переяславль, а оттуда учнетъ писать къ его царскому величеству, что Бруховецкому дали булаву противъ общаго желанія, а войско не принимаетъ его».

— Сомко и его люди—сказалъ князь—сами виноваты; они

подали поводъ къ безпорядку; зачѣмъ они пришли съ оружіемъ и насильно хотѣли поставить гетманомъ Сомка?

Потомъ окольничій послалъ къ Сомку какого-то Неншина (вѣроятно дворянина или сына боярскаго).

— Князь зоветъ тебя со старшиною въ шатеръ; тамъ порѣшите мирно и согласно.

— Мы не можемъ довѣрять,—отвѣчали ему,—насъ также убьютъ, какъ убили бунчужнаго. Да и рѣшать нечего; дѣло давно кончено. Гетманъ выбранъ. Гетманъ—Сомко.

Бруховецкій отправился въ свой таборъ съ булавою и бунчуками. Чернь бѣжала за нимъ и около него, метала вверхъ шапки и кричала: Бруховецкій гетманъ!

На другой день, 18 іюня, окольничій съ товарищами и епископъ Меѳодій опять собрались въ шатрѣ и, послѣ совѣта между собой, послали двухъ офицеровъ, одного къ Сомку, другого къ Бруховецкому.

— Рада не окончена—извѣщали они—приходите опять къ царскому шатру со старшиною, а казаки пусть стоятъ на полѣ, поодаль, только безоружные.

Оба обѣщали. Новая рада назначена была на третій день.

Но въ тотъ же день она оказалась ненужною. Въ войскѣ Сомка поднялся бунтъ. Собственно его истинные приверженцы были только старшины и значные казаки. Простые казаки, бывшіе до сихъ поръ на его сторонѣ, раздѣляли въ душѣ, одинаково съ толпою, стоявшей за Бруховецкаго, злобу противъ тѣхъ, которые поставлены были выше ихъ по званію или по состоянію, и потому легко заразились примѣромъ большинства народной громады. Притомъ же значные, пріѣхавшіе туда черезъ-чуръ великолѣпно, привезли съ собой на показъ свои богатства; возы ихъ были не пусты. Это соблазняло бѣдняковъ, особенно когда Бруховецкій черезъ своихъ пособниковъ возбуждалъ ихъ ограбить эти возы. Нѣсколько сотенъ изъ войска Сомко, вѣроятно сговорившись прежде, похватали свои знамена и, распустивъ ихъ, ушли къ Бруховецкому и поклонились ему какъ гетману, а потомъ повернули назадъ, бросились на возы

своей старшины и принялись выбирать изъ нихъ что кому нравилось и что кто успѣвалъ себѣ схватить. Сомко, Золотаренко, полковники лубенскій и черниговскій и ихъ полковые чины бросились искать у князя Великогагина спасенія отъ разнузданной толпы. Князь Великогагинъ приказалъ ихъ всѣхъ взять подъ стражу и препроводить въ нѣжинскій замокъ. Современникъ говоритъ, что они сами тогда желали, чтобы ихъ укрыли хоть куда нибудь. Всѣхъ ихъ было человѣкъ пятьдесятъ. У нихъ отобрали лошадей, оружіе, сбрую, сняли съ нихъ даже платье и посадили подъ замокъ. Золотаренко еще прежде отправилъ туда свою жену и дѣтей, повѣривъ ихъ Михайлу Михайловичу Дмитріеву.

Послѣ того, когда чернь не голосами, а самымъ дѣломъ показала, кого она желаетъ видѣть гетманомъ, князь Великогагинъ послалъ звать Бруховецкаго.

— Какъ прикажетъ князь явиться, съ оружіемъ или безъ оружія? спросилъ Бруховецкій.

Ему отвѣчали:—Безъ оружія все войско должно собраться.

Тогда впередъ выѣхала стройно конница, безъ оружія, но со знаменами; за ней слѣдовала пѣхота, также безоружная. Конница стала въ видѣ полумѣсяца около шатра, такъ что одинъ ея конецъ упирался въ правый, а другой въ лѣвый бокъ шатра. Пѣхота стала въ срединѣ противъ шатра. Окольничій съ московскими чинами и съ неизбѣжнымъ Меѳодіемъ вышелъ подъ прикрытіемъ алебардъ въ средину казацкаго круга. Бруховецкій, полковники, сотники, атаманы, эсаулы отдавали ему почетъ. Онъ спрашивалъ:—Кого хотите имѣть гетманомъ?— Толпа отвѣчала:—Мы выбрали Ивана Мартыновича Бруховецкаго.

— Твоя милость долженъ взять бунчукъ и обойдти кругомъ ряды казаковъ, сказалъ князь Великогагинъ.

Бруховецкій сдѣлалъ это, и мимо какихъ казаковъ онъ проходилъ, тѣ казаки склоняли передъ нимъ знамена и бросали вверхъ шапки, давая тѣмъ знать, что они выбрали и признаютъ его гетманомъ.

Послѣ этой церемоніи, князь съ московскими чинами вошелъ въ шатеръ. За нимъ Брюховецкій и Меѳодій.

Здѣсь царскій посланникъ вручилъ новоизбранному гетману булаву и бунчукъ изъ своихъ рукъ и проговорилъ оффиціально рѣчь, утверждавшую его въ гетманскомъ достоинствѣ. Брюховецкій на радости предложилъ тогда же, въ знакъ своей признательности за поставленіе его въ гетманы, чтобы въ украинскихъ городахъ были помѣщены московскія залоги (гарнизоны) и на содержаніе ихъ обращенъ былъ лановой налогъ, который народъ когда-то платилъ польскимъ королямъ, и хлѣбъ, собираемый до того времени въ каждомъ полку на полковника; сверхъ того, чтобы при каждомъ городѣ, гдѣ будутъ гарнизоны московскихъ людей, воеводамъ и офицерамъ московскаго войска отведены были на пятнадцать верстъ земли для пастбища и сѣнокоса, да въ добавокъ слѣдовало обложить особою данью мельницы для содержанія ратныхъ царскихъ силъ. Для себя собственно онъ просилъ выдачи враговъ своихъ, Сомка и Золотаренка съ товарищами, и увѣрялъ, что такъ хочетъ народъ и волнуется по этому поводу.

Князь подалъ ему надежду, что будетъ такъ, какъ онъ хочетъ.

Торжествующій Брюховецкій въ тотъ же день въ нѣжинской соборной церкви присягнулъ на вѣрность и получилъ царскую жалованную грамату съ золотыми буквами. Пушечные выстрѣлы возвѣстили народу, что избранный имъ гетманъ утвержденъ волею великаго государя.

Новый гетманъ тотчасъ смѣнилъ всѣхъ полковниковъ и старшину, и назначилъ новыхъ изъ своихъ запорожцевъ, съ которыми съ самаго начала умышлялъ удавшійся теперь переворотъ. Брюховецкій исполнилъ свое обѣщаніе, которое сообщали черному народу его пособники: онъ дозволилъ грабить богатыхъ и потѣшаться вообще надъ значными въ теченіе трехъ дней. По этому дозволенію, безобразное пьянство, грабежи, насилія продолжались три дня; значныхъ мучили безпощадно; никто за нихъ не взыскивалъ, все обращалось въ шутку, го-

воритъ самовидецъ. Все имѣніе тѣхъ, которые сидѣли въ замкѣ подъ стражею, было расхищено, такъ что у нихъ во дворахъ не осталось ровно ничего. Худо было всякому, кто носилъ кармазинный жупанъ; иныхъ убивали, а многіе тѣмъ спасли себя, что одѣлись въ сермяги. Городъ Нѣжинъ охранило московское войско, а иначе его бы ограбили, а потомъ съ-пьяна и сожгли бы до основанія. По истеченіи трехъ льготныхъ дней, Брюховецкій далъ приказаніе прекратить грабежи и безчинія, предоставивъ каждому искать судомъ за оскорбленіе, если оно прежде было нанесено. Не одинъ значный человѣкъ потерпѣлъ тогда отъ своего слуги, который мстилъ своему господину за то, что самъ отъ него прежде переносилъ брань и побои, какъ это часто во дворахъ бываетъ, по замѣчанію лѣтописца. Мѣстечко Ичня, куда съѣзжались избиравшіе Сомка, было сожжено въ пепелъ; сгорѣла и церковь, гдѣ присягали Сомку на вѣрность и послушаніе.

Новопоставленные изъ запорожцевъ полковники получили каждый по сту человѣкъ стражи. Эти временщики тотчасъ же показали что они такое, и чего можно впередъ ожидать отъ нихъ. Не только значные, но и простые потерпѣли отъ нихъ утѣсненія и оскорбленія на первыхъ же порахъ. На Украинѣ настало господство холоповъ, которые вдругъ сдѣлались господами, и, упоенные непривычнымъ достоинствомъ, не знали предѣловъ своимъ необузданнымъ прихотямъ и самоуправству. Они брали у жителей провіантъ и фуражъ безденежно; жители обязаны были ихъ кормить и одѣвать. Они—говоритъ русскій лѣтописецъ—дѣлали такое озлобленіе, что можно было подумать, что ихъ назначилъ не гетманъ, избранный народною волею, а тиранъ ненасытный, оскорбитель человѣчества [1]).

Въ то время, когда на лѣвой сторонѣ происходилъ этотъ пере-

[1]) Эти новыя начальственныя лица по актамъ значутся: судьи генеральные—Юрій Незамай и Петръ Забѣла, обозный—Животовскій, потомъ Иванъ Цесарскій, эсаулъ войсковой—Паросенъ Нужный, эсаулъ арматный—Богданъ Щербакъ, писарь войсковой—Степанъ Гречановичъ, войсковой дозорца скарбу (казначей)—Ракушка, полковники:

воротъ, на правой загорѣлось возстаніе противъ Тетери. Виновникомъ его былъ священникъ въ Паволочи по имени Иванъ Поповичъ. Онъ нѣкогда былъ казацкимъ полковникомъ, потомъ посвятился во священники, а теперь снялъ съ себя священническое достоинство, опять принялъ званіе полковника, вошелъ въ сношенія съ Сомкомъ, надѣялся съ лѣвой стороны помощи и началъ возстаніе свое тѣмъ, что велѣлъ изрубить всѣхъ жидовъ въ Паволочи. Народъ, ненавидя поляковъ, обрадовался, что находится предводитель и началъ къ нему стекаться, но въ то время Сомко былъ уже въ неволѣ. Поповичу все равно было, что Сомко, что Бруховецкій, и онъ обратился къ Бруховецкому, прося помощи. Но Бруховецкій не подалъ ему помощи, и «паволоцкій попъ», стѣсненный Тетерею, чтобы избавить городъ отъ гибели, сдался и умеръ въ ужасныхъ мукахъ пытокъ. Такимъ образомъ, эта попытка остановить раздвоеніе Украины не удалась.

Съ избраніемъ полнаго, а не наказнаго, гетмана на лѣвой сторонѣ начинается въ Южной Руси печальный и бурный періодъ двугетманства. Московское правительство медлило утвержденіемъ особаго гетмана на лѣвой сторонѣ, пока Хмельницкій носилъ гетманское званіе. Оно ожидало, что слабый гетманъ, когда поляки доведутъ его до отчаянія, рѣшится, наконецъ, возвратиться къ своей прежней присягѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не разъ подавалъ надежду на свое обращеніе. Это было бы, какъ уже замѣчено выше, очень выгодно для Москвы; съ нимъ вмѣстѣ заднѣпровская Украина опять присоединилась бы къ Москвѣ. Притомъ имя Хмельницкаго заключало въ себѣ все-таки еще обаятельную силу для людей Малой Руси. Когда же Юрій принялъ монашество и сошелъ съ политическаго поприща, Москвѣ не оставалось болѣе ждать ничего; на Тетерю

лубенскій—Игнатъ Вербицкій, сосницкій (новообразованный полкъ)—Яковъ Скиданъ, полтавскій— Демьянъ Гудшелъ, зиньковскій — Василій Шиманъ, стародубовскій—Иванъ Плотникъ, прилуцкій—Данило Писецкій, нѣжинскій—Матвѣй Гвинтовка; въ Кіевѣ былъ Василій Дворецкій.

не было надежды. Такимъ образомъ, въ Украинѣ, прежде единой и нераздѣльной, теперь полнѣе и законченнѣе означилось раздѣленіе на двѣ половины: одна была за Московскимъ государствомъ, другая за Польшею. Люди, видѣвшіе впереди неминуемую гибель неокрѣпшаго политическаго тѣла гетманщины, со вздохомъ припомнили слова евангельскія: «всякое царство, раздѣлившееся на ся, не станетъ»! Это, еще не выросшее, тѣло умирало столько же отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько отъ внутреннихъ недостатковъ своей природы, и едва ли болѣе не отъ послѣднихъ.

Бруховецкій, вмѣстѣ съ изъявленіемъ благодарности царю, доносилъ на Сомка, Золотаренка и на ихъ приверженцевъ, посаженныхъ подъ стражу, что они измѣнники. Доводомъ служило то, что у Сомка найденъ былъ гадячскій договоръ, доставшійся казакамъ по разбитіи Выговскаго въ 1659 году. Сомко не уничтожилъ его, не доставилъ царю, а держалъ у себя, слѣдовательно, хотѣлъ при случаѣ воспользоваться этимъ документомъ. Бруховецкій увѣрялъ, что если бы Сомко добился гетманства, то потребовалъ бы новаго договора съ Московскимъ государствомъ въ смыслѣ гадячскихъ статей, а если бы ему отказали, то сталъ бы иначе промышлять. Царь приказалъ отдать обвиняемыхъ на судъ Войску Запорожскому.

Обвиненія противъ Сомка были не совсѣмъ несправедливы. Изъ современныхъ писемъ Тетери къ королю видно, что Сомко, ожидая черной рады, велъ сношенія съ Тетерею о присоединеніи лѣвой стороны Днѣпра къ Польшѣ. Не приступая ни къ чему рѣшительному (хотя ему съ Тетерею удобнѣе было сойдтись, чѣмъ съ самимъ Юріемъ; еслибы пришлось къ дѣлу, Тетеря, вѣроятно, уступилъ бы гетманство Сомку, получивъ за то отъ короля воеводство или что нибудь подобное), Сомко, вѣроятно, подготовлялъ себѣ дружбу съ Польшею, какъ послѣднее средство, когда уже съ Москвою не оставалось бы никакой возможности кончить такъ, какъ онъ хотѣлъ. А такъ какъ Москва ни за что не соглашалась на умаленіе своей власти въ Украинѣ и на расширеніе мѣстной автономіи (что было завѣт-

ною цѣлью Сомка и значныхъ, потому что сходилось съ ихъ эгоистическими стремленіями),—поэтому измѣна была бы неизбѣжна, еслибы Сомко сдѣлался гетманомъ; впослѣдствіи, не избѣжалъ ея и Бруховецкій.

Судъ надъ обвиненными происходилъ въ Борзнѣ и былъ коротокъ. Онъ велся, разумѣется, такъ, что подсудимымъ не дано никакихъ средствъ къ спасенію и оправданію. Сомка, Золотаренка, черниговскаго полковника Силича, лубенскаго Шамрицкаго и нѣсколькихъ другихъ приговорили къ отрубленію головы [1]); нѣкоторыхъ же, не такъ ненавистныхъ Бруховецкому, рѣшили послать въ оковахъ въ Москву [2]), для отправки ихъ въ ссылку по распоряженію московскаго правительства.

18 сентября, на рынкѣ въ Борзнѣ совершена была казнь. Сомку послѣднему пришлось испить смертную чашу. По извѣстію, сообщаемому лѣтописью Грабянки, татаринъ, исполнявшій должность палача, былъ пораженъ мужественною красотою Сомка, хотя уже далеко не молодого.

— Неужели надобно рубить и эту голову? спросилъ онъ: Безсмысленныя вы и жестокія головы! Этого человѣка создалъ Богъ на показъ цѣлому свѣту, и вамъ не жаль предавать его смерти.

Вслѣдъ затѣмъ, разумѣется, онъ немедленно исполнилъ свою обязанность.

---

[1]) Аѳанасія Щуровскаго, Павла Киндія, Ананію Семенова, Кирилла Ширяя.

[2]) Кіевскаго полковника Семена Третьяка, ирклѣевскаго полковника Матвѣя Попкѣвича, Дмитрія Чернясвскаго, писаря Сомка Самуила Савицкаго, Михаила Вуяхевича, писаря переяславскаго полка Ѳому Тризнича, барышевскаго сотника Ивана Воробья (Горобця), двое братьевъ переяславцевъ Семена и Порфирія Кулжонки, нѣжинскаго полка есаула Левка Бута, писаря Захара Шикія, и мгарскаго монастыря игумена Виктора Зегаровскаго. (По архивн. дѣл).

Обозный Иванъ Цесарскій и кіевскій полковникъ Василій Дворецкій присутствовали, вмѣстѣ съ прилуцкимъ полковникомъ Писецкимъ, при казни, а потомъ отвезли въ Полтаву двѣнадцать приговоренныхъ къ ссылкѣ. Изъ Москвы ихъ отправили въ Сибирь.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА

ВЪ XVII ВѢКѢ.

ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ КРИТИКА

ВЪ XVII ВѢКѢ.

Извѣстно, какое важное значеніе имѣли у насъ въ старину мѣстные святые, покровители городовъ и земель. Они были однимъ изъ обычныхъ явленій, поддерживавшихъ удѣльно-вѣчевой строй нашей общественной жизни. Уваженіе къ святымъ возвышало достоинство тѣхъ мѣстностей, гдѣ они проявляли данную имъ благодать; край гордился своимъ натрономъ, имя его призывалось въ битвахъ, на него полагали упованіе во время грозившихъ краю бѣдствій. Лица, удостоившіяся послѣ смерти сдѣлаться мѣстными патронами, во время земной жизни своей иногда были духовные сановники, иногда отшельники, а чаще особы княжескаго дома. Послѣднимъ особенно было кстати получить значеніе покровителей города и земли. При жизни они правили этимъ самымъ городомъ и Землей, защищали мѣстные интересы противъ другихъ князей и Земель, охраняли благочестивое жительство отъ иноземцевъ и иноплеменниковъ; сподобившись за свою добродѣтель святости и нетлѣнію, они ощутительно для вѣры, въ вѣрованіи народа, продолжали и за гробомъ оказывать прежнюю любовь къ своей Землѣ, были на небесахъ представителями и помощниками нѣкогда управляемаго ими народа. Память мужей церкви, отшельниковъ отъ міра воз-

буждала въ благочестивыхъ поклонникахъ думы о суетѣ міра, о превосходствѣ духовной жизни; особы княжескаго рода были ближе къ земному порядку: они не убѣгали отъ міра въ дебри и лѣса, они вращались съ людьми, несли семейныя и общественныя обязанности, не чуждались житейскихъ радостей, боролись наравнѣ съ другими противу треволненій житейскаго моря. Оттого и послѣ смерти они казались ближе къ земнымъ потребностямъ чѣмъ тѣ, которые во время земного своего поприща пренебрегали ими и покидали ихъ для высшей сферы. Не было почти Земли русской, гдѣ бы не являлось благоговѣйнаго уваженія къ памяти о лицѣ изъ мѣстнаго княжескаго рода. Въ Новгородѣ чтили Владиміра, строителя св. Софіи, и Мстислава Храбраго, распространившаго предѣлы владѣній Великаго Новгорода; Псковъ возвышался и пріобрѣталъ независимость отъ Новгорода подъ благословеніемъ князя Всеволода-Гавріила, изгнаннаго новгородцами и съ честью принятаго псковитянами; — тотъ-же Псковъ, въ своей нескончаемой брани съ нѣмцами, воодушевлялся мужествомъ, надѣясь на святого Довмонта-Тимоѳея, богатыря, охранявшаго освященнымъ у св. Троицы мечемъ и православіе и русскую народность противъ покушеній нѣмецкаго католичества; Полоцку покровительствовала св. Евфросинія; Кіевъ помнилъ Ольгу, Владиміра, страстотерпцевъ Бориса и Глѣба; замученный кіевлянами Игорь нашелъ себѣ посмертный покой въ родномъ ему Черниговѣ. Муромъ пребывалъ подъ покровительствомъ своего просвѣтителя князя Константина съ сыновьями, и добродѣтельной четы — Петра и Февроніи. Татарское насиліе украсило княжескіе роды черниговской и рязанской земель страдальческими именами князей черниговскихъ Михаила и Ѳеодора, и рязанскаго Романа Ольговича; суздальско-ростовско-владимірская Земля, издавна стремившаяся стать во главѣ русскихъ земель, явила рядъ святыхъ княжескаго происхожденія по плоти: Евфросинія Суздальская въ Суздалѣ, во Владимірѣ Андрей и Александръ Невскій, въ Ростовѣ Юрій и Василько, погибшіе въ борьбѣ противъ татаръ, въ Переяславѣ Андрей, въ Угличѣ Романъ, въ Ярославлѣ Ѳеодоръ и дѣти его

Давидъ и Константинъ. Москва вела Русь къ единодержавію подъ благословеніемъ родоначальника своихъ князей Даніила, а ея соперница Тверь отстаивала свою самобытность, призывая въ помощь страдальца Михаила, погибшаго въ Ордѣ по проискамъ московскаго князя. Когда единовластіе замѣнило удѣльность и Москва стала головою восточной Руси, уваженіе къ мѣстнымъ патронамъ не охладѣвало долго. Многіе угодники, мѣстно чтимые въ древнихъ городахъ, получили обще-церковное значеніе только въ московскій періодъ.

Явленіе новой святыни чаще всего происходило въ эпохи бѣдствій. Просіявшая въ горькіе часы испытанія благодать утверждала и упрочивала вѣру въ мѣстную святыню. Не было ни одного сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ-бы не находилось мощей или чудотворной иконы, и всегда при такой святынѣ сохранялось преданіе объ избавленіи мѣстности отъ бѣдствій — преимущественно отъ непріятельскаго нашествія. Такія чудеса составляли славу святыни на будущіе вѣка. Въ болѣе отдаленныя отъ насъ время преданіе легко получало значеніе несомнѣнной религіозной истины отъ простоты вѣрующаго сердца. Впрочемъ, православная церковь никогда не признавала правильнымъ безъ разсужденія и изслѣдованія допускать всякому преданію, хотябы благочестивому и сообразному съ духомъ религіи, вступать въ область непогрѣшительныхъ истинъ. Въ XVII вѣкѣ, церковная критика дѣйствовала гораздо рѣшительнѣе и сильнѣе чѣмъ прежде. Тогда была эпоха Никона, эпоха пересмотра богослужебныхъ книгъ, обрядовъ, религіозныхъ обычаевъ и преданій, эпоха смѣлой реформы всего того, что, послѣ пересмотра, оказалось лишеннымъ достаточныхъ основаній для своего освященія церковнымъ авторитетомъ. Тогда-то церковная власть не утвердила своимъ авторитетомъ многія жизнеописанія, составленныя по неосновательнымъ изустнымъ преданіямъ, иногда съ явными слѣдами собственнаго вымысла составителя, который, за недостаткомъ самобытнаго творчества, часто дѣлалъ осколокъ съ прежнихъ житій. Какъ искренно и неуклонно поступала тогда церковь, показываетъ

то, что на соборѣ 1667 (Д. М. V. 563) рѣшились отвергнуть между прочимъ житіе Евфросина Псковскаго (въ той части, которую нашли погрѣшительною), даромъ что стоглавный соборъ, имѣвшій въ виду это житіе и на немъ основываясь, утвердилъ было сугубое аллилуіа.

Кашинъ былъ нѣкогда княжескимъ удѣльнымъ городомъ, имѣлъ свою волость, всегда составлялъ часть тверской земли, но въ тоже время стремился удержать свою мѣстную автономію. Въ XIV вѣкѣ, родъ тверскихъ князей раздѣлился на двѣ линіи, и одна изъ нихъ избрала себѣ Кашинъ. Въ удѣльно-вѣчевыя времена новыя княжества возникали и упрочивались въ такихъ городахъ, которые, по какимъ-либо благопріятнымъ географическимъ условіямъ и историческимъ обстоятельствамъ, будучи пригородами главнаго города Земли, получали болѣе, чѣмъ другіе пригороды, значенія, силы и достоинства. Во всѣхъ русскихъ земляхъ видимъ мы одно и тоже явленіе: города, бывшіе нѣкогда только пригородами, возвышались до того, что достигали до извѣстной степени равенства съ главнымъ городомъ, а иногда совсѣмъ выдѣлялись изъ одной съ ними Земли и дѣлались средоточіемъ Земли собственной. Примѣры перваго рода встрѣчаются въ суздальско-ростовской Землѣ, гдѣ еще въ XII вѣкѣ Суздаль и Ростовъ были два равные города въ одной Землѣ; потомъ тамъ возвысился изъ пригородовъ Владиміръ и взялъ первенство надъ старыми городами; за нимъ города Переяславль-Залѣскій, Городецъ, Кострома, Угличъ, Бѣлоозеро, Нижній-Новгородъ, хотя долго составляли вмѣстѣ совокупность одной Земли, но имѣли равное значеніе независимыхъ городовъ и поддерживали до извѣстной степени автономію тянувшихъ къ нимъ территорій. Тоже въ рязанской Землѣ; Пронскъ, бывши пригородомъ Рязани, возвышается до равенства съ Рязанью, хотя не выступаетъ изъ сферы рязанской Земли. Въ Землѣ кривичей тоже явленіе представляетъ городъ Витебскъ, возвышавшійся до равенства съ Полоцкомъ, какъ это показываетъ договоръ Герденя съ нѣмцами; на Волыни точно также, кромѣ Владиміра Волынскаго, поднялся Луцкъ; въ Червонной Руси, кромѣ Гали-

ча, — Перемышль. Можно тоже сказать въ большей или меньшей степени и о многихъ другихъ городахъ, которыхъ возвышеніе передъ прочими своей Земли нѣсколько замѣтно; напр., въ Новгородской землѣ поднялись болѣе другихъ Ладога, Руса и Торжокъ; послѣдній оказывалъ, при случаѣ, стремленіе къ выдѣленію изъ новгородской Земли. Примѣрами втораго рода совершеннаго выдѣленія могутъ теперь служить нѣкогда бывшіе только пригородами, которые въ Землѣ суздальско-ростовской, впослѣдствіи, пріобрѣли главенство надъ своими отдѣльными землями и пригородами и выдѣлились изъ прежней Земли; такова Тверь, которая нѣкогда принадлежала къ суздальско-ростовской Землѣ, а послѣ выдѣлилась изъ нея и образовала вокругъ себя свою собственную землю съ пригородами; тоже явленіе на сѣверѣ со Псковомъ, который былъ нѣкогда пригородомъ Новгорода, а потомъ достигъ независимости и сдѣлался главою своихъ десяти пригородовъ. Отдѣленіе двинской Земли отъ Новгорода, подобно Пскову, висѣло, такъ сказать, на волоскѣ.

Въ тверской Землѣ въ XIV вѣкѣ сталъ возвышаться Кашинъ. Въ 1326 году, лѣтописецъ, разсказывая о нападеніи Ивана Даниловича московскаго на тверскую Землю съ татарами, говоритъ: *идоша по повелѣнію Цареву и взяша градъ, Тверь и Кашинъ и протчая грады тверской волости* (Ник. 138). Здѣсь Кашинъ упомянутъ одинъ только въ ряду *протчихъ* градовъ: видно, что онъ тогда болѣе другихъ пользовался значеніемъ въ тверской Землѣ; иначе-бы лѣтописецъ кромѣ, города Твери, не назвалъ бы никакого города или же поименовалъ бы еще другіе, считавшіеся тверскими пригородами. Междоусобія князя Василія Кашинскаго съ другими князьями тверской Земли должны были пріучить кашинцевъ къ сознанію отдѣльныхъ интересовъ, особыхъ отъ прочихъ тверской Земли. Междоусобія эти начались съ 1347 года. Племянникъ Василія Кашинскаго, сынъ Александра Михайловича, получилъ отъ хана Чанибека право на Тверь, слѣдовательно и старѣйшинство въ тверской Землѣ. Дядя оскорбился этимъ. Кашинцы, защищая права своего князя, должны были стоять во враждебномъ отношеніи къ тверичамъ.

Отъ этого возсталъ Кашинъ на Тверь, и по выраженію лѣтописца, была *людемъ тверскимъ тягость и мнози люди тверскіе того ради нестроенія разидошася* (Никон. 130). На слѣдующій годъ племянникъ уступилъ дядѣ и самъ удовольствовался прежнимъ своимъ удѣломъ въ Холмѣ. Это событіе подѣйствовало счастливо на состояніе тверской земли: *и поидоша къ нимъ людіе отовсюду въ грады ихъ, во власти ихъ, во всю Землю тверскую и умножишася людіе и возрадовавшася радостію великою* (Ник. 192). Это извѣстіе, со многими подобными въ нашихъ лѣтописяхъ, указываетъ на ту подвижность русскаго населенія, которая шла рядомъ съ междоусобіями и часто какъ отъ нихъ зависѣла, такъ и способствовала ихъ учащенію. Когда въ Землѣ безпокойно, люди не затруднялись съ своимъ несложнымъ имуществомъ переходить въ другія русскія Земли; а гдѣ водворялось болѣе или менѣе продолжительное спокойствіе, туда приливало и народонаселеніе. Москва обязана вначалѣ своимъ возвышеніемъ умѣнію Ивана Даниловича Калиты обезопасить московскую землю отъ татарскихъ вторженій и внутреннихъ междоусобій: отъ этого московская земля стала заселяться болѣе другихъ и притягивала къ себѣ сочувствіе жителей другихъ земель, не пользовавшихся такимъ спокойствіемъ. Но обратимся къ Кашину.

Кашинъ черезъ переходъ своего князя въ Тверь не слился съ Тверью, не потерялъ своей доли автономіи; это показываетъ, что эта автономія явилась не случайно, вслѣдствіе передвиженій, а имѣла основанія поглубже. Василій Михайловичъ, сдѣлавшись тверскимъ княземъ, старѣйшимъ между всѣми князьями тверской Земли, оставилъ въ Кашинѣ своего сына Василія (Ник. VI, 5), слѣдовательно призналъ за Кашиномъ почетное право имѣть своего князя. Возведеніе Василія Михайловича въ достоинство старѣйшаго не надолго успокоило тверскую Землю. Тверскую Землю постигло значительное междоусобіе въ 1364 году. Передъ тѣмъ только отъ свирѣпствовавшей моровой язвы вымерло много князей тверского рода. Между тверскимъ Василіемъ Михайловичемъ и Михаиломъ

Александровичемъ микулинскимъ княземъ (однимъ изъ удѣльныхъ князей тверской Земли), возникъ споръ о наслѣдствѣ послѣ умершаго князя Семена. По благословенію митрополита, спорившіе отдались на судъ тверскаго владыки. Тотъ оправдалъ Михаила Александровича. Вслѣдъ затѣмъ послѣдній сталъ княземъ въ Твери, т. е. старѣйшимъ или великимъ княземъ тверской Земли. Василій Михайловичъ долженъ былъ оставаться въ Кашинѣ, который передъ тѣмъ не задолго лишился своего особаго князя, Василіева сына; но Василій Михайловичъ не думалъ повиноваться этой судьбѣ; кашинцы пошли на тверичей за своего князя. Два города, Тверь и Кашинъ, сдѣлались двумя враждебными станами въ тверской Землѣ. Кашинскій князь, вмѣстѣ съ оскорбленнымъ подобно ему братомъ покойнаго Семена Іереміею Константиновичемъ, навелъ на Тверь вспомогательныя силы изъ Вологды и изъ Москвы, постоянной соперницы Твери. Тверскую Землю постигло обычное при войнахъ разореніе. Церковныя волости должны были особенно пострадать за своего владыку, котораго князья Василій и Іеремія считали защитникомъ смуты: эти волости *плѣнили, пожгли, пусто все сотворили.* Кашинцы, по выраженію лѣтописца, тверичамъ дѣлали досады безчестіемъ и муками и разграбленіемъ имѣнія и продажею безъ милованія. На ту пору Михаилъ Александровичъ былъ въ Литвѣ, куда поѣхалъ просить помощи на враговъ. Осенью 1366 года, онъ воротился съ литовскою силою и пошелъ на Кашинъ; тогда кашинская Земля должна была испытать возмездіе за то, что кашинцы натворили въ тверской. Василій Михайловичъ не имѣлъ довольно силы, чтобъ дать отпоръ литовской силѣ, и послалъ просить мира. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ нимъ находился тогда тотъ самый владыка, который рѣшилъ дѣло не въ его пользу; теперь онъ присталъ къ тѣмъ, кого прежде обвинялъ: не даромъ, видно, пустыми сотворили его волости. И онъ просилъ мира у Михаила Александровича. Все сталось по волѣ послѣдняго. Воевать было не за что. Только Іеремія не хотѣлъ мириться и уѣхалъ въ Москву поджигать противъ

Михаила Александровича московскаго князя. Въ 1367 году, Василій Михайловичъ скончался; но распри Кашина съ Тверью не порѣшились съ его смертью.

Открылась упорная и кровавая борьба Михаила Александровича съ Димитріемъ Ивановичемъ московскимъ, возбужденная, между прочимъ, Іереміею Константиновичемъ. Ольгердъ Литовскій, помогая шурину своему тверскому князю, опустошилъ московскую Землю; московская сила взяла и сожгла Зубцовъ и Микулинъ и разорила тверскія волости—*и вся власти и села повоева и пожже и пусто сотвори*. Въ Кашинѣ былъ княземъ сынъ Василія Михайловича, Михаилъ Васильевичъ, о которомъ сохранилось извѣстіе, что Богъ наказывалъ его и супругу его тяжелою болѣзнію за перенесеніе церкви изъ монастыря Богородицы во внутрь города; впрочемъ, онъ умилостивилъ гнѣвъ Божій тѣмъ, что поставилъ иную церковь на прежнемъ мѣстѣ, гдѣ стояла перенесенная въ городъ церковь. До 1371 года этотъ князь не былъ участникомъ въ дѣлѣ вражды Твери съ Литвою, но въ этомъ году принялъ сторону Москвы. Михаилъ Александровичъ повелъ на Кашинъ литовское войско подъ предводительствомъ Кестута; повоевали кашинскую волость, людей въ плѣнъ набрали, взяли *окупъ* съ самого города Кашина (Ник. IV. 83). Кашинскій князь принужденъ былъ отдаться въ волю тверского и утвердилъ съ нимъ союзъ крестнымъ цѣлованіемъ. Но видно, тяжело было Кашину такое подчиненіе. Въ слѣдующую затѣмъ зиму кашинскій князь сложилъ съ себя крестное цѣлованіе тверскому князю, убѣжалъ въ Москву, а оттуда въ Орду. Въ Ордѣ онъ не могъ найдти себѣ много полезнаго, потому что въ Ордѣ происходила тогда страшная неурядица. Кашинскій князь воротился ни съ чѣмъ. Михаилъ Александровичъ былъ занятъ укрѣпленіемъ своей Твери, вѣроятно, ожидая на нее нападенія. Въ 1372 г. кашинскій князь умеръ. Сынъ его Василій Михайловичъ по единому слову,—говоритъ лѣтописецъ,—пріѣхалъ въ Тверь съ бабкою своею Еленою и съ кашинскими боярами: онъ принесъ Михаилу челобитье и отдался въ его волю. Вслѣдъ затѣмъ

помирились и заклятые враги, тверской и московскій князья; христіанамъ стало отъ узъ разрѣшеніе, христіане радостью возрадовались, говоритъ лѣтописецъ. Не надолго была и на этотъ разъ радость мира. Невыносимо было для кашинскаго князя властолюбіе старѣйшаго, онъ убѣжалъ въ Москву. Тверской князь отправилъ двухъ московскихъ перебѣжчиковъ въ Орду направить татаръ на враждебный Кашинъ.

Въ 1373—1374 годахъ, призванная Тверью Орда налетѣла на него и сожгла: Кашинъ оставался тогда безъ князя, жившаго въ Москвѣ; Кашиномъ управлялъ вмѣсто князя бояринъ Парѳеній Ѳедоровичъ: его убили татары. Они завоевали все Запенье, много погибло народа, много въ полонъ взято. Въ августѣ 1375, Димитрій Московскій съ силами подручныхъ ему князей въ союзѣ съ новгородцами и кашинцами обложилъ Тверь и стоялъ подъ городомъ четыре недѣли. Правда, Тверь отсидѣлась, да тверская волость страшно пострадала. Одни союзники Москвы—новгородцы вмѣстѣ съ новоторжцами, мстили тверской Землѣ за разореніе Торжка, другіе—кашинцы не уступали имъ въ жестокостяхъ за недавнія опустошенія своихъ селъ и за истребленіе своего города.

Города: Микулинъ, Зубцовъ, Старица, Бѣлгородъ были сожжены, сгорѣло много селъ; жители гибли отъ оружія; безоружныхъ, лишенныхъ жилищъ гнали въ плѣнъ; истребляли и хлѣбъ на поляхъ и гумнахъ. Михаилу Александровичу оставалось покориться. Онъ просилъ мира. Ему дали миръ на условіяхъ, выгодныхъ для побѣдителей. Михаилъ призналъ надъ собою первенство московскаго князя и удовлетворилъ его союзниковъ новгородцевъ. Кашинъ выигралъ вполнѣ. Въ договорѣ, заключенномъ Михаиломъ Александровичемъ съ Дмитріемъ, тверской великій князь отступался отъ права вмѣшиваться въ Кашинъ (а въ Кашинъ ти ся не вступати, а что потягло къ Кашину, вѣдаетъ то вотчичь князь Василій. — С. Г. Гр. и Д. 1. — 46). Михаилъ Александровичъ обязался возвратить свободу кашинцамъ, захваченнымъ въ плѣнъ въ теченіе прошедшей вражды и терялъ на будущее время право суда

надъ ними. (А что если изъималъ бояръ или слугъ и людей Кашинскихъ да подавалъ на поруку, съ тѣхъ ти поруку свести и ихъ отпустити, и чему на нихъ искати, ино тому судъ, т.-е. общій судъ). Изъ послѣдняго мѣста въ граматѣ видно, что тогда происходили важныя недоразумѣнія и распри между тверичами и кашинцами, и тверской князь, какъ старѣйшій въ Землѣ, присвоилъ себѣ право суда надъ кашинцами, рѣшалъ (по мнѣнію послѣднихъ, пристрастно) въ пользу своихъ, и такія столкновенія, безъ сомнѣнія, давали пищу княжескимъ распрямъ, и возбуждали и поддерживали ихъ. Теперь Кашинъ съ своею волостью пріобрѣталъ признанную автономію, хотя не выходилъ, однако, изъ предѣловъ тверской Земли. Если представить себѣ горькое положеніе жителей тверской Земли въ эпоху междоусобій двухъ ея главныхъ городовъ, что легко понять, какъ эти междоусобія, обезсиливая Тверскую Землю, способствовали возвышенію сосѣдней московской, гдѣ въ тоже время жители пользовались относительно гораздо большею безопасностію.

Со смертію Василія непродолжалась въ Кашинѣ линія Василія Михайловича перваго. Неизвѣстно, умеръ-ли Василій Михайловичъ второй бездѣтнымъ, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ Кашинъ не оставался въ его родѣ. Тѣмъ не менѣе, Кашинъ не терялъ своей поземельной самобытности, разъ пріобрѣвши ея; она выражалась въ потребности имѣть отдѣльнаго князя съ своею автономіею, онъ подчинился Твери. Тверской князь, какъ старшій въ землѣ, назначилъ туда сына Бориса Михайловича. Замѣчательно, что по смерти его, случившейся въ 1395 году (Ник.—IV 257), тѣло его погребено не въ Кашинѣ, а въ Твери у св. Александра (вѣрно въ память его дѣда). Послѣ него въ Кашинѣ былъ княземъ Василій Михайловичъ, братъ предыдущаго (Ник. IV—298). Послѣ смерти отца его, Михаила Александровича (л. Ник. 1399), старѣйшимъ тверскимъ княземъ сталъ одинъ изъ его сыновей Иванъ Михайловичъ и выпросилъ въ ордѣ у Темиръ-Кутлука ярлыкъ на великое княженіе въ тверской Землѣ. Съ перваго же раза возникли у него недоразумѣнія съ Кашиномъ, старѣйшій князь требо-

валъ отъ всѣхъ бояръ тверской Земли, чтобы они цѣловали крестъ ему, какъ великому князю, а не всѣмъ братьямъ, дѣтямъ бывшаго старшаго тверского князя вмѣстѣ.

Это имѣло тотъ смыслъ, что во всѣхъ удѣлахъ одной и той же земли у бояръ—представителей удѣльной частности,—было сознаніе, что они члены всей своей Земли, и слѣдовательно должны всегда жертвовать ей мѣстными интересами, и въ случаѣ разлада великаго князя своей общей земли съ братьями, считали бы себя обязанными идти за великимъ княземъ, а не за своими удѣльными. Но Кашинъ давно сталъ себя считать въ этомъ отношеніи самостоятельною Землею и воспротивился: кашинскій князь Василій Михайловичъ побуждалъ на старѣйшаго прочихъ братьевъ и самую мать свою. Кашинъ опять сталъ пунктомъ противодѣйствующимъ Твери. Несогласія нѣсколько времени вспыхивали, утишались, опять возобновлялись. Въ 1401 году, тверской князь отнялъ у Кашина какія-то урочища (озеро Луской и входъ-Еросалима). Василій Михайловичъ обратился къ посредству владыки Арсенія, общаго епархіальнаго начальника всей тверской Земли и просилъ общаго суда, т. е. чтобы равнымъ образомъ разсудили это дѣло сшедшись вмѣстѣ: и судьи со стороны Твери и судьи со стороны Кашина, слѣдовательно, чтобъ Кашинъ имѣлъ въ этомъ случаѣ значеніе независимой Земли; тверской князь не соглашался. Суда ти о томъ не дамъ, — говорилъ онъ; т. е. онъ считалъ себя, какъ старѣйшаго князя всей тверской Земли, вправѣ вообще распоряжаться всѣмъ тѣмъ, что входитъ въ область тверской Земли, а слѣдовательно и Кашиномъ (Ник., IV, 299). Въ 1403 году, споръ между братьями дошелъ до междоусобія. Иванъ Михайловичъ пошелъ съ ратью принуждать Кашинъ повиноваться своей волѣ; кашинскій князь убѣжалъ въ Москву подъ защиту такого князя, который претендовалъ на старѣйшинство и надъ тѣмъ, кто считалъ себя старѣйшимъ въ тверской Землѣ. Московскій князь Василій Дмитріевичъ усмирилъ ихъ (Ник. 307), но плохо и не надолго. Василій Михайловичъ, въ 1405 г., съ кашинскими боярами пріѣхалъ въ Тверь, по какому-нибудь обществен-

ному дѣлу; Иванъ Михайловичъ задержалъ его и всѣхъ бояръ съ нимъ (Ник. 313). Это было зимой. На страстной недѣлѣ въ пятницу братья помирились. Василій Михайловичъ былъ отпущенъ на святой недѣлѣ во вторникъ. Но чрезъ короткое время, именно въ петровскій постъ, между тверскими и кашинскими князьями опять вспыхнуло несогласіе. Василій убѣжалъ въ Москву, а Иванъ Михайловичъ овладѣлъ Кашиномъ и поставилъ тамъ своихъ начальниковъ. Понятно, что для кашинцевъ эта перемѣна была тяжела: — намѣстники, говоритъ лѣтописецъ,—много зла сотвориша христіанамъ продажей и грабежемъ (Ник. 314). На слѣдующій годъ Василій Михайловичъ помирился со старѣйшимъ и отправился въ свой Кашинъ (Ник. 317). Въ 1412 году, Иванъ Михайловичъ приказалъ взять (изымать) своего брата, его бояръ и его слугъ и послалъ въ Кашинъ намѣстниковъ. Даже супругу Василія Михайловича велѣно было доставить въ Тверь. Это случилось 28-го іюня. На другой день, въ четвертокъ, послѣ вечерни Иванъ Михайловичъ отправилъ своего брата подъ стражей въ свой новый городокъ; когда кашинскій князь былъ на Переволокѣ и нужно было всѣмъ сойдти съ лошадей, сторожа сошли, а князь пришпорилъ свою лошадь, переѣхалъ въ бродъ рѣку Тмаку и ускакалъ не по дорогѣ. На немъ не было верхней одежды, онъ былъ въ терликѣ; на немъ не было кивера. Въ одномъ селеніи ему удалось найдти человѣка, который принялъ въ немъ участіе, скрылъ его въ лѣсу; съ нимъ онъ убѣжалъ въ Москву. Долго за нимъ гонялись, искали его, но не нашли (Ник. V, 43).

Кашиномъ стали управлять невыносимые намѣстники тверскіе и кашинцы вспоминали, что не даромъ предъ ихъ несчастіемъ были зловѣщія предзнаменованія. 8-го декабря, князь былъ въ своемъ селѣ Страшковѣ въ церкви, на храмовомъ праздникѣ на вечерни. Вдругъ пролетѣлъ по воздуху изъ Кашина великій и страшный огненный змѣй, по направленію отъ востока къ западу; и князь и бояре и всѣ люди видѣли это знаменіе, а уже послѣ того, какъ князя взяли изъ Кашина, показалось другое знаменіе: увидали люди серпъ изъ облака.

Неизвѣстно когда рѣшилось кашинское дѣло. Въ лѣтописяхъ оно исчезаетъ, конечно случайно, какъ многое изъ событій старины; у насъ не вошло оно въ исторію, потому что не попалось подъ руки тѣмъ, которые собирали лѣтописныя сказанія и сводили ихъ вмѣстѣ. Только подъ 1425 (Ник. Л. 85) говорится о смерти Ивана Михайловича Тверского, потомъ о преемничествѣ сына его Александра. «И сяде по немъ на великомъ княженіи Тверскомъ сынъ его князь Александръ, мѣсяца мая въ 1-й день». Потомъ говорится: «А въ Кашинѣ дядя его князь Василій Михайловичъ». Но здѣсь отсутствіе глагола дѣлаетъ двусмысліе. Въ то время, какъ Александръ заступилъ мѣсто своего отца въ Твери, въ Кашинѣ прибывалъ ли уже Василій Михайловичъ или же онъ сталъ княземъ кашинскимъ разомъ, какъ Александръ сталъ тверскимъ? Тотъ Александръ княжилъ не долго, братъ его Юрій заступилъ его мѣсто, умеръ также скоро, и великимъ княземъ тверской Земли сдѣлался сынъ Александра—Борисъ.

Этотъ новый князь окончилъ долгую борьбу Твери съ Кашиномъ. Онъ схватилъ Василія Кашинскаго и лишилъ его княженія. Неизвѣстно, какъ кончилъ свое существованіе этотъ князь, упорный борецъ за самостоятельность Кашина, терпѣвшій всю жизнь столько потрясеній; послѣ него въ Кашинѣ уже не было отдѣльныхъ князей. Но Кашинъ и въ соединеніи съ Тверью все еще считался единицею, имѣющею нѣкоторую автономію. Въ договорной грамотѣ Бориса Александровича и тверской Земли съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и удѣльными князьями московской Земли, пересчитываются удѣльные князья тверскаго рода Иванъ Юрьевичъ (Зубцовскій), Андрей Ивановичъ (Холмскій), Ѳеодоръ Ѳедоровичъ (Микулинскій) (А. А. Э. 1. 25.—Родосл. кн. Времен. X, 51—52); но удѣлы упоминаемыхъ князей вовсе не называются, потому что пригороды, гдѣ жили эти князья, по отношенію къ собирательной единицѣ, тверской Землѣ, не имѣли важнаго значенія и князья въ нихъ находились независимо отъ какого-нибудь права быть князю именно въ этихъ пригородахъ; князья въ

нихъ были случайно, тогда какъ о Кашинѣ говорится какъ о единицѣ, составляющей половину тверской Земли (а имать вамъ (татары) давать, домъ св. Спаса и нашу отчину великое княженіе Тверь и Кашинъ, и вамъ ся, брате, не имать за домъ святого Спаса и за нашу отчину великое княженіе Тверь и Кашинъ). Извѣстно, что княжескіе удѣлы не всегда были единственнымъ условіемъ автономіи города и Земли; удѣльное княженіе исчезало, а значеніе Земли оставалось. Также точно появленіе удѣльнаго князя въ какомъ-нибудь незначительномъ городкѣ не давало послѣднему сразу автономіи, если этому не способствовали другія условія. Въ 1485 г. пала независимость тверской Земли; князь Михаилъ Борисовичъ убѣжалъ въ Литву и умеръ въ изгнаніи; другіе князья тверской Земли поступили въ ряды московскихъ слугъ, потомъ и холоповъ. Тогда кашинская земля, наравнѣ съ волостями другихъ пригородовъ—(Старицы, Зубцова, Опокъ, Холма, Клина, Новгородка), была разбита на сохи Василіемъ Карамышевымъ,—обыкновенное распоряженіе московскаго правительства въ присоединенныхъ къ Москвѣ русскихъ Земляхъ. Московское единовластіе, поразивъ древнее удѣльное вѣчевое начало, прекративъ автономію Земель, не могло, однако, вдругъ лишить ихъ преданій, укорененныхъ въ обычаяхъ и правахъ.

Мы привели въ-кратцѣ очеркъ прежней судьбы Кашина, чтобъ показать, что этотъ городъ имѣлъ свою исторію, наравнѣ съ такими городами, у которыхъ отъ подобной мѣстной исторіи оставалась мѣстная религіозная святыня, поддерживавшая честь своего города съ его Землею. При той вѣрѣ, какую въ старыя времена имѣлъ народъ къ вещественнымъ предметамъ святости, какъ-то къ св. иконамъ, мощамъ, православнымъ церквамъ и обителямъ, понятно, что присутствіе подобной святыни создало нравственную потребность. Въ болѣзняхъ и скорбяхъ обращались къ своемѣстной святынѣ, какъ къ единственному средству врачеванія; въ случаѣ когда угрожало мѣстамъ какое-нибудь общественное бѣдствіе, жители прибѣгали къ ней подъ защиту. Городъ, гдѣ почивалъ угодникъ,—осо-

бенно такой угодникъ, который (какъ напр., лицо княжескаго рода) при жизни любилъ и охранялъ его, — считалъ себя болѣе безопаснымъ, чѣмъ тотъ, который не имѣлъ такого мѣстнаго защитника.

Двѣсти сорокъ три года почивала вѣчнымъ сномъ одна княгиня древняго Кашина, подъ полусогнившею кровлею ветхой церкви. Никто ея не помнилъ, никто не думалъ о ней. Въ царствованіе Шуйскаго литовская рать нападаетъ на Кашинъ. Не до него было царю. Царь Василій самъ чуть держался въ своей Москвѣ, въ виду тушинскаго лагеря. Около Кашина не было острога. Враги ограбили посадскіе дворы, нѣкоторыхъ жителей убили, другихъ поранили и ушли. Кашинцы, изъ опасенія, чтобъ ихъ не посѣтили непріятели болѣе многочисленные чѣмъ прежніе, построили вблизи своего посада острогъ. Ихъ опасеніе сбылось. Черезъ нѣсколько времени явилась густая толпа враговъ: она ничего не сдѣлала Кашину и отошла прочь. Приходили литовцы въ третій разъ и также не взяли Кашина; приходили въ четвертый, и также ушли безуспѣшно. Кашинцамъ, по тогдашнему образу понятій, стало ясно, что это не съ проста, что ихъ защищаетъ какая-то особая божественная благодать. *Разумѣвше яко не отъ своей силы градъ соблюдается обаче не вѣдяху кто по нихъ побораетъ и избавляетъ ихъ отъ плѣненія сопротивныхъ, понеже вся грады плещи своя вдаша воюющимъ.* Тутъ Господь показалъ кашинцамъ кто ихъ защищаетъ. Въ церкви, о которой сказано выше, помостъ въ одномъ мѣстѣ совершенно сгнилъ: виднѣлась земля, а въ землѣ вкопанъ былъ гробъ; на это не обращали вниманія, не слишкомъ любопытствовали когда и кто положенъ былъ въ этомъ гробѣ. Нѣкоторые люди, приходя въ церковь, клали на гробъ свои шапки. Въ это время пономарь церкви, по имени Герасимъ, лежалъ больной. Вдругъ къ нему явилась женщина въ иноческомъ одѣяніи. Ея внезапное появленіе подѣйствовало на него благопріятно; онъ поднялся съ постели и сталъ здоровъ. Она говорила ему: *Почто гробъ мой ни во что вмѣняете и меня презираете, и яко просту*

вмѣняете гробу быти? Не видите ли людей приходящихъ и шапки свои помѣщающихъ на гробъ мой и садящихся? Она объявила пономарю, что молится за кашинцевъ Богу и соблюдаетъ ихъ отъ многихъ пакостей; она велѣла ему сказать пресвитеру, чтобъ съ этихъ поръ соблюдали съ честью ея гробъ, не садились бы на него, не клали шапокъ и чтобъ надъ ея гробомъ, предъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, зажгли свѣчу. Пономарь объявилъ о своемъ видѣніи священнику. Скоро вѣсть о видѣніи разнеслась по городу. Зажгли свѣчу предъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса и горѣла она негасимо и стали люди приходить и поклоняться гробу. Больные получали предъ нимъ исцѣленіе, и такъ *тотъ гробъ преподобныя княгини Анны и поклоняемъ честно и велелѣпно*. Но мощи ея оставались неоткрытыми даже до дней Алексѣя Михайловича. *Лукавый сатана,*—говоритъ жизнеописатель,—*не хощетъ ни единымъ божественнымъ мощемъ въ видѣніи быти всѣмъ человѣкомъ*. Наконецъ, нашлись благочестивые кашинцы, которые отправились въ Москву и новѣдали патріарху и царю о томъ, что гробъ княгини обрѣтается поверхъ земли и многія чудеса надъ нимъ творятся. Повѣствующій объ этой депутаціи изъ Кашина вложилъ ей въ уста высокопарный плачь церкви о томъ, что такое великое сокровище сокрывается напрасно. Царское писаніе повелѣваетъ тверскому архіепископу Іонѣ ѣхать въ Кашинъ созвать духовенство. Архіепископъ со всѣмъ клиромъ пріѣхалъ на мѣсто, и послѣ совершенія богослуженія въ церкви Успенія Богоматери, далъ приказъ вскрыть гробъ: *обрѣтше его-же не надѣяшася мощи цѣлы и не разрушимы и никако же тлѣнію причастна быша ниже ризамъ ея*. Какъ часто бываетъ при вскрытіи святыхъ мощей: *благоуханія неизреченнаго воздухъ наполнися отъ мощей преподобныя и всѣхъ услаждия и возвеселяя, сердце подвизая на благодареніе и славословіе въ святыхъ чудодѣйствующему Богу*. Совершивъ достодолжное цѣлованіе святыхъ мощей, тверской владыка уѣхалъ въ Тверь и тотчасъ возвѣстилъ царю. Алексѣй Михайловичъ обрадовался и рѣшилъ,

что *мощи* должны быть перенесены въ соборную каменную церковь, до тѣхъ поръ пока на томъ мѣстѣ, гдѣ лежала св. княгиня, построится храмъ въ ея имя. Написалъ царь къ ростовскому архіепископу Варлааму, чтобы тотъ ѣхалъ на перенесеніе мощей. Самъ государь прибылъ въ Кашинъ съ супругою своею царицею Маріею Ильинишною, съ сестрами и братьями; царское семейство сопровождали по обычаю князья, съ нимъ были бояре, жильцы. Царь съ боярами *на рамена своя возложше,* изнесъ гробъ въ соборную церковь, отстоявшую отъ прежней на разстояніи выстрѣла *(яко единымъ стрѣленіемъ).* Множество народа стекалось съ разныхъ сторонъ и придавало торжественный видъ благочестивому событію. Когда гробъ внесли въ соборную церковь—совершилось чудо: гробъ вдругъ сталъ такъ тяжелъ, что многіе не могли не только нести его далѣе, но даже двинуть съ мѣста; то былъ чудодѣйственный знакъ, что святая княгиня не желаетъ почивать въ этой церкви. Тогда государь обратился къ святой съ мольбою и просилъ побыть въ этой церкви только до тѣхъ поръ, пока по своему обѣту не воздвигнетъ храма въ ея честное имя. Гробъ по прежнему сталъ легокъ; его внесли въ соборную церковь Воскресенія Христова и поставили на правой сторонѣ у столпа. Царь приказалъ священнику Василію созидать каменную церковь во имя святой княгини Анны, и въ непродолжительное время храмъ былъ оконченъ.

Кѣмъ же была нѣкогда въ земной своей жизни эта божія угодница? Житіе говоритъ, что то была супруга Михаила Ярославича, того самаго, который пострадалъ въ Ордѣ по проискамъ московскаго князя и пріобщился къ лику святыхъ. Родомъ она была изъ Кашина, боярская дочь. Въ общихъ чертахъ, жизнеописатель прославляетъ добродѣтели святыхъ супруговъ, возстаетъ противъ княжескихъ враговъ, и особенно хана *Озбяка* и его безсовѣстныхъ совѣтниковъ. Когда Михаилъ собрался въ Орду, гдѣ онъ ожидалъ себѣ мученической кончины, супруга уговаривала его не ѣздить, но доблестный князь не измѣнилъ своего рѣшенія и совѣтовалъ ей уповать на Бога. Послѣ смерти

Михаила Ярославича, вдова его жила съ юнѣйшимъ сыномъ Константиномъ въ Твери, отличалась благочестіемъ и нищелюбіемъ, а потомъ оставила суету міра сего и поселилась въ монастырѣ св. Софіи, гдѣ былъ храмъ премудрости Божія слова. Она была доблестная постница. Сынъ ея Константинъ приходилъ къ ней и она поучала его всему благому. По смерти Константина, его братъ, кашинскій князь Василій Михайловичъ, упросилъ мать свою перейдти въ Кашинъ; она отрекалась, но сынъ представилъ ей, что всѣ кашинцы хотятъ, чтобъ она окончила дни свои въ ихъ предѣлѣ, ибо Тверь уже имѣетъ въ своихъ стѣнахъ прахъ ея достойнаго супруга. Она, наконецъ, согласилась, простилась съ тверскими жителями, и осталась доживать въ Кашинѣ; тамъ она вызвала къ себѣ всеобщее уваженіе постническимъ воздержаніемъ, добродушіемъ и назидательными поученіями. Она умерла въ лѣто 6846, октября во второй день.

По открытіи мощей, рядомъ чудесъ подтверждалась ихъ святость; исцѣлялись преимущественно разбитые параличомъ, разслабленные, бѣснующіеся и *помутившіеся* въ умѣ. Земля подъ гробомъ святой княгини получила цѣлебное свойство: бѣснующаяся дворянская жена Скобнева избавилась отъ терзавшаго ея бѣса питіемъ воды, смѣшанной съ этой землей. Одному страждущему падучею болѣзнію сама святая явилась во снѣ и приказала идти къ ея гробу; страждущій какъ только пришелъ, такъ и сталъ здоровъ; уже самое изображеніе святой источало чудотворныя исцѣленія; одинъ юноша отъ болѣзни лежалъ весь опухлый; принесли къ нему образъ Анны Кашинской: «надо мной свѣтло», сказалъ онъ, выздоровѣлъ и жилъ потомъ такъ здоровъ, какъ будто съ нимъ ничего не было.

Послѣ общаго вѣрованія, послѣ разсказовъ, записанныхъ и незаписанныхъ о чудесахъ прославившей въ Кашинѣ святой, послѣ того, наконецъ, какъ самъ царь присутствовалъ при открытіи ея мощей, странно должно было бы показаться, что въ свое время церковь заподозритъ чудеса, совершавшіяся при гробѣ Анны Кашинской, объявитъ несостоятельнымъ жизнеописаніе

ея, наконецъ остановитъ чествованіе святой, сокроетъ подъ спудъ ея мощи. А такъ именно и случилось.

При Алексѣѣ Михайловичѣ Анна пользовалась чествованіемъ, какъ святая; но при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1677 году, былъ, при патріархѣ Іоакимѣ, написанъ соборный приговоръ гдѣ церковная критика отличала истинную вѣру отъ легковѣрія.

Были посланы въ Кашинъ для дознанія слѣдующіе духовные сановники: преосвященный митрополитъ Іосифъ рязанскій, съ нимъ архимандритъ и протопопъ. Неизвѣстно, что подало поводъ къ посылкѣ ихъ въ Кашинъ и къ осмотру мощей. Мы не имѣли въ рукахъ начала этого дѣла. Когда эта духовная коммиссія воротилась и представила свой досмотръ патріарху Іоакиму, первосвятитель собралъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ свою крестовую патріаршую палату митрополитовъ: Іосифа казанскаго и свіяжскаго, сарскаго и подонскаго, Іосифа рязанскаго и муромскаго, архіепископовъ: Стефана суздальскаго и юрьевскаго, Арсенія псковскаго и изборскаго, Симеона бывшаго сибирскаго, да Чудова монастыря архимандрита Павла. Этотъ соборъ слушалъ досмотръ сдѣланный архіереями, ѣздившими въ Кашинъ, разсмотрѣлъ житіе Анны Кашинской, и нашелъ его несогласнымъ съ лѣтописями. Замѣчателенъ тогдашній способъ критики, правду сказать, очень здравый; мы познакомимъ съ нимъ читателей въ оригиналѣ. Соборъ нашелъ въ житіи тринадцать несообразностей (несогласій):

1-е несогласіе.

Написано въ житіи: яко благовѣрная княгиня Анна была родомъ города Кашина, дщи славныхъ бояръ.

А въ лѣтописцахъ: дщи князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго.

2-е несогласіе.

Въ житіи написано: великій князь Михаилъ Ярославичъ шедъ въ орду, взя съ собою сына своего князя Дмитрія.

А въ лѣтописцахъ написано: былъ въ ордѣ съ княземъ Михаиломъ Ераславлевичемъ сынъ его князь Константинъ.

3-е несогласіе.

Въ житіи написано: великій князь Михаилъ кончину пріялъ мечемъ усѣченъ бысть.

А въ лѣтописцахъ: ножемъ въ ребро въ десную сторону ударенъ и тако духъ испустити.

4-е несогласіе.

Въ житіи написано: тѣло князя Михаила Ярославлевича привезено изъ орды сыномъ его княземъ Дмитріемъ въ Тверь.

А въ лѣтописцахъ: великій князь Юрій Даниловичъ въ ордѣ повелѣ взяти тѣло его и привезоша въ Москву и положиша въ монастырь церкви святаго Преображенія. Потомъ же по прошенію великой княгини Анны и сыновъ ея, князь великій Юрій Даниловичъ отпусти тѣло его съ Москвы.

5-е несогласіе.

Въ житіи написано: пребывала великая княгиня съ сыномъ своимъ Константиномъ въ Твери, тому бо градъ Тверь въ отчее достояніе въ наслѣдіе достася.

А въ лѣтописцахъ: Константинъ и Дмитрій, а не единъ князь Константинъ, понеже въ лѣто 6834, еще живу сущу князю Константину, пріиде изъ орды князь Александръ Михаиловичъ, съ пожалованіемъ отъ царя и сѣде на великое княженіе въ Твери. Егда же князь Александръ со татарскаго насилія отъиде въ Псковъ, тогда царь Азбекъ даде великое княженіе тверское князю Константину Михайловичу. По немъ же царь Азбекъ паки даде великое княженіе Александру Михайловичу, а по убіенію его въ ордѣ князя Александра, князь Константинъ шедъ въ орду, тамо и преставися.

6-е несогласіе.

Въ житіи написано: по смерти князя Константина зваше князь Василій матерь свою изъ Твери въ Кашинъ. Заие рече:

аще бы и хотѣлъ оставити городъ той и переселитися сѣмо по смерти брата моего, но на кого же оставить вельможъ моихъ и градъ весь.

А въ лѣтописцахъ: по смерти князя Константина въ лѣто 6858, князь Василій сѣде на великомъ княженіи въ Твери, въ лѣто 6865 Князь Василій Михайловичъ ѣздилъ въ орду; въ лѣто 6866 пріиде изъ орды въ Тверь.

7-е несогласіе.

Въ житіи написано: преставися преподобная великая княгиня Анна въ лѣто 6846.

А въ лѣтописцахъ въ лѣто 6867 (6) еще жива бяша великая княгиня Софія и живши въ Софійскомъ монастырѣ. (А при Софіи въ монастырь созывается, преосвященный Іосифъ митрополитъ, что стоитъ въ Твери, а не въ Кашинѣ) и преставилася въ лѣто 6876, а гдѣ преставилася въ Твери или въ Кашинѣ, того въ лѣтописяхъ не написано, и оттуда числа преставленія въ житіи не написано, такъ и не сыскано.

8-е несогласіе.

Въ житіи написано: прежде преставленія княгини Анны въ лѣто 6846, октября во 2-ой день, потомъ того-же лѣта сына ея князя Василія, Іулія въ 27 д., а въ Троицкомъ лѣтописцѣ писано, преставленіе князя Василія Михайловича въ лѣто 6874, а въ прочихъ лѣтописцахъ въ лѣто 6876, прежде писано о преставленіи князя Василія Михайловича.

9-е несогласіе.

Въ житіи въ трехъ мѣстахъ написано: мощи никако-же тлѣнію причастны; а по осмотру и свидѣтельству преосвятителя Іосифа митрополита рязанскаго и муромскаго, преосвятителя Симеона архіепископа тверскаго и кашинскаго и архимандрита и протопопа, мощи въ разныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушишася.

10-е несогласіе.

По сказкѣ попа Василія и отца его старца Варлама написано: рука правая лежитъ на персяхъ согбенна яко благословящая.

А по нынѣшнему архіерейскому досмотру: правая рука въ завитіи погнулася, а длань и персты прямо, а не благословящи.

11-е несогласіе.

Въ допросныхъ рѣчахъ попа Василія написано: андреевскій архимандритъ Сильвестръ, взявъ благовѣрныя княгини руку, распростиралъ персты ея и паки сгибалъ.

А старецъ Варламъ отецъ его сказалъ: архимандритъ же Сильвестръ княгини Анны руку персты разгибалъ, а какъ опустилъ, и они такожды согбенны учинилися по прежнему.

И то свидѣтельство и досмотръ на Москвѣ не сысканъ.

А нынѣшняго году въ досмотрѣ архіереевъ написано: согнути длани и перстовъ или разгнути ни у которыя руки невозможно, для того, что засохли на крѣпко, только кости сухія да къ нимъ присохла кожа.

12-е несогласіе.

Въ житіи въ двухъ мѣстахъ написано: тлѣнію ни токмо мощи, но и ризы непричастны быша.

А по досмотру нынѣшнему архіерейному риза, во что скутана, и схима истлѣли, только въ остаткѣ части креста что былъ вышитъ на куколь шолкомъ, да часть плетей схимническихъ, и то истлѣло все, лежитъ на персяхъ, только знакъ, а принятися не мощно, а на бедрахъ свивальникъ, какъ поясъ, да нить лежатъ истлѣли, принятися не мощно. Калиги обѣ по швамъ распоролися, а кожа не развалилася, а истлѣла.

Въ сказкѣ Никифора Варламова сына написано: житіе-же благовѣрныя княгини Анны писано въ Соловецкомъ монастырѣ изъ Степенныя книги, и по его Никифоровыхъ словахъ, въ то время какъ бывшій Никонъ патріархъ ходилъ въ Соловецкій монастырь по мощи святаго Филиппа митрополита.

А въ Степенной книгѣ и въ лѣтописяхъ про житіе благовѣрной княгини не обрѣтается, а его Никифоровымъ баснямъ вѣрить нечему.

13-е несогласіе.

Въ явленіи пономарю Герасиму великая княгиня сказала имя свое Анна, а по лѣтописцамъ имя ей отеческое (т. е. получен-

ное при постриженіи. Мірское имя супруги тверского князя Михаила Ярославича дѣйствительно было Анна). Софія, не бо можеше имя свое монашеское забыти, или соврещи и зватися именемъ мірскимъ, еже самовольно остави съ постриженіемъ власъ главы своея. Такожде и въ чудесахъ обрѣтошася нѣкія несогласія и неприличія.

И мы смиренный Іокимъ М. Бож. П. М. и в. Рос. съ сыны и сослужители архіерейства нашего, соборно слышавше, судихомъ житіе великой княгини и о чудесахъ списаніе оставити за недостовѣрное ихъ и упразднити я до времени великаго собранія всѣхъ архіереевъ и до подлиннаго извѣщенія, егда аще чимъ впередъ Богъ объявитъ и утвердитъ, понеже нынѣ обрѣтошася многая несходства въ житіи ея съ книгами лѣтописными и степенными.

Гробу съ мощами благовѣрныя княгини стояти въ той же соборной церкви, гдѣ и нынѣ стоитъ по прежнему запечатанну архіерейскими печатями. Празднества ей не творити, и молебновъ ей не пѣти до совершеннаго великаго собора разсужденія, а пѣти нынѣ панихиды.

Съ гроба шитый покровъ, на немъ же шитъ образъ ея, и нынѣ писанныя ея иконы взяти къ Москвѣ для разсмотрѣнія, а впредь, до великаго собора разсужденія и до подлиннаго извѣщенія, образовъ ея не писати, а когда будетъ великій соборъ и объ ней достовѣрное свидѣтельство и усужденіе, тогда и о написаніи образовъ ея будетъ изрѣченье. Въ церкви во имя великой княгини Анны, безъ извѣстнаго испытанія освященной, божественныя службы никаковы же исправляти, но заключити ю и запечатати до великаго соборнаго разсужденія, зане аще бы и извѣстно было яко свята есть и житіе бы ея съ лѣтописцы и съ нынѣшнимъ архіерейскимъ досмотрѣніемъ разноты не имѣло, обаче безъ великаго собора свидѣтельства святости ей, намъ не возможно, понеже правило бывшаго собора въ днехъ благоч. велик. госуд. ц. и в. кн. Алекс. Мих. всея в. и м. и б. Рос. сам. въ лѣто 6175, при святѣйшія патріарсѣхъ Паисіи Александрійскомъ и Макаріи

Антіохійскомъ и Іосафѣ Московскомъ и всея Россіи съ преосв. митрополиты и со архіепископы и епископы россійскими и съ прилучившимися архіереями, со всѣмъ освященнымъ соборомъ великороссійскаго государства заповѣдаетъ сице: нетлѣнныхъ тѣлесъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, да не дерзаете; кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго повелѣнія, въ святыя почитати; а кого въ святые хощете почитати и о таковыхъ обрѣтающихся тѣлесѣхъ достоитъ всячески испытати и свидѣтельствовати достовѣрными свидѣтельствы предъ великимъ и освященнымъ соборомъ архіерейскимъ.

Сего ради всѣхъ вышеписанныхъ благословенныхъ винъ, сей судъ нашъ сотворши, руками нашими подписахомъ.

На слѣдующій годъ опять разсуждали объ Аннѣ Кашинской и соборъ составилъ новыя постановленія въ такомъ видѣ: «генваря въ день по указу великаго государя царя и вел. князя Ѳеодора Алексѣевича вс. В. и М. и Б. Р. сам. и по благословенію вел. господина святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи собрався въ царствующій градъ Москву вящщее число архіереевъ ради достовѣрнаго свидѣтельства и испытанія о мощахъ вел. кн. Анны Кашинской и собравшися въ крестовую палату, мы, пришедшіе архіерее, купно съ отцемъ своимъ святѣйшимъ Кѵръ Іоакимомъ патріархомъ моск. и всея Россіи, преосвящ. митрополиты Іосафъ Казанскій и Свіяжскій, Іона Ростовскій и Ярославскій, Варсануфій Сарскій и Подонскій, Іосифъ Рязанскій и Муромскій, Филаретъ Нижегородскій и Алатырскій, преосвящ. архіепископы Симеонъ Вологодскій и Бѣлозерскій, Симеонъ Смоленскій и Дорогобужскій; Стефанъ Суздальскій и Юрьевскій, Симеонъ Тверской и Кашинскій, Павелъ Коломенскій и Каширскій, Симеонъ бывшій Сибирскій; архимандриты: Викентій Живоначальныя Троицы Серг. монастыря, Павелъ Чудова монастыря, Макарій Спаса новаго монастыря, Пахомій Симонова монастыря, Никонъ Спаса-Андроніевскаго монастыря, Амвросій Богоявленскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ, Варсануфій Тихвина монастыря, игуменъ Павелъ Богоявленнаго монастыря

Костромы, Арсеній Знаменскаго монастыря, Θеоктистъ Златоустскаго монастыря. чтохомъ списаніе о житіи вел. кн. Анны Кашинскія со опаснымъ испытаніемъ и лѣтописныя многія и степенныя книги, аще нѣчто возможно обрѣсти согласно писанному въ житіи съ лѣтописцы противу написаныхъ несогласій изъ житія и лѣтописцевъ въ первомъ соборѣ бывшемъ въ прошломъ 185 году; прилежно по многая времена купно сходящеся, расмотрѣхомъ, ничтоже ино могохомъ обрѣсти, точію многая несходства, въ житіи съ лѣтописцами и степенными книгами, житія же ея въ лѣтописныхъ книгахъ, идѣже писаша иныхъ великихъ князей и княгинь, и прехожденія ея изъ Твери въ Кашинъ, а гдѣ преставися и гдѣ погребена— нигдѣ же обрѣтошеся, токмо яко дщи бѣше князя Ростовскаго, а не кашинскихъ бояръ и супруга вел. кн. Михаила Ярославича Тверского, и яко постригшися звашеся Софія и живяше въ Твери въ Софійскомъ монастырѣ, а въ градѣ Кашинѣ когда живяше, и тамъ же и преставися и погребеся, того ничтоже въ лѣтописи не обрѣтеся. И иная многая несходства во первомъ соборѣ описанная и нынѣ обрѣтошася по лѣтописцомъ съ житіемъ. Списатель житія велик. княгини дьячекъ Никифоръ, который велѣлъ житіе исписати, живучи въ Соловецкомъ монастырѣ, со степенныя книги и съ его Никифоровыхъ словъ, нынѣ предъ великимъ освященнымъ соборомъ сказалъ, что степенной книги въ Соловецкомъ монастырѣ самъ онъ, Никифоръ, не видалъ, а писано де съ его Никифоровыхъ словъ, что онъ въ переговорѣ отъ людей слышалъ, сказывалъ, и въ томъ проситъ прощенье, что, по тѣмъ єво прежнимъ словамъ, мимо лѣтописныхъ, вѣрить не подобаетъ. Понеже житія велик. кн. Анны извѣстнаго отдревле писанаго не обрѣтохомъ и слагати ей тропари и кондаки канона нѣпочему и того ради и ко святымъ въ церкви поемымъ вычислити не дерзахомъ, понеже и прежнимъ архіереемъ и великимъ княземъ и княгинямъ и преподобно жившимъ отцемъ аще и мощи ихъ цѣлы, обаче чрезъ толикая лѣта тропари, кондаки и каноны имъ не составишася, и въ имя ихъ церкви

не созидахуся, прежнимъ архіерейскимъ соборомъ не дерзающимъ и неповелѣвшимъ, и мы не повелѣваемъ, и которыя чудеса и написано обрѣтаются, и тая соборомъ и никоторымъ архіереемъ не свидѣтельствована».

Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе разныхъ богоугодившихъ мужей и женъ, которымъ, однако, церковь не установила богослуженія, въ заключеніе говорится: «По симъ всѣмъ предписаннымъ симъ обще священнымъ соборомъ усудихомъ велик. кн. Анну преименованную монахиню Софію поминати и съ прочими православными великими князьями и великими княгинями о вѣчномъ упокоеніи и милостини творити, яко сотвори великій князь Іоанъ Васильевичъ и послѣ того тому подобно и князь Иванъ Михайловичъ Шуйскій. По явленіи и чюдодѣяніи велик. кн. Данила Александровича, повелѣша пѣти по немъ панихиды и литургія служити, милостыню творити; и мы имя же повелѣваемъ поминати велик. кн. монахини Софіи, понеже велик. кн. Анна въ образѣ своемъ монашескомъ отложи со отреченіемъ міра и сущихъ всѣхъ въ мірѣ и княжества достоинство и имя; и аще кто о здравіи своемъ и о спасеніи восхощетъ пѣти молебное пѣніе, и таковымъ да поютъ молебенъ Господу Богу или пресвятой Богородицѣ, а по велик. кн. монахинѣ Софіи да поютъ панихиды и милостыню да творятъ. Храмъ, созданный во имя велик. кн. Анны, нынѣ именовати и быти ему во имя Всѣхъ Святыхъ. И аще совершенно благоугоди Богу велик. кн. Анна, да будетъ и тое имя вочтено въ томъ храмѣ купно со всѣми святыми. Еще бо велик. кн. Анны житіе древнеписанное извѣстное не обрѣтеся, яко прочихъ великихъ княгинь, а еже писано, отъ слуха и отъ просто повѣданія писано, *а* по слову Бога всякъ глаголъ да будетъ при двоихъ и трехъ свидѣтеляхъ; свидѣтели же отъ слуха да не свидѣтельствуютъ, аще и князи суть свидѣтельствующіи. А мощемъ нынѣ именуемымъ велик. кн. Анны быти гдѣ нынѣ принесены, и стоять имъ простымъ, яко прочихъ великихъ князей и великихъ княгинь.

«Понеже аще истинно сущая мощи великой княгини Анны,

супружницы великаго князя Михаила Ярославлевича или иныя которыя великія княгини или иныя каковы жены извѣстити древними писаньями немогохомъ, занеже въ лѣтописи и на гробу имене ея не обрѣтеся, яко обычай есть иматися на гробѣхъ великихъ князей.

«Яко великая княгиня Анна постригшися живяше въ Твери въ Софійскомъ монастырѣ, сіе извѣстно въ лѣтописцехъ писано; како-же или когда въ Кашинъ преселися, и гдѣ живяше: въ градѣ или внѣ града, въ монастыри или въ дому яковомъ или въ княжескомъ дому, то въ лѣтописцехъ не писано, а въ житіи писано яко прихождаше къ ней сынъ ея Василій, она-же учаше его и наказоваше и отпущаше его въ домъ свой; гдѣ-же прихождаше князь Василій въ монастырь или въ домъ яковый, про то невѣдомо. Въ житіи ея написано: яко по смерти князя Константина зваше князь Василій матерь свою изъ Твери въ Кашинъ во отечество ея. И въ семъ писаніи двѣ лжи явленныя:

«Первая—яко зваше князь Василій по смерти князя Константина, а въ томъ-же житіи княгини Анны написано: яко преставися великая княгиня въ лѣто 6846, а по лѣтописнымъ книгамъ князь Константинъ уѣхалъ въ Орду въ лѣто 6854 и того лѣта тамъ и преставися, и по тому списанію житія преставленія вел. кн. бысть прежде смерти кн. Константина, осенію лѣты. И како можно звати князю Василію по смерти Константина за много лѣтъ прежде умершую?

Вторая лжи: яко зваше князь Василій матерь свою изъ Тфери въ Кашинъ, во отечество ея и яко она преиде въ отчество свое Кашинъ. Сія явленнѣйшая лжа; понеже по лѣтописнымъ книгамъ отчество вел. кн. Анны Ростовъ, а не Кашинъ, дщи бо бяше князя Дмитрія Борисовича Ростовскаго, а не Кашинскихъболяръ; по лѣтописнымъ-же древнимъ книгамъ, по смерти князя Константина, въ лѣто 6857 поступилъ кн. Всеволодъ Александровичъ княжествомъ Тферскимъ дядѣ своему кн. Василію Мих., и князь Василій сяде на великое княженіе въ Тфери. И паки въ лѣто 6867 кн. Василій Мих.

пріиде изъ Орды во Тферь, а въ то 6867 лѣто живяше вел. кн. Софія въ Софійскомъ монастырѣ, и потомъ въ лѣто 6871 князь Вас. Мих. Тферской ходилъ ратію на племянника своего кн. Михаила Александровича къ Микулину полю. Въ лѣто 6874 въ Тфери бысть размирье князю Василію Мих. съ племянникомъ своимъ княземъ Мих. Алекс., отъ сего явлено, яко господствоваше князь Василій Мих. въ Тфери. И по что было князю Василію звати матерь свою въ Кашинъ, самому въ городѣ Тфери сущу?

«Еще третія лжа обрѣтеся написанна въ житіи: яко мощи великія княгини никако-же тлѣнію причастны, и паки, тлѣнію не токмо мощи, но и ризы не причастны. Къ сему попъ Василій и отецъ его старецъ Варлаамъ, забывше святого Софронія патріарха Іерусалимскаго глаголюща: не буди на святыя лгати, въ сказкахъ своихъ солгаша, глаголюще, яко рука правая вел. кн. лежаше на персѣхъ согбенная, по благословляющи, и яко архимандритъ Сильвестръ руки персты распростиралъ. Василій попъ сказалъ: и паки сгибалъ, а отецъ его Варлаамъ сказалъ, не согласно ему Василію: яко персты по разгибеніи сами согнулися по прежнему.

«И въ семъ третьемъ писаніи подобаетъ всякому имущему здравоумное чувство разсудка внимати. Первое: по баснямъ дьячка Никифора писаннымъ въ житіи великой княгини яко мощи и риза тлѣнію не причастны, обличися же не правое писаніе его отъ свидѣтельствующихъ архіеревъ, яко мощи въ розныхъ мѣстахъ истлѣша и разрушася, ризы же истлѣша и токмо въ останкѣ часть креста шитаго шелкомъ на куколѣ, да часть аналава схимническаго, да свивальнаго пояса лишь, и то все истлѣло, прiятися не можно.

«Второе: яко руцѣ благословящей быти не дивно по смерти, но у іерея наче же у архіерея, тѣмъ бы руки по смерти не сами собою сгибаются благословляющими (вѣдаютъ сіе искусніи), но аще по смерти архіерея, дондеже мягка, плоть сгибаютъ тамо присущія персты руки благословляющіи и одерживаютъ долгое, дондеже останется и тако ожесточаютъ, впрочее пребываютъ.

«Миряня-же человѣка никако-же гдѣ обрѣтается по смерти рука согбенная и нелѣпо быти благословляющей аще и мужестѣй кольми паче же женстѣй руцѣ, неприлично быти благословяще. По смерти-бо тѣла не сгибаютъ перстовъ благословящими ниже тако одерживаютъ, но просто полагаютъ руки таковыхъ крестовидно простертыми, длапми къ персемъ прави имущими персты, и посему явленная имъ лжа. И жива оубо сущи великая княгиня власти не имяше кого рукою знаменовати, како по смерти сей имѣти руку благословящую? Понеже и по досмотру и свидѣтельству архіерееву рука оная въ завити погнулася, а длани и персты прямы, а не благословящими.

«Третіе: Сильвестръ архимандритъ яко бы разгибалъ персты, по баснямъ сына, сгибалъ, отца-же по несогласію яко бы персты сами согнулися, а здѣ познася явленная лжа, и кромѣ достовѣрныхъ рѣчей свидѣтельствовавшихъ архіеереевъ и глаголющихъ: яко не можно ни у которыя руки длани и перстовъ разгнути, понеже засхли велми токмо кости сухія, да къ нимъ присхла кожа. И удобно познати всякому благоумному, яко сухое не изгибается, ниже разгибается, токмо ломится, и явленно сіе отъ древнихъ отъемлемыхъ частей отъ тѣлесъ святыхъ отложеніемъ, или самымъ части отпаденіемъ яко много о семъ въ писаніи обрѣтаются.

«Да аще бы и самыя мощи были великія княгини Анны преименованныя монахини Софіи нынѣ въ градѣ Кашинѣ обрѣтающися и совершенно нетлѣнны были, подобаетъ имъ просто стояти, и яко выше изъявися, понеже правило, узаконенное во днехъ благочестивѣйшаго великаго государя царя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца на священномъ соборѣ присущимъ святѣйшимъ патріархомъ Паисію Александрійскому папѣ и патріарху и судіи вселенскому, Макарію Антіохійскому патріарху и всего востока, Іосифу патріарху московскому и вся Россіи и преосвященнымъ митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ греческимъ и россійскимъ, повелѣ нетлѣнныхъ телѣсъ, обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени, не дерзати, кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства, во святая

почитати. Чюдесемъ, глаголетъ великій Никонъ монахъ Черныя горы, не всякимъ подобаетъ внимати по слову Слова Христа Бога глаголющему: «мнози рекутъ ми, Господи, Господи не твоимъ ли именемъ бѣсы изгоняхомъ и твоимъ именемъ силы многа сотворихомъ. И тогда исповѣмъ имъ: яко никогда-же знахъ васъ; отидите отъ мене дѣлающіе беззаконіе». Достоитъ убо отъ таковыхъ вещей искушати кого аще святъ есть, но отъ плодовъ познавати таковыя. Плодъ же истиннаго и духовнаго мужа показа апостолъ любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, благостыня, вѣра, радость, воздержаніе.

«Великія же княгини Анны житіе и добродѣтели ея каковы быша, отъ древняго повѣстописанія не обрѣтеся, якоже и выше не единожды речеся.

«Образы ея писанные собрати преосвященному архіепископу тверскому и кашинскому и положити въ сокровенномъ мѣстѣ.

«Житіе и каноны такожде собрати ему же преосв. архіепископу или аще индѣ обрящется всякому архіерею въ своей епархіи повелѣти къ себѣ приносити подъ запрещеніемъ; а отъ нынѣ никому нигдѣ не прочитати и не внимати ему, понеже первая вина яко писана не по благословенію святѣйшаго патріарха и священнаго собора или тамо сущаго архіерея, но собою дьячекъ сдумалъ или что отъ кого слышалъ въ басняхъ сказывалъ, и по его словесехъ и писано, а со извѣстіями лѣтописными и со степенными книгами не согласися, въ нихже иныхъ великихъ князей и княгинь добродѣтельнаго житія извѣстно описаны, гдѣ кто и како живяше, и гдѣ кто ихъ преставися и погребеся яко вышше зъявися.

«Вторая вина: якобы явилася преподобная великая княгиня Анна въ великомъ иночестемъ образѣ одѣяна пономарю Герасиму и повѣда ему о себѣ кто бѣ; и потомъ по многихъ мѣстахъ и въ канонѣ писано: преподобная благовѣрна княгиня Анна. И то явленная не правда, аще бы истинная явилась великая княгиня въ монашеской схимѣ, всячески бы имя свое изъявила монашеское Софія, его же, жива сущи, со образомъ монашескимъ любезно пріяше.

«Лгатели на житіе великія княгини монахини Софіи и о нетлѣнности тѣлесе и разгибеніи и согбеніи перстовъ достойна суть наказанія по реченному: свидѣтель лживъ безъ муки не будетъ. И аще при простѣмъ человѣцѣ лжесвидѣтель казнится, колми паче на святыя лгавый достоинъ вящщія муки не токмо на тѣлѣ, но и на душѣ. По святому Іоанну Богослову: всякъ любяй и творяй лжу внѣ горняго Іерусалима да будетъ чародѣй и блудникъ со убійцами и идолослужителями, и всѣхъ лживыхъ часть въ езерѣ горящемъ огнемъ и сѣрою. Но понеже единъ тыхъ лгателей дьячекъ Никифоръ предъ освященнымъ соборомъ нашимъ каяшеся, глаголя: яко писано житіе великой княгини Анны въ Соловецкомъ монастырѣ не въ степенной книги, но съ его же Никифоровыхъ словъ, что онъ въ переговорахъ отъ людей слышалъ, сказывалъ, и въ томъ прощенія просилъ, мы же по слову воплощеннаго Бога Слова, глаголющаго: «грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ, радость бо бываетъ на небеси о единѣмъ грѣшницѣ кающемся», соборне судихомъ пріяти его яко блуднаго сына, обращающагося отъ лжи ко истинѣ. Но понеже мнози древле въ Греціи и инѣхъ странѣхъ и нынѣ здѣ въ Велицѣй Россіи смущающіи церковь овіи отъ церкве отлучени быша, овіи же и анаѳемѣ подложени, и тѣхъ овіи крыяхуся, овіи же покаявшеся прощеніе удобь получиша, паки послѣди злоплевенія своя въ простолюдинехъ сѣяша таковаго непостоянства и лукавства, и нынѣ намъ стрещися лѣпотствуетъ. И аще Никифоръ вседушно и истино безъ всякія лести и лукавства кается, яко и на священномъ нашемъ соборѣ предъ всѣми нами изрече, имѣемъ его съ того его содѣяннаго не по разуму дерзновенія разрѣшенна, наложихомъ ему епитимію за таковое его блазненное дерзновеніе: ему во градѣ Кашинѣ не быти, но быти ему въ монастыри до его смерти, и каятися ему о томъ всемогущему Богу и внимати ему спасенію, лжесловнымъ же писаніемъ отъ него исшедшимъ прельщенныя отвращати ему отъ того письменно и словесно, и правду всю о списаніи и своемъ бывшемъ дерзновеніи изъявляти, да не токмо въ словесехъ, но и въ дѣлехъ истинное свое о томъ покаяніе

изъявитъ. Аще же Никифоръ каяшеся нынѣ не вседушно, но ухищренно по нѣкоему лукавству, или ради страха нѣкоего, или иного ради нѣкоего полученія, да будетъ подъ нашимъ архіерейскимъ запрещеніемъ и отлученіемъ, дондеже истинно и вседушно о томъ покается, и тогда да разрѣшится.

«Симъ же судомъ осудихомъ и прочая спасатели на житіе великія княгини монахини Софіи и о нетлѣнности тѣлесе и о разгибеніи перстовъ согбенныхъ, яко и прочіа непокорника, дондеже встребуютъ прощенія и разрѣшенія не краемъ ушесе, но дѣломъ, истинною, и тогда прощеніе имъ да подасться. Аще же кіи тыхъ притворно нѣкако и ухищренно на лести нынѣ якобы каются, таковыя по ихъ покаянію и лукавству аще добрѣ или злѣ кленутся, Богъ по ихъ клятвѣ да судитъ я. Аще же по покаяніи паки объявятся въ прежнемъ лжесловесіи своемъ, таковыя лжеклятвенники повелѣваемъ судити судомъ, имже Соломонъ мудрѣйшій осуди; мы же попа Василія глаголющаго, яко рука великія княгини лежитъ на персѣхъ благословящая, и яко Сильверстъ архимандритъ персты руки распростиралъ и паки згибалъ, за то его лжесловіе соборне отлучихомъ отъ сего числа егда сіе наше изрѣченіе совершися, на всецѣлое лѣто еже ничтоже священныхъ дѣяти; егда всецѣлое лѣто преидетъ, и онъ, аще, познавъ свое согрѣшеніе, начнетъ всеусердно просить прощенія и разрѣшенія, и его видя исправленіе и покаяніе, тферьскій архіерей да створитъ надъ нимъ тогда по подобающему.

«Ѿцу же попа Василія старцу Варламу за лживыя его повѣствованія яко бы рука великія княгини по смерти была яко благословящи и яко при архимандритѣ Сильвестрѣ разгбенныя персты сами согнулися по прежнему, судихомъ, въ немъ же нынѣ монастыри живетъ, неисходиму быти ему оттуду до смерти его, и о грѣсѣхъ своихъ ему каятися, а о лживыхъ своихъ реченіяхъ исповѣдатися, и прощенія у архіерея тое епархіи просити.

«Еще въ житіи и сіе неправда жь: яко умершей великой княгинѣ Аннѣ сынъ ея князь Василій нападе на перси ея, плакаше.

А въ лѣтописныхъ книгахъ писано первѣе преставленіе князя Василія, потомъ писано преставленіе великой княгини матере его; яко прежде умершему плакати по скончавшейся по смерти его.

«По симъ всѣмъ явленно яко житіе великія княгини писано самосмышленіемъ неправедно, и того ради не подобаетъ таковаго житія чести и внимати ему; понеже, по словеси божественнаго еуангелія христова, въ малѣ невѣрно и во мнозѣ невѣрно есть. Въ житіи же семъ не мало, но много писано неправды. И того ради аще бы отъ чести нѣчто было и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ, но совершенно неявствити е, повелѣваемъ сожещи якоже и святаго вселенскаго шестаго синода 63 правило опредѣляетъ сице: лживосложенныя мученикословія не повелѣваемъ въ церквахъ прочитати, но тѡя огню предаяти; пріемлющая тая или яко истиннымъ тимъ внимающимъ анаѳематствуемъ; якоже сотвори и древле Никонъ Черныя Горы, ему жь вручена бысть соборная церковь въ днехъ блаженнаго патріарха Кѵръ Ѳеодосія: написана житіе и дѣянія изрядныхъ мужей во время оное явльшихся, овыхъ же добродѣтели совершеныя, овыхъ же добродѣтели и погрѣшенія смѣшана; послѣде же искуси, яко не бѣ на ползу, сожже тая вся, не пощаде своего труда, написа же древнихъ ѿцъ свидѣтельствованная житія и дѣянія, потомъ написа великую книгу толкованія заповѣдей господнихъ 63 слова и 40 посланія различныя, якожь онъ Никонъ повѣдаетъ въ предисловіи своея книги.

«И аще кто имать у себе образъ великія княгини Анны или житіе и канонъ всякъ, кто либо есть вездѣ, да приноситъ къ святѣйшему патріарху или къ своему кійждо архіерею. Да не будетъ таковый подъ анаѳемою святыхъ отецъ, но да будетъ прощенъ и благословенъ. Аще же кто сему нашему соборному изрѣченію и прежнему собору, бывшему въ днехъ благочестиваго велик. госуд. Алек. Мих. всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, паче же вселенскому шестому собору непокоривъ отнынѣ явится и начнетъ упорствомъ своимъ нерозсуднымъ великія

княгини Анны житіе и канонъ у себя явно или тайно имѣти, или прочитати, или внимати, таковый да убоится анаѳемы святыхъ отецъ и нашего архіерейскаго запрещенія и отлученія; тѣмъ бо съ прежними святыми отцы непокоряющіися нашему соборному опредѣленію осуждаемъ, дондеже покается и отложитъ свое непокорство и повинется святѣй церкви.

«Сіе же еще опредѣленіе и изрѣченіе, присовокупивше первому соборному изрѣченію въ 185 году бывшему, подписахомъ руками нашими будущимъ по насъ во извѣщеніе; и положихомъ сіе, идѣже иная соборная предбывшая зачиненія полагаются въ велицѣмъ книгохранилищѣ дому патріаршаго въ день февруарія мѣсяца индиктіона въ лѣто міротворенія 7187 Бога Слова же пріятіе 1679».

Таковъ этотъ замѣчательный образчикъ исторической критики XVII вѣка, съ которымъ мы познакомились по копіи съ дѣла, найденной въ одной изъ рукописныхъ сборниковъ Синодальной Библіотеки въ Москвѣ. Фактъ этотъ принадлежитъ эпохѣ реформы, начатой еще при Макаріи и продолжаемой черезъ столѣтіе Никономъ. Важное дѣло, какъ видно, и послѣ не останавливалось и шло далѣе, хотя и медленно, прерываемое долгими періодами застоя. То была, однако, реформа не въ западномъ смыслѣ этого слова, безъ отреченія отъ принциповъ, утвержденныхъ вѣками; это была реформа въ церкви, которой иниціативу давала сама же церковная власть. При измѣненіи двуперстнаго сложенія, нѣкоторыхъ обрядовъ и мѣстъ въ переводахъ богослужебныхъ книгъ, Никона не останавливала мысль, что онъ подвергалъ измѣненію то, чего столько богоугодныхъ мужей держались и съ чѣмъ могли достигнуть спасенія, мысль, на которой упирается расколъ. Церковь этимъ признала, что святость жизни и убѣжденій не всегда и не во всемъ можетъ служить авторитетомъ истины; вмѣстѣ съ тѣмъ выходило, что признаваемое церковью истиннымъ, можетъ, сообразно требованіямъ времени и расширенію горизонта познаній въ церковной исторіи, измѣняться и отвергаться. Та же идея выразилась въ дѣлѣ о мощахъ Анны Кашинской. Цер-

ковь признала эти мощи, ввела новую личность въ рядъ своихъ святыхъ, не сочла противною истинѣ ея біографію и опиралась на ней, а чрезъ нѣсколько лѣтъ сознала, что тутъ вкрались ошибки, обманъ, самообольщеніе, легковѣріе и уничтожила поклоненіе мощамъ этой личности, разбила критикою біографію и самую личность, прежде причисленную къ лику святыхъ, на основаніи исторической критики, признала вымышленною и никогда не существовавшею. Нѣтъ сомнѣнія, что соборъ 1679 года хотя можетъ быть не сознавая важности смысла своего поступка, сталъ выше пустосвятства всѣхъ временъ, считающаго грѣхомъ заявить искренно то, чего требуетъ здравый смыслъ и дѣйствовалъ въ духѣ истинно-православномъ, такъ какъ православная церковь всегда осуждала ложныя чудеса, знаменія и откровенія. Ничего не можетъ быть благоразумнѣе этихъ словъ: «Въ малѣ невѣрно, въ мнозѣ невѣрно есть. Въ житіи семъ не мало, но много писано неправды и того ради аще бы отъ части и праведно писано, ни въ чесомъ же ему вѣрити подобаетъ». Это драгоцѣнное правило, выраженное здравымъ смысломъ нашихъ предковъ во времена малоучености и малограмотности, не только не устарѣло для насъ, но должно бы служить девизомъ для критической оцѣнки такихъ источниковъ, гдѣ піетическая ложь или, какъ выражается церковь, сонное мечтаніе, прикрывается одеждою святости и, чувствуя свою слабость, старается суевѣрнымъ страхомъ отклонить отъ себя смѣлыя попытки разоблачить обманъ, самообольщеніе и невѣжественное легковѣріе. Чѣмъ болѣе довѣрія требовалось въ прежнее время къ извѣстному сочиненію или факту, тѣмъ строже должна быть для него историческая критика. Желательно, чтобъ это правило сдѣлалось у насъ вообще господствующимъ для отечественной исторіи.

ИСТОРІЯ РАСКОЛА

у

РАСКОЛЬНИКОВЪ.

ИСТОРІЯ РАСКОЛА У РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Хронологическое Ядро старообрядческой церкви, объясняющее всѣ отличныя ихъ дѣянія съ 1650—1819 г. Сочиненіе *Павла Любопытнаго*, раскольника поморской секты, рукописное.

I.

Въ нашей исторіи расколъ былъ едва ли не единственнымъ явленіемъ, когда русскій народъ—не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ цѣлыхъ массахъ, безъ руководства и побужденія со стороны власти или лицъ, стоящихъ на степени высшей по образованію, показалъ своеобразную дѣятельность въ области мысли и убѣжденія. Расколъ былъ крупнымъ явленіемъ народнаго умственнаго прогресса. Такое мнѣніе для иныхъ можетъ показаться страннымъ. Въ расколѣ привыкли видѣть одну тупую любовь къ старинѣ, безсмысленную привязанность къ буквѣ; его считаютъ плодомъ невѣжества, противодѣйствіемъ просвѣщенію, борьбою окаменѣлаго обычая съ подвижною наукою. Въ этомъ взглядѣ есть доля правды, но онъ односторонenъ, и какъ все одностороннее — несправедливъ. По сущности предмета, который служилъ расколу основою, расколъ дѣйствительно представляется съ перваго раза до крайней степени явленіемъ консервативнаго свойства:

дѣло шло объ удержаніи старыхъ формъ жизни духовной,— а по связи съ нею и общественной, — притомъ до мельчайшихъ подробностей и тонкостей, безъ всякихъ уступокъ. Но въ тоже время потребность удерживать то, что прежде многіе вѣка стояло твердо, не подвергаясь колебанію и никогда не нуждаясь въ томъ, чтобы думали о его сохраненіи,—эта потребность, явившись на свѣтъ, вызывала вслѣдъ за собою такія духовныя нужды, которыя вводили русскій народъ въ чуждую ему до того времени область мысленнаго труда. То, что только признавалось тупо, какъ дѣдовскій обычай, то, чему слѣпо вѣрили не размышляя, то самое пришлось защищать, а слѣдовательно, пришлось тогда думать, пришлось многому поучиться. Расколъ расшевелилъ спавшій мозгъ русскаго человѣка.

Этотъ русскій человѣкъ встарину мало вдавался въ религіозныя думы; такимъ представляютъ его иностранцы, посѣщавшіе его отечество; такимъ онъ выказывается и чрезъ изученіе скудныхъ памятниковъ его мысли. Исключая немногихъ личностей, громада русскихъ людей мало интересовалась знать, чему она вѣритъ. Православіе подѣйствовало на русскаго человѣка не въ качествѣ ученія, а въ качествѣ обычая. Масса до извѣстной степени берегла обычай, и пока на этотъ обычай никто не посягалъ, пока никто не заподозрѣвалъ его въ неправильности, до тѣхъ поръ не допускалось даже мысли о томъ, что этотъ обычай почему-нибудь и когда-нибудь можетъ подвергнуться измѣненію: какъ соблюдали его прадѣды и дѣти, такъ будутъ соблюдать внуки и правнуки. Въ его неизмѣняемость вѣрили, не ломая себѣ головы надъ вопросомъ: почему онъ долженъ и можетъ быть неизмѣннымъ, также точно какъ не ломали себѣ головы надъ тѣмъ, зачѣмъ солнце всходитъ и заходитъ, почему зиму смѣняетъ лѣто, а лѣто зима; обычай для народа былъ тоже, что природа, и никто не сомнѣвался, что впередъ будетъ такъ, какъ было прежде. Если на этотъ обычай нападутъ иноплеменники—народъ будетъ защищать его до послѣдней возможности наравнѣ съ отечествомъ; обычай, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, для народа составлялъ да-

же главнѣйшій признакъ отечества. Такъ и поступилъ русскій народъ въ смутную эпоху, когда на него напали поляки и угрожали посягнуть на православную вѣру, которая была для него обычаемъ. Тогда русскимъ не приходилось спорить о вѣрѣ, доказывать, напримѣръ, справедливость восточнаго православія и лживость латинства; нужно было только отстаивать свой обычай; достаточно было прогнать иноземцевъ—и только. Головной работы не предстояло. Но когда внутри страны явились уже не иноземцы, а свои люди, русскіе люди, начавшіе говорить русскимъ же людямъ, что кое-что должно быть впередъ не такъ, какъ прежде было, когда, притомъ, и власть, издавна въ своемъ принципѣ уважаемая и сильная, стала поддерживать этотъ голосъ, требующій измѣненія—обычай естественно нашелъ себѣ охранителей. Если бы, кромѣ обычая религіознаго и домашняго, не былъ силенъ также другой обычай—обычай терпѣнія и безусловнаго подчиненія верховной силѣ, борьба приняла бы болѣе матеріальный характеръ; масса своею численною силою дружно не допустила бы измѣненій, также точно какъ она дружно не допустила Польшѣ и латинству овладѣть своею страною и посягнуть на вѣру. Но этого не могло быть. Энергическіе охранители обычая все-таки должны были явиться въ меньшинствѣ, въ сравненіи съ цѣлою массою народа, безъ разсужденія покоряющагося факту, и потому-то эти охранители должны были искать иныхъ, не матеріальныхъ, средствъ для защиты своего обычая. Если имъ говорили, что они вѣрятъ и поступаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ, если они сами не были настолько сильны, чтобы, не вступая ни въ какія объясненія, заставить молчать тѣхъ, которые имъ это говорили, то естественно, имъ пришлось давать отвѣтъ, доказывать, что противная сторона несправедлива, слѣдовательно, пришлось разсуждать и искать знанія.

У насъ довольно писали и разсуждали о томъ, что именно привело русскій народъ къ возможности явленія въ немъ раскола и какая для этого явленія существовала подготовительная почва. Находить эту почву было не трудно: стоило только

брать отдѣльныя явленія жизни прежнихъ вѣковъ и отыскивать въ нихъ подобіе съ явленіями, бывшими во время существованія раскола: можно, такимъ образомъ, написать цѣлые томы. Но можно такимъ путемъ и впадать въ ошибки: это и случалось. Можно также отыскивать и видѣть подготовку къ расколу тамъ, гдѣ, наоборотъ, при болѣе разностороннемъ взглядѣ, окажутся условія, вовсе неблагопріятствующія такому явленію.

Пробѣгая событія, явленія и строй духовной жизни русскаго народа въ прежніе вѣка, вникая въ его характеристическія черты, оставшіяся и въ настоящее время, мы готовы полагать, что едва-ли въ христіанскомъ мірѣ была страна, менѣе подготовленная вообще къ религіознымъ движеніямъ, какъ русская, особенно великорусская. Религіозныя движенія несовмѣстны съ холодностью къ религіи, а холодность къ религіи много разъ высказывается въ нашей исторіи. Мы только и слышимъ жалобы на то, что народъ отдаляется отъ церкви, не хочетъ знать ее, не живетъ по христіански. Въ удѣльно-вѣчевыя времена христолюбцы жаловались, что въ праздники храмы пусты, а толпы собираются на «утолоченныя игрища». Конечно, справедливо будетъ при этомъ принимать во вниманіе, съ одной стороны, недавность христіанства, съ другой—чрезвычайно большое пространство, мѣшавшее распространенію новой вѣры и способствовавшее удержанію старыхъ обычаевъ и пріемовъ жизни. Но не думаемъ, чтобъ только это и было причиною малаго расположенія народа къ церкви. Неудивительно, если такая холодность была удѣломъ тѣхъ, которые не успѣли достаточно сдѣлаться христіанами. Вполнѣ естественно, что люди, хотя и крещеные, но плохо знакомые съ вѣрою и мало освоившіеся съ богослуженіемъ, продолжали по-язычески молиться «у рощенія и у воды», ставить трапезу роду и рожаницамъ, и охотнѣе ходили къ знахарямъ, чѣмъ къ іереямъ. Но оказывается, что отличались полною холодностью къ христіанству тѣ, которые, по своему положенію, никакъ не могли не быть христіанами. Мы встрѣчаемъ неоднократныя жалобы въ подобномъ родѣ на духов-

ныхъ. Въ тринадцатомъ столѣтіи митрополитъ Кириллъ нашелъ, что русскіе духовные до того пренебрегали своими обязанностями, что часто по-долгу не служили, и въ особенности замѣтилъ, что отъ пасхи до пятидесятницы церкви стоятъ безъ богослуженія.

Наши князья, конечно, имѣли возможность болѣе освоиться съ христіанскимъ благочестіемъ, чѣмъ масса народа, особенно сельскаго, —и что-же? Сколько ни расписываютъ лѣтописные риторы благочестіе и христолюбіе русскихъ князей, но поступки послѣднихъ идутъ въ разрѣзъ съ этой риторикой. Мы уже не говоримъ о тѣхъ признакахъ грубости вѣка, которые только постепенно могли уступать вѣянію христіанскихъ понятій; мы укажемъ только на то, что свидѣтельствуетъ о маломъ уваженіи къ религіи, о скудости религіознаго чувства, не рѣдко проявлявшейся у нашихъ прежнихъ князей. Святые отшельники не разъ терпѣли оскорбленія и поношенія отъ князей. Вспомнимъ, напримѣръ, князя Ростислава, брата Владимира Мономаха, утопившаго старца Григорія въ посмѣяніе надъ его прозорливостью, когда послѣдній предрекъ ему смерть отъ воды. Вспомнимъ того ростовскаго князя, который, посмѣянія ради, посадилъ на кобылу въ женской обуви преп. Авраамія. Вспомнимъ вольнодумца XII вѣка, галицкаго князя Владимирка, который говорилъ: «въ наше время чудесъ не бываетъ», —какъ будто смѣясь надъ тѣмъ, что ему и другимъ разсказывали въ тотъ вѣкъ повсемѣстныхъ чудесъ. Этотъ же князь объяснилъ намъ своими поступками, какъ вообще въ тотъ вѣкъ смотрѣли на вѣроломное цѣлованіе креста, а этотъ порокъ, какъ извѣстно, былъ за очень многими князьями: когда Владимирка упрекали въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и грозили ему, что крестъ его накажетъ, онъ съ насмѣшкою указалъ на маленькій крестикъ и сказалъ: «сей ли крестецъ малый» (неужели этотъ крестишка!)?? Наши междоусобія князей и земель не бѣдны примѣрами того, какъ мало уважалась наружная святыня, не говоря уже о томъ, какъ мало было христіанскаго духа. Для успѣховъ въ войнѣ противъ соперниковъ, князья не считали

беззаконіемъ приводить съ собою половцевъ-язычниковъ, а они обыкновенно не щадили ни церквей, ни церковной святыни. Во время знаменитаго взятія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ не только дѣлали варварства надъ людьми, но жгли церкви, монастыри, грабили иконы, ризы; сожгли даже монастырь Печерскій. Съ Кіевомъ поступили тогда мало чѣмъ лучше того, какъ поступили впослѣдствіи татары. Набожность Андрея этому не препятствовала. Онъ взялъ и увезъ во Владимиръ чудотворный образъ Богородицы, думая доставить этимъ своему городу покровительство божіе: святотатственныя дѣянія, которыя онъ позволилъ себѣ, ясно указываютъ, что имъ руководило не христіанское благочестіе: образъ Богородицы былъ для него въ качествѣ амулета; такимъ была бы для него, въ равной степени, вещь, данная волхвами. Образчикомъ того, какъ благочестивые князья поступали при взятіи города не только съ мірскими людьми, но и съ духовными, не только съ людскимъ достояніемъ, но съ церковною святынею, можетъ служить описаніе взятія Торжка княземъ Михаиломъ Тверскимъ въ XIV ст. Нѣкоторые,—говоритъ лѣтописецъ,—бѣжали въ церковь Спаса и тамъ задохлись отъ дыма... Черницы, добрыя жены и дѣвицы, видя надъ собою «лупленіе» отъ тверичъ, топились въ водѣ... Черноцовъ и черницъ ободрали до наготы... Иконную «круту» (оклады) ободрали, церкви пожгли.— Такимъ образомъ и здѣсь, на сѣверѣ, православная святыня отъ православныхъ русскихъ страдала не меньше, какъ отъ поганыхъ половцевъ или татаръ, подобно тому, какъ это прежде дѣлалось на югѣ. Такія черты встрѣчаются не одинъ разъ при взятіи городовъ и позже: вотъ и князь Василій Васильевичъ Темный, взявши Галичъ, отдалъ на разграбленіе и сожженіе монастыри церкви. Новгородцы, покоривъ городъ Устюгъ, ограбили тамъ святыню, и взявъ съ собою чудотворный образъ Богородицы, смѣялись надъ нимъ, называя Богоматерь своею плѣнницею. Въ Новгородѣ, какъ извѣстно, пожары были обыкновеннымъ явленіемъ, и очень часто первымъ дѣломъ въ такомъ случаѣ былъ набѣгъ на церкви для расхищенія церковной святыни;

Такого рода обращеніе съ святынею, по нашему мнѣнію, показываетъ, что въ русскомъ народѣ мало было даже и того наружнаго благочестія, которое мы привыкли считать существовавшимъ въ высокой степени; что же касается до благочестія внутренняго, которое болѣе всего выражается страхомъ передъ дѣлами, противными божественному ученію, то его признаковъ мы видимъ еще меньше: варварскія опустошенія цѣлыхъ областей, сожженіе цѣлыхъ селеній и городовъ, сажаніе младенцевъ на колъ, убійство плѣнныхъ или безжалостная продажа ихъ въ руки невѣрныхъ, обычныя вѣроломства и клятвопреступленія—были черезчуръ частыми явленіями. Сами лѣтописцы замѣчаютъ, что нерѣдко христіане съ христіанами поступали хуже поганыхъ.

Примѣры отдѣльнаго благочестія, подвигоположничества аскетовъ, множество монастырей, воздвигаемыхъ въ непроходимыхъ мѣстахъ, не могутъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ общаго народнаго благочестія. Во-первыхъ, кто безпристрастно и критически относился къ нашимъ житіямъ, тотъ не можетъ усомниться, что краснорѣчивыя похвалы въ этихъ біографіяхъ часто слѣдуетъ принимать менѣе за историческую правду, чѣмъ за избитую риторику, даже не самостоятельную по содержанію, а рутинно повторяющую давніе византійскіе пріемы; во-вторыхъ—эти же самыя повѣствованія, говоря о свѣтлой сторонѣ русскаго благочестія въ лицѣ святыхъ подвижниковъ, подъ-часъ проговариваются и о черныхъ сторонахъ, указывающихъ на нравы того общества, изъ котораго являлись эти подвижники. Такимъ образомъ, не разъ не два на зачинающуюся обитель нападали разбойники; иногда князья, подозрѣвая, что у святыхъ отшельниковъ есть деньги, тревожили ихъ покой и оскорбляли; если какой нибудь пожилой богачъ или сильный міра сего, для успокоенія грѣшной совѣсти, давалъ монастырю имущества и земли, то нерѣдко его наслѣдники и потомки не уважали благочестія своего отца или предка и насиліемъ отнимали монастырское достояніе. Укажемъ, для доказательства, на грамату митрополита Ѳеодосія въ

1464 г. и на подобную же грамату митрополита Іоны въ 1467 г. Обѣ писаны въ Новгородѣ: изъ нихъ мы узнаемъ, что отцы посадниковъ, тысяцкихъ и бояръ давали монастырямъ разныя даянія, а дѣти ихъ отнимали. Сами монастыри, основанные благочестивыми сподвижниками, обыкновенно не долго сохраняли характеръ благочестія и святости по образу жизни братіи. Какъ только монастырь дѣлался извѣстнымъ и около него основывалось поселеніе,—онъ наполнялся тунеядцами, бродягами и пьяницами. Вообще, при чтеніи нашихъ умилительныхъ повѣствованій о разныхъ явленіяхъ подвигоположничества и благочестивой жизни, не слѣдуетъ забывать русской пословицы: «не всякое лыко въ строку». Въ Стоглавѣ, напримѣръ, намъ показывается обратная сторона явленій, описываемыхъ риторами въ свѣтлыхъ чертахъ: «Старецъ на лѣсу келію поставитъ, или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, и земли и руги проситъ, а что собравъ, то пропьетъ».

Стоглавъ для насъ неоцѣненный памятникъ; въ немъ-то, какъ въ зеркалѣ, отражается состояніе древней русской церкви и христіанскаго благочестія. То, что изображается въ Стоглавѣ, не принадлежитъ исключительно времени его составленія, но есть совокупность признаковъ долгаго предшествовавшаго времени, накопленныхъ условіями народнаго характера, политической и общественной жизни и домашняго быта. Все это не измѣнилось и впослѣдствіи еще долгое время. Первое, что, по отношенію къ вопросу о народномъ благочестіи, бросается въ глаза—это рѣдкость богослуженія, которое народъ имѣлъ возможность посѣщать. Множество церквей стояло пустыми, и причина этому, по объясненію Стоглава, исходила оттуда, откуда надо было ожидать противнаго—отъ духовнаго начальства.—«У васъ же убо святителіе, бояре и дьяки, и тіуны, и десятники, и недѣльщики судятъ и управу чинятъ не прямо, и волочатъ и продаютъ съ ябедники съ одного, и дѣла составливаютъ съ ябедники, и церкви Божія отъ ихъ великихъ продажъ стоятъ многія пусты безъ пѣнія». Кромѣ того, много

стояло пустыми церквей, построенныхъ ханжами,—мнимыми подвижниками, или же мірскими людьми, которые, подъ вліяніемъ какого нибудь суевѣрнаго страха, строили церкви, а потомъ оставляли ихъ безъ богослуженія; наконецъ, были и такія церкви, откуда священники уходили, а на мѣсто ихъ не было другихъ. Въ тѣхъ же церквахъ, гдѣ совершалось богослуженіе, господствовало полное отсутствіе благочестія: «попы и церковные причетники—говоритъ Стоглавъ (стр. 51)—въ церкви всегда пьяни и безъ страха стоятъ и бранятся, и всякія рѣчи неподобныя всегда исходятъ изъ ѵстъ ихъ, попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя». Самое богослуженіе происходило чрезвычайно безчиннымъ образомъ: въ одно и тоже время пѣли разомъ двѣ или три пѣсни, въ одно и то же время читали разное, ничего не понималъ тотъ, кто читалъ, а еще менѣе тотъ, кто слушалъ. У мірянъ не было ни малѣйшаго уваженія къ церковной службѣ: входили и стояли въ церквахъ въ шапкахъ, словно «на пиру или въ корчемницѣ, говоръ, ропотъ, всякое прекословіе, бесѣды, срамныя словеса, пѣсни божественныя не слушаютъ въ глумленіи». Принимая во вниманіе множество монастырей и довѣряя многимъ умильнымъ описаніямъ святой жизни ихъ обитателей, можно было бы надѣяться, что монастырское благочестіе выкупало безпорядокъ, происходившій въ приходскихъ церквахъ. Но Стоглавъ и въ этомъ отношеніи насъ разочаровываетъ. Изъ него видно, что во многихъ монастыряхъ архимандриты и игумены, покупая себѣ мѣста, не знали ни богослуженія, ни братства, жили себѣ въ свое удовольствіе на счетъ монастырскихъ имѣній, угощали пріятелей, держали своихъ родныхъ въ монастыряхъ, монахи подражали имъ и жили беззазорно; въ келіи къ нимъ ходили женщины и дѣвицы; другіе же держали у себя мальчиковъ, и содомскій грѣхъ былъ самое обычное дѣло въ монастыряхъ; не рѣдко чернецы и черницы жили вмѣстѣ въ одномъ монастырѣ. Пьянство было вездѣ безмѣрное. При такомъ состояніи благочестивой нравственности, въ

монастырѣ часто долгое время не происходило никакого богослуженія. Однако не должно думать, что обиліе монастырскихъ имѣній позволяло всѣмъ монахамъ жить въ полномъ удовольствіи; какъ бы ни былъ монастырь богатъ—этимъ богатствомъ пользовались только монастырскія власти, истощая его съ своими родственниками, любовницами и любимцами: только тѣ изъ братій, которые умѣли пріобрѣсть милость архимандрита или игумена, жили относительно въ довольствѣ; остальные, по выраженію Стоглава, были и «алчны и гладны и всячески непокойны и всякими нуждами одержимы». Этимъ ничего не оставалось, какъ бѣгать изъ монастыря въ монастырь или же просто съ мѣста на мѣсто, и часто въ самой обители оставалось не болѣе двухъ-трехъ съ настоятелями, а прочіе шатались по міру: иные, называясь чернецами, не знали, по выраженію Стоглава, «что словетъ монастырь»; множество бродягъ и мужчинъ и женщинъ сновали по міру, называя себя иноками и инокинями такого-то или другого монастыря. Вся Русь была наполнена такимъ бродячимъ народомъ: иной носилъ икону, которую называлъ чудотворною, другіе притворялись бѣсноватыми, третьи толковали, что имъ являлась святая Пятница; одни исцѣляли, иные предсказывали будущее и такими путями собирали подаяніе, пользуясь суевѣрнымъ страхомъ, который нагоняли на невѣжественную толпу. Священники, поступая изъ причетниковъ, не получавшихъ нигдѣ образованія, часто умѣли читать только по складамъ, а иногда и вовсе не умѣли, выучившись кое-какимъ служебнымъ пріемамъ по памяти: святители посвящали и такихъ невѣждъ, давая себѣ благовидную отговорку, что если ихъ не посвятить, то церкви останутся безъ богослуженія и люди будутъ лишены таинства. Понятно, что такіе священники бѣгали отъ богослуженія; по ихъ безграмотности или малограмотности обѣдня или заутреня была для нихъ чистымъ мученіемъ.

При отсутствіи благочестія, религія чаще всего обращалась въ орудіе для земныхъ выгодъ. Святители посвящали за деньги духовныхъ; духовные, какъ въ приходахъ, такъ и въ мона-

стыряхъ, смотрѣли на свою обязанность съ точки зрѣнія доходовъ; священникъ вмѣстѣ съ приходомъ получалъ землю, которую самъ пахалъ, и она то была для него важнѣе церкви; въ монастырь шли чаще всего для того, чтобы жить монастырскими доходами. У міряиъ благочестіе также часто было предлогомъ для мелкихъ выгодъ; надѣвавшіе на себя личину благочестія имѣли менѣе религіознаго страха, чѣмъ тѣ, на которыхъ они дѣйствовали: какой-нибудь ханжа, говорившій о видѣніяхъ, зналъ, что онъ лжетъ и не чувствовалъ при этомъ религіознаго страха. Въ массѣ народа этого страха было довольно, онъ происходилъ опять изъ невѣжества, а не изъ благочестиваго чувства.

Несомнѣнные факты указываютъ, что въ русскомъ народѣ, при многихъ преблескахъ превосходныхъ душевныхъ качествъ, проявлялась черствость и грубость сердца, отсутствіе состраданія къ несчастію: татары брали многихъ русскихъ въ плѣнъ и привозили ихъ, предлагая выкупать, но чаще всего увозили назадъ, потому что ихъ не выкупали соотечественники. Правительство собирало съ народа особый налогъ, называемый «полоняночными деньгами», для выкупа плѣнныхъ, но эти деньги воровались безъ всякаго зазрѣнія. Существовали богадѣльни для нищихъ, калѣкъ, престарѣлыхъ; страдальцевъ въ тѣ времена было много: войны, междоусобія, набѣги иноплеменниковъ и произволъ сильныхъ людей плодили калѣкъ; но въ эти богадѣльни вписывались люди состоятельные, здоровые и пользовались тѣмъ, что назначено было для несчастныхъ; послѣдніе валялись на улицахъ и на распутіяхъ, не зная, гдѣ преклонить голову, и часто погибали, не находя себѣ состраданія. Вмѣстѣ съ этимъ въ семейной жизни господствовалъ грубый развратъ. Браковъ вообще не любили и вездѣ старались избѣгать вѣнчанія: въ XVII вѣкѣ въ этомъ отношеніи дѣлалось тоже, что и въ XII, когда «Правило митрополита Іоанна» громило неуваженіе русскаго народа къ таинству брака. Этого мало: на половыя отношенія русскіе смотрѣли съ совершенно животной точки зрѣнія, и потому нерѣдки были кровосмѣшенія свекровъ съ

невѣстками, братьевъ съ сестрами, даже родителей съ дѣтьми. Картину великорусскихъ нравовъ ярко начертилъ намъ патріархъ Филаретъ въ граматѣ своей 1622 года (напечатана въ III т. Собранія госуд. гр. и дог.): «Многіе русскіе люди—говорится въ ней—поимаютъ за себя сестры своиродныя и двоюродныя и названныя и кумы крестныя, а иные де и на матери свои посягаютъ блудомъ и женятся на дщеряхъ и сестрахъ, еже ни въ поганыхъ и незнающихъ Бога не обрѣтается; а иные жены свои въ деньгахъ закладываютъ на сроки, и отдаютъ тѣ своихъ женъ въ закладъ мужи ихъ сами; и тѣ люди, у которыхъ они бываютъ въ закладѣ. съ ними до сроку, покамѣстъ которыя жены мужъ не выкупитъ, блудъ творятъ беззазорно; а какъ тѣхъ женъ на срокъ не выкупятъ, и они ихъ продаютъ на воровство же и въ работу всякимъ людямъ». Далѣе въ той же граматѣ говорится, что «попы не унимаютъ отъ такихъ дѣлъ и даже молитвы говорятъ такимъ людямъ». Что описанное въ этой граматѣ можетъ относиться вообще къ жизни великорусскаго народа въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, доказывается тѣмъ, что французъ Ланнуа, посѣщавшій Новгородъ въ началѣ XV вѣка, съ омерзеніемъ говоритъ о продажѣ и закладѣ женъ русскими. Близко ко времени написанія Филаретовой граматы (1636 г.) мы встрѣчаемъ другія извѣстія, показывающія, каково было благочестіе и христіанская нравственность въ самой столицѣ Московскаго государства, имѣвшей, какъ говорилось, сорокъ-сороковъ церквей. Въ церквахъ этой столицы служили безъ всякаго благоговѣнія, въ одно и тоже время читали и пѣли разное пять-шесть голосовъ, люди, пришедшіе въ церковь во время богослуженія громко разговаривали, смѣялись, иные бранились и даже дрались, а тутъ юродивые ходили въ пустынническомъ образѣ, растрепавъ волосы, кричали, дурачились и смѣшили другихъ. Попы не только дозволяли такое безчиніе, но и сами пьяные безчинствовали въ церкви. Праздники торжествовались самымъ развратнымъ образомъ; постоянно слышалась самая неприличная брань. Въ 1646 г. (Акты Экс. IV, 481) окружной патріаршій наказъ указываетъ, что въ московскихъ

церквахъ, во время богослуженія, бываетъ «драка до крови и лая смрадная». Въ 1649 году (ibidem, 485) патріархъ жаловался, что въ монастыряхъ совсѣмъ оскудѣло иноческое житіе: архимандриты, игумены и старцы вовсе не заботятся о церковной службѣ и всегда пьяны; а о приходскихъ церквахъ замѣчалось, что даже тамъ, гдѣ было по нѣскольку поповъ, «въ понедѣльникъ свѣтлыя недѣли и во всю недѣлю и во владычни праздники и въ богородичны праздники службы не бываетъ» (ibidem, 486). Если бояринъ, будучи благочестивъ, заботился о наружномъ благочестіи крестьянъ въ своихъ вотчинахъ—это казалось для крестьянъ особенно тяжело. Около 1652 г., бояринъ Морозовъ приказывалъ, чтобы въ его вотчинахъ крестьяне не работали на себя по воскресеньямъ, и во время бездождія ходили со кресты кругомъ селъ и по полямъ молебствовать. Приказчикъ извѣщалъ господина: «по грѣхамъ стала засуха, яри всѣ посохли, а крестьянамъ я говорилъ, чтобъ къ церкви идти и молебны пѣть о дождѣ, а они, государь, мнѣ отказали, къ церкви не пошли. Да твой, государевъ, указъ ко мнѣ, что по воскреснымъ днямъ не работать, и они государь, работаютъ втай на себя. А у сосѣдей въ селѣ Алексѣевскомъ и по деревнямъ въ воскресные дни работаютъ, а крестьяне потому мнѣ отказываютъ, говорятъ: вотъ на сторонѣ дѣлаютъ, намъ для чего не дѣлать? Да на Петрово заговѣнье въ церкви, государь, Божіей ни одинъ ни къ заутрени, ни къ обѣднѣ не бывалъ». Когда послѣ того бояринъ повторилъ свое приказаніе и налагалъ на ослушниковъ за два раза пеню, а за третій разъ угрожалъ батогами, крестьяне заволновались и тотъ же приказчикъ доносилъ, что на сходкѣ, гдѣ была прочитана боярская грамата, крестьяне кричали: «ты, приказчикъ, на насъ пишешь, заставливаешь сильно молиться... И учали крестьяне ходить толпами. То у нихъ невѣдомо какой умыселъ убить ли меня хотѣли» [1]). Знаменательная черта! Принужденіе къ благочестію могло

---

[1]) Большой бояринъ», ст. И. Е. Забѣлина, въ Вѣстн. Евр. 1871 г., кн. 2, стр. 470 и 471.

вывести русскаго человѣка изъ себя, довести до остервененія, пуще всякихъ утѣсненій.

Подъ 1658 годомъ мы встрѣчаемъ жалобу, что христіане, вмѣсто женъ, держатъ у себя наложницъ и не хотятъ принимать церковнаго брака. Итакъ, черезъ 100 лѣтъ слишкомъ послѣ Стоглава, Русь, по отношенію къ благочестію и христіанской нравственности, осталась съ тѣми же качествами, какія хотѣлъ искоренить Стоглавъ. Подобныя черты сообщаютъ намъ и болѣе позднія извѣстія: такъ, напр., въ 1672 г. (Акт. Экс. IV, 241), замѣчалось, что, по господскимъ праздникамъ и воскреснымъ днямъ, часто въ церквахъ не бываетъ богослуженія, а гдѣ оно и происходитъ, тамъ мало бываетъ народу, да и тѣ, которые туда приходятъ, говорятъ и смѣются во время богослуженія; въ великій постъ люди не говѣютъ и не причащаются; и самые игумены и попы упиваются до пьяна и дѣлаютъ всякое безчиніе въ примѣръ мірянамъ. Нѣсколько позже, уже въ началѣ XVIII вѣка, святой Димитрій Ростовскій говоритъ: «попъ служитъ святую литургію безъ служебника и только говоритъ одни возгласы; когда его спросили, зачѣмъ онъ такъ служитъ и не говоритъ молитвъ, подобающихъ служенію, попъ отвѣчалъ: «я уже прочелъ служебныя молитвы на дому, я такъ научился отъ старыхъ поповъ!» На другой день послѣ пьянствованія, не протрезвившись и не приготовившись къ служенію, попы совершаютъ литургію, сквернословятъ въ алтарѣ, «бранятся матерію и творятъ домъ Божій вертепомъ разбойниковъ». Иные священники были такіе невѣжды, что не умѣли объяснить значеніе святыхъ тайнъ. «Гдѣ животворящія Христовы Тайны?» спросилъ одного священника святой Димитрій Ростовскій. Попъ не понялъ значенія вопроса и молчалъ. «Гдѣ тѣло Христово?» спросилъ митрополитъ. Попъ опять не понялъ. Тогда одинъ изъ бывшихъ съ митрополитомъ священниковъ спросилъ попа: «гдѣ запасъ?» Тогда попъ понялъ и нашелъ «сосудецъ зѣло гнусный»: тамъ хранились у него святыя Тай-

ны. «Удивися о семъ небо и земли ужаснитеся концы!» восклицаетъ поэтому поводу святой Димитрій [1]).

Казалось бы, въ такомъ народѣ, у котораго религіозный индифферентизмъ составлялъ долгое время отличительное свойство, трудно было появляться ересямъ и расколамъ, а главное, распространяться въ массахъ. Дѣйствительно, прежде если они и появлялись, то не проникали настолько въ народную жизнь, чтобы производить важный умственный и общественный переворотъ. Стригольники, жидовствующіе, Башкины, Косые,—при всей относительной важности ихъ явленія въ свое время, все-таки обращались въ довольно маломъ кругу дѣйствія сравнительно съ массою русскаго народа. Тамъ, гдѣ господствуетъ индифферентизмъ вмѣстѣ съ невѣжествомъ—для религіозныхъ броженій, по видимому, нѣтъ никакихъ элементовъ. И однако въ половинѣ XVII вѣка явилось такое религіозное движеніе, которое постепенно охватило Великую Русь и до сихъ поръ далеко не прекратилось.

Намъ важно собственно не столько вліяніе раскола, сколько его распространеніе. Какъ скоро принимались за переправку книгъ, какъ скоро явилась какая бы то ни была новизна въ области религіи—необходимо должны были этому воспротивиться люди старины, люди рутины, люди буквы: это неизбѣжно по закону человѣческихъ дѣйствій, иначе быть не могло, иначе человѣкъ русскій не былъ бы вообще человѣкомъ. Какимъ бы хладнокровіемъ не отличалась масса, невозможно было, чтобы изъ нея не выдавались люди болѣе горячіе, съ большимъ участіемъ къ общему дѣлу, наклонные идти въ ту или другую сторону, впередъ или назадъ, домогаясь нововведеній, или упорно защищая старину. Аввакумы, Лазари, Капитоны были явленія вполнѣ законныя, неизбѣжныя во всякомъ обществѣ, во всякихъ его формахъ. Но отчего ихъ проповѣдь возъимѣла такое вліяніе, отчего народныя массы долгое время шли за ихъ проповѣдью и развивали ее въ многоразличныхъ видахъ? Отчего

[1]) Древ. Рус. Виѳ. XVII, стр. 87, 102.

ихъ упорство, имѣвшее цѣлью поддерживать ветхое, сдѣлалось сигналомъ совершенно новыхъ явленій въ народной жизни?

Тотъ ошибется, кто подумаетъ, что вслѣдъ за исправленіемъ богослужебныхъ книгъ большинство русскаго народа воспротивилось «новшеству»; нѣтъ, это сопротивленіе шло и развивалось медленно. Мы видимъ вначалѣ, что, за исключеніемъ такихъ упрямцевъ, какъ Аввакумъ, Павелъ Коломенскій, Лазарь, Логгинъ, даже самые антагонисты нововведенія не оказывали энергическаго сопротивленія и сами легко подчинялись реформѣ. Такъ сразу поступали два сильные противника, Вонифатьевъ и Нероновъ. Вначалѣ какъ реформа, такъ и сопротивленіе реформѣ были достояніемъ почти одного духовенства. Большинство русскаго народа отнеслось къ этому дѣлу съ обычнымъ предковскимъ равнодушіемъ и хладнокровіемъ, какъ и слѣдовало ожидать. Знаменитый писатель и историкъ старовѣрства, Андрей Денисовъ, котораго интересъ состоялъ въ томъ, чтобы представлять дѣло реформы какъ можно болѣе противнымъ народу, сознается однако, что «Никоновымъ новоисправленнымъ книгамъ, повсюду разсылаемымъ, никто ни обрѣтеся противостоящъ, никто же оныя новшества возражающъ, страху царскаго указу, вся колеблющу, кромѣ Павла добляго епископа коломенскаго и великоревностнаго протопопа Аввакума, новыя книги новопечатныя и не хотяще пріяша». Сопротивленіе оказалъ одинъ Соловецкій монастырь, потому что туда стеклись изъ разныхъ мѣстъ, въ сущности тогда немногочисленные, горячіе приверженцы старыхъ формъ, но и то первое обращеніе ихъ къ царю было чрезвычайно мягкое и покорное: «Милостивый и благочестивый царь! — писали монахи. — «Молимъ твою великаго государя благочестивую державу, съ плачемъ и со слезами и милости просимъ: помилуй насъ нищихъ богомольцевъ своихъ и отвори до насъ сиротъ великую любовь, не вели, государь, у насъ тѣмъ новымъ учителемъ и вселенскимъ патріархамъ истинную нашу христіанскую вѣру, самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и святыми его Апостолы преданную и седьми вселенскими соборы

утвержденную, измѣнити и порудити... Повели намъ государь быти въ томъ же благочестіи и преданіи, въ какомъ чудотворцы наши Зосима и Савватій и Германъ и Филиппъ, митрополитъ московскій и вси святіи угодили Богу и пр.». Соловецкіе упрямцы не осмѣливались даже и впослѣдствіи обвинять въ неправославіи царя и русскихъ архіереевъ: они просили только позволенія самимъ оставаться при прежнихъ формахъ. Если бы имъ уступили, то уже тогда образовалось бы то единовѣріе, которое явилось въ концѣ XVIII вѣка. Но тогда ни имъ, ни другимъ подобнымъ не оказывали этого снисхожденія. Вслѣдъ за соборомъ 1656 года, правительство настоятельно требовало, чтобы всѣ безъ разсужденія приняли всѣ нововведенія, и то, къ чему привыкли цѣлыя сотни лѣтъ, должно было сразу все забыть и сразу усвоить новое. Масса народа и тутъ легко могла покориться, потому что эта масса ничего не знала что было прежде и долго бы не распознала что сдѣлалось вновь, оставаясь въ своей обычной темнотѣ. Духовные, отличавшіеся, какъ мы видѣли, равнодушіемъ къ области своихъ занятій, также, по видимому, должны были покориться. Но вышло иное вотъ отчего: во-первыхъ, въ духовенствѣ существовало раздраженіе противъ тогдашней же духовной власти; во-вторыхъ, въ народѣ существовало недовольство управленіемъ и вообще тогдашнимъ порядкомъ вещей, недовольство, которое передъ тѣмъ не разъ уже проявлялось открытыми возмущеніями. Между духовными легко нашлись личности, сдѣлавшіяся распространителями противодѣйствія реформѣ, исходившей отъ ненавистныхъ имъ властей, а въ народѣ нашлась значительная масса такихъ, которые готовы были пристать ко всему, что увеличивало, а тѣмъ болѣе освящало ихъ прежнее раздраженіе противъ власти вообще.

Патріархъ Никонъ не былъ одинъ изъ тѣхъ, которые внушаютъ къ себѣ любовь подчиненныхъ; напротивъ, его нетерпѣли за суровость, гордость и за корыстолюбіе его приказа. Мысль о томъ, что этотъ ненавистный человѣкъ явился неправославнымъ, преступникомъ противъ церковной правды,

была по сердцу многимъ духовнымъ. Съ вопросомъ реформы Никонъ поступалъ такъ, какъ военачальникъ съ военнымъ дѣломъ: приказано, и надо исполнять, а за непослушаніе слѣдовала тяжелая кара. Поповъ, которые приходили въ сомнительство и не рѣшались сразу служить по новоисправленнымъ книгамъ, вмѣсто того, чтобы убѣждать ласкою, смиряли жестокостью, били батогами, томили голодомъ, держали при монастыряхъ, погребахъ и поварняхъ, съ цѣнями на шеѣ. Само собою разумѣется, что приводить такимъ образомъ къ измѣненію убѣжденій и обычаевъ значило творить упорныхъ защитниковъ того, что хотѣли вывести: таково свойство человѣческой природы; если бы даже тѣ, которые терпятъ муки за извѣстныя убѣжденія, наконецъ, отказались отъ нихъ, то непремѣнно нашлись бы другіе, которые, узнавъ о томъ, что дѣлалось, стали подъ то же знамя. Тутъ скоро произошла размолвка Никона съ царемъ. Никонъ оставилъ свой патріаршій престолъ и удалился въ Новый Іерусалимъ. Въ продолженіи восьми лѣтъ, когда Никонъ находился тамъ, оппозиція противъ нововведенія возрастала; объ этомъ говорится и въ грамотѣ, объявлявшей народу о низложеніи патріарха: «въ неже между-патріаршества время соблазнишася его ради мнози и явишася раскольницы и мятежницы православныя россійскія церкве» (Русск. Вив. III. 407). Никонъ, явившись нововводителемъ, своими крутыми мѣрами взмутилъ, такъ сказать, стоячую воду старциннаго русскаго индифферентизма; тѣ, которые прежде ни о чемъ не думали или очень мало думали, предались думамъ; священники и монахи, до сихъ поръ кое-какъ исполнявшіе служебные обряды, стали разсуждать объ этихъ обрядахъ, стали привязываться къ нимъ, именно потому что ихъ принуждали дѣлать иначе, а не такъ, какъ прежде они привыкли дѣлать, никогда не считая своихъ дѣлъ неправильными; пришлось имъ заглянуть въ одну, другую книгу; пришлось учиться, потому что имъ приходилось поспорить и защищать старину словомъ. Къ этому возбудились вначалѣ личности талантливыя, выдававшіяся изъ массы по наклонности къ пред-

метамъ духовной сферы; они первые, какъ всегда бываетъ въ исторіи умственныхъ движеній, отрясли отъ себя вѣковой сонъ, лежавшій на всемъ современномъ имъ обществѣ. Личности эти были изъ духовныхъ: на это указываютъ современныя жалобы, называя первыми распространителями раскола священниковъ и монаховъ, которые «ови отъ многаго невѣдѣнія божественныхъ писаній и разума, ови во образѣ благоговѣнія и житія мнимаго добродѣтельнаго, являющеся быти постни и добродѣтельни, полни же всякаго несмыслства и самонадѣяннаго мудрованія, иже мнящеся быти мудри объюродѣша, ови же мнящеся и отъ ревности, и таковіи, имуще ревность не по разуму, возмутиша многихъ души неутвержденныхъ». Вообще участіе міранъ въ оппозиціи было малозначительно до самаго собора 1666 — 67 годовъ. Этотъ соборъ не только утвердилъ всѣ постановленія собора 1656 г., не только оправдалъ всѣ сдѣланныя Никономъ измѣненія въ обрядахъ и исправленія въ богослужебныхъ книгахъ, но предалъ анаѳемѣ всѣхъ тѣхъ, которые впередъ будутъ держаться старины. «Аще ли же кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй Восточнѣй церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословити и противлятися намъ: и мы таковаго противника, данною намъ властію отъ всесвятаго и животворящаго Духа, аще будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и обнажаемъ его всякаго священнодѣйствія и благодати и проклятію предаемъ, аще же отъ мірскаго чина, отлучаемъ и чужда сотворяемъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа и проклятію и анаѳемѣ предаемъ, яко еретика и непокорника, и отъ православнаго всесочленія и стада и отъ церкве Божія отсѣкаемъ яко гнилъ и непотребенъ удъ, дондеже вразумится и вразумится въ правду покаяніемъ. Аще ли кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ, и пребудетъ въ упрямствѣ своемъ до окончанія своего: да будетъ и по смерти отлученъ и непрощенъ, и часть его и душа со Іудою предателемъ, и съ распеншими Христа жидовы, и со Аріемъ и съ прочими проклятыми еретиками; желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся и да растлятся, а той да будетъ не-

разрѣшенъ и неразрушанъ и яко тмпанъ, во вѣки вѣковъ аминь» [1]). Но такъ какъ прежде вся восточная Русь держалась осужденной старины, то естественно возникло мнѣніе, что анаѳема падала на все прошлое страны. Послѣдовалъ совершенный разрывъ съ прошлымъ и со всѣми тѣми, которые не могли скоро разстаться съ прошлымъ. До сихъ поръ было одно только недоумѣніе; теперь же должно было образоваться два лагеря:—одинъ правительственный, другой враждебный. Начались жестокія, свирѣпыя преслѣдованія упорныхъ. Ихъ ссылали, иныхъ жгли, инымъ рѣзали языки. Всякіе споры противъ реформы, уже порѣшенной соборомъ, толковались, какъ хула на Господа Бога: отсюда вытекало, что православные, на сторонѣ которыхъ были не только сила духовная, но и матеріальная, мірская, легко могли давать доводамъ и рѣчамъ своихъ противниковъ смыслъ богохульства; первая же глава Уложенія осуждала за богохульство на сожженіе. По извѣстію предисловія къ «Увѣту Духовному», уже благодушный и тишайшій Алексѣй Михайловичъ «многихъ во оземствованіе пославъ и въ темницы заточи, а иныхъ хульниковъ повелѣ огню предати».

Оппозиція противъ нововведенія разразилась въ первый разъ возмущеніемъ въ Соловецкомъ монастырѣ. Какъ ни продолжительно, какъ ни упорно кажется, съ перваго раза, это возмущеніе, какъ ни придаетъ ему особенной важности то, что правительство должно было перемѣнять три раза начальство надъ войскомъ, усмирявшимъ бунтъ, и присылать новыя силы для его укрощенія, но въ сущности бунтъ этотъ былъ не важенъ и не выходилъ изъ цѣлаго ряда бунтовъ, которыми такъ богата была вторая половина XVII-го вѣка. Участвовавшихъ въ немъ было всего до пятисотъ человѣкъ, изъ нихъ двѣсти было духовныхъ; для остальныхъ приверженность къ старому обряду была, вѣроятно, только поводомъ: охоты къ возмущеніямъ и безъ того уже было много. Чтобы понять, почему оппозиція противъ реформъ находила, какъ въ это, такъ и въ послѣдую-

---

[1]) Допол. V, 487.

щее время, отголосокъ и сочувствіе въ народной массѣ, нужно имѣть въ виду вообще духъ народа того времени. Царствованіе Алексѣя Михайловича было вообще періодомъ очень важныхъ бунтовъ, которыхъ причины скрывались совсѣмъ не въ религіи. Въ первыхъ годахъ этого царствованія были бунты въ Новгородѣ, Псковѣ, Сольвычегодскѣ, Устюгѣ и въ самой Москвѣ. То было еще до реформы. Послѣ реформы выпускъ мѣдныхъ денегъ произвелъ бунтъ въ столицѣ, но еще сильнѣйшія потрясенія выдержало Московское государство отъ бунта Стеньки Разина. Нельзя утверждать, что причиною этого бунта былъ расколъ, когда Стенька, въ числѣ разныхъ попытокъ для возмущенія народа, употреблялъ имя Никона и выдавалъ себя за мстителя низложеннаго патріарха, а его сообщники, умерщвляя астраханскаго архіепископа Іосифа, укоряли этого архипастыря, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ «снималъ санъ» съ патріарха Никона. Между тѣмъ, когда впослѣдствіи казаки бунтовали подъ знаменемъ старой вѣры, они въ то же время показывали сознаніе, что продолжаютъ одно дѣло со Стенькою Разинымъ. Мы думаемъ, что и мірскими участниками соловецкаго бунта, какъ и впослѣдствіи тѣми, которые по голосу духовныхъ приставали къ оппозиціи, руководило тоже разлившееся въ массѣ стремленіе тѣмъ или другимъ способомъ противодѣйствовать властямъ, истекавшее изъ общественныхъ условій того вѣка, — а не исключительно религіозныя побужденія.

Время Ѳедора Алексѣевича было временемъ свирѣпаго преслѣдованія раскола и тѣмъ самымъ распространенія его между мірянами. Чѣмъ жесточе были истребительныя мѣры правительства, тѣмъ шире и упорнѣе становилось противодѣйствіе. Духовные, не хотѣвшіе принять «новшествъ», угрожаемые ссылками, кнутомъ, языкорѣзаніемъ и сожженіемъ, спасаясь отъ такой участи, разсѣевались по разнымъ сторонамъ широкой Руси, ходили изъ села въ село, изъ города въ городъ, взывали къ народу, что гибнетъ святая вѣра, что Никонъ съ его послѣдователями ввели ересь, что въ церкви не слѣдуетъ ходить, что наступаютъ послѣднія времена. Голосъ раскольниковъ былъ,

такъ сказать, какъ масло къ огню; повсюду можно было найдти недовольныхъ властью, ненавидѣвшихъ дьяковъ, приказныхъ людей, воеводъ, бояръ, владыкъ. Теперь народу говорили, что власть, отягощая его здѣсь на землѣ, хочетъ отнять у него последнее утѣшеніе, заградить ему путь къ лучшему жребію послѣ смерти, путь къ вѣчному спасенію. Для раздраженнаго народнаго сердца было пріятно слышать самое худое о томъ, противъ чего обращалось раздраженіе. Проповѣди раскольниковъ дѣйствовали вначалѣ на впечатлительныя и предпріимчивыя натуры; люди, черезъ-чуръ погрязшіе во вседневную жизнь, привыкшіе покоряться силѣ всегда и во всемъ, конечно, не поддавались этому обаянію, и такихъ оставалось несравненно больше; увлекшихся въ расколъ, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, было не много въ сравненіи со всею массою, иначе никакая власть не въ силахъ была бы удержать реформъ. Первые миссіонеры были, по извѣстію Денисова, соловецкіе отцы: они «разсѣевшись странствовали и во градѣхъ и весѣхъ и въ пустынныхъ скитѣхъ и многія на стези древлеблагочестивыхъ церковныхъ законовъ навратиша». Благодаря «Винограду Россійскому» Денисова, мы узнаемъ имена многихъ апостоловъ старины, возбуждавшихъ народъ къ непокорству церкви и мірской власти. Все это были монахи и попы. На сѣверѣ, въ странѣ, носившей названіе Поморья, расколъ распространился прежде всего, оттуда выходили учители и въ другія мѣста. Такъ соловецкіе монахи, Арсеній и Софоній, проповѣдывали въ предѣлахъ нижегородскихъ и положили основаніе знаменитымъ чернораменскимъ скитамъ — колоніямъ увлеченнаго въ расколъ народа. Около Великаго Новагорода и Пскова возбуждалъ къ старовѣрству старецъ Варлаамъ, бывшій прежде протопопомъ во Псковѣ. Во владимирскихъ предѣлахъ проповѣдывалъ знаменитый Капитонъ, въ калужскихъ — попъ Поліевктъ, около Чернигова — попъ Козьма и проч. и проч. Расколъ быстро зашелъ и въ отдаленную Сибирь.

Отъ онаго времени сохранились нѣкоторыя описанія, дающія намъ возможность представить себѣ, какъ совершалось это про-

повѣдываніе, и какъ проповѣдники успѣвали поселять фанатизмъ въ воспріимчивыхъ и впечатлительныхъ натурахъ. Вотъ, напримѣръ, въ Тюменѣ въ воскресный день служилась литургія; служили по новоисправленнымъ книгамъ, народъ былъ въ церкви и конечно уже не въ первый разъ слушалъ литургію, совершаемую по новоисправленному служебнику. Вдругъ — въ соборную церковь вошло трое мужчинъ и съ ними одна женщина старица. Одинъ изъ мужчинъ былъ изъ Вологды Аѳонька, другой изъ Татьмы Демка, третій нѣкто Перша Мезенцовъ, а женщина была изъ Тотьмы, по имени Варвара. Во время херувимской пѣсни они закричали: «православные христіяне, не кланяйтесь: несутъ мертвое тѣло! На просфорахъ печатаютъ крыжемъ-антихристовою печатью». Ихъ схватили, били кнутомъ и вкинули въ тюрьму до государева указа. Но они сдѣлали свое дѣло. Проповѣдь расшевелила народъ, сомнѣніе пустило корни. Вслѣдъ затѣмъ является другой проповѣдникъ, Дементьянъ, въ черпецахъ Данило. Около него собираются уже старицы и дѣвки. Его проповѣди были такъ увлекательны, что старицы и дѣвки стали видѣть отверзтое небо, пресвятую Богородицу, ангеловъ, держащихъ вѣнцы надъ тѣми, которые не хотятъ молиться такъ, какъ приказываютъ, и, избѣгая нечестивыхъ велѣній, скрываются въ пустыни. Затѣмъ, къ проповѣднику пристаютъ и нѣкоторые семейные люди съ женами и дѣтьми. Онъ всѣхъ убѣждаетъ бѣжать въ пустыню, и дѣйствительно, оставаться въ своихъ жилищахъ имъ было опасно: воеводамъ и приказнымъ людямъ велѣно было, по государеву указу, хватать раскольниковъ и бить кнутомъ, за слишкомъ энергическое слово противъ «новшества» можно было попасть въ срубъ... Они бѣгутъ съ проповѣдникомъ въ лѣса, и тамъ основываютъ поселенія. Но начальство силится возвратить ихъ на мѣста жительства, наказать кнутомъ, принудить къ троеперстію. Посылается вооруженный отрядъ взять ихъ изъ пустыни; тогда фанатикъ проповѣдуетъ, что лучше сгорѣть въ огнѣ, чѣмъ отступить отъ вѣры, не вытерпя земныхъ мученій. Погоня приближалась. Тѣ, которые успѣли ускользнуть, убѣжали и сда-

лись. Другіе поддались убѣжденію Дементьяна: онъ ихъ заперъ съ собою въ избѣ и зажегъ избу. Такъ погибъ проповѣдникъ и съ нимъ до трехъ сотъ человѣкъ. Въ другихъ мѣстахъ случалось подобное. Самосожиганіе стало входить въ обычай: и неудивительно, когда представлялось что-нибудь одно изъ двухъ — или подвергаться разнаго рода истязаніямъ отъ власти и, не вытерпѣвъ мукъ, отрекаться отъ вѣры, какъ они полагали, или лишить себя жизни заранѣе. Фанатики увѣряли своихъ послѣдователей, что это дѣло богоугодное и подтверждали свои убѣжденія разными примѣрами изъ исторіи мучениковъ. Ихъ послѣдователи, сами ничего не зная въ дѣлѣ вѣры, полагались на нихъ, слѣдовали за ними. Впрочемъ, когда дѣло доходило до сожженія, тогда обыкновенно являлось раскаяніе и желаніе спасти себя; но не всѣмъ и не всегда это удавалось, потому что вожаки, завлекши толпу людей въ избу, запирали ихъ тамъ и зажигали избу, такъ что уже нельзя было выскочить.

Между тѣмъ, религіозное дѣло постоянно примѣшивалось къ народнымъ бунтамъ, возникавшимъ отъ другихъ причинъ. Такъ было и въ Москвѣ, въ 1682 году. Произошелъ стрѣлецкій бунтъ чисто политическаго характера. Онъ увѣнчался успѣхомъ. Тогда раскольники задумали воспользоваться случаемъ и подвинуть торжествовавшихъ мятежниковъ на защиту старой вѣры. Началось новое стрѣлецкое волненіе уже съ религіозною цѣлью. Но стрѣльцы сами не понимали, въ чемъ тутъ собственно дѣло; народъ былъ безграмотный и немыслившій; между ними не нашлось никого, кто бы съумѣлъ составить челобитную. Обратились къ монаху Сергію. Тотъ написалъ имъ челобитную и изложилъ въ ней обвиненія въ разныхъ ересяхъ. Стрѣльцы сами сознавались, что плохо понимали челобитную, когда имъ ее читали, и никогда не слыхивали о такихъ ересяхъ, какія въ ней поминались. Но всѣ однако слушали эту челобитную съ умиленіемъ; недостатокъ пониманія замѣнялся у нихъ чувствомъ. Это чувство побуждало ихъ къ одному — добиться того, чтобы власти перестали, какъ они говорили, «за старую вѣру людей казнить, вѣшать и въ срубахъ жечь». Далеко не всѣ стрѣль-

цы поддались внушенію расколоучителей; по привычному хладнокровію къ дѣламъ вѣры, большая часть не расположена была стоять за старовѣровъ; народъ, бѣжавшій толпами за Никитою Пустосвятомъ, руководился однимъ любопытствомъ, и многіе, сочувствовавшіе тогдашнему волненію, сами не прочь были отъ новой вѣры, но они все-таки хотѣли, чтобы людей за вѣру не мучили и не жгли. Въ высшей степени замѣчательно то обстоятельство, что когда раскольники ходили по стрѣлецкимъ приказамъ для подписи челобитной, большая часть стрѣльцовъ не хотѣла прикладывать рукъ вовсе, не соглашаясь принадлежать къ расколу; но и тѣ кричали: «а мучить по прежнему никого не дадимъ». Такое явленіе только и объясняется изстари обычнымъ хладнокровіемъ къ дѣламъ вѣры, недопускавшимъ развиваться тому фанатизму, который, увлекаясь священною высшею цѣлью, не знаетъ состраданія къ единицамъ. Это памятное въ русской исторіи событіе отличалось такими пріемами, которые какъ нельзя яснѣе соотвѣтствовали духу русскаго народа и его привычкамъ. Какъ церковь, такъ и свѣтская власть, по своему принципу, не терпѣли несогласія съ своими цѣлями. Явленіе сопровождаемыхъ толпою любопытнаго народа раскольниковъ, требующихъ отъ церкви объясненія и отчета, было черезчуръ противно тѣмъ понятіямъ, какія составляли себѣ о власти церковные сановники и мірскіе владыки. Люди, у которыхъ пробудилась мысль, которые хотѣли знать, чему ихъ принуждали вѣрить, вызывали къ отвѣту патріарха и архіереевъ. Эти люди не осуждали заранѣе противной стороны; они только просили, чтобы «великіе государи повелѣли ему патріарху съ ними богомольцами своими дати праведное свое разсмотрѣніе со свидѣтельствы божественныхъ писаній: за что патріархъ по старопечатнымъ книгамъ не хощетъ служити и инымъ возбраняетъ, а какіе богочетцы, ревнуя по отеческихъ догматахъ истиннаго закона, оныя держатъ и службу Богу по тѣмъ приносятъ, онъ проклятію соборнѣ предаетъ и въ заточеніе въ темницы на смерть посылаетъ». Патріархъ и цер-

ковныя власти отвѣчали имъ однимъ указаніемъ на обязанность повиноваться слѣпо, не мудрствуя: «Подобаетъ вамъ повиноватися учителямъ и священникамъ, а наипаче архіереямъ и не судити ихъ, аще и житіе имутъ укорно; мы на то образъ Христовъ носимъ: кто намъ противится тотъ Господу противится». «Правда — отвѣчали имъ раскольники, поклонившись до земли — вы на себѣ носите образъ Христовъ, только Христосъ смиренія образъ намъ показалъ, а не струбами, огнемъ и мечемъ грозилъ». Если патріархъ и архіереи упирались въ своемъ авторитетномъ величіи и не хотѣли входить въ споры и объясненія съ міряпами и низшими себя духовными о предметахъ вѣры и богослуженія, то противники заявляли самое непріятное для сановниковъ право судить ихъ поступки и требованіе прекратить преслѣдованія за вѣру. «Егда приведутъ предъ васъ христіанина, вы въ первыхъ словесехъ истязуете, какъ крестится и какъ молитву творитъ, и аще отвѣщаетъ оный: крещуся и молитву глаголю по старому, яко же святая церковь пріяла отъ богоносныхъ отецъ — и вы за то того же часу велите его мучити и въ тюрьму вкинете на смерть»! Здѣсь высказывалось, что противники домогались одного — прекращенія гоненій. Вынужденное затѣмъ новое собраніе въ Грановитой палатѣ окончилось еще хуже перваго. Описаніе этого важнаго событія у православныхъ и раскольниковъ различно; православные, съ презрѣніемъ называя раскольниковъ пьяными мужиками, разсказываютъ, что Никита Пустосвятъ, въ присутствіи царевенъ и патріарха, хотѣлъ бить, а нѣкоторые говорятъ, что даже ударилъ холмогорскаго архіерея; раскольники же говорятъ, что архіерей самъ, разъярившись, бросился на Никиту и послѣдній только отвелъ его рукою. Трудно теперь рѣшить, какъ было на самомъ дѣлѣ, и какая сторона въ этотъ грубый вѣкъ показала больше обычной для обѣихъ сторонъ грубости. Но на этотъ разъ отвѣтъ патріарха былъ также неудовлетворителенъ для ревнителей старины, домогавшихся свободы совѣсти, какъ и прежде: «Не на васъ сіе дѣло лежитъ и не подобаетъ вамъ, простолюдинамъ, церковная исправляти... мы

на себѣ образъ Христовъ носимъ: ваше дѣло повиноватися церкви и намъ архіереямъ». Также неутѣшительно отозвалась къ нимъ и свѣтская власть; ея голосъ высказался сравнительно мягче, чѣмъ было бы въ другое время; ея представительницею была въ то время дѣвица; она выразилась по-женски, — царь выразился бы иначе, но суть дѣла была одна и таже. «Если Арсеній и Никонъ еретики—говорила Софья—то отецъ и братъ нашъ еретики; выходитъ, что нынѣшніе цари не цари, патріархи не патріархи, архіереи не архіереи; мы такой хулы не хотимъ слушать; если отецъ нашъ и братъ еретики, мы пойдемъ изъ царства вонъ». Эти слова, произнесенныя женщиной, значили: вы должны, не разсуждая, вѣрить такъ, какъ велятъ вамъ духовные и цари. Софья, вставъ съ мѣста, показала видъ, что хочетъ уходить, но тутъ окружающіе заявили передъ нею то, что ихъ предки нѣкогда заявляли передъ Іоанномъ Грознымъ, когда тотъ грозилъ оставить царство. За исключеніемъ немногихъ смѣлыхъ, дерзнувшихъ замѣтить, что и безъ нея пусто не будетъ, толпа изъявляла готовность во всемъ повиноваться и положить свои головы за царей. Само собою разумѣется, что это свидѣтельствуетъ какъ нельзя больше, что масса, шедшая вслѣдъ за раскольниками, вовсе не была проникнута тѣмъ духомъ, какимъ оживлялись фанатическіе вожаки раскола. Софья снова усѣлась и вступила съ раскольниками въ преніе, однако въ ея рѣчахъ не было ничего, кромѣ приказанія народу вѣрить такъ, какъ велятъ и показываютъ своимъ примѣромъ власти. «Чего ты боишься складывать три перста, — говорила Софья монаху Савватію, — не бойся: вотъ мы сами крестимся и тремя и двумя перстами и всею дланью». Но у раскольниковъ былъ поразительный доводъ. «Насъ предаютъ проклятію — говорили они, —а если мы прокляты, то и всѣ наши россійскіе чудотворцы и прародители ваши государи подлежатъ тому же проклятію, какъ и мы». По выраженію раскольничьяго извѣстія, патріархъ и архіереи не нашлись ничего отвѣчать на это, только сидѣли голову повѣсивши; но хитрая Софья нашла способъ покончить съ противниками. Соборъ отсрочили до другого времени; Софья,

между тѣмъ, склонила на свою сторону выборныхъ стрѣльцовъ: «не промѣняйте насъ на шестерыхъ чернецовъ», говорила она имъ. Софья поняла, что дѣло оппозиціи производится немногими, а толпа пристаетъ къ нему безъ большого внутренняго участія. «Государыня царевна—отвѣчали ей стрѣльцы, совершенно въ духѣ стариннаго русскаго индифферентизма—намъ нѣтъ дѣла стоять за старую вѣру: то дѣло не наше, а святѣйшаго патріарха и освященнаго собора». И они предали раскольниковъ. Тогда главному расколоучителю Никитѣ отрубили голову, другихъ наказали и сослали; немного времени спустя казнили и боярина князя Хованскаго, покровительствовавшаго расколу. Это событіе показало, что, не смотря на внѣшніе признаки, которые могутъ подавать мысль о силѣ раскола въ народѣ, онъ въ сущности былъ безсиленъ. Народъ стремился въ Кремль, но, какъ оказалось, большинство бѣжало туда изъ одного любопытства, другіе, хотя и увлекались на время проповѣдью расколоучителей, но не проникнулись ею до того, чтобы защищать ихъ дѣло энергически, иначе бы не измѣнили имъ. Церковная оппозиція, будучи въ сущности слабою, прицѣплялась ко всякому народному волненію, происходившему собственно изъ другихъ причинъ и убѣжденій.

Но сама власть, усмиряя и наказывая расколъ, продолжала способствовать его расширенію своими жестокими мѣрами. Въ томъ же 1682-мъ году, мы встрѣчаемъ (А. Ист. V, 162) приказаніе архіереямъ сыскивать по епархіямъ раскольниковъ, непокорныхъ и непослушныхъ церкви, и для того брать у воеводъ и дьяковъ служилыхъ людей. Тѣхъ, которые, по усмотрѣнію духовнаго начальства, окажутся достойными градской казни, слѣдовало отсылать къ воеводамъ и дьякамъ, а послѣдніе никакъ не могли присланныхъ выпускать на свободу безъ вѣдома архіерея. Тѣхъ, которые оказывались расколоучителями, предавали сожженію. Въ 1684 году изданъ былъ драконовскій законъ противъ непокорныхъ церкви: повидимому, при точномъ исполненіи этого закона, расколу невозможно было существовать, еслибы на свѣтѣ всегда истреблялось то, что хотятъ

истребить жестокими преслѣдованіями. Чуть только гдѣ услышатъ, что такіе-то люди не ходятъ въ церковь, не пускаютъ къ себѣ въ домъ поповъ, уклоняются отъ церковныхъ таинствъ—такихъ людей тотчасъ слѣдовало хватать и пытать, допрашивая: у кого они учились расколу, какіе есть у нихъ единомышленники и товарищи; на кого они покажутъ, тѣхъ—брать, давать очныя ставки съ ихъ обвинителями; и если обвинители упирались на своемъ прежнемъ показаніи, то пытали оговоренныхъ; если оговоренные подъ пыткою показывали на новыхъ лицъ и привлекали ихъ, такимъ образомъ, къ дѣлу—тогда слѣдовало брать и этихъ и также поступать съ ними, какъ съ прежними. По производствѣ суда, тѣхъ, которые, не смотря ни на какія муки и истязанія, не принесутъ раскаянія, — предавать сожженію, а тѣхъ, которые изъявятъ раскаяніе—отсылать къ архіереямъ для наказанія и потомъ отпускать съ поручными записьми. Но могли быть и такіе, которые, подобно Никитѣ Пустосвяту, притворно принесутъ раскаяніе, а потомъ, при случаѣ, опять начнутъ проповѣдывать расколъ; такихъ законъ повелѣвалъ неизбѣжно предавать смертной казни. Всѣхъ тѣхъ, которые окажутся виновными въ подстрекательствѣ къ самосожженію, а равно и тѣхъ, которые станутъ перекрещивать другихъ и называть неправымъ крещеніе, полученное въ православной церкви, казнить смертію, даже и тогда, когда бы они покаялись. Тѣ лица, которыя, сами не будучи раскольниками, давали изъ состраданія у себя притонъ раскольникамъ, не ловили ихъ и не приводили къ начальству—наказывались кнутомъ. Достаточно было принести къ раскольнику, посаженному въ тюрьму, пищу или питье, или только провѣдать про него—такихъ хватали и били кнутомъ. Даже тѣ, которые держали у себя раскольниковъ, не зная, что они раскольники, подвергались денежной пени. Вдобавокъ, велѣно было отписывать на великихъ государей всѣ дворы и лавки и помѣстья не только у тѣхъ, которые были виновны въ расколѣ, но и тѣхъ, которые держали у себя раскольниковъ завѣдомо или брали ихъ на поруки [1]).

[1]) Полн. Собр. Зак II, 648.

Такое отношеніе власти и закона къ расколу не давало ему уснуть подъ вліяніемъ давняго русскаго индифферентизма. Преслѣдованіе произвело расколъ; оно его и воспитывало, и поддерживало. Сперва непокорныхъ — была какая-нибудь горсть духовныхъ; Никонъ не спускалъ имъ—сажалъ на цѣпь, билъ, ссылалъ и чрезъ то не только утвердилъ ихъ въ упорствѣ, но еще далъ имъ возможность показать собою примѣръ подражанія другимъ. Соборъ 1666—67 гг., предавъ ужасной анаѳемѣ непріемлющихъ церковныя измѣненія, обратилъ къ религіознымъ вопросамъ мысль и чувство тѣхъ, которые, не будучи возбуждаемы и раздражаемы, отнеслись бы равнодушно къ этимъ вопросамъ,, такъ что безъ этихъ жестокихъ мѣръ, вѣроятно, вся церковная реформа скоро принялась бы и вошла въ жизнь почти незамѣтно. Но теперь вожаки противодѣйствія имѣли у себя страшный рычагъ для поднятія массы: они ставили ей передъ глаза поистинѣ роковой вопросъ, такой вопросъ, на который тогдашнимъ православнымъ людямъ отвѣчать было не такъ-то легко. Если прокляты тѣ, которые теперь крестятся двумя перстами и молятся по старымъ книгамъ, то, стало-быть, прокляты и тѣ, которые прежде такъ поступали? А если такъ, то, значитъ, прокляты всѣ святые чудотворцы и угодники, просіявшіе въ прежніе вѣка въ русской церкви? Иначе: если можно было достигнуть вѣчнаго спасенія и святости съ двоеперстнымъ знаменованіемъ и съ отправленіемъ богослуженія по старымъ книгамъ, то зачѣмъ же запрещать теперь то, что вело къ спасенію благочестивыхъ въ продолженіе ряда вѣковъ? Новая церковь какъ будто разрывала всякую связь съ старою, какъ будто предавала все старое анаѳемѣ... Но старая церковь имѣла за собою слишкомъ много чудесъ и святости: какъ промѣнять ее на новую, которая не ознаменована Божіею благодатію! Если новая церковь такъ прямо дѣлается враждебною старой, стало-быть, она попираетъ всю святость послѣдней; слѣдовательно, ради спасенія души, не надобно ходить въ новую церковь: она порожденіе дьявола, дѣло антихриста, который скоро долженъ прійдти. Такой аргументъ вносили въ народъ преслѣдуемые

угрожаемые сожженіемъ расколоучители. Одни изъ слушавшихъ ихъ пустились въ разсужденія о крестномъ знаменіи, о четвероконечномъ и восмиконечномъ крестѣ, о разныхъ перемѣнахъ въ обрядахъ и выраженіяхъ; другіе — и такихъ, разумѣется, было гораздо больше—усвоивали себѣ изъ всего, что слышали, только то, что въ церковь не слѣдуетъ ходить, не должно звать поповъ и принимать отъ нихъ ни молитвъ, ни таинствъ. Со стороны правительства и церкви, на всѣ возраженія, возникшія въ народѣ, не было иныхъ отвѣтовъ, кромѣ кнута, пытки и огня. Неудачная попытка Никиты также не вызвала иного рода отвѣтовъ, и потому-то эта попытка, по наружности показывавшая малосиліе раскола, только послужила къ его усиленію. Суровыя узаконенія и распоряженія убѣждали раскольниковъ, что власть не станетъ и не хочетъ давать имъ иного объясненія, кромѣ страха за неповиновеніе.

Исполненіе мѣръ, указанныхъ суровыми законами, произвело переполохъ въ народѣ. Спасаясь отъ угрожающихъ пытокъ и всякаго рода мукъ, самые смѣлые бѣжали на Донъ; тамъ оппозиція принимала характеръ болѣе отважный: она не ограничивалась только враждою къ боярамъ, воеводамъ и приказнымъ людямъ; огорченіе простиралось и на царственныхъ особъ. Тамъ отъ раскольниковъ слышались такія рѣчи: «что намъ цари? пастушьи они дѣти. Такая ихъ мать, какъ и наша. Мы лучше ихъ. Вотъ пойдемъ на Москву — не сдѣлаютъ съ нами того, что со Стенькою Разинымъ». Грамотѣи отыскали въ третьей книгѣ Эздры кое-что объ орлѣ и орленкахъ: толковали, что орелъ — значитъ царь Алексѣй Михайловичъ, а орленки — его дѣти. Орла уже нѣтъ, а орленковъ надо истребить [1]). Другіе, не такъ смѣлые, бѣжали въ пустыни и тамъ заводили поселенія; издавна у русскихъ людей было въ обычаѣ: когда имъ трудно жить и терпѣть—они убѣгали и основывали поселенія на такихъ мѣстахъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ временно,

[1]) Изъ любопытнаго еще ненапечатаннаго дѣла о донскихъ раскольникахъ въ бумагахъ Археографической Коммиссіи.

можно было укрыться отъ властей. Теперь, увлекшіеся проповѣдью раскола бѣжали съ проповѣдниками въ дремучіе лѣса: поселенія являлись за поселеніями, но въ эту пору они принимали аскетическій характеръ: проповѣдники толковали, что приходитъ конецъ міра; уже явился антихристъ; не время думать теперь о житейскомъ; послѣдніе дни настаютъ: надобно помышлять единственно о спасеніи души; монашеское житіе стало образцомъ для всѣхъ раскольниковъ. Но немногимъ такимъ бѣглецамъ давали спокойно дожидаться конца міра: повсюду ихъ отыскивали и хватали, чтобы зачинщиковъ сожигать, а обольщенныхъ бить кнутомъ. Многіе покорялись и возвращались на свои мѣста; но не мало оказалось такихъ, которыхъ проповѣдники увлекали къ самосожженію въ то время, когда приближалась къ нимъ посланная ратная сила. По разнымъ мѣстамъ Руси сгорѣвшихъ такимъ образомъ считали не только сотнями, но даже тысячами. Въ 1687 г. близъ Олонца сожегся Пименъ старецъ, а съ нимъ болѣе тысячи человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ томъ же году, въ Палеостровскомъ монастырѣ сгорѣлъ старецъ Игнатій: съ нимъ, если вѣрить раскольничьему историку Ивану Филиппову, сгорѣло 2,700 человѣкъ; черезъ нѣсколько времени, въ 1689-мъ году, въ томъ же монастырѣ произошло другое самосожиганіе, по извѣстію раскольниковъ 500 человѣкъ, а по актамъ — 150. Упорство за старую вѣру проявилось болѣе всего на сѣверѣ; но и въ другихъ краяхъ Руси происходили такія же сцены. Не самоубійствомъ, а мученичествомъ считали, и тогда и впослѣдствіи, раскольники такія самосожженія: и въ самомъ дѣлѣ, еслибы они покорились, все равно не могли бы они ожидать кроткаго обращенія съ собою: главнѣйшихъ бы сожгли, остальныхъ били бы и мучали, принуждая къ отступленію отъ вѣры, чѣмъ, по ихъ понятію, казалось принятіе церковной реформы. Понятно, что вожаки, которымъ все равно было горѣть—добровольно-ли съ послѣдователями, или въ срубѣ по приговору закона,—всѣми силами старались, чтобы другіе испытали съ ними одну судьбу, и успѣвали склонять къ этому тѣмъ аргументомъ, что лучше преду-

предить бѣду, потому что власти, взявши ихъ въ руки, будутъ не только мучить, но еще посредствомъ мученій заставятъ сдѣлать тяжкій грѣхъ и заградятъ путь къ вѣчному спасенію. Раскольничьи самосожженія были въ свое время такими же геройскими подвигами, какими бы теперь считали рѣшимость защитниковъ отечества лучше погибнуть въ крѣпости, взорвавъ ее на воздухъ, чѣмъ сдаться непріятелю.

При Петрѣ Великомъ отношенія власти къ расколу и его последователямъ нѣсколько измѣнились. Правда, въ началѣ его царствованія продолжались дѣйствія свирѣпаго закона 1684 года. Но мало-по-малу широта взгляда, отличавшая этого государя отъ его предшественниковъ, побуждала его устроить другого рода отношенія. Голиковъ приписываетъ Петру слова, вполнѣ достойныя его генія. Постановивъ, чтобы раскольники отличались отъ православныхъ четыреугольными нашивками краснаго цвѣта на спинахъ и желтыми козырями, онъ однажды увидѣлъ въ такомъ нарядѣ купцовъ, и спросилъ таможеннаго начальника: «Что, эти раскольники честные люди?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, государь сказалъ: «Если такъ, то пусть вѣруютъ чему хотятъ и носятъ сей козырь, и когда ихъ уже нельзя обратить изъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособятъ ни мечь, ни огнь, а мучениками за глупость быть, то они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ» [1]). Къ сожалѣнію, Петръ былъ въ этомъ случаѣ гуманнѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Правда, онъ не только не преслѣдовалъ Выгорѣцкой обители, которая уже сдѣлалась главнымъ свѣтиломъ раскольничьяго міра, но даже былъ милостивъ къ ея основателямъ, братьямъ Денисовымъ, и вообще не приводилъ въ исполненіе прежнихъ страшныхъ законовъ; онъ обложилъ только раскольниковъ двойнымъ окладомъ и обращалъ ихъ на работу, а за то позволялъ оставаться со своими убѣжденіями. Но это основное отношеніе, по тому времени довольно гуманное, стѣснялось другими строгими распоряженіями.

---

[1]) Голиковъ, III, 150.

Раскольники лишены были права быть выбранными въ общественныя должности, имъ запрещалось совершать свои требы, заводить скиты, а за обращеніе православныхъ въ расколъ ихъ ссылали въ каторгу. По учрежденіи святѣйшаго синода, расколоучители приглашались безбоязненно являться для состязаній о вѣрѣ; но они не рѣшались этимъ воспользоваться, потому что боялись и не довѣряли. Трагическая смерть Алексѣя Петровича сдѣлала Петра ненавистникомъ раскола, онъ видѣлъ въ немъ господство того старорусскаго духа, для искорененія котораго пожертвовалъ и сыномъ. Преслѣдованіе Петромъ бородъ, русскихъ одеждъ и вообще русскихъ обычаевъ, породило много недовольныхъ и между православными: общность интересовъ соединила ихъ съ раскольниками, и потому тогда ревностнѣйшіе приверженцы старины отпадали отъ церкви.

Отъ временъ Петра до Екатерины расколъ не пользовался свободой; преслѣдованія властей обращались преимущественно на его распространителей, и вообще тогдашняя внутренная политика въ этомъ отношеніи имѣла цѣлью охранять господствующую церковь. При Елисаветѣ было нѣсколько случаевъ самосожиганія. Но при Екатеринѣ настали для раскола совсѣмъ иныя времена. Эта государыня, проникнутая принципами французской философіи, обращалась съ раскольниками съ полною терпимостью. Прекращены были всякія преслѣдованія, позволено было свободное отправленіе богослуженія, снятъ съ раскольниковъ двойной окладъ; они допущены были къ должностямъ. Преслѣдовалось только самосожиганіе, которое у нѣкоторыхъ, впрочемъ у немногихъ, приняло характеръ суевѣрнаго догмата. Но по мѣрѣ большихъ льготъ, расколъ раздроблялся и развѣтвлялся. Уже давно расколъ разбился на двѣ главныя вѣтви: поповщину и безпоповщину. Первая думала сохранить священство, признавая его за тѣми изъ духовныхъ, которые отрекутся отъ православной церкви и согласятся служить по старому обряду; вторая, опираясь на томъ положеніи, что преемственная благодать пресѣклась измѣною Никона и его послѣдователей, считала совершенно невозможнымъ и священ-

ство и весь обрядъ богослуженія, принадлежащій, по уставу древней церкви, исключительно священникамъ. Безпоповщина, въ свою очередь, дробилась на секты и толки. Высшій классъ сталъ совершенно непричастенъ къ расколу; расколъ сдѣлался достояніемъ исключительно простого класса и купцовъ, которые по воспитанію, образу жизни и понятіямъ, усвоеннымъ отъ прародителей, мало разнились отъ простолюдиновъ, отличаясь отъ нихъ только богатствомъ. При томъ вліяніи иноземныхъ обычаевъ и понятій, какому подчинился высшій классъ и какое выдѣляло его изъ народа, русская народность, можно сказать, вся уходила болѣе и болѣе въ массу простолюдиновъ. Между раскольниками появлялись пастыри и учители, всѣ безъ исключенія люди простые, народные, научившіеся сами по себѣ, читавшіе всякаго рода духовныя книги и рукописи и собственнымъ умомъ доходившіе до разныхъ толковъ и системъ. Они то и были основателями сектъ и ученій. Образовывались братства и согласія. Между всѣми этими сектами и толками господствовала рознь. Безпоповщина и поповщина находились постоянно въ непримиримой враждѣ, не допускавшей уже и попытокъ къ соглашенію; безпоповскіе секты и толки, напротивъ, покушались согласить свои недоразумѣнія, но не достигали цѣли и чрезъ свои попытки только болѣе убѣждались въ разногласіи; но за то эти попытки и споры способствовали прогрессу умственной дѣятельности раскольниковъ.

II.

Развѣтвленіе раскола, не мѣшало ему распространяться на счетъ православія. Раскольникъ-простолюдинъ, особенно безпоповецъ, стоялъ выше простолюдина православнаго. Русскій мужикъ въ расколѣ получалъ своего рода образованіе, выработалъ своего рода культуру, охотнѣе учился грамотѣ; кругозоръ его расширялся настолько, насколько могло

этому содѣйствовать чтеніе священнаго писанія и разныхъ церковныхъ сочиненій, или даже слушаніе толковъ объ этихъ предметахъ. Какъ ни нелѣпы казаться могутъ намъ споры о сугубой аллилуіа или о восьмиконечномъ крестѣ, но они изощряли способность русскаго простолюдина: онъ мыслилъ, достигалъ того, что могъ обобщать понятія, дѣлать умозаключенія; такъ-называемые соборы, на которыхъ раскольники собирались спорить о своихъ недоумѣніяхъ, пріучали ихъ къ обмѣну понятій, выработывали въ нихъ общительность, сообщали ихъ уму бѣглость и смышленность. Сфера церковная была для нихъ умственною гимнастикою; они получали въ ней подготовку къ тому, чтобы имѣть возможность удачно обратиться и къ другимъ сферамъ. Отъ этого раскольники, не смотря на то, что долго были стѣсняемы, не смотря на то, что послѣ временной свободы для нихъ наступали періоды гоненій, не только не бѣднѣли, но постоянно собирали въ свои руки большую часть капиталовъ. Расколъ, во всѣхъ своихъ видахъ, болѣе или менѣе, имѣлъ аскетическій характеръ, а въ нѣкоторыхъ сектахъ аскетизмъ доводился до крайнихъ предѣловъ, напримѣръ: до отверженія брака, до исключительнаго отшельничества и самоистязанія. И однако, при такой проповѣди умерщвляющаго аскетизма, раскольникъ былъ трудолюбивъ, дѣятеленъ, смышленъ и предпріимчивъ въ мірскихъ дѣлахъ. Достойно замѣчанія, что самъ Денисовъ, основатель Выгорѣцкой обители, по видимому весь ушедшій въ постъ и молитву, былъ отличный знатокъ горнаго дѣла и потому оказался нужнымъ Петру. Разладъ между аскетизмомъ и успѣхомъ въ мірскихъ дѣлахъ доводилъ раскольниковъ до лицемѣрія; такимъ образомъ, мы видимъ, что проповѣдники безбрачнаго житія на самомъ дѣлѣ предавались разврату; но этого далеко нельзя сказать о всѣхъ вообще. Для многихъ—аскетизмъ, удалявшій ихъ отъ забавъ, праздности и житейской пустоты, былъ полезенъ, поддерживая трезвость и трудолюбіе. Къ чести раскольниковъ слѣдуетъ отнести и то, что они гораздо опрятнѣе въ домашней жизни и обходительнѣе въ обращеніи, а это есть

несомнѣнный признакъ высшей культуры; рѣдко изъ устъ раскольника исходитъ то срамословіе, которое напрасно нѣкогда хотѣли вывести цари и патріархи и которое до сихъ поръ повсюду раздается на стогнахъ и сонмищахъ. Раскольники составляли настоящія общины съ крѣпкою связью; всѣ они держались другъ за друга, помогали другъ другу. Бѣдные находили у своихъ пріютъ, средство къ труду и жизни. Богатые купцы-раскольники привлекали своими капиталами одновѣрцевъ и давали имъ средства къ благосостоянію, и нерѣдко такимъ образомъ увлекали и другихъ къ расколу. Взаимное довѣріе между ними образовалось въ высокой степени. Надобно замѣтить при этомъ, что вражда религіозная между сектами очень часто не переходила въ сферу житейскую. Раскольники, по сознанію самихъ православныхъ, отличались честностью, акуратностью въ дѣлахъ и добросердечностью въ житейскихъ связяхъ не только между собою, но и съ иновѣрцами. Одно слово раскольника было для его собрата тверже всякаго письменнаго договора. Между тѣмъ простолюдинъ вѣроисповѣданія православнаго, какъ его дѣды и прадѣды, очень часто отличался холодностью къ религіи, невѣжествомъ и безучастіемъ къ области духовнаго развитія. Грамотность у него была рѣдкость, тогда какъ, напротивъ, у раскольниковъ безпоповцевъ она была распространена. Духовенство XVIII-го и XIX-го вѣка, хотя и училось въ семинаріяхъ, но еще меньше оказывало нравственнаго вліянія на народъ, чѣмъ прежнее; народъ мало любилъ и уважалъ его. Подъ его духовною опекою православный простолюдинъ часто едва зналъ имя Іисуса Христа, тогда какъ раскольникъ читалъ священное писаніе, творенія св. отцовъ и имѣлъ понятіе о церковныхъ событіяхъ. Знакомые съ купеческимъ бытомъ въ нашихъ городахъ въ прежнее время, вѣроятно, согласятся, что православные купцы, если только они не получили образованія на европейскій образецъ, были менѣе развиты, чѣмъ купцы-раскольники, а потому въ рукахъ послѣднихъ, при ихъ смышлености, и скоплялись преимущественно капиталы.

Мы не согласимся съ мнѣніемъ, распространеннымъ у насъ издавна и сдѣлавшимся, такъ сказать, ходячимъ: будто расколъ есть старая Русь. Нѣтъ; расколъ—явленіе новое, чуждое старой Руси. Раскольникъ не похожъ на стариннаго русскаго человѣка; гораздо болѣе походитъ на послѣдняго православный простолюдинъ. Раскольникъ гонялся за стариною, старался какъ бы точнѣе держаться старины,—но онъ обольщался; расколъ былъ явленіе новой, а не древней жизни. Въ старинной Руси народъ мало думалъ о религіи, мало интересовался ею,—раскольникъ же только и думалъ о религіи; на ней сосредоточился весь интересъ его духовной жизни; въ старинной Руси обрядъ былъ мертвою формою и исполнялся плохо,—раскольникъ искалъ въ немъ смысла и старался исполнять его сколько возможно свято и точно; въ старинной Руси знаніе грамоты было рѣдкостью,—раскольникъ читалъ и пытался создать себѣ ученіе; въ старинной Руси господствовало отсутствіе мысли и невозмутимое подчиненіе авторитету властвующихъ,—раскольникъ любилъ мыслить, спорить, раскольникъ не успокоилъ себя мыслію, что если приказано сверху такъ-то вѣрить, такъ-то молиться, то стало-быть такъ и слѣдуетъ; раскольникъ хотѣлъ сдѣлать собственную совѣсть судьею приказанія, раскольникъ пытался самъ все повѣрить, изслѣдовать. Несправедливо осыпать его обвиненіями и глумиться надъ нимъ за то, что онъ, въ своихъ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ, нерѣдко доходилъ до нелѣпости или обрывался на ребячествѣ; онъ былъ лишенъ всякаго образовательнаго руководства; онъ вступилъ на свой путь съ бременемъ предразсудковъ, которые приросли къ его существу; онъ долженъ былъ самъ расчищать себѣ этотъ путь орудіями, слишкомъ первобытными, встрѣчая трудности и спереди и съ боковъ; ничто ему извнѣ не помогало, напротивъ, все ему препятствовало, все старалось поворотить его назадъ. Какіе бы признаки заблужденія ни представлялись въ расколѣ, все-таки онъ соединялся съ побужденіями вырваться изъ мрака, ум-

ственной неподвижности, со стремленіемъ русскаго народа къ самообразованію.

Но совершенно справедлива другая, также господствующая у насъ мысль, что расколъ поддерживается и прежде поддерживался отсутствіемъ народнаго образованія, и что просвѣщеніе есть единственное средство къ его искорененію. Въ то время, какъ лишенный всякаго внѣшняго руководства, погруженный въ глубокій мракъ, народъ сталъ въ формѣ раскола искать расширенія кругозора своихъ представленій и умственной дѣятельности, для высшихъ классовъ началось образованіе иное, европейское, научное, разностороннее. Между нимъ и тѣмъ своеобразнымъ народнымъ образованіемъ, которое создавалось чрезъ расколъ, была цѣлая пропасть. Низшая образованность никогда и нигдѣ не можетъ выдержать столкновенія съ высшею; признаки первой должны неизбѣжно исчезнуть, какъ ненужные, точно такъ, какъ свѣча, въ малой степени освѣщавшая большой покой и все-таки нѣсколько разгонявшая мракъ ночи, дѣлается ненужной, когда въ окно этого покоя засвѣтитъ солнце. Расколъ преслѣдовали юридическими и полицейскими мѣрами, но не думали замѣнить его для народа правильнымъ образованіемъ: такое преслѣдованіе было, въ сущности, покровительствомъ невѣжеству и мраку: расколъ въ борьбѣ съ нимъ выигрывалъ нравственно; онъ стоялъ хоть за какую нибудь, хотя очень слабую и блѣдную, образованность, тогда какъ его искорененіе могло только приводить къ полному уровню всеобщаго невѣжества. Но при столкновеніи съ наукою расколъ тотчасъ оказывается несостоятельнымъ: все, что онъ доставлялъ народу по отношенію къ умственному развитію, явится черезчуръ слабымъ, одностороннимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что, для той же цѣли, можетъ дать правильное образованіе, и все, на чемъ расколъ держится, какъ несогласіе съ господствующею православною церковью, все это, съ усвоеніемъ большей широты и вѣрности взгляда, покажется самимъ раскольникамъ до того лживымъ, мелочнымъ и безразличнымъ, что они сами, безъ всякихъ осо-

быхъ средствъ къ ихъ обращенію, откажутся отъ своихъ толковъ.

При такомъ взглядѣ на расколъ, какъ на своеобразный, хотя несовершенный и неправильный органъ народнаго самообразованія, его внутренняя жизнь составляетъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ исторіи. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ изучать раскольничью литературу, заключающую матеріалы для этого предмета. Она очень обширна и, не смотря на то, что вращается около религіозныхъ вопросовъ, она представляетъ достаточно разнообразія, начиная отъ ребяческихъ повѣстей о богомерзской табакѣ, о происхожденіи картофели и т. п., и кончая трактатами о значеніи брака и о моленіи за власти. Въ числѣ раскольничьихъ писателей конца XVIII и начала XIX вѣка — періода очень богатаго литературною дѣятельностью сектантовъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занимаетъ Павелъ Онуфріевичъ Любопытный, бывшій сперва въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ, пастыремъ или начетчикомъ поморской секты, терпѣвшій гоненія за свою ревность къ расколу въ царствованіе имп. Николая, и окончившій жизнь въ изгнаніи, въ глубокой старости. До сихъ поръ онъ извѣстенъ по каталогу раскольничьихъ сочиненій, напечатанному въ I книжкѣ Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей 1863 г. Это полнѣйшая, изъ извѣстныхъ намъ, перечень произведеній раскольничьей литературы съ краткими извѣстіями объ ихъ авторахъ, но далеко не обнимающая всю обширную письменность раскольничьяго міра. Въ своемъ предисловіи къ этому сочиненію онъ привелъ мотивы, побуждавшіе его къ составленію его, — «дабы вразумить невѣждъ и обуздать шумную ихъ буйность, кричащую, что старообрядцы есть сущіе невѣжды, что они о своей вѣрѣ и ея обрядахъ не имѣютъ никакого понятія, не знаютъ никакихъ наукъ, словесности и чужды образованія ума и сердца; чтобъ они, бѣдные, въ сихъ ложныхъ мнѣніяхъ опомнились и знали, что старовѣрческая церковь, отъ разсыпанія руки людей освященныхъ въ Россіи съ 1666 г., знаетъ совершенно предковъ своихъ православную вѣру, вѣруетъ по образу святыхъ

апостолъ и по духу Христовой церкви во всемъ безъ изъятія. И въ ней по количеству ея, хотя мало, впрочемъ, судя по обстоятельствамъ грубаго невѣжества и свирѣпаго тиранизма, было довольно просвѣщенныхъ мужей и словесной письменности». Въ числѣ писателей авторъ каталога помѣстилъ и самого себя, при этомъ не стѣсняется расхваливать свою собственную личность, какъ только могъ сдѣлать мужикъ, который кое-чему научился, кое-что перенялъ изъ признаковъ образованности, но не усвоилъ пріемовъ хорошаго воспитанія и избаловался поклоненіемъ его дарованіямъ, уму и перу, воздаваемымъ въ той средѣ, гдѣ онъ вращался. Онъ перечислилъ девяносто семь собственныхъ сочиненій, каждому изъ нихъ придавши какой-нибудь похвальный эпитетъ. Значительная часть того, что вышло изъ подъ его пера, относится къ вопросу о бракѣ въ поморской сектѣ и написано противъ ученія о невозможности быть браку въ истинной церкви, противъ такъ называемыхъ бракоборцевъ. Но кромѣ поименованныхъ въ его катологѣ сочиненій, въ наши руки попалось самое важное сочиненіе этого писателя подъ названіемъ: «Хронологическое ядро старовѣрческой церкви, объясняющее отличныя ея дѣянія съ 1650 по 1814 годъ». Это исторія старовѣрства, сколько намъ извѣстно, единственная по объему въ раскольничьей литературѣ. Рукопись, бывшая у насъ въ рукахъ—автографъ автора [1]). Онъ изложилъ событія по годамъ, и поэтому она имѣетъ видъ лѣтописи; въ своей хронологіи онъ нерѣдко, говоря о временахъ отъ него отдаленныхъ, впадаетъ въ невѣрности. По раздробленіи раскола, историкъ слѣдитъ преимущественно за дѣлами поморской секты, къ которой самъ принадлежалъ, а о событіяхъ, касающихся другихъ сектъ и толковъ, говоритъ короче. Онъ приводитъ нерѣдко указы и распоряженія правительства относительно раскольниковъ, повѣствуетъ о гоненіяхъ, которыя претерпѣвали раскольники, упоминаетъ о разныхъ дѣятеляхъ рас-

[1]) За сообщеніе этой рукописи приношу благодарность книгопродавцу, почтенному Д. Е. Кожанчикову.

кола, особенно о писателяхъ, обыкновенно подъ годомъ ихъ кончины, и перечисляетъ ихъ творенія, даетъ краткіе отзывы о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ дѣятелей, выражаясь похвальными или бранными прилагательными, указываетъ на вопросы, занимавшіе въ данное время раскольничье общество, описываетъ споры, бывшіе между раскольниками, иногда вскользь касается и предметовъ, мало имѣющихъ прямую связь съ расколомъ. Любопытный, въ своей исторіи, не отличается ни подробностями изложенія, ни полнотою, ни безпристрастіемъ, за то щеголяетъ риторикою. Время отъ Екатерины до конца описано гораздо подробнѣе; но здѣсь на первомъ планѣ стоятъ раскольничьи споры, въ которыхъ участвовалъ и самъ авторъ, съ эпохи Павла Петровича, и здѣсь-то исторія Любопытнаго представляетъ довольно богатый матеріалъ фактовъ. Для насъ, въ настоящую минуту, сочиненіе это драгоцѣнно, кромѣ сообщаемыхъ новыхъ фактовъ о временахъ XVIII и XIX вѣка, болѣе всего какъ образчикъ той своеобразной образованности, до которой могъ дойдти русскій простолюдинъ, предоставленный собственнымъ силамъ, поставленный въ разрѣзъ и съ тѣмъ, что выше, и съ тѣмъ, что ниже его по развитію.

Говоря о началѣ раскола, поморскій историкъ приводитъ подробное преніе Арсенія Суханова съ греческими патріархами. Арсеній, какъ извѣстно, былъ посылаемъ патріархомъ московскимъ Никономъ на Востокъ, для знакомства съ тамошними «православными обрядами». По возвращеніи въ отечество, онъ написалъ свое странствіе подъ именемъ «Проскинатарій». Но кромѣ этого сочиненія (въ настоящее время печатаемаго въ «Православномъ Собесѣдникѣ»), Арсенію приписывали раскольники преніе съ греческимъ духовенствомъ, на которомъ онъ, будто бы, обличалъ неправоту тѣхъ особенностей восточной церкви, которыя впослѣдствіи были введены Никономъ въ русской церкви. Это преніе вообще рѣдкость. Греческіе патріархи представляются какими-то крайними простаками, даже глупцами; они становятся въ тупикъ и смѣшное положеніе предъ смѣлыми доводами русскаго монаха. «Мнѣ, будучи россіянину,—говоритъ

имъ Арсеній,—неприлично одно и тоже слово десять разъ повторять какъ дитѣ». Главный предметъ состязанія—перстосложеніе. Греки не въ состояніи побѣдить Арсенія; они объявляютъ, что такъ какъ русскіе приняли вѣру отъ грековъ, то и должны во всемъ сообразоваться съ греками. «Чѣмъ вы святѣе и превосходнѣе во вселенной? — говорилъ имъ Арсеній,— развѣ Творецъ міра и евангелія у насъ не одинъ?»—Это преніе — чистый вымыселъ и не имѣетъ никакого фактическаго основанія.

Павелъ Любопытный, излагая далѣе исторію оппозиціи противъ Никона и его реформы, приводитъ также разныя небывалыя событія, выдуманныя раскольниками, но тѣмъ не менѣе очень важныя по нравственному вліянію, какое они оказывали на поддержку и укрѣпленіе раскола. Въ числѣ ихъ есть одинъ очень крупный вымыселъ. Это старообрядческій соборъ, бывшій будто бы въ 1664 г. въ Курженской обители, на Олонцѣ, на которомъ участвовалъ греческій патріархъ Аѳанасій (тогда уже умершій) и подписалъ протестъ противъ Никоновыхъ «новшествъ», вмѣстѣ съ нѣсколькими русскими архіереями (о которыхъ мы несомнѣнно знаемъ, что они пристали къ реформѣ); то были новгородскій митрополитъ Макарій и вологодскій архіепископъ Маркелъ. Въ опредѣленіи этого собора говорится: «Всѣ злочестивые Никона патріарха догматы и его преданія пріемлющихъ и чествующихъ оные утверждаемъ быти присно подъ отлученіемъ отъ Христа и предаемъ ихъ всѣ единодушно анаѳемѣ и всѣмъ клятвамъ, изображеннымъ на святыхъ вселенскихъ соборахъ и девяти помѣстныхъ». Этотъ вымыселъ чрезвычайно важенъ потому, что впослѣдствіи раскольники освящали и узаконяли свои мнѣнія увѣренностію, что въ первыя времена не только находились благоговѣйные русскіе архіереи, возставшіе противъ новшества, но даже и со стороны греческой церкви оказался протестъ въ лицѣ патріарха, которому впослѣдствіи въ Россіи воздавали почитаніе, какъ святому.

Описывая гоненія и касаясь самосожженій, историкъ-поморецъ считаетъ эти ужасныя явленія слѣдствіемъ «тиранства и

изувѣрства Никоніанъ» и прославляетъ такіе поступки, какъ подвиги благочестиваго мученичества. Первое самосожженіе онъ указываетъ въ нижегородской странѣ, въ курдемскомъ станѣ, куда убѣжали съ разныхъ сторонъ преслѣдуемые противники господствующей церкви. «Никоніане,—говоритъ онъ,—принуждали ихъ къ чтимости никоновыхъ догматовъ и налагали на нихъ тяжелыя оковы; тогда многіе христолюбцы, оставя вся благая, втайнѣ убѣгаютъ въ овины и другія подобныя мѣста, разнаго пола и возраста, и тамъ вожделѣнно жертвуются Христу огнесожженіемъ сами и возносятся ихъ святыя души въ чертоги небесные». За этимъ первымъ сожженіемъ слѣдуетъ рядъ другихъ; историкъ, однако, не привелъ всѣ намъ извѣстные случаи, и даже не описываетъ самаго крупнаго изъ нихъ —въ Палеостровскомъ монастырѣ; объ немъ онъ, какъ видно, по русской пословицѣ, слышалъ звонъ, не зная въ какой церкви звонятъ, потому что указалъ въ этомъ монастырѣ смерть протопопа Аввакума, будто бы добровольно предавшагося сожженію, тогда какъ этотъ расколоучитель былъ сожженъ по повелѣнію правительства въ Пустозерскѣ [1]).

О громкомъ и несчастномъ диспутѣ Никиты Пустосвята историкъ-поморецъ говоритъ безъ большого уваженія къ этой личности; онъ хотя и похваляетъ его за любовь къ вѣрѣ, но находитъ въ немъ тупость. «Коварная утонченность и острый оборотъ никоніанства, господствующая его сила и преклонность

[1]) Любопытный приводитъ слѣдующіе случаи самосожженія въ Сибири: въ Березовскѣ въ 1677 г. 2700 ч., въ Утяцкой слободѣ 400 ч., на рѣкѣ Нышмѣ 160 ч.; въ 1699 на Тѣгинкѣ 300 и въ Пермской области 500 ч. Потомъ — у него прерываются случаи самосожженія до времени императрицы Анны: тогда въ окрестностяхъ Каргополя сожглось 240 ч. Чрезъ нѣсколько лѣтъ въ томъ же краѣ погибло еще 400 ч., въ Олонецкомъ уѣздѣ сгорѣло до 3000 ч., въ нижегородскихъ предѣлахъ 600 ч. На рѣкѣ Умбѣ съ 38-ю ч. сгорѣлъ Филиппъ, основатель толка филипповъ, не желая, по требованію правительства, молиться за царей. Тогда раскольникамъ приходилось плохо отъ назначенной спеціально противъ нихъ коммиссіи: спасаясь отъ ея гоненій, погибло въ огнѣ 6000 ч. И сама Выгорѣція чуть было не сожглась

къ нему царющихъ Никитину тупость воображенія и скудное представленіе доказательствъ въ нѣкоторыхъ церковныхъ истинахъ ослабили и учинили мятущимся въ бодрствованіи возъотвѣтствія». За то съ большимъ участіемъ отзывается онъ о послѣднемъ стрѣлецкомъ бунтѣ. «Тлѣющаяся давно искра благочестія въ стрѣлецкихъ сердцахъ, нѣкогда потушенная страстями ихъ, паки нынѣ вспыхнула, вышла изъ подъ ига никоніанскаго и рѣшилась, не взирая ни на какія козни его, учиниться въ первобытномъ состояніи или души свои за нее положить. Стрѣльцы геройски слово свое соблюли во всемъ чисто; ихъ сотни тиранская рука никоніанъ поразила».

Судя по тому, что раскольниковъ привыкли считать вообще врагами заморскаго просвѣщенія, можно было бы ожидать, что поморскій историкъ, говоря о Петрѣ, выскажетъ ярое негодованіе противъ иноземныхъ наукъ. Нимало. Онъ сочувствуетъ наукѣ, онъ воздаетъ хвалу императору за академію наукъ; но онъ негодуетъ за насильственное бритье бородъ, за навязываніе русскимъ иноземныхъ одеждъ, за презрѣніе къ русской народности. «Россія, услыша сей ужаснѣйшій орканъ, поражающій каждаго Росса, вся восколебалась и оцѣпенѣла, будучи обезображается вѣра, самъ человѣкъ и хула происходитъ на сотворившаго насъ Бога совершенными. Все русское человѣчество наполнило своимъ стономъ весь прозрачный воздухъ, обливалось слезами, осыпало сей адскій предметъ проклятіями. Но благочестивые, не взирая на сіи жестокія угнетенія, воздѣвали священныя руки свои къ небесамъ, просили въ горестномъ рыданіи владѣющаго ими Бога, дабы Онъ по неизрѣченному своему милосердію, ихъ отъ толь звѣрскаго фанатизма защитилъ и отмстилъ бы по своему праведному суду». Въ другомъ мѣстѣ, говоря о послѣдовавшемъ запрещеніи торговать русскимъ платьемъ, историкъ восклицаетъ: «У философа этотъ фанатизмъ не будетъ ли варварствомъ и безчеловѣчіемъ». Коснувшись указа о наложеніи на раскольниковъ двойной подати, раскольникъ опять призываетъ философію на подмогу раскольничьимъ возрѣніямъ и разражается такою филиппикою: «Философія можетъ

созерцать въ своемъ предметѣ буйство царей, сколько они до лѣтъ премудрой Екатерины истребили въ Россіи рода человѣческаго, сколько сотъ тысячь разогнали своими варварскими законами въ иноплеменные языки своихъ подданныхъ! Все это видитъ мудрый! о цари, цари! Грубѣйшіе!» Любопытный особенную ненависть питаетъ къ архимандриту, а потомъ епископу Питириму, которому Петръ повѣрялъ дѣло обращенія раскольниковъ въ нижегородскомъ краѣ. Неудивительно, когда и по другимъ, не раскольничьимъ, источникамъ это былъ человѣкъ вовсе неспособный возбудить уваженіе и сочувствіе даже въ ревнителѣ православія честномъ человѣкѣ. Показывая видъ, что онъ дѣйствуетъ на раскольниковъ (бывшихъ нѣкогда своихъ единовѣрцевъ) путемъ кротости и убѣжденія, Питиримъ тайно возбуждалъ правительство къ жестокимъ мѣрамъ и просилъ, чтобы, преслѣдуя раскольниковъ, не допустили ихъ догадаться, что и онъ къ этому причастенъ. Съ такою же ненавистью Любопытный отзывается о коммиссіи, бывшей при Елисаветѣ и свирѣпствовавшей въ сѣверныхъ предѣлахъ. Тогда причисляли къ расколу всякаго, кто крестился двумя перстами. Оказалось, что Ладога, Каргополь, Олонецъ и вообще все Поморье употребляли двухперстное перстосложеніе. Въ 51 приходѣ нашли 52.000 раскольниковъ. Что эта коммиссія поступала жестоко и круто, показываютъ происходившія тогда самосожженія раскольниковъ. Но правительство побуждаемо было къ такимъ крутымъ мѣрамъ чрезвычайнымъ распространеніемъ раскола. Самъ раскольничій историкъ не отрицаетъ этого. Въ Петербургѣ, гдѣ прежде было какихъ-нибудь двѣнадцать человѣкъ, стало по словамъ его, до двѣнадцати тысячь старовѣровъ. Выгорѣцкіе отцы стали ѣздить по Россіи и вездѣ посѣвали расколъ, научая православныхъ не ходить въ церковь. Законъ преслѣдовалъ собственно «учителей благочестія и обличителей никоніанскаго зловѣрія», какъ величаетъ ихъ раскольничій историкъ, или распространителей заблужденій, какъ ихъ называла православная сторона; но такое преслѣдованіе дѣйствительно принимало широкій размѣръ и постигало гораздо большее число лицъ,

чѣмъ сколько можно полагать съ перваго взгляда. Во первыхъ—такихъ учителей стало очень много и число ихъ безпрестанно возрастало; во вторыхъ—преслѣдователи, часто для разныхъ цѣлей, не умѣли, иногда же и не хотѣли отличить: кто изъ раскольниковъ учитель и распространитель раскола, а кто просто—такъ себѣ—раскольникъ.

Жалуясь на преслѣдованія со стороны правительства, которыя не прекращались до самаго Петра III, историкъ нашъ, однако, вооружается противъ филиппоновъ и ѳедосѣевцевъ, которые, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ несогласій съ поморцами, отвергали моленіе за царей. Поморцы всегда держались того правила, что какъ бы ни страдала церковь отъ невѣрнаго правительства, но она всегда должна слѣдовать повелѣнію апостола Павла—молиться за всякую власть. Сообразно этому и П. Любопытный, если и дозволяетъ себѣ въ своей исторіи горькія выраженія противъ царской власти, то все-таки рѣдко, а тамъ, гдѣ цари не мѣшали расколу, всегда относится къ ихъ особѣ съ большимъ уваженіемъ. Такимъ образомъ, не смотря на то, что Елисавета преслѣдовала его единовѣрцевъ, онъ съ сочувствіемъ упоминаетъ объ основаніи ею московскаго университета, какъ одной изъ мѣръ къ народному просвѣщенію, и хвалитъ государыню за то, что она, «усмотря въ церквахъ нюхающихъ проклятый табакъ вельможъ и прочихъ званій людей и мерзкое отъ того безобразіе, запрещаетъ нюханіе табака въ церкви».

Привязанный исключительно къ поморской сектѣ Любопытный относится съ нелюбовью, а иногда съ презрѣніемъ къ другимъ сектамъ, видя въ нихъ плодъ невѣжества. Поморскій историкъ не доучился и не додумался до того, чтобъ вездѣ находить причины и связь явленій, хотя изъ его же лѣтописи достаточно видно, что раздробленіе раскола было явленіемъ вполнѣ законнымъ и неизбѣжнымъ; оно возникло и развивалось послѣ того, какъ расколъ совершенно выпалъ изъ рукъ духовныхъ, перешелъ въ народъ и началъ дѣлаться образовательнымъ элементомъ для простолюдина. Только за своими поморцами Лю-

бопытный признаетъ религiозную правду, да и то подчасъ хваля, а подчасъ и побранивая своихъ же учителей, смотря по тому—говорили ли они согласно или несогласно съ его собственными взглядами; все другое на Руси, хотя и раскольничье, въ его глазахъ мало чѣмъ лучше «суевѣрнаго, грубаго и невѣжественнаго никонiанизма». Болѣе всѣхъ и прежде всѣхъ достается поповщинѣ. Вотъ какъ онъ выражается объ этой половинѣ раскола:

«Суевѣрiе и грубое невѣжество старовѣровъ, воображающихъ въ умахъ своихъ полноту церковныхъ таинъ за необходимый предметъ спасенiя, убѣдили ихъ открыто уклониться отъ многихъ священныхъ истинъ, презрѣть голосъ блаженныхъ своихъ предковъ и признавать въ никонiанизмѣ во всѣхъ его церковныхъ тайнахъ бытiе св. Духа. Церковь Христова (то-есть поморская секта) по многократномъ ихъ врачеванiи, довольномъ терпѣнiи къ обращенiю и по частомъ отъ нихъ огорченiи, рѣшилась соборнѣ, по правиламъ святыхъ отецъ и здравомъ разумѣ, отринуть ихъ изъ своего нѣдра и предать сатанѣ, дондеже вразумятся, не имѣть съ ними никакого духовнаго сообщенiя и производимыя ими тайны вѣровать внѣ благодати и несвященными».

Но религiозный раздоръ господствовалъ въ безпоповщинѣ. Поморцы и ѳедосѣевцы образовали уже двѣ главныя ея вѣтви. Поморцы не считали у себя никого основателемъ, хотя братья Денисовы могутъ по справедливости назваться ихъ устроителями. Ѳедосѣевщина была расколомъ отъ поморства или просто безпоповщины. Основателемъ этого толка былъ Ѳеодосiй, крестецкаго яма дьячокъ, перешедшiй изъ православiя къ расколу. Убѣгая отъ преслѣдованiй, онъ переселился въ Польшу, потомъ возвратился въ Россiю и, послѣ многихъ странствiй, умеръ въ новгородской тюрьмѣ въ 1711 г. Любопытный повѣствуетъ, что онъ былъ убитъ запоромъ отъ дверей своей тюрьмы. Ѳеодосiй составилъ девять тезисовъ отличнаго ученiя и показалъ своимъ послѣдователямъ примѣръ и путь прибавлять еще новые, сообразно своимъ мудрованiямъ. Тезисы Ѳеодосiя относились къ

обрядамъ и внѣшнимъ знакамъ; онъ хотѣлъ, чтобъ на крестѣ писалось *Исусъ Назорей царь іудейскій*—такъ-называемое пилатово титло, запрещалъ служеніе всенощныхъ, не признавалъ существованія монашескаго образа, потому что за упраздненіемъ священства некому было посвящать, предписывалъ настоятелю или учителю читать надъ исповѣдывающимся и надъ умершимъ разрѣшительную молитву, дозволялъ молиться въ одномъ покоѣ съ внѣшними, то-есть не старовѣрами, требовалъ, чтобы на праздникъ Пасхи на возгласъ: «Христосъ воскресе», отвѣчая—«во истину воскресе», поднимали вверхъ руки, и упразднялъ земные поклоны во всѣ посты, кромѣ великаго. Объ этихъ вопросахъ былъ большой споръ у Ѳеодосія съ Андреемъ Денисовымъ, и споръ этотъ кончился тѣмъ, что Ѳеодосій, разсердившись, «отрясъ свою одежду, обувь и главу, и сказалъ: съ сего времени не имѣть мнѣ съ Выгорѣціею ни здѣсь въ мірѣ, ни въ будущемъ вѣкѣ, ни части, ни жребія!»

Это заклятіе сдѣлалось пророческимъ. Съ тѣхъ поръ раздоръ постоянно господствовалъ между этими вѣтвями безпоповщины. Недоумѣнія увеличивались, усложнялись. Кромѣ разныхъ мелочей, предметами спора было и болѣе существенное. Такимъ былъ вопросъ о бракѣ, самый, можно сказать, важнѣйшій вопросъ, надъ которымъ изощрялась раскольничья мудрость болѣе всего до послѣдняго времени. Сначала, какъ Ѳеодосій, такъ и выгорѣцкіе отцы, равнымъ образомъ учили, что бракъ, совершенный въ православной или, по ихъ выраженію, никоніанской церкви, недѣйствителенъ и переходящихъ изъ никоніанства въ старовѣрство, состоящихъ въ бракѣ, слѣдуетъ разводить на чистое житіе. Такъ какъ бракъ есть таинство, а таинствъ, которыя, по законоположенію древней церкви, могли совершать одни священники—разсуждали они—за упраздненіемъ священства, совершать некому, то слѣдовательно и брака быть не можетъ. Но потомъ Ѳеодосій сталъ думать иначе и допускалъ возможность брака. Его послѣдователи, напротивъ, стали горячо за безбрачіе. Роли, такъ сказать, перемѣнились. Между поморцами образовалось ученіе, допускавшее бракъ. Самъ Андрей Де-

нисовъ, сперва отрицавшій возможность брака, убѣдился, что безбрачіе ведетъ къ разврату и сталъ допускать бракъ въ староверствѣ. Любопытный, въ свое время горячій защитникъ брака, по этому поводу впадаетъ въ простодушное противорѣчіе себѣ самому: въ одномъ мѣстѣ называетъ Денисова столпомъ церкви, въ другомъ обвиняетъ его въ слабости ума.

Къ вопросу о бракѣ присоединялся еще другой, также существенный вопросъ — о моленіи за царей. Ѳедосѣевцы не хотѣли молиться за нихъ, какъ за невѣрныхъ. Съ ними раздѣляли это же правило, но еще съ большимъ фанатизмомъ, филиппоны, выдѣлившіеся изъ ѳедосѣевщины по причинѣ несогласія въ мелочахъ. Расколъ, расширяясь, распространилъ въ простолюдинахъ охоту къ чтенію и размышленію: отсюда истекало, что люди, болѣе другихъ мыслившіе, люди способные, признаваемые по своей учености пастырями и учителями, додумывались до разныхъ вопросовъ, писали объ нихъ, предлагали на разрѣшеніе, бросали, такимъ образомъ, новый матеріалъ для толковъ и сужденій и увеличивали недоразумѣнія и несогласія. Всякая попытка къ примиренію и соглашенію приводила къ большему раздѣленію. Такъ, въ 1748 году, нѣкто астраханецъ Иванъ Ивановичъ написалъ ко всѣмъ старовѣрамъ разныхъ толковъ посланіе, убѣждалъ хранить миръ и согласіе и бросилъ имъ на обсужденіе еще новыхъ двѣнадцать вопросовъ; изъ нихъ одни касались чисто внѣшности, напр , можно ли ѣдучи по дорогамъ молиться иконамъ «мірскимъ», или нужно брать свои съ собою, можно ли париться въ банѣ съ внѣшними и т. п. Но другіе предлагали разные случаи, касающіеся брака, напр. при совершеніи брака что слѣдуетъ брать за основаніе: согласіе родителей или самихъ новобрачныхъ; или, какъ поступать въ случаѣ браковъ, возникающихъ между поморцами и послѣдователями другихъ толковъ. По замѣчанію Любопытнаго, эти «вопросы произвели немалый соблазнъ, потому что рѣшить ихъ никакъ не съумѣли». Между поморцами и ѳедосѣевцами начались такъ-называемые соборы; съ той и съ другой стороны сходились учители; съ поморской стороны отличались тогда: Михаилъ Гри-

горьевичъ и саратовскій учитель Иванъ Өедоровичъ Ершъ, очень плодовитый писатель своего времени; съ өедосѣевской, сынъ основателя согласія — Евстратъ Өедосѣевичъ, жившій въ Старой Русѣ, гдѣ образовался въ то время главный притонъ этой секты, впослѣдствіи уступившій первенство московскому. Кромѣ него, славились тогда өедосѣевскіе писатели и мудрецы — Иванъ Трофимовичъ и Илья Ивановичъ: послѣдній былъ пастыремъ московскихъ өедосѣевцевъ. О пріемахъ, употреблявшихся въ то время при этихъ спорахъ, можно отчасти судить по разсказу Любопытнаго о томъ, какъ поступилъ глава өедосѣевцевъ, Евстратъ Өедосѣевичъ, когда къ нему въ Старую Русу пріѣхали поморцы состязаться о пилатовой титлѣ. Онъ наложилъ на своихъ старухъ шестинедѣльный постъ и молитвы, чтобы получить откровеніе свыше; пріемъ этотъ употреблялся въ древности не разъ; подобный постъ съ молитвами наложенъ былъ и въ «Смутное Время», чтобъ получить свыше указаніе, какъ спасти погибающее отечество. «Изувѣрство и ложь өедосіянъ— говоритъ Любопытный — открываютъ посредствомъ сихъ пустосвятокъ на воздухѣ химерическій въ звѣздахъ крестъ, изображающій на немъ титлу Пилата и вопіющій отъ него гласъ: подвижницы! пилатова титла пріята на крестѣ! Сія басня глупыхъ старухъ поразила өедосіянцевъ всѣ умы: она всѣхъ встревожила и разрушила священнѣйшій миръ между всѣмъ христіанствомъ». Въ это время явился съ своими литературными произведеніями стародубскій поморецъ Иванъ Алексѣевичъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей старовѣрства. Съ одной стороны онъ обличалъ поповщину въ своей извѣстной книгѣ: «О бѣгствующемъ священствѣ», съ другой—защищалъ бракъ противъ враговъ его въ безпоповщинѣ. Онъ, такъ сказать, регулировалъ ученіе о возможности брака, развивши мысль, что бракъ есть учрежденіе общечеловѣческое, общественное, а не исключительно церковное таинство.

Со вступленіемъ Петра III, а въ особенности Екатерины II, въ исторіи раскола начался новый періодъ — періодъ свободы. Доведя свою исторію до этого времени, авторъ представляетъ

картину раскольничьяго быта въ законченный періодъ гоненія и утѣсненія. Это одно изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ въ его сочиненіи, и мы считаемъ не лишнимъ привести его нашимъ читателямъ.

«Церковь Христова, находясь въ лютомъ гоненіи, имѣла образъ своего бытія въ своихъ положеніяхъ слѣдующій:

«1) Богослуженіе.

«Оное отъ нея всегда отправлялось вездѣ, кромѣ Выгорѣціи и Польши, въ праздничные дни, по псалтыри и часослову, тихо и благоговѣйно по домамъ въ ночное время и тайно съ тонкимъ ѳиміамомъ и немалымъ страхомъ, при опредѣленномъ у вратъ дома стражѣ, въ случаѣ появленія надзорныхъ фискаловъ. Церковь увѣдомлялась отъ него чрезъ извѣстный знакъ о своей отъ враговъ оныхъ опасности. По окончаніи же того богослуженія также въ ночное время всѣ расходились осторожно въ свои домы по одиначкѣ. Служебныя же всѣ книги и отличные святые образа и прочее къ сему предмету относящееся поспѣшно убираемы были въ двойныя стѣны своего дома.

«2) Пастыри или настоятели.

«Они, храня чистоту вѣры, всѣ были до настоящаго времени (т. е. до 1762 г.) незаписные въ двойной окладъ казны — мужи все странніе, простодушіемъ и добродѣтелію украшенные. Они, любя и созидая Христову церковь, безпрестанно скитались съ великою осторожностью и страхомъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, пріѣзжая къ паствѣ своей въ ихъ домы и отбывая изъ нихъ въ ночное время, проживая у нихъ въ тайныхъ мѣстахъ, дабы не могли узнать ихъ внѣшніе—никоніане. Они, во время своего бытія у паствы, совершали всѣ случающіяся нужныя въ церкви тайны и потребы.

«3) Похороны.

«Они тогда отправлялись въ христіанствѣ разнообразно: 1) въ бытность настоятеля весьма рѣдко — отпѣвались (умершіе) чиномъ потребника, и болѣе прочитывалось надъ умершими, по обстоятельствамъ, по нѣскольку давыдовыхъ псалмовъ, поминая въ нихъ при каждой славѣ имя усопшаго раба Божія. Все

сіе происходило въ ночное время съ великою осторожностію и страхомъ. По учиненіи прощенія родственниковъ съ умершимъ, его отправляли въ тужъ ночную темноту или на животномъ, или относили избранные люди на плечахъ въ постыдное и гнусное мѣсто на кладбище [1]), гдѣ просто, безъ священнословія, предавали со слезами его землѣ. 2) Если же когда случались умершіе въ отсутствіе настоятеля, то домашніе или существующіе тамъ христіане, положа началъ поклоновъ и славословія, учиняли всѣ вкупѣ по сту и болѣе поклоновъ въ поясъ, поминая при этомъ имя усопшаго раба Божія, и по прощеніи всѣхъ съ покойникомъ въ ночное время предавали его землѣ въ опредѣленномъ мѣстѣ благочестивомъ, либо гдѣ сокровенномъ, съ однимъ началомъ и малою молитвою. Когда же настоятель по случаю прибывалъ на мѣсто усопшаго, то отпѣвалъ оный въ страхѣ покойника. 3) Если же похороны бывали производимы по указамъ высшаго начальства, во время дня и на опредѣленномъ отъ правительства мѣстѣ, то, по исправленіи вышеозначеннаго обряда надъ умершимъ, везли его въ кладбище на гнусной сброѣ и животномъ, съ сидящимъ на гробѣ трубочистомъ, съ имѣющимся у него въ рукахъ помеломъ или шваброю: безобразясь, изрыгалъ скверный мірскія хулы на святую нашу церковь и покойника. Сіи варварскіе поступки продолжались надъ Христовою церковью въ столицахъ и губерніяхъ до 1762-го г., до открытія полной свободы благочестивымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позже.

«4) Состояніе бѣдныхъ христіанъ.

«Всѣ таковые горестные христіане, не имѣющіе силы вносить въ казну наложенный отъ изувѣрства тиранскій акцизъ за бороду и нѣмецкое платье, въ слезахъ и съ проклятіемъ виновниковъ сей мерзости, по примѣру нечестивыхъ никоніанъ, брились, ходили въ нѣмецкомъ по указу платьѣ и въ нико-

---

[1]) Непонятно, отчего съ участіемъ настоятеля хоронили умершаго «въ постыдномъ и гнусномъ мѣстѣ на кладбищѣ», а въ отсутствіи его «въ опредѣленномъ мѣстѣ благочестивомъ, либо сокровенномъ».

ніанскую церковь ко всякой службѣ, общаясь тамъ ихъ таинствамъ, по обычаю никоніанъ. Впрочемъ, замѣтьте твердость ихъ благочестія, что они все то дѣлали, отправивши у себя въ часовнѣ всѣ богослуженія, стоя при оныхъ въ сокрушеніи сердечномъ, назади христіанъ за преградою. При смерти же своей всѣ таковые падшіе христіане въ слезахъ и рыданіяхъ предъ пастыремъ или какимъ-нибудь христіаниномъ раскаявались во всѣхъ своихъ злыхъ дѣяніяхъ, а паче въ отступленіи отъ вѣры. Церковь же Христова, взирая на тиранскія обстоятельства никоніанизма, таковыхъ истинныхъ раскаянниковъ въ составъ свой принимала любовно, ихъ тѣла, яко лишенныя всякой скверны міра, достойно христіански отпѣвала и послѣ того доставляла ихъ никоніанскимъ жрецамъ, кои весь свой обрядъ погребенія производили и предавали ихъ землѣ въ своихъ кладбищахъ.

«5) Моленіе познавшихъ никоніанъ православіе.

«Они всегда ходили съ великою осторожностью ко всякому богослуженію, стояли въ сокрушеніи сердца въ молитвенныхъ домахъ за устроенною имъ преградою взади христіанъ, молясь тамъ по гласу, производимому въ церкви: просвѣщали свой умъ и душу. Нынѣ оныя простыя преграды давно уже существуютъ въ церкви въ благовидномъ образѣ.

«6) Общій обычай христіанъ.

«Они, всегда твердо соблюдая благочестіе: 1) во всѣхъ случаяхъ мерзили всѣ никоніанцевъ тайны; 2) отнюдь не сообщались въ ядени и питіи, а паче въ духовныхъ дѣйствіяхъ какъ съ никоніанами, такъ и съ поповщиною или старообрядцами; 3) входомъ въ ихъ церкви весьма гнушались; 4) въ случаѣ прохода своего мимо открытыхъ часовень всѣ уклонялись; 5) поморцы при богослуженіи своемъ всегда находились въ скромномъ покроѣ и цвѣтѣ платья, и ѳедосіянцы въ бѣлыхъ балахонахъ при уклоненіи разноцвѣтности; 6) въ народномъ кругѣ всѣ носили платье поносное и ругательное по изувѣрству изданныхъ законовъ; 7) все христіанство обращалось съ никоніанцами съ великимъ смиреніемъ и униже-

постію; 8) шили верхнее платье долгорукавое, дабы въ случаѣ изображенія на себѣ креста не могли замѣтить у нихъ двоперстнаго сложенія, а наче тогда, когда кто проходилъ въ Москвѣ сквозь спасскія ворота въ Кремль и лежащій при нихъ песокъ, взявши щепотью, полагали, перекрестившись ими, три поклона въ поясъ изображенному надъ вратами Спасову образу; 9) приходя въ домы христіанъ, полагали началъ поклоновъ или два въ поясъ, а третій до земли; 10) брачащіеся христіане, взирая на свои преступленія противъ благочестія, смирялись всегда предъ церковью во всѣхъ случаяхъ, а наче церковныхъ отношеній; 11) всѣ благочестивые христіане мѣста въ покояхъ, послѣ сидящихъ никоніанцевъ, обмывали или отирали ихъ мокрымъ веществомъ; 12) постыдные театры служили тогда для нихъ чудовищемъ беззаконія; 13) бѣсовскія и страстныя пѣсни, развратныя потѣхи, расточительная и пустая игра картъ и глупыя передвижки и перестановки шашекъ они все то признавали за самую непотребность злоправія, нарушеніе благочестія и правилъ св. отецъ; 14) духовные пастыри, взирая на обстоятельства церкви всѣхъ родовъ, всегда предписывали паствѣ своей догматы, обряды и правила назиданія души и сердца; 15) они всѣ строго выполняли христіанскія должности, какъ-то: церковный округъ ежедневно, посты, среду и пятокъ и всю нравственность».

Изъ этого описанія внутренняго быта раскольниковъ легко можно видѣть, что преслѣдованія, не достигая своихъ цѣлей въ пользу господствующей церкви, только порождали въ раскольникахъ хитрость и двуличность: кромѣ записанныхъ въ двойной окладъ, много было тайныхъ, наружно принадлежащихъ православной церкви, а на самомъ дѣлѣ державшихся раскола и для своего спасенія принужденныхъ, на каждомъ шагу, лгать, притворяться, каждаго обманывать, унижаться предъ сильными, а между тѣмъ, вращаясь между православными, они обращали многихъ изъ нихъ въ такихъ же тайныхъ раскольниковъ. Достойно замѣчанія, что, по извѣстію нашего историка, самые передовые раскольники, учители или

пастыри—были изъ незаписанныхъ въ двойной окладъ, слѣдовательно изъ тайныхъ раскольниковъ.

Историкъ-поморецъ восхваляетъ императрицу Екатерину. Раскольники не только стали пользоваться такою свободою, какой никогда на Руси не имѣли, но сама государыня спеціально охраняла ихъ отъ церковныхъ властей. Такимъ образомъ, остановлена была, по извѣстію нашего историка, ревность костромского епископа Дамаскина и нижегородскаго Ѳеофилакта. Раскольники уже не боялись никакихъ коммиссій, не скрывались съ своею вѣрою и обрядами. По милости государыни, въ Москвѣ и Петербургѣ они себѣ построили главные центры, такъ называемыя кладбища, которыя, кромѣ того, что были дѣйствительно мѣстомъ погребенія, образовали что-то въ родѣ монастырей или братствъ. Такъ ѳедосѣевцы въ Москвѣ построили себѣ кладбище Преображенское, поповцы Рогожское; въ Петербургѣ ѳедосѣевцы основали себѣ кладбище на Волковомъ полѣ, а поморцы на Охтѣ; въ Москвѣ поморцы хотя составляли многочисленную общину, но долго не имѣли своего центра и только въ началѣ царствованія Павла завели покровскую часовню въ Лефортовской части. Вмѣсто того, чтобы прятаться и отправлять богослуженіе ночью, раскольники отправляли его днемъ открыто, и даже въ Петербургѣ носили своихъ мертвецовъ черезъ весь городъ, «а никоніанство—замѣчаетъ нашъ историкъ—по старой злости только скрежетало зубами и хулы изрыгало на небо и на святыхъ». Въ концѣ царствованія Екатерины въ Петербургѣ поморскіе пастыри, подобно православнымъ священникамъ, стали вмѣстѣ съ крылошанами ходить по домамъ и славить Пасху. Впрочемъ, не смотря на такую свободу, раскольники не ранѣе 1782-го г. были совершенно освобождены отъ двойного оклада и только за годъ предъ тѣмъ были допущены къ общественнымъ должностямъ. Любопытный указываетъ на государственнаго человѣка, котораго совѣтамъ считаетъ раскольниковъ обязанными этимъ послѣднимъ благодѣяніемъ; то былъ, по его признанію, Яковъ Евфиміевичъ Сиверсъ, который въ концѣ царствованія Екатерины прославился испол-

неніемъ своего порученія въ Польшѣ во время гродненскаго сейма. Впрочемъ, хотя раскольникамъ и предоставлена была полная свобода, но за излишнюю ревность холмогорскій пастырь Онуфрій былъ посаженъ въ крѣпость, только содержался такъ некрѣпко, что могъ изъ своего заключенія писать фанатическія посланія къ единовѣрцамъ. Раскольники уже не «смиренно и не униженно» относились къ никоніанамъ, не притворялись предъ ними, а при случаѣ смѣло вступали съ ними въ состязанія и хвалились своими побѣдами надъ ними. Объ одномъ такомъ состязаніи, бывшемъ въ Москвѣ въ домѣ одного купца-раскольника, поморскій историкъ говоритъ такъ: «Отчаянно сражались о имени Искупителя міра, что его произносить правильно и благочестиво Исусъ, а не по заблужденію никоніанскаго изувѣрства: Іисусъ — троегласно. Не разъ та и другая сторона была ослабляема, а паче Никонова, наконецъ, православные (т.-е. раскольники) яко громомъ своимъ истиннымъ нечестивыхъ поразили, привели ихъ въ замѣшательство, поносъ и уничиженіе, и всѣ враги вѣры разошлись въ крайнемъ позорѣ и посмѣшищѣ». Въ Петербургѣ раскольники — поморцы и ѳедосѣевцы — вели успѣшно пропаганду между православными, благодаря тому, что, при отсутствіи средствъ къ образованію, очень много можно было найдти невѣждъ, которыхъ раскольники могли съ перваго раза подавить своею ученостію. Для этой цѣли послужило имъ также и наружное благолѣніе: ихъ часовни поражали нарядностью и вмѣстѣ стариною, внушавшею уваженіе; богослуженіе отправлялось великолѣпно и чрезвычайно чинно; они завели у себя отличныхъ пѣвцовъ и чтецовъ; все читалось и пѣлось у нихъ съ чувствомъ и выразительностію. Этимъ они, по выраженію историка — «обратили на себя взоры внѣшнихъ (т.-е. православныхъ): ихъ умы, бывшіе въ заблужденіи, просвѣщались и христіане умножали тѣми свои церкви».

Свобода содѣйствовала умственному движенію раскольниковъ. Нашъ историкъ приводитъ названія множества сочиненій, принадлежащихъ этому періоду: несомнѣнно, что тогда въ раскольничьемъ

мірѣ шла большая литературная работа. Центрами ея были преимущественно Выгорѣція, Москва, Петербургъ, но также въ другихъ городахъ: Саратовѣ, Воронежѣ, Нижнемъ, Стародубѣ, Архангельскѣ, и пр. появлялись писатели. Вообще, сочиненія ихъ носятъ форму посланій, словъ, произносимыхъ пастырями въ часовняхъ на праздники, разсужденій, описаній, возраженій, касающихся разныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ раскольничьемъ обществѣ, какъ по предметамъ нравственности и благочестивой жизни, такъ и по разнымъ частностямъ обрядовой стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у раскольниковъ развилась и сильно распространилась страсть къ диспутамъ, какъ съ православными, такъ еще болѣе между собою: то и дѣло, что повсюду происходили соборы или съѣзды и сходки; для этой цѣли охотники съѣзжались издалека; тутъ мудрецы, начетчики и остроумцы щеголяли своею находчивостью, ловкостью, ученостью, краснорѣчіемъ. Между раскольниками входило въ обычай писать стихи, нерѣдко сатирическаго содержанія, которыми они, послѣ своихъ религіозныхъ споровъ, кололи и осмѣивали другъ друга. Такимъ образомъ, въ Москвѣ, послѣ горячихъ споровъ поморцевъ съ ѳедосѣевцами, двое поморскихъ литераторовъ послали, безъ подписи, сатирическое рондо главѣ ѳедосѣевцевъ, Ковылину.

Страсть къ спорамъ, къ возбужденію вопросовъ, къ своеобразнымъ отвѣтамъ на нихъ—неизбѣжно содѣйствовала и дальнѣйшему дробленію раскола. Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ явилась важная секта «странниковъ», выдѣлившаяся изъ ѳедосѣевщины. Ея основателями были ярославскіе ѳедосѣевцы Иванъ и Андріанъ: они начали учить, что въ мірѣ настало время антихриста и царство его; двухглавый орелъ—его печать; гербовая бумага и паспорты — его изобрѣтеніе, а потому не слѣдуетъ брать ихъ, не должно записываться въ метрическія книги, надобно всѣми средствами скрываться отъ начальства, не слѣдуетъ вообще повиноваться предержащей власти и считать Россію отечествомъ. Это противоправительственное ученіе было развито другими писателями, а въ особенности старцемъ Евфи-

міемъ или Афимомъ, человѣкомъ съ большою начитанностью. Главное основаніе его мнѣній, выраженныхъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, состоитъ въ томъ, что не слѣдуетъ признавать никакого отечества, никакой власти, а должно быть гражданами всего міра. Средоточіе этой секты, впослѣдствіи разросшейся и видоизмѣненной, было въ селѣ Сопѣлкахъ, Ярославскаго уѣзда. Другіе толки, возникавшіе въ это время, не имѣли такого радикальнаго характера и часто касались только обрядовъ или внѣшнихъ знаковъ; напр., въ Архангельскѣ одинъ поморецъ, Игнатій Бѣглецъ, началъ учить, что не слѣдуетъ поклоняться литымъ створкамъ съ изображеніями двунадесятыхъ праздниковъ, и образовалъ среди поморцевъ особый толкъ. Въ главныхъ двухъ вѣтвяхъ безпоповщины—у поморцевъ и ѳедосѣевцевъ возникали разнорѣчія, которыя хотя и волновали умы, но не доводили до совершеннаго разрыва и до образованія отдѣльныхъ сектантскихъ корпорацій. Поморцы сильно несогласны были между собою на счетъ брака. Одни отвергали законность брака, признавая его исключительно таинствомъ, и въ этомъ сходились съ ѳедосѣевцами, своими врагами, по другимъ вопросамъ. Въ Выгорѣціи особенно было много такъ мудрствовавшихъ и опиравшихся на ученіе Андрея Денисова (къ концу, какъ говорятъ, измѣнившаго, однако, свой взглядъ). Другіе принимали бракъ за естественную обще-человѣчную институцію и доказывали, что бракъ можетъ существовать и безъ вѣнчанія. Третьи считали дозволительнымъ вѣнчаться во внѣшнихъ (православныхъ) церквахъ, но чрезъ то не думали вступать съ православіемъ въ духовное общеніе: таковы, по извѣстію нашего историка, были алатырскіе поморцы, которые въ Алатырѣ основали свое кладбище или братство. Въ сектѣ ѳедосѣевцевъ было еще болѣе разногласія. Одни, напримѣръ, сближались съ поморскимъ ученіемъ, хотя отчасти: допускали служеніе всепощныхъ, оставляли очистительныя молитвы надъ съѣстными припасами, покупаемыми на рынкахъ, оставляли пилатово титло и принимали надпись «царь славы»; другіе упорно держались этихъ особенностей. Одни не считали грѣхомъ

усвоивать входившіе тогда въ жизнь разные новые пріемы, и храня свою вѣру, не совсѣмъ чуждались православныхъ; другіе ратовали за фанатическое отчужденіе отъ всего, что несогласно было съ стариною. Московскою ѳедосѣевскою общиною направлялъ тогда богатый купецъ Ковылинъ; онъ былъ всемогущъ надъ совѣстію большинства своихъ единовѣрцевъ и умѣлъ внушить къ себѣ суевѣрное почтеніе; съ благоговѣніемъ и вѣрою слушали его, когда онъ разсказывалъ, что былъ вознесенъ до третьяго небесе и видѣлъ тамъ отшедшихъ отъ міра сего ѳедосѣевцевъ, украшенныхъ златыми вѣнцами. Но и ему нашлись противники и обличители. Когда на Преображенскомъ кладбищѣ онъ украсилъ часовню образами, писанными рукою лучшихъ художниковъ, ревнители старины кричали, что такимъ образамъ не слѣдуетъ молиться. Проповѣдуя безбрачіе, Ковылинъ жилъ въ свое удовольствіе, имѣлъ любовницу, ѣздилъ въ каретѣ, пилъ чай и кофе; тогда строгій Андрей Лазаревъ послалъ къ ему три тетради обличеній, но Ковылинъ отколотилъ его за это такъ, что бѣдный ригористъ пролежалъ три недѣли въ постелѣ. Въ концѣ XVIII вѣка, въ московской ѳедосѣевской общинѣ гремѣлъ противъ всего новаго Сергѣй Яковлевъ. Нашъ историкъ приводитъ очень любопытныя наставленія, которыя этотъ пастырь читалъ въ своей часовнѣ ѳедосѣевцамъ: «Не носите длинныхъ волосъ, а стригите подъ гребенку до ушей; ходите вездѣ сгорбившись и вытянувъ шею; шапка должна быть у христіанина большая, съ двумя разрѣзами напереди и назади, означая тѣмъ побѣду враговъ; всякое платье дѣлать въ три клина и по три пуговицы на передку, въ знакъ святыя Троицы, рукавицы нужно имѣть всякому долгія, едва не до локтей, дабы ими вооружаться сильнѣе противъ враговъ вѣры — никоніанъ и еретиковъ; кушакъ подпоясывать ниже брюха затѣмъ, что мы рождены изъ того; носить сапоги тупоносые старинаго покроя, дабы симъ удобнѣе было побѣждать враговъ и супостатовъ никоніанъ, папистовъ и прочихъ. Каждый, входя въ христіанскій домъ, долженъ полагать началъ семь поклоновъ, кланяться хозяину въ ноги, а хозяинъ долженъ отплачивать

приходящему тѣмъ же, говорить тихо и скромно, приговаривая притомъ: прости, Христа ради—согрѣшихъ! Каждый человѣкъ долженъ учить и утверждать одинъ другого, чтобъ строго исполнять правила своихъ наставниковъ, бывшихъ вчера и днесь, преступающихъ же укорять и отлучать отъ церкви. Всѣ гражданскія поведенія и благопристойности презирать и ненавидѣть, яко прелесть міра сего и діавольскія сѣти; беречься же должно, паче всего, яко змія и ехидны, чтобы не жениться, дѣвамъ и вдовицамъ замужъ не выходить и не ѣсть мяса. До обѣда и послѣ того орѣховъ не грысть и ничѣмъ не лакомиться, дабы тѣмъ беззаконіемъ не прогнѣвать Бога и не нарушать правилъ святыхъ апостолъ. Въ домахъ не держать самоваровъ, яко шипящую змѣю, дабы тѣмъ нечестіемъ не отчаять себя отъ Бога, по правиламъ седьми вселенскихъ соборовъ, кофею же не пить: Православные христіане! Страшно о томъ и говорить: онъ есть прямо ковъ и лукавство антихриста, онъ и въ Апокалипсисѣ семитолковомъ семь разъ проклятъ. Благочестивые слушатели! взирая на сіи клятвы и страшныя прещенія, Бога ради, поберегите свои души, сохраните строго и святите все мною сказанное вамъ: Богъ васъ сподобитъ за то царствія небеснаго. Аминь».

Нашъ историкъ-поморецъ называетъ все это суевѣріемъ. Дѣйствительно, поморцы были вообще развитѣе ихъ соперниковъ и жизненный кругозоръ ихъ былъ шире. Такимъ образомъ, поморцы совсѣмъ оставили старинную стрижку волосъ подъ гребенку и носили продолговатые волосы, не смотря на то, что враги ихъ ѳедосѣевцы и филиппоны называли такую прическу: антихристова шерсть. Многіе одѣвались даже въ европейскіе костюмы и усвоивали образъ жизни образованнаго круга. Какъ ни старался нашъ историкъ поставить и себя и свою секту выше тѣхъ правилъ, которыя преподавалъ ѳеодосійскій буквалистъ (такъ онъ называетъ подобныхъ мудрецовъ), но въ другомъ мѣстѣ, касаясь быта поморцевъ, онъ сдѣлалъ такое замѣчаніе: «Скудость вѣры такъ стала умножаться въ Россіи, что въ ней очень стали усиливаться французское воспитаніе, нѣмецкія моды и другія грубыя неправственности, и даже стали касаться

благочестивыхъ старовѣровъ. Выгорѣцкій киновіархъ Тимоѳей Андреевъ написалъ апологію противъ ношенія иноземнаго платья и прочихъ отступленій отъ древнихъ обычаевъ». Тѣмъ не менѣе достойно замѣчанія, что приверженность къ старинѣ, считаемая дѣломъ нравственности, не дѣлала поморцевъ безусловными врагами просвѣщенія. Одинъ изъ выгорѣцкихъ старцевъ, Андрей Борисовичъ, очень плодовитый писатель, составлялъ проектъ основать въ Выгорѣціи академію, но эта мысль не осуществилась, потому что вслѣдъ затѣмъ сильный пожаръ истребилъ это поморское святилище. Впослѣдствіи, самъ Павелъ Любопытный писалъ къ московскому поморскому пастырю Скочкову о необходимости учредить для юношества своей секты училища, «гдѣ бы преподаваема была вся словесность наукъ. Скоро бы появились у насъ божественные Платоны, Димосѳены и Ликурги! Тогда бы скоро церковь наша увѣнчана была покоемъ, множеніемъ, и враги благочестія не смѣли-бъ насъ унижать и дѣлать непріятельскія насилія и вѣроломства». Сообразно такому желанію, онъ вездѣ говоритъ съ большимъ сочувствіемъ о всякой мѣрѣ правительства, которая сколько-нибудь клонилась къ распространенію просвѣщенія въ народѣ.

Въ повѣствованіи нашего историка о временахъ Екатерины и Павла главное умственное движеніе раскольниковъ сосредоточивается около споровъ поморцевъ съ ѳедосѣевцами; преимущественно сценою этихъ споровъ было Преображенское кладбище. Рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы въ Москвѣ не происходили соборы. Долго самыми видными борцами на этихъ совѣщаніяхъ были со стороны ѳедосѣевцевъ Ковылинъ, со стороны поморцевъ—Ѳедоръ Аникинъ, чрезвычайно плодовитый писатель, написавшій болѣе трехсотъ тетрадей разныхъ сочиненій, а подъ конецъ измѣнившій поморскому ученію и перешедшій къ ѳедосѣевцамъ. Соборы эти, обыкновенно, ничѣмъ не оканчивались; и если случалось, что нѣсколько ѳедосѣевцевъ убѣждались поморскими доводами, за то несоглашавшіеся съ ними постановляли какое-нибудь правило отчужденія, въ родѣ назначенія тысячи поклоновъ эпитиміи въ наказаніе за сообще-

ніе съ поморцами. Но послѣ этихъ порывовъ злобы, соперники снова сходились на состязаніе, которое, какъ и предшествовавшія, не приводило къ соглашенію! Кромѣ споровъ объ отличіяхъ въ обрядахъ и внѣшнихъ пріемахъ, которые для насъ представляются черезъ-чуръ мелочными, главные предметы состязаній были и теперь, какъ прежде, вопросы о бракѣ, о моленіи за царя и объ антихристѣ; болѣе же всего спорили о бракѣ. Вопросы эти для умственнаго движенія были важны, потому что по существу своему побуждали раскольниковъ вдумываться въ важные предметы, касавшіеся связей общественнаго строя, человѣческой природы и человѣческой исторіи. Послѣ соборовъ, на которыхъ толковали объ этомъ, присутствовавшіе на нихъ пастыри и начетчики возбуждались заявить своему читающему обществу свои убѣжденія и изъясненія, и писали трактаты, возраженія, обличенія: это вынуждало ихъ вчитываться въ книги, знакомиться со многимъ; они должны были читать творенія св. отцевъ, исторію, по крайней мѣрѣ, русскую и византійскую, законоположенія церковныя и гражданскія, однимъ словомъ — они необходимо должны были многое читать и думать, и дѣйствительно, во многихъ сочиненіяхъ того времени, не смотря на ихъ односторонность, видна замѣчательная начитанность, а иногда остроумные и даже глубокіе выводы; другихъ, если изученіе и размышленіе приводили къ заблужденіямъ, то все-таки расширяли ихъ умственную дѣятельность. Сочиненія раскольничьихъ писателей переписывались, читались и служили въ разныхъ мѣстахъ поводомъ къ новымъ спорамъ, толкамъ, чтенію, размышленіямъ и къ новымъ писаніямъ. Этимъ путемъ внѣдрялся и укоренялся вкусъ и охота къ познаніямъ и умственному труду.

Мы считаемъ излишнимъ пересказывать со словъ нашего историка извѣстія о всѣхъ соборахъ, бывшихъ въ тѣ времена, тѣмъ болѣе, что они у этого историка излагаются кратко, однообразно и остаются безъ важныхъ результатовъ. Отличительною чертою нѣкоторыхъ соборовъ были выходки Ковылина, который вообще велъ себя такъ, что представляетъ для насъ

тинъ тѣхъ московскихъ самодуровъ, которыхъ такъ обезсмертилъ А. Н. Островскій въ образѣ Тита Титыча. Въ 1783 году, Аникинъ подалъ Ковылину двадцать обличительныхъ тетрадей, но Ковылинъ, въ бѣшенствѣ, въ присутствіи многихъ вліятельныхъ раскольниковъ, разодралъ ихъ, сжегъ и пепелъ развѣялъ. Въ 1788 году, на соборѣ, Аникинъ, отъ лица московскихъ поморцевъ, доказывалъ, что бракъ можетъ быть священнымъ безъ поповскаго вѣнчанія, если только есть сущность брака и если вступающіе въ бракъ обѣщаютъ быть вѣчно въ соединеніи. Онъ сослался на слова св. Писанія, что Богъ соединилъ, то человѣкъ не разлучаетъ. Ковылинъ закричалъ: «Чортъ васъ сочеталъ, а мы разлучаемъ! лучше туркою находиться, нежели нынѣ жениться; лучше женамъ сто разъ родить, да только за мужъ не выходить!» Послѣ этого ѳедосѣевцы положили новыя заклятія—не сообщаться съ поморцами; поморцы, толковали они, такіе еретики, что самое крещеніе, полученное ими, недѣйствительно и, въ случаѣ перехода поморца въ ѳеодосѣевщину, его надобно крестить какъ язычника. Но въ слѣдующемъ 1789 году опять былъ соборъ и на немъ опять состязаніе. Со стороны поморской отличался тогда Иванъ Филиповъ, считавшійся однимъ изъ ученѣйшихъ мужей; много было шума, крика, брани, но, какъ и прежде, не договорились ни до чего. По вопросу о бракѣ сама поморская община все еще раздѣлялась и разногласила. Московскіе поморцы вообще были за бракъ. Между московскими начетчиками пріобрѣлъ вліяніе, и своею личностію и своими сочиненіями, Василій Емельяновъ. Онъ у себя въ покровской часовнѣ открыто соединялъ бракомъ молодыхъ людей по вновь выдуманному чину. Но бракоборное направленіе находило себѣ опору въ Выгорѣціи, гдѣ киновіархомъ былъ строгій Архипъ Дементьевичъ. Выгорѣцкіе отцы составили соборъ и на немъ осудили Емельянова за произведеніе браковъ. Емельяновъ былъ человѣкъ уклончивый и ради мира, какъ онъ послѣ объяснилъ, подчинился приговору собора. Но вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ продолжать дѣлать свое, ѣздилъ по разнымъ городамъ, вездѣ установлялъ и совершалъ

браки. Его поступки сильно вооружили противъ него Выгорѣцію; тогда, въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, поднялась самая напряженная литературная полемика между поморскими писателями по этому вопросу. Въ числѣ защитниковъ брака отличались: архангелогородецъ Крыловъ, Иванъ Филипповъ, Гаврило Скочковъ, чугуевцы: Данило Никитинъ и Максимъ Дороѳеевъ, Тимоѳей Андреевъ, бывшій недавно на противной сторонѣ, воронежцы Данило и Михайло, которые простерли ожесточеніе противъ ѳедосѣевцевъ до того, что стали показывать недостаточность крещенія у ѳедосѣевцевъ для смытія первороднаго грѣха. Бракоборство защищали Архипъ Дементьевичъ, Григорій Ивановичъ, авторъ болѣе двадцати сочиненій о разныхъ предметахъ, Романовскій, Дунаковскій, петербургскій купецъ Долгій (владѣлецъ дома на Моховой, перешедшаго къ Пиккіеву, гдѣ была послѣ поморская моленья) и другіе. Толкуя о бракѣ, его защитники выдвигали другой вопросъ, болѣе общій и широко примѣнительный—«полнота ли только церковныхъ обрядовъ намъ небо доставляетъ, или кромѣ того, можно тѣмъ снабдиться, и при неимѣніи священства можно совершать непосвященному кое-что изъ обрядовъ, принадлежащихъ священному сану». Съ такимъ вопросомъ поморщина, исходя изъ строгаго буквализма, незамѣтно очутилась уже на грани широкой свободы протестантства. Емельяновъ, пытаясь примирить раздраженныя стороны и угодить обѣимъ, написалъ сочиненіе, въ которомъ восхвалялъ дѣвство, но требовалъ допущенія брачной связи для тѣхъ, которые не могли вмѣстить высокаго обѣта дѣвства. Полемика приводила къ побѣдѣ защитниковъ брака. Мало-по-малу Выгорѣція начала подаваться. Первый Тимоѳей Андреевъ, написавшій прежде нѣсколько бракоборныхъ сочиненій, объявлялъ, что признаетъ бракоборцевъ за еретиковъ, что бракъ необходимъ, только требовалъ всеобщаго собора для установленія способовъ его совершенія. Въ 1795 году, Архипъ Дементьевичъ объявилъ, что, боясь Бога, не считаетъ Емельянова еретикомъ и соединенныхъ имъ бракомъ христіанъ блудниками. Послѣ кончины Емельяно-

ва, заступившій его мѣсто въ Москвѣ Гаврило Скочковъ поѣхалъ въ Выгорѣцію и въ началѣ 1798 года воротился въ Москву съ мирнымъ посланіемъ, въ которомъ Выгорѣція изъявила согласіе свое съ московскою поморскою общиною по вопросу о бракѣ. На вѣчную память такого важнаго событія Выгорѣція прислала на евангеліи мѣдный крестъ со стихами [1]) и подписьми: «Архипъ Дементьевъ, Григорій Петровъ, Иванъ Афимовъ, Григорій Никитинъ 1798 года генваря 16-го». 2-го февраля 1798 года, поморцы въ Москвѣ, въ своей часовнѣ, торжествовали умиротвореніе своей церкви. Дѣйствительно, событіе это имѣло очень важное значеніе. Съ этихъ поръ признаніе брака стало признакомъ поморской вѣтви безпоповщинскаго раскола, сдѣлалось догматомъ вѣры положеніе, что «бракъ заключается не въ вѣнчаніи, которое можетъ и быть и не быть, а въ вѣчномъ обѣтѣ вступающихъ въ брачный союзъ, и что бракъ долженъ существовать вѣчно въ христіанствѣ, и та церковь не можетъ быть православною, которая не имѣетъ брака». Само правительство признавало браки, совершенные въ поморскихъ часовняхъ, состоятельными въ гражданскомъ смыслѣ.

Но вотъ опять начали находить черныя тучи на свободный бытъ раскольниковъ. Государь Павелъ Петровичъ сильно заботился о сохраненіи повсемѣстнаго благоговѣнія къ своей особѣ; не могло уйдти отъ него то обстоятельство, что ѳедосѣевцы и раскольники нѣкоторыхъ другихъ толковъ не молятся за ца-

---

[1]) Чтобъ показать образчикъ, какъ тогда писывали раскольники стихи, мы приведемъ эти стихи:

Во всѣхъ концѣхъ сіяетъ крестъ:
Имъ адъ попранъ, и рай отверзтъ;
Уязвленъ врагъ, стени лежитъ
И злоба вся во тьму бѣжитъ.
Крестомъ любовь вездѣ цвѣтетъ:
Любовныхъ всѣхъ та въ рай ведетъ,
Евангельски вѣщаетъ намъ:
Любовь имѣть всѣмъ лучше намъ,
Да славится въ насъ Богъ единъ
Согласно днесь и въ вѣкъ Аминь!

ря, да и самые раскольничьи соборы — эти шумныя и многолюдныя народныя сходбища, были не въ духѣ тогдашней внутренней политики. Уже вскорѣ по воцареніи Павла, ѳедосѣевскій пастырь Петръ Ѳедоровичъ началъ увѣщевать свою паству на Преображенскомъ кладбищѣ совершать моленія за царя. Ѳедосѣевцамъ такъ не понравилась такая новость, что они прогнали отъ себя этого пастыря. Но мало-по-малу раскольники стали узнавать и понимать духъ новаго царствованія. Начальство, дѣйствуя въ этомъ духѣ, постепенно давало раскольникамъ чувствовать тотъ гнетъ, отъ котораго они уже отвыкли въ предшествовавшее царствованіе. «Прекратился, — говоритъ нашъ историкъ, — находившійся на разныхъ мѣстахъ въ свободномъ образѣ звукъ сильныхъ состязаній о каѳолической вѣрѣ поморской и ѳедосіянской церкви, внѣшнихъ и поповщины; всѣ между собою нынѣ, по суровости высочайшей власти, приходятъ въ безмолвіе». Къ празднику Рождества Христова въ 1799 г., по прежнихъ лѣтъ обычаямъ съѣхались въ Москвѣ керженцы, стародубцы, иргизы и другіе раскольники славить Христа. Всѣ они должны были бѣжать изъ Москвы какъ можно скорѣе и благодарить Бога, что успѣли уйдти по-добру по здорову отъ какой-нибудь бѣды. Ѳедосѣевцы на Преображенскомъ кладбищѣ стали молиться за царя. Ковылинъ составилъ исповѣданіе вѣры, которое готовился подать правительству въ такомъ случаѣ, если бы отъ ѳедосѣевцевъ потребовали свѣдѣній и объясненій. Въ этомъ исповѣданіи онъ силился представить, что ѳедосѣевцы хранятъ догматы православной церкви, почитаютъ его императорское величество и его августѣйшую фамилію, молятся за нихъ и повинуются властямъ, постановленнымъ отъ государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предупреждалъ и просилъ своихъ единовѣрцевъ: если у нихъ станутъ спрашивать, всѣмъ одно говорить, что они молятъ Бога за государя. У поморцевъ, и прежде всегда совершавшихъ моленія за государя, теперь страхъ произвелъ то, что они начали поминать высочайшихъ особъ благовѣрными и благочестивыми: такъ по-

ступалъ Гаврило Скочковъ; но были такіе, что не одобряли таихъ титулованій.

Все это, однако, не отвратило отъ нихъ грозы, которая на нихъ находила. Императоръ не могъ терпѣть, чтобъ въ его государствѣ были люди, и притомъ русскіе люди, изъ которыхъ одни, какъ ему сообщали, вовсе не молятся за него, а другіе хотя и молятся, но все-таки считаютъ его, самодержца, невѣрнымъ. Нашъ историкъ говоритъ, что ноября 22-го (1800?) государь изъ любопытства посѣтилъ единовѣрческую церковь въ домѣ купца Малова и слушалъ обѣдню. Ему очень понравилось старинное богослуженіе; онъ приказалъ поставить на церкви главу и крестъ и велѣлъ протоіерею и пѣвчимъ обучиться служить и пѣть по старинному, а потомъ такое богослуженіе нѣсколько разъ отправлялось во дворцѣ. Тогда государю пришла мысль обратить всѣхъ раскольниковъ въ единовѣріе: казалось, не было болѣе причины имъ оставаться въ разладѣ съ церковью и властью; ни церковь, ни высочайшая власть не преслѣдуютъ ихъ старины, напротивъ, самъ государь оказываетъ ей любовь и уваженіе. Значитъ, одно упрямство и вражда къ власти ихъ удерживаетъ въ расколѣ. Къ тому же до него доходили непріятные слухи о раскольникахъ. Такъ, въ Лодѣйномъ-Полѣ былъ у ѳедосѣевцевъ споръ съ православнымъ протопопомъ и «отъ неумѣренной ревности» произошла драка. Это происшествіе, по замѣчанію нашего поморскаго историка, необыкновенное въ своемъ родѣ, было причиною многихъ бѣдъ и тѣсноты ѳедосѣевцамъ. По наговору, велѣно было жечь кельи «богорадныхъ» людей, живших подъ зависимостію купца Садофьева, въ Ладожскомъ уѣздѣ въ погостѣ Жаровѣ. Потомъ — были арестованы въ Петербургѣ вліятельнѣйшіе ѳедосѣевцы, купцы Косцовъ, Нѣшневскій, Лыковъ и другіе: ихъ принуждали принять единовѣріе. Нѣшневскій притворно согласился и былъ тотчасъ отпущенъ на свободу. Лыковъ хитростію, какъ говоритъ, не поясняя, нашъ историкъ, отбылъ въ Выгорѣцію. Косцову, послѣ безплодныхъ увѣщаній, обрили бороду, надѣли на него фурманское платье, а потомъ, когда и послѣ того онъ

остался непреклоненъ, посадили его въ крѣпость, гдѣ онъ и пробылъ до смерти Павла Петровича. Были и другія ссылки и заточенія. Любопытный упоминаетъ о поморцахъ Семенѣ Протопоповѣ и казакахъ Иванѣ Сухоруковѣ и Филиппѣ Марковѣ, сосланныхъ въ Соловецкій монастырь, какъ онъ выражается, «для отвращенія отъ правовѣрія къ злочестію никоновыхъ догматовъ». Донесено было правительству, что въ Выгорѣціи есть желаніе присоединиться къ единовѣрію. Капитанъ-исправникъ производилъ по этому поводу дознаніе, и въ ней не нашлось никого согласнаго. Тѣмъ не менѣе былъ посланъ туда чиновникъ и священникъ для увѣщанія. «Молитва и постъ избавили киновію отъ сей гибели. Попъ на половинѣ дороги пораженъ былъ нѣмотою и разслабленіемъ, чиновникъ же, видя себя въ такомъ знаменіи, перемѣнивъ свое намѣреніе, возвратился домой». Такъ разсказываетъ поморскій дѣеписатель, повторяя чудо, сочиненное раскольниками, которые, со временъ Аввакума, постоянно сочиняли о себѣ чудеса по древнимъ образцамъ. Вѣроятно, Выгорѣцію, какъ и многихъ другихъ, избавила скоро послѣдовавшая кончина Павла и иная внутренняя политика его преемника. То же спасло и московскихъ раскольниковъ. Ковылина, какъ богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго коновода раскольниковъ, потребовали въ Петербургъ, конечно съ цѣлію предложить ему принять единовѣріе, а въ случаѣ упрямства поступить съ нимъ, какъ съ Косцовымъ. Онъ отъ испуга заболѣлъ. Докторъ, по приказанію начальства, свидѣтельствовалъ его. По извѣстію нашего историка, уже московскому генералъ-губернатору данъ былъ ордеръ о составленіи коммиссіи для приведенія раскольниковъ къ единовѣрію или православію. Но этой коммиссіи не удалось составиться и работать.

Наступило царствованіе Александра I. Раскольники снова стали пользоваться свободою богослуженія, хотя вообще правительство нѣсколько строже, чѣмъ при Екатеринѣ, относилось къ завлеченію въ расколъ и къ соблазну православныхъ. Такъ, въ Петербургѣ ѳедосѣевскій пастырь на Волковомъ полѣ былъ преданъ суду за то, что обратилъ въ свою секту православ-

наго, да еще и крестилъ его; но онъ упорно запирался въ совершеніи такого поступка и былъ освобожденъ. Кромѣ того, правительство неблагосклонно относилось къ тѣмъ раскольничьимъ сектамъ и толкамъ, которые открыто становились во враждебное отношеніе къ власти. Таковы были странники: въ 1811 году, по словамъ нашего историка, отысканы были «сіи гнусныя исчадія ярославскаго развратника Яфима»; главнѣйшіе ихъ коноводы наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, другіе, послѣ наказанія, отправлены то на мѣсто жительства, то по монастырямъ для покаянія. Поморцевъ и ѳедосѣевцевъ не трогали, и такъ было двадцать пять лѣтъ. Историческое повѣствованіе Любопытнаго прерывается на 1812 году. Эту часть его историческаго сочиненія можно назвать его мемуарами, потому что онъ самъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ лицъ въ тогдашней исторіи раскола и часто говоритъ о самомъ себѣ. Лица, о которыхъ онъ упоминаетъ, большею частію тѣ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія или столкновенія; поэтому, здѣсь его способы воззрѣнія, относительно пристрастія, могутъ быть принимаемы не иначе, какъ съ осторожною критикою [1]).

Примиреніе поморскихъ защитниковъ брака съ Выгорѣцією, утвердивъ догматъ брака въ поморской сектѣ, не могло сразу привести къ единству понятій и пріемовъ всѣхъ поморцевъ, жившихъ разсѣянно въ разныхъ краяхъ Россіи и колебавшихся разными толкованіями. Нужно было довольно и времени, и умственнаго и письменнаго труда, чтобы согласить ихъ, научить и убѣдить. Поморцы издавна уже большею частью или признавали, или склонны были признавать бракъ и въ принципѣ и въ фактѣ; но мы упомянули о способѣ, возведенномъ въ

[1]) До какой степени нашъ историкъ зараженъ самохвальствомъ и высокимъ о себѣ мнѣніемъ, лучше всего показываетъ то, что онъ подъ 1771 годомъ записалъ такъ о своемъ рожденіи: «Всевышній Творецъ, хотя церковь свою—старовѣровъ, озарить и ся оградить отъ міра и въ мірѣ устроить, нынѣ, предопредѣленіе того и писатель сей церковной исторіи нарождается и съ Божіею помощью возрастаетъ».

правило алатарскими поморцами: этотъ способъ существовалъ и въ другихъ мѣстахъ съ разными видоизмѣненіями. Многіе, заключая бракъ между собою, не соблазнялись утверждать ихъ въ православной церкви вѣнчаніемъ, отнюдь чрезъ то не входя въ духовное общеніе съ православною церковью и дѣлая это безъ малѣйшаго благоговѣнія, для одной формы. Иные, пользуясь безнравственностью поповъ, напаивали ихъ до-пьяна и въ такомъ видѣ заставляли ихъ вѣнчать себя ночью, привозили съ собою церковное вино, чтобъ не оскверниться тѣмъ виномъ, которое дастъ имъ никоніанскій попъ, и ни въ какомъ случаѣ не позволяли этому попу «благословлять себя малаксою»; другіе же не вѣнчались вовсе нигдѣ, а подкупали поповъ и брали отъ нихъ свидѣтельства въ томъ, будто они вѣнчались, сами же для вида ѣздили по полямъ и по улицамъ, давая знать о себѣ, будто ѣдутъ куда-то вѣнчаться. «Но были — замѣчаетъ нашъ историкъ — и такіе сумасброды и нечестивцы, которые, прокленши все древнее благочестіе причащеніемъ никоніанской евхаристіи, вѣнчались въ церкви». Всѣхъ такихъ нужно было привести, такъ сказать, къ одному знаменателю, т.-е., чтобъ они совершали свои браки не иначе, какъ въ поморской часовнѣ, по обряду, нарочно для такихъ случаевъ сочиненному поморскими мудрецами. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ этой главной цѣли склонялись литературные труды.

Плодовитый въ писаніяхъ архангелогородецъ Крыловъ, Павелъ Любопытный и Адріанъ Сергѣевъ были тогда главными дѣятелями. Крыловъ писалъ посланія къ своимъ единовѣрцамъ, убѣждалъ ихъ признать бракъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были выработаны поморскими пастырями въ Москвѣ и скрѣплены согласіемъ съ Выгорѣціею, изъяснялъ «отъ святаго писанія и отъ здраваго разума» тайну брака, имѣя въ виду ту главную мысль, что бракъ заключается не въ обрядѣ, а въ сущности, вызывающей обрядъ, который, при разныхъ условіяхъ, можетъ быть и такимъ, и инымъ. Онъ также писалъ вопросы къ другимъ безпоповскимъ сектамъ, вызывая ихъ на объясненія, съ цѣлью убѣдить въ признаніи брака, путемъ

спора и обсужденія. Павелъ Любопытный издалъ свое «Брачное врачевство», сочиненіе очень распространенное въ свое время и, кромѣ того, писалъ другія сочиненія, между прочимъ также разные вопросы, обращенные къ другимъ толкамъ безпоповщины. Адріанъ Сергѣевъ, препираясь постоянно съ ѳедосѣевцами, написалъ большую книгу подъ названіемъ: «Руководство къ миру», которую всю наполнилъ выписками изъ твореній святыхъ отцовъ. Противъ нихъ писали ѳедосѣевцы и филиппоны;—продолжалась сильная полемика. Изъ филиппоновъ ратовалъ Алексѣй Подслѣповъ, написавшій опроверженіе на Любопытнаго. Между ѳеодосѣевцами, кромѣ многихъ другихъ, выказывался болѣе всѣхъ въ этой борьбѣ, попрежнему, Ковылинъ вплоть до своей смерти, случившейся въ 1809 году. Попрежнему, поморцы съ ѳедосѣевцами сходились на диспуты и послѣ нихъ обыкновенно съ обѣихъ сторонъ проявлялись болѣе рѣзкіе и ожесточенные признаки борьбы. Самъ Ковылинъ, однако, не задолго до смерти, въ спорѣ съ другимъ ѳедосѣевцемъ, Бумажниковымъ, нѣсколько сталъ-было мирволить бракамъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ, что слѣдуетъ крестить людей, рожденныхъ отъ браковъ, а Бумажниковъ называлъ такихъ дѣтей щенятами. По смерти Ковылина, при его преемникѣ Грачовѣ, вражда съ поморцами разгоралась еще сильнѣе. Ѳедосѣевцы крестили шесть человѣкъ, перешедшихъ къ нимъ изъ поморства, не дозволяли поморцамъ хоронить мертвецовъ на Преображенскомъ кладбищѣ, такъ что генералъ-губернаторъ долженъ былъ защищать права поморцевъ, и назначали по нѣсколько тысячь поклоновъ эпитеміи за общеніе съ поморцами.

Но признаніе брака въ томъ видѣ, въ какомъ облекли его въ догматъ поморцы, вело рано или поздно поморскую церковь къ важнымъ перемѣнамъ въ будущемъ. Поставивъ догматомъ, что бракъ существуетъ не по обряду, а по сущности, для которой обрядъ служитъ внѣшнимъ выраженіемъ или даже дополненіемъ, позволяя себѣ для этой цѣли составлять новые ритуалы (кромѣ брачнаго обряда сочинили еще чинъ освященія родильницъ), поморцы незамѣтно для самихъ себя отступили отъ

того буквализма, который лежалъ въ основѣ ихъ исключительнаго сектантскаго бытія. Поморцы, въ этомъ случаѣ, шагнули далѣе, чѣмъ тѣ, которыхъ они обвиняли въ новшествѣ. Господствующая церковь никогда не признавала своихъ членовъ, рожденныхъ въ ея нѣдрѣ, въ законной брачной связи, если эта связь не была освящена церковью по установленному чину, никогда не говорила, чтобы для христіанина, признающаго бракъ таинствомъ, бракъ могъ считаться одинаково священнымъ, еслибъ это таинство и не было совершено. Поморцы, выставляя себя ревнителями стариннаго православія и хранителями его буквы, не только признавали истиннымъ бракомъ такой, который не сопровождался буквальнымъ исполненіемъ предписываемаго обряда, но еще выдумали свой ритуалъ для совершенія брака лицами, необлеченными іерейскимъ саномъ, которому православная церковь исключительно предоставляла право совершать браки. Если можно было такимъ образомъ поступать съ однимъ изъ семи таинствъ, то рано или поздно додумались бы поступать подобно тому и съ прочими шестью. И въ самомъ дѣлѣ уже подготовлялось такое же полное преобразованіе съ таинствомъ священства, какое совершилось съ таинствомъ брака. Настолько, насколько раскольничьи безпоповскія секты составляли общины, имъ оказывалась нужда имѣть лицъ съ нѣкотораго рода первенствомъ передъ другими. При общественномъ богослуженіи необходимъ былъ главный чтецъ, нуженъ былъ наставникъ, который бы совѣтомъ, знаніемъ и нравственнымъ вліяніемъ поддерживалъ общину, разрѣшалъ вопросы и недоумѣнія; такой наставникъ естественно, само собою, пользуясь уваженіемъ, получалъ первенство и въ извѣстной степени власть. Отсюда-то возникло существованіе пастырей.

По описанію нашего историка, въ Выгорѣціи, имѣвшей видъ и подобіе монастыря, возведеніе пастырей въ ихъ достоинство со времени Андрея Борисовича стало совершаться съ особымъ чиномъ. При собраніи людей въ часовнѣ прежній, уже издавна признанный, пастырь давалъ новому благословеніе, возглашая:

«Богъ тя, чадо, проститъ и благословитъ въ сіе духовное правленіе»! Такимъ образомъ, пастыря ставилъ пастырь съ одобренія общины. Кандидатъ въ пастыри назывался ставленикъ, также какъ въ православной церкви назывались люди, готовые воспринять священнослужительскій санъ. Но въ другихъ мѣстахъ, по выраженію нашего историка, пастырь ставилъ самъ себя. Отличаясь отъ другихъ собратій репутаціею учености и благочестія, пользуясь общимъ уваженіемъ и, слѣдовательно, уже возвышаясь надъ прочими фактически, такой человѣкъ, обыкновенно старикъ, исполнялъ обязанность первенствующаго лица въ общественномъ богослуженіи, читалъ евангеліе, кадилъ, начиналъ и оканчивалъ чинъ такого и другого богослуженія, и такъ незамѣтно, безъ всякаго обряда возведенія, пользовался званіемъ пастыря, наставника. Иногда же община, по своему желанію, оглашала одного изъ своей среды пастыремъ. Тамъ же; гдѣ богатый раскольникъ, такъ-называемый вельможа, устроивалъ часовню у себя въ домѣ, — онъ же назначалъ и пастыря по своему произволу. Такихъ было много. Поморскіе пастыри уже присвоили себѣ такіе признаки, которые въ православной церкви принадлежали однимъ священникамъ. Пастыря называли: отецъ такой-то, батюшка; онъ благословлялъ, исповѣдывалъ и его исповѣди приписывали разрѣшительную силу; онъ вѣнчалъ и хоронилъ. Не доставало образовательнаго училища, гдѣ бы пастыри подготовлялись къ своему званію; въ силу этой подготовки они бы пріобрѣтали впослѣдствіи свое званіе съ правильными условіями: тогда институція священства явилась бы у поморцевъ, какъ и бракъ, въ преображенномъ видѣ; ихъ пастыри имѣли бы большое сходство съ протестантскими пасторами. Любопытный, разсказавши о существовавшихъ у поморцевъ способахъ поставленія пастырей, дѣлаетъ такое замѣчаніе на счетъ тѣхъ недостатковъ и злоупотребленій, которыя были въ поморской сектѣ: «Всѣ сіи чины открываютъ намъ простоту тѣхъ временъ и большой недостатокъ просвѣщенія. Пусть первая причина тому есть тиранизмъ изувѣрства Никона патріарха, но вторая того — немудрое правленіе церкви. Впро-

чемъ и неудивительно. Поелику не было тогда, какъ и нынѣ, образовательныхъ училищъ, не было почти и ученыхъ мужей, успокоевающихъ и украшающихъ церковь, какъ и нынѣ у насъ вездѣ, не было искусныхъ пастырей и они всѣ были оратаи, буквалисты, и то слабые. Нынѣ, слава Всевышнему и просвѣщенному вѣку, тиранства того нѣтъ, но къ крайнему сожалѣнію пастыри наши сущіе невѣжды, равно и попечители церковныхъ мѣстъ препабитые глупцы: они о догматахъ вѣры и о благочестіи не имѣютъ никакого понятія, вѣруютъ ощупью и содержатъ старообрядство только по одной привычкѣ. Ими владѣетъ одна роскошь. То въ такомъ безобразномъ правленіи можетъ ли быть что нибудь доброе? Можетъ ли доставить оно намъ общее благо?.. Какъ только одно непрерывное зло, поносъ, уничиженіе и гибель нашей церкви и ея благочестію! Нужны училища въ церкви, необходимы въ ней и мудрые мужи! А безъ сихъ — бѣда и горе церкви нашей! Впрочемъ, слабоумцы кричатъ: что, еслибъ наши богачи не были мудры и не знали бы благочестія, то бы они не могли у себя въ домѣ имѣть часовенъ и въ нихъ отправлять богослуженія! А того, бѣдные, не знаютъ, что то касается ни ума, ни общей пользы церкви, но одной личности богачей. А притомъ, сіи крикуны должны знать и то, что богачи тѣ моленныя содержатъ — не благимъ сердцемъ, а злымъ, только бы сею личиною святошества ослѣпить простой народъ, только бы тѣмъ пустосвятствомъ внѣдриться въ чужіе карманы, только бы симъ блескомъ доставить себѣ славу и насытить свои постыдныя прихоти».

Какъ ни противорѣчитъ эта тирада о невѣжествѣ раскольниковъ тому панегирику, который написалъ Любопытный въ предисловіи къ своему каталогу, но она есть плодъ возникшаго желанія сдѣлать пастырство правильнымъ учрежденіемъ посредствомъ образованія, и тѣмъ самымъ ученіе и самый строй своей секты поставить на твердомъ основаніи. До сихъ поръ собственно въ грамотности у поморцевъ недостатка не чувствовалось вовсе; если у нихъ и не было заведеній съ именемъ училищъ, то все-таки у нихъ было обученіе. Учили родители своихъ дѣ-

тей, учили пастыри и наставники, учили также женщины, особенно старыя дѣвы. Ученіе собственно ограничивалось умѣньемъ читать церковныя книги старой печати и отчасти писать. Каждый самъ развивалъ себя въ одностороннемъ религіозно-сектантскомъ направленіи чтеніемъ книгъ печатныхъ и рукописныхъ, бесѣдами, спорами, размышленіемъ. Тѣ, которые не видѣли ничего нужнаго въ ученіи, кромѣ этого религіозно-сектантскаго направленія, могли быть довольны такимъ порядкомъ самообразованія. Но люди, болѣе другихъ мыслившіе, желали, чтобъ ихъ единовѣрцы, особенно тѣ, которые занимали званіе пастырей, знали что-нибудь и побольше. Во первыхъ, они не могли не замѣчать, что религіозное обученіе подвержено было шаткости, случайностямъ; училъ кто хотѣлъ, какъ хотѣлъ; право на пастырское достоинство ничѣмъ не опредѣлялось; оттого слишкомъ чувствовался недостатокъ плотности въ сектантскомъ тѣлѣ, или церкви, какъ говорили они, отсутствіе строгаго единства ученія и ясности пониманія того, что признается и не признается. Чувствовалась потребность въ нормѣ, въ извѣстномъ однообразіи, потребность такого состоянія, въ которомъ поморецъ могъ бы дать себѣ отчетъ: на какомъ основаніи онъ признаетъ того и другого пастыремъ и почему считаетъ его способнымъ поучать другихъ, а послѣднихъ обязанныхъ слушать его и не слушать всякаго Этого можно было достичь только однообразнымъ обученіемъ, которое возможно только въ училищахъ. Кромѣ того, у поморцевъ возникала уже потребность учиться знаніямъ, состоящимъ и за рубежемъ ихъ религіознаго ученія. Какъ ни презирали они внѣшнихъ, но при столкновеніяхъ съ ними не могли спокойно слушать, какъ внѣшніе ихъ честили невѣждами; не могли не сознавать, что у внѣшнихъ есть люди, которыхъ кругозоръ гораздо шире и познанія разнообразнѣе, чѣмъ у мудрѣйшихъ раскольничьяго міра. Конечно, вращаясь въ кругу мужиковъ, мужикъ-поморецъ могъ справедливо утѣшаться своимъ умственнымъ превосходствомъ, но потолкавшись между людьми, получившими какое-нибудь образованіе, поморцу становилось стыдно, когда онъ не могъ вести

бесѣды о такихъ предметахъ, которые сдѣлались достояніемъ всеобщаго просвѣщенія, а ему оставались недоступными. Поморецъ начиналъ узнавать, что на свѣтѣ есть словесность и науки, и если этотъ поморецъ былъ самъ человѣкъ съ дарованіемъ и съ природнымъ влеченіемъ къ умственному развитію, то ему хотѣлось также знать то, что другіе знаютъ, и не ударить передъ «внѣшними» лицомъ въ грязь. Къ этому желанію побуждала его и честь его секты. Замѣтимъ, что ни въ какой другой сектѣ, происшедшей изъ древней оппозиціи противъ Никона, не могло, по преданію, такъ естественно возникнуть такого желанія, какъ въ поморской; поморцы были убѣждены, что ихъ присноуважаемые патріархи Денисовы были люди образованные не только въ смыслѣ религіозномъ, но и въ смыслѣ мірскихъ познаній. Мысль о заведеніи училищъ бродила въ головахъ передовыхъ поморцевъ уже въ царствованіе Екатерины. Мы уже упоминали, руководствуясь извѣстіемъ Любопытнаго, что еще Андрей Борисовичъ, выгорѣцкій киновіархъ, писалъ къ своимъ собратіямъ о необходимости завести академію въ Выгорѣціи. Любопытный еще въ XVIII вѣкѣ заявлялъ поморскимъ наставникамъ, что нужны училища, гдѣ бы поморское юношество поучалось словесности и всѣмъ наукамъ. Ту же мысль раздѣляли пастыри, почитаемые за умнѣйшихъ и ученѣйшихъ—Крыловъ, Емельяновъ, Скочковъ, Адріанъ Сергѣевъ и другіе. При имп. Александрѣ, петербургскій поморскій пастырь, Ѳедоръ Петровичъ Бабушкинъ и купецъ Мокій Ивановичъ Ундозоровъ подняли этотъ вопросъ и поручили Любопытному написать воззваніе къ поморской церкви, дабы каждый членъ ея подалъ помощь ради спасительнаго заведенія для образованія юношества. Затѣмъ, на Малой Охтѣ было положено основаніе часовнѣ и при ней заведенію, которое, по выраженію нашего историка, предназначалось «въ покровъ бѣдности и образованію юношества ума и сердца». Но этому начинанію почему-то пришлось оставаться благимъ намѣреніемъ. Сказавши, что Ѳедоръ Бабушкинъ и Мокій Ундозоровъ первые подали эту мысль, Любопытный подъ 1801 годомъ пишетъ слѣдующее:

«Любопытный, взирая горестнымъ окомъ на всѣ неустройства поморской церкви и ея общее невѣжество, сильно убѣждаетъ своимъ посланіемъ пастыря оной церкви Ѳедора Бабушкина, чтобъ онъ проснулся отъ грубаго невѣжества и возбудилъ съ собою всю паству къ заведенію при Выгорѣцкой часовнѣ (въ Петербургѣ) училища, ради образованія юношества и взрослыхъ предметамъ ума, вѣры и нравственности, причемъ превозносилъ его, Бабушкина, за такое предпріятіе превыше небесъ. Впрочемъ, Бабушкинъ, будучи рабъ страстей и окаменѣлый невѣжда, все убѣжденіе пренебрегъ и оставилъ вопіющій гласъ Любопытнаго».

Намъ непонятенъ такой оборотъ этого дѣла, но понятно то, что старые раскольники должны были очень осторожно и боязливо относиться къ такому предпріятію. Достойно замѣчанія и то, что самъ Любопытный, постоянно глумящійся надъ упорствомъ «сѣдышей», боявшихся просвѣщенія, Любопытный, всегда хвастающій своею любовью къ просвѣщенію, очутился, по отношенію къ нѣкоторымъ изъ своей собратіи, такимъ же консерваторомъ, какимъ, по отношенію къ нему, были порицаемые имъ сѣдыши. Въ то время, какъ Любопытный, Скочковъ, Адріанъ Сергѣевъ, Крыловъ и другіе хотѣли заведенія училищъ и правильнаго образованія юношества, нашлись между поморцами люди, которые стали вводить въ жизнь такіе признаки и проповѣдывать такія правила, которыя рано или поздно явились бы въ числѣ послѣдствій этого образованія. Это была партія поморцевъ въ Москвѣ, составившая кружокъ около пастыря Никифора Петрова. Сначала ихъ направленіе выказалось послабленіемъ той строгости, какую поморская секта по старинѣ должна была соблюдать съ цѣлію возможно-большаго отчужденія отъ внѣшнихъ и отъ всего жизненнаго быта, усвоиваемаго православными. Стали допускать къ общенію въ часовнѣ и въ домашнемъ быту тѣхъ изъ своей братіи, которые, по раскольничьему выраженію, «мирщились», т. е. вступали въ дружественныя и родственныя связи съ «внѣшними», или увлекались такими пріемами жизни, которые порицались

раскольничьимъ благочестіемъ, въ родѣ ношенія иноземнаго платья и т. п., и не подвергали такихъ прежде бывшимъ въ подобныхъ случаяхъ эпитимьямъ. Затѣмъ, Никифоръ Петровъ сталъ учить, что не слѣдуетъ вовсе питать вражды къ иноверцамъ; что тѣ, которыхъ называютъ еретиками, могутъ быть благовѣрны и благочестивы, можно свободно, безъ страха эпитимій, вступать съ ними во всякое общеніе, заключать родственныя связи, крестить дѣтей, допускать въ свою моленьню наравнѣ съ своими, кадить ихъ ладаномъ, давать имъ свѣчи во время погребеній, какъ и своимъ, и вообще относиться ко внѣшнимъ также, какъ и къ своимъ; можно носить иноземное и какое угодно платье, и въ часовнѣ ввести нарѣчное пѣніе, а не только одно хомовое. Онъ училъ, что всѣ—одинаково равны; пастырей не должно быть: всѣ получили одинакую хиротонію; исповѣдь также можетъ существовать въ смыслѣ совѣтничества, а не полновластія отпускать грѣхи. Онъ отвергалъ бытіе антихриста; это—долженъ быть «звѣрь о многихъ головахъ и съ преужаснымъ хвостомъ». Проповѣдь Никифора Петрова дѣйствовала увлекательно. Уже прежде въ головахъ нѣкоторыхъ поморцевъ отчасти бродило то, что Никифоръ облекалъ въ ученіе, клонившееся къ совершенному преобразованію въ правахъ и взглядахъ поморцевъ. «Лѣтъ за пятнадцать—пишетъ Любопытный—было въ Москвѣ у поморской церкви глупое и нечестивое мнѣніе въ разсѣянности, токмо въ нѣкоторыхъ глупыхъ и развратныхъ умахъ. Нынѣ же, по пущенію Божію, все то зломудріе соединилось и составило сихъ лжеумцевъ цѣлое скопище». Противъ Никифора поднялся и сталъ писать Адріанъ Сергѣевъ, наставникъ, пользовавшійся репутаціею ученаго мудреца, а за нимъ и Любопытный объявилъ письменную войну «лжеучителю», какъ они называли Никифора. Но Никифоръ не поддавался. Его кружокъ возрасталъ. Скочковъ и Адріанъ Сергѣевъ, не довольствуясь обличительными словами, поражали его и сатирою; они—говоритъ Любопытный—написали разительные стихи противъ Никифора и издали подъ именемъ: «Модный старообрядецъ». Сергѣевъ

и его партія не сообщались съ Никифоромъ и его кружкомъ, ни въ богослуженіи, ни въ трапезѣ, но Бабушкинъ снисходительно относился къ Никифору, хотя и не приставалъ къ нему открыто, и за то, въ исторіи Любопытнаго по этому поводу получилъ названіе необразованнаго и суевѣра, титулъ, который очень щедро раздаетъ своимъ противникамъ нашъ историкъ.

Намъ кажется, явленіе Никифора Петрова можно признать естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшаго развитія поморской секты.

Тѣ, которые на него ополчились, а сами показывали желаніе заведенія училищъ и водворенія просвѣщенія между своими единовѣрцами, не замѣчали, что такое желаніе вызываетъ то, чего сталъ требовать Никифоръ. Учиться словесности и всѣмъ наукамъ, чего хотѣлъ Любопытный съ товарищами, и оставаться въ строгой замкнутости и враждебномъ отчужденіи отъ остальнаго русскаго міра, изъ котораго единственно могли поморцы получать элементы для желаемаго просвѣщенія—было совершенно невозможно. Желать просвѣщенія и желать пробить скорлупу, въ которую заключились поморцы, и которая окрѣпла отъ нѣкогда бывшихъ преслѣдованій — было, по здравому смыслу, одно и тоже.

Ѳеодосійская секта продолжала также, какъ и поморская, производить писателей и учителей. Между ними, въ началѣ XIX-го вѣка, славился вышневолоцкій пастырь Никита Марковъ тѣмъ, что успѣлъ въ Тихвинѣ пріобрѣсть до трехъ сотъ новыхъ прозелитовъ; въ Петербургѣ Герасимъ Никитинъ написалъ сочиненіе объ антихристѣ и Энохѣ;—хотя поморецъ-историкъ отзывается объ немъ съ презрѣніемъ, но сознается, что это сочиненіе было распространено и пользовалось большимъ уваженіемъ у ѳедосѣевцевъ. Къ ѳедосѣевскимъ писателямъ этого времени слѣдуетъ причислить Якова Холина, который, кромѣ многихъ сочиненій, написалъ и издалъ доказательства того, что Наполеонъ былъ антихристъ, предвозвѣщенный въ Апокалипсисѣ.

Но ѳедосѣевская секта, по прежнему, дѣлилась. Эта секта,

какъ уже было показано, началась въ видѣ отколка отъ поморской, а отъ этого отколка начали отпадать части, образовавшія другіе толки и секты. Нашъ историкъ указывалъ на филипповъ и странниковъ, но намъ извѣстны изъ другихъ источниковъ еще нѣкоторые, напр. спасово согласіе, онисимовцы, самокрещенцы и т. п., происшедшіе также изъ ѳедосѣевщины. Филиппоны (иначе, филиповцы), по извѣстіямъ нашего историка, въ разныхъ мѣстахъ въ свою очередь дробились и образовали этимъ дробленіемъ особые толки, которые пытались сходиться и соглашаться между собою; иногда имъ это удавалось, но почти всегда они послѣ опять расходились. Въ тѣ годы царствованія Александра I, которые вошли въ исторію Любопытнаго, происходили еще новыя отпаденія отъ ѳедосѣевщины. Такъ, въ Петербургѣ у гостиннаго двора была часовня подъ названіемъ пѣшневской. Ея пастырь Евфимъ Артемьевъ, по своему мягкосердечію, сталъ принимать въ общеніе тѣхъ изъ своей секты, которые вступали въ бракъ; хотя онъ собственно не признавалъ законности брака и не оставлялъ безъ церковныхъ наказаній или эпитимій вступившихъ въ бракъ, но эти эпитиміи у него были легкія; кромѣ того, онъ крестилъ младенцевъ, рожденныхъ отъ такихъ браковъ. Это взволновало строгихъ петербургскихъ ѳедосѣевцевъ, упорно стоявшихъ за безбрачіе. Они написали противъ него соборное посланіе, съ приложеніемъ рукъ многихъ единовѣрцевъ, и послали на обсужденіе въ московскую ѳедосѣевскую общину. Московскіе ѳедосѣевцы, послѣ долгаго совѣщанія, написали, въ свою очередь, соборное посланіе къ петербургскимъ ѳедосѣевцамъ съ рѣшеніемъ — отлучить Евфимія и предать сатанѣ. Тогда Евфимій, съ своими приверженцами, отложился отъ ѳедосѣевщины и составилъ свою особую церковь подъ именемъ пѣшневской. Подобное произошло и въ Псковской губерніи: въ городѣ Псковѣ и въ окрестностяхъ его въ Загорскомъ Ямѣ, ѳедосѣевцы, по подобію поморцевъ, стали совершать у себя браки въ часовнѣ; когда вѣсть объ этомъ распространилась, ѳедосѣевцы отлучили отъ своей церкви какъ

устроителей этихъ браковъ, такъ и вступавшихъ въ такіе браки; и тѣхъ и другихъ предали сатанѣ. Отверженные составили изъ себя особое религіозно-общинное тѣло.

Въ 1810-мъ году, въ Петербургѣ образовался совсѣмъ противнаго рода расколъ отъ ѳедосѣевщины. Петербургскій купецъ Василій Кузьмичъ Аристовъ, ѳедосѣевецъ, вознегодовалъ на свою собратію за то, что, по его мнѣнію, недостаточно сурово относились къ тѣмъ, которые, принадлежа къ ѳеодосійскимъ общинамъ, вступали тѣмъ или инымъ способомъ въ бракъ. Кромѣ того, онъ ставилъ имъ въ вину и то, зачѣмъ они здравствуются съ внѣшними, кланяются имъ, поздравляютъ съ праздникомъ и говорятъ имъ привѣтствіе: «Богъ помочь». Аристовъ съ кружкомъ тѣхъ фанатиковъ, которыхъ удалось ему собрать около себя и привлечь къ своему толку, отложился отъ ѳедосѣевщины и основалъ особую секту, подъ названіемъ аристовщины. Нашъ историкъ, Павелъ Любопытный написалъ противъ него обличительное сочиненіе, подъ названіемъ: «Аристово заблужденіе». Какъ ни старались ѳедосѣевцы утвердить бракоборство, какъ ни проповѣдывали дѣвственную чистоту, смотря сквозь пальцы на проявленія грубой животной природы, у иныхъ брала перевѣсъ и природа нравственная: гнушаясь развратомъ, прикрываемымъ маскою дѣвственной чистоты, они вступали въ бракъ различнымъ образомъ, часто безъ всякихъ внѣшнихъ обрядовъ, условившись называть другъ друга супругами и живя семейнымъ образомъ; иногда браки заключались и съ такими лицами, съ которыми брачный союзъ воспрещался по древнимъ церковнымъ правиламъ, напримѣръ, съ двоюродными сестрами. Въ глазахъ ѳедосѣевцевъ, всякая брачная связь—совершаема ли она была противно издавна принятымъ степенямъ родства или свойства, или же не нарушала ихъ—одинаково была преступна. Пастыри подвергали такихъ лицъ церковному наказанію и приказывали имъ расходиться; но они, не желая выступать изъ церкви, ими признаваемой, несли эпитиміи, однако не расходились и продолжали пребывать въ супружескихъ отношеніяхъ; рожденіе

дѣтей обличало ихъ въ этомъ и пастыри снова подвергали ихъ эпитиміямъ; и такъ жили они, не расходясь, и отбывая разныя эпитиміи за свою брачную жизнь. Отъ большаго или меньшаго фанатизма ѳедосѣевскаго пастыря зависѣла большая или меньшая степень наказанія, и вотъ этотъ-то вопросъ: о степени достодолжнаго наказанія за брачное житіе,—служилъ у ѳедосѣевцевъ предметомъ безконечныхъ споровъ и породилъ множество разныхъ писаній.

Кромѣ вопроса о бракѣ и наказаніяхъ, слѣдуемыхъ за вступленіе въ бракъ, поводомъ къ волненіямъ внутри ѳедосѣевской секты былъ вопросъ о моленіи за царя. Ѳедосѣевцы, какъ мы уже говорили, издавна отвергали моленіе за государя, по ихъ понятіямъ, невѣрнаго и неблагочестиваго, и часто состязались объ этомъ предметѣ съ поморцами, которые окрестили такое ученіе «галилейскою ересью». Но при императорѣ Павлѣ ѳедосѣевцы прониклись такимъ страхомъ, что стали, скрѣпя сердце, на Преображенскомъ кладбищѣ произносить моленіе за царя при своемъ общественномъ богослуженіи. Павла не стало. Гроза миновала. Ѳедосѣевцы хотѣли возвратиться къ старинѣ, но между ними нашлись такіе, которые считали лучшимъ допустить навсегда моленіе за царя. Главнымъ проповѣдникомъ этой реформы былъ Яковъ Холинъ. Онъ не только писалъ противъ галилейской ереси, но разъѣзжалъ по Россіи и вездѣ убѣждалъ своихъ единовѣрцевъ принять моленіе за царя въ общественномъ богослуженіи. Такимъ образомъ, кромѣ Москвы и Петербурга, гдѣ безпрестанно гремѣла его проповѣдь, онъ посѣщалъ Ярославль, Стародубъ, Ригу и вездѣ дѣйствовалъ болѣе или менѣе успѣшно. За то въ общинѣ Преображенскаго кладбища противники его дѣлали фанатическія заявленія, какъ противъ моленія за царя, такъ и противъ брака. Ѳедосѣевецъ купецъ Лаврентій Ивановичъ Осиповъ—говоритъ нашъ историкъ—«хитростію беретъ у ѳеодосѣевскаго художника зловѣрную и мерзкую книгу ѳеодосіянскихъ пастырей и учителей, видитъ въ ней написанное богомерзкое ихъ ученіе о таинствѣ законнаго брака, несносныя хулы и поношенія императора».

Послѣ того, тотъ же Осиповъ, по словамъ нашего историка, «увидѣлъ у нихъ на Преображенскомъ кладбищѣ въ часовнѣ двѣ мерзкія и пагубныя картины; первая представляла мужа и жену, съ надписаніями на нихъ скверныхъ словъ: и рѣче діаволъ —раститеся и множитеся и наполните землю! Оной четѣ сатана вкладываетъ жезломъ душу дѣтей. Внизу сей картины слова: дѣти сатаны. Вторая представляетъ образъ государя императора съ надписью надъ нимъ: антихристъ»! Это подало поводъ къ какому-то доносу, а потомъ къ слѣдствію, котораго нашъ историкъ не описываетъ.

Скоро затѣмъ рукопись, содержащая написанную имъ исторію, прерывается.

Мы указали въ сочиненіи Павла Любопытнаго на тѣ стороны, которыя объясняютъ народно-образовательное значеніе раскола. При размышленіи надъ этими явленіями не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ вида, что мы имѣемъ здѣсь постоянно и исключительно дѣло съ тѣмъ слоемъ народа, который по воспитанію, правамъ, условіямъ и пріемамъ жизни вообще привыкли называть общимъ характеристическимъ именемъ «мужиковъ». Не надобно забывать, что этотъ слой самъ собою, съ величайшими усиліями, пробивалъ лежавшую на немъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, тяжелую кору, не только безъ внѣшнихъ пособій, но встрѣчая извнѣ стремленіе не допустить его вырваться изъ-подъ этой коры. Не должно смущаться ни массою нелѣпостей, бывшихъ результатомъ этого движенія, ни тою односторонностію, въ которую направилось это движеніе и которая для насъ кажется чаще всего мелочною.

Предоставленный самому себѣ, отрѣзанный отъ теченія общей человѣческой образованности, народъ русскій не имѣлъ предъ собою никакого другого матеріала, кромѣ того, что относилось къ области религіи, и по своему дѣтскому, совсѣмъ непривыкшему къ отвлеченностямъ, способу мышленія, естественно ухватился за внѣшнюю, обрядовую ея сторону, Это

былъ путь общій всѣмъ и законный. Всякое образованіе вначалѣ выходило отсюда. Путь могъ совершаться длиннѣе и короче, могъ видоизмѣняться отъ различныхъ обстоятельствъ, но въ сущности исходъ его былъ одинъ и тотъ же вездѣ. Повсюду человѣческая мысль прежде всего работала въ этой области и оставалась замкнутою въ ней вѣка, тысячелѣтія, если вліяніе тѣхъ, которые, начавъ свое развитіе ранѣе, уже успѣли перейдти на высшую ступень мышленія и культуры, но не помогали ей изъ нея выступить. Русскій простой народъ былъ лишенъ этого вліянія. Онъ пробивался самъ. Не удивительно, если при такомъ условіи онъ мало успѣлъ переступить за предѣлы того круга, въ которомъ, по общему закону человѣческой образованности, началось его умственное движеніе. Во всякомъ случаѣ, какъ ни тѣсенъ, какъ ни скуденъ покажется процессъ раскольничьей умственной дѣятельности, но она не оставалась въ одномъ и томъ же положеніи, безъ хода впередъ. Постепенное увеличеніе массы раскольничьихъ сочиненій, переходъ мысли отъ предметовъ болѣе мелочныхъ къ предметамъ болѣе важнымъ и жизненнымъ, вызывавшимъ обсужденіе вопросовъ общихъ, высшихъ, приводившихъ раскольника къ сознанію отличія важности содержанія и формы, знакомство съ научными и литературными пріемами, показывающееся въ сочиненіяхъ позднѣйшихъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ раннихъ, бродившая между раскольниками мысль о необходимости правильнаго просвѣщенія и заведенія училищъ, наконецъ, проявлявшееся стремленіе разорвать цѣпи строгой несообщительности съ «внѣшними», усвоить пріемы образованнаго общества и согласить свою сектантскую отдѣльность съ духомъ современности—эти явленія показываютъ, что расколъ не стоялъ неподвижно, не кружился, такъ сказать, въ бѣличьемъ колесѣ, повторяя одно и тоже, но долженъ былъ, хотя медленно и при сильной, упорной внутренней борьбѣ, вести народъ къ дальнѣйшимъ фазисамъ самообразованія. Само собою разумѣется, какъ мы уже говорили, что правильная заботливость власти и просвѣщеннаго общества о народномъ образованіи сдѣлаетъ не-

нужнымъ и самый расколъ и тотъ путь, который въ немъ народъ самъ себѣ отыскивалъ для своего умственнаго и нравственнаго возвышенія. Все упразднится само собою и, быть можетъ, уже не далеко то время, когда расколъ сдѣлается исключительно достояніемъ одной исторіи. Но въ какой степени этотъ путь, уже пройденный частью русскаго народа, можетъ оказаться вліятельнымъ на ходъ дальнѣйшаго развитія народа, что внесетъ расколъ для будущихъ поколѣній, какъ отразятся на нихъ слѣды его—это вопросы, которые могутъ быть разрѣшены только въ грядущемъ.

Въ ожиданіи же того, въ настоящее время, ознакомленіе просвѣщенной части русской публики съ литературными произведеніями раскольниковъ и фактами ихъ умственныхъ трудовъ, съ цѣлію указать ходъ развитія образовательнаго элемента въ расколѣ,—было бы дѣломъ очень полезнымъ для отечественной исторіи.

1870.

ВОСПОМИНАНІЯ О МОЛОКАНАХЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ О МОЛОКАНАХЪ.

Изъ множества разнообразныхъ нашихъ сектъ, можетъ быть, ни одна столько не заслуживаетъ вниманія внутреннимъ смысломъ своего вѣроученія, по приложенію своихъ началъ къ жизни, какъ молоканская секта. Къ сожалѣнію, она мало обслѣдована и разъяснена до сихъ поръ и объ ней въ народѣ существуютъ сбивчивыя и разнорѣчивыя понятія. Самыя общеупотребительныя названія этой секты неясны и двусмысленны. Пріѣзжая въ край, гдѣ живутъ этого рода сектанты, попробуйте разспрашивать о нихъ у тѣхъ, кто самъ къ нимъ не принадлежитъ: одинъ вамъ будетъ говорить одно, а другой иное; можетъ случиться, что вамъ будутъ говорить и вѣрно, но будутъ въ тоже время разумѣть не то, что вы желаете узнать. Часто православные путаются въ лабиринтѣ различныхъ оттѣнковъ сектъ нашихъ, не въ силахъ проложить между ними грани и приписываютъ однимъ то, что̀ принадлежитъ совсѣмъ другимъ. Сами духовные, при всей учености и добросовѣстности, могутъ здѣсь ошибаться: привыкши къ научной классификаціи признаковъ въ исторіи прежнихъ сектъ, они основываются на замѣчаемыхъ ими у сектантовъ признакахъ и выводятъ заключенія невѣрныя потому, что признаки, сходные съ существующими и существовавшими вѣроученіями, слагаются своеобразно

*

въ простомъ и незаключенномъ въ формы грамотности умѣ русскаго поселянина и производятъ совсѣмъ другое, что нужно было ожидать. Иногда говорятъ о сектантахъ: «у нихъ просто безсмыслица, ничего нельзя разобрать». Эти сужденія добросовѣстны: лучше всего такъ отозваться, когда понять трудно. Своеобразный складъ саморазвитія нельзя мѣрить и объяснять тѣмъ путемъ, который годится для другихъ условій жизни. Наши секты болѣе всего могутъ служить оправданіемъ той мысли, что жизнь нашу изучать нужно не иначе, какъ усвоивши вполнѣ тотъ взглядъ на нее, какой созданъ самимъ народомъ, и прослѣдить путь, какимъ у него укладываются представленія о предметахъ. Народъ переработываетъ на свой ладъ и то, что даже нѣкогда было заимствовано отъ чужихъ, если только это заимствованное не питается новымъ наплывомъ чуждыхъ понятій. Это слѣдуетъ имѣть въ виду при изученіи нашихъ сектъ; мало того, чтобы узнать догматы секты, иногда ихъ узнать нѣтъ возможности, потому что ихъ нѣтъ въ народномъ сознаніи: они замѣняются фактомъ; не жизненныя отправленія и факты порождаются догматами, а существующіе факты даютъ поводъ заключать о возможности догматовъ.

Общее имя молоканъ у насъ примѣняется къ двумъ сектамъ; имѣютъ ли онѣ, въ самомъ дѣлѣ, между собою органическое сродство—это еще вопросъ спорный, по крайней мѣрѣ, что касается до степени этого сродства. Одна изъ этихъ сектъ,— субботники или іудействующіе, другая—воскресники: послѣднее названіе совершенно внѣшнее, данное имъ въ отличіе отъ субботниковъ на томъ основаніи, что они праздничнымъ днемъ считаютъ воскресенье, какъ первые субботу. Судьба, осудивъ меня когда-то на долговременное пребываніе въ Саратовской губерніи, дала мнѣ возможность ознакомиться нѣсколько съ тѣми и другими. Я видалъ ихъ и бесѣдовалъ съ ними не разъ, въ особенности въ одной торговой и богатой приволжской мѣстности, которая когда-то была столицею молоканъ, но въ царствованіе императора Николая, благодаря правительственнымъ мѣрамъ, сектантство тамъ пришло въ упадокъ, зна-

чительная часть молоканъ выселена была на Кавказъ; братья ихъ, оставшіеся на родинѣ, сначала считали эти переселенія наказаніемъ, но, узнавъ, что переселенцы живутъ на новосельи хорошо, спокойно, и открыто исповѣдуютъ свое вѣроученіе, сами стали туда удаляться: нѣкоторые же на мѣстѣ прежняго жительства обратились въ православіе, чаще всего притворно, рѣдко искренно, но, въ послѣднемъ случаѣ, примѣшавши къ православнымъ понятіямъ свои прежнія воззрѣнія.

Допроситься у молоканъ сущности ихъ мнѣній было трудно, по крайней мѣрѣ въ оное время; какъ скоро вы начнете говорить съ ними о вѣрѣ, они отвѣчаютъ отрывисто, а если и покажутъ признаки откровенности, то все-таки утаятъ главное. Случайныя обстоятельства поставили меня въ довольно счастливое положеніе въ этомъ отношеніи. Познакомившись на дорогѣ съ однимъ старожиломъ, который, хотя былъ православнаго вѣроисповѣданія, но близокъ по родственнымъ связямъ съ молоканами, я нашелъ въ немъ протекцію и черезъ него могъ познакомиться съ молоканами.

Меня свели съ однимъ субботникомъ, по занятію рыбнымъ торговцемъ. Это былъ, какъ я узналъ, самый упорный и самый ученѣйшій въ своей братіи. Его чрезвычайно худощавое лицо, изрытое тѣми бороздами, которыя всегда свидѣтельствуютъ о страсти мышленія, его впалые, но сверкающіе огненные глаза, его вытянутая шея, губы, часто при разговорѣ подергиваемыя судорогами нетерпѣнія, и охота высказать за разъ то, на что нужно время, наконецъ, манера, при разговорѣ, выдѣлывать пальцами разныя фигуры, часто встрѣчаемая манера у русскихъ резонеровъ — все показывало въ немъ, съ перваго взгляда, одного изъ тѣхъ фанатиковъ, которые заправляютъ ересями и толками, и которые попадались уже тогда все рѣже и рѣже. Онъ зналъ священное писаніе и особенно ветхаго завѣта чуть не наизустъ, изучалъ церковную исторію и высыпалъ изъ памяти годы, какъ лучшій ученикъ на экзаменѣ изъ исторіи. Онъ съ жаромъ возставалъ на храмы вообще и доказывалъ, что для Бога не должно строить храмовъ, ибо вселенная ему храмъ. Я замѣтилъ, что,

разсуждая такимъ образомъ, онъ отдаляется и отъ ветхозавѣтности и приводилъ ему въ опроверженіе на память храмъ, построенный Богу Соломономъ и многія мѣста ветхаго завѣта, гдѣ говорится о храмѣ, какъ о предметѣ, угодномъ Божеству. Мой сектантъ отвѣчалъ, что мѣста, гдѣ въ священномъ писаніи говорится о храмѣ, слѣдуетъ понимать въ духовномъ смыслѣ, а не въ буквальномъ, что храмъ слѣдуетъ созидать Богу добрыми дѣлами и молитвами, а что, если Соломонъ построилъ храмъ въ Іерусалимѣ, то Богъ не благословилъ его; такъ Соломонъ, послѣ того, впалъ въ язычество: явный признакъ, толковалъ онъ, что благодать оставила Соломона, а это постигло его именно за построеніе тѣлеснаго храма. Такое отверженіе храма подало мнѣ мысль, что вѣрно и на всю священную ветхозавѣтную исторію у него будетъ такой взглядъ — иносказательное толкованіе, такъ бы слѣдовало по сцѣпленію понятій, но онъ разубѣдилъ меня въ этомъ, когда сказалъ, что слѣдуетъ строго исполнять моисеевъ законъ и приносить жертвы. «Евреи теперь не приносятъ жертвъ, ибо они въ изгнаніи, а мы новый Израиль: намъ надобно приносить жертвы». Онъ требовалъ особенно, чтобъ исполнялась ветхозавѣтная пасха съ закланіемъ агнца. Талмуда онъ не принималъ и называлъ сборникомъ нелѣпыхъ бредней. Важнѣйшими книгами священнаго писанія онъ считалъ Пророчества; въ нихъ, по его мнѣнію, была вся мудрость. «Что же», спросилъ я, «важнѣе: Пятикнижье или Пророчества?» Онъ отвѣчалъ: «Пророчества». Я замѣтилъ ему: для чего же онъ требуетъ такъ строго исполненіе моисеева обряда и даже приношеніе жертвъ, когда въ Пророчествахъ есть мѣста, гдѣ говорится о безполезности жертвъ при извѣстныхъ условіяхъ, какъ напримѣръ, у Исаіи: что мнѣ множество жертвъ вашихъ? Онъ отвѣчалъ, что пророки давали духовный смыслъ обрядамъ и что, такимъ образомъ, ветхозавѣтные обряды слѣдуетъ исполнять, но не иначе, какъ давая имъ духовный смыслъ, разъясненный въ Пророчествахъ. Относительно Новаго Завѣта онъ сказалъ, что принимаетъ его за священныя книги, но все заключающееся въ немъ слѣдуетъ разумѣть духовно, а не тѣ-

лесно, не буквально, и что, сверхъ того, въ его повѣствованіи не все достовѣрно, иное впослѣдствіи прибавлено. По толкованію его, послѣдователи субботничества считаютъ Іисуса Христа пророкомъ, боговдохновленнымъ мужемъ, подобно Исаіи и другимъ, признаютъ его чудеса, но ни за что не соглашаются признать его, подобно намъ, воплощеннымъ Сыномъ Божіимъ. Троица отвергается: нѣтъ, по мнѣнію ихъ, доказательствъ троичности Божества, ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Завѣтѣ; Богъ вездѣ изображается единымъ; Іисусъ Христосъ пророкъ его, но Іисусъ Христосъ человѣкъ: его и апостолы называютъ ясно человѣкомъ; слово «Духъ Святой» означаетъ мудрость и благодать, низпосылаемую человѣку отъ Бога, а вовсе не божественную ипостать. Я спросилъ его: вѣруетъ ли онъ въ воскресенье Христово? Онъ отвѣчалъ утвердительно, но въ этомъ отвѣтѣ было что-то неискреннее, да и вообще о Новомъ Завѣтѣ онъ говорилъ съ какою-то холодностью, какъ-будто старался избѣгать о немъ разговора, тогда какъ, приводя тексты изъ Ветхаго Завѣта, воспламенялся и увлекался. Не думаю, чтобы онъ хотѣлъ отъ меня утаиться, ибо онъ позволялъ себѣ говорить о христіанской религіи въ такихъ выраженіяхъ, которыя могъ допустить только при полномъ ко мнѣ довѣріи. Кажется, его внутреннее сознаніе о христіанскомъ вопросѣ оставалось неяснымъ и сбивчивымъ, и онъ самъ боялся давать волю тому, что ему въ голову приходило. Онъ соблюдалъ строго правило ничего не дѣлать въ субботу, былъ обрѣзанъ, обрѣзывалъ своихъ сыновей, удалялся отъ всякихъ яствъ, воспрещаемыхъ Моисеемъ, отвергалъ всякое подобіе святыни, какъ унизительное для божества. Онъ ждалъ Мессіи, но представлялъ себѣ его не такъ, какъ евреи; онъ, напротивъ, называлъ грубымъ заблужденіемъ еврейское ожиданіе земнаго царства израилева и доказывалъ, что подъ нимъ нужно разумѣть царство Новаго Израиля, царство духовное, область разума и правды, а вовсе не какое-нибудь государство. Мессія представлялся ему въ образѣ великаго философа, правоучителя, который распространитъ по всей землѣ ветхозавѣтную вѣру, Іисусъ Христосъ не былъ Мессія; онъ былъ

только одинъ изъ пророковъ; Мессія будетъ сильнѣе всѣхъ пророковъ, откроетъ величайшія истины міру и приведетъ родъ человѣческій къ блаженному состоянію. Вліянію добрыхъ и злыхъ духовъ на человѣка онъ не придавалъ значенія, хотя не отвергалъ совершенно ихъ существованія.

Въ немъ не проглядывало никакой ненависти къ тѣмъ, которые не слѣдуютъ его вѣроученію, напротивъ, онъ съ жаромъ говорилъ, что надобно дѣлать добро всѣмъ людямъ безъ различія вѣръ, и что во всякой вѣрѣ можно угодить Богу добрыми дѣлами, притомъ же Богъ безконечно благъ и прощаетъ даже величайшихъ грѣшниковъ. Допуская, что Богъ, по своей благости, въ будущей жизни проститъ всѣхъ иновѣрцевъ, онъ признавалъ, что Богъ наказываетъ за неправую вѣру здѣсь на землѣ и увѣрялъ, что если случаются общественныя бѣдствія, засуха, моровыя повѣтрія, болѣзни, то все это постигаетъ людей за то, что они не хотятъ слѣдовать истинной вѣтхозавѣтной вѣрѣ, а когда на всей землѣ распространится эта вѣра, тогда все будетъ хорошо—и на землѣ водворится блаженство. Такимъ образомъ, онъ представлялъ себѣ Божество чрезвычайно милосердымъ и снисходительнымъ къ намъ въ будущей нашей жизни и чрезвычайно строгимъ въ земной, а послѣдователямъ своего толка сулилъ не столько небесныя, сколько земныя блага.

Происхожденіе своего ученія на Руси онъ приписывалъ еврею Схарію въ Новѣгородѣ; но слова его не давали повода рѣшить: есть ли это давнее преданіе, переходящее изъ устъ въ уста, или же, можетъ быть, такое мнѣніе возникло уже въ послѣднее время: т. е. по знакомству съ исторіею по книгамъ, начали замѣчать сходство между субботниками и послѣдователями Схарія въ вѣрѣ и заключили, по вѣроятію, что секта первыхъ идетъ преемственно отъ послѣдняго.

Другая секта, носящая прозвище молоканской — воскресенская, яснѣе предъидущей. Случилось мнѣ говорить и бесѣдовать со многими изъ ея послѣдователей: трудно было бы забыть двухъ лицъ между ними, которымъ я преимущественно обязанъ

свѣдѣніями о вѣроученіи молоканскомъ. Я сошелся съ однимъ почтеннымъ человѣкомъ, нѣкогда молоканомъ, но давно уже принявшимъ православную вѣру. Мѣстный протоіерей считалъ его ревностнѣйшимъ и добродѣтельнѣйшимъ между всѣми своими прихожанами. А между тѣмъ было время, когда онъ считался самымъ ученымъ и самымъ опаснымъ лжеучителемъ между воскресниками, и въ самомъ дѣлѣ не одинъ десятокъ жертвъ совращенъ имъ съ пути православной истины. О немъ носился слухъ, что, въ былыя времена, его интеллектуальной силѣ никто не могъ противостать; нужно только, чтобъ онъ поговорилъ съ человѣкомъ часъ-другой—и если собесѣдникъ не до того упрямъ, чтобъ оставаться глухимъ, вопреки собственному сознанію, то лжеучитель навѣрно обратитъ его. У него была сила слова, сопровождаемая какимъ-то обаяніемъ, располагавшимъ слушателя заранѣе въ его пользу. Онъ зналъ множество текстовъ св. писанія, умѣлъ чрезвычайно искусно и остроумно примѣнять ихъ, задавалъ противнику неразрѣшимые вопросы и ставилъ его въ тупикъ, выводилъ изъ мнѣній своего соперника противорѣчія и безсмыслицу и, пророчески на него поглядывая, приводилъ въ смущеніе, а если нападалъ на болѣе крѣпкаго и смышленнаго, то ловко изворачивался въ кучѣ сравненій, примѣровъ, сопоставленій, противоположеній; искусно съѣзжалъ, такъ сказать, съ торной дороги на проселокъ, переходилъ къ другому, третьему, четвертому предмету; пусть бы даже онъ въ сущности не могъ опровергнуть соперника, все-таки совсѣмъ сбивалъ его и величался побѣдою. Цвѣтущее время его софистической дѣятельности было еще въ двадцатыхъ годахъ, при Александрѣ Павловичѣ; то были времена золотыя для молоканъ, времена свободы; если не de jure, то de facto пользовались они ею и совращали православный людъ въ свою ересь. Тогда еще и правительство обращало мало вниманія на поволжскій край; рука нивелирущей бюрократіи не глубоко еще провела на немъ свою борозду; тогда, по сказаніямъ стариковъ (разумѣется, украшающихъ, какъ всегда бываетъ со стариками, старыя времена лишними цвѣтами), жилось привольнò, богато, весело; гроз-

ныя высшія власти изъ столицы появлялись очень рѣдко, свои же мѣстныя были сговорчивы, дорожили какою-нибудь внимательностью сектантовъ и, въ свою очередь, давали имъ просторъ: тогда-то была роскошь для умственной удали, любившей выказать себя въ препирательствахъ о богословскихъ и церковныхъ предметахъ. Молокане до того увѣровали въ свою свободу, что подавали на высочайшее имя просьбу, гдѣ ходатайствовали о позволеніи исповѣдывать открыто и законно свое ученіе наравнѣ съ иностранными протестантами, и представили изложеніе своего ученія, которое, къ сожалѣнію, гораздо темнѣе ихъ словесныхъ проповѣдей. Но потомъ другія пришли времена, годъ отъ году болѣе и болѣе стѣснительныя мѣры лишали молоканъ возможности проживать, какъ хочется; ихъ торговыя предпріятія парализовались запрещеніемъ вступать въ гильдіи и отлучаться далѣе тридцати верстъ отъ мѣста рожденія; запрещено имъ держать православныхъ въ услуженіи. Полицейскія власти безпрестанно придирались къ нимъ, стали ихъ съ семействами требовать въ консисторію на увѣщанія; избиралось для этого нарочно лучшее рабочее время, когда въ ихъ отсутствіе пропадалъ у нихъ на поляхъ хлѣбъ; иногда же, по поводу совращенія правовѣрныхъ въ свою секту, ихъ сажали въ острогъ, держали по нѣскольку лѣтъ, и дѣйствительно виновныхъ въ этомъ преступленіи подвергали торговой казни и ссылкѣ. Эти обстоятельства лишали ихъ прежней зажиточности, прекратили возможность собраній и споровъ; а съ тѣмъ вмѣстѣ охладилось у многихъ рвеніе къ распространенію своего толка. Нашъ герой въ пору избѣжалъ участи, которая была бы для него очень тяжелою; не даромъ существуетъ пословица: «большому кораблю большое и плаваніе»; какъ совратитель многихъ, онъ и поплатился бы много; видя неминуемую бѣду, онъ присоединился къ православной церкви, остался цѣлъ, невредимъ и ускользнулъ отъ судьбы товарищей, такихъ же какъ онъ проповѣдниковъ. О послѣднихъ остались горькія воспоминанія у молоканъ. Одинъ изъ нихъ, Исаевъ, былъ проповѣдникъ рьяный и упорный; честные іереи напрасно старались его обра-

тить словомъ кротости на путь истины; Исаевъ такъ навострился въ діалектикѣ, что самихъ іереевъ сбивалъ и спутывалъ; послѣ нѣсколькихъ исправительныхъ наказаній съ оставленіемъ на мѣстѣ жительства и съ подпискою не совращать никого изъ православія въ свою секту, онъ, наконецъ, былъ преданъ уголовному суду, и приговоренный къ наказанію кнутомъ, умеръ подъ ударами сего орудія, а удары ему расточались особенно щедро, потому что закоренѣлый раскольникъ не показывалъ ни малѣйшей охоты раскаяться въ своихъ злодѣяніяхъ. Тогда іереи говорили, что бѣсъ взялъ душу у засѣченнаго Исаева и вложилъ ее въ живое тѣло какого-то Трофима, который, очутившись такимъ образомъ съ двумя душами: со своею собственною и съ вложенною бѣсомъ — Исаевою, сталъ проповѣдывать еще сильнѣе, чѣмъ умершій на эшафотѣ Исаевъ. Трофимова проповѣдь также скоро умолкла подъ кнутомъ и клеймомъ. Множество молоканъ было тогда сослано на Кавказъ. Тутъ принялъ православіе мой пріятель. Онъ увѣрялъ меня, что сдѣлалъ это не по страху, а по убѣжденію, и приписывалъ это чтенію отцовъ церкви, особенно Іоанна Златоуста. Теперь онъ обвинялъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ за то, что погрузившись въ одно священное писаніе, они вовсе не заглядываютъ въ сочиненія отцовъ церкви, а еслибы они ихъ читали, то увидали бы, что святая церковь вовсе не такъ судитъ, какъ они себѣ воображаютъ и какъ даетъ имъ право заключать способъ вѣрованія простаго народа, который, не понимая сущности вѣры, превращаетъ ее въ идолопоклонство. У этого бывшаго лжеучителя теперь уже возникла ревность церковная: онъ сталъ обращать къ православію своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, и чтобы имъ доказать, что обрядъ крещенія дѣйствительно имѣетъ свое основаніе въ самомъ святомъ писаніи, выписалъ множество мѣстъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, гдѣ только упоминается о водѣ, хотя, правду сказать, многія мѣста приводятся совсѣмъ некстати. Не смотря на эту ревность къ православію, въ его воззрѣніи до сихъ поръ пробивается тотъ взглядъ, который служитъ основою раскольни-

ческому ученію, и онъ часто говоритъ такія рѣчи, которыхъ бы не сказалъ другой православный, никогда не отвѣдавшій раскола, хотя въ сущности этихъ рѣчей нельзя назвать и неправославными. Такимъ образомъ, онъ хотя соблюдаетъ постъ, но не строгъ къ другимъ, когда другіе его не соблюдаютъ и, по этому поводу, приводитъ слова апостола Павла: «неядый ядущаго да не укоряетъ». Доказывая правильность почитанія св. иконъ, онъ, однако, говоритъ, что собственно отъ мертвой доски нельзя ожидать спасенія; насъ спасаетъ молитва къ Богу, а молиться Богу можно вездѣ, и тамъ даже, гдѣ нѣтъ иконъ; напротивъ, держаніе иконъ въ домѣ и машинальное лепетаніе молитвенныхъ словъ, безъ сердечнаго участія, безполезно. Вообще, онъ въ своихъ разговорахъ старается опереться на то, что хотя обряды вовсе непротивны духу христіанства, и необходимы для богослуженія, однако и не составляютъ существенной части вѣры. Онъ показывалъ желаніе, чтобы всѣ молокане, подобно ему, приняли православіе, но въ то же время находилъ извиненіе ихъ упорству въ томъ, что, дѣйствительно, православные пастыри мало заботятся о вразумленіи своей паствы и міряне, оставаясь въ невѣденіи относительно внутренняго смысла обрядовъ и уставовъ, предписываемыхъ церковью, впадаютъ въ заблужденія, приличныя только идолопоклонникамъ. Противъ нихъ-то собственно возстали молокане, но сами пошли черезъ край. Между православіемъ и молоканствомъ, по его мнѣнію, примиреніе возможно: пусть, при исполненіи обрядовъ, православный народъ имѣетъ въ виду не одну форму, а внутренній смыслъ, пусть съ своей стороны молокане сознаютъ, что, для внутренняго смысла, необходима форма и что, слѣдовательно, форма не можетъ быть противна Богу, какъ они ложно себѣ вообразили.

Другая личность, особенно показавшая себя въ ряду многихъ молоканъ, съ которыми я имѣлъ возможность говорить, былъ упрямый сектантъ и страдалъ за свое упрямство. По поводу подозрѣнія въ сочиненіи просьбы лицамъ, причисленнымъ къ православію и желавшимъ воротиться въ молоканство, его за-

садили въ острогъ, гдѣ онъ томился нѣсколько лѣтъ и былъ освобожденъ по недостатку доказательствъ. Замѣчательно, что этого человѣка упряталъ въ острогъ одинъ изъ такихъ чиновниковъ, отъ которыхъ, судя по ихъ собственнымъ рѣчамъ, меньше всего этого можно было ожидать, одинъ изъ тѣхъ, которые въ оное время, при всякомъ случаѣ, хвастали либерализмомъ и гуманностью, у которыхъ на языкѣ вѣчно были слова: прогрессъ, законность. справедливость. Само собою разумѣется, что этимъ пышнымъ словамъ противорѣчилъ обычай держать людей въ острогѣ нѣсколько лѣтъ за то собственно, что они только просятъ, когда по закону даже самое явное принятіе сектантскаго ученія наказывалось тѣмъ, что уклонившагося приводили къ увѣщанію, а если увѣщаніе не дѣйствуетъ, то оставляли на мѣстѣ жительства съ подпискою не совращать другихъ. Я познакомился съ этимъ молоканомъ уже по выпускѣ его изъ острога; это была личность чрезвычайно здраваго природнаго ума. Онъ съ жаромъ опровергалъ обвиненія, которыя обыкновенно въ изобиліи сыпали на молоканскую секту въ непризнаніи властей. Нѣсколько начитавшись того-другого, онъ сознавалъ необходимость ученья, просвѣщенія, сокрушался о томъ, что его единовѣрцы лишены средства учиться и чрезъ то принуждены довольствоваться чтеніемъ одного св. Писанія. Его занимала современная литература и современные вопросы въ русской печати. Это была, однимъ словомъ, личность, возбуждавшая разомъ и уваженіе, и грусть: много такихъ способныхъ погибаетъ втунѣ подъ гнетомъ тяжелыхъ обстоятельствъ.

Не стану распространяться о другихъ личностяхъ, съ которыми я бесѣдовалъ. Это было бы лишнее; гораздо интереснѣе изложить то, что я отъ нихъ слышалъ.

Молокане-воскресники называютъ себя духовными христіанами. Впрочемъ, названіе молоканъ не чуждо имъ, только на счетъ происхожденія этого слова у нихъ мнѣнія раздѣляются: одни говорятъ, что это имя дано имъ православными. потому что они не соблюдаютъ поста и ѣдятъ всегда молоко;

другіе, напротивъ, утверждаютъ, что названіе это выдумано самими послѣдователями секты, основываясь на словахъ апостола Павла, употребившаго выраженіе *словесное молоко*, и также на другомъ выраженіи того же апостола, сравнивающаго первоначальную передачу христовыхъ истинъ съ кормленіемъ молокомъ, въ противоположность твердой пищѣ, приличной зрѣлому возрасту, съ которымъ сравнивается дальнѣйшее воспитаніе. Такимъ образомъ, съ одной стороны слово «молокане» знаменуетъ главный ихъ принципъ, состоящій въ предпочтеніи духовныхъ средствъ матеріальнымъ знакамъ, и въ числѣ этихъ средствъ принимающій силу слова, сравниваемаго съ млекомъ, съ другой—предполагаемую ими самими простоту ихъ ученія, которое, по ихъ понятію, есть фундаментъ христіанской жизни и нравственности, ибо они основываются на священномъ Писаніи, которое то же для христіанина, что млеко для дитяти. Названіе «духовные христіане» общеупотребительнѣе; у нихъ самихъ слово *духовные*, по ихъ толкованію, значитъ то, что они принимаютъ, во-первыхъ, духовную благодать, а во-вторыхъ, признаютъ поклоненіе Богу духомъ и истиной, а не формою. Что касается до перваго, то ихъ понятія разнятся отъ нашихъ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, дѣйствіе благодати сообщается не посредствомъ таинствъ и видимыхъ знаковъ, а непосредственно; второе у нихъ основывается на извѣстномъ изреченіи Христа женѣ Самарянкѣ. На этомъ-то текстѣ основываютъ они отверженіе храмовъ и всѣхъ признаковъ установленнаго богослуженія. Христосъ сказалъ женѣ Самарянкѣ, что въ его время іудеи поклоняются въ храмѣ іерусалимскомъ, а самаряне у колодца іаковля; но придетъ время, когда истинные поклонники будутъ на всякомъ мѣстѣ поклоняться Богу духомъ и истиною. Изъ этого, по ихъ мнѣнію, выходитъ, что храмовъ въ новой церкви не должно быть. Апостолъ Павелъ всѣхъ называетъ священниками и, слѣдовательно, особыхъ священниковъ не нужно. Подъ словомъ «епископъ», упоминаемымъ у Павла, объясняютъ они, надобно понимать избраннаго обществомъ начальника, а не особенно посвященнаго совершителя

обрядовъ. Христосъ избралъ апостоловъ не изъ левитовъ, не изъ священниковъ и не посвящалъ ихъ въ священники, слѣдовательно, священникъ ни чуть не ближе къ Богу, чѣмъ непринимавшій посвященія въ духовный санъ. Христосъ не заповѣдывалъ особеннаго богослуженія, котораго бы не могли совершать другіе, кромѣ апостоловъ, и вообще Христосъ не дѣлалъ различія между апостолами и другими, которые въ него истинно вѣровали. У Христа всѣ его послѣдователи равны и онъ самъ сказалъ, «что всѣ братья, и кто хочетъ быть первымъ, пусть слугою всѣмъ будетъ». Этимъ уничтожается различіе степеней въ церкви христовой, и не слѣдуетъ однимъ оказывать чести болѣе другихъ; всѣ мы священники. Церковь—новый Израиль; церковь, по молоканскому понятію, не должна отдѣляться отъ гражданскаго общества; напротивъ, гражданское общество и есть собственно церковь, и будучи церковью Христа, гражданское общество должно быть устроено на евангельскихъ началахъ, на любви и равенствѣ своихъ членовъ. Толкуя въ свою пользу слова Павла: гдѣ духъ господень, тамъ свобода, они примѣняютъ то, что у Павла говорится о еврейской обрядности и соединенномъ съ нею законѣ, ко всякимъ постановленіямъ и формамъ. Вообще: «буква мертва, а духъ животворитъ» — обычное изреченіе молоканъ. Отвергая храмы и священство, отвергаютъ они и всѣ таинства, даже и крещеніе и причащеніе, которыхъ не осмѣлились коснуться лютеране. Казалось бы, и трудно отвергать то, что основано на ясныхъ словахъ Христа, когда множество свидѣтельствъ подтверждаютъ существованіе этихъ таинствъ въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Но молокане объясняютъ эти таинства такъ: крещеніе, говорятъ они, только видимый образъ невидимаго; оно было нужно только до тѣхъ поръ, пока невидимая мысль не будетъ постигнута. Самъ Іоаннъ Креститель сказалъ: я крещу васъ водою, а посреди васъ стоитъ тотъ, который сильнѣе меня; онъ васъ креститъ духомъ святымъ и огнемъ. Вотъ уже здѣсь Іоаннъ указываетъ, что есть крещеніе выше, при которомъ крещеніе водой дѣло лишнее. Мы знаемъ, что Корнилій сотникъ

получилъ даръ Духа Святаго прежде, чѣмъ крестился водою, слѣдовательно, крестился духомъ и безъ воды Не видно, чтобы апостолы были крещены водою, а если апостолы не были крещены водою и сдѣлались провозвѣстниками и основателями христіанской вѣры, то не есть ли это доказательство, что крещеніе водою для насъ не необходимость? Если Христосъ крестился водою, то это потому, что онъ хотѣлъ исполнить видимый еврейскій законъ, и все, что до него было установлено. Онъ вѣдь и обрѣзался, но намъ не заповѣдывалъ обрѣзываться. Христосъ повелѣлъ апостоламъ крестить всѣ языки во имя Отца и Сына и Святаго Духа, но вслѣдъ за этимъ повелѣніемъ въ Евангеліи слѣдуетъ объясненіе, какъ должно крестить; это объясненіе въ словахъ: *учаще ихъ блюсти елико заповѣдахъ вамъ*. Слѣдовательно. крещеніе, которое заповѣдуетъ Христосъ, есть ученіе по христову евангелію. Слово «крещеніе» часто употребляется въ такомъ смыслѣ, когда очевидно для всякаго, что подъ нимъ не разумѣется водное крещеніе; напримѣръ, Христосъ, говоря о собственной смерти, называетъ ее крещеніемъ. О самомъ Іоаннѣ въ Евангеліи поясняется, какъ онъ крестился и для чего: бѣ Іоаннъ крести крещеніемъ въ покаяніе. Слѣдовательно (говорятъ молокане), сущность самаго Іоаннова крещенія, если оно и отправлялось подъ видомъ омовенія, была не омовеніе, а покаяніе. У апостола Павла есть мѣста, гдѣ крещеніе прямо принимается въ духовномъ смыслѣ: едина вѣра, едино крещеніе. Молокане находятъ не только въ Новомъ, но въ Ветхомъ Завѣтѣ мѣста, гдѣ говорится о водѣ, и вода употребляется въ иносказательномъ смыслѣ—напримѣръ: у Исаи говорится, что потекутъ воды изъ Галилеи; здѣсь пророкъ предсказываетъ ученіе христово, которое явится въ Галилеѣ и просвѣтитъ весь міръ. Христосъ говоритъ, что кто вѣруетъ въ него, у того отъ чрева потекутъ рѣки воды живы: здѣсь, конечно, вода въ иносказательномъ значеніи. Крещеніе водное есть только обрядовое представленіе мысли объ обновленіи и очищеніи человѣка, посредствомъ христова ученія. Само по себѣ крещеніе водою не можетъ быть

дѣйствительно; оно не можетъ спасать, не можетъ предохранить отъ злыхъ дѣлъ, ни отвратить отъ крестившагося кары божіей за его дурные поступки. Иначе — между крещенными не было бы нарушителей божіихъ заповѣдей. Притомъ же, гдѣ, спрашиваютъ молокане, дары Святаго Духа, получаемые, какъ говорятъ, при крещеніи? Человѣкъ, крестившись во младенчествѣ, остается совершенно невѣждою въ дѣлѣ познанія заповѣдей божіихъ, можетъ жить по язычески и, слѣдовательно, не имѣетъ права считаться христіаниномъ? Напротивъ, еслибы кто и не былъ крещенъ водою, но позналъ Христа и исполнялъ бы всѣ христовы заповѣди, неужели бы онъ былъ осужденъ на вѣчное мученіе за то единственно, что не совершилъ обрядъ омовенія, который самъ собою не могъ его ни научить истинно, ни спасти отъ грѣха? Христосъ не сказалъ: *Если кто не крестится водою, не войдетъ въ царствіе небесное,* но сказалъ: *водою и духомъ*... Не ясно ли, что водное крещеніе недостаточно? Въ этомъ мѣстѣ воду слѣдуетъ принимать въ иносказательномъ смыслѣ: креститься водою и духомъ, значитъ очиститься, — какъ бы водою омыться отъ грѣховъ тѣла и начать жить духомъ. Что въ словахъ о крещеніи водою слѣдуетъ давать водѣ иносказательное значеніе— подтверждаетъ и крещеніе огнемъ, о которомъ говоритъ Евангеліе; конечно, нельзя огонь здѣсь принимать въ буквальномъ смыслѣ; иначе надобно бы было всѣмъ намъ сжечься. Креститься огнемъ—значитъ истребить въ себѣ всѣ дурныя наклонности, для обновленія духомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если требовать непремѣнно крещенія водою, тогда не нужно прощать тѣхъ изувѣровъ, которые сожигались, воображая, что исполняютъ христову заповѣдь, понявъ ее буквально? Однимъ словомъ, крещеніе водою — это буква, выражающая мысль. Нужны ли буквы, когда уже мысль сама по себѣ понятна? Конечно, нѣтъ. Вотъ что притомъ говорятъ молокане; — вы написали что-нибудь на запискѣ для памяти, а потомъ выучили наизусть, и знаете твердо то, что было написано въ запискѣ; имѣетъ ли тогда записка для васъ какое-нибудь значеніе? Такъ

точно, если въ первые вѣка, когда христіанство распространялось между язычниками, быть можетъ, обрядъ крещенія былъ полезенъ, потому что напоминалъ крестившемуся, что онъ принадлежитъ къ христовой общинѣ, и отличалъ его отъ нехристіанъ видимымъ образомъ. Но въ обществѣ христіанъ, которое отъ прародителей считаетъ себя вѣрующимъ Христу, какое значеніе онъ можетъ имѣть? «Наука нужна, а не вода», говорятъ они—наука и мысль ученія. Подобнымъ образомъ толкуютъ они и о причащеніи, и признаютъ только духовный смыслъ этого таинства, отвергая необходимость самаго обряда. Когда имъ, въ опроверженіе ихъ взгляда, указываешь на историческое событіе Тайной Вечери, они указываютъ на объясненіе самого Христа, именно на мѣсто у Іоанна, гдѣ Спаситель говорилъ о ядѣніи его плоти и питіи его крови. Притча эта возбудила соблазнъ въ христовыхъ слушателяхъ. Спаситель обратился къ ученикамъ и спросилъ: какъ вамъ кажется? Жестоко слово сіе, отвѣчали ему. «Неужели и вы соблазняетесь! сказалъ имъ Спаситель;—Духъ животворитъ, а плоть ничего не пользуетъ. Слово мое есть духъ и жизнь». Изъ этого мѣста молокане выводятъ, что, подъ образомъ Тайной Вечери слѣдуетъ понимать тѣсное соединеніе со Христомъ, посредствомъ усвоенія его ученія. Мы до того должны сближаться со Христомъ, чтобы могли составить съ нимъ какъ бы одно существо, какъ бы одну плоть и кровь. Молокане, въ подтвержденіе своихъ понятій, говорятъ, что, подобно обряду крещенія, и обрядъ причащенія сами по себѣ недѣйствителенъ: многіе хотя и причащаются, а отъ этого не становятся лучше и не перестаютъ грѣшить; напротивъ, надобно причаститься тѣла и крови христовой духовно, т.-е. мыслить, чувствовать и поступать такъ, какъ Христосъ повелѣваетъ и какимъ Онъ явилъ себя въ жизни; тогда-то человѣкъ дѣйствительно составляетъ со Христомъ единую плоть, тогда ужъ онъ не можетъ и желать грѣха. Другія таинства молокане также объясняютъ иносказательно: такъ о елеосвященіи они толкуютъ, что самъ апостолъ Іаковъ, на котораго ссылаются для оправданія обряда,

указывая на помазаніе больныхъ елеемъ, говоритъ, что спасетъ болящаго молитва, слѣдовательно здѣсь помазаніе есть иносказательный образъ выраженія, а не сущность. Противъ таинства покаянія они говорятъ такимъ образомъ: если кто не покается священнику, а грѣшить перестанетъ, развѣ тотъ не будетъ угоднѣе Богу, чѣмъ тотъ, кто десять разъ кается и каждый разъ возвращается къ прежнимъ грѣхамъ? Кто грѣшилъ да пересталъ грѣшить — тотъ уже тѣмъ самымъ покаялся; когда пересталъ—значитъ сознаīъ, что грѣхъ дуренъ; и за это сознаніе и исправленіе Богъ прощаетъ его, хотя бы онъ и не повѣрялъ своей тайны священнику. Напротивъ, многіе, воображая, что сообщеніемъ священнику грѣховъ своихъ достаточно можетъ очистить и спасти человѣка, успокоиваются совѣстью, не думаютъ искоренить въ себѣ дурныхъ наклонностей, опять впадаютъ въ прежніе пороки и, предаваясь имъ, льстятъ себя надеждою, что загладить ихъ передъ Богомъ легко: стоитъ только по установленному обряду покаяться священнику. Съ другой стороны, какъ можетъ прощать и разрѣшать священникъ, когда онъ самъ, какъ часто мы видимъ, предается еще худшимъ порокамъ? О таинствѣ брака они говорятъ: развѣ худое житье мужа съ женою освящается тѣмъ, что они обвѣнчаны? Если мужчина и женщина скажутъ: будемъ вмѣстѣ жить, и станутъ жить согласно, честно,—развѣ такое житье не богоугоднѣе, чѣмъ житье тѣхъ, которые обвѣнчаны въ церкви и потомъ ссорятся, не довѣряютъ другъ другу и обманываютъ другъ друга? Любовь и согласіе— вотъ въ чемъ бракъ, а не въ обрядѣ. Богъ сотворилъ человѣка—сотворилъ его въ образѣ мужчины и женщины, и установилъ имъ законъ, чтобы мужчина искалъ соединенія съ женщиною и женщина съ мужчиною: какъ скоро мужчина съ женщиною сошлись по взаимной склонности—это значитъ, что Богъ ихъ благословляетъ, и они должны любить другъ друга, жить вмѣстѣ дружно, согласно и не расходиться; а если не станетъ между ними любви и согласія, то лучше имъ разойтись: это, однако, не хорошо; но не то не хорошо, что они расходятся,

а то, что между ними любви не стало. Бракъ у молоканъ безъ всякихъ обрядовъ: молодой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе дѣвицѣ, получаетъ ея согласіе, тогда испрашиваетъ благословеніе родителей; сходятся, по условію, въ домѣ жениховыхъ или невѣстиныхъ родителей; приглашаются свидѣтели, новобрачные получаютъ взаимное благословеніе отъ родителей жениха и невѣсты, и бракъ совершенъ. Свадебныхъ церемоній нѣтъ вовсе.

Охота отыскивать вездѣ иносказательный смыслъ у молоканъ не ограничивается однимъ кругомъ обрядовъ. Она переходитъ и на историческую часть священнаго писанія. Такимъ образомъ, для молокана все равно: дѣйствительно ли Христосъ родился отъ Дѣвы, творилъ чудеса, страдалъ и воскресъ изъ мертвыхъ— или все это назидательный вымыселъ; слѣдствіе для нашего нравственнаго преуспѣянія, по ихъ толкованіямъ, одно и то же; ибо цѣль христіанскаго ученія есть человѣческое совершенство, достигаемое въ любви къ Богу и къ ближнему. Христіанство, во всякомъ случаѣ, есть высшее божественное откровеніе, но какимъ бы путемъ оно не явилось въ человѣкѣ— все едино; былъ ли Христосъ на землѣ въ самомъ дѣлѣ, или, по Божіему промыслу, книга Евангеліе была написана для назиданія—и въ томъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ равнымъ образомъ можетъ пользоваться сею для своего спасенія; слѣдовательно, если бы кто нибудь сомнѣвался въ исторической дѣйствительности всего, что представляется въ Евангеліи происходившимъ, и понималъ бы все иносказательно, тотъ еще не грѣшитъ противъ духа христіанства. Но собственно молокане не отвергаютъ исторической части священнаго писанія; они только хотятъ объяснить, что поставляютъ сущность не въ буквѣ, а въ смыслѣ; они, однако, допускаютъ, что все написанное въ Евангеліи дѣйствительно случилось, но такъ случилось, что всему приданъ свыше внутренній, нравственный смыслъ. Священное писаніе для насъ источникъ нравственнаго совершенства; послѣднее достигается тогда, когда человѣкъ усвоиваетъ божественное ученіе, заключающееся въ священномъ

писаніи, и соображаетъ съ нимъ свои поступки въ теченіе своей жизни, а не тогда, когда вѣруетъ въ то, что описывается случившимся. Дѣйствительно ли такъ случилось—это, по ихъ понятію, вопросъ историческій, а не религіозный. Все равно, научается ли человѣкъ изъ разсказа историческаго, или изъ вымышленной повѣсти. Вѣдь въ самомъ Евангеліи есть притчи и онѣ выдаются за притчи или вымыселъ, а не за дѣйствительно происходившія событія. Слѣдовательно, воля божія можетъ и въ формѣ притчи или вымысла учить насъ пути къ спасенію, а поэтому и нѣтъ необходимости, что разсказываемое въ Евангеліи точно такъ происходило, какъ разсказывается; довольно, если въ немъ сохранена будетъ внутренняя правда, а затѣмъ еслибъ оно все было притчею, то ничего оттого не теряетъ. Точно также еслибы событія, описываемыя въ Евангеліи, хотя и происходили на самомъ дѣлѣ, но не совсѣмъ такъ, какъ мы читаемъ, и по давности времени дошли до насъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Евангеліе отъ этого не теряетъ своего духовнаго смысла. Такого рода толкованія не имѣютъ границъ и молоканинъ подвергаетъ имъ по своему произволу все—и обрядъ, и исторію, и догматъ. Но оттого-то и наступаетъ для его толкованій поворотъ. Давши черезчуръ широкій размѣръ иносказанію, распространяя его на такія стороны, которыя, очевидно, по здравомъ обсужденіи, должны быть изъяты отъ пониманія въ смыслѣ иносказательномъ, молокане, тѣмъ самымъ, теряютъ различіе между тѣмъ, что можно, и чего нельзя допустить, въ качествѣ буквы внутренняго смысла; и потому они не могутъ сдѣлаться такими фанатическими врагами извѣстной обрядности, какъ протестанты Запада; обрядность у нихъ то же, что буква. Является неизбѣжно вопросъ: слѣдуетъ ли допускать какую нибудь букву для выраженія духовнаго или нѣтъ? Отвергать всякую букву невозможно; если допустить букву св. Писанія и искать въ ней внутренняго смысла, то почему же не допустить и обрядовъ, коль скоро они служатъ буквою признаваемаго смысла?—Такъ обыкновенно и оправдываютъ свое возвращеніе къ православію

нѣкоторые, обратившіеся изъ молоканства. Такъ обращенный въ православіе бывшій молоканскій учитель говорилъ о своихъ прежнихъ единовѣрцахъ: судятъ они о крещеніи вѣрно и смыслъ даютъ правильный, да отвергать его не слѣдуетъ; совершенно справедливо, что христіанину не достаточно называться христіаниномъ, а необходимо проникнуться ученіемъ христовымъ и поступать по его заповѣдямъ; да развѣ изъ этого слѣдуетъ, что не нужно видимаго обряда воднаго крещенія? Вы вооружаетесь противъ буквы, возражаетъ онъ имъ; но развѣ вы можете обойтись безъ буквы? Вы же молитесь и читаете св. Писаніе? Развѣ это не буква? Человѣкъ не можетъ обойтись безъ тѣлеснаго выраженія: онъ на то самъ съ тѣломъ; вотъ еслибъ онъ былъ безплотный, тогда для него не нужно было бы ни буквы, ни обряда.—Притомъ же молокане не такъ, какъ западные протестанты, думаютъ о соборахъ, преданіяхъ и ученіи св. отцовъ. Они не отвергаютъ ихъ вовсе, не полагаютъ такихъ границъ между Новымъ Завѣтомъ и ученіемъ послѣдующихъ вѣковъ, какія видятъ протестанты. Они и въ явленіяхъ послѣдняго рода, точно какъ въ св. Писаніи, ищутъ духовнаго смысла, внутренняго значенія. Если вы прочитаете молоканамъ житіе святыхъ, они не будутъ подвергать ихъ критикѣ и доискиваться отрицанія ихъ историчности, какъ дѣлаютъ, напримѣръ, лютеране; для нихъ эта историчность дѣло постороннее и не есть предметъ религіи: если, по ихъ мнѣнію, окажется, что все читаемое имъ житіе заключаетъ въ себѣ вымыслъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они найдутъ въ немъ что нибудь и такое, что, по ихъ же мнѣнію, содержитъ въ себѣ нравственный смыслъ, то скажутъ, что это житіе достойно уваженія. Они не отвергаютъ почитанія Божіей Матери и святыхъ, но возстаютъ противъ обрядоваго поклоненія имъ.

Я слышалъ, какъ остроумно молоканинъ укорялъ по этому поводу нѣмцевъ протестантовъ,—«Не вѣруетъ, говоритъ онъ, чудесамъ святыхъ, а христовымъ и апостольскимъ вѣруетъ! Развѣ послѣ Христа и апостоловъ не существуетъ та же божія

сила, что при нихъ была? Да не Христосъ ли сказалъ, что тотъ, кто вѣруетъ въ него, сотворитъ и больше его? Вотъ это и относится къ святымъ Его». — «А вы вѣрите?» спросили его. — «Мы всему вѣруемъ духовно», отвѣчалъ онъ.

Съ такими взглядами на дѣло вѣры, понятно, что молокане не сходились и не могли сойтись съ протестантами. Были случаи, когда видимое сходство побуждало молоканъ отправиться къ пасторамъ, живущимъ въ поволжскихъ колоніяхъ, но пасторы, испытавши ихъ, сознавались, что между ихъ сектою и западнымъ протестантизмомъ мало общаго: западное протестанство—плодъ просвѣщенія, а молоканство—плодъ невѣжественнаго умничанья. Такъ говорили нѣмецкіе пастыри. Ихъ соблазняло то, что молокане въ нѣкоторыхъ взглядахъ шагнули далѣе протестантовъ, въ другихъ они стоятъ ближе и примирительнѣе къ древнему церковному авторитету. Одинъ молоканинъ отправился было къ гернгутерамъ въ Сарепту, сталъ излагать тамошнему пастору свое ученіе, спрашивалъ: «Не похоже ли оно на гернгутерское?» — Ты мужикъ», отвѣчалъ ему благоразумный пасторъ. «Не твое дѣло разсуждать о вѣрѣ; въ какой вѣрѣ ты родился, той и держись; какъ тебѣ царь приказываетъ вѣрить, такъ и вѣрь». Сохраняя всю важность иносказательнаго толкованія всего священнаго писанія, нѣкоторые молокане стали было задумываться надъ таинствомъ причащенія. Какъ ни старались они давать аллегорическое значеніе плоти и крови Христа Спасителя, разсказъ о Тайной Вечери, сопровождаемый прямыми простыми словами Спасителя, сталъ противъ нихъ укоромъ. Возникъ въ самомъ молоканствѣ толкъ, допускавшій видимое образное воспоминаніе Тайной Вечери въ день, посвященный смерти Спасителя Христа. Стали сходиться въ избу; одинъ изъ молоканъ приносилъ за пазухой штофъ краснаго вина и хлѣбъ, ставили штофъ и клали хлѣбъ на столъ, читали Евангеліе, послѣ того ѣли хлѣбъ и пили вино, всѣ вмѣстѣ, одинъ за другимъ и, въ заключеніе, цѣловались между собою въ знакъ любви. Но этотъ обычай, очевидно возникшій въ подражаніе древнимъ христіанскимъ вечерямъ

юбви, отнюдь не вошелъ въ повсемѣстное употребленіе; напротивъ, большинство молоканъ возстали противъ него съ жаромъ, называли его идолопоклонствомъ, извращеніемъ истинной вѣры. Молокане не возстаютъ противъ поста, напротивъ, воздержаніе отъ пищи и питья считается дѣломъ очень полезнымъ для воздержанія страстей. Но они не хотятъ признавать для поста ни опредѣленныхъ временъ въ году, ни перебора такой или иной пищи. Каждому нужно необходимо поститься, но тогда, когда къ этому есть побужденіе и нужда, и постъ долженъ состоять въ совершенномъ неѣденіи по нѣскольку дней, или же такомъ маломъ ѣденіи, чтобы человѣкъ не умеръ съ голоду. Такъ полезно проводить нѣсколько дней, но отнюдь не слѣдуетъ хвастать этимъ,—сообразно евангельской заповѣди—поститься втайнѣ, умывъ лицо и помазавъ голову передъ людьми. Богу пріятенъ только такой постъ. Сверхъ того, полезно и нравственно всегда хранить воздержаніе. Молокане избѣгаютъ свинины и говорятъ, что Моисей справедливо не велѣлъ ѣсть этого мяса, будто бы возбуждающаго пожеланія и вообще нездороваго. Избѣгаютъ они также луку и чесноку и называютъ ихъ плодами содомскихъ виноградовъ, отъ которыхъ Моисей во Второзаконіи запрещаетъ вкушать. Но болѣе всего молокане избѣгаютъ вина. Всякое питье вина считается у нихъ предосудительнымъ, потому что вино отягчаетъ разсудокъ и приводитъ человѣка въ неестественное состояніе. Куреніе табаку хотя и не преслѣдуется какъ у старовѣровъ, но не одобряется, на томъ основаніи, что табакъ производитъ одуреніе. Молокане не одобряютъ всякой роскоши и изысканности въ пищѣ и одеждѣ и вообще въ образѣ жизни. Они, насчетъ этого, составили себѣ такое понятіе: если мы будемъ жить очень роскошно и употреблять на себя большія богатства, то тѣмъ самымъ будемъ способствовать распространенію нищеты между своими ближними. Все лишнее, что мы позволяемъ себѣ, отнимаетъ у другихъ нашихъ братій необходимое. Страсть къ роскоши дѣлаетъ насъ нечувствительными къ нуждамъ другихъ. Кому составляютъ необходимость вкусныя и дорогія ку-

шанья, рѣдкія вина, богатыя одежды и украшенія, кому много нужно, тотъ, естественно, не поможетъ ближнему въ нуждѣ и отговариваясь тѣмъ, что не имѣетъ на то средствъ; въ самомъ же дѣлѣ, еслибы онъ отсталъ отъ роскошныхъ привычекъ и не признавалъ необходимымъ для себя того, что для него излишне, то увидалъ бы, что средствъ у него слишкомъ достаточно для того, чтобы своихъ ближнихъ избавить отъ крайнихъ лишеній. Пока люди жили просто, довольствовались немногимъ, не гонялись за модою, не говорили, что безъ того и безъ другаго имъ обойтись невозможно, до тѣхъ поръ и нищеты не было. Хорошо, говорятъ они, быть богатымъ, но пусть богатство идетъ на общую пользу нашихъ братій, а не на прихоти богача; пусть богачъ въ томъ себѣ поставитъ величайшее удовольствіе и благополучіе, что можетъ быть полезенъ болѣе другихъ своему обществу, а для этого нужно, чтобы богачъ велъ простую жизнь и не пристращался къ роскоши. Молокане порицаютъ карточную игру, и вообще всякую игру, имѣющую цѣлью пріобрѣтеніе. Они говорятъ: и время понапрасну теряется, и человѣкъ къ алчности привыкаетъ, и вражда появляется между людьми: одинъ у другаго норовитъ отнять чужое въ свою пользу. Нѣтъ ничего вреднѣе игры; что пьянство, что игра—путь ко всѣмъ порокамъ и къ противности евангельскому житію; а потому надобно равнымъ образомъ и того и другого избѣгать. Самыя забавы молодости—пѣсни, пляски, хороводы—если не запрещаются, то избѣгаются ревностными молоканами и считаются празднымъ препровожденіемъ времени: время безъ того гораздо лучше употребить на плодотворныя и душеспасительныя занятія. Такимъ образомъ, въ воскресный день, можно видѣть молоканскую молодежъ, распѣвающую псалмы вмѣсто пѣсенъ. Трудъ, по ихъ понятіямъ, нуженъ человѣку, какъ хлѣбъ и воздухъ; онъ не только даетъ средства къ жизни, но предотвращаетъ отъ развращенія и пороковъ, поэтому на трудъ молокане смотрятъ какъ на релегіозную обязанность.

Иносказательный взглядъ на дѣло вѣры переносится моло-

канами и на гражданскія отношенія. Такимъ образомъ они составили себѣ особое воззрѣніе на власти и законъ. Какъ въ дѣлѣ религіи, не обрядность, не форма составляютъ сущность, а духовный внутренній смыслъ, такъ и во всякомъ гражданскомъ механизмѣ—во власти, въ законодательствѣ, въ управленіи, духовный христіанинъ ищетъ того же внутренняго духовнаго значенія и впадаетъ въ противорѣчіе съ формальностью. Нельзя, по его толкованію, быть христіаниномъ, соблюдая одни внѣшніе обряды; нельзя быть хорошимъ гражданиномъ, соблюдая только форму закона. Любимое выраженіе цѣлой секты: буква мертвитъ, духъ животворитъ—примѣняется у ней и къ гражданскому механизму. Не тотъ хорошій гражданинъ, который не крадетъ потому, что боится кары, постановленной за воровство, а тотъ, въ комъ такъ сильна любовь къ ближнему, что онъ не станетъ похищать чужой собственности и тогда, когда бы даже законъ это предписывалъ. Есть законъ высшій, единый истинный законъ, которому слѣдуетъ повиноваться, законъ, написанный Богомъ на плотяной скрижали нашего сердца. Этотъ законъ познается и усвоивается черезъ постоянное размышленіе и черезъ неуклонное исполненіе дѣлъ любви, указываемыхъ божественнымъ откровеніемъ. Вотъ этимъ-то внутреннимъ закономъ надлежитъ руководствоваться, а не буквою. Законъ буквальный не достигаетъ своей цѣли. Развѣ сами суды по человѣческой склонности къ заблужденіямъ, не оправдываютъ виновнаго, не обвиняютъ невиннаго, не опредѣляютъ наказанія выше мѣры? И развѣ судьи не рѣшаютъ дѣлъ пристрастно и продажно? Да и самые справедливые, самые безкорыстные и неподкупные судьи часто не въ силахъ составить вполнѣ справедливаго приговора надъ виновнымъ, ибо недостаточно одного поступка: нужно еще цѣнить побужденіе, а побужденія наши знаетъ вполнѣ одинъ Богъ; нетолько чужіе—мы сами иногда не въ состояніи ихъ оцѣнить. Самый человѣческій законъ подверженъ временному измѣненію: что въ одно время и подъ однимъ правительствомъ почитается преступленіемъ, то въ другое время, подъ другимъ правитель-

ствомъ, признается добродѣтелью. «Часто у насъ, говорятъ молокане, законъ предписываетъ то, что противно добродѣтели, и запрещаетъ то, чего требуетъ любовь къ ближнему, и во многихъ случаяхъ мѣшаетъ дѣлать своимъ ближнимъ добро». Съ такимъ взглядомъ, естественно, молокане впадаютъ въ противорѣчія съ требованіями существующихъ законныхъ постановленій и общественныхъ условій порядка. Отъ исканія подъ буквой закона внутренняго смысла, отъ предпочтенія истинной добродѣтели условнымъ правиламъ, молокане доходятъ до пренебреженія къ положительному закону: власть, какъ источникъ закона и понужденіе къ исполненію его, въ умѣ молоканъ подвергается сомнѣніямъ и толкованіямъ. Часто говорятъ, будто молокане вовсе отвергаютъ власть: это сдѣлалось всеобщимъ мнѣніемъ о нихъ. Молокане объ этомъ предметѣ говорятъ такъ: мы не отвергаемъ власти, мы считаемъ, что слѣдуетъ ей повиноваться, исполняя изрѣченіе св. писанія, повелѣвающаго устами апостола Павла покоряться придержащимъ властямъ. Какъ же можемъ мы дойдти до такого безумія, когда передъ нашими глазами прямая, несомнѣнная заповѣдь апостольская? Надобно, говорятъ они, признавать власти, какія бы онѣ ни были, какъ скоро онѣ существуютъ; но мы думаемъ, что нельзя и не слѣдуетъ признавать превосходнымъ все то, что исходитъ изъ власти, если собственный нашъ разсудокъ не убѣждаетъ насъ въ превосходствѣ этого. Равнымъ образомъ нельзя и не должно исполнять повелѣваемое властью, если то, чего власть требуетъ, противно нравственнымъ требованіямъ совѣсти и правды. Такъ они указываютъ на примѣръ первыхъ христіанъ, которыхъ римскіе императоры принуждали покланяться идоламъ. Императоры были облечены законною властію, однако, христіане не исполняли ихъ повелѣній, когда эти повелѣнія были противъ ихъ убѣжденія. Такъ же точно и три отрока, брошенные въ пещь халдейскую, не послушались повелѣнія царева, противнаго ихъ собственному закону. Христосъ, хотя и повелѣваетъ воздавать кесарево кесареви, но не иначе, какъ воздавая божіе Богови; поэтому ясно, что если

самъ кесарь потребуетъ чего нибудь такого, что воспрещаетъ собственный законъ и наша совѣсть, которая, по ученію св. писанія, есть истинный божественный законъ, написанный на плотяныхъ скрижаляхъ нашего сердца, то не слѣдуетъ, ради кесарева повелѣнія, нарушать волю божію, иначе это будетъ порицаемое Богомъ человѣкоугодничество.

Признавая необходимость власти, молокане считаютъ возстаніе противъ всякихъ властей, хотя бы и несправедливыхъ, дѣломъ неправеднымъ и проповѣдуютъ глухое терпѣніе и упорство. Возстаніе и открытое сопротивленіе ведетъ за собою зло нашимъ ближнимъ, а нужно избѣгать всего, что можетъ произвести зло. Слѣдуетъ покоряться, говорятъ они, монархической власти. Но они не уважаютъ всякіе видимые знаки ея святости, ни за что не признаютъ монарха божіимъ помазанникомъ, да и противъ самой монархической институціи указываютъ на исторію Саула. Богъ устами Самуила самъ отклонялъ израильтянъ отъ избранія себѣ царя, и пророкъ указывалъ народу на тѣ стѣсненія и несправедливости, которыя онъ терпѣть будетъ, когда станутъ управлять имъ цари. Но тѣмъ не менѣе когда уже царская власть признана народомъ, слѣдуетъ ее признавать, и сопротивляться ей, исключая случаевъ вѣры, противно божественному закону и долгу совѣсти. Надобно терпѣть. Христосъ не велитъ противиться.

Молокане отвергаютъ всякое различіе сословій; по ихъ ученію, всѣ люди равны между собою, всѣ братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ; равнымъ образомъ, всякіе внѣшніе знаки отличій, титулы, чины, по ихъ мнѣнію, суета и противны евангельскому ученію. Война есть дѣло самое богопротивное: войска не должно быть, и потому кто убѣжитъ изъ войска, того не должно преслѣдовать: онъ дѣлаетъ хорошо, избѣжавъ грѣха. При этомъ, они ссылаются на одно мѣсто притчъ Соломоновыхъ, превратно понимаемое: «На немъ же аще мѣстѣ воя соберутъ, не иди тамо, уклонися же отъ нихъ и измѣни» (Притчъ гл. 4). Мѣсто это, по смыслу предъидущаго въ притчахъ Соломоновыхъ, относится исключительно къ *нече-*

стивымъ (на пути нечестивыхъ не иди, ст. 14), но сектанты, уже чисто по невѣжеству, примѣняютъ его вообще ко всякому войску. Укрываніе дезертира есть, по молоканскому понятію, дѣло хорошее. Да не только дезертиръ, и всякій, убѣгающій отъ преслѣдованія законныхъ властей, находитъ у молоканъ пріютъ. Мы не знаемъ, говорятъ они, виноваты или правы бѣглецы; законъ часто бываетъ несправедливъ и судьи судятъ ошибочно, а власти преданы суетѣ, требуютъ часто противнаго божественному закону; отъ этого преслѣдуемый можетъ быть невиненъ и праведенъ: мы не судьи, разбирать не наше дѣло; кто у насъ ищетъ спасенія, мы тому и помогаемъ, помня слова св. писанія: малаго и стараго между стѣнами твоими укрой. Да еслибы онъ былъ и дѣйствительно виновенъ, еслибы онъ былъ злодѣй—развѣ, убѣгая отъ наказанія, онъ не можетъ покаяться, а покаяніе развѣ не изглаживаетъ преступленія? Самъ Господь прощаетъ кающихся; мы ли будемъ жестоки и станемъ ихъ преслѣдовать? На этомъ основаніи, пристанодержательство — обыкновенное преступленіе въ молоканскомъ обществѣ. Есть еще другое преступленіе, которое считаютъ распространеннымъ между молоканами—это дѣланіе фальшивой монеты. По нѣкоторымъ уголовнымъ дѣламъ видно, что изъ этой секты бывали обвиненные въ этомъ преступленіи. Въ Самарской губерніи село Тяглое-Озеро, населенное въ значительной степени молоканами, было когда-то гнѣздомъ фальшивыхъ монетчиковъ. Но сколько я ни разспрашивалъ объ этомъ предметѣ у моихъ знакомыхъ молоканъ, они не подали никакого повода заключить, чтобъ въ ученіи молоканскомъ было что нибудь такое, чтобы оправдывало подобное преступленіе. Они увѣряли, что если изъ ихъ единовѣрцевъ были негодяи, которые пускались на такое дурное дѣло, то это дѣлалось вовсе не вслѣдствіе ихъ религіи: въ доказательство этому они указываютъ на то обстоятельство, что въ уголовныхъ дѣлахъ такого рода и, между прочимъ, въ сложномъ тяглоозерскомъ дѣлѣ, преступниками оказывались не одни молокане, но и православные и послѣдователи старообрядчества и всякихъ сектъ.

О происхожденіи своего ученія я слышалъ отъ молоканъ слѣдующее: вѣра наша (говорили мнѣ) пошла на Руси отъ Матвѣя Семеновича; онъ жилъ давно, назадъ тому лѣтъ триста, при царѣ Иванѣ Грозномъ, и былъ замученъ: его живаго сожгли. Отъ многихъ гоненій вѣра наша, послѣ того, умалилась и ослабѣла, а тому назадъ лѣтъ пятьдесятъ или поболѣе подкрѣпилъ ее и подновилъ Семенъ Уклеинъ. Впрочемъ, прибавляютъ они, съ тѣхъ поръ, какъ христіанство стоитъ на землѣ, всѣ истинные поклонники Божества такъ вѣрили и до конца міра будутъ вѣрить, какъ мы. Упоминаемый ими Матвѣй Семеновичъ долженъ быть, повидимому, не иной кто, какъ Башкинъ, осужденный въ 1555 году въ Москвѣ. (Объ немъ мы уже говорили: «Великорусскія религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ». Ист. Моногр., т. I).

КОНЕЦЪ ДВѢНАДЦАТАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

